ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ
ИСТОРІИ · ПОЛИТИКИ
ЛИТЕРАТУРЫ.

22311
49 г.

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ.—КНИГА 5-ая.

МАЙ. 1869.

ПЕТЕРБУРГЪ.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВА.

КНИГА 5-ая. — МАЙ, 1869.

Стр.

I. — ОБРЫВЪ. — Романъ въ пяти частяхъ. — Часть пятая и послѣдняя. — I-XXV. — **И. А. Гончарова** 5

II. — ПОСЛѢДНІЕ ГОДЫ РѢЧИ-ПОСПОЛИТОЙ. — 1787-1795 гг. — V. Виды Россіи; процессъ Понинскаго; его побѣгъ; конституціонная депутація; исканіе финансовыхъ средствъ; просьба городовъ. — VI. Маркизъ Люккезини; первыя основы будущей конституціи. — **Н. И. Костомарова.** 138

III. — ПѢСНЯ О ТРЕХЪ ПОБОИЩАХЪ. — Стих. гр. **А. К. Толстаго.** 154

IV. — ИТАЛІЯ И МАЦЦИНИ. — 1808-1868. — IX-XI. — 163

V. — НЕРОНЪ. — Трагикомедія К. Гуцкова. — Картина третья, четвертая и пятая. — **В. П. Буренина.** 194

VI. — ДУХОВЕНСТВО И ШКОЛЫ ВЪ НАШИХЪ НѢМЕЦКИХЪ КОЛОНІЯХЪ. — III-VI. — **А. А. Клауса** 235

VII. — ДАЧА НА РЕЙНѢ. — Романъ **Б. Ауэрбаха,** въ пяти частяхъ. — Часть вторая. — Книга шестая. — I-VIII. (Переводъ съ рукописи) 275

VIII. — СОВРЕМЕННЫЙ ВОПРОСЪ О ПРАВАХЪ ЖЕНЩИНЫ. — **Андрѐ Лео.** . . .

IX. — ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ДОХОДЫ И РАСХОДЫ ВЪ РОССІИ XVIII-ГО СТОЛѢТІЯ. — I. Царствованіе Петра Великаго. — II. Царствованіе Елисаветы Петровны. — III. Царствованіе Петра III. — **А. Н. Куломзина.** 336

X. — ПРОВИНЦІАЛЬНОЕ ЗЕМСТВО. — Письмо въ Редакцію. — **Б.** 352

XI. — ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Ходатайство земствъ о реальныхъ гимназіяхъ и его судьба. — Туркестанская выставка, и наши пріобрѣтенія въ средней Азіи. — Волненіе въ Оренбургскомъ краѣ. — Второй выпускъ облигацій Николаевской желѣзной дороги. — Отчетъ о желѣзныхъ дорогахъ за 1868 г. — Земскіе выборы. — Статистика земскаго представительства. — Проектъ о новомъ сословіи. — «Всеобщее еврейское общество» и наши евреи. — Сущность еврейскаго вопроса въ Россіи. 370

XII. — ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Пренія французскаго законодательнаго корпуса предъ новыми выборами. — Рѣчи Тьера и Лавалетта. — Оффиціальныя кандидатуры и свобода выборовъ. — Эмиль Оливье и его новая книга: «Девятнатцатое января». — Выборы въ венгерскій сеймъ. — Сближеніе Австріи съ Италіею. — Послѣднія испанскія дѣла 393

XIII. — МАНЕВРЪ ПРОТИВНИКОВЪ НАШЕЙ ШКОЛЬНОЙ РЕФОРМЫ. — **А.** 411

XIV. — СПЕЦІАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ ВЪ РОССІИ. — По поводу «Записокъ объ Училищѣ Правовѣдѣнія.» — **В.** 415

XV. — Т. Н. ГРАНОВСКІЙ, въ біографическомъ очеркѣ Л. Станкевича. — **Сл.** 424

XVI. — ПОЧТОВАЯ ЗАМѢТКА. — Для иногородныхъ подписчиковъ. — 440

XVII. — ЛИТЕРАТУРНЫЯ ИЗВѢСТІЯ. — Апрѣль. — Русская литература: Сборникъ Русскаго Историческаго Общества, т. III. — Духовныя жены, В. Диксона. — Русь и русскіе въ 1812 году. С. М. Любецкаго. — Семейство Тарскихъ. Н. А. Вроцкаго. — **А. С — нъ.** 445

XVIII. — БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ. — Новыя книги.

Объявленіе о русской книжной торговлѣ: А. Ѳ. Базунова.

NB. Редакція имѣетъ честь обратить вниманіе иногородныхъ подписчиковъ на правила подписки, помѣщенныя ею на послѣдней страницѣ обертки, для предупрежденія недоумѣній и сокращенія переписки въ случаѣ жалобы на потерю книжки журнала.

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ. — ТОМЪ III.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

* Калужская земская.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

ГОДЪ XXXIII. — ТОМЪ CXCI. — 1/13 МАЯ 1869.

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ.

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ.

22311
49 г.

ТОМЪ III.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала: на Невскомъ просп., у Казан. моста, № 30.

Экспедиція журнала: на Екатерингофскомъ проспектѣ, № 41.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1869.

ТИПОГРАФІЯ Ф. СУЩИНСКАГО.
УЛИЦА МОГИЛЕВСКАЯ 7.
С.ПЕТЕРБУРГЪ.

ОБРЫВЪ

РОМАНЪ*).

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

I.

На другой день, въ деревенской церкви Малиновки, съ десяти часовъ, начали звонить въ большой колоколъ, къ обѣднѣ. Въ домѣ была суета. Закладывали коляску, старомодную карету. Кучера одѣлись въ синіе, новые кафтаны, намазали головы коровьимъ масломъ и съ утра напились пьяны. Дворовыя женщины и дѣвицы пестрѣли праздничными, разноцвѣтными, ситцевыми платьями, платками, косынками, ленточками. Отъ горничныхъ за десять шаговъ несло гвоздичной помадой. Егорка явился было неслыханнымъ франтомъ, въ подаренномъ ему Райскимъ коротенькомъ пиджакѣ, клѣтчатыхъ зеленыхъ, почти новыхъ, панталонахъ, и въ купленныхъ имъ самимъ — оранжевомъ галстухѣ и голубомъ жилетѣ. Онъ, въ этомъ нарядѣ, нечаянно попался на глаза Татьянѣ Марковнѣ.

— Это что! строго крикнула она на него: — что за чучело, на кого ты похожъ? Долой! Василиса! Выдать имъ всѣмъ ливрейные фраки: и Сережкѣ, и Степкѣ, и Петрушкѣ, и этому шуту! говорила она, указывая на Егора.— Яковъ пусть черный фракъ да бѣлый галстухъ надѣнетъ: чтобъ и за столомъ служили, и вечеромъ оставались въ ливреяхъ.

---

*) См. выше: янв. 5, февр. 497, мар. 5, апр. 523—617 стр.

Весь домъ смотрѣлъ парадно, только Улита, въ это утро глубже, нежели въ другіе дни, опускалась въ свои холодники и подвалы и не успѣла надѣть ничего, что̀ дѣлало бы ее непохожею на вчерашнюю или завтрашнюю Улиту. Да повара почти съ зарей надѣли свои бѣлые колпаки и не покладывали рукъ, готовя завтракъ, обѣдъ, ужинъ—и господамъ, и дворнѣ, и пріѣзжимъ людямъ изъ-за Волги.

Бабушка, отдавъ приказанія съ ранняго утра, въ восемь часовъ сдѣлала свой туалетъ и вышла въ залу, къ гостьѣ и будущей роднѣ своей, въ полномъ блескѣ старческой красоты, съ сдержаннымъ достоинствомъ барыни и съ кроткой улыбкой счастливой матери и радушной хозяйки.

Она надѣла на сѣдые волосы маленькій простой чепчикъ; на ней хорошо сидѣло привезенное ей Райскимъ изъ Петербурга шелковое, свѣтло-коричневое платье. Шея закрывалась шемизеткой, съ широкимъ воротничкомъ изъ стараго пожелтѣвшаго кружева. На креслахъ въ кабинетѣ лежала турецкая большая шаль, готовая облечь ее, когда пріѣдутъ гости къ завтраку и обѣду.

Теперь она собиралась ѣхать всѣмъ домомъ къ обѣднѣ, и въ ожиданіи, когда всѣ домашніе сойдутся, прохаживалась медленно по залѣ, сложивъ руки крестомъ на груди и почти не замѣчая домашней суеты, какъ входили и выходили люди, чистя ковры, приготовляя лампы, отирая зеркала, снимая чехлы съ мебели. Она подходила, то къ одному, то къ другому окну, задумчиво смотрѣла на дорогу, потомъ съ другой стороны въ садъ, съ третьей на дворы. Командовали всей прислугой и распоряжались Василиса и Яковъ, а Савелій управлялся съ дворней.

Мать Викентьева разодѣлась въ платье gris-de perle, съ отдѣлкой изъ темныхъ кружевъ. Викентьевъ прибѣгалъ уже, наряженный съ осьми часовъ во фракъ и бѣлыя перчатки. Ждали только появленія Марѳиньки.

И когда она появилась, радости и гордости Татьяны Марковны не было конца. Она сіяла природной красотой, блескомъ здоровья, а въ это утро еще лучами веселья отъ всеобщаго участія, отъ множества — со всѣхъ сторонъ знаковъ вниманія, не только отъ бабушки, жениха, его матери, но въ каждомъ лицѣ изъ дворни свѣтилось непритворное дружество, ласка къ ней и лучъ радости, по случаю ея праздника.

Бабушка уже успѣла побывать у нея въ комнатѣ, когда она только что встала съ постели. Проснувшись и поглядѣвъ вокругъ себя, Марѳинька ахнула отъ изумленія и внезапной радости. Пока она спала, ей, всѣ стѣны ея двухъ комнатокъ, чьи-то руки обвѣшали гирляндами изъ зелени и цвѣтовъ. Она хотѣла надѣть свою про-

стенькую блузу, а на мѣсто ея, на креслѣ, подлѣ кровати, нашла утреннее неглиже изъ кисеи и кружевъ, съ розовыми лентами.

Не успѣла она ахнуть, какъ на двухъ другихъ креслахъ увидѣла два прелестныя платья—розовое и голубое, на выборъ, которое надѣть.

— Ахъ! сдѣлала она и, вскочивъ съ постели, надѣла новую блузу, не надѣвъ чулокъ—некогда было—подошла къ зеркалу и остолбенѣла: весь туалетъ былъ уставленъ подарками. Она незнала, на что̀ глядѣть, что̀ взять въ руки. Бросится къ платью, а тамъ тянетъ къ себѣ великолѣпный ящикъ розоваго дерева: она открыла его,—тамъ былъ полный дамскій нессесеръ, почти весь туалетъ, хрустальные, оправленные въ серебро флаконы, гребенки, щетки и множество мелочей.

Она стала было разсматривать всѣ вещи, но у ней дрожали руки: она схватитъ одинъ флаконъ, увидитъ другой, положитъ тотъ, возьметъ третій, увидитъ гребенку, щетки въ серебряной оправѣ: — и все съ ея вензелемъ *М.* «Отъ будущей maman», написано было на бумажкѣ, наклеенной на ящикѣ. «Ахъ»! сдѣлала она, растерявшись и захлопывая крышку. Подлѣ ящика лежало еще нѣсколько футляровъ, футлярчиковъ. Она не знала, за который взяться, что̀ смотрѣть. Взглянувъ мелькомъ въ зеркало и откинувъ небрежно назадъ густую косу, падавшую ей на глаза и мѣшавшую разсматривать подарки, она кончила тѣмъ, что забрала всѣ футляры съ туалета и сѣла съ ними въ постель. Она боялась открывать ихъ, медлила, наконецъ открыла самый маленькій. Тамъ—перстень съ однимъ только изумрудомъ. «Ахъ»! сдѣлала она, и надѣвъ перстень, вытянула руку и любовалась имъ издали. Открыла другой футляръ побольше — тамъ серьги: она вдѣла ихъ въ уши и, сидя въ постели, тянулась взглянуть на себя въ зеркало. Потомъ открыла еще два футляра и нашла большія массивныя браслеты, въ видѣ змѣи кольцомъ, съ рубиновыми глазами, усѣянной по мѣстамъ сверкающими алмазами, и сейчасъ же надѣла ихъ. Наконецъ открыла самый большой футляръ. «Ахъ»! почти съ ужасомъ, замирая, сдѣлала она, увидя цѣлую рѣку—двадцать одинъ брильянтъ, по числу ея лѣтъ. Тамъ бумажка съ словами: «Къ этому ко всему», читала она: имѣю честь присовокупить самый драгоцѣнный подарокъ: лучшаго моего друга—самого себя. Берегите его. Вашъ ненаглядный Викентьевъ».

Она засмѣялась, потомъ поглядѣла кругомъ, поцѣловала записку, покраснѣла до ушей, и спрыгнувъ съ постели, спрятала ее въ свой шкапчикъ, гдѣ у нея хранились лакомства. И опять подбѣжала къ туалету посмотрѣть, нѣтъ ли чего-нибудь еще, и нашла еще футлярчикъ. Это былъ подарокъ Райскаго: часы, съ

эмалевой доской, съ ея шифромъ, съ цѣпочкой. Она взглянула на нихъ большими глазами, потомъ окинула взглядомъ прочіе подарки, поглядѣла по стѣнамъ, увѣшаннымъ гирляндами и цвѣтами — и вдругъ опустилась на стулъ, закрыла глаза руками и залилась цѣлымъ дождемъ горячихъ слезъ.

— Господи! всхлипывая отъ счастья, говорила она: за что они меня такъ любятъ всѣ? Я никому ничего хорошаго не сдѣлала и не сдѣлаю никогда!...

Такъ застала ее бабушка, неодѣтую, необутую, съ перстнями на пальцахъ, въ браслетахъ, въ брильянтовыхъ серьгахъ и обильныхъ слезахъ. Она сначала испугалась, потомъ узнавъ причину слезъ, обрадовалась и осыпала ее поцѣлуями.

— Это Богъ тебя любитъ, дитя мое, говорила она, лаская ее: за то, что ты сама всѣхъ любишь, и всѣмъ, кто поглядитъ на тебя, становится тепло и хорошо на свѣтѣ!...

— Ну, пусть бы Николай Андреичъ: онъ женихъ, пусть mamаn его, отвѣчала Марѳинька, утирая слезы: а братъ Борисъ Павловичъ: что́ я ему...

— Тоже, что всѣмъ! одна радость глядѣть на тебя: скромна, чиста, добра, бабушкѣ послушна... («Мотъ! изъ чего тратитъ на дорогіе подарки: вотъ я ужо́ ему дамъ!» въ скобкахъ вставила она.) Онъ уродъ, твой братецъ, только какой-то особенный уродъ!

— Точно угадалъ, бабушка: мнѣ давно хотѣлось синенькіе часики—вотъ этакіе, съ эмалью!...

— А чтожъ ты не спросишь бабушку, отчего она ничего не подарила?

Марѳинька зажала ей ротъ поцѣлуемъ.

— Бабушка, любите меня всегда, коли хотите, чтобъ я была счастлива....

— Любовь—любовью, а вотъ тебѣ мой всегдашній подарокъ! говорила она, крестя ее. — А вотъ и еще, чтобъ ты этого моего креста и послѣ меня не забывала...

Она полѣзла въ карманъ.

— Бабушка! Да вѣдь вы мнѣ два платья подарили!... А кто это зелени и цвѣтовъ повѣсилъ?

— Все твой женихъ, съ Полиной Карповной, вчера прислали... отъ тебя таили.... Сегодня Василиса съ Пашуткой и убрали на зарѣ.... А платья — твое приданое: будетъ и еще не два. Вотъ тебѣ....

Она вынула футлярчикъ, достала оттуда золотой крестъ, съ четырьмя крупными брильянтами, и надѣла ей на шею, потомъ простой гладкій браслетъ съ надписью: «отъ бабушки внучкѣ»,

годъ и число. Марѳинька припала къ рукѣ бабушки и чуть было не расплакалась опять.

— Все, что́ у бабушки есть—а у ней кое-что есть—все по ровну раздѣлю вамъ съ Вѣрочкой! Одѣвайся же скорѣй!

— Какая вы нынче красавица, бабушка! Братецъ правду говоритъ: Титъ Никонычъ непремѣнно влюбится въ васъ...

— Полно тебѣ, болтунья! полусердито сказала бабушка. — Поди къ Вѣрочкѣ и узнай, что́ она? Чтобы къ обѣдни не опоздала съ нами. Я бы сама зашла къ ней, да боюсь подниматься на лѣстницу....

— Я сейчасъ, сейчасъ... сказала Марѳинька, торопясь одѣваться.

II.

Вѣра, черезъ полчаса послѣ своего обморока, очнулась и поглядѣла вокругъ. Ей освѣжилъ лицо холодный воздухъ изъ отвореннаго окна. Она привстала, озираясь кругомъ, потомъ поднялась, заперла окно, дошла, шатаясь, до постели, и скорѣе упала, нежели легла на нее, и оставалась неподвижною, покрывшись брошеннымъ туда ею наканунѣ большимъ платкомъ. Обезсиленная, она впала въ тяжкій сонъ. Истомленный организмъ онѣмѣлъ на время, помимо ея сознанія и воли. Коса у ней упала съ головы и разсыпалась по подушкѣ. Она была блѣдна, и спала, какъ мертвая.

Часа черезъ три, шумъ на дворѣ, людскіе голоса, стукъ колесъ и благовѣстъ вывели ее изъ летаргіи. Она открыла глаза, посмотрѣла кругомъ, послушала шумъ, пришла на минуту въ сознаніе, потомъ вдругъ опять закрыла глаза и предалась снова, или сну, или мукѣ.

Въ это время кто-то легонько постучался къ ней въ комнату. Она не двигалась. Потомъ сильнѣе постучались. Она услыхала и встала вдругъ съ постели, взглянула въ зеркало и испугалась самой себя. Она быстро обвила косу около руки, свернула ее въ кольцо, закрѣпила кое-какъ черной большой булавкой на головѣ, и накинула на плечи платокъ. Мимоходомъ подняла съ полу назначенный для Марѳиньки букетъ и положила на столъ. Стукъ повторился, вмѣстѣ съ легкимъ царапаньемъ у двери.

— Сейчасъ! сказала она и отворила дверь.

Влетѣла Марѳинька, сіяя, какъ радуга, и красотой, и нарядомъ, и весельемъ. Она взглянула на Вѣру и вдругъ остановилась.

— Что̀ съ тобой, Вѣрочка? спросила она:—ты не здорова!... Веселье слетѣло съ лица у ней, уступивъ мѣсто испугу.

— Да, не совсѣмъ... слабо отвѣчала Вѣра: ну, поздравляю тебя....

Онѣ поцѣловались.

— Какая ты хорошенькая, нарядная! говорила Вѣра, стараясь улыбнуться. Но улыбка не являлась. Губами она сдѣлала движеніе, а глаза не улыбались. Привѣтствію противорѣчилъ почти неподвижный взглядъ, безъ лучей, какъ у мертвой, которой не успѣли закрыть глазъ.

Вѣра, чувствуя, что не одолѣетъ себя, поспѣшила взять букетъ и подала ей.

— Какой роскошный букетъ! сказала Марѳинька, тая отъ восторга и нюхая цвѣты.

— А что же это такое? вдругъ прибавила она, чувствуя подъ букетомъ въ рукѣ что-то твердое. Это былъ изящный porte-bouquet, убранный жемчугомъ, съ ея шифромъ.

— Ахъ, Вѣрочка, и ты, и ты!.... Что это, какъ вы всѣ меня любите!... говорила она, собираясь опять заплакать:—и я вѣдь васъ всѣхъ люблю.... какъ люблю, Господи!... Да какъ же и когда вы узнаете это: я не умѣю даже сказать...

Вѣра почти умилилась внутренно, но не смогла ничего отвѣтить ей, а только тяжело перевела духъ и положила ей руку на плечо.

— Я сяду, сказала она:—я дурно спала ночь....

— Бабушка зоветъ къ обѣдни....

— Не могу, душечка, скажи что я не такъ здорова... и не выйду сегодня....

— Какъ, ты совсѣмъ не придешь туда? въ страхѣ спросила Марѳинька.

— Да, я полежу, я вчера простудилась должно быть: только ты скажи бабушкѣ слегка....

— Мы къ тебѣ придемъ....

— Боже сохрани! Вы помѣшаете мнѣ отдохнуть...

— Ну, такъ пришлемъ тебѣ сюда всего... Сколько мнѣ подарковъ... цвѣтовъ... конфектъ прислали!... Я покажу тебѣ...

Марѳинька разсказала все, что̀ и отъ кого получила.

— Да, да—хорошо... это очень мило! покажи... Я послѣ приду, разсѣянно говорила Вѣра, едва слушая ее.

— А это что̀? Еще букетъ! сказала вдругъ Марѳинька, увидя букетъ на полу:—что это онъ на полу валяется?

Она подняла и подала Вѣрѣ букетъ изъ померанцовыхъ цвѣтовъ. Вѣра поблѣднѣла.

— Кому это? чей? — какая прелесть!

— Это... тоже тебѣ... едва выговорила Вѣра.

Она взяла первую ленточку изъ комода, нѣсколько булавокъ, и кое-какъ, едва шевеля пальцами, приколола померанцовые цвѣты на грудь Марѳинькѣ. Потомъ поцаловала ее и сѣла въ изнеможеніи на диванъ.

— Ты въ самомъ дѣлѣ нездорова—посмотри, какая ты блѣдная! замѣтила серьезно Марѳинька: — не сказать ли бабушкѣ? Она за докторомъ пошлетъ... Пошлемъ, душечка, за Иваномъ Богдановичемъ.... Какъ это грустно — въ день моего рожденія! Теперь мнѣ цѣлый день испорченъ!

— Ничего, ничего — пройдетъ: ни слова бабушкѣ, не пугай ее!... А теперь поди, оставь меня... шептала Вѣра: я отдохну...

Марѳинька хотѣла поцѣловать ее и вдругъ увидѣла, что у ней глаза полны слезъ. Она заплакала сама.

— Что ты? тихо спросила Вѣра, отирая украдкой, какъ будто воруя свои слезы изъ глазъ.

— Какъ же не плакать, когда ты плачешь, Вѣрочка? Что съ тобой? другъ мой, сестра! У тебя горе: скажи мнѣ...

— Ничего, не гляди на меня: это нервы... Только скажи бабушкѣ осторожно, а то она встревожится....

— Я скажу, что голова болитъ, а про слезы не упомяну, а то она въ самомъ дѣлѣ на цѣлый день разстроится.

Марѳинька ушла. А Вѣра затворила за ней дверь и легла на диванъ.

III.

Всѣ ушли и уѣхали къ обѣднѣ. Райскій, воротясь на разсвѣтѣ домой, не узнавая самъ себя въ зеркалѣ, чувствуя ознобъ, попросилъ у Марины стаканъ вина, выпилъ и бросился въ постель.

Ему было не легче Вѣры. И онъ, истомленный усталостью, моральной и физической, и долгими муками, отдался сну, какъ будто бросился въ горячкѣ въ объятія здороваго друга, поручая себя его попеченію. И сонъ исполнилъ эту обязанность, унеся его далеко отъ Вѣры, отъ Малиновки, отъ обрыва и отъ вчерашней, разыгравшейся на его глазахъ драмы. Ему снилось все другое, противоположное. Никакихъ «волнъ поэзіи» не видалъ онъ, не била «страсть пѣной» черезъ край, а очутился онъ въ Петербургѣ, дома, одинъ, въ своей брошенной мастерской, и равнодушно глядѣлъ на начатыя и неконченныя работы.

Потомъ приснилось ему, что онъ сидитъ съ пріятелями у Сен-Жоржа и съ аппетитомъ ѣстъ и пьетъ, разсказываетъ и слушаетъ пошлый вздоръ, обыкновенно разсказываемый на холостыхъ обѣдахъ,—что ему отъ этого стало тяжело и скучно, и что во снѣ даже спать захотѣлось. И онъ спалъ здоровымъ, прозаическимъ сномъ, до того охватившимъ его, что когда онъ проснулся отъ трезвона въ церквахъ, то первыя двѣ-три минуты былъ только подъ вліяніемъ животнаго покоя, стѣной ставшаго между имъ и вчерашнимъ днемъ. Онъ забылъ, гдѣ онъ — и можетъ быть даже—кто́ онъ такой. Природа взяла свое и этимъ крѣпкимъ сномъ возстановила равновѣсіе въ силахъ. Никакой боли, пытки не чувствовалъ онъ. Все это—какъ въ воду кануло. Онъ потянулся, даже посвисталъ беззаботно, чувствуя только, что ему отъ чего-то покойно, хорошо, что онъ давно уже не спалъ и не просыпался такъ здорово. Сознаніе еще не воротилось къ нему.

Но слѣдующія двѣ, три минуты вдругъ привели его въ память—о вчерашнемъ. Онъ сѣлъ на постели, какъ будто не самъ, а подняла его посторонняя сила, посидѣлъ минуты двѣ неподвижно, открылъ широко глаза, будто не вѣря чему-то, но когда увѣрился, то всплеснулъ руками надъ головой, упалъ опять на подушку, и вдругъ вскочилъ на ноги, уже съ другимъ лицомъ, какого не было у него даже вчера, въ самую страшную минуту. Другая мука, не вчерашняя, какой-то новый бѣсъ бросился въ него,—и онъ также торопливо, нервно и судорожно, какъ Вѣра наканунѣ, собираясь идти къ обрыву, хваталъ одно за другимъ платья, разбросанныя по стульямъ.

Онъ позвонилъ Егора, и едва съ его помощью кое-какъ одѣлся, надѣвая сюртукъ прежде жилета, забывая галстухъ. Онъ спросилъ, что́ дѣлается дома, и узнавъ, что всѣ уѣхали къ обѣднѣ, кромѣ Вѣры, которая больна, оцѣпенѣлъ, измѣнился въ лицѣ и бросился вонъ изъ комнаты къ старому дому.

Онъ тихо постучался къ Вѣрѣ: никто не отвѣчалъ. Подождавъ минуты двѣ отвѣта, онъ тронулъ дверь: она была не заперта изнутри. Онъ осторожно отворилъ и вошелъ съ ужасомъ на лицѣ, тихимъ шагомъ, какимъ можетъ входить человѣкъ, съ намѣреніемъ совершить убійство. Онъ едва ступалъ на цыпочкахъ, трясясь, блѣдный, боясь ежеминутно упасть отъ душившаго его волненія.

Вѣра лежала на диванѣ, лицомъ къ спинкѣ. Съ подушки падали почти до пола ея волосы, юбка ея сѣраго платья небрежно висѣла, не закрывая ея ногъ, обутыхъ въ туфли. Она не оборачивалась, только будто сдѣлала движеніе, чтобъ оборотиться и посмотрѣть, кто вошелъ, но, повидимому, не могла.

Онъ подошелъ, сталъ на колѣни подлѣ нея и прильнулъ губами къ ея туфлѣ. Она вдругъ обернулась, взглянула на него мелькомъ, лице у ней подернулось горькимъ изумленіемъ.

— Что это, комедія или романъ, Борисъ Павловичъ? глухо сказала она, отворачиваясь съ негодованіемъ и пряча ногу съ туфлей подъ платье, которое, не глядя, торопливо оправила рукой.

— Нѣтъ, Вѣра, — трагедія! едва слышно выговорилъ онъ угасшимъ голосомъ и сѣлъ на стулъ, подлѣ дивана.

Она обернулась на этотъ тонъ его голоса, взглянула на него пристально: глаза у ней открылись широко, съ изумленіемъ. Она увидѣла блѣдное лицо, какого никогда у него не видала, и казалось читала, или угадывала смыслъ этого новаго лица, новаго Райскаго.

Она сбросила съ себя платокъ, встала на ноги и подошла къ нему, забывъ въ эту секунду всю свою бурю: она видѣла на другомъ лицѣ такое же смертельное страданіе, какое жило въ ней самой.

— Братъ, что съ *тобой, ты* несчастливъ! сказала она, положивъ ему руку на плечо—и въ этихъ трехъ словахъ, и въ голосѣ ея—отозвалось, кажется, все, что есть великаго въ сердцѣ женщины: состраданіе, самоотверженіе, любовь.

Онъ, въ умиленіи отъ этой ласки, отъ этого неожиданнаго теплаго *ты*, взглянулъ на нее съ той же изступленной благодарностью, съ какою она взглянула вчера на него, когда онъ, забывая себя, помогалъ ей сойти съ обрыва. Она нечаянно заплатила ему великодушіемъ за великодушіе, какъ и у него вчера вырвался такой же лучъ одного изъ самыхъ свѣтлыхъ свойствъ человѣческой души. Его охватилъ трепетъ смѣшанныхъ чувствъ, и тѣмъ сильнѣе заговорила мука отчаянія за свой поступокъ. Все растопилось у него въ горячихъ слезахъ.

Онъ положилъ лицо въ ея руки и рыдалъ какъ человѣкъ, все утратившій, которому нечего больше терять.

— Что я сдѣлалъ! оскорбилъ тебя, женщину, сестру! вырывались у него вопли среди рыданій.—Это былъ не я, не человѣкъ: звѣрь сдѣлалъ преступленіе. Что это такое было! говорилъ онъ съ ужасомъ, оглядываясь, какъ-будто теперь только пришелъ въ себя.

— Не мучайся и не мучай меня.... шептала она кротко, ласково.—Пощади—я не вынесу: ты видишь, въ какомъ я положеніи.

Онъ старался не глядѣть ей въ глаза. А она опять прилегла на диванъ.

— Какой ударъ нанесъ я тебѣ! шепталъ онъ въ ужасѣ.—Я

даже прощенія не прошу: оно невозможно! ты видишь мою казнь, Вѣра....

— Ударъ твой.... сдѣлалъ мнѣ боль на одну минуту. Потомъ я поняла, что онъ не могъ быть нанесенъ равнодушной рукой, и повѣрила, что ты любишь меня.... Тутъ только представилось мнѣ, что̀ ты вытерпѣлъ въ эти недѣли, вчера.... Успокойся, ты не виноватъ: мы квиты....

— Не оправдывай преступленія, Вѣра: ножъ — все ножъ. Я ударилъ тебя ножомъ....

— Ты разбудилъ меня.... Я будто спала: всѣхъ васъ, тебя, бабушку, сестру, весь домъ — видѣла какъ во снѣ, была зла, суха — забылась!...

— Что̀ мнѣ теперь дѣлать, Вѣра? уѣхать: въ какомъ положеніи я уѣду! Дай мнѣ вытерпѣть казнь здѣсь — и хоть немного примириться съ собой, со всѣмъ, что̀ случилось....

— Полно, братъ: воображеніе рисуетъ тебѣ какое-то преступленіе, вмѣсто ошибки. Вспомни, въ какомъ положеніи ты сдѣлалъ ее, въ какой горячкѣ!... Она замолчала.—У меня ничего нѣтъ, кромѣ дружбы къ тебѣ, сказала потомъ, протягивая ему руку: я не осуждаю тебя — и не могу: я знаю теперь, какъ ошибаются....

Она едва говорила, очевидно дѣлая надъ собой усиліе, чтобы немного успокоить его.

Онъ пожалъ протянутую руку и безотрадно вздохнулъ.

— Ты добра, какъ женщина — и судишь не умомъ, а сердцемъ эту «ошибку»....

— Нѣтъ, братъ: ты строгъ къ себѣ. Другой счелъ бы себя вправѣ, послѣ всѣхъ этихъ глупыхъ шутокъ надъ тобой.... Ты ихъ знаешь: эти записки.... Пусть съ доброй цѣлью — отрезвить тебя, пошутить — въ отвѣтъ на твои шутки. — Все же — злость, смѣхъ! А ты и не шутилъ..... Стало быть, мы, безъ нужды, были только злы и ничего не поняли... Глупо! глупо! Тебѣ было больнѣе, нежели мнѣ вчера....

— Ахъ, нѣтъ! я иногда самъ смѣялся, и надъ собой, и надъ вами, что вы ничего не понимаете и суетитесь. Особенно, когда ты потребовала пальто, одѣяло, деньги для «изгнанника»....

Она сдѣлала большіе глаза и съ удивленіемъ глядѣла на него.

— Какія деньги, какое пальто? что за изгнанникъ? Я ничего не понимаю....

У него лицо немного посвѣтлѣло.

— Я и прежде подозрѣвалъ, что это не твоя выдумка, а теперь вижу, что ты и не знала!

Онъ коротко передалъ ей содержаніе двухъ писемъ, съ просьбой прислать денегъ и платье.

У ней побѣлѣли даже губы.

— Братъ! Мы съ Наташей писали къ тебѣ поперемѣнно, однимъ почеркомъ, три-четыре шутливыя записки, стараясь подражать твоимъ... Вотъ и все. Остальное сдѣлала не я... я ничего не знала.... кончила она тихо, оборачиваясь лицомъ къ стѣнѣ.

Водворилось молчаніе. Онъ задумчиво шагалъ взадъ и впередъ по ковру. Она, казалось, отдыхала, утомленная разговоромъ.

— Я не прошу у тебя прощенія за всю эту исторію.... И ты не волнуйся, сказала она.—Мы помиримся съ тобой. У меня только одинъ упрекъ тебѣ — ты поторопился съ своимъ букетомъ: я шла оттуда.... хотѣла послать за тобой, чтобы тебѣ первому сказать всю исторію.... искупить хоть немного все, что ты вытерпѣлъ.... Но ты поторопился!

— Ахъ! вырвалось у него.—Это ударъ ножа мнѣ!

— Оставимъ все это... послѣ, послѣ... А теперь я потребую отъ тебя, какъ отъ друга и брата, помощи, важной услуги,... Ты не откажешь?...

— Вѣра!

Онъ ничего не сказалъ больше, но взглянувъ на него, она видѣла, что можетъ требовать всего.

— Я, пока силы есть, разскажу тебѣ всю исторію этого года....

— Зачѣмъ? Я не хочу, не могу, не долженъ знать....

— Не мѣшай мнѣ: я едва дышу, а время дорого: я разскажу тебѣ все, а ты передай бабушкѣ....

У него глаза остановились на ней съ удивленіемъ и въ лицо хлынулъ испугъ.

— Я сама не могу: языкъ не послушается. Я умру, не договорю....

— Бабушкѣ: зачѣмъ! едва выговорилъ онъ отъ страха.—Подумай, какія послѣдствія.... Что будетъ съ ней?... Не лучше ли скрыть все?...

— Я давно подумала: какія бы ни были послѣдствія, ихъ надо—не скрывать, а перенести! Можетъ быть, обѣ умремъ, помѣшаемся — но я ее не обману. Она должна была знать давно, но я надѣялась сказать ей другое... и отъ того молчала.... «Какая казнь!» прибавила она тихо, опуская голову на подушку.

— Сказать.... все: и вчерашній вечеръ?... спросилъ онъ тихо.

— Да....

— И имя?....

Она чуть замѣтно кивнула утвердительно головой и отвернулась.

Она посадила его подлѣ себя на диванъ и шепотомъ, съ остановками, разсказала исторію своихъ сношеній съ Маркомъ. Кончивъ, она закуталась въ шаль, и дрожа отъ озноба, легла опять на диванъ. А онъ всталъ блѣдный. Оба молчали, каждый про себя переживая минуту ужаса, она — думая о бабушкѣ, онъ — о нихъ обѣихъ.

Ему предстояло — уже не въ горячкѣ страсти, не въ припадкѣ слѣпого мщенія, а по неизбѣжному сознанію долга — нанести еще ударъ ножа другой, нѣжно-любимой женщинѣ! «Да, это страшное порученіе, въ самомъ дѣлѣ — «важная услуга!» подумалъ онъ.

— Когда сказать ей? спросилъ онъ тихо.

— Скорѣй! я замучаюсь, пока она не узнаетъ: а у меня еще много мукъ.... «И это не главная», подумала про себя. — Дай мнѣ спиртъ: тамъ, гдѣ-то.... прибавила она, указывая, гдѣ стоялъ туалетъ. — А теперь поди.... оставь меня.... я устала....

— Сегодня говорить съ бабушкой нельзя: гости! Богъ знаетъ, что́ съ ней будетъ! Завтра!

— Ахъ! сдѣлала она:—доживу ли я? Ты до завтра какъ-нибудь продли.... успокой бабушку, скажи ей что-нибудь.... чтобъ она ничего не подозрѣвала.... не присылала сюда никого....

Онъ подалъ ей спиртъ, спросилъ, не надо ли ей чего-нибудь, не послать ли дѣвушку.

Она нетерпѣливо покачала головой, отсылая его взглядомъ, потомъ закрыла глаза, чтобъ ничего не видѣть. Ей хотѣлось бы — непроницаемой тьмы и непробудной тишины вокругъ себя, чтобы глазъ ея не касались лучи дня, чтобы не доходило до нея никакого звука. Она будто искала новаго, небывалаго состоянія духа, нѣмоты и дремоты ума, всѣхъ силъ, чтобы окаменѣть, стать растеніемъ, ничего не думать, не чувствовать, не сознавать.

А онъ вышелъ отъ нея съ новой, болѣе страшной тяжестью, нежели съ какою пришелъ. Она отчасти облегчила ему одно бремя, и возложила другое, невыносимѣе.

IV.

Она встала, заперла за нимъ дверь и легла опять. Ее давила нависшая туча горя и ужаса. Дружба Райскаго, участіе, преданность, помощь — представляли ей на первую минуту легкую опору, на которую она оперлась, чтобы вздохнуть свободно, какъ утопающій, вынырнувшій на минуту изъ воды, чтобъ глотнуть воздуха. Но едва онъ вышелъ отъ нея, она точно оборвалась въ воду опять. «Жизнь кончена!» шептала она съ отчаяніемъ и видѣла впереди одну голую степь, безъ привязанностей, безъ семьи, безъ всего того, изъ чего соткана жизнь женщины. Передъ ней — только одна глубокая, какъ могила, пропасть. Ей предстояло стать лицомъ къ лицу съ бабушкой и сказать ей: «вотъ чѣмъ я заплатила тебѣ за твою любовь, попеченія, какъ наругалась надъ твоимъ довѣріемъ.... до чего дошла своей волей....» Ей, въ дремотѣ ея отчаянія, снился взглядъ бабушки, когда она узнала все, брошенный на нее, ея голосъ — даже не было голоса, а вмѣсто его какіе-то глухіе звуки ужаса и смерти.... Потомъ, потомъ — она не знала, что́ будетъ, не хотѣла глядѣть дальше въ страшный сонъ, и только глубже погрузила лицо въ подушку. У ней подошли-было къ глазамъ слезы и отхлынули назадъ, къ сердцу. «Еслибъ умереть!», внезапно просіявъ отъ этой мысли, съ улыбкой, съ наслажденіемъ, шепнула она — и вдругъ за дверью услышала шаги и голосъ.... бабушки! У ней будто отнялись руки и ноги. Она, блѣдная, не шевелясь, съ ужасомъ слушала этотъ легкій, но страшный стукъ въ дверь. «Не встану — не могу» шептала она: стукъ повторился. Она вдругъ, съ силой, которая невѣдомо откуда берется въ такія минуты, оправилась, вскочила на ноги, отерла глаза и съ улыбкой пошла навстрѣчу бабушкѣ.

Татьяна Марковна, узнавши отъ Марѳиньки, что Вѣра нездорова и не выйдетъ цѣлый день, пришла навѣдаться сама. Она бѣгло взглянула на Вѣру и опустилась на диванъ.

— Ухъ, устала у обѣдни! Насилу поднялась на лѣстницу! Что́ у тебя, Вѣрочка: нездорова? спросила она и остановила испытующій взглядъ на лицѣ Вѣры.

— Поздравляю съ новорожденной! заговорила Вѣра развязно, голосомъ маленькой дѣвочки, которую научила нянька — что́ сказать мамашѣ утромъ въ день ея ангела, цалуя руку у бабушки, — и сама удивилась про себя, какъ память подсказала ей, что́ надо сказать, какъ языкъ выговорилъ эти слова! — Пустое: ноги промочила вчера, голова болитъ! съ улыбкой старалась до-

Журнальный фонд Московской обл. библиотеки

говорить она. Но губы не улыбнулись, хотя и показались изъ-за нихъ два, три верхніе зуба.

— Надо было натереть вчера спиртомъ: у тебя нѣтъ? сдержанно сказала бабушка, стараясь на нее не глядѣть, потому что слышала принужденный голосъ, видѣла на губахъ Вѣры какую-то чужую, а не ея улыбку, и чуяла неправду.

— Ты сойдешь къ намъ? спросила она.

Вѣра внутренно ужаснулась этого невозможнаго испытанія, сверхъ силъ, и замялась.

— Не принуждай себя, снисходительно замѣтила Татьяна Марковна: чтобъ не разболѣться больше.

Новый ужасъ охватилъ Вѣру отъ этой снисходительности. Ей казалось, какъ всегда, когда совѣсть тревожитъ, что бабушка уже угадала все, и ея исповѣдь опоздаетъ. Еще минута, одно слово — и она кинулась бы на грудь ей и сказала все! И только силы измѣняли ей и удержали, да еще мысль — сдѣлать весь домъ свидѣтелемъ своей и бабушкиной драмы.

— Къ обѣду только позвольте, бабушка, не выходить, сказала она, едва крѣпясь: а послѣ обѣда я, можетъ быть, приду...

— Какъ хочешь: я пришлю тебѣ обѣдать сюда.

— Да.... да.... я ужъ теперь голодна.... говорила Вѣра, не помня сама, что́ говоритъ.

Татьяна Марковна поцѣловала ее, пригладила ей рукой немного косу, и вышла, замѣтивъ только, «чтобъ она велѣла «Маринкѣ», или «Машкѣ», или «Наташкѣ», прибрать комнату, а то-де, пожалуй, изъ гостей, изъ дамъ кто-нибудь, зайдетъ», — и ушла. Вѣра вдругъ опустилась на диванъ, потомъ, немного посидя, достала одеколонь и намочила себѣ темя и виски. «Ахъ, какъ бьется здѣсь, какъ больно!» шептала она, прикладывая руку къ головѣ. — «Боже, когда эта казнь кончится? Скорѣй бы, скорѣй сказать ей все! А тамъ, послѣ нея—пусть весь міръ знаетъ, смотритъ!...» Она взглянула на небо, вздрогнула и безотрадно бросилась на диванъ.

Бабушка пришла къ себѣ съ скорбнымъ лицомъ, какъ «въ воду опущенная». Она принимала гостей, ходила между ними, подчивала, но Райскій видѣлъ, что она, послѣ визита къ Вѣрѣ, была уже не въ себѣ. Она почти не владѣла собой, отказывалась отъ многихъ блюдъ, не обернулась, когда Петрушка уронилъ и разбилъ тарелки; останавливалась среди разговора на полусловѣ, пораженная задумчивостью. А послѣ обѣда, когда гости, пользуясь скупыми лучами сентябрскаго солнца, вышли на широкое крыльцо, служившее и балкономъ, пить кофе, ликеръ, и курить, Татьяна Марковна продолжала ходить между ними, иногда не замѣчая

ихъ, и только передергивала и поправляла свою турецкую шаль. Потомъ спохватится и вдругъ заговоритъ принужденно. Райскій былъ угрюмъ, смотрѣлъ только на бабушку, слѣдя за ней.

— Неладно что-то съ Вѣрой! шепнула она отрывисто ему: ты видѣлъ ее? У ней какое-то горе!

Онъ сказалъ, что нѣтъ. Бабушка подозрительно поглядѣла на него.

Полины Карповны не было: она сказалась больною, прислала Марѳинькѣ цвѣты и деревья съ зеленью. Райскій заходилъ къ ней утромъ самъ, чтобы какъ-нибудь объяснить вчерашнюю свою сцену съ ней и узнать, не замѣтила ли она чего-нибудь. Но она встрѣтила его съ худо-скрываемымъ, подъ видомъ обидчивости, восторгомъ, хотя онъ прямо сказалъ ей, что обѣдалъ наканунѣ не дома, въ гостяхъ — тамъ много пили — и онъ выпилъ лишнюю рюмку — и вотъ «до чего дошелъ!»

Онъ просилъ прощенія и получилъ его съ улыбкой. «А кто угадалъ: не говорила ли я?» заключила она. И подъ рукой разсказала всѣмъ свою сцену обольщенія, замѣнивъ слово «упала» словомъ «пала».

Пришелъ къ обѣду и Тушинъ, еще наканунѣ пріѣхавшій въ городъ. Онъ подарилъ Марѳинькѣ хорошенькую пони, для прогулокъ верхомъ: «если бабушка позволитъ», скромно прибавилъ онъ.

— Теперь не моя воля,—вонъ кого спрашивайте! задумчиво отвѣчала она, указывая на Викентьева и думая о другомъ.

Тушинъ навѣдался о Вѣрѣ и былъ какъ-будто пораженъ ея нездоровьемъ, и тѣмъ, что она не вышла къ обѣду. Онъ былъ замѣтно взволнованъ. Татьяна Марковна стала подозрительно смотрѣть и на Тушина, отчего это онъ вдругъ такъ озадаченъ тѣмъ, что Вѣры нѣтъ. Ея отсутствіе между гостями — не рѣдкость: это случалось при немъ прежде, но никогда не поражало его. «Что стало со вчерашняго вечера съ Вѣрой?» не выходило у ней изъ головы.

Съ Титомъ Никонычемъ сначала она побранилась, и чуть не подралась, за подарокъ туалета, а потомъ поговорила съ нимъ наединѣ четверть часа въ кабинетѣ, и онъ сталъ немного задумчивъ, меньше шаркалъ ножкой, и хотя говорилъ съ дамами, а самъ смотрѣлъ такъ серьезно и пытливо, то на Райскаго, то на Тушина, что они глазами въ недоумѣніи спрашивали его, чего онъ отъ нихъ хочетъ. Но онъ тотчасъ оправлялся и живо принимался говорить дамамъ «пріятности».

Татьяна Марковна была такъ весела, безпечна, празднуя день рожденья Марѳиньки и обдумывая, чѣмъ бы особенно отпраздновать черезъ двѣ недѣли имянины Вѣры, чтобъ не обойти

внимательностью одну передъ другой, хотя Вѣра и объявила на отрѣзъ, что въ имянины свои уѣдетъ къ Аннѣ Ивановнѣ Тушиной, или къ Натальѣ Ивановнѣ.

Но съ полудня Татьяна Марковна такъ измѣнилась, такъ во всѣхъ, подозрительно всматривалась, во все вслушивалась, что Райскій сравнивалъ ее съ конемъ, который безпечно жевалъ свой овесъ, уходя въ него мордой по уши, и вдругъ услыхалъ шорохъ или почуялъ запахъ какого-то неизвѣстнаго и невидимаго врага. Онъ поднялъ уши и голову, красиво оборотилъ ее назадъ и неподвижно слушаетъ, широко открывъ глаза и сильно дохнувъ ноздрями. Ничего. Потомъ медленно оборотился къ яслямъ, и все слушая, махнулъ раза три неторопливо головой, мѣрно стукнулъ раза три копытомъ, не то успокоивая себя, не то допрашиваясь о причинѣ, или предупреждая врага о своей бдительности—и опять запустилъ морду въ овесъ, но хруститъ осторожно, поднимая по временамъ голову и оборачивая ее назадъ. Онъ ужъ предупрежденъ и сталъ чутокъ. Жуетъ, а у самого вздрагиваетъ плечо, оборачивается ухо назадъ, впередъ и опять назадъ.

И бабушка, занимаясь гостями, вдругъ вспомнитъ, что съ Вѣрой «неладно», что она не въ себѣ, не какъ всегда, а иначе, хуже, нежели какая была; такою она ее еще не видала никогда—и опять потеряется. Когда Марѳинька пришла сказать, что Вѣра нездорова и въ церкви не будетъ, Татьяна Марковна разсердилась сначала. «Для тебя и для семейнаго праздника могла бы отложить свои причуды, сказала она: и поѣхать къ обѣдни». Но когда узнала, что она и къ обѣду не можетъ придти, она встревожилась за ея здоровье и поднялась къ ней сама. Отговорка простудой не обманула ее. Она по лицу увидала, а потомъ, поправляя косу, незамѣтно дотронулась до лба и удостовѣрилась, что простуды нѣтъ. Но Вѣра блѣдна, на ней лица нѣтъ, она безпорядочно лежитъ на диванѣ, и притомъ въ платьѣ, какъ будто не раздѣвалась совсѣмъ, а пуще всего мертвая улыбка Вѣры поразила ее. Она вспомнила, что Вѣра и Райскій пропадали долго наканунѣ вечеромъ и оба не ужинали. И она продолжала всматриваться въ Райскаго, а тотъ старался избѣгать ея взглядовъ—и этимъ только усиливалъ подозрѣнія.

У Райскаго болѣла душа пуще всѣхъ прежнихъ его мукъ. Сердце замирало отъ ужаса, и за бабушку, и за бѣдную, трепетную, одинокую и недоступную для утѣшенія Вѣру. Она улыбнулась ему, протянула руку, дала милыя права дружбы надъ собой—и тутъ же при немъ падала въ отчаяніи подъ тяжестью удара, поразившаго ее такъ быстро и неожиданно, какъ молнія.

Онъ видѣлъ, что участіе его было болѣе полезно и пріятно ему самому, но мало облегчало положеніе Вѣры, какъ участіе близкихъ лицъ къ трудному больному не утоляетъ его боли. Надо вырвать корень болѣзни, а онъ былъ не въ одной Вѣрѣ, но и въ бабушкѣ — и во всей сложной совокупности другихъ обстоятельствъ: ускользнувшее счастье, разлука, поблекшія надежды жизни — все! Да, Вѣру не легко утѣшить!

И бабушку жаль: какое ужасное, неожиданное горе нарушитъ миръ ея души! Что, если она вдругъ свалится! приходило ему въ голову: вонъ она — сама не своя, ничего еще не зная! У него подступали слезы къ глазамъ отъ этой мысли.

А на немъ еще лежитъ обязанность вонзить глубже ножъ въ сердце этой — своей матери!

«Что, если онѣ занемогутъ обѣ! Не послать ли за Натальей Ивановной? рѣшилъ онъ: но надо прежде спросить Вѣру, а она..»

А она вдругъ явилась неожиданно среди гостей, послѣ обѣда, въ свѣтломъ праздничномъ платьѣ, но съ подвязаннымъ горломъ и въ теплой мантильѣ. Райскій ахнулъ отъ изумленія. Сегодня еще она изнемогала, не могла говорить, а теперь сама пришла! «Откуда женщины берутъ силы?» думалъ онъ, слѣдя за ней, какъ она извинялась передъ гостями, съ обыкновенной улыбкой выслушала всѣ выраженія участія, сожалѣнія, осмотрѣла подарки Марѳиньки. Она отказалась отъ конфектъ, но съ удовольствіемъ съѣла ломоть холоднаго арбуза, сказавши, что у ней сильная жажда, и предупредивъ, что къ сожалѣнію не можетъ долго остаться съ гостями.

Бабушка немного успокоилась, что она пришла, но въ тоже время замѣчала, что Райскій мѣняется въ лицѣ и старается не глядѣть на Вѣру. Въ первый разъ въ жизни, можетъ быть, она проклинала гостей. А они усѣлись за карты, будутъ пить чай, ужинать, а Викентьева уѣдетъ только завтра.

Райскій былъ точно между двухъ огней.

— Что такое съ ней? шепчетъ ему съ одной стороны Татьяна Марковна: ты, должно быть, знаешь...

— Ахъ, скорѣй бы сказать ей все! выговариваютъ съ другой стороны отчаянные взгляды Вѣры.

Райскому—хоть сквозь землю провалиться!

Тушинъ тоже смотритъ на Вѣру какими-то особенными глазами. И бабушка, и Райскій, а всего болѣе сама Вѣра замѣтили это.

Ее эти взгляды Тушина обдавали ужасомъ. «Не узналъ-ли? не слыхалъ-ли онъ чего?» шептала ей совѣсть. Онъ ставитъ ее такъ высоко, думаетъ, что она лучше всѣхъ въ цѣломъ свѣтѣ!

Теперь она молча будетъ красть его уваженіе.... «Нѣтъ, пусть знаетъ и онъ! Пришли бы хоть новыя муки на смѣну этой ужасной пытки — казаться обманщицей!» шептало въ ней отчаяніе.

Она тихо, не глядя на Тушина, поздоровалась съ нимъ. А онъ смотрѣлъ на нее съ участіемъ и съ какой-то особенной застѣнчивостью потуплялъ глаза.

— Нѣтъ, не могу выносить! Узнаю, что́ у него на умѣ.... Иначе я упаду здѣсь, среди всѣхъ, если онъ еще... взглянетъ на меня не такъ, какъ всегда...

А онъ тутъ, какъ нарочно, и взглянулъ!

V.

Она не выдержала, простилась съ гостями, и сдѣлала Тушину, никому не замѣтный знакъ — слѣдовать за собой.

— У себя я васъ принять не могу, сказала она: а вотъ пойдемте сюда въ аллею и походимъ немного.

Онъ взглянулъ на часы, сказалъ, что черезъ часъ уѣдетъ, велѣлъ вывести лошадей изъ сарая на дворъ, взялъ свой бичъ съ серебряной рукояткой, накинулъ на руку мекинтошъ и пошелъ за Вѣрой въ аллею.

— Я прямо начну, Иванъ Ивановичъ, сказала Вѣра, дрожа внутренно: что́ съ вами сегодня? Вы какъ будто... у васъ есть что-то на умѣ...

Она замолчала, кутая лицо въ мантилью и пожимая плечами отъ дрожи.

Онъ молча шелъ подлѣ нея, о чемъ-то думая, а она боялась поднять на него глаза.

— Вы нездоровы сегодня, Вѣра Васильевна, сказалъ онъ задумчиво: я лучше отложу до другого раза. Вы не ошиблись, я хотѣлъ поговорить съ вами...

— Нѣтъ, Иванъ Ивановичъ, сегодня! торопливо перебила она: что у васъ такое? я хочу знать... Мнѣ хотѣлось бы самой поговорить съ вами... можетъ быть, я опоздала... Не могу стоять, я сяду, прибавила она, садясь на скамью.

Онъ не замѣтилъ, ни ея ужаса и тоски, ни ея словъ, что она тоже готовилась «поговорить съ нимъ». Онъ былъ поглощенъ своей мыслью. А ее жгла догадка, что онъ узналъ все и сейчасъ дастъ ей ударъ ножа, какъ Райскій. «Ахъ, пусть: скорѣй бы только всѣ удары разомъ!...» шептала она.

— Говорите же! сказала потомъ, мучаясь про себя вопросами: какъ и гдѣ могъ онъ узнать?

— Сегодня я шелъ сюда...

— Что же: говорите! почти крикнула она.

— Не могу, Вѣра Васильевна, воля ваша!

Онъ прошелъ шага два отъ нея дальше.

— Не казните меня! едва шептала она.

— Я люблю васъ... началъ онъ, вдругъ воротясь къ ней.

— Ну, я знаю. И я васъ тоже... что за новость! что же дальше?... Вы... слышали что-нибудь...

— Гдѣ? что? спрашивалъ онъ, оглядываясь кругомъ и думая, что она слышитъ какой-нибудь шумъ.

— Я ничего не слышу.

Онъ замѣтилъ ея волненіе, и вдругъ у него захватило духъ отъ радости. «Она проницательна, угадала давно мою тайну и раздѣляетъ чувство, волнуется, требуетъ откровеннаго и короткаго слова...»

Все это быстро пронеслось у него въ головѣ.

— Вы такъ благородны, прекрасны, Вѣра Васильевна... такъ чисты...

— Ахъ! вскрикнула она отчаяннымъ голосомъ, хотѣла встать и не могла: вы ругаетесь надо мной... ругайтесь—возьмите этотъ бичъ, я стою... Но вы ли это, Иванъ Ивановичъ! — Она съ горькимъ изумленіемъ и мольбой сложила передъ нимъ руки.

Онъ въ страхѣ глядѣлъ на нее.

«Она больна!» подумалъ онъ. — Вы нездоровы, Вѣра Васильевна, съ испугомъ и волненіемъ сказалъ онъ ей: простите меня, что я не во-время затѣялъ...

— Развѣ не все равно: днемъ раньше, днемъ позже — но все скажете же... говорите же разомъ, сейчасъ!... И я скажу, отъ чего я позвала васъ сюда, въ аллею...

Его опять бросило въ противную сторону.

— Ужели это правда? едва сдерживаясь отъ радости сказалъ онъ.

— Что—правда? спросила она, вслушиваясь въ этотъ внезапный, радостный тонъ.—Вы что-то другое хотите сказать, а не то, что я думала, покойнѣе прибавила она.

— Нѣтъ, то самое... я полагаю...

— Скажите же, перестаньте мучить меня.

— Я васъ люблю...

Она поглядѣла на него и ждала.

— Мы старые друзья; сказала она: и я васъ...

— Нѣтъ, Вѣра Васильевна, люблю еще — какъ женщину...

Она вдругъ выпрямилась и окаменѣла, почти не дышала.

— Какъ первую женщину въ цѣломъ мірѣ! Еслибъ я смѣлъ

мечтать, что вы хоть отчасти раздѣляете это чувство... нѣтъ, это много, я не стою... если одобряете его, какъ я надѣялся... если не любите другого, то... будьте моей лѣсной царицей, моей женой,—и на землѣ не будетъ никого счастливѣе меня!.. Вотъ что́ хотѣлъ я сказать — и долго не смѣлъ! Хотѣлъ отложить это до вашихъ имянинъ, но не выдержалъ и пріѣхалъ, чтобы сегодня, въ семейный праздникъ, въ день рожденія вашей сестры...

Она всплеснула руками надъ головой.

— Иванъ Ивановичъ! простонала она, падая къ нему на руки.

— Нѣтъ,—это не радость! сверкнуло въ немъ—и онъ чувствовалъ, что волосы у него встаютъ на головѣ: — такъ не радуются!

Онъ посадилъ ее на скамью.

— Что́ съ вами, Вѣра Васильевна: вы, или больны, или у васъ большое горе... овладѣвъ собой, почти покойно спросилъ онъ.

— Большое, Иванъ Иванычъ: я умру!

— Что́ съ вами, говорите ради Бога: что́ такое случилось? Вы сказали, что хотѣли говорить со мной: стало быть, я нуженъ... Нѣтъ такого дѣла, котораго бы я не сдѣлалъ! приказывайте, забудьте мою глупость... Что́ надо... что́ надо? нетерпѣливо твердилъ онъ въ страхѣ.

— Ничего не надо, шептала она: мнѣ надо сказать вамъ... Бѣдный Иванъ Ивановичъ: и вы! За что вы будете пить мою чашу? Боже мой! говорила она, глядя сухими глазами на небо: — ни молитвы, ни слезъ у меня нѣтъ! ни откуда облегченія и помощи никакой!

— Что вы, Вѣра Васильевна! что это, другъ мой, за слова, что за глубокое отчаяніе?

— Зачѣмъ еще этотъ ударъ! Довольно ихъ и безъ него! Знаете ли вы, кого любите? говорила она, глядя на него, точно спящими, безжизненными глазами, едва выговаривая слова.

Онъ молчалъ, дѣлая и отвергая догадки. Онъ бросилъ макинтошъ и отиралъ потъ съ лица. Онъ изъ этихъ словъ видѣлъ, что его надежды разлетѣлись въ дребезги, понялъ, что Вѣра любитъ кого-то... Другого ничего онъ не видѣлъ, не предполагалъ. Онъ тяжело вздохнулъ и сидѣлъ неподвижно, ожидая объясненія.

— Бѣдный другъ мой! сказала она, взявъ его за руку. У него сердце сжалось отъ этихъ простыхъ словъ: онъ почувствовалъ, что онъ въ самомъ дѣлѣ «бѣдный». Ему было жаль себя, а еще больше жаль Вѣры.

— Благодарю васъ! прошепталъ онъ, еще не зная, но предчувствуя одно: что она ему принадлежать не можетъ.

— Простите, продолжалъ потомъ:—я ничего не зналъ, Вѣра Васильевна. Вниманіе ваше дало мнѣ надежду. Я дуракъ—и больше ничего... Забудьте мое предложеніе и попрежнему давайте мнѣ только права друга... если стою, прибавилъ онъ, и голосъ на послѣднемъ словѣ у него упалъ. — Не могу ли я помочь? Вы, кажется, ждали отъ меня услуги?

— Стоите ли! А я стою?

— Вы, Вѣра Васильевна, всегда будете стоять для меня такъ высоко...

— Я упала, бѣдный Иванъ Иванычъ, съ этой высоты, и никто ужъ не подниметъ меня... Хотите знать, куда я упала? Пойдемте, вамъ сейчасъ будетъ легче...

Она, тихо, шатаясь и опираясь ему на руку, привела его къ обрыву.

— Знаете вы это мѣсто?

— Да, знаю: тамъ похороненъ самоубійца...

— Тамъ похоронена и ваша «чистая» Вѣра: ея ужъ нѣтъ больше... Она на днѣ этого обрыва...

Она была блѣдна и говорила съ какимъ-то рѣшительнымъ отчаяніемъ.

— Что такое вы говорите? Я ничего не понимаю... объясните, Вѣра Васильевна, говорилъ онъ, обмахивая лицо платкомъ.

Она привстала, оперлась ему рукой на плечо, остановилась, собираясь съ силами, потомъ склонила голову, минуты въ три, шепотомъ, отрывисто сказала ему нѣсколько словъ и опустилась на скамью. Онъ поблѣднѣлъ.

Его вдругъ пошатнуло. Онъ какъ будто потерялъ равновѣсіе и сѣлъ на скамью. Вѣра и въ сумерки увидѣла, какъ онъ былъ блѣденъ.

— А я думалъ... сказалъ онъ съ странной улыбкой, будто стыдясь своей слабости и вставая медленно и тяжело со скамьи,— что меня только медвѣдь свалитъ съ ногъ!

Потомъ подошелъ къ ней.

— Кто онъ и гдѣ онъ? шепнулъ онъ. Она вздрогнула отъ этого вопроса. Такъ изумителенъ, грубъ и неестественъ былъ онъ въ устахъ Тушина. Ей казалось непостижимо, какъ онъ посягаетъ, безъ пощады женскаго, всякому понятнаго чувства, на такую откровенность, какой женщины не дѣлаютъ никому. «За чѣмъ?» втайнѣ удивлялась она: «у него должны быть какія-нибудь особыя причины — какія?»

— Маркъ Волоховъ! смѣло сказала она, осиливъ себя.

Онъ остолбенѣлъ на минуту, потомъ вдругъ схватилъ свой бичъ за рукоятку обѣими руками и съ трескомъ изломалъ его

въ одну минуту о колѣно въ мелкіе куски, съ яростью бросивъ на землю щепки дерева и куски серебра.

— Тоже будетъ и съ нимъ! прорычалъ онъ, нагибаясь къ ея лицу, трясясь и ощетинясь, какъ звѣрь, готовый скакнуть на врага.

— Онъ тамъ теперь? спросилъ онъ, указывая на обрывъ. Только слышалось его тяжелое дыханіе. Она съ изумленіемъ глядѣла на него и отступила за скамью.

— Мнѣ страшно, Иванъ Ивановичъ, пощадите меня! уйдите! шептала она въ ужасѣ, протягивая обѣ руки, какъ бы защищаясь отъ него.

— Прежде убью его, потомъ... уйду, говорилъ онъ, едва владѣя собой.

— Это вы для меня сдѣлаете, чтобъ облегчить меня, или... для себя?

Онъ молчалъ, глядя въ землю. Потомъ сталъ ходить большими шагами взадъ и впередъ.

— Что же мнѣ дѣлать: научите, Вѣра Васильевна? спросилъ онъ, все еще трясясь отъ раздраженія.

— Прежде всего успокойтесь и скажите, за что вы хотите убить его, и хочу ли я этого?

— Онъ врагъ вашъ, и слѣдовательно — мой... чуть слышно прибавилъ онъ.

— Враговъ развѣ убиваютъ?

Онъ потупилъ голову, увидалъ разбросанные обломки бича у ногъ, наклонился, будто стыдясь, собралъ ихъ и сунулъ въ карманъ мекинтоша.

— Я не жалуюсь на него: помните это. Я одна... виновата... а онъ правъ... едва договорила она съ такой горечью, съ такой внутренней мукой, что Тушинъ вдругъ взялъ ее за руку.

— Вѣра Васильевна — вы ужасно страдаете!

— Ничего, ничего... торопливо замяла она.

А онъ съ участіемъ и удивленіемъ глядѣлъ на нее.

— Я ничего не понимаю, сказалъ онъ: «не виноватъ», «не жалуетесь»: въ такомъ случаѣ — о чемъ хотѣли поговорить со мной, зачѣмъ вы звали меня сюда, въ аллею?..

— Я хотѣла, чтобъ вы знали все...

Она, отворотясь, молча глядѣла къ обрыву. И онъ поглядѣлъ туда, потомъ на нее, и все стоялъ передъ ней, съ вопросомъ въ глазахъ.

— Послушайте, Вѣра Васильевна, не оставляйте меня въ потемкахъ. Если вы нашли нужнымъ довѣрить мнѣ тайну... Онъ

на этомъ словѣ съ страшнымъ усиліемъ перемогъ себя: — которая касалась васъ одной, то объясните всю исторію...

— Ваше нынѣшнее лицо, особенные взгляды, которые вы обращали ко мнѣ — я не поняла ихъ: я думала, вы знаете все, хотѣла допроситься, что̀ у васъ на умѣ... Я поторопилась... Но все равно: рано или поздно—я сказала бы вамъ... Сядьте, выслушайте меня и потомъ оттолкните.

Онъ, положивъ локти на колѣни и спрятавъ лицо въ ладони, слушалъ ее.

Она передала ему въ короткихъ словахъ исторію. Онъ всталъ, минуты три ходилъ взадъ и впередъ, потомъ остановился передъ ней.

— Вы простили его? спросилъ онъ.

— За что? Вы видите, что... я одна виновата...

— И... простились съ нимъ, или... надѣетесь, что онъ опомнится и воротится?

Она покачала головой.—Между нами нѣтъ ничего общаго... Мы разошлись давно. Я никогда не увижу его.

— Теперь я только начинаю немного понимать, и то не все, сказалъ, подумавши, Тушинъ и вздохнулъ, какъ волъ, котораго отпрягли. — Я думалъ, что вы нагло обмануты...

— Нѣтъ, нѣтъ — онъ правъ...

— И зовете меня на помощь, — думалъ, что пришла пора медвѣдю «сослужить службу» и чуть было не оказалъ вамъ въ самомъ дѣлѣ «медвѣжьей услуги», добавилъ онъ, вынимая изъ кармана и показывая ей обломокъ бича. — Отъ этого я позволилъ себѣ сдѣлать вамъ дерзкій вопросъ объ имени... Простите меня, ради Бога, и скажите и остальное: зачѣмъ вы открыли мнѣ это?

— Я не хотѣла, чтобъ вы думали обо мнѣ лучше, чѣмъ я есть... и уважали меня...

— Какъ же вы это сдѣлаете? Я не перестану думать о васъ, что̀ думалъ всегда, и не уважать не могу.—Какой-то лучъ блеснулъ у ней въ глазахъ и тотчасъ же потухъ.

— Вы хотите принудить себя уважать меня. Вы добры и великодушны, вамъ жаль бѣдную, падшую... и вы хотите поднять ее... Я понимаю ваше великодушіе, Иванъ Ивановичъ, но не хочу его. Мнѣ нужно, чтобъ вы знали и... не отняли руки, когда я подамъ вамъ свою.

Она подала ему руку, онъ поцѣловалъ ее. Онъ съ нетерпѣніемъ и грустью слушалъ ее.

— Вѣра Васильевна, сказалъ онъ сдержаннымъ, почти оскорбленнымъ тономъ:—я насильно уважать никого не могу. Тушинъ

не лжетъ. Если я кому-нибудь кланяюсь съ уваженіемъ, — то и уважаю, или не поклонюсь. Я кланяюсь вамъ по прежнему, а люблю — извините, къ слову пришлось, — еще больше прежняго, потому что... вы несчастливы. У васъ большое горе, такое же, какъ у меня. Вы потеряли надежду на счастье... Напрасно только вы сказали мнѣ вашу тайну.... прибавилъ онъ съ унынiемъ, почти съ отчаяніемъ.— Еслибъ я узналъ ее и не отъ васъ, я бы уважать васъ не пересталъ. Этой тайны вы не обязаны повѣрять никому. Она принадлежитъ вамъ одной, и никто не смѣетъ судить васъ...

Онъ едва договорилъ и съ трудомъ вздохнулъ, скрадывая тяжесть этого вздоха отъ Вѣры. Голосъ у него дрожалъ противъ воли. Видно было, что эта «тайна», тяжесть которой онъ хотѣлъ облегчить для Вѣры, давила теперь не одну ее, но и его самого. Онъ страдалъ—и хотѣлъ, во что́ бы то ни стало, скрыть это отъ нея.

— Все равно: я должна была сказать вамъ ее сегодня же, когда вы сдѣлали предложеніе.... Обмануть я васъ не могла.

Онъ отрицательно покачалъ головой.

— На мое предложеніе вы могли отвѣчать мнѣ короткимъ *нѣтъ*. Но какъ вы удостоиваете меня особой дружбы, то объяснили бы ласково, съ добротой, чтобъ позолотить это *нѣтъ*, что вы любите другого—вотъ и все. А тайну... должны были сберечь про себя: тутъ не было бы никакого обмана. Вотъ, еслибъ вы, любя другого, приняли мое предложеніе изъ страха, или другихъ цѣлей.... это былъ бы обманъ, «паденіе», пожалуй, «потеря чести». Но вы этого никогда бы не сдѣлали. А то̀... Онъ головой кивнулъ на обрывъ и шепотомъ добавилъ, будто про себя:— несчастье.... ошибка...

Онъ едва говорилъ, перемогая съ медвѣжьей силой внутреннюю муку, чтобъ она не замѣтила, что́ было въ немъ самомъ.

— Несчастье! шепталъ онъ: онъ уйдетъ правъ изъ обрыва, а вы виноваты! Гдѣ же правда?...

— Все равно: я сказала бы вамъ, Иванъ Ивановичъ. Это не для васъ нужно было, а для меня самой... Вы знаете... какъ я дорожила вашей дружбой: скрыть отъ васъ—это было бы мукой для меня. — Теперь мнѣ легче — я могу смотрѣть прямо вамъ въ глаза: я не обманула васъ.....

Она не могла говорить отъ прихлынувшихъ слезъ и зажала лицо платкомъ. Онъ чуть не заплакалъ самъ, но только вздрогнулъ, наклонился и опять поцѣловалъ у ней руку.

— Вотъ это другое дѣло: благодарю васъ, благодарю! торопливо говорилъ онъ, скрадывая волненіе.—Вы дѣлаете мнѣ большое

добро, Вѣра Васильевна. Я вижу, что дружба ваша ко мнѣ не пострадала отъ другого чувства, значитъ, она сильна. Это большое, большое утѣшеніе! Я буду счастливъ и этимъ.... со временемъ, когда мы успокоимся оба.....

— Ахъ, Иванъ Ивановичъ—еслибъ можно было вычеркнуть этотъ годъ изъ жизни....

— Забыть его скорѣй: это и будетъ все равно что вычеркнуть...

— А гдѣ взять забвенія и силы перенести?

— У друзей—шепнулъ онъ—и въ томъ числѣ.... у меня....

Она вздохнула будто свободнѣе—будто опять глотнула свѣжаго воздуха, чувствуя, что подлѣ нея воздвигается какая-то сила, встаетъ, въ лицѣ этого человѣка, крѣпкая, твердая гора, которая способна укрыть ее въ своей тѣни и каменными своими боками оградить—не отъ бѣдъ страха, не отъ физическихъ опасностей, а отъ первыхъ, горячихъ натисковъ отчаянія, отъ дымящейся еще язвы страсти, отъ горькаго разочарованія.

— Я вѣрю вашей дружбѣ, Иванъ Ивановичъ. Благодарю васъ, говорила она, утирая слезы.—Мнѣ немного легче... и было бы еще легче, еслибъ,... не бабушка!

— Она еще не знаетъ? спросилъ онъ и вдругъ замолчалъ, почувствовавъ, что въ вопросѣ его былъ упрекъ.

Онъ потупилъ голову, представляя себѣ, какъ это поразитъ Татьяну Марковну, но остерегался обнаружить передъ Вѣрой свою боязнь.

— Сегодня, вы видите, гости: нельзя. Завтра она все узнаетъ... Прощайте, Иванъ Иванычъ: я ужасно страдаю—пойду и лягу.

Онъ глядѣлъ на Вѣру долго. «Боже мой! Какой слѣпой дуракъ этотъ Волоховъ—или какая.... бестія!» думалъ онъ, съ дрожью ярости.

— Не прикажете ли чего-нибудь? не нужно ли вамъ... спросилъ онъ.

— Да, попросите Наташу пріѣхать завтра, или послѣ завтра, ко мнѣ.

— А мнѣ можно побывать на той недѣлѣ? спросилъ онъ робко:—узнать, успокоились ли вы....

— Успокойтесь сами, Иванъ Иванычъ—и прощайте теперь! Я едва держусь на ногахъ...

Онъ простился съ ней и такъ погналъ лошадей съ крутой горы, что чуть самъ не сорвался съ обрыва. По временамъ онъ, по привычкѣ, хватался за бичъ, но вмѣсто его подъ руку попадали ему обломки въ карманѣ: онъ разбросалъ ихъ по дорогѣ.

Однако онъ опоздалъ переправиться за Волгу, ночевалъ у пріятеля въ городѣ и уѣхалъ къ себѣ рано утромъ.

VI.

Настало и завтра. Шумно и весело поднялся домъ на ноги. Лакеи, повара, кучера — все хлопотало, суетилось: одни готовили завтракъ, другіе закладывали экипажи, и съ утра опять почти всѣ напились пьяны.

Бабушка отпускала Марѳиньку за Волгу, къ будущей роднѣ, противъ обыкновенія, молчаливо, съ нѣкоторой печалью. Она не обременяла ее наставленіями, не вдавалась въ мелочныя предостереженія, даже, на вопросы Марѳиньки, что̀ взять съ собой, какія платья, вещи — разсѣянно отвѣчала: «что̀ тебѣ вздумается.» И велѣла Василисѣ и дѣвушкѣ Натальѣ, которую посылала съ ней, снарядить и уложить что̀ нужно. Она поручила свое дитя Марьѣ Егоровнѣ, матери жениха, а послѣднему довольно серьезно замѣтила, чтобы онъ тамъ, въ деревнѣ, соблюдалъ тонкое уваженіе къ невѣстѣ, и особенно при чужихъ людяхъ, какихъ-нибудь сосѣдяхъ, воздерживался отъ той свободы, которою онъ пользовался при ней и своей матери, въ обращеніи съ Марѳинькой, что другіе, пожалуй, перетолкуютъ иначе,—словомъ, чтобъ не бѣгалъ съ ней тамъ по рощамъ и садамъ, какъ здѣсь.

Замѣтивъ, что Викентьевъ нѣсколько покраснѣлъ отъ этого предостереженія, какъ будто обидѣлся тѣмъ, что въ немъ предполагаютъ недостатокъ такта, и что и мать его закусила немного нижнюю губу и стала слегка бить тактъ ботинкой, Татьяна Марковна перешла въ дружескій тонъ, потрепала «милаго Николеньку» по плечу и прибавила, что сама знаетъ, какъ напрасны эти слова, но что говоритъ ихъ по привычкѣ старой бабы—читать мораль. Послѣ того она, тихо, про себя, вздохнула и уже ничего не говорила до отъѣзда гостей.

Къ завтраку пришла и Вѣра, блѣдная, будто съ невыспавшимися глазами. Она сказала, что ей легче, но что у ней все еще немного болитъ голова. Татьяна Марковна была съ ней ласкова, а Марья Егоровна Викентьева бросила на нее, среди разговора, два, три загадочныхъ взгляда, какъ будто допрашиваясь: что съ ней? отчего эта боль безъ болѣзни? что это она не пришла вчера къ обѣду, а появилась на минуту и потомъ ушла, а за ней пошелъ Тушинъ, и они ходили цѣлый часъ въ сумерки?... И такъ далѣе, и такъ далѣе. Но хитрая и умная ба-

рыня не дала никакого другого хода этимъ вопросамъ, и они выглянули у ней только изъ глазъ, и на минуту. Вѣра однако прочла ихъ, хотя та перемѣнила взглядъ сомнѣнія на взглядъ участія. Прочла и Татьяна Марковна. Вѣра была равнодушна къ этимъ вопросамъ, а Татьяна Марковна нѣтъ: она вдругъ поникла головой и стала смотрѣть въ полъ. «И другіе допрашиваются, а я не знаю! А она родилась при мнѣ, она—мое дитя!» думала она съ печалью.

Вѣра была блѣдна, лицо у ней, какъ камень: ничего не прочтешь на немъ. Жизнь точно замерзла, хотя она и говоритъ съ Марьей Егоровной обо всемъ, и съ Марѳинькой, и съ Викентьевымъ. Она заботливо спросила у сестры, запаслась ли она теплой обувью, совѣтовала надѣть плотное, шерстяное платье, предложила свой пледъ и просила, при переправѣ чрезъ Волгу, сидѣть въ каретѣ, чтобъ не продуло.

Райскій, воротясь съ прогулки, пришелъ къ завтраку, тоже съ какимъ-то страннымъ, рѣшительнымъ лицомъ, какъ будто у человѣка впереди было сраженіе, или другое важное, роковое событіе, и онъ приготовлялся къ нему. Что-то обработалось, выяснилось, или опредѣлилось въ немъ. Вчерашней тучи не было. Онъ также покойно глядѣлъ на Вѣру, какъ на прочихъ, не избѣгалъ взглядовъ и Татьяны Марковны, и этимъ поставилъ ее опять въ недоумѣніе.

«У этого что-то новое: смотритъ не по вчерашнему, говоритъ другое, нежели что говорилъ вчера, на перекоръ себѣ: Господи, что за омутъ у нихъ!» думала она.

Райскій обѣщалъ Викентьевымъ пріѣхать къ нимъ дня на два и очень былъ внимателенъ къ предложеніямъ жениха, поохотиться, половить рыбу.

Наконецъ гости собрались. Татьяна Марковна и Райскій поѣхали проводить ихъ до берега. Вѣра простилась съ Марѳинькой и осталась дома.

Тѣсенъ былъ міръ, въ которомъ и прежде вращалась жизнь Вѣры: а теперь сдѣлался еще тѣснѣе. Исключительная, глубокая натура ея долго довольствовалась тѣмъ запасомъ наблюденій, небольшихъ опытовъ, которые она добывала около себя. Нѣсколько человѣкъ замѣняли ей толпу: то, что другой соберетъ со многихъ встрѣчъ, въ многіе годы и во многихъ мѣстахъ, — давалось ей въ двухъ, трехъ уголкахъ, по ту и другую сторону Волги, съ пяти, шести лицъ, представлявшихъ для нея весь людской міръ, и въ промежутокъ нѣсколькихъ лѣтъ, съ тѣхъ поръ, какъ понятія у ней созрѣли и сложились въ болѣе или менѣе опредѣленный взглядъ. Инстинктъ и собственная воля ни-

сали ей законы ея, пока дѣвической, жизни, а сердце чутко указывало на тѣхъ, кому она могла безошибочно дать нѣкоторыя симпатіи.

И она давала ихъ осторожно, не тратила, какъ Марѳинька, на всѣхъ. Изъ постороннихъ только жена священника была чѣмъ-то въ родѣ ея наперсницы, да Тушина она открыто признавала и называла своимъ другомъ,—больше никого.

Она не теряла изъ вида путеводной нити жизни, и изъ мелкихъ явленій, изъ немудреныхъ личностей, толпившихся около нея, дѣлала не мелкіе выводы, практиковала силу своей воли надъ окружавшею ее застарѣлостью, деспотизмомъ, грубостью нравовъ. Она, по этой простой канвѣ, умѣла чертить широкій, смѣлый узоръ болѣе сложной жизни, другихъ требованій, идей, чувствъ, которыхъ не знала, но угадывала, читая за строками простой жизни другія строки, которыхъ жаждалъ ея умъ и требовала натура.

Она смотрѣла вокругъ себя и видѣла — не то, что̀ есть, а то̀, что̀ должно быть, что̀ ей хотѣлось чтобъ было, и такъ какъ этого не было, то она брала изъ простой жизни около себя только одно живое, вѣрное, созидая образъ, противоположный тому, за немногими исключеніями, что̀ было около.

Въ область мысли, знанія, она вступила также недовѣрчивымъ и осторожнымъ шагомъ, какъ была осторожна и скупа въ симпатіяхъ. Читала она книги въ библіотекѣ стараго дома, сначала отъ скуки, безъ выбора и системы, доставая съ полки, что̀ попадется, потомъ изъ любопытства, наконецъ нѣкоторыя съ увлеченіемъ. Скоро она почувствовала безцѣльность и безплодность этого странствія по чужимъ умамъ, безъ руководящей нити. Она хитро наводила на разговоръ Козлова, почти не спрашивая и не показывая вида, что слушаетъ, и особенно никогда ни передъ кѣмъ не хвастаясь, что знаетъ то или другое, чего не знаютъ окружающіе. Потомъ, съ повѣркой его взгляда, перечитывала книги опять, и находила въ нихъ больше смысла и интереса. По просьбѣ молодого священника, возила книги ему, и опять слушала, не дѣлаясь семинаристомъ, разсѣянно, его мысли и впечатлѣнія, высказанныя подъ вліяніемъ того или другого автора.

Послѣ всѣхъ пришелъ Маркъ—и внесъ новый взглядъ во все то, что̀ она читала, слышала, что̀ знала, взглядъ полнаго и дерзкаго отрицанія всего, отъ начала до конца, небесныхъ и земныхъ авторитетовъ, старой жизни, старой науки, старыхъ добродѣтелей и пороковъ. Онъ, съ преждевременнымъ тріумфомъ, явился къ ней, предвидя побѣду, и ошибся. Она съ изумленіемъ увидѣла этотъ новый, вдругъ вырвавшійся откуда-то потокъ смѣлыхъ,

иногда увлекательныхъ идей, но не бросилась въ него слѣпо и тщеславно, изъ мелкой боязни показаться отсталою, а также пытливо и осторожно стала всматриваться и вслушиваться въ горячую проповѣдь новаго апостола.

Ей прежде всего бросились въ глаза—зыбкость, односторонность, пробѣлы, мѣстами будто умышленная ложь пропаганды, на которую тратились живыя силы, дарованія, бойкій умъ и ненасытная жажда самолюбія и самонадѣянности, въ ущербъ простымъ и очевиднымъ, готовымъ уже правдамъ жизни, только потому, какъ казалось ей, что онѣ были готовыя.

Иногда, въ этомъ безусловномъ рвеніи къ какой-то новой правдѣ, видѣлось ей только неумѣнье справиться съ старой правдой, бросающееся къ новой, которая давалась, не опытомъ и борьбой всѣхъ внутреннихъ силъ, а гораздо дешевле, безъ борьбы и сразу, на основаніи только слѣпого презрѣнія ко всему старому, неразличавшаго стараго зла отъ стараго добра, и принималась на вѣру отъ непровѣренныхъ ни чѣмъ новыхъ авторитетовъ, нивѣсть откуда взявшихся новыхъ людей — безъ имени, безъ прошедшаго, безъ исторіи, безъ правъ.

Она добиралась въ проповѣди и увлеченіяхъ Марка чего-нибудь вѣрнаго и живого, на что можно опереться, что можно полюбить, что было такъ прочно, необманчиво въ старой жизни, которой, во имя этого прочнаго, живого и вѣрнаго, она прощала ея смѣшныя, вредныя уродливости, ея весь отжившій соръ. Она страдала за эти уродливости и отъ этихъ уродливостей, мѣшавшихъ жить, чувствовала нерѣдко цѣпи и готова бы была, ради правды, подать руку пылкому товарищу, другу, пожалуй, мужу, наконецъ.... чѣмъ бы онъ ни былъ для нея,—и идти на борьбу противъ старыхъ враговъ: стирать ложь, мести соръ, освѣщать темные углы, смѣло, не слушая старыхъ, разбитыхъ голосовъ, не только Тычковыхъ, но и самой бабушки, тамъ, гдѣ она безусловно опирается на старое, вопреки своему разуму,—вывести, если можно, и ее на другую дорогу. Но для этого нужно было ей глубоко и невозвратно убѣдиться, что истина—впереди.

Она шла не самонадѣянно, а напротивъ съ сомнѣніями, не ошибается ли она, не правъ ли проповѣдникъ, нѣтъ ли въ самомъ дѣлѣ тамъ, куда такъ пылко стремится онъ, чего-нибудь такого чистаго, свѣтлаго, разумнаго, что могло бы, не только избавить людей отъ всякихъ старыхъ оковъ, но открыть Америку, новый, свѣжій воздухъ, поднять человѣка выше, нежели онъ былъ, дать ему больше, нежели онъ имѣлъ. Она искала, ждала, прислушивалась къ обѣщаннымъ имъ благамъ, читала приносимыя имъ книги, бросалась къ старымъ авторитетамъ, сводила ихъ про себя на очную

ставку,—но не находила, ни новой жизни, ни счастья, ни правды, ничего того, что̀ обѣщалъ, куда звалъ смѣлый проповѣдникъ.

А сама шла все за нимъ, увлекаемая жаждой знать, что̀ кроется за этой странной и отважной фигурой.

Дѣло пока ограничивалось безпощаднымъ отрицаніемъ всего, во что̀ вѣритъ, что́ любитъ, на что́ надѣется живущее большинство. Маркъ клеймитъ это враждой и презрѣніемъ: но Вѣра сама многого не признаетъ въ старомъ свѣтѣ. Она и безъ него знаетъ и видитъ болѣзни: ей нужно знать, гдѣ Америка? Но ея Колумбъ, вмѣсто живыхъ и страстныхъ идеаловъ правды, добра, любви, человѣческаго развитія и совершенствованія, показываетъ ей только рядъ могилъ, готовыхъ поглотить все, чѣмъ жило общество до сихъ поръ. Это были фараоновы тощія коровы, пожиравшія толстыхъ и не дѣлавшіяся сами отъ того толще. Онъ, во имя истины, развѣнчалъ человѣка въ одинъ животный организмъ, отнявши у него другую, не животную сторону. Въ чувствахъ видѣлъ только рядъ кратковременныхъ встрѣчъ и грубыхъ наслажденій, обнажая ихъ отъ всякихъ иллюзій, составляющихъ роскошь человѣка, въ которой отказано животному. Самый процессъ жизни онъ выдавалъ и за ея конечную цѣль. Разлагая матерію на составныя части, онъ думалъ, что разложилъ вмѣстѣ съ тѣмъ и все, что̀ выражаетъ матерія. Угадывая законы явленія, онъ думалъ, что уничтожилъ и невѣдомую силу, давшую эти законы, только тѣмъ, что отвергалъ ее, за неимѣніемъ пріемовъ и свойствъ ума, чтобы разложить ее. Закрывалъ доступъ въ вѣчность и къ безсмертію всѣмъ религіознымъ и философскимъ упованіямъ, разрушая, младенческими химическими или физическими опытами, и вѣчность, и безсмертіе, думая своей дѣтской тросточкой, какъ рычагомъ, шевелить дальніе міры, и заставляя всю вселенную отвѣчать отрицательно на религіозныя надежды и стремленія «отжившихъ» людей.

Между тѣмъ, отрицая въ человѣкѣ человѣка—съ душой, съ правами на безсмертіе, онъ проповѣдывалъ какую-то правду, какую-то честность, какія-то стремленія къ лучшему порядку, къ благороднымъ цѣлямъ, не замѣчая, что все это дѣлалось ненужнымъ при томъ, указываемомъ имъ, случайномъ порядкѣ бытія, гдѣ люди, по его словамъ, толпятся, какъ мошки въ жаркую погоду въ огромномъ столбѣ, сталкиваются, мятутся, плодятся, питаются, грѣются и исчезаютъ въ безтолковомъ процессѣ жизни, чтобъ завтра дать мѣсто другому такому же столбу. «Да, если это такъ, думала Вѣра: тогда не стоитъ работать надъ собой, чтобы къ концу жизни стать лучше, чище, правдивѣе, добрѣе. Зачѣмъ? Для обихода на нѣсколько десятковъ лѣтъ? Для этого надо

запастись, какъ муравью зернами на зиму, обиходнымъ умѣньемъ жить, такою честностью, которой — синонимъ ловкость, такими зернами, чтобъ хватило на жизнь, иногда очень короткую, чтобъ было тепло, удобно.... Какіе же идеалы для муравьевъ? Нужны муравьиныя добродѣтели... Но такъ ли это? Гдѣ доказательства?»

А онъ требовалъ, не только честности, правды, добра, но и вѣры въ свое ученіе, какъ требуетъ ея другое ученіе, которое за нее обѣщаетъ—безсмертіе въ будущемъ, и въ залогъ этого обѣщанія, даетъ и въ настоящемъ просимое всякому, кто проситъ, кто стучится, кто ищетъ.

Новое ученіе не давало ничего, кромѣ того, что было до него, ту же жизнь, только съ уничиженіями, разочарованіями, и впереди обѣщало — смерть и тлѣнъ. Взявши девизы своихъ добродѣтелей изъ книги стараго ученія, оно обольстилось буквою ихъ, не вникнувъ въ духъ и глубину, и требовало исполненія этой «буквы» съ такою злобой и нетерпимостью, противъ которой остерегало старое ученіе. Оставивъ себѣ одну животную жизнь, «новая сила» не создала, вмѣсто отринутаго стараго, никакого другого, лучшаго идеала жизни.

Вглядѣвшись и вслушавшись во все, что проповѣдь юнаго апостола выдавала за новыя правды, новое благо, новыя откровенія, она съ удивленіемъ увидѣла, что все то, что было въ его проповѣди добраго и вѣрнаго—не ново, что оно взято изъ того же источника, откуда черпали и не новые люди, что сѣмена всѣхъ этихъ новыхъ идей, новой «цивилизаціи», которую онъ проповѣдывалъ такъ хвастливо и таинственно, заключены въ старомъ ученіи. Отъ этого она только сильнѣе увѣровала въ послѣднее и убѣдилась, что — какъ далеко человѣкъ ни иди впередъ, онъ не уйдетъ отъ него, если только не бросится съ прямой дороги въ сторону, или не пойдетъ назадъ, что самые противники его черпаютъ изъ него же, что наконецъ ученіе это—есть единственный, непогрѣшительный, совершеннѣйшій идеалъ жизни, внѣ котораго остаются только ошибки.

Вѣрѣ подозрительна стала личность самаго проповѣдника—и она пятилась отъ него; даже послушавши, въ началѣ знакомства, раза два его дерзкихъ рѣчей, указала на него Татьянѣ Марковнѣ, и людямъ поручено было присматривать за садомъ. Волоховъ зашелъ со стороны обрыва, отъ котораго удалялъ людей суевѣрный страхъ могилы самоубійцы. Онъ замѣчалъ недовѣріе Вѣры къ себѣ и поставилъ себѣ задачей преодолѣть его — и успѣлъ.

Вѣра наконецъ, почти незамѣтно для нея самой, повѣрила искренности его односторонніхъ и поверхностныхъ увлеченій, и отъ недовѣрія перешла къ изумленію, участію. У ней даже бы-

вали минуты, впрочемъ рѣдкія, когда она колебалась въ непогрѣшимости своихъ, собранныхъ молча про себя наблюденій надъ жизнью, надъ людьми, правилъ, которыми руководствовалось большинство. Задумывалась она надъ всѣмъ, чѣмъ сама жила—и почувствовала новыя тревоги, новые вопросы, и стала еще жаднѣе и пристальнѣе вслушиваться въ Марка, встрѣчаясь съ нимъ въ полѣ, за Волгой, куда онъ проникалъ вслѣдъ за нею, наконецъ въ бесѣдкѣ, на днѣ обрыва.

Гдѣ замѣчала явную ложь, софизмы, она боролась, проясняла себѣ туманъ, вооруженная своими наблюденіями, логикой и волей. Маркъ топалъ въ ярости ногами, строилъ батареи изъ своихъ доктринъ и авторитетовъ—и встрѣчалъ недоступную стѣну. Онъ свирѣпѣлъ, скалилъ зубы, какъ «волкъ», но проводникомъ ея отповѣдей служили бархатные глаза, какихъ онъ не видалъ никогда, и лба его касалась твердая, но нѣжная рука, и онъ, рыча про себя, ложился смирно у ногъ ея, чуя побѣду и добычу впереди, хотя и далеко.

Гдѣ Вѣра не была приготовлена, тамъ она слушала молча и слѣдила зорко—вѣруетъ ли самъ апостолъ въ свою доктрину, есть ли у него самого незыблемая точка опоры, опытъ, или онъ только увлеченъ остроумной или блестящей ипотезой. Онъ манилъ впередъ образомъ какого-то громаднаго будущаго, громадной свободы, снятіемъ всѣхъ покрывалъ съ Изиды — и это будущее видѣлъ чуть не завтра, звалъ ее вкусить хоть часть этой жизни, сбросить съ себя старое и повѣрить, если не ему, то опыту. «И будемъ какъ боги!» прибавлялъ онъ насмѣшливо.

Вѣра не шла, боролась,—и незамѣтно, мало-по-малу, перешла сама въ активную роль: воротить и его на дорогу уже испытаннаго добра и правды, увлечь, сначала въ правду любви, человѣческаго, а не животнаго счастья, а тамъ и дальше, въ глубину ея вѣры, ея надеждъ!... Маркъ понемногу, кое-въ-чемъ, уступалъ, покорялся нѣкоторымъ ея требованіямъ: пересталъ дѣлать эксцентрическія выходки, не дразнилъ мѣстныя власти, сталъ опрятнѣе въ образѣ жизни, не щеголялъ цинизмомъ. Она была счастлива—и вотъ причина ея экстаза, замѣченнаго Татьяной Марковной и Райскимъ. Она чувствовала, что сила ея дѣйствуетъ, пока еще только на внѣшнюю его жизнь, и надѣялась, что, путемъ неусыпнаго труда, жертвъ, она мало-по-малу совершитъ чудо—и наградой ея будетъ счастье женщины—быть любимой человѣкомъ, котораго угадало ея сердце. Она введетъ новаго и сильнаго человѣка въ общество. Онъ уменъ, настойчивъ, и если будетъ простъ и дѣятеленъ, какъ Тушинъ, тогда... и ея

жизнь угадана. Она не даромъ жила. А тамъ она не знала, что̀ будетъ.

Между тѣмъ она, по страстной, нервной натурѣ своей, увлеклась его личностью, влюбилась въ него самого, въ его смѣлость, въ самое это стремленіе къ новому, лучшему—но не влюбилась въ его ученіе, въ его новыя правды и новую жизнь, и осталась вѣрна старымъ, прочнымъ понятіямъ о жизни, о счастьи. Онъ звалъ къ новому дѣлу, къ новому труду, но новаго дѣла и труда, кромѣ раздачи запрещенныхъ книгъ, она не видѣла. Соглашаясь въ необходимости труда, она винила себя первая за бездѣйствіе и чертила себѣ, въ недальнемъ будущемъ, образъ простого, но дѣйствительнаго дѣла, завидуя пока Марѳинькѣ въ томъ, что та приспособила свой досугъ и свои руки къ домашнему хозяйству, и отчасти къ деревнѣ. Она готовилась пока раздѣлить съ сестрой ея труды — лишь только, такъ или иначе, выйдетъ изъ этой тяжкой борьбы съ Маркомъ, которая кончилась наконецъ недавно, не побѣдой того или другого, а взаимнымъ пораженіемъ и разлукой навсегда.

Все это пробѣжало въ умѣ Вѣры, пока Татьяна Марковна и Райскій провожали гостей за Волгу. — «Что̀ теперь онъ дѣлаетъ, этотъ волкъ?» думала она иногда: торжествуетъ ли свою побѣду...» Она не додумывалась и вздрагивала.

Она открыла ящикъ, достала оттуда запечатанное письмо на синей бумагѣ, которое прислалъ ей Маркъ рано утромъ черезъ рыбака. Она посмотрѣла на него съ минуту, подумала—и рѣшительно бросила опять нераспечатаннымъ въ столъ.

Всѣ другія муки глубоко хоронились у ней въ душѣ: на очереди стояла страшная битва на смерть съ новой бѣдой: что бабушка? Райскій успѣлъ шепнуть ей, что будетъ говорить съ Татьяной Марковной вечеромъ, когда никого не будетъ, чтобъ и изъ людей никто не замѣтилъ впечатлѣнія, какое можетъ произвести на нее эта откровенность.

У Вѣры зловѣщей бѣдой заныла грудь, когда Райскій говорилъ ей о своей предосторожности. Она измѣряла этимъ степень бѣды и мысленно желала не дожить до вечера.

Она немного отдохнула, открывъ все Райскому и Тушину. Ей стало будто покойнѣе. Она сбросила часть тяжести, какъ моряки въ бурю бросаютъ часть груза, чтобъ облегчить корабль. Но самый тяжелый грузъ былъ на днѣ души, и ладья ея сидѣла въ водѣ глубоко, черпала бортами и могла, при новомъ, ожидаемомъ шквалѣ, черпнуть и не встать больше.

Она мысленно бросалась на грудь, то Райскому, то Тушину, отдыхала на часъ, и потомъ опять клонила голову. «Нельзя жить,

нельзя!» шептала она и шла въ свою часовню, въ ужасѣ смотрѣла на образъ, стоя на колѣняхъ. Только вздохи боли показывали, что это стоитъ не статуя, а живая женщина. Образъ глядѣлъ на нее задумчиво, полуоткрытыми глазами, но какъ будто не видѣлъ ее, персты были сложены въ благословеніе, но не благословляли ее. Она жадно смотрѣла въ эти глаза, ждала какого-то знаменія: знаменія не было. Она уходила, какъ убитая, въ отчаяніи.

VII.

Бабушка, воротясь, занялась-было счетами, но вскорѣ отпустила всѣхъ торговокъ, швей, и спросила о Райскомъ. Ей сказали, что онъ ушелъ на цѣлый день къ Козлову, куда онъ въ самомъ дѣлѣ отправился, чтобъ не оставаться наединѣ съ Татьяной Марковной до вечера. Она послала узнать, что Вѣра, прошла ли голова, придетъ ли она къ обѣду? Вѣра велѣла отвѣчать, что головѣ легче, просила прислать обѣдъ въ свою комнату и сказала, что ляжетъ пораньше спать.

Тутъ случилось въ дворнѣ не новое событіе: Савелій чуть не перешибъ спину Маринѣ полѣномъ, потому что хватился ее на зарѣ, въ день отъѣзда гостей, пошелъ отыскивать и видѣлъ, какъ она шмыгнула изъ комнаты, гдѣ помѣстили лакея Викентьевой. Она пряталась цѣлое утро по чердакамъ, въ огородѣ, наконецъ пришла, думая что онъ забылъ.

Онъ исхлесталъ ее возжей. Она металась изъ угла въ уголъ, отпираясь, божась, что ему померещилось, что это былъ «дьяволъ въ ея образѣ» и т. п. Но когда онъ бросилъ возжу и взялъ полѣно, она застонала, и послѣ перваго удара повалилась ему въ ноги, крича «виновата» и просила помилованія. Она клялась всѣмъ, и между прочимъ «своей утробой», что никогда больше не провинится, а если провинится, то пусть тогда Богъ убьетъ ее и покараетъ навсегда. Савелій остановился, положилъ полѣно и отеръ рукавомъ лобъ. «Ладно, сказалъ онъ: пущай будетъ по твоему, коли ты повинилась и Бога призываешь! не стану бить, отступлюсь отъ тебя!» Онъ махнулъ на нее рукой.

Все это донесли Татьянѣ Марковнѣ, но она только поморщилась съ отвращеніемъ и махнула Василисѣ рукой, чтобъ не докучала ей.

Пріѣзжали нѣкоторыя барыни съ визитомъ, пріѣхалъ заволжскій помѣщикъ, и еще двое гостей изъ города, и остались обѣдать. Всѣ слышали, что Вѣра Васильевна больна и пришли на-

вѣдаться. Татьяна Марковна объявила, что Вѣра наканунѣ прозябла и на два дня осталась въ комнатѣ, а сама внутренно страдала отъ этой лжи, не зная, какая правда кроется подъ этой подложной болѣзнью, и даже не смѣла пригласить доктора, который тотчасъ увидалъ бы, что болѣзни нѣтъ, а есть моральное разстройство, которому должна быть причина.

Она не ужинала, и Титъ Никонычъ изъ вѣжливости сказалъ, что «не имѣетъ аппетита». Наконецъ явился Райскій, нѣсколько блѣдный, и тоже отказался отъ ужина. Онъ молча сидѣлъ за столомъ, съ какимъ-то сдержаннымъ выраженіемъ въ лицѣ, и будто не замѣчалъ изрѣдка обращаемыхъ на него Татьяной Марковной вопросительныхъ взглядовъ.

Наконецъ Титъ Никонычъ расшаркался, поцѣловалъ у ней руку и уѣхалъ. Бабушка велѣла готовить постель и не глядѣла на Райскаго. Она сухо пожелала ему «покойной ночи», чувствуя себя глубоко оскорбленной и въ сердцѣ и въ самолюбіи. Около нея происходитъ что-то таинственное и серьезное, между близкими ей людьми, а ее оставляютъ въ сторонѣ, какъ чужую, или какъ старую, отжившую, ни на что неспособную женщину. Она не подозрѣвала уваженія, боязни и пощады, мѣшавшихъ имъ открыться.

Райскій вполголоса сказалъ ей, что ему нужно поговорить съ ней, чтобъ она какъ-нибудь незамѣтно отослала людей. Она остановила на немъ неподвижный отъ ужаса взглядъ. У ней побѣлѣлъ даже носъ.

— Бѣда? спросила она отрывисто.

Онъ мялся.

— Нѣтъ... отвѣчалъ онъ нерѣшительно: съ моей точки зрѣнія—нѣтъ бѣды...

— А если съ моей—есть, то значитъ и бѣда! замѣтила она тихо.—Да вонъ ты блѣденъ, стало быть, знаешь и самъ, что бѣда.

Она мало-по-малу удалила людей, сказавши, что еще не ляжетъ спать, а посидитъ съ Борисомъ Павловичемъ, и повела его въ кабинетъ.

Она сѣла въ свое старое вольтеровское кресло, поставивъ лампу подальше на бюро и закрывъ ее колпакомъ.

Они сидѣли въ полумракѣ, она поникнувъ головой, не глядя на него и ожидая. Райскій началъ свой разсказъ, стараясь подойти «къ бѣдѣ» какъ можно мягче и осторожнѣе. У него дрожали губы и языкъ не рѣдко отказывался говорить. Онъ останавливался, давая себѣ отдыхъ, потомъ собирался съ силами и продолжалъ. Бабушка не пошевелилась, не сказала ни слова. Подъ конецъ онъ шепталъ едва слышно.

Онъ вышелъ отъ нея, когда сталъ брезжиться день. Когда онъ кончилъ, она встала, выпрямилась медленно, съ напряженіемъ, потомъ также медленно опустила опять плечи и голову, стоя, опершись рукой о столъ.

— Бабушка! говорилъ Райскій, пугаясь выраженія ея лица и становясь на колѣни передъ ней: спасите Вѣру...

— Поздно послала она къ бабушкѣ, шептала она: Богъ спасетъ ее! Береги ее, утѣшай, какъ знаешь, а я... Бабушки нѣтъ больше!

Она ступила шагъ, онъ загородилъ ей дорогу.

— Бабушка, что вы, что съ вами? говорилъ онъ въ страхѣ.

— Бабушки нѣтъ у васъ больше... твердила она разсѣянно, стоя тамъ, гдѣ встала съ кресла, и глядя внизъ.—Поди, поди! почти гнѣвно крикнула она, видя, что онъ медлитъ:—не ходи ко мнѣ... не пускай никого, распоряжайся всѣмъ... А меня оставьте всѣ... всѣ!

Она стояла все на своемъ мѣстѣ, какъ прикованная, съ безжизненнымъ, точно спящимъ взглядомъ. Онъ хотѣлъ ей что-то сказать. Она нетерпѣливо махнула ему рукой.

— Уйди къ ней, береги ее: бабушка не можетъ, бабушки нѣтъ! шептала она.

И сдѣлала повелительный жестъ рукой, чтобъ онъ шелъ. Онъ вышелъ въ страхѣ, блѣдный, сдалъ все на-руки Якову, Василисѣ и Савелью, и самъ изъ-за угла старался видѣть, что́ дѣлается съ бабушкой. Онъ не спускалъ глазъ съ ея оконъ и дверей.

А она машинально опустилась опять въ кресло, и какъ будто заснула въ безсознательной, мертвой дремотѣ, и оставалась неподвижно до утра, когда совсѣмъ разсвѣло.

Утромъ рано, Райскій, не ложившійся спать, да Яковъ съ Василисой, видѣли, какъ Татьяна Марковна, въ чемъ была наканунѣ и съ открытой головой, съ наброшенной на плечи турецкой шалью, пошла изъ дому, ногой отворяя двери, прошла всѣ комнаты, коридоръ, спустилась въ садъ, и шла, какъ будто бронзовый монументъ всталъ съ пьедестала и двинулся, ни на кого и ни на что́ не глядя. Она шла черезъ цвѣтникъ, по аллеямъ къ обрыву, стала спускаться съ обрыва ровнымъ, медленнымъ и широкимъ шагомъ, неся голову прямо, не поворачиваясь, глядя куда-то вдаль. Она скрылась въ лѣсъ.

Райскій бросился украдкой за ней, прячась за деревья.

Она шагала все ниже, ниже, прошла къ бесѣдкѣ, поникла головой и стала, какъ вкопаная. Райскій подкрадывался сзади ея, удерживая дыханіе.

«Мой грѣхъ»! сказала она, будто простонала, положивъ руки на голову, и вдругъ ускоренными шагами пошла дальше, вышла къ Волгѣ и стала неподвижно у воды. Вѣтеръ хлесталъ и обвивалъ платье около ея ногъ, шевелилъ ей волосы, рвалъ съ нея шаль—она не замѣчала.

У Райскаго замеръ духъ отъ мелькнувшей догадки: хочетъ утопиться!

Но она медленно поворотилась, шагая крупно и оставляя глубокій слѣдъ на влажномъ пескѣ.

Райскій вздохнулъ свободнѣе, но взглянувъ изъ-за кустовъ на ея лицо, когда она тихо шла тою же широкой походкой назадъ—онъ еще больше замеръ отъ ужаса.

Онъ не узналъ бабушку. На лицѣ у ней легла точно туча, и туча эта была—горе, та «бѣда», которую онъ въ эту ночь возложилъ ей на плечи. Онъ видѣлъ, что нѣтъ руки, которая бы сняла это горе.

Она правду сказала: бабушки нѣтъ больше. Это не бабушка, не Татьяна Марковна, любящая и нѣжная мать семейства, не помѣщица Малиновки, гдѣ все жило и благоденствовало ею и гдѣ жила и благоденствовала сама она, мудро и счастливо управляя маленькимъ царствомъ. Это была другая женщина.

Она будто не сама ходитъ, а носитъ ее посторонняя сила. Какъ широко шагаетъ она, какъ прямо и высоко несетъ голову и плечи, и на нихъ—эту свою «бѣду»! Она, не чуя ногъ, идетъ по лѣсу въ крутую гору; шаль повисла съ плечъ и мететъ концомъ соръ и пыль. Она смотритъ куда-то вдаль немигающими глазами, изъ которыхъ широко глядитъ одинъ окаменѣлый, покорный ужасъ.

Сознаніе всего другого, кромѣ «бѣды» умерло въ лицѣ: она точно лунатикъ, или покойница.

Онъ едва поспѣвалъ слѣдить за ней среди кустовъ, чтобъ не случилось съ ней чего-нибудь. Она все шла, осиливая крутую гору, и только однажды оперлась обѣими руками о дерево, положила на руки голову:—«мой грѣхъ»! повторила она прямо грудью, будто дохнула: «тяжело, облегчи, не снесу»! шепнула потомъ, и опять выпрямилась и пошла въ гору, поднимаясь на обрывъ, одолѣвая крутизну нечеловѣческой силой, оставляя клочки платья и шали на кустахъ.

Райскій, поражаясь изумленіемъ и ужасомъ, глядѣлъ на эту новую, необычайную женщину. «Только великія души перемогаютъ съ такой силой тяжелыя скорби, думалъ онъ: имъ, какъ орлицамъ, даны крылья летать подъ облаками и глаза—смотрѣть въ пропасти».

«И только вѣрующая душа несетъ горе такъ, какъ несла его эта женщина—и однѣ женщины такъ выносятъ его»! «Въ женской половинѣ человѣческаго рода, думалось ему, заключены великія силы, ворочающія міромъ. Только не поняты, не признаны, не воздѣланы онѣ, ни ими самими, ни мужчинами, и подавлены, грубо затоптаны, или присвоены мужской половиной, не умѣющей ни владѣть этими великими силами, ни разумно повиноваться имъ, отъ гордости. А женщины, не узнавая своихъ природныхъ и законныхъ силъ, вторгаются въ область мужской силы—и отъ этого взаимнаго захвата—вся неурядица».

«Это не бабушка! съ замираніемъ сердца, глядя на нее, думалъ онъ. Она казалась ему одною изъ тѣхъ женскихъ личностей, которыя внезапно изъ круга семьи выходили героинями въ великія минуты, когда падали вокругъ тяжкіе удары судьбы и когда нужны были людямъ, не грубыя силы мышцъ, не гордость крѣпкихъ умовъ, а силы души—нести великую скорбь, страдать, терпѣть и не падать!

У него въ головѣ мелькнулъ рядъ женскихъ историческихъ тѣней въ параллель бабушкѣ: видѣлась ему въ ней — древняя еврейка, іерусалимская госпожа, родоначальница племени — съ улыбкой горделиваго презрѣнія услышавшая пронесшееся въ народѣ глухое пророчество и угрозу: «снимется вѣнецъ съ народа, не узнавшаго посѣщенія», «придутъ римляне и возьмутъ»! Не повѣрила она, считая незыблемымъ вѣнецъ, возложенный рукою Іеговы на голову Израиля. Но когда насталъ часъ — «пришли римляне и взяли», она постигла, откуда палъ неотразимый ударъ, встала, снявъ свой вѣнецъ, и молча, безъ ропота, безъ малодушныхъ слезъ, которыми омывали Іерусалимскія стѣны мужья, разбивая о камни головы, только съ окаменѣлымъ ужасомъ покорности въ глазахъ пошла среди павшаго царства, въ великомъ безобразіи одеждъ, туда, куда вела ее рука Іеговы, и также,—какъ эта бабушка теперь—несла святыню страданія на лицѣ, будто гордясь, и силою удара, постигшаго ее, и своею силою нести его.

Пришла въ голову Райскому другая царица скорби, великая русская Марѳа, скованная, истерзанная московскими орлами, но сохранившая въ тюрьмѣ свое величіе и могущество скорби по погибшей славѣ Новгорода, покорная тѣломъ, но не духомъ, и умирающая все посадницей, все противницей Москвы, и какъ будто распорядительницей судебъ вольнаго города.

Толпились передъ нимъ, точно живыя, тѣни другихъ великихъ страдалицъ: русскихъ царицъ, мѣнявшихъ, по волѣ мужей, свой санъ на санъ инокинь и хранившихъ и въ кельѣ духъ и силу;

другихъ царицъ, въ роковыя минуты, стоявшихъ во главѣ — царства и спасавшихъ его....

Съ такою же силой скорби шли въ заточеніе съ нашими титанами, колебавшими небо, ихъ жены, боярыни и княгини, сложившія свой санъ, титулъ, но унесшія съ собой силу женской души и великой красоты, которой до сихъ поръ не знали за собой онѣ сами, не знали за ними и другіе, и которую онѣ, какъ золото въ огнѣ, закаляли въ огнѣ и дымѣ грубой работы, служа своимъ мужьямъ—князьямъ и неся и ихъ, и свою «бѣду». И мужья, преклоняя колѣни передъ этой новой для нихъ красотой, мужественнѣе несли кару. Обожженныя, изможденныя трудомъ и горемъ, онѣ хранили величіе духа и сіяли, среди испытанія, нетлѣнной красотой, какъ великія статуи, пролежавшія тысячелѣтія въ землѣ, выходили съ язвами времени на тѣлѣ, но сіяющія вѣчной красотой великаго мастера.

Такую великую силу—стоять подъ ударомъ грома, когда все падаетъ вокругъ,—безсознательно, вдругъ, какъ кладъ найдетъ, почуетъ въ себѣ русская женщина изъ народа, когда пламень пожара пожретъ ея хижину, добро и дѣтей. Съ такимъ же нѣмымъ, окаменѣлымъ ужасомъ, какъ бабушка, какъ Новгородская Марѳа, какъ тѣ царицы и княгини — уходитъ она прочь, глядя неподвижно на небо, и не оглянувшись, на столпъ огня и дыма, идетъ сильными шагами, неся выхваченнаго изъ пламени ребенка, ведя дряхлую мать, и взглядомъ и ногой толкая впередъ малодушнаго мужа, когда онъ, упавъ, грызя землю, смотритъ назадъ и проклинаетъ пламя... Она идетъ, твердо шагая загорѣлыми ногами, дальше, дальше, не зная, гдѣ остановится, или упадетъ, потерявъ силу. Она вѣритъ, что рядомъ идетъ съ ней другая сила и несетъ ея «бѣду», которую не снесла бы одна! Въ открыто-смотрящемъ и ничего невидящемъ взглядѣ лежитъ сила страдать и терпѣть. На лицѣ горитъ во всемъ блескѣ красота и величіе-мученицы. Громъ бьетъ ее, огонь палитъ, но не убиваетъ женскую силу.

Райскій съ ужасомъ отмахивался отъ этихъ, незванныхъ въ горькія минуты, явленій своей безпощадной фантазіи и устремилъ зоркое вниманіе за близкой ему страдалицей, наблюдая ее глазами и стараясь прочесть въ ея душѣ: что́ за образъ муки поселился въ ней?

Падало царство Татьяны Марковны, пустѣлъ домъ, похищено ея завѣтное, дорогое сокровище, ея гордость, ея жемчужина! Она одна бродила будто по развалинамъ. Опустѣла и душа у ней! Духъ мира, гордости, благоденствія покинулъ счастливый уголокъ. Она видѣла теперь въ немъ мерзость запустѣ-

нія—и цѣлый міръ опостылѣлъ ей. Когда она останавливалась, какъ будто набраться силы, глотнуть воздуха и освѣжить запекшіяся отъ сильнаго и горячаго дыханія губы, колѣни у ней дрожали: еще минута — и она готова рухнуть на землю, но чей-то голосъ, дающій силу, шепталъ ей: «иди, не падай—дойдешь!»

И старческое безсиліе пропадало, она шла опять. Проходила до вечера, просидѣла ночь у себя въ креслѣ, томясь страшной дремотой, съ бредомъ и стономъ, потомъ просыпалась, жалѣя, что проснулась, вставала съ зарей и шла опять съ обрыва, къ бесѣдкѣ, долго сидѣла тамъ на развалившемся порогѣ, положивъ голову на голыя доски пола, потомъ уходила въ поля, терялась среди кустовъ у Приволжья.

Случайно наткнулась она на часовню, въ полѣ, подняла голову, взглянула на образъ — и новый ужасъ, больше прежняго, широко выглянулъ изъ ея глазъ. Ее отшатнуло въ сторону. Она, какъ раненый звѣрь, упала на одно колѣно, тяжело приподнялась, и ускоренными шагами, падая опять и вставая, пронеслась мимо, закрывъ лицо шалью отъ образа Спасителя, и простонала:— «Мой грѣхъ»!

Люди были въ ужасѣ. Василиса съ Яковомъ почти не выходили изъ церкви, стоя на колѣняхъ. Первая обѣщалась сходить пѣшкомъ къ Кіевскимъ чудотворцамъ, если барыня оправится, а Яковъ поставить толстую съ позолотой свѣчу къ мѣстной иконѣ. Прочіе люди всѣ прятались по угламъ и глядѣли изъ щелей, какъ барыня, точно помѣшанная, бродила по полю и по лѣсу. Даже Марина, и та ошалѣла и ходила, какъ одичалая. Только Егорка пробовалъ хихикать и затрогивалъ горничныхъ, но онѣ гнали его прочь, а Василиса назвала его «супостатомъ».

Другой день бабушка не принимала никакой пищи. Райскій пробовалъ выйдти къ ней на встрѣчу, остановить ее и заговорить съ ней, она махнула ему повелительно рукой, чтобъ шелъ прочь.

Наконецъ онъ взялъ кружку молока и рѣшительно подступилъ къ ней, взявъ ее за руку. Она поглядѣла на него, какъ будто не узнала, поглядѣла на кружку, машинально взяла ее дрожащей рукой изъ рукъ его и съ жадностью выпила молоко до послѣдней капли, глотая медленными, большими глотками.

— Бабушка, пойдемте домой—не мучайте себя и насъ! умолялъ онъ: — вы убьете себя.

Она махнула ему рукой.

— Богъ посѣтилъ: не сама хожу, Его сила носитъ, — надо выносить до конца. Упаду—подберите меня... «Мой грѣхъ»! шепнула потомъ и пошла дальше.

Сдѣлавъ шаговъ десять, она обернулась къ нему. Онъ подбѣжалъ къ ней.

— Если не вынесу... умру... заговорила она и сдѣлала ему знакъ, чтобъ онъ наклонилъ голову.

Онъ сталъ на колѣни передъ ней.

Она прижала его голову къ своей груди, крѣпко поцѣловала ее и положила на нее руку.

— Прими мое благословеніе, сказала она: и передай имъ... Марѳинькѣ и... ей, — бѣдной моей Вѣрѣ... слышишь, и ей!...

— Бабушка! говорилъ онъ, заливаясь слезами и цѣлуя у ней руку.

Она вырвала руку и пошла дальше, блуждать въ кустахъ, по берегу, по полю.

«У вѣрующей души есть свое царство!» думалъ Райскій, глядя ей въ слѣдъ и утирая слезы:—«только она умѣетъ такъ страдать за все, что̀ любитъ, и такъ любить и такъ искупать свои и чужія заблужденія!»

Вѣра была не въ лучшемъ положеніи. Райскій поспѣшилъ передать ей разговоръ съ бабушкой, — и когда, на другой день, она, блѣдная, измученная, утромъ рано послала за нимъ и спросила: — что̀ бабушка? — онъ, вмѣсто отвѣта, указалъ ей на Татьяну Марковну, какъ она шла по саду и по аллеямъ въ поле.

Вѣра бросилась къ окнамъ и жадно вглядывалась въ это странствіе бабушки съ ношей «бѣды». Она успѣла мелькомъ уловить выраженіе на ея лицѣ и упала въ ужасѣ сама на полъ, потомъ встала, бѣгая отъ окна къ окну, складывая вмѣстѣ руки и простирая ихъ, какъ въ мольбѣ, вслѣдъ бабушкѣ. Она сама ходила, какъ дикая, по большимъ, запущеннымъ заламъ стараго дома, отворяя и затворяя за собой двери, бросаясь на старинныя канапе́, наталкиваясь на мебель. Она рвалась къ бабушкѣ и останавливалась въ ужасѣ: показаться ей на глаза, значило, можетъ быть, убить ее.

Настала настоящая казнь Вѣры. Она теперь только почувствовала, какъ глубоко вонзился ножъ, и въ ея, и въ чужую, но близкую ей жизнь, видя, какъ страдаетъ за нее эта трагическая старуха, недавно еще счастливая, а теперь оборванная, желтая, изможденная, мучающаяся за чужое преступленіе чужою казнью. «Она за что? Она — святая! А я!..» терзалась она.

Райскій принесъ ей благословеніе Татьяны Марковны. Вѣра бросилась ему на шею и долго рыдала.

Къ вечеру второго дня нашли Вѣру сидящую на полу, въ углу большой залы, полуодѣтую. Борисъ и жена священника,

пріѣхавшая въ тотъ день, почти силой увели ее оттуда и положили въ постель.

Райскій позвалъ доктора и кое-какъ старался объяснить ея разстройство. Тотъ прописалъ успокоительное питье, Вѣра выпила, но не успокоилась, забывалась часто сномъ, просыпалась и спрашивала: «что̀ бабушка?» Потомъ опять впадала въ забытье.

Она не слушала, что̀ жужжала ей на ухо любимая подруга, способная знать всѣ секреты Вѣры, беречь ихъ, покориться ей, какъ сильнѣйшей себя властной натурѣ, раздѣлять безусловно ея образъ мыслей, поддакивать желаніямъ, но оказавшаяся безсильною, когда загремѣлъ сильный громъ надъ головой Вѣры, помочь снести его и успокоить ее.

— Дай мнѣ пить! шептала Вѣра, не слушая ея лепета: — не говори, посиди такъ, не пускай никого... Узнай, что бабушка?

Такъ было и ночью. Просыпаясь, въ забытьи, Вѣра постоянно шептала: «бабушка нейдетъ! бабушка не любитъ! бабушка не проститъ!»

На третій день Татьяна Марковна ушла, не видали какъ, изъ дома. Райскій не выдержалъ двухъ безсонныхъ ночей и легъ отдохнуть, поручивъ разбудить себя, когда она выйдетъ изъ дому.

Но Яковъ и Василиса ушли къ ранней обѣднѣ, а Пашутка, завидя идущую барыню, съ испуга залѣзла въ вѣники и метлы, хранившіеся въ чуланѣ, да тамъ и заснула. Прочіе люди разбѣжались въ разныя стороны.

Однако Савелій видѣлъ, что барыня сошла съ обрыва, что она шла нетвердо, хваталась за деревья, и потомъ прошла въ поле.

Райскій бросился въ слѣдъ за ней и изъ-за угла видѣлъ, какъ она медленно возвращалась по полю къ дому. Она останавливалась и озиралась назадъ, какъ будто прощалась съ крестьянскими избами. Райскій подошелъ къ ней, но заговорить не смѣлъ. Его поразило новое выраженіе ея лица. Мѣсто покорнаго ужаса заступило, повидимому, безотрадное сознаніе. Она не замѣчала его и какъ будто смотрѣла въ глаза своей «бѣдѣ».

Ей на яву снилось, какъ царство ея рушилось, и какъ на мѣстѣ его легла мерзость запустѣнія въ близкомъ будущемъ. Послѣ, отъ нея самой, онъ узналъ страшный сонъ, ей снившійся.

Озираясь на деревню, она видѣла — не цвѣтущій, благоустроенный порядокъ домовъ, а лишенный надзора и попеченія рядъ полусгнившихъ избъ — притонъ пьяницъ, нищихъ, бродягъ и воровъ. Поля лежатъ пустыя, поросшія полынью,

лопухомъ и крапивой. Она съ ужасомъ отворотилась отъ деревни и вошла въ садъ, остановилась, озираясь вокругъ, не узнавая домовъ, двора. Садъ, цвѣтникъ огороды — смѣшались въ одну сплошную кучу, спутались и поросли быліемъ. Туда не заходитъ человѣкъ: только коршунъ, утащивъ живую добычу, терзаетъ ее тамъ на просторѣ. Новый домъ покривился и вросъ въ землю; людскія развалились, на развалинахъ ползаетъ и жалобно мяучитъ одичалая кошка, да бѣглый колодникъ прячется подъ осѣвшей кровлей.

Старуха вздрогнула и оглянулась на старый домъ. Онъ перестоялъ все — когда все живое съ ужасомъ ушло отъ этихъ мѣстъ — онъ стоитъ мрачный, облупившійся, съ своими темно-бурыми кирпичными боками. Стеколъ нѣтъ въ окнахъ, сгнили рамы, и въ обвалившихся покояхъ ходитъ вѣтеръ, срывая послѣдніе слѣды жизни. Въ каминѣ свилъ гнѣздо филинъ, не слышно живыхъ шаговъ, только тѣнь ея... кого ужъ нѣтъ, кто умретъ тогда, ея Вѣры — скользитъ по тусклымъ, треснувшимъ паркетамъ, мѣшая свой стонъ съ воемъ вѣтра, и въ слѣдъ за нимъ мчится по саду, съ обрыва, въ бесѣдку...

Райскій видѣлъ, что по лицу бабушки потекла медленно слеза и остановилась, какъ будто застыла. Старуха зашаталась и ощупью искала опоры, готовая упасть... Онъ бросился къ ней, и съ помощью Василисы, довелъ до дома, усадилъ въ кресла и бросился за докторомъ. Она смотрѣла, не узнавая ихъ. Василиса горько зарыдала и повалилась ей въ ноги. «Матушка Татьяна Марковна! вопила она: придите въ себя, сотворите крестное знаменіе!» Старуха перекрестилась, вздохнула, и знакомъ показала, что не можетъ говорить, чтобы дали ей пить.

Она легла въ постель, почти машинально, какъ будто не понимая, что̀ дѣлаетъ. Василиса раздѣла ее, обложила теплыми салфетками, вытерла ей руки и ноги спиртомъ, и наконецъ заставила проглотить рюмку теплаго вина. Докторъ не велѣлъ ее безпокоить, оставить спать и потомъ дать лекарство, которое прописалъ.

До Вѣры дошло неосторожное слово: бабушка слегла! Она сбросила съ себя одѣяло, оттолкнула Наталью Ивановну и хотѣла идти къ ней. Но Райскій остановилъ ее, сказавши, что Татьяна Марковна погрузилась въ крѣпкій сонъ.

Къ вечеру Вѣра также разнемоглась. У ней появился жаръ и бредъ. Она металась всю ночь, звала бабушку во снѣ, плакала.

Райскій совсѣмъ потерялъ голову и наконецъ рѣшился пригласить стараго доктора, Петра Петровича, и намекнуть ему о разстройствѣ Вѣры, не говоря, конечно, о причинѣ. Онъ съ не-

терпѣніемъ ждалъ только утра и безпрестанно ходилъ, отъ Вѣры къ Татьянѣ Марковнѣ, отъ Татьяны Марковны къ Вѣрѣ.

Бабушка лежала съ закрытой головой. Онъ боялся взглянуть, спитъ ли она, или все еще одолѣваетъ своей силой силу горя. Онъ на цыпочкахъ входилъ къ Вѣрѣ и спрашивалъ Наталью Ивановну: что она?

— Безпрестанно просыпается и плачетъ, бредитъ! говорила Наталья Ивановна, сидя у изголовья.

— Боже мой! говорилъ Райскій, возвращаясь къ себѣ и бросаясь усталый, и тѣломъ, и душой, въ постель. — Думалъ ли я, что въ этомъ углу вдругъ попаду на такія драмы, на такія личности? Какъ громадна и страшна простая жизнь въ наготѣ ея правды и какъ люди остаются цѣлы послѣ такой трескотни! А мы тамъ, въ кучѣ, стряпаемъ свою жизнь и страсти, какъ повара — тонкія блюда!..

VIII.

Вѣрѣ къ утру не было лучше. Жаръ продолжался, хотя она и спала. Но сонъ ея безпрестанно прерывался, и она лежала въ забытьи.

Райскій пошелъ къ Татьянѣ Марковнѣ, и вмѣстѣ съ Василисой, вошелъ въ ея спальню.

Она лежала все въ томъ же положеніи, какъ цѣлый день вчера.

— Посмотри, Василиса, что она? Я боюсь подойти, чтобъ не испугать, шепталъ Райскій.

— Не разбудить ли барыню?

— Да, надо бы: Вѣра больна... Я не знаю, послать ли за Петромъ Петровичемъ?..

Онъ не договорилъ, какъ Татьяна Марковна вдругъ приподнялась и сѣла на постели.

— Вѣра больна? повторила она.

Райскій вздохнулъ свободнѣе.

На лицо бабушки, вчера еще мертвое, каменное, вдругъ хлынула жизнь, забота, страхъ. Она сдѣлала ему знакъ рукой, чтобъ вышелъ, и въ полчаса кончила свой туалетъ. Широкими, но поспѣшными шагами, съ тревогой на лицѣ, перешла она черезъ дворъ и поднялась къ Вѣрѣ: усталости — какъ не бывало. Жизнь воротилась къ ней, и Райскій радовался, какъ доброму другу, страху на ея лицѣ.

Она осторожно вошла въ комнату Вѣры, устремила глубокій взглядъ на ея спящее, блѣдное лицо и шепнула Райскому

послать за старымъ докторомъ. Она тутъ только замѣтила жену священника, увидѣла ея измученное лицо, обняла ее и сказала, чтобы она пошла и отдыхала у ней цѣлый день.

— Теперь никто не нуженъ: я тутъ! сказала она и устроила себѣ помѣщеніе подлѣ постели Вѣры.

Пріѣхалъ докторъ. Татьяна Марковна, утаивъ причину, искусно объяснила ему разстройство Вѣры. Онъ нашелъ признаки горячки, далъ лекарство, и сказалъ, что, если она успокоится, то и послѣдствій опасныхъ ожидать нельзя.

Вѣра въ полуснѣ приняла лекарство и вечеромъ заснула крѣпко. Татьяна Марковна сѣла сзади изголовья и положила голову на тѣ же подушки съ другой стороны. Она не спала, чутко сторожа каждое движеніе, вслушиваясь въ дыханіе Вѣры. Вѣра просыпалась, спрашивала: «ты спишь, Наташа?» и не получивъ отвѣта, закрывала глаза, по временамъ открывая ихъ съ мучительнымъ вздохомъ опять, лишь только память и сознаніе напомнятъ ей ея положеніе. Она спѣшила погрузиться въ свою дремоту; ночь казалась ей черной, страшной тюрьмой.

Она ночью пошевелилась, попросила пить. Рука изъ-за подушки подала ей питье. «Что бабушка?» спросила она, открывъ глаза и опять закрыла ихъ.

— Наташа, гдѣ ты: поди сюда, что ты все прячешься?

Отвѣта не было.

Она глубоко вздохнула и опять стала дремать.

«Бабушка нейдетъ! Бабушка не любитъ!» шептала она съ тоской, отрезвившись на минуту отъ сна. «Бабушка не проститъ!»

«Бабушка пришла!» «Бабушка любитъ!» «Бабушка простила!» произнесъ голосъ надъ ея головой.

Вѣра вскочила съ постели и бросилась къ Татьянѣ Марковнѣ.

— Бабушка! закричала она и спрятала голову у ней на груди.

Татьяна Марковна положила ее на постель и прилегла своей сѣдой головой рядомъ съ этими темными, густыми волосами, разбросанными по блѣдному, прекрасному, измученному лицу.

Вѣра, на груди этой своей матери, въ потокахъ слезъ, безъ словъ, въ судорогахъ рыданій, изливала свою исповѣдь, раскаяніе, горе, всю, вдругъ прорвавшуюся силу страданій.

Бабушка молча слушала рыданія и платкомъ отирала ея слезы, не мѣшая плакать, и только прижимая ея голову къ своей груди и осыпая поцѣлуями.

— Не ласкайте, бабушка... бросьте меня... не стою я... отдайте вашу любовь и ласки сестрѣ...

Бабушка въ отвѣтъ крѣпче прижала ее къ груди.

— Сестрѣ не нужны больше мои ласки: а мнѣ нужна твоя любовь — не покидай меня, Вѣра, не чуждайся меня больше: я сирота! сказала она, и сама заплакала.

Вѣра сжала ее всей своей силой.

— Мать моя, простите меня... шептала она.

Бабушка поцѣлуемъ зажала ей ротъ.

— Молчи, ни слова—никогда!

— Я не слушала васъ... Богъ покаралъ меня за васъ...

— Что ты говоришь, Вѣра? вдругъ, въ ужасѣ, блѣднѣя, остановила ее Татьяна Марковна, и опять стала похожа на дикую старуху, которая бродила по лѣсу и по оврагамъ.

— Да, я думала, что одной своей воли и ума довольно на всю жизнь, что я умнѣе всѣхъ васъ...

Татьяна Марковна вздохнула свободно. Ее, повидимому, встревожила какая-то другая мысль, или предположеніе.

— Ты, и умнѣе меня, и больше училась, сказала она: тебѣ Богъ далъ много остроты — но ты не опытнѣе бабушки...

«Теперь... и опытнѣе!» подумала Вѣра и припала лицомъ къ ея плечу.—Возьмите меня отсюда: Вѣры нѣтъ. Я буду вашей Марѳинькой... шептала она. — Я хочу вонъ изъ этого стараго дома, туда, къ вамъ...

Бабушка молча ласкала ее.

Обѣ головы покоились рядомъ, и ни Вѣра, ни бабушка не сказали больше ни слова. Онѣ тѣсно прижались другъ къ другу и къ утру заснули въ объятіяхъ одна другой.

IX.

Вѣра встала утромъ безъ жара и озноба, только была блѣдна и утомлена. Докторъ сказалъ, что ничего больше и не будетъ, но не велѣлъ выходить нѣсколько дней изъ комнаты.

Все пришло въ прежній порядокъ. Имянины Вѣры, по ея желанію, прошли незамѣтно. Ни Марѳинька, ни Викентьевы не пріѣхали съ той стороны. Къ нимъ посланъ былъ нарочный сказать, что Вѣра Васильевна не такъ здорова и не выходитъ изъ комнаты.

Тушинъ прислалъ почтительную записку съ поздравленіемъ и просилъ позволенія побывать.

Ему отвѣчали «погодите, я еще нездорова».

Пріѣзжавшимъ изъ города всѣмъ отказывали, подъ предлогомъ болѣзни имянинницы. Только горничныя, не смотря ни на

что, разрядились въ свои разноцвѣтныя платья и ленты и намазались гвоздичной помадой, да кучера и лакеи опять напились пьяны.

Вѣра и бабушка стали въ какое-то новое положеніе одна къ другой. Бабушка не казнила Вѣру никакимъ притворнымъ снисхожденіемъ, хотя очевидно не принимала такъ легко рѣшительный опытъ въ жизни женщины, какъ Райскій, и еще менѣе обнаруживала то безусловное презрѣніе, какимъ клеймитъ эту «ошибку», «несчастье», или, пожалуй, «паденіе» старый, въѣвшійся въ людскія понятія ригоризмъ, не разбирающій даже строго причинъ «паденія». Обѣ смотрѣли другъ на друга серьезно, говорили мало, больше о мелочахъ, ежедневныхъ предметахъ, но въ обмѣнивающихся взглядахъ высказывался цѣлый нѣмой разговоръ.

Обѣ какъ-будто наблюдали одна за другою, а заговаривать боялись. Татьяна Марковна не произносила ни одного слова, ни въ защиту, ни въ оправданіе «паденія», не напоминала ни о чемъ, и видимо старалась, чтобъ и Вѣра забыла. Она только удвоила ласки, но неумышленно, не притворно — съ цѣлью только скрыть свой судъ или свои чувства. Она въ самомъ дѣлѣ была нѣжнѣе, будто Вѣра стала милѣе и ближе ей послѣ своей откровенности, даже и самаго проступка.

Вѣра видѣла эту безъискуственность, но ей было не легче отъ этого. Она ждала и хотѣла строгаго суда, казни: напримѣръ, еслибъ бабушка на полгода или на годъ отослала ее съ глазъ долой, въ свою дальнюю деревню, а сама справилась бы какъ-нибудь съ своими обманутыми и поруганными чувствами довѣрія, любви, и потомъ простила, призвала бы ее, но долго еще не принимала бы ее въ свою любовь, не дарила бы лаской и нѣжностью, пока Вѣра, нѣсколькими годами, работой всѣхъ силъ ума и сердца, не воротила бы себѣ права на любовь этой матери: тогда только успокоилась бы она, тогда настало бы искупленіе, или, по крайней мѣрѣ, забвеніе, если правда, что «время все стираетъ съ жизни», какъ утверждаетъ Райскій. «Все ли?» думала она печально. Времени не стало бы стереть всѣ ея муки, которыя теперь, одна за другою, являлись по очереди, наносить каждая свои удары, взглянувъ сначала всѣ вмѣстѣ ей въ лицо. Она уже пережила ихъ нѣсколько, теперь переживаетъ одну изъ самыхъ страшныхъ: а внутри ея еще прячется самая злая, которой никто не знаетъ и которую едва ли сотретъ время. Она старалась не думать о ней, и въ эту минуту думала только — какъ примирить бабушку съ горемъ, облегчить ей удары.

Она вникала въ это молчаніе бабушки, въ эту ея новую

нѣжность къ себѣ, и между тѣмъ подстерегала какіе-то бросаемые изподтишка взгляды на нее, — и не знала чѣмъ объяснить?

Что бабушка страдаетъ невыразимо — это ясно. Она отъ скорби измѣнилась: по временамъ горбится, пожелтѣла, у ней прибавились морщины. Но тутъ же рядомъ, глядя на Вѣру, или слушая ее, она вдругъ выпрямится, взглядъ ея загорится такою нѣжностью, что какъ-будто она теперь только нашла въ Вѣрѣ не прежнюю Вѣру, внучку, но собственную дочь, которая стала ей еще милѣе.

Отчего же милѣе? Можетъ быть, бабушка теперь щадитъ ее, думалось Вѣрѣ, отъ того, что ея женское, глубокое сердце открылось состраданію. Ей жаль карать бѣдную, больную, покаявшуюся, — и она рѣшилась покрыть ея грѣхъ христіанскимъ милосердіемъ.

«Да, больше нечего предположить», смиренно думала она. «Но Боже мой, какое страданіе — нести это милосердіе, эту милостыню! Упасть, безъ надежды встать — не только въ глазахъ другихъ, но даже въ глазахъ этой бабушки, своей матери!»

Она будетъ лелѣять, ласкать ее, пожалуй, больше прежняго, но ласкать, какъ ласкаютъ бѣднаго идіота, помѣшаннаго, обиженнаго природой или судьбой, или еще хуже — какъ падшаго, несчастнаго брата, которому люди бросаютъ милостыню состраданія!

Гордость, человѣческое достоинство, права на уваженіе, цѣлость самолюбія — все разбито въ дребезги! Оборвите эти цвѣты съ вѣнка, которымъ украшенъ человѣкъ, съ которымъ онъ — человѣкъ, и онъ сдѣлается почти вещью. Толпа сострадательно глядитъ на падшаго и казнитъ молчаніемъ, какъ бабушка ее! Нельзя жить тому, въ чьей душѣ когда-нибудь жила законная человѣческая гордость, сознаніе своихъ правъ на уваженіе, кто носилъ прямо голову, — нельзя жить!

Она слыхала нѣсколько примѣровъ увлеченій, припомнила, какой судъ изрекали люди надъ падшими, и какъ эти несчастныя несли казнь почти публичныхъ ударовъ. — Чѣмъ я лучше ихъ? думала Вѣра. А Маркъ увѣрялъ, и Райскій тоже, что за этимъ.... Рубикономъ, начинается другая, новая, лучшая жизнь! Да, новая, но какая «лучшая»! «Бабушка сострадательна къ ней: отъ одного этого можно умереть! А бывало она уважала ее, гордилась ею, признавала за ней права на свободу мыслей и дѣйствій, давала ей волю, вѣрила ей! И все это пропало! Она обманула ея довѣріе и не устояла въ своей гордости!

Она — нищая въ родномъ кругу. Ближніе видѣли ее падшую, пришли и, отворачиваясь, накрыли одеждой изъ жалости, гордо

думая про себя: «Ты не встанешь никогда, бѣдная, и не станешь съ нами рядомъ: прими, Христа ради, наше прощеніе!»

«Чтожъ, и приму, ради Его — и смирюсь! Но я хочу не милости, а гнѣва, грома.... Опять гордость: гдѣ же смиреніе? Смиреніе значитъ — выносить взглядъ укоризны чистой женщины, блѣднѣть подъ этимъ взглядомъ цѣлые годы, всю жизнь, и не смѣть роптать. И не буду! Перенесу все: сострадательное великодушіе Тушина и Райскаго, жалость, прикрывающую, можетъ быть, невольное презрѣніе бабушки.... Бабушка презираетъ меня!» вся трясясь отъ тоски, думала она и пряталась отъ ея взгляда, сидѣла молча, печальная, у себя въ комнатѣ, отворачивалась, или потупляла глаза, когда Татьяна Марковна смотрѣла на нее съ глубокой нѣжностью.... или сожалѣніемъ, какъ казалось ей.

Тутъ ей, какъ всегда бываетъ, представлялась чистота, прелесть, весь ароматъ ея жизни—до встрѣчи съ Маркомъ, ея спокойствіе до рокового вечера... Она вздрагивала.

Оказалось, что у ней пропало и пренебреженіе къ чужому мнѣнію. Ей стало больно упасть въ глазахъ даже и «глупцовъ», какъ выражался Маркъ. Она вздыхала по удивленію ихъ къ себѣ, ей стало жаль общаго поклоненія, теперь утраченнаго! «Ахъ, хоть «Кунигунда» надоумила бы меня тогда!» думала она съ трагическимъ юморомъ.

Она хотѣла молиться, и не могла: о чемъ она станетъ молиться? Ей остается смиренно склонить голову передъ громомъ и нести его. Она клонила голову и несла тяжесть «презрѣнія», какъ она думала.

Снаружи она казалась всѣмъ покойною. Но глаза у ней впали, краски не появлялись на блѣдномъ лицѣ, пропала грація походки, свобода движеній. Она худѣла и видимо томилась жизнью.

Ей ни до кого и ни до чего не было дѣла. Она отпустила Наталью Ивановну домой, сидѣла у себя запершись, обѣдала съ бабушкой, поникала головой, когда та обращала на нее пристальный взглядъ, или заговаривала ласково и нѣжно. Она дѣлалась еще угрюмѣе, и только спѣшила исполнять, покорнѣе Пашутки, каждое желаніе Татьяны Марковны, выраженное словомъ или взглядомъ.

Ее какъ-будто стало невидно и неслышно въ домѣ. Ходила она тихо, какъ тѣнь, просила, что нужно, шепотомъ, не глядя въ глаза никому прямо. Не смѣла ничего приказывать. Ей казалось, что Василиса и Яковъ смотрѣли на нее сострадательно, Егорка дерзко, а горничныя — насмѣшливо.

«Вотъ она «новая жизнь!» думала она, потупляя глаза передъ взглядомъ Василисы и Якова и сворачивая быстро въ сто-

рону отъ Егорки и отъ горничныхъ. А никто въ домѣ, кромѣ Райскаго, не зналъ ничего. Но ей казалось, какъ всѣмъ кажется въ ея положеніи, что она читала свою тайну у всѣхъ на лицѣ.

И Татьяна Марковна, наблюдая за Вѣрой, задумывалась и какъ-будто заражалась ея печалью. Она тоже ни съ кѣмъ почти не говорила, мало спала, мало входила въ дѣла, не принимала ни прикащика, ни купцовъ, приходившихъ справляться о хлѣбѣ, не отдавала приказаній въ домѣ. Она сидѣла, опершись рукой о столъ и положивъ голову въ ладони, оставаясь подолгу одна.

И она, и Вѣра, обѣ привязались къ Райскому. Простота его души, мягкость, искренность, глядѣвшая изъ каждаго слова, и откровенность, простертая до болтливости, наконецъ игра фантазіи—все это нѣсколько утѣшало и развлекало и ту и другую.

Онъ иногда даже заставлялъ ихъ улыбаться. Но онъ напрасно старался изгнать совсѣмъ печаль, тучей сѣвшую на нихъ обѣихъ и на весь домъ, онъ и самъ печалился, видя, что ни уваженіе его, ни нѣжность бабушки—не могли возвратить бѣдной Вѣрѣ прежней бодрости, гордости, увѣренности въ себѣ, силъ ума и воли.

— Бабушка презираетъ меня, любитъ изъ жалости! Нельзя жить, я умру! шептала она Райскому. Тотъ бросался къ Татьянѣ Марковнѣ, передавая ей новыя муки Вѣры. Къ ужасу его, бабушка, какъ потерянная, слушала эти тихіе стоны Вѣры, не находя въ себѣ силъ утѣшить ее, блѣднѣла и шла молиться.

— Молись и ты! шептала она ей иногда мимоходомъ.

— Молитесь вы за меня, — я не могу! отвѣчала Вѣра.

— Плачь, говорила бабушка.

— Слезъ нѣтъ, отвѣчала Вѣра, и онѣ молча расходились по своимъ угламъ.

Райскій также привязался къ нимъ обѣимъ, сталъ ихъ другомъ. Вѣра и бабушка высоко поднялись въ его глазахъ, какъ святыя, и онъ жадно ловилъ каждое слово, взглядъ, не зная передъ кѣмъ умиляться, плакать. Въ Вѣрѣ оканчивалась его статуя гармонической красоты. А тутъ рядомъ возникала другая статуя сильной, античной женщины—въ бабушкѣ. Та, огнемъ страсти, испытанія, очистилась до самопознанія и самообладанія, а эта... Откуда у ней этотъ источникъ мудрости и силы? Она—дѣвушка! Онъ никакъ не могъ добраться; бабушка была загадкой для него. Онъ напрасно искалъ ключа.

Обѣ упрашивали Райскаго остаться тутъ навсегда, жениться, завестись домомъ. «Боюсь, не выдержу, говорилъ онъ въ отвѣтъ: воображеніе опять запроситъ идеаловъ, а нервы новыхъ ощущеній, и скука съѣстъ меня за-живо! Какія цѣли у художника? творчество: вотъ его жизнь!.. Прощайте! скоро уѣду, заканчи-

валъ онъ обыкновенно свою рѣчь, и еще больше печалилъ обѣихъ и самъ чувствовалъ горе, а за горемъ грядущую пустоту и скуку.

Бабушка погружалась въ свою угрюмость, Вѣра тайно убивалась печалью, и дни проходили за днями. Тоска Вѣры была постоянная, неутолимая, и печаль Татьяны Марковны возрастала по мѣрѣ того, какъ она слѣдила за Вѣрой.

Она, пока Вѣра хворала, проводила ночи въ старомъ домѣ, ложась на диванѣ, противъ постели Вѣры, и караулила ея сонъ. Но почти всегда случалось такъ, что обѣ женщины, думая подстеречь одна другую, видѣли, что ни та, ни другая не спитъ.

— Ты не спишь, Вѣрочка? спроситъ бабушка.

— Сплю, отвѣчаетъ Вѣра и закрываетъ глаза, чтобъ обмануть бабушку.

— Вы не спите, бабушка? спроситъ и Вѣра, также поймавъ ея, смотрящій на нее взглядъ.

— Сейчасъ только проснулась, говоритъ Татьяна Марковна, и поворачивается на другой бокъ.

«Нельзя жить: нѣтъ покоя и не будетъ никогда!» терзалась про себя Вѣра.

«Нѣтъ—не избудешь горя: Богъ велитъ казнить себя, чтобъ успокоить ее...» думала бабушка съ глубокимъ вздохомъ.

— Когда же вы возьмете меня къ себѣ отсюда, бабушка?

— Послѣ свадьбы, когда Марѳинька уѣдетъ...

— Я теперь хочу, мнѣ не живется здѣсь, не спится...

— Погоди, оправься немного, тогда...

Вѣра умолкала, не смѣя настаивать. «Не беретъ! думала она, презираетъ...»

X.

На другой день послѣ такой безсонной ночи, Татьяна Марковна послала съ утра за Титомъ Никонычемъ. Онъ пріѣхалъ было веселый, радуясь, что угрожавшая ей и «отмѣнной дѣвицѣ» Вѣрѣ Васильевнѣ болѣзнь и разстройство миновались благополучно, привезъ громадный арбузъ и ананасъ въ подарокъ, расшаркался, разлюбезничался, блистая складками бѣлоснѣжной сорочки, желтыми нанковыми панталонами, синимъ фракомъ, съ золотыми пуговицами, и сладчайшей улыбкой.

— Обновилъ къ осени фуфайку: поздравьте, сказалъ онъ:— подарокъ дражайшаго Бориса Павловича...

Взглянувъ на Татьяну Марковну, онъ вдругъ остолбенѣлъ и испугался.

Она, накинувъ на себя мѣховую кацавейку и накрывъ голову косынкой, молча сдѣлала ему знакъ идти за собой и повела его въ садъ. Тамъ, сидя на скамьѣ Вѣры, она два часа говорила съ нимъ, и потомъ воротилась, глядя себѣ подъ ноги, домой, а онъ, не зашедши къ ней, точно убитый, отправился къ себѣ, велѣлъ камердинеру уложиться, послалъ за почтовыми лошадьми и уѣхалъ въ свою деревню, куда нѣсколько лѣтъ не заглядывалъ.

Райскій зашелъ къ нему и съ удивленіемъ услышалъ эту новость. Обратился къ бабушкѣ, та сказала, что у него въ деревнѣ что-то не покойно.

Вѣра была грустнѣе, нежели когда-нибудь. Она больше лежала небрежно на диванѣ и смотрѣла въ полъ, или ходила взадъ и впередъ по комнатамъ стараго дома, блѣдная, съ желтыми пятнами около глазъ.

На лбу у ней въ эти минуты ложилась рѣзкая линія — намекъ на будущую морщину. Она грустно улыбалась, глядя на себя въ зеркало. Иногда подходила къ столу, гдѣ лежало нераспечатанное письмо на синей бумагѣ, бралась за ключъ и съ ужасомъ отходила прочь. «Куда уйдти? гдѣ спрятаться отъ цѣлаго міра?» думала она.

Нынѣшній день протянулся до вечера, какъ вчерашній, какъ вѣроятно, протянется завтрешній. Насталъ вечеръ, ночь. Вѣра легла и загасила свѣчу, глядя открытыми глазами въ темноту. Ей хотѣлось забыться, уснуть, но сонъ не приходилъ.

Въ темнотѣ рисовались ей какія-то пятна, чернѣе самой темноты. Пробѣгали, волнуясь, какія-то тѣни по слабому свѣту оконъ. Но она не пугалась: нервы были убиты, и она не замерла бы отъ ужаса, еслибъ изъ угла встало передъ ней привидѣніе, или вкрался бы воръ, или убійца въ комнату, не смутилась бы, еслибъ ей сказали, что она не встанетъ болѣе.

И она продолжала глядѣть въ темноту, на проносившіяся волнистыя тѣни, на черныя пятна, сгущавшіяся въ темнотѣ, на какія-то вертящіеся, какъ въ калейдоскопѣ, кружки.

Вдругъ ей показалось, что дверь ея начинаетъ понемногу отворяться, вотъ скрыпнула... Она оперлась на локоть и устремила глаза въ дверь.

Показался свѣтъ и рука, загородившая огонь. Вѣра перестала смотрѣть, положила голову на подушку и притворилась спящею. Она видѣла, что это была Татьяна Марковна, входившая осторожно, съ ручной лампой. Она спустила съ плечъ на стулъ салопъ и шла тихо къ постели, въ бѣломъ капотѣ, безъ чепца, какъ привидѣніе.

Поставивъ лампу на столикъ, за изголовьемъ Вѣры, она сама сѣла напротивъ, на кушетку, такъ тихо, что не стукнула лампа у ней, когда она ставила ее на столикъ, не заскрипѣла кушетка, когда она садилась.

Она пристально смотрѣла на Вѣру: та лежала съ закрытыми глазами. Татьяна Марковна, опершись щекой на руку, не спускала съ нея глазъ, и изрѣдка, удерживая вздохи, тихо облегчала ими грудь.

Прошло больше часа. Вѣра вдругъ открыла глаза: Татьяна Марковна смотритъ на нее пристально.

— Тебѣ не спится, Вѣрочка?

— Не спится.

— Отчего?

Молчаніе. Вѣра глядѣла въ лицо Татьяны Марковны и замѣтила, что она блѣдна.

«Не можетъ перенести удара, думала Вѣра: а притворства не достаетъ, правда рвется наружу....»

— За чѣмъ вы казните меня и по ночамъ, бабушка? сказала она тихо.

Бабушка молча смотрѣла на нее.

Вѣра отвѣчала ей такимъ же продолжительнымъ взглядомъ. Обѣ женщины говорили глазами и, казалось, понимали другъ друга.

— Не смотрите такъ, ваша жалость убьетъ меня. Лучше сгоните меня со двора, а не изливайте по каплѣ презрѣніе... Бабушка! мнѣ невыносимо тяжело! простите, а если нельзя, схороните меня куда-нибудь живую. Я бы утопилась...

— За чѣмъ, Вѣра, не то говоритъ у тебя языкъ, что думаетъ голова?

— А зачѣмъ вы молчите? что́ у васъ на умѣ? Я не понимаю вашего молчанія и мучаюсь. Вы хотите что-то сказать и не говорите...

— Тяжело, Вѣра, говорить. Молись — и пойми бабушку безъ разговора... если можно...

— Пробовала молиться, да не могу: о чемъ? чтобъ умереть скорѣй?

— О чемъ ты тоскуешь, когда все забыто? сказала Татьяна Марковна, пытаясь еще разъ успокоить Вѣру, и пересѣла съ кушетки къ ней на постель.

— Нѣтъ, не забыто! моя вина написана у васъ въ глазахъ... Они все говорятъ...

— Что́ они говорятъ?

— Что нельзя жить больше, что... все погибло.

— Не умѣешь ты читать бабушкиныхъ взглядовъ.

— Я умру, я знаю: только бы скорѣй, ахъ, скорѣй! говорила Вѣра, ворочая лицо къ стѣнѣ.

Татьяна Марковна тихо покачала головой.

— Нельзя жить! съ унылой увѣренностью повторила Вѣра.

— Можно! съ глубокимъ вздохомъ сказала Татьяна Марковна.

— Послѣ... того?... обернувшись къ ней спросила Вѣра.

— Послѣ того...

Теперь Вѣра вздохнула безнадежно.

— Вы не знаете, бабушка... вы не такая...

— Такая... чуть слышно, наклоняясь къ ней, прошептала Татьяна Марковна.

Вѣра быстро взглянула на нее съ жадностью раза два, три, потомъ печально опустилась на подушки.

— Вы святая! Вы никогда не были въ моемъ положеніи.... говорила она, какъ будто про себя. — Вы праведница!

— Грѣшница! чуть слышно прошептала Татьяна Марковна.

— Всѣ грѣшны.... но не такая грѣшная, какъ я....

— Такая же....

— Что?! вдругъ приподнявшись на локоть, съ ужасомъ въ глазахъ и въ голосѣ, спросила Вѣра.

— Такая же грѣшница, какъ и ты....

Вѣра обѣими руками вцѣпилась ей въ кофту и прижалась лицомъ къ ея лицу.

— Зачѣмъ клевещешь на себя? почти шипѣла она дрожа: чтобъ успокоить, спасти бѣдную Вѣру.—Бабушка! бабушка, не лги!

— Я не лгу никогда, шептала, едва осиливая себя, старуха: ты это знаешь. Солгу ли я теперь? Я грѣшница.... грѣшница... говорила она, сползая на колѣни передъ Вѣрой и клоня сѣдую голову ей на грудь. — Прости и ты меня!...

Вѣра замерла отъ ужаса.

— Бабушка... шептала она, и въ изумленіи широко открыла глаза—точно воскресая:—можетъ ли это быть?—И вдругъ съ силой прижала голову старухи къ груди.

— Что ты дѣлаешь? зачѣмъ говоришь мнѣ это?.... Молчи! Возьми назадъ свои слова! я не слыхала, я ихъ забуду, сочту своимъ бредомъ.... не казни себя для меня!

— Нельзя: Богъ велитъ! говорила старуха, стоя на колѣняхъ у постели и склонивъ голову.

— Встань, бабушка!... Поди ко мнѣ сюда!...

Бабушка плакала у ней на груди.

И Вѣра зарыдала, какъ ребенокъ.

— Зачѣмъ сказала ты....

— Надо! *Онъ* велитъ смириться, говорила старуха, указывая на небо:—просить у внучки прощенія. Прости меня, Вѣра, прежде ты. Тогда и я могу простить тебя.... Напрасно я хотѣла обойти тайну, умереть съ ней.... Я погубила тебя своимъ грѣхомъ...

— Ты спасаешь меня бабушка.... отъ отчаянія....

— И себя тоже, Вѣра. Богъ проститъ насъ, но Онъ требуетъ очищенія! Я думала, грѣхъ мой забытъ, прощенъ. Я молчала и казалась праведной людямъ: не правда! Я была — какъ «окрашенный гробъ» среди васъ, а внутри таился неомытый грѣхъ! Вотъ онъ гдѣ вышелъ наружу: на третьемъ колѣнѣ, въ твоемъ грѣхѣ! Богъ покаралъ меня въ немъ. Прости же меня отъ сердца....

— Бабушка! развѣ можно прощать свою мать? Ты святая женщина!—Нѣтъ другой такой матери.... Еслибъ я тебя знала... вышла ли бы я изъ твоей воли?....

— Это мой другой страшный грѣхъ! перебила ее Татьяна Марковна: я молчала и не отвела тебя.... отъ обрыва! Мать твоя изъ гроба достаетъ меня за это: я чувствую—она все снится мнѣ.... Она теперь тутъ, между насъ.... Прости меня и ты, покойница! говорила старуха, дико озираясь вокругъ и простирая руки къ небу. У Вѣры пробѣжала дрожь по тѣлу: — прости и ты, Вѣра — простите обѣ!... Будемъ молиться!....

Вѣра силилась поднять ее.

Татьяна Марковна тяжело встала на ноги и сѣла на кушетку. Вѣра подала ей одеколонь и воды, смочила ей виски, дала успокоительныхъ капель, и сама сѣла на коврѣ, осыпая поцѣлуями ея руки.

— Ты знаешь, нѣтъ ничего тайнаго, что̀ не вышло бы наружу, заговорила Татьяна Марковна, оправившись:—сорокъ пять лѣтъ два человѣка только знали: *онъ*, да Василиса: и я думала, что мы умремъ всѣ съ ней. А вотъ—она вышла наружу! «Боже мой!» говорила какъ будто въ помѣшательствѣ Татьяна Марковна, вставая, складывая руки и протягивая ихъ къ образу Спасителя: «еслибъ я знала, что этотъ громъ ударитъ когда-нибудь въ другую.... въ мое дитя,—я бы тогда же, на площади, передъ соборомъ, въ толпѣ народа, исповѣдала свой грѣхъ!»

Вѣра слушала въ изумленіи, глядя большими глазами на бабушку, боялась вѣрить, пытливо изучала каждый ея взглядъ и движеніе, сомнѣваясь, не героическій ли это поступокъ, не великодушный ли замыселъ—спасти ее, падшую, поднять? Но молитва, колѣнопреклоненіе, слезы старухи, обращеніе къ умершей ма-

тери.... Нѣтъ, никакая актриса не покусилась бы играть въ такую игру, а бабушка — вся правда и честность!

Вѣрѣ становилось тепло въ груди, легче на сердцѣ. Она внутренно вставала на ноги, будто пробуждалась отъ сна, чувствуя, что въ нее льется волнами опять жизнь, что тихо, какъ другъ, стучится миръ въ душу, что душу эту, какъ темный, запущенный храмъ, освѣтили огнями и наполнили опять молитвами и надеждами. Могила обращалась въ цвѣтникъ. Кровь у ней начала свободно переливаться въ жилахъ; даль мало-по-малу принимала свой утерянный ходъ, какъ испорченные и исправленные рукою мастера часы. Люди къ ней дружелюбны, природа опять заблеститъ для нея красотой. Завтра она встанетъ бодрая, живая, покойная, увидитъ любимыя лица, увѣрится, что Райскій не притворялся, говоря, что она стала его лучшей, поэтической мечтой, Тушинъ по прежнему будетъ гордъ и счастливъ ея дружбой и «любить ее еще больше», онъ самъ сказалъ. Съ бабушкой онѣ теперь—не бабушка съ внучкой, а двѣ подруги, близкія, равныя, неразлучныя. Она даже нечаянно начала ей говорить *ты*, какъ и Райскому, когда заговорило прямо сердце, забывшее холодное *вы*, и оставитъ за собой это право.

Она теперь только поняла эту усилившуюся къ ней, послѣ признанія, нѣжность и ласки бабушки: да, бабушка взяла ея неудобоносимое горе на свои старыя плечи, стерла своей виной «ея вину» и не сочла послѣднюю за «потерю чести». Потеря чести! Эта справедливая, мудрая, нѣжнѣйшая женщина въ мірѣ, всѣхъ любящая, исполняющая такъ свято всѣ свои обязанности, никого никогда не обидѣвшая, никого не обманувшая, всю жизнь отдавшая другимъ,— эта, всѣми чтимая женщина, «пала, потеряла честь!»

Стало быть ей, Вѣрѣ, надо быть бабушкой въ свою очередь, отдать всю жизнь другимъ, и путемъ долга, нескончаемыхъ жертвъ и труда, начать «новую» жизнь, не похожую на ту, которая стащила ее на дно обрыва.... любить людей правду, добро....

Все это вихремъ неслось у ней въ головѣ и будто уносило ее самое на какихъ-то облакахъ. Ей на душѣ становилось свободнѣе, какъ преступнику, которому расковали руки и ноги.

Она вдругъ встала....—Бабушка, сказала она: ты меня простила, ты любишь меня больше всѣхъ, больше Марѳиньки—я это вижу! А видишь ли, знаешь ли ты, какъ я тебя люблю? Какъ долго мы не знали съ тобой другъ друга....

— Сейчасъ узнаешь все: выслушай мою исповѣдь — и осуди строго, или прости — и Богъ проститъ насъ....

— Я не хочу, не должна, не смѣю: зачѣмъ!?...

— Затѣмъ, чтобъ и мнѣ вытерпѣть теперь то, что́ я должна

была вытерпѣть сорокъ пять лѣтъ тому назадъ. Я украла свой грѣхъ! Ты знаешь его, узнаетъ и Борисъ. Пусть внукъ посмѣется надъ сѣдинами старой Кунигунды!...

Бабушка прошла раза два въ волненіи по комнатѣ, тряся съ фанатической рѣшимостью головой.

Она опять походила на старый женскій, фамильный портретъ въ галлереѣ, съ суровой важностью, съ величіемъ и увѣренностью въ себѣ, съ лицомъ, истерзаннымъ пыткой, и съ гордостью, осилившей пытку. Вѣра чувствовала себя жалкой дѣвочкой передъ ней и робко глядѣла ей въ глаза, мысленно мѣряя свою молодую, только что вызванную на борьбу съ жизнью силу — съ этой старой, искушенной въ долгой жизненной борьбѣ, но еще крѣпкой, повидимому, несокрушимой силой.

«Я не понимала ее! Гдѣ была моя хваленая «мудрость» передъ этой бездной!...:» думала она и бросилась на помощь бабушкѣ—помѣшать исповѣди, отвести ненужныя и тяжелыя страданія отъ ея измученной души. Она стала передъ ней на колѣни и взяла ее за обѣ руки.—Ты сама чувствуешь, бабушка—сказала она—что ты сдѣлала теперь для меня: всей моей жизни не достанетъ, чтобъ заплатить тебѣ. Нейди далѣе: здѣсь конецъ твоей казни! Если ты непремѣнно хочешь, я шепну слово брату о твоемъ прошломъ—и пусть оно закроется навсегда! Я видѣла твою муку: зачѣмъ ты хочешь еще истязать себя исповѣдью? Судъ совершился — я не приму ее: не мнѣ слушать и судить тебя — дай мнѣ только обожать твои святыя сѣдины и благословлять всю жизнь! Я не стану слушать: это мое послѣднее слово!

Татьяна Марковна вздохнула, потомъ обняла ее.—Да будетъ такъ! сказала она:—я принимаю твое рѣшеніе, какъ Божіе прощеніе — и благодарю тебя за пощаду моей сѣдины....

— Пойдемъ теперь туда, къ тебѣ: я устала — и ты взволнована: отдохнемъ обѣ! говорила Вѣра.

Татьяна Марковна почти на рукахъ донесла ее до дому, уложила въ свою постель и легла съ ней рядомъ. Когда Вѣра, согрѣтая въ ея объятіяхъ, тихо заснула, бабушка осторожно встала, и взявъ ручную лампу, загородила рукой свѣтъ отъ глазъ Вѣры и нѣсколько минутъ освѣщала ея лицо, глядя съ умиленіемъ на эту блѣдную, чистую красоту лба, закрытыхъ глазъ, и на всѣ, точно рукой великаго мастера изваянныя чистыя и тонкія черты бѣлаго мрамора, съ глубокимъ, лежащимъ въ нихъ миромъ и покоемъ. Она поставила лампу, перекрестила спящую, дотронулась губами до ея лба и опустилась на колѣни у постели.

«Милосердуй надъ ней! молилась она почти въ изступленіи:

и если не исполнилась еще мѣра гнѣва Твоего—отведи его отъ нея—и ударь опять въ мою сѣдую голову!...»

Долго послѣ молитвы сидѣла она надъ спящей, потомъ тихо легла подлѣ нея и окружила ея голову своими руками. Вѣра пробуждалась иногда, открывала глаза на бабушку, опять закрывала ихъ, и въ полуснѣ приникала все плотнѣе и плотнѣе лицомъ къ ея груди, какъ будто хотѣла глубже зарыться въ ея объятія.

XI.

Проходили дни, и съ ними опять тишина повисла надъ Малиновкой. Опять жизнь, задержанная катастрофой, какъ рѣка порогами, прорвалась сквозь преграду и потекла дальше, ровнѣе.

Но въ этой тишинѣ отсутствовала безпечность. Какъ на природу внѣшнюю, такъ и на людей, легла будто осень. Всѣ были задумчивы, сосредоточены, молчаливы, отъ всѣхъ отдавало холодомъ, слетѣли будто и съ людей, какъ листья съ деревьевъ, улыбки, смѣхъ, радости. Мучительныя скорби миновали, но колоритъ и тоны прежней жизни измѣнились.

У Вѣры съ бабушкой установилась тѣсная, безмолвная связь. Онѣ, со времени извѣстнаго вечера, послѣ взаимной исповѣди, хотя и успокоили одна другую, но не вполнѣ успокоились другъ за друга, и обѣ вопросительно, отчасти недовѣрчиво, смотрѣли вдаль, опасаясь будущаго.

Переработаетъ ли въ себѣ бабушка всю эту внезапную тревогу, какъ землятресеніе, всколыхавшую ея душевный миръ? спрашивала себя Вѣра и читала въ глазахъ Татьяны Марковны, привыкаетъ ли она къ другой, не прежней Вѣрѣ, и къ ожидающей ее новой, неизвѣстной, а не той судьбѣ, какую она ей гадала? Не сѣтуетъ ли безсознательно про себя на ея своевольное ниспроверженіе своей счастливой, старческой дремоты? Воротится ли къ ней когда-нибудь ясность и покой въ душу?

А Татьяна Марковна старалась угадывать будущее Вѣры, боялась, вынесетъ ли она крестъ покорнаго смиренія, какой судьба, по ея мнѣнію, налагала, какъ искупленіе за «грѣхъ?» Не подточитъ ли сломленная гордость и униженное самолюбіе ея нѣжныхъ, молодыхъ силъ? Излечима ли ея тоска: не обратилась бы она въ хроническую болѣзнь?

Бабушка машинально приняла опять бразды правленія надъ своимъ царствомъ. Вѣра усердно ушла въ домашнія хлопоты, особенно заботилась о приданомъ Марѳиньки, и принесла туда свой вкусъ и трудъ.

Въ ожиданіи какого-нибудь серьезнаго труда, какой могла дать ей жизнь со временемъ, по ея уму и силамъ, она положила не обѣгать никакого дѣла, какое представится около нея, какъ-бы оно просто и мелко ни было—находя, что, подъ презрѣніемъ къ мелкому, обыденному дѣлу и подъ мнимымъ ожиданіемъ или изобрѣтеніемъ какого-то новаго, еще небывалаго труда и дѣла, кроется у большей части, просто лѣнь, или неспособность, или наконецъ больное и смѣшное самолюбіе—ставить самихъ себя выше своего ума и силъ. Она рѣшала, что «дѣла» изобрѣтать нельзя, что оно само, силою обстоятельствъ, выдвигается на очередь въ данный моментъ, и что такимъ естественнымъ путемъ рождающееся дѣло — только и важно и нужно. Слѣдовательно, надо зорко смотрѣть около, не лежитъ ли праздно несдѣланное дѣло, за которымъ явится на очередь слѣдующее, по порядку, и не бросаться за какимъ-нибудь блуждающимъ огнемъ, или «миражемъ», какъ говоритъ Райскій. Не надо пуще всего покладывать рукъ и коснѣть «въ блаженномъ успеніи».

Она была блѣднѣе прежняго, въ глазахъ было меньше блеска, въ движеніяхъ меньше живости. Все это могло быть слѣдствіемъ болѣзни, скоро захваченной горячки: такъ всѣ и полагали вокругъ. При всѣхъ она держала себя обыкновенно, шила, порола, толковала со швеями, писала реестры, счеты, исполняла порученія бабушки. И никто ничего не замѣчалъ. «Поправляется барышня», говорили люди.

Райскій замѣчалъ также благопріятную перемѣну въ ней, и по временамъ, видя ее задумчивою, улавливая иногда блеснувшія и пропадающія слезы, догадывался, что это были только слѣды удаляющейся грозы, страсти. Онъ былъ доволенъ, и его собственныя волненія умолкали все болѣе и болѣе, по мѣрѣ того, какъ выживались изъ памяти всѣ препятствія, раздражавшія страсть, всѣ сомнѣнія, соперничество, ревность.

Вѣра, по настоянію бабушки (сама Татьяна Марковна не могла), передала Райскому только глухой намекъ о ея любви, предметомъ которой былъ Ватутинъ, не сказавъ ни слова о «грѣхѣ». Но этимъ полудовѣріемъ вовсе не рѣшилась для Райскаго загадка — откуда бабушка, въ его глазахъ, старая дѣвушка, могла почерпнуть силу, чтобъ снести, не съ дѣвическою твердостью, а мужественно, не только самой — тяжесть «бѣды», но успокоить и Вѣру, спасти ее окончательно отъ нравственной гибели, собственнаго отчаянія. А она очевидно сдѣлала это: какъ она пріобрѣла власть надъ умомъ и довѣріемъ Вѣры? Онъ недоумѣвалъ — и только больше удивлялся бабушкѣ, и это удивленіе выражалось у него невольно.

Все обращеніе съ нею приняло характеръ глубокаго, нѣжнаго почтенія и сдержанной покорности. Возраженія на ея слова, прежняя комическая война съ ней—уступили мѣсто изысканному уваженію къ каждому ея слову, желанію и намѣренію. Даже въ движеніяхъ его появилась сдержанность, почти до робости.

Онъ не забирался при ней на диванъ прилечь, вставалъ, когда она подходила къ нему, шелъ за ней послушно въ деревню и поле, когда она шла гулять, терпѣливо слушалъ ея объясненія по хозяйству. Во всѣ, даже мелкія отношенія къ бабушкѣ, проникло то удивленіе, какое вызываетъ невольно женщина, съ сильной нравственной властью.

А она, совершивъ подвигъ, устоявъ тамъ, гдѣ падаютъ ничкомъ мелкія натуры, вынесши и свое и чужое бремя съ разумомъ и величіемъ, тутъ же, на его глазахъ, мало-по-малу, опять обращалась въ простую женщину, уходила въ мелочи жизни, какъ будто пряча свои силы и величіе опять—до случая, даже не подозрѣвая, какъ она вдругъ выросла, стала героиней, и какой подвигъ совершила.

Въ дворнѣ, послѣ пронесшейся, какой-то необъяснимой для нея тучи, было недоумѣніе, тяжесть. Люди притихли: не слышно шума, брани, смѣха, присмирѣли дѣвки, отгоняя Егорку прочь.

Въ особенно затруднительномъ положеніи очутилась Василиса. Она и Яковъ, какъ сказано, дали обѣтъ, если барыня придетъ въ себя и выздоровѣетъ, онъ—поставить большую вызолоченную свѣчу къ мѣстной иконѣ въ приходской церкви, а она—сходитъ пѣшкомъ въ Кіевъ.

Яковъ исчезъ однажды рано утромъ со двора, взявъ на свѣчу денегъ изъ лампадной суммы, отпускаемой ему на руки барыней. Онъ водрузилъ обѣщанную свѣчу передъ иконой за ранней обѣдней. Но у него оказался излишекъ отъ взятой изъ дома суммы. Крестясь поминутно, онъ вышелъ изъ церкви и прошелъ въ слободу, гдѣ оставилъ и излишекъ, и пришелъ домой «веселыми ногами», съ легкимъ румянцемъ на щекахъ и на носу.

Его нечаянно встрѣтила Татьяна Марковна: она издали почуяла запахъ вина. — Что съ тобой, Яковъ? спросила она съ удивленіемъ.

— Сподобился, сударыня! отвѣчалъ онъ, набожно склонивъ голову на сторону и сложивъ руки горстями на груди, одна на другую.

Онъ объявилъ и Василисѣ, что «сподобился» выполнить обѣтъ.

Василиса поглядѣла на него и вдругъ стала сама не своя. Она тоже «обѣщалась», и до этой минуты, среди хлопотъ около

барыни, съ приготовленіями къ свадьбѣ, не вспомнила объ обѣтѣ.

И вдругъ Яковъ уже исполнилъ, и притомъ въ одно утро, и вонъ ходитъ, полный благочестиваго веселья. А она обѣщалась въ Кіевъ сходить!

Василиса сильно задумалась, даже похудѣла. Отъ странницъ, бывавшихъ въ Кіевѣ, она знала, что туда около тысячи верстъ, что ходятъ эти странницы мѣсяца три. Онѣ здоровыя, идутъ, какъ лошади, въ пыль, и въ жаръ, и въ холодъ, босикомъ, съ котомкой, съ парой лаптей на палкѣ, просятъ милостыню, иногда ночуютъ на голой землѣ, не отстаютъ другъ отъ друга и не даютъ себя въ обиду, ни людямъ, ни звѣрямъ.

Разсказы богомолокъ, когда она была помоложе, соблазняли Василису къ сподвижничеству, и она надѣялась, что не умретъ, не сходивъ, или хоть не съѣздивъ по оказіи, къ святымъ чудотворцамъ.

Но когда подвигъ предсталъ во всей строгости передъ нею—она смутилась, тѣмъ болѣе, что и тревога, вызвавшая обѣщаніе, была напрасная, и она поторопилась обѣщаться!

Василиса стала тосковать. «Какъ я пойду: силы нѣтъ», говорила она, щупая себя.—У меня и костей почти нѣтъ: все однѣ мякоти! Не дойду—Господи помилуй!»

И точно у ней однѣ мякоти. Она насидѣла ихъ себѣ въ своей комнатѣ, сидя тридцать лѣтъ на стулѣ у окна, между бутылями съ наливкой, не выходя на воздухъ, двигаясь тихо только около барыни, да въ кладовыя. Питалась она однимъ кофе, да чаемъ, хлѣбомъ, картофелемъ и огурцами, иногда рыбою, даже въ мясоѣдъ.

И кости у ней далеко спрятались въ мякоти. Она вся походила на большой кусокъ мякиша.

Она пошла къ отцу Василью, прося рѣшить ея сомнѣнія. Она слыхала, что добрые «батюшки» даже разрѣшаютъ отъ обѣта совсѣмъ, по немощи, или замѣняютъ его другимъ. Какимъ? спрашивала она себя на случай, если отецъ Василій допуститъ замѣнъ.

Она сказала, по какому случаю обѣщалась, и спросила: идти ли ей?

— Коли обѣщалась, какъ же нейдти? сказалъ отецъ Василій. — Надо идти!

— Да я съ испуга обѣщалась: думала, барыня помретъ. А она черезъ три дня и встала. Такъ за чтожъ я этакую даль пойду?

— Да, это не ближній путь, въ Кіевъ! вотъ то-то: обѣщать,

а потомъ и назадъ! журилъ онъ: — не хорошо. Не надо было обѣщать, коли охоты нѣтъ...

— Есть, батюшка, да силъ нѣтъ: мякоти одолѣли! до церкви дойду — одышка мучаетъ. Мнѣ седьмой десятокъ! Другое дѣло, кабы барыня маялась въ постели мѣсяца три, да причастили ее и особоровали бы масломъ, а Богъ, по моей грѣшной молитвѣ, поднялъ бы ее на ноги, такъ я бы хоть ползкомъ поползла. А то она и недѣли не хворала!

Отецъ Василій улыбнулся.

— Какъ же быть? сказалъ онъ.

— Я бы другое что̀ обѣщала: нельзя ли перемѣнить?

— На что же другое?

Василиса задумалась.

— Я постъ на себя наложила бы: мяса всю жизнь въ ротъ не стану брать, такъ и умру.

— А ты любишь его?

— Нѣтъ, и смотрѣть-то тошно! отвыкла отъ него...

Отецъ Василій опять улыбнулся.

— Какъ же такъ, сказалъ онъ: — вѣдь надо замѣнить трудное одинаково труднымъ или труднѣйшимъ, а ты полегче выбрала!

Василиса вздохнула.

— Нѣтъ-ли чего-нибудь такого, чего бы тебѣ не хотѣлось исполнить — подумай!

Василиса подумала и сказала, что нѣтъ.

— Ну, такъ надо въ Кіевъ идти, рѣшилъ онъ.

— Еслибъ не мякоти, съ радостью бы пошла, вотъ передъ Богомъ!

Отецъ Василій задумался.

— Какъ бы облегчить тебя? думалъ онъ вслухъ. — Ты что̀ любишь: какую пищу употребляешь?

— Чай, кофій — да похлебку съ грибами и картофелемъ...

— Кофе любишь?

— Охотница.

— Ну такъ — воздержись отъ кофе, не пей!

Она вздохнула. «Да, подумалось ей: и вправду тяжело: это почти все равно, что въ Кіевъ идти!»

— Чѣмъ же мнѣ питаться, батюшка? спросила она.

— Мясомъ.

Она взглянула на него, не смѣется ли онъ.

Онъ точто смѣялся, глядя на нее.

— Вѣдь ты не любишь его; ну, и принеси жертву.

— Какая же польза: оно скоромное, батюшка.

— Ты въ скоромные дни и питайся имъ! А польза та, что мякотей меньше будетъ. Вотъ тебѣ полгода срокъ: выдержи — и обѣтъ исполнишь.

Она ушла очень озабоченная и съ другого дня послушно начала исполнять новое обѣщаніе, со вздохомъ отворачивая носъ отъ кипящаго кофейника, который носила по утрамъ барынѣ.

Еще съ Мариной что-то недоброе случилось. Она, еще до болѣзни барыни, ходила какой-то одичалой и задумчивой и валялась съ недѣлю на лежанкѣ, а потомъ слегла, объявивъ, что нездорова, встать не можетъ.

«Богъ караетъ!» кряхтя говорилъ Савелій, кутая ее въ теплое одѣяло.

Василиса доложила барынѣ. Татьяна Марковна велѣла позвать Меланхолиху, ту самую бабу-лекарку, къ которой отправляли дворовыхъ, и другихъ простыхъ людей, на вылечку.

Меланхолиха, по тщательномъ освидѣтельствованіи больной, шепотомъ объявила Василисѣ, что болѣзнь Марины превышаетъ ея познанія. Ее отправили въ клинику, въ сосѣдній городъ, за двѣсти верстъ. Самъ Савелій отвезъ ее, и по возвращеніи, на вопросы обступившей его дворни, хотѣлъ что-то сказать, но только поглядѣлъ на всѣхъ, поднялъ выше обыкновеннаго кожу на лбу, сдѣлалъ складку въ палецъ толщиной, плюнулъ, повернулся спиной и шагнулъ за порогъ своей клѣтушки.

Недѣли черезъ полторы, Марѳинька вернулась съ женихомъ и съ матерью изъ-за Волги, еще веселѣе, счастливѣе, и здоровѣе, нежели поѣхала. Оба успѣли пополнѣть. Оба привезли-было свой смѣхъ, живость, шумъ, бѣготню, веселые разговоры. Но едва пробыли часа два дома, какъ оробѣли и присмирѣли, не найдя ни въ комъ и ни въ чемъ отвѣта и сочувствія своимъ шумнымъ изліяніямъ. Отъ смѣха и веселаго говора раздавалось около нихъ печальное эхо, какъ въ пустомъ домѣ.

На всемъ лежалъ какой-то туманъ. Даже птицы отвыкли летать къ крыльцу, на которомъ кормила ихъ Марѳинька. Ласточки, скворцы и всѣ лѣтніе обитатели рощи улетѣли, и журавлей не видно надъ Волгой. Котята всѣ куда-то разбѣжались.

Цвѣты завяли, садовникъ выбросилъ ихъ, и передъ домомъ, вмѣсто цвѣтника, лежали черные круги взрытой земли, съ каймой блѣднаго дерна, да полосы пустыхъ грядъ. Нѣсколько деревьевъ завернуты были въ рогожу. Роща обнажалась все больше и больше отъ листьевъ. Сама Волга какъ-то почернѣла, готовясь замерзнуть.

Но это природа: это само по себѣ не дѣлаетъ, а только уси-

ливаетъ скуку людямъ. А вотъ—что́ съ людьми сталось, со всѣмъ домомъ? спрашивала Марѳинька, глядя въ недоумѣніи вокругъ.

Гнѣздышко Марѳиньки, ея комнатки на верху, потеряли свою веселость. Въ немъ поселилось съ Вѣрой грустное молчаніе.

У Марѳиньки на глазахъ были слезы. Отъ чего все измѣнилось? отъ чего Вѣрочка перешла изъ стараго дома? Гдѣ Титъ Никонычъ? Отъ чего бабушка не бранитъ ее, Марѳиньку: не сказала даже ни слова, за то, что, вмѣсто недѣли, она пробыла въ гостяхъ двѣ? Не любитъ больше? Отчего Вѣрочка не ходитъ по прежнему одна по полямъ и рощѣ? Отъ чего всѣ такіе скучные, не говорятъ другъ съ другомъ, не дразнятъ ее женихомъ, какъ дразнили до отъѣзда? О чемъ молчатъ бабушка и Вѣра? Что̀ сдѣлалось со всѣмъ домомъ?

Марѳиньку кое-какъ успокоили отвѣтами на нѣкоторые вопросы. Другіе обошли молчаніемъ.

— Вѣра перешла отъ того,—сказали ей, что печи въ старомъ домѣ, въ ея комнатѣ, стали плохи, не держатъ тепла.

— Титъ Никонычъ уѣхалъ унимать безпорядки въ деревнѣ.

— Вѣра не ходитъ гулять, потому что простудилась и пролежала три дня въ постели, почти въ горячкѣ.

Марѳинька, услыхавъ слово «горячка», испугалась заднимъ числомъ и заплакала.

На вопросъ, «о чемъ бабушка съ Вѣрой молчатъ и отчего первая ее ни разу не побранила, что значило—не любитъ», Татьяна Марковна взяла ее за обѣ щеки и задумчиво, со вздохомъ, поцѣловала въ лобъ. Это только больше опечалило Марѳиньку.

— Мы верхомъ ѣздили, Николай Андреичъ дамское сѣдло выписалъ. Я одна каталась въ лодкѣ, сама гребла, въ рощу съ бабами ходила! затрогивала Марѳинька бабушку, въ надеждѣ, не побранитъ ли она хоть за это.

Татьяна Марковна, будто съ укоромъ, покачала головой, но Марѳинька видѣла, что это притворно, что она думаетъ о другомъ, или уйдетъ и сядетъ подлѣ Вѣры.

Марѳинька печалилась и ревновала ее къ сестрѣ, но сказать боялась и потихоньку плакала. Едва ли это была не первая серьезная печаль Марѳиньки, такъ что и она безсознательно приняла общій серьезно-туманный тонъ, какой лежалъ надъ Малиновкой и ея жителями.

Она молча сидѣла съ Викентьевымъ: шептать имъ было не о чемъ. Они и прежде бесѣдовали о своихъ секретахъ во всеуслышаніе. И рѣдко, рѣдко удавалось Райскому вызвать ее на свободный лепетъ, или ужъ Викентьевъ такъ разсмѣшитъ, что терпѣнья никакого не станетъ, и она прорвется нечаянно смѣхомъ,

а потомъ сама испугается, оглянется вокругъ, замолчитъ и погрозитъ ему.

Викентьеву, это молчаніе, сдержанность, печальный тонъ, были не по натурѣ. Онъ сталъ подговаривать мать попросить у Татьяны Марковны позволенія увезти невѣсту и уѣхать опять въ Колчино до свадьбы, до конца октября. Къ удовольствію его, согласіе послѣдовало легко и скоро, и молодая чета, какъ пара ласточекъ, съ веселымъ крикомъ улетѣла отъ осени къ теплу, свѣту, смѣху, въ свое будущее гнѣздо.

Бабушка однако замѣтила печаль Марѳиньки и — сколько могла, отвлекла ея вниманіе отъ всякихъ догадокъ и соображеній, успокоила, обласкала и отпустила веселой и беззаботной, обѣщавши пріѣхать за ней сама, «если она будетъ вести себя тамъ умно.»

Райскій съѣздилъ за Титомъ Никонычемъ и привезъ его чуть живого. Онъ похудѣлъ, пожелтѣлъ, еле двигался, и только, увидѣвъ Татьяну Марковну, всю ея обстановку, и себя самого среди этой картины, за столомъ, съ заткнутой за галстухъ салфеткой, или у окна на табуретѣ, подлѣ ея креселъ, съ налитой ею чашкой чаю — мало-по-малу пришелъ въ себя и сталъ радоваться, какъ ребенокъ, у котораго отняли и вдругъ опять отдали игрушки. Онъ, отъ радости, вдругъ засмѣется и закроется салфеткой, потретъ руки одна о другую съ жаромъ, или встанетъ, и ни съ того, ни съ сего, поклонится всѣмъ присутствующимъ и отчаянно шаркнетъ ножкой. А когда всѣ засмѣются надъ нимъ, онъ засмѣется пуще всѣхъ, сниметъ парикъ и погладитъ себѣ съ изступленіемъ лысину, потреплетъ, вмѣсто Пашутки, Василису по щечкѣ. Словомъ, онъ немного одурѣлъ и пришелъ въ себя на третій день — и тогда уже сталъ задумчивъ, какъ другіе.

Кругъ семьи въ Малиновкѣ увеличился однимъ членомъ. Райскій однажды вдругъ явился съ Козловымъ къ обѣду. Сердечнѣе, радушнѣе встрѣчи нельзя нигдѣ и никому оказать, какая оказана была оставленному своей Дидоной супругу.

Татьяна Марковна, съ женскимъ тактомъ, не дала ему замѣтить, что знаетъ его горе. Обыкновенно въ такихъ случаяхъ встрѣчаютъ гостя натянутымъ молчаніемъ, а она встрѣтила его шуткой, и этому тону ея послѣдовали всѣ.

— Что это ты (она давно говорила ему это драгоцѣнное *ты*), Леонтій Ивановичъ, забылъ насъ совсѣмъ? Борюшка говоритъ, что я не умѣю угостить тебя, что кухня моя тебѣ не нравится: ты говорилъ ему?

— Какъ не нравится: когда я говорилъ тебѣ? обратился онъ строго къ Райскому.

Всѣ засмѣялись.

— Да вы нарочно! улыбнувшись нéхотя, сказалъ Леонтій.

Онъ ужъ успѣлъ настолько справиться съ своимъ горемъ, что сталъ сознавать необходимость сдерживаться при людяхъ и прикрывать свою невзгоду условнымъ приличіемъ.

— Да, не былъ я у васъ давно: у меня жена... уѣхала въ Москву.... повидаться съ родными, тихо сказалъ онъ, глядя внизъ: такъ я и не могъ...

— Вотъ ты бы у насъ пожилъ, замѣтила Татьяна Марковна: одному скучно дома...

— Я жду ее... боюсь, чтобъ безъ меня не пріѣхала...

— Тебѣ дадутъ знать: вѣдь мимо насъ ей ѣхать: мы сейчасъ остановимъ, какъ только въѣдетъ въ слободу. Изъ оконъ стараго дома видно, когда ѣдутъ по дорогѣ.

— Въ самомъ дѣлѣ... Да, оттуда видна московская дорога, съ оживленіемъ, поднявъ на Татьяну Марковну глаза, сказалъ Козловъ и почти обрадовался.

— Право, переѣзжай къ намъ...

— Да, я бы, пожалуй...

— Я просто не пущу тебя сегодня, Леонтій, сказалъ Райскій: — Мнѣ скучно одному: я перейду въ старый домъ съ тобой вмѣстѣ, а потомъ, послѣ свадьбы Марѳиньки, уѣду. Ты при бабушкѣ и при Вѣрѣ будешь первымъ министромъ, другомъ и тѣлохранителемъ.

Онъ посмотрѣлъ на всѣхъ.

— Да, покорно благодарю: лишь бы только не обезпокоить чѣмъ...

— Какъ тебѣ не стыдно... начала бабушка.

— Извините, Татьяна Марковна!

— Кушай лучше, чѣмъ пустое говорить: вонъ у тебя стынетъ супъ...

— А вѣдь мнѣ ѣсть хочется, вдругъ сказалъ онъ, принимаясь за ложку и засмѣялся:—я что-то давно не ѣлъ.

Онъ задумчиво глядя куда-то, должно быть на московскую дорогу, съѣлъ машинально супъ, потомъ положенный ему на другую тарелку пирогъ, потомъ мясо, и молча окончилъ весь обѣдъ.

— У васъ покойно, хорошо! говорилъ онъ послѣ обѣда, глядя въ окно. —И зелень еще есть, и воздухъ чистый... Послушай, Борисъ Павловичъ, я бы библіотеку опять перевезъ сюда...

— Хорошо, хорошо, хоть завтра, вѣдь она твоя: дѣлай съ ней, что хочешь...

— Нѣтъ, нѣтъ: что́ мнѣ въ ней теперь? Я перевезу и буду смотрѣть за ней, а то этотъ Маркъ опять...

Райскій крякнулъ на всю комнату. Вѣра не подняла головы отъ шитья, Татьяна Марковна стала смотрѣть въ окно.

Райскій увелъ Козлова въ старый домъ, посмотрѣть его комнату, куда бабушка велѣла поставить ему кровать, и на ночь вытопить печь и тотчасъ же вставить рамы.

Козловъ совался къ окнамъ, отыскивая то самое, изъ котораго видна московская дорога.

XII.

Въ одинъ изъ туманныхъ, осеннихъ дней, когда Вѣра, послѣ завтрака, сидѣла въ своей комнатѣ, за работой, прилежно собирая иглой складки кисейной шемизетки, Яковъ подалъ ей еще письмо на синей бумагѣ, принесенное «парнишкой», и сказалъ, что приказано ждать отвѣта.

Вѣра, взглянувъ на письмо, оцѣпенѣла, какъ будто отъ изумленія, и съ минуту не брала его изъ рукъ Якова, потомъ взяла и положила на столъ, сказавъ коротко: хорошо, поди!

Когда Яковъ вышелъ, она задумчиво подышала въ наперстокъ и хотѣла продолжать работу, но руки у ней вдругъ упали, вмѣстѣ съ работой, на колѣни.

Она оперлась локтями на столъ и закрыла руками лицо.— «Какая казнь! Кончится ли это истязаніе?» шептала она въ отчаяніи. Потомъ встала, вынула изъ комода прежнее, нераспечатанное, такое же письмо и положила рядомъ съ этимъ, и сѣла опять въ своей позѣ, закрывая руками лицо.

«Что дѣлать? Какого отвѣта можетъ онъ ждать, когда мы разошлись навсегда? — Ужели вызываетъ?... Нѣтъ, не смѣетъ!... А если вызываетъ?..»

Она вздрогнула.

Она заглянула сама себѣ въ душу и тамъ подслушивала, какой могла бы дать отвѣтъ на его надежду, и опять вздрогнула. «Нельзя сказать этого отвѣта, думала она: если онъ самъ не угадалъ его—отъ меня никогда не узнаетъ!»

Она глядѣла на этотъ синій пакетъ, съ знакомымъ почеркомъ, не торопясь сорвать печать — не отъ страха оглядки, не отъ ужаса зубовъ «тигра». Она какъ будто со стороны смотрѣла, какъ ползетъ теперь мимо ея этотъ «удавъ», по выраженію Райскаго, еще недавно душившій ее страшными кольцами, и

сверканье чешуи не ослѣпляетъ ее больше. Она отворачивается, вздрагивая отъ другого, не прежняго чувства.

Ей душно отъ этого письма, вдругъ перенесшаго ее на другую сторону бездны, когда она уже оторвалась навсегда, ослабѣвшая, измученная борьбой, — и сожгла за собой мостъ. Она не понимаетъ, какъ могъ онъ написать? Какъ онъ самъ не бѣжалъ давно?

Знай онъ, какой переворотъ совершился на верху обрыва, онъ бы, конечно, не написалъ. Надо его увѣдомить: посланный ждетъ... Ужели читать письма?.. Да, надо!..

Она сорвала печать съ обоихъ разомъ и стала читать первое, писанное давно:

«Ужели мы въ самомъ дѣлѣ не увидимся, Вѣра? Это невѣроятно. Нѣсколько дней тому назадъ, въ этомъ былъ бы смыслъ, а *теперь* это безполезная жертва, тяжелая для обоихъ. Мы больше года упорно бились, добиваясь счастья, — и когда оно настало, ты бѣжишь первая, а сама твердила о безсрочной любви. Логично ли это?»

«Логично ли?» повторила она шепотомъ и остановилась. Потомъ будто перемогла себя и читала дальше.

«Мнѣ разрѣшено уѣхать, но я не могу *теперь* оставить тебя, это было бы нечестно... Можно подумать, что я торжествую и что мнѣ уже легко уѣхать: я не хочу, чтобы ты такъ думала... Не могу оставить потому, что ты любишь меня»...

У ней рука съ письмомъ упала на колѣни: черезъ минуту она медленно читала дальше:

.....«и потому еще, что я самъ въ горячечномъ положеніи. Будемъ счастливы, Вѣра! Убѣдись, что вся наша борьба, всѣ наши нескончаемые споры были только маской страсти. Маска слетѣла — и намъ спорить больше не о чемъ. Вопросъ рѣшенъ. Мы въ сущности согласны давно. Ты хочешь безконечной любви: многіе хотѣли бы того же, но этого не бываетъ»...

Она на минуту остановилась. «Онъ разумѣетъ безконечную горячку!» подумала она и съ жалостью улыбнулась. Потомъ читала дальше.

«Моя ошибка была та, что я предсказывалъ тебѣ эту истину: жизнь привела бы къ ней насъ сама. Я отнынѣ не трогаю твоихъ убѣжденій: не они нужны намъ, — на очереди страсть. У нея свои законы: она смѣется надъ твоими убѣжденіями,—посмѣется со временемъ и надъ безконечной любовью. Она же теперь пересиливаетъ и меня, мои планы... Я покоряюсь ей, покорись и ты. Можетъ быть, вдвоемъ, дѣйствуя за одно, мы от-

дѣлаемся отъ нея дешево и уйдемъ по добру и по здорову, а въ одиночку тяжело и скверно.»

«Убѣжденій мы не въ силахъ измѣнить, какъ не въ силахъ измѣнить натуру, а притворяться не сможемъ оба: это не логично и не честно. Надо высказаться и согласиться во всемъ: мы сдѣлали это и не пришли къ соглашенію; слѣдовательно остается молчать и быть счастливыми помимо убѣжденій: страсть не требуетъ ихъ. Будемъ молчать и будемъ счастливы. Надѣюсь, ты съ этой логикой согласишься.»

Что-то похожее на улыбку опять показалось у ней на губахъ.

«Уѣхать тебѣ со мной, вѣроятно, не дадутъ, да и нельзя! Безумная страсть одна могла бы увлечь тебя къ этому, но я на это не разсчитываю: ты не безголовая самка, а я не мальчишка. Или, для того, чтобы рѣшиться уѣхать, нужно, чтобы у тебя были другія, одинакія со мной убѣжденія, и слѣдовательно другая будущность въ виду, нежели какую ты и близкіе твои желаютъ тебѣ, т. е. такая же, какъ у меня: неопредѣленная, неизвѣстная, безъ угла, или безъ «гнѣзда», безъ очага, безъ имущества.—Соглашаюсь, что отъѣздъ невозможенъ. Слѣдовательно, мнѣ надо принести жертву, т. е. мнѣ хочется теперь принести ее, и я приношу: если ты надѣешься на успѣхъ у бабушки — обвѣнчаемся, и я останусь здѣсь до тѣхъ поръ, пока... словомъ на безсрочное время. Я сдѣлалъ все, Вѣра, и исполню, что говорю. Теперь дѣлай ты. Помни, что если мы разойдемся теперь, это будетъ походить на глупую комедію, гдѣ невыгодная роль достанется тебѣ,—и надъ нею первый посмѣется Райскій, если узнаетъ.»

«Видишь, я предупреждаю тебя во всемъ, какъ предупредилъ и тогда...»

Она сдѣлала движеніе рукой, будто нетерпѣнія, почти отчаянія, и небрежно дочитала послѣднія строки.

«Жду отвѣта на имя моей хозяйки, Секлетеи Бурдалаховой».

Вѣра казалась утомленной чтеніемъ письма. Она равнодушно отложила его и принялась за другое, которое только-что принесъ ей Яковъ.

Оно было написано торопливою рукой, карандашомъ.

«Я каждый день бродилъ внизу обрыва, ожидая тебя по первому письму. Сію минуту случайно узналъ, что въ домѣ нездорово, тебя нигдѣ не видать. Вѣра, приди, или, если больна, напиши скорѣе два слова. Я способенъ придти въ старый домъ...»

Вѣра остановилась въ страхѣ, потомъ торопливо дочитала конецъ:

«Если сегодня не получу отвѣта — сказано было дальше —

завтра въ пять часовъ буду въ бесѣдкѣ... Мнѣ надо скорѣе рѣшать: ѣхать или оставаться. Приди сказать хоть слово, проститься, если... Нѣтъ, не вѣрю, чтобы мы разошлись теперь. Во всякомъ случаѣ жду тебя, или отвѣта. Если больна, я проберусь самъ...»

«Боже мой! Онъ еще тамъ, въ бесѣдкѣ!.. грозитъ придти... Посланный ждетъ... Еще все тянется... не ушло... не умерло все»...

Она быстро откинула доску шифоньерки, вынула нѣсколько листовъ бумаги, взяла перо, обмакнула, хотѣла написать и не могла. У ней дрожали руки.

Она положила перо, склонила опять голову въ ладони, закрыла глаза, собираясь съ мыслями. Но мысли не вязались, путались, мѣшала тоска, біеніе сердца. Она прикладывала руку къ груди, какъ-будто хотѣла унять боль, опять бралась за перо, за бумагу, и черезъ минуту бросала.

«Не могу, силъ нѣтъ, задыхаюсь!» Она налила себѣ на руки одеколонь, освѣжила лобъ, виски — поглядѣла опять, сначала въ одно письмо, потомъ въ другое, бросила ихъ на столъ, твердя: «не могу, не знаю, съ чего начать, что̀ писать? Я не помню, какъ я писала ему, что̀ говорила прежде, какимъ тономъ.... Все забыла!...

«Какого отвѣта ждетъ посланный? У меня одинъ отвѣтъ: не могу, силъ нѣтъ, ничего нѣтъ во мнѣ!....» Она спустилась внизъ, скользнула по корридорамъ, отыскала Якова и велѣла сказать мальчику, чтобы шелъ, что отвѣтъ будетъ послѣ.

«А когда послѣ?» спрашивала она себя, медленно возвращаясь наверхъ. «Найду ли я силы написать ему сегодня до вечера? И что̀ напишу? Все тоже: «не могу, ничего не хочу, не осталось въ сердцѣ ничего...» А завтра онъ будетъ ждать тамъ, въ бесѣдкѣ. Обманутое ожиданіе раздражитъ его, онъ повторитъ вызовъ выстрѣлами, наконецъ столкнется съ людьми, съ бабушкой!... Пойти самой, сказать ему, что онъ поступаетъ «не честно и не логично».... Про великодушіе нечего ему говорить: волки не знаютъ его!...»

Все это неслось у ней въ головѣ, и она, то хваталась опять за перо и бросала, то думала пойти сама, отыскать его, сказать ему все это, отвернуться и уйти — и она бралась за мантилью, за косынку, какъ бывало, когда торопилась къ обрыву. И теперь, какъ тогда, руки напрасно искали мантилью, косынку. Все выпадало изъ рукъ и она, обезсиленная, садилась на диванъ и не знала что̀ дѣлать.

Бабушкѣ сказать? Бабушка сдѣлаетъ, что̀ нужно, но она огорчится письмами: Вѣрѣ хотѣлось бы избѣгнуть этого.

Сказать брату Борису и ему поручить положить конецъ надеждамъ Марка и покушеніямъ на свиданіе. Райскій — ея естественный, ближайшій другъ и защитникъ. Но прошла ли страсть въ немъ самомъ, или «ощущеніе», игра страсти, «отраженіе ея въ воображеніи», что̀ бы ни было? «И если прошло, разсуждала Вѣра, можетъ быть, основательно: то не потому ли, что прошла борьба, соперничество, все утихло вокругъ? Если появленіе героя страсти разбудитъ въ Райскомъ затихнувшую досаду, напомнитъ оскорбленія, — онъ не выдержитъ роли безкорыстнаго посредника, увлечется пылкостью и станетъ въ другую, опасную роль.»

Тушинъ! Да, этотъ выдержитъ, не сдѣлаетъ ошибки и навѣрное достигнетъ цѣли. Но ставить Тушина лицомъ къ лицу съ соперникомъ, свести его съ человѣкомъ, который изподтишка и мимоходомъ разгромилъ его надежды на счастье! Она представила себѣ, что̀ долженъ еще перенести этотъ, обожающій ее другъ, при свиданіи съ героемъ волчьей ямы, творцомъ ея паденія, разрушителемъ ея будущности! Какой силой воли и самообладанія надо обязать его, чтобы встрѣча ихъ на днѣ обрыва не была встрѣчей волка съ медвѣдемъ? Она потрясла отрицательно головой, рѣшивъ, однако же, не скрывать объ этихъ письмахъ отъ Тушина, но устранить его отъ всякаго участія въ развязкѣ ея драмы, какъ изъ пощады его сердца, такъ и потому, что, прося содѣйствія Тушина, она какъ-будто жаловалась на Марка. «А она ни въ чемъ его не обвиняетъ... Боже сохрани!»

И вотъ ей не къ кому обратиться. Она на груди этихъ трехъ людей нашла защиту отъ своего отчаянія, продолжаетъ находить мало-по-малу потерянную увѣренность въ себѣ, чувствуетъ возвращающійся въ душу миръ. Еще нѣсколько недѣль, мѣсяцовъ покоя, забвенія, дружеской ласки — и она встала бы мало-помалу на ноги и начала бы жить новой жизнью. А между тѣмъ она медлитъ протянуть къ нимъ довѣрчиво руки — не изъ гордости уже, а изъ пощады, изъ любви къ нимъ.

Но и ждать долѣе тоже невозможно. Завтра принесутъ опять письмо, она опять не отвѣтитъ: онъ явится самъ.... О, Боже сохрани! Если уже зло неизбѣжно, думала она, то изъ двухъ золъ меньшее будетъ — отдать письма бабушкѣ, предоставить ей сдѣлать, что̀ нужно сдѣлать. Бабушка тоже не ошибется: онѣ теперь понимаютъ другъ друга.

Потомъ, подумавши, она написала записку и Тушину. Тѣ же листки бумаги, то же перо, за полчаса отказывавшіеся слу-

жить ей — послушно служили теперь. Пальцы быстро написали двѣ строчки:

«Пріѣзжайте, если можно, завтра утромъ. Я давно не видала васъ — и хочу видѣть. Мнѣ скучно!»

Она отослала записку съ Прохоромъ, чтобы онъ отвезъ ее на пристань и отдалъ на перевозѣ, для отправленія въ «Дымокъ», съ людьми Тушина, которые каждый день ѣздили въ городъ.

Прежде Вѣра прятала свои тайны, уходила въ себя, царствуя безраздѣльно въ своемъ внутреннемъ мірѣ, чуждаясь общества, чувствуя себя сильнѣе всѣхъ окружающихъ. Теперь стало наоборотъ. Одиночность силъ, при первомъ тяжеломъ опытѣ, оказалась несостоятельною. Она поплатилась своей гордостью и вдругъ почувствовала себя, въ минуту бури, безсильною, а когда буря ушла — жалкой, безпомощной сиротой, и протянула, какъ младенецъ, руки къ людямъ. Прежде она дарила довѣріе, какъ-будто изъ милости, только своей наперсницѣ и подругѣ, женѣ священника: это былъ ея капризъ, она роняла крупицы. Теперь она шла искать помощи, съ поникшей головой, съ обузданной гордостью, почуя рядомъ силу, сильнѣе своей, и мудрость мудрѣе своей самолюбивой воли.

Вѣра сообщала бывало, своей подругѣ мелочной календарь вседневной своей жизни: событій, ощущеній, впечатлѣній, даже чувствъ, довѣрила и о своихъ отношеніяхъ къ Марку, но скрыла отъ нея катастрофу, сказавъ только, что все кончено, что они разошлись навсегда—и только. Жена священника не знала исторіи обрыва до конца и приписала болѣзнь Вѣры отчаянію разлуки.

Она любила Марѳиньку, также, какъ Наталью Ивановну, но любила обѣихъ, какъ дѣтей, иногда, пожалуй, какъ собесѣдницъ. Въ тихую пору жизни, она опять позоветъ Наталью Ивановну и будетъ передавать ей вседневныя событія по мелочамъ, въ подробностяхъ,—опять та будетъ шепотомъ поддакивать сй, разбавлять ея одинокія ощущенія. Но въ рѣшительныя и роковыя минуты, Вѣра пойдетъ къ бабушкѣ, пошлетъ за Тушинымъ, постучится въ комнату брата Бориса.

И теперь она постучалась ко всѣмъ троимъ.

XIII.

Она положила оба письма въ карманъ, тихо, задумчиво пошла къ Татьянѣ Марковнѣ и сѣла подлѣ нея.

Бабушка только-что осмотрѣла свадебную постель и смѣряла съ швеею, сколько пойдетъ кисеи, кружевъ на подушки, и усѣлась въ свои кресла.

Она бѣгло взглянула на Вѣру, потомъ опять вдругъ взглянула и остановила на ней безпокойный взглядъ.

— Что случилось, Вѣра: ты разстроена?

— Не разстроена, а устала. Я получила письма оттуда, отъ.....

— Оттуда? повторила бабушка, мѣняясь въ лицѣ.

— Одно давно: я не распечатывала до сихъ поръ, а другое сегодня. Вотъ они: прочти, бабушка.

Она положила оба письма на столъ.

— Зачѣмъ мнѣ читать, Вѣрочка? говорила Татьяна Марковна, едва преодолѣвая себя и стараясь не глядѣть на письма.

Вѣра молчала. Бабушка замѣтила у ней выраженіе тоски.

— Развѣ тебѣ нужно, чтобъ я знала, что̀ тамъ?....

— Нужно, бабушка, прочти.

Бабушка надѣла очки и стала-было читать.

— Не разберу, душенька, сказала она съ тоской, отодвинувъ письмо.—Ты скажи лучше коротко, зачѣмъ мнѣ нужно знать.....

— Не могу разсказать: силъ нѣтъ, духъ захватываетъ.... Я лучше прочту.

Она, шепотомъ, скрадывая нѣкоторыя слова и выраженія, прочла письма, и скомкавъ оба, спрятала въ карманъ. Татьяна Марковна выпрямилась въ креслѣ и опять сгорбилась, подавляя страданіе. Потомъ пристально посмотрѣла въ глаза Вѣрѣ.

— Что же ты, Вѣрочка, думаешь? спросила она нетвердымъ голосомъ.

— Ты спрашиваешь, что̀ я думаю? сказала Вѣра съ упрекомъ: тоже, что̀ ты, бабушка!

— Это я знаю. Но онъ предлагаетъ.... вѣнчаться, хочетъ остаться здѣсь. Можетъ быть..... если будетъ человѣкомъ, какъ всѣ.... если любитъ тебя.... говорила Татьяна Марковна боязливо: — если ты.... надѣешься на счастье.....

— Да: онъ называетъ вѣнчанье комедіей и предлагаетъ вѣнчаться! Онъ думаетъ, что мнѣ только этого не доставало для

счастья.... Бабушка! вѣдь ты понимаешь, что со мной — зачѣмъ же спрашиваешь?

— Ты пришла ко мнѣ спросить, на что тебѣ рѣшиться.....

Бабушка говорила робко, потому что все еще не знала, для чего прочла ей письма Вѣра. Она была взволнована дерзостью Марка и дрожала въ безпокойствѣ за Вѣру, боясь опаснаго поворота страсти, но скрывала свое волненіе и безпокойство.

— Я не затѣмъ пришла къ тебѣ, бабушка, сказала Вѣра.— Развѣ ты не знаешь, что тутъ все рѣшено давно? Я ничего не хочу, я едва хожу — и если дышу свободно и надѣюсь ожить, такъ это при одномъ условіи — чтобъ мнѣ ничего не знать, не слыхать, забыть навсегда... А онъ напомнилъ! зоветъ туда, манитъ счастьемъ, хочетъ вѣнчаться.... Боже мой!...—Она съ отчаяніемъ пожала плечами.

У Татьяны Марковны отходило безпокойство отъ сердца. Она пошевелилась свободно въ креслѣ, поправила складку у себя на платьѣ, смахнула рукой какія-то крошки со стола. Словомъ— отошла, ожила, задвигалась, какъ внезапно оцѣпенѣвшій отъ испуга и тотчасъ опять очнувшійся человѣкъ.

— Бабушка! заключила Вѣра, собравшись опять съ силами:— Я ничего не хочу! Пойми одно: еслибъ онъ какимъ-нибудь чудомъ переродился теперь, сталъ тѣмъ, чѣмъ я хотѣла прежде, чтобы онъ былъ,—еслибъ сталъ вѣрить во все, во что я вѣрю,— полюбилъ бы меня, какъ я.... хотѣла любить его — и тогда я не обернулась бы на его зовъ.....

Она замолчала. Бабушка слушала, притаивъ дыханіе, какъ пѣніе райской птицы.

— Я бы не была съ нимъ счастлива:—я не забыла бы прежняго человѣка никогда и никогда не вѣрила бы новому человѣку. Я слишкомъ тяжело страдала, шептала она, кладя щеку свою на руку бабушки:—но ты видѣла меня, поняла и спасла... ты—моя мать!.... Зачѣмъ же спрашиваешь и сомнѣваешься? Какая страсть устоитъ передъ этими страданіями? Развѣ возможно повторять такую ошибку!.... Во мнѣ ничего больше нѣтъ.... Пустота—холодъ и еслибъ не ты—то отчаяніе....

У Вѣры закапали слезы. Она прижалась головой къ плечу бабушки.

— Не поминай этого и не тревожь себя напрасно, говорила бабушка, едва сдерживаясь сама и отирая ей слезы рукой:— вѣдь мы положили никогда не говорить объ этомъ.....

— Я и не говорила бы, еслибъ не письма: — мнѣ нуженъ покой... Бабушка! увези, спрячь меня... или я умру! Я устала...

силы нѣтъ.... дай отдохнуть.... А онъ зоветъ туда.... хочетъ придти самъ....

Она заплакала сильнѣе.

Бабушка тихо встала, посадила ее на свое мѣсто, а сама выпрямилась во весь ростъ.

— А! если такъ, если онъ еще, заговорила она съ дрожью въ голосѣ,—достастъ тебя, мучаетъ,—онъ разсчитается со мной за эти слезы!... Бабушка укроетъ, защититъ тебя, — успокойся, дитя мое: ты не услышишь о немъ больше ничего....

Бабушка дрожала, говоря это.

— Что ты хочешь дѣлать? съ удивленіемъ спросила Вѣра, вдругъ вставая и подходя къ Татьянѣ Марковнѣ.

— Онъ зоветъ тебя: я сойду къ нему съ обрыва, вмѣсто тебя, на любовное свиданіе—и потомъ посмотримъ, напишетъ ли онъ тебѣ еще, придетъ ли сюда, позоветъ ли?...

Бабушка ходила по кабинету, сама не своя отъ гнѣва.

— Въ которомъ часу онъ завтра придетъ въ бесѣдку: кажется въ пять? спросила она отрывисто.

Вѣра все глядѣла на нее съ изумленіемъ.

— Бабушка! ты не поняла меня, сказала она кротко, взявъ ее за руки:—успокойся,—я не жалуюсь тебѣ на него. Никогда не забывай, что я одна виновата—во всемъ.... Онъ не знаетъ, что произошло со мной, и отъ того пишетъ. Ему надо только дать знать, объяснить, какъ я больна, упала духомъ,—а ты собираешься, кажется, воевать! Я не того хочу. Я хотѣла написать ему сама, и не могла,—видѣться не достаетъ силъ, еслибъ я и хотѣла....

Татьяна Марковна присмирѣла и задумалась.

— Я хотѣла просить Ивана Иваныча, продолжала Вѣра: но ты знаешь сама, какъ онъ любитъ меня, какія надежды были у него... Сводить его съ человѣкомъ, который все это уничтожилъ—нельзя!

— Нельзя! подтвердила Татьяна Марковна, тряся головой.—Зачѣмъ его трогать? Богъ знаетъ, что́ между ними случится.... Нельзя! У тебя есть близкій человѣкъ, онъ знаетъ все, онъ любитъ тебя, какъ сестру: Борюшка....

Вѣра молчала. «Да, еслибъ какъ сестру только!» думала она и не хотѣла открывать бабушкѣ о страсти Райскаго къ ней: это былъ не ея секретъ.

— Хочешь, я поговорю съ нимъ....

— Погоди, бабушка: я сама скажу ему, отвѣчала Вѣра, опасаясь вмѣшивать брата. Она надѣялась на его сердце, до-

вѣряла его уму, чувствамъ, но не довѣряла его неуловимо - капризной фантазіи и способности увлекаться.

— Я какъ-нибудь, черезъ брата, или соберусь съ силами и сама отвѣчу на эти письма, дамъ понять, въ какомъ я положеніи, отниму всякія надежды на свиданіе. А теперь мнѣ нужно пока дать ему знать только, чтобъ онъ не ходилъ въ бесѣдку и не ждалъ напрасно....

— Это я сдѣлаю! вдругъ сказала бабушка.

— Но ты не пойдешь сама, не увидишься съ нимъ? говорила Вѣра, пытливо глядя въ глаза бабушкѣ.—Помни, я не жалуюсь на него, не хочу ему зла....

— И я не хочу! шептала бабушка, глядя въ сторону.—Успокойся, я не пойду сама: я сдѣлаю только, что онъ не будетъ ждать въ бесѣдкѣ...

— Прости меня, бабушка, еще за это новое огорченіе!

Татьяна Марковна вздохнула и поцѣловала ее.

XIV.

Вѣра пошла полууспокоенная, стараясь угадать, какую мѣру могла бы принять бабушка, чтобъ помѣшать Марку ждать ее завтра въ бесѣдкѣ. Она опасалась, чтобы Татьяна Марковна, не знающая ничего о страсти Райскаго, не поручила ему пойти, не предваривъ ее о томъ, а онъ, не приготовленный, могъ поступить, какъ внушало ему его, еще не вполнѣ угасшее корыстное чувство и фантазія.

Вѣра, узнавъ, что Райскій не выходилъ со двора, пошла къ нему въ старый домъ, куда онъ перешелъ съ тѣхъ поръ, какъ Козловъ поселился у нихъ, съ тѣмъ, чтобы сказать ему о новыхъ письмахъ, узнать, какъ онъ приметъ это, и смотря по этому, дать ему понять, какова должна быть его роль, если бабушка возложитъ на него видѣться съ Маркомъ.

Она шла, какъ тѣнь, по амфиладѣ стараго дома, минуя свои бывшія комнаты, по потускнѣвшему отъ времени паркету, мимо завѣшанныхъ зеркалъ, закутанныхъ тумбъ съ старыми часами, старой тяжелой мебели, и вступила въ маленькія, уютныя комнаты, выходившія окнами на слободу и на поле. Она неслышно отворила дверь въ комнату, гдѣ поселился Райскій, и остановилась на порогѣ.

Райскій сидѣлъ за столомъ, зарывшись въ свой артистическій портфѣль, разбирая эскизы разныхъ мѣстностей, акварельные портреты, набросанные очерки неисполненныхъ картинъ,

миніатюрныя копіи съ извѣстныхъ произведеній, и между прочимъ отбирая, кучей втиснутые въ портфѣль, черновые листы литературныхъ воспоминаній, замѣтокъ, очерковъ, начатыхъ и брошенныхъ стиховъ и повѣстей.

Отобравъ тщательно всю кучу накопившагося матеріала для романа, онъ сильно призадумался. Взглядъ у него потускъ; разбирая листы за листами, онъ, то покачивалъ головой и вздыхалъ тяжело, то зѣвалъ до слезъ.

«Вотъ этакъ же, лѣтъ шесть назадъ,—печально размышлялъ онъ, — затѣялъ я писать большую, сложную картину для выставки... А оказалось, что въ нее надо положить цѣлые годы... И теперь, такую же обузу беру на себя: романъ писать!! Однихъ матеріаловъ съ пудъ наберется... Сколько соображеній, замѣтокъ, справокъ!...»

«Дѣло ли я затѣялъ, романъ! Куча характеровъ, положеній, сценъ! А вся сила, весь интересъ, и твой собственный романъ— въ Вѣрѣ: одну ее и пиши! Да, вотъ что!»

«Прочь все лишнее, постороннее: напишу одну ее... Облегчу себя, а этотъ весь балластъ въ сторону. Чего, чего тутъ нѣтъ!»

Онъ началъ живо отбирать все постороннее Вѣрѣ и отобралъ листковъ десятокъ, гдѣ набросаны были характеристическія замѣтки о ней, сцены, разговоры съ нею, и съ любовью перечитывалъ ихъ.

Вдругъ онъ оставилъ листки — и поразился будто какою-то новою мыслью. «А отъ чего у меня до сихъ поръ нѣтъ ея портрета кистью?» вдругъ спросилъ онъ себя, тогда какъ онъ, съ первой же встрѣчи съ Марѳинькой, передалъ полотну ея черты, подъ вліяніемъ первыхъ впечатлѣній, и черты эти вышли говорящи, «въ портретѣ есть правда, жизнь, вѣрность во всемъ... кромѣ плеча и рукъ», думалъ онъ. А портрета Вѣры нѣтъ: уже ли онъ уѣдетъ безъ него?... Теперь ничто не мѣшаетъ: страсти у него нѣтъ, она его не убѣгаетъ... Имѣя портретъ, легче писать и романъ; передъ глазами будетъ она, какъ живая...

Онъ поднялъ глаза отъ портфеля.... Передъ нимъ стоитъ живая Вѣра! Онъ испугался.

— Это бабушкина «судьба» посылаетъ тебя ко мнѣ!.. сказалъ онъ.

У Вѣры, замѣтившей его испугъ, задрожалъ подбородокъ отъ улыбки. А онъ не спускалъ съ нея глазъ.

Его опять охватила красота его сестры, — не прежняя, съ блескомъ, съ теплымъ колоритомъ жизни, съ бархатнымъ, гордымъ и горячимъ взглядомъ, съ мерцаніемъ «ночи», какъ онъ

назвалъ ее за эти неуловимыя искры, тогда еще таинственной, неразгаданной прелести.

Безсознательное блистанье молодости и красоты, разливающей яркіе и горячіе лучи вокругъ себя — исчезло.

Томная печаль, глубокая усталость смотрѣла теперь изъ ея глазъ. Горячіе, живые тоны въ лицѣ замѣнились прозрачной блѣдностью. Въ улыбкѣ не было гордости, нетерпѣливыхъ, едва сдерживаемыхъ молодыхъ силъ. Кротость и грусть тихо покоились на ея лицѣ, и вся стройная фигура ея была полна задумчивой, нѣжной граціи и унылаго покоя.

«Это—лилія! Гдѣ прежняя Вѣра? Которая лучше: та, или эта?» думалъ онъ, протягивая ей въ умиленіи руки.

Она подошла къ нему, не прежнимъ ползучимъ шагомъ, не съ волнующимся при походкѣ станомъ, а тихой, ровной поступью. Шаги издавали легкій, сухой стукъ.

— Я тебѣ помѣшала, сказала она.—Что ты дѣлаешь? Мнѣ хотѣлось поговорить съ тобой...

Онъ не сводилъ съ нея глазъ.

— Что ты такъ смотришь?...

— Погоди, Вѣра! шепталъ онъ, не слыхавъ ея вопроса и не спуская съ нея широкаго, изумленнаго взгляда.—Сядь вотъ здѣсь,—такъ! говорилъ онъ, усаживая ее на маленькій диванъ. А самъ торопливо сунулся въ уголъ комнаты, порылся тамъ и досталъ рамку съ натянутымъ холстомъ, выдвинулъ мольбертъ и началъ шарить по угламъ, отыскивая ящикъ съ красками.

— Что ты хочешь дѣлать? спросила она.

— Молчи, молчи, Вѣра: я давно не видалъ твоей красоты, какъ будто ослѣпъ на время! Сію минуту ты вошла, лучи ея ударили меня по нервамъ, художникъ проснулся! Не бойся этихъ восторговъ. Скорѣй, скорѣй, дай мнѣ этой красоты, пока не прошла минута... У меня нѣтъ твоего портрета...

— Что за мысль, Борисъ, теперь: какая красота! на что я стала похожа? Василиса говоритъ, что въ гробъ краше кладутъ... Оставь до другого раза...

— Ты ничего не понимаешь въ своей красотѣ: ты — chef-d'oeuvre. Нельзя откладывать до другого раза. Смотри: у меня волосы поднимаются, мурашки бѣгаютъ.... сейчасъ слезы брызнутъ.... Садись, — пройдетъ, и все пропало!

— Я устала, братъ.... я не въ силахъ, едва хожу... И холодно мнѣ: у тебя здѣсь свѣжо...

— Я тебя прикрою, посажу въ покойную позу, ты не гляди на меня, будь свободна, какъ будто бы меня не было тутъ!

Онъ положилъ ей за спину и подъ руки подушки, на плечи

и грудь накинулъ ей свой шотландскій пледъ и усадилъ ее съ книгой на диванъ.

— А голову держи какъ хочешь, сказалъ онъ:—какъ тебѣ удобнѣе, покойнѣе. Дѣлай, какія хочешь движенія! Гляди, куда хочешь, или не гляди вовсе — и забудь, что я тутъ.

Она покорилась равнодушно, усѣвшись въ усталой позѣ, и задумалась.

— А я хотѣла поговорить съ тобой, показать тебѣ.... письма, сказала она.

Онъ молчалъ, вглядываясь въ нее и чертя мѣломъ на полотнѣ.

Прошло минутъ десять.

— Я получила письма.... отъ Марка.... тихо повторила она.

Онъ молчитъ и чертитъ мѣломъ.

Прошло четверть часа. Онъ, схвативъ палитру, покрылъ ее красками и, взглядывая горячо на Вѣру, торопливо, какъ будто воруя, переносилъ черты ея лица на полотно.

Она повторила ему о письмахъ. Онъ молчитъ и глядитъ на нее, будто въ первый разъ ее видитъ.

— Братъ, ты не слушаешь?

— Да.... да.... слышу.... «письма отъ Марка....» Ну, что онъ, здоровъ, какъ поживаетъ?... скороговоркой сказалъ онъ.

Она съ удивленіемъ глядѣла на него. Она едва рѣшалась назвать Марка, думая, что дотронется до него этимъ именемъ, какъ калепымъ желѣзомъ,—а онъ о здоровьи его спрашиваетъ! Поглядѣвъ еще на него, она перестала удивляться. Еслибъ вмѣсто имени Марка, она назвала Карпа, Сидора — дѣйствіе было бы одно и тоже. Райскій машинально слушалъ и не слыхалъ. Онъ слышалъ только звукъ ея голоса, — погруженный въ работу, видѣлъ только ее, не вникалъ въ ея слова и машинально повторялъ имя.

— Чтожъ ты ничего мнѣ не отвѣчаешь? спросила она.

— Послѣ, послѣ, Вѣра: ради Бога! Теперь не говори со мной — думай что-нибудь про себя. Меня здѣсь нѣтъ...

Вѣра пробовала опять заговорить, но онъ уже не слыхалъ и только торопливо подмалевывалъ лицо.

Вскорѣ она погрузилась—не въ печаль, не въ безпокойство о письмахъ и о томъ, придетъ ли Маркъ, что сдѣлаетъ бабушка,— а въ какой-то хаосъ смутныхъ чувствъ, воспоминаній, напрасно стараясь сосредоточить мысль на одномъ чувствѣ, на одномъ моментѣ.

Она куталась въ пледъ, чтобъ согрѣться, и взглядывала по временамъ на Райскаго, почти не замѣчая, что онъ дѣлаетъ, и

все задумывалась, задумывалась и, казалось, будто въ глазахъ ея отражалось теченіе всей ея, молодой, но уже глубоко-взволнованной, и еще не успокоенной жизни. Думы, скорбь, вопросы и отвѣты изъ жизни, жажда покоя, тайныя муки и робкое ожиданіе будущаго, — все мелькало во взглядѣ.

А Райскій молча, сосредоточенно, блѣдный отъ артистическаго раздраженія, работалъ надъ ея глазами, по временамъ взглядывая на Вѣру, или глядѣлъ мысленно въ воспоминаніе о первой встрѣчѣ своей съ нею и о тогдашнемъ страстномъ впечатлѣніи. Въ комнатѣ была могильная тишина.

Вдругъ онъ остановился, стараясь уловить и опредѣлить тайну ея задумчиваго, ни на что не смотрѣвшаго, но глубокаго, какъ бездна, говорящаго взгляда.

Онъ касался кистью зрачка на полотнѣ, думалъ поймать правду—и ловилъ правду чувства, а тамъ, въ живомъ взглядѣ Вѣры, сквозитъ еще что-то, какая-то спящая сила. Онъ клалъ другую краску, дѣлалъ тѣнь—и какъ ни бился—но у него выходили ея глаза и не выходило взгляда.

Напрасно онъ звалъ на помощь двѣ волшебныя учительскія точки, тѣ двѣ искры, которыми вдругъ засвѣтились глаза Софьи подъ его кистью.

«Нѣтъ, здѣсь точекъ мало!» сказалъ онъ послѣ новыхъ усилій передать этотъ взглядъ.

Онъ задумался, мѣшалъ краски, отходилъ отъ портрета, смотрѣлъ опять.

«Надо подождать!» рѣшилъ онъ и началъ подмалевывать щеки, носъ, волосы.

Поработавъ съ полчаса, онъ принялся опять за глаза.

«Еще разъ.... послѣдній! сказалъ онъ:—и если не удастся—не стану: нельзя!»

— Теперь, Вѣра, погляди минутъ пять сюда, вотъ на эту точку, обратился къ ней Райскій, указывая, куда глядѣть, и самъ поглядѣлъ на нее...

Она спала. Онъ замеръ въ молчаніи и смотрѣлъ на нее, боясь дохнуть.

«О, какая красота!» шепталъ онъ въ умиленіи. «Она кстати заснула: да, это была дерзость рисовать ея взглядъ, въ которомъ улеглась вся ея драма и романъ. Здѣсь самъ Грёзъ положилъ бы кисть!»

Онъ нарисовалъ глаза закрытыми, глядя на нее и наслаждаясь живымъ образомъ спящаго покоя мысли, чувства и красоты.

Потомъ, положивъ палитру и кисть, тихо наклонился къ

ней, еще тише коснулся губами ея блѣдной руки и неслышными шагами вышелъ изъ комнаты.

XV.

На другой день въ полдень, Вѣра, услыхавъ шумъ лошадиныхъ копытъ въ воротахъ, взглянула въ окно и глаза у ней на минуту блеснули удовольствіемъ, увидѣвъ рослую и стройную фигуру Тушина, верхомъ на ворономъ конѣ, въѣхавшаго во дворъ.

Вѣра машинально оправилась передъ зеркаломъ, со вздохомъ глядѣла на себя и думала: «что̀ братъ Борисъ нашелъ списывать во мнѣ!»

Она сошла внизъ, прошла всѣ комнаты и взялась за ручку двери изъ залы въ переднюю. А съ той стороны Тушинъ взялся за ту же ручку. Они отворили дверь, столкнулись и улыбнулись другъ другу.

— Я сверху увидала васъ и пошла на встрѣчу.... Вы здоровы? вдругъ спросила она, взглянувъ на него пристально.

— Что̀ мнѣ дѣлается! конфузливо сказалъ онъ, ворочая лицо въ сторону, чтобъ не дать замѣтить ей перемѣны въ себѣ.— А вы?

— Ничего, такъ. Была больна, чуть не слегла. Теперь прошло.... Гдѣ бабушка? обратилась она къ Василисѣ.

Та сказала, что барыня, послѣ чаю, ушла куда-то, взявъ съ собой Савелья.

Вѣра пригласила Тушина къ себѣ на верхъ.

Они, сидя на концахъ дивана, молчали, глядя украдкой другъ на друга.

«Блѣденъ, думала она, похудѣлъ: оскорбленное чувство, обманутыя надежды гнетутъ его...»

Тушинъ былъ точно непокоенъ, но не столько отъ оскорбленныхъ чувствъ, сколько отъ заботы о томъ, что̀ было съ нею послѣ: кончена ли ея драма, или нѣтъ?

Вопросъ о собственномъ безпокойствѣ, объ «оскорбленномъ чувствѣ и обманутыхъ надеждахъ» въ первые дни ломалъ его, и чтобы вынести эту ломку, нужна была медвѣжья крѣпость его организма и вся, данная ему и сбереженная имъ сила души. И онъ вынесъ борьбу, благодаря этой силѣ, благодаря своей прямой, чистой натурѣ, чуждой зависти, злости, мелкаго самолюбія, — всѣхъ этихъ стихій, изъ которыхъ слагаются дурныя страсти.

Онъ вѣрилъ въ непогрѣшимость Вѣры, и эта вѣра, которою держалась его чистая, глубоко — нравственная страсть къ ней, да прелесть ея обаятельной красоты и довѣріе къ ея уму, сердечной честности,—заглушали животный эгоизмъ страсти и спасали его, не только отъ отчаянія въ горѣ, но и отъ охлажденія къ Вѣрѣ. Съ первой минуты ея откровенности, не смотря на свою жестокую муку, онъ безпристрастно сознавалъ и вѣрилъ, и тогда же выразилъ ей, что она не виновна, а «несчастлива»: такъ думалъ и теперь. Виноватымъ во всемъ, и еще болѣе несчастнымъ слѣпотой — считалъ онъ Марка.

Отъ этого у Тушина, тихо, пока украдкой отъ него самого, теплился, сквозь горе, сквозь этотъ хаосъ чувствъ, тоски, оскорбленій, — слабый лучъ надежды, не на прежнее, конечно, полное, громадное счастье взаимности, но на счастье не совсѣмъ терять Вѣру изъ виду, удержать за собой навсегда ея дружбу, и въ далекѣ когда-нибудь, со временемъ, усилить ея покойную, прочную симпатію къ себѣ и... и... Тутъ кончались его мечты, не смѣя идти далѣе, потому что за этими *и* слѣдовалъ естественный вопросъ о томъ, что̀ теперь будетъ съ нею? Дѣйствительно ли кончилась ея драма? Не опомнился ли Маркъ, понявъ, что̀ онъ теряетъ, и не бросился ли догонять уходящее счастье? Не карабкается ли за нею со дна обрыва на высоту? Не оглянулась ли и она опять назадъ? Не подали ли они другъ другу руки навсегда, чтобъ быть счастливыми, какъ онъ, Тушинъ, и какъ сама Вѣра понимаютъ счастье? Стало быть онъ мучился тѣми же сомнѣніями и тѣмъ же вопросомъ, который точно укусилъ Татьяну Марковну прямо въ сердце, когда Вѣра показала ей письма. Вопросъ этотъ не переставалъ грызть Тушина. Ему казалось невѣроятно, что̀бы Маркъ устоялъ въ своихъ понятіяхъ и остался только на днѣ обрыва. Не дуракъ же онъ, не слѣпой...

«За что̀-нибудь любила же она его... Нѣтъ — любить его нельзя—а влюбилась, увлеклась фальшиво...» думалъ онъ: «онъ опомнится, воротится и она будетъ счастлива. Дай Богъ! Дай Богъ!» молился онъ за счастье Вѣры, и въ эти минуты блѣднѣлъ и худѣлъ—отъ безнадежности за свое погибающее будущее, безъ симпатіи, безъ счастья, безъ Вѣры, безъ всѣхъ этихъ *и.... и.... и....*

«Какая же это жизнь?» думалъ онъ. «Той жизнью, какою я жилъ прежде, когда не зналъ, есть ли на свѣтѣ Вѣра Васильевна, жить дальше нельзя. Безъ нея — дѣло станетъ, жизнь станетъ!»

Онъ принимался чуть не самъ рубить мачтовыя деревья,

слѣдилъ прилежнѣе за работами на пильномъ заводѣ, самъ, вмѣсто прикащиковъ, велъ книги въ конторѣ, или садился на коня и упаривалъ его, скача верстъ по двадцати взадъ и впередъ по лѣсу, заглушая свое горе и всѣ эти вопросы, скача отъ нихъ дальше, — но съ нимъ неутомимо, какъ свистящій осенній вѣтеръ, скакалъ вопросъ: что̀ дѣлается на той сторонѣ Волги?

Сколько разъ онъ подъѣзжалъ къ берегу, глядя на противоположную сторону! Какъ хотѣлось ему вскочить на этомъ конѣ на отваливающій паро́мъ и взобраться на гору, узнать, спросить... Но она сказала: «погодите» — и это «погодите» было для него свято.

Теперь онъ ѣхалъ съ ея запиской въ карманѣ. Она его вызвала, но онъ не скакалъ на гору, а ѣхалъ тихо, неторопливо слѣзъ съ коня, терпѣливо ожидая, чтобъ изъ людской замѣтили кучера̀ и взяли его у него, и робко брался за ручку двери. Даже, придя въ ея комнату, онъ боязливо и украдкой глядѣлъ на нее, не зная, что̀ съ нею, зачѣмъ она его вызвала, чего ему ждать.

Сначала неловко было обоимъ. Ей — отъ того, что «тайна» извѣстна была ему, хотя онъ и другъ, но все же посторонній ей человѣкъ. Открыла она ему тайну внезапно, въ горячкѣ, въ нервномъ раздраженіи, когда она, изъ нѣкоторыхъ его словъ, заподозрѣла, что онъ уже знаетъ все. И нельзя было не открыть: она дорожила прелестью его дружбы и не хотѣла красть уваженія. Притомъ онъ сдѣлалъ ей предложеніе. Но все же онъ знаетъ ея «грѣхъ»,—а это тяжело.

Ему было неловко отъ того, что онъ такъ не въ пору и некстати открылъ ей свои надежды, на которыя она отвѣтила ему страшной откровенностью: неловко и за нее и за себя.

Они угадывали другъ друга и молчали.

— Вы меня простили? сказала она наконецъ грудным шепотомъ, стараясь не глядѣть на него.

— Я, васъ: за что?

— За все, что̀ вы перенесли, Иванъ Ивановичъ. Вы измѣнились, похудѣли, вамъ тяжело,—я это вижу. Горе ваше и бабушки—тяжелое наказаніе!

— Мое горе не должно безпокоить васъ, Вѣра Васильевна. Оно—мое. Я самъ напросился на него, а вы только смягчили его. Вонъ вы вспомнили обо мнѣ и писали, что вамъ хочется видѣть меня: ужели это правда?

— Правда, Иванъ Ивановичъ. Если у меня отнимутъ васъ троихъ: бабушку, васъ и брата Бориса—я не переживу своего одиночества.

— Ну, вотъ: а вы говорите — горе! Посмотрите мнѣ въ глаза: я думаю, я въ эту минуту и пополнѣлъ опять.

У него показался румянецъ, какой бросается въ лицо вдругъ обрадованному человѣку.

— Вижу, сказала она: и отъ этого мнѣ больнѣе становится за все то, что̀ я сдѣлала со всѣми вами. Что̀ было съ бабушкой!

— А что̀? я боялся спросить....

Она разсказала ему все, что было въ эти двѣ недѣли, кромѣ признанія Татьяны Марковны.

Онъ напряженно ждалъ, не упомянетъ ли она о Маркѣ. Но она не сказала ни слова.

— Еслибъ вы сами скорѣй успокоились! сказалъ онъ задумчиво: все пройдетъ и забудется....

— Забудется, но не простится....

— Некому и нечего прощать...

— Еслибъ и забылось и простилось другими, мнѣ самой нельзя забыть и простить себѣ.... шепнула она и остановилась. Боль отразилась у ней на лицѣ.

— Я начала немного отдыхать, забывать.... продолжала она. Теперь скоро свадьба; было много дѣла, я отвлеклась-было....

— И что же: помѣшало развѣ что̀-нибудь?

— Да.... я вчера была сильно встревожена: и теперь еще не совсѣмъ покойна. Боюсь, чтобы какъ-нибудь.... Да, вы правы: мнѣ надо скорѣе успокоиться.... Я думала, все кончилось.... Уѣхала бы я отсюда!

Онъ молчалъ, потупивъ глаза. Румянецъ и минутная радость сбѣжали съ лица.

— Случилось что̀-нибудь? спросилъ онъ.—Не нужно ли вамъ... какой-нибудь услуги, Вѣра Васильевна?

— Да, случилось. Но на эту услугу я не вызову васъ, Иванъ Ивановичъ.

— Не съумѣю, можетъ быть?

— Нѣтъ, не то! Вы знаете все: вотъ прочтите, что̀ я получила....

Она вынула изъ ящика оба письма и подала ему. Тушинъ прочиталъ и совсѣмъ похудѣлъ, сталъ опять блѣденъ, какъ былъ, когда пріѣхалъ.

— Да, тутъ, конечно, я лишній: вы одна можете....

— Не могу, Иванъ Ивановичъ....

Онъ вопросительно глядѣлъ на нее.

— Не могу, ни написать ему двухъ словъ, ни видѣть его...

Онъ сталъ оправляться и поднялъ голову, глядя на нее.

— А мнѣ надо дать отвѣтъ: онъ ждетъ тамъ, въ бесѣдкѣ, или придетъ сюда, если не дамъ.... а я не могу....

— Какой отвѣтъ? спросилъ Тушинъ, наклоняясь и разсматривая свои сапоги.

— И вы, какъ бабушка, спрашиваете, какой! Развѣ вы не читали? Онъ манитъ счастьемъ, предлагаетъ вѣнчаться....

— Что-же?

— Что-же! повторила она съ примѣсью легкаго раздраженія: я пробовала вчера написать ему всего двѣ строки: «я не была— и не буду счастлива съ вами и послѣ вѣнчанья, и не увижу васъ никогда. Прощайте!»—и не могла. Хотѣла пойти, сказать это сама и уйти—ноги не шли: я падала. Онъ не знаетъ ничего, что́ со мной произошло, и думаетъ, что я все еще въ жару страсти, отъ того и надѣется, пишетъ.... Надо ему сказать все, а я не могу! Поручить некому: бабушка вспыхнула, какъ порохъ, прочитавши эти письма. Я боюсь, что она не выдержитъ.... и я....

Тушинъ вдругъ всталъ и подошелъ къ ней.

— И вы подумали обо мнѣ: «Тушинъ—выдержитъ и послужитъ мнѣ....» и позвали меня.... такъ?

Онъ весь просіялъ.

— Нѣтъ, Иванъ Ивановичъ, не такъ. Я позвала васъ, чтобъ... видѣть васъ въ этой тревогѣ. Когда вы тутъ—я будто покойнѣе...

— Вѣра Васильевна! сказалъ онъ—и румянецъ опять хлынулъ ему въ щеки. Онъ былъ почти счастливъ.

— А посылать васъ туда—продолжала она—нѣтъ, я не нанесу вамъ этого новаго оскорбленія, не поставлю лицомъ къ лицу съ человѣкомъ, котораго вы.... не можете видѣть равнодушно.... Нѣтъ, нѣтъ!

Она качала головой.

— Оскорбленія! Вѣра Васильевна!.... Онъ хотѣлъ говорить, но сложилъ только руки, какъ будто съ мольбой, передъ ней. Глаза блистали, глядя на нее.

Она съ изумленіемъ благодарности смотрѣла на него, видя, какъ одно вниманіе, одно чувство приличія,—такая малость—дѣлали его счастливымъ. И это послѣ всего!... «Какъ онъ любитъ меня! За чѣмъ...»! подумала она съ грустью.

— Оскорбленія! повторилъ онъ.—Да, мнѣ тяжело бы было, еслибъ вы послали меня съ масличной вѣтвью къ нему, помочь ему выбраться изъ обрыва сюда.... Эта голубиная роль мнѣ была бы точно не къ лицу — но я пошелъ бы мирить васъ, еслибъ зналъ, что вы будете счастливы....

«И бабушка пошла бы, и мать моя, еслибъ была жива... И

этотъ человѣкъ готовъ идти искать мое счастье — и терять свое!» подумалось ей опять.

— Иванъ Ивановичъ! сказала она почти въ слезахъ: я вамъ вѣрю, вы сдѣлали бы и это! Но я не послала бы васъ...

— Знаю, что не послали бы, и дурно сдѣлали бы. А теперь, мнѣ не надо и выходить изъ роли медвѣдя: видѣть его—чтобы передать ему эти двѣ строки, которыхъ вы не могли написать: вѣдь это—счастье, Вѣра Васильевна!

Она потупила глаза. «Я только и могу дать ему это счастье въ отвѣтъ.... на все....» думала она.

Замѣтивъ ея печаль, онъ вдругъ упалъ, смирился, гордость осанки, блескъ взгляда, румянецъ — пропали. Онъ раскаялся въ своей неосторожной радости, въ неосторожномъ словѣ: «счастье». «Опять глупость сдѣлалъ!»терзался онъ про себя —принявъ простое, дружеское порученіе, съ которымъ она обратилась къ нему, потому что некому было поручить, какъ она сказала, — за какое-то косвенное поощреніе его надеждъ! Онъ—этой внезапной радостью и этимъ словомъ: «счастье» — будто повторилъ свое признаніе въ любви и предложеніе руки, и кромѣ того показалъ ей, что эгоистически радуется разрыву ея съ Маркомъ.

Вѣра, глядя на него, угадала, что онъ во второй разъ скатился съ своего обрыва счастливыхъ надеждъ. Ея сердце, женскій инстинктъ, дружба,—все бросилось на помощь бѣдному Тушину, и она не дала рухнуть окончательно всѣмъ его надеждамъ, удержавъ одну, какую только могла дать ему въ своемъ положеніи: это безграничное довѣріе и уваженіе.

— Да, Иванъ Ивановичъ, я теперь вижу, что я надѣялась на васъ и въ этомъ, только не признавалась сама себѣ, и никогда не рѣшилась бы требовать отъ васъ этой помощи. Но если вы великодушно предлагаете, то я рада и благодарю. Никто не поможетъ мнѣ такъ, какъ вы поможете, потому что никто, такъ какъ вы, не любитъ меня....

— Вы балуете меня, Вѣра Васильевна, говоря это: но это правда! Вы насквозь видите меня....

— И если, — продолжала она: — вамъ не тяжело видѣть его....

— Нѣтъ.... я не упаду въ обморокъ.

— Такъ подите сегодня въ пять часовъ въ бесѣдку и скажите....

Она задумалась, что сказать. Потомъ взяла карандашъ и написала тѣ же двѣ строки, которыя сказала ему на словахъ, не прибавивъ ничего къ прежде сказаннымъ словамъ.

— Вотъ мой отвѣтъ, заключила она, передавая ему незапе-

чатанный листокъ: отдайте ему и прибавьте, что̀ хотите, если нужно будетъ: вы знаете все....

Онъ спряталъ листокъ въ карманъ.

— Помните одно, прибавила она поспѣшно: что я не обвиняю его ни въ чемъ.... ни на что̀ не жалуюсь... слѣдовательно...

Она остановилась. Онъ ждалъ.

— Вашего бича съ собой не берите... договорила она тихо, почти въ сторону.

— По дѣломъ мнѣ! сказалъ онъ, сильно вздохнувъ.

— Виновата, перебила она, подавая ему руку: это не упрекъ,—Боже сохрани! Память подсказала мнѣ кстати. Мнѣ легче этимъ однимъ словомъ выразить, а вамъ понять, чего я желала и чего не желала бы въ этомъ свиданіи....

— Тутъ обидно одно: вы думали, что я безъ этого слова не понялъ бы....

— Простите меня, больную....

Онъ пожалъ поданную ему руку.

XVI.

Немного погодя, воротилась Татьяна Марковна, пришелъ Райскій. Татьяна Марковна и Тушинъ не безъ смущенія встрѣтились другъ съ другомъ. И имъ было неловко: онъ зналъ, что ей извѣстно его объясненіе съ Вѣрой,—а ей мучительно было, что онъ знаетъ романъ и «грѣхъ» Вѣры.

Изъ глазъ его выглядывало уныніе, въ ея разговорахъ сквозило смущеніе за Вѣру и участіе къ нему самому. Они говорили, даже о простыхъ предметахъ, какъ-то натянуто, но къ обѣду взаимная симпатія превозмогла, они оправились и глядѣли прямо другъ другу въ глаза, довѣряя взаимнымъ чувствамъ и характерамъ. Они даже будто сблизились между собой, и въ минуты молчанія, высказывали одинъ другому глазами то, что̀ могли бы сказать о происшедшемъ словами, еслибъ это было нужно.

До обѣда Вѣра оставалась съ Татьяной Марковной, стараясь, или скорѣе опасаясь, узнать о мѣрѣ, какую она могла принять, чтобъ Маркъ не ожидалъ ее въ бесѣдкѣ. Она рѣшилась не отходить отъ нея и послѣ обѣда, чтобъ она не поддалась желанію сама сойти съ обрыва на свиданіе.

Но Татьяна Марковна до обѣда не упомянула о вчерашнемъ разговорѣ, а послѣ обѣда, когда Райскій ушелъ къ себѣ, а Тушинъ, надѣвъ пальто, пошелъ куда-то «по дѣлу», она заняла

всю свою дѣвичью чисткою серебряныхъ чайниковъ, кофейниковъ, подносовъ и т. д., назначаемыхъ въ приданое Марѳинькѣ.

Вѣра успокоилась съ этой стороны и мысленно перенеслась съ Тушинымъ въ бесѣдку, думая съ тоской и съ замираніемъ сердца отъ страха о томъ: «не вышло бы чего-нибудь! Еслибъ этимъ кончилось! Что́ тамъ теперь дѣлается!»

А тамъ, безъ четверти въ пять часовъ, пробирался къ бесѣдкѣ Тушинъ. Онъ зналъ мѣстность, но видно давно не былъ и забылъ, потому что глядѣлъ на право, на лѣво, бралъ, то въ ту, то въ другую сторону, по едва замѣтной тропинкѣ, и никакъ не могъ найти бесѣдки. Онъ остановился тамъ, гдѣ кусты были чаще и гуще, припоминая, что бесѣдка была гдѣ-то около этого мѣста.

Онъ стоялъ, оглядываясь во всѣ стороны, и съ безпокойствомъ смотрѣлъ на часы. Стрѣлка подвигалась къ пяти часамъ, а онъ не видалъ, ни бесѣдки, ни Марка.

Вдругъ издали до него дошелъ шумъ торопливыхъ шаговъ, и между кустами сосняка и ельника являлась и пропадала фигура. «Кажется, онъ!..» думалъ Тушинъ, и раза два дохнулъ всей грудью, какъ усталый конь, покачалъ взадъ и впередъ стоящую рядомъ молодую ель, потомъ опустилъ обѣ руки въ карманы пальто и сталъ, какъ вкопаный.

Маркъ точно выпрыгнулъ изъ засады на это самое мѣсто, гдѣ былъ Тушинъ, и оглядываясь съ изумленіемъ вокругъ, замѣтилъ его и окаменѣлъ.

Они поглядѣли другъ на друга съ минуту, потомъ дотронулись до фуражекъ. Волоховъ все озирался съ недоумѣніемъ вокругъ.

— Гдѣ же бесѣдка? спросилъ онъ наконецъ вслухъ.

— Я тоже ее ищу и не знаю, въ которой она сторонѣ!

— Какъ, въ которой сторонѣ! Мы стоимъ на ея мѣстѣ: она еще вчера утромъ тутъ была...

Оба молчали, не зная, что́ сталось съ бесѣдкой. А съ ней сталось вотъ что́: Татьяна Марковна обѣщала Вѣрѣ, что Маркъ не будетъ «ждать ее въ бесѣдкѣ», и буквально исполнила обѣщаніе. Черезъ часъ послѣ разговора ея съ Вѣрой, Савелій, взявъ человѣкъ пять мужиковъ, съ топорами, спустился съ обрыва и они разнесли бесѣдку часа въ два, унеся съ собой бревна и доски на плечахъ. А бабы и ребятишки, по ея же приказанію, растаскали и щепы.

На другой день утромъ, сама барыня взяла садовника, да опять Савелья, и еще двоихъ людей, и велѣла мѣсто, гдѣ была бесѣдка, поскорѣе сравнять, утоптать, закрыть дерномъ и пересадить туда нѣсколько молодыхъ сосенъ и елей. «Заднимъ

умомъ крѣпка!» упрекала она мысленно себя. «Еслибъ я сломала бесѣдку тотчасъ, когда Вѣрочка сказала мнѣ все... тогда, можетъ быть, злодѣй догадался бы и не писалъ ей проклятыхъ писемъ!»

«Злодѣй» дѣйствительно догадался. «Старуха узнала: — это она!» подумалъ онъ. «Вѣра поступила благонравно: все открыла ей»!

Онъ обернулся къ Тушину, кивнулъ ему и хотѣлъ идти, но замѣтилъ его пристальный, точно желѣзный взглядъ.

— Вы что̀ тутъ дѣлали, гуляли, что ли? спросилъ онъ. — Что вы такъ смотрите на меня? Вы здѣсь въ гостяхъ на верху?

— Да, въ гостяхъ. Я не гулять пришелъ, а видѣться съ вами, сказалъ Тушинъ сухо, но учтиво.

— Со мной! оборотясь живо къ нему отозвался Волоховъ и вопросительно глядѣлъ на него. «Что это: не узналъ ли и онъ? Онъ, кажется, претендентъ на Вѣру: не драму ли затѣваетъ этотъ лѣсной Отелло: «крови», «крови», что ли, ему надо!» успѣлъ подумать Маркъ.

— Съ вами, повторилъ Тушинъ: — у меня есть порученіе къ вамъ.

— Отъ кого? Отъ старухи?

— Отъ какой старухи?

— Отъ Бережковой! Отъ какой!

— Нѣтъ.

— Такъ отъ Вѣры? почти съ испугомъ спросилъ онъ.

— Отъ Вѣры Васильевны, хотите вы сказать?

— Ну, пожалуй — Васильевны. Что она: здорова ли, — что̀ велѣла передать мнѣ?..

Тушинъ молча подалъ ему записку. Маркъ пробѣжалъ ее глазами, сунулъ небрежно въ карманъ пальто, потомъ снялъ фуражку и началъ пальцами драть голову, одолѣвая, не то неловкость своего положенія передъ Тушинымъ, не то ощущеніе боли, огорченія, или злой досады.

— Вы... все знаете? спросилъ онъ.

— Позвольте не отвѣчать на этотъ вопросъ, а спросить васъ: скажете вы что́-нибудь въ отвѣтъ?

«Стану я тебѣ давать отвѣтъ! подумалъ Маркъ: не дамъ»!

— Ничего не скажу, холодно отвѣчалъ онъ вслухъ.

— Но исполните, конечно, ея просьбу: не тревожить ее больше, не напоминать о себѣ... не писать, не посѣщать этихъ мѣстъ...

— Вамъ что за дѣло? Вы объявлены ея женихомъ, что спрашиваете?...

— Для этого не нужно быть женихомъ, а просто другомъ, чтобъ исполнить порученіе.

— Если буду писать и посѣщать — тогда что? запальчиво заговорилъ Волоховъ, какъ будто напрашиваясь на дерзость.

— Не знаю, какъ приметъ это Вѣра Васильевна. Если опять дастъ мнѣ новое порученіе, я опять сдѣлаю, что̀ ей будетъ нужно.

— Какой вы послушный и почтительный другъ! сказалъ съ злой ироніей Маркъ.

Тушинъ поглядѣлъ на него съ минуту серьезно.

— Да, вы правы: я такой другъ ей... Не забывайте, господинъ Волоховъ, прибавилъ онъ, что вы говорите не съ Тушинымъ теперь, а съ женщиной. Я сталъ въ ея положеніе и не выйду изъ него, что̀ бы вы ни сказали. Я за себя не имѣю права говорить сегодня. Я думалъ, что и для васъ довольно ея желанія, чтобы вы не безпокоили ее больше. Она только-что поправляется отъ серьезной болѣзни...

Маркъ молча ходилъ взадъ и впередъ по лужайкѣ, и при послѣднихъ словахъ, подошелъ къ Тушину.

— Что̀ съ ней было? спросилъ онъ почти мягко.

Тушинъ молчалъ.

— Извините меня, я горячусь: знаю, что это глупо! Но вѣдь вы видите, что и я — какъ въ горячкѣ.

— Очень жалѣю: стало быть вамъ самимъ нуженъ покой... Вы дадите какой-нибудь отвѣтъ на эту записку?

Марку не хотѣлось отвѣчать ему.

— Я самъ отвѣчу, напишу...

— Она положительно отказывается отъ этого — и я могу дать вамъ слово, что она не можетъ поступить иначе... Она больна — и ея здоровье требуетъ покоя, а покой явится, когда вы... не будете напоминать о себѣ. Я передаю, что̀ мнѣ сказано, и говорю то, что̀ видѣлъ самъ...

— Послушайте: вы ей желаете добра? началъ Волоховъ.

— Конечно.

— Вы видите, что она меня любитъ, она вамъ сказала...

— Нѣтъ, этого я не вижу и она мнѣ не говорила о любви, а дала вотъ эту записку и просила подтвердить, что она не можетъ и не желаетъ болѣе видѣться съ вами и получать писемъ.

— Какая нелѣпость — мучаться и мучать другого! сказалъ Маркъ, вскапывая ногой свѣжую, нанесенную только утромъ землю около дерева. — Вы могли бы избавить ее отъ этой пытки, отъ нездоровья, отъ упадка силъ... отъ всего — если вы... другъ ей! Старуха сломала бесѣдку, но не страсть: страсть сломаетъ Вѣру... Вы же сами говорите, что она больна...

— Я не говорилъ, что она больна отъ страсти...

— Отъ чего же разстроена?

— Отъ того, что вы пишете къ ней, ждете въ бесѣдкѣ, грозите придти сами. Она не переноситъ этого—и только это поручила передать.

— Она только говоритъ такъ, а сама...

— Она говоритъ всегда правду.

— Почему она дала это порученіе вамъ? вдругъ спросилъ Маркъ.

Тушинъ молчалъ.

— Она вамъ довѣряетъ, стало быть вы можете объяснить ей, какъ дико противиться счастью: вѣдь она не найдетъ его тамъ, у себя... Вы посовѣтовали бы ей не мучать себя и другого, и постарались бы поколебать эту бабушкину мораль... Притомъ я предлагаю ей...

— Еслибъ вы умѣли понять ее, остановилъ его Тушинъ: — то давно бы знали, что она изъ тѣхъ, кому «объяснять» нечего и «совѣтовать» нельзя. А колебать бабушкину «мораль» я не нахожу нужнымъ, потому что раздѣляю эту мораль.

— Вотъ какъ! Вы удивительный дипломатъ, отлично исполняете порученія! раздражительно сказалъ Маркъ.

Тушинъ молчалъ, наблюдая за нимъ и покойно ожидая, что онъ, волей или неволей, а дастъ отвѣтъ.

Это молчаливое спокойствіе бѣсило Марка. Сломанная бесѣдка и появленіе Тушина въ роли посредника показали ему, что надежды его кончаются, что Вѣра не колеблется больше, что она установилась на своемъ намѣреніи не видѣться съ нимъ никогда. Въ него тихо проникло ядовитое сознаніе, что Вѣра страдаетъ, дѣйствительно, не отъ страсти къ нему, — иначе она не открылась бы бабушкѣ, и еще менѣе Тушину. Онъ зналъ и прежде ея упрямство, котораго не могла сломать даже страсть, и потому почти съ отчаяніемъ сдѣлалъ послѣднюю уступку, рѣшаясь жениться и остаться еще на неопредѣленное время, но отнюдь не навсегда, тутъ, въ этомъ городѣ, пока длится его страсть. Онъ вѣрилъ въ непогрѣшимость своихъ понятій о любви и предвидѣлъ, что, рано или поздно, она кончится для обоихъ одинаково, что они будутъ «виснуть одинъ другому на шею, пока виснется», а потомъ... Онъ отдалялся отъ этого «потомъ», надѣясь, что со временемъ Вѣра не устоитъ и сама на морали бабушки, когда настанетъ охлажденіе.

Теперь и эта его жертва — предложеніе жениться — оказалась напрасною. Ее не приняли. Онъ не опасенъ, и даже не нуженъ больше. Его отсылаютъ. Онъ терпѣлъ въ эту минуту

отъ тѣхъ самыхъ мученій, надъ которыми издѣвался еще недавно, не вѣря имъ. «Не логично!» думалъ онъ.

— Я не знаю, что́ я сдѣлаю, сказалъ онъ все еще гордо:— и не могу дать отвѣта на ваше дипломатическое порученіе. Въ бесѣдку, конечно, не приду, потому что ея нѣтъ...

— И писемъ не будете писать,— давалъ за него отвѣтъ Тушинъ,— потому что ихъ не передадутъ. Въ домъ тоже не придете — васъ не примутъ...

— Кто: вы? злобно отозвался Маркъ:—что же вы, стеречь станете?

— Стану, если Вѣра Васильевна захочетъ. Впрочемъ, здѣсь есть хозяйка дома и... люди. Но я полагаю, что вы сами не нарушите приличій и спокойствія женщины...

— Чортъ знаетъ, что за нелѣпость! рычалъ Маркъ: выдумали люди себѣ кандалы... лѣзутъ въ мученики!..

Ему все еще хотѣлось удержаться въ позиціи и удалиться съ нѣкоторымъ достоинствомъ, сохраняя за собой право не давать отвѣта. Но Тушинъ уже зналъ, что другого отвѣта быть не можетъ. Маркъ чувствовалъ это и сталъ отступать постепенно.

— Я ѣду скоро, сказалъ онъ: черезъ недѣлю... Не можетъ ли Вѣра... Васильевна видѣться со мной на одну минуту?..

— Не можетъ положительно: она больна.

— Лечатъ, что ли, ее?

— Ей одно лекарство: чтобъ вы не напоминали о себѣ...

— Я вѣдь не совсѣмъ довѣряю вамъ, ѣдко перебилъ Маркъ:— вы, кажется... неравнодушны къ ней — и...

Тушинъ опять покачалъ ель, но молчалъ. Онъ входилъ въ положеніе Марка и понималъ, какое чувство горечи или бѣшенства должно волновать его, и потому не отвѣчалъ злымъ чувствомъ на злобныя выходки, сдерживая себя, а только тревожился тѣмъ, что Маркъ, изъ гордаго упрямства, чтобъ не быть принуждену уйти, или, по остатку раздраженной страсти, еще сдѣлаетъ попытку написать, или видѣться, и встревожитъ Вѣру. Ему хотѣлось положить совсѣмъ конецъ этимъ покушеніямъ.

— Если мнѣ не вѣрите — то у васъ есть доказательство, сказалъ онъ.

— Росписка — да. Это ничего не значитъ. Страсть — это море. Сегодня буря, завтра штиль... Можетъ быть, ужъ она теперь жалѣетъ, что послала васъ...

— Не думаю: она бы предвидѣла это и не послала бы. Вы, какъ я вижу, вовсе не знаете ее. Впрочемъ, я передалъ вамъ

все — и вы, конечно, уважите ея желанія... Я не настаиваю болѣе на отвѣтѣ...

— Отвѣта никакого! Я уѣду....

— Это именно тотъ отвѣтъ, который нуженъ ей....

— Не ей, а вамъ, да, можетъ быть, романтику Райскому и старухѣ....

— Да, пожалуй, и намъ, и—можетъ быть—цѣлому городу. Я позволю себѣ только поручиться Вѣрѣ Васильевнѣ, что отвѣтъ вашъ будетъ вами буквально исполненъ. Прощайте.

— Прощайте.... рыцарь.....

— Что? спросилъ, немного нахмурившись, Тушинъ. Маркъ, блѣдный, смотрѣлъ въ сторону. Тушинъ дотронулся до фуражки и ушелъ, а Маркъ все еще стоялъ на мѣстѣ.

XVII.

Онъ злился, что уходитъ неловко, неблаговидно, хуже, чѣмъ онъ пророчилъ когда-то Райскому, что весь романъ его кончается обрывомъ, изъ котораго ему надо уходить не оглядываясь, что вслѣдъ ему не послано, не только сожалѣнія, прощальнаго слова, но его будто выпроваживаютъ, какъ врага, притомъ слабаго, отъ котораго избавитъ недѣля—другая, разлуки, да сосѣдняя гора, за которую онъ перевалится. Отъ чего все это? «Онъ ни въ чемъ не виноватъ»! А ему отказываютъ въ послѣднемъ свиданіи,—очевидно не изъ боязни страстнаго искушенія, а какъ будто грубой обиды, выбираютъ посредникомъ другого! И этотъ другой командуетъ властью Вѣры, не выходя изъ границъ приличій, выпроваживаетъ его осторожно, какъ выпроваживаютъ буйнаго гостя, или вора, запирая двери, окна, и спуская собаку. Онъ намекнулъ ему о хозяйкѣ дома, о людяхъ... чуть не о полиціи.

Въ этомъ, пожалуй, онъ былъ самъ виноватъ (снисходительно обвинялъ Маркъ себя), — усвоивъ условія и формы общежитія, которыя онъ называлъ свободными и разумными, презирая всякимъ принятымъ порядкомъ, и которыя городъ этотъ не признавалъ такими. Не отъ того ли Вѣра теперь будто стыдится своей страсти, отчаявшись перевоспитать его, и отдѣлывается отъ него заочно, черезъ другихъ, какъ отдѣлываются отъ дурного знакомства, сдѣланнаго случайно, или нечаянно?

И этотъ посредникъ, не смотря на рѣзкіе вызовы, очевидно сдерживался, боясь, не опасности, конечно, а тоже скандальной, для Вѣры и для него самого, сцены—съ неприличнымъ человѣкомъ.

И ко всему этому нужно было еще дать отвѣтъ! А отвѣтъ одинъ: другого отвѣта и нѣтъ, и нельзя дать, кромѣ того, какой диктовалъ ему этотъ «рыцарь» и «дипломатъ», унизившій его холодной вѣжливостью на всѣ его задиранья. Маркъ, какъ ни ускользалъ, а далъ отвѣтъ!

Но какъ бы Вѣра ни рѣшила, все же, въ память прошлаго, она должна была... хоть написать къ нему свое рѣшительное письмо—если больна и вынести свиданія не можетъ. Пусть охладился пылъ страсти, но она дружески могла проститься съ нимъ, подтвердила бы ему, что не мирится съ бездной неизвѣстности впереди, съ его міросозерцаніемъ—и они разошлись бы, уважая другъ друга. А она отсылаетъ его—не съ уваженіемъ, а какъ будто не удостоиваетъ досказать послѣднія слова, какъ будто онъ сдѣлалъ что-нибудь такое.... Въ чемъ онъ виноватъ? Онъ сталъ припоминать послѣднее свиданіе — и не нашелъ за собой ничего...

Онъ правъ, во всемъ правъ: за что же эта нѣмая и глухая разлука? Она не можетъ обвинить его въ своемъ «паденіи», какъ «отжившіе люди» называютъ это.... Нѣтъ! А теперь онъ пошелъ на жертвы до самоотверженія: бросаетъ свои дѣла, соглашается... вѣнчаться! За что же этотъ ножъ: лаконическая записка, вмѣсто дружескаго письма, посредникъ—вмѣсто самой себя? Да,— это ножъ: ему больно. Холодъ отъ мозга до пятъ охватилъ его. Но какая рука вонзила ножъ? Старуха научила? нѣтъ — Вѣра не такая, ее не научишь! Стало быть сама: но за что, что онъ сдѣлалъ?

Маркъ медленно шелъ къ плетню, вяло влѣзъ на него и сѣлъ, спустивъ ноги, и не прыгалъ на дорогу, стараясь отвѣтить себѣ на вопросъ: «что онъ сдѣлалъ?»

Онъ припомнилъ, какъ въ послѣднемъ свиданіи «честно» предупредилъ ее. Смыслъ его словъ былъ тотъ: «помни, я все сказалъ тебѣ впередъ, и если ты, послѣ сказаннаго, протянешь руки ко мнѣ—ты моя: но ты и будешь виновата, а не я...» «Это логично!» сказалъ онъ почти вслухъ — и вдругъ страшно поблѣднѣлъ. Лицо у него исказилось, какъ будто около него поднялся изъ земли смрадъ и чадъ. Онъ соскочилъ съ плетня на дорогу, не оглядываясь, какъ тогда...

Далѣе, онъ припомнилъ, какъ онъ, на этомъ самомъ мѣстѣ, покидалъ ее одну, повисшую надъ обрывомъ въ опасную минуту. «Я уйду, говорилъ онъ ей («честно») и уходилъ, но оборотился, принялъ ея отчаянный нервный крикъ *прощай* за призывъ — и поспѣшилъ на зовъ...

Этотъ первый отвѣтъ на вопросъ: «что́ онъ сдѣлалъ», какъ молотъ, ударилъ его въ голову.

Онъ пошелъ съ горы, а ножъ дѣлалъ свое дѣло и вонзался все глубже и глубже. Память безпощадно проводила передъ нимъ рядъ недавнихъ явленій.

«Нечестно вѣнчаться, когда не вѣришь!» гордо сказалъ онъ ей, отвергая обрядъ и «безсрочную любовь» и надѣясь достичь побѣды безъ этой жертвы: а теперь предлагаетъ тотъ же обрядъ! Не предвидѣлъ! Не оцѣнилъ во́-время Вѣру, отвергнулъ, гордо ушелъ... и оцѣнилъ черезъ нѣсколько дней!

«Вотъ что ты сдѣлалъ!» опять стукнулъ молотъ ему въ голову.

«Изъ логики и честности—говорило ему отрезвившееся отъ пьянаго самолюбія сознаніе — ты сдѣлалъ двѣ ширмы, чтобъ укрываться за нихъ съ своей «новой силой», оставивъ безсильную женщину раздѣлываться за свое и за твое увлеченіе, обѣщавъ ей только одно: «уйти, не унося съ собой никакихъ «до́лговъ», «правилъ» и «обязанностей...» оставляя ее нести ихъ одну....»

«Ты не пощадилъ ее «честно», когда она падала въ безсиліи, не сладилъ потомъ «логично» съ страстью, а пошелъ искать удовлетворенія ей, поддаваясь «нечестно» отвергаемому твоимъ «разумомъ» обряду, и впереди заботливо сулилъ—одну разлуку! Манилъ за собой и... договаривался! «Вотъ что́ ты сдѣлалъ!» стукнулъ молотъ ему въ голову еще разъ.

«Волкомъ» звала она тебя въ глаза шутя», стучалъ молотъ дальше: «теперь, не шутя, заочно, къ хищничеству волка—въ памяти у ней останется ловкость лисы, злость на все лающей собаки, и не останется никакого слѣда — о человѣкѣ! Она вынесла изъ обрыва — одну казнь, одно неизлечимое терзаніе на всю жизнь:—какъ могла она ослѣпнуть, не угадать тебя давно, увлечься, забыться!... Торжествуй: она никогда не забудетъ тебя!»

Онъ понялъ все: ея лаконическую записку, ея болѣзнь — и появленіе Тушина на днѣ обрыва, вмѣсто ея самой.

Козловъ видѣлъ его и сказалъ Райскому, что теперь онъ ѣдетъ на время въ новгородскую губернію, къ старой теткѣ, а потомъ намѣренъ проситься опять въ юнкера, съ переводомъ на Кавказъ.

XVIII.

Райскій проговорилъ цѣлый вечеръ съ Тушинымъ. Они только теперь начали вглядываться другъ въ друга пристальнѣе и разошлись оба съ желаніемъ познакомиться короче, слѣдовательно сдѣлали другъ на друга благопріятное впечатлѣніе. Вечеромъ Тушинъ звалъ Райскаго къ себѣ на недѣлю погостить, посмотрѣть его лѣсъ, какъ работаетъ у него машина на паровомъ пильномъ заводѣ, его рабочую артель, вообще все лѣсное хозяйство. Райскому хотѣлось докончить портретъ Вѣры и онъ отклонилъ было приглашеніе. Но на другой день, проснувшись рано, онъ услыхалъ конскій топотъ на дворѣ, взглянулъ въ окно и увидѣлъ, что Тушинъ уѣзжалъ со двора на своемъ ворономъ конѣ. Райскаго вдругъ потянуло за нимъ.

— Иванъ Ивановичъ! закричалъ онъ въ форточку: и я съ вами! Можете подождать четверть часа, пока я одѣнусь?

— Очень радъ! отозвался Тушинъ, слѣзая съ лошади: не торопитесь, я подожду хоть часъ!

Онъ пошелъ къ Райскому. Татьяна Марковна и Вѣра услыхали ихъ разговоръ, поспѣшили одѣться и позвали обоихъ пить чай, причемъ, конечно, Татьяна Марковна успѣла задержать ихъ еще на часъ и предложила проектъ такого завтрака, что они погрозили уѣхать въ туже минуту, если она не ограничится однимъ бифстексомъ. Бифстексу предшествовала обильная закуска, а вслѣдъ за бифстексомъ явилась рыба, за рыбою жареная дичь. Дѣло доходило до пирожнаго, но они встали изъ-за стола и простились—не на долго. Райскому осѣдлали лошадь, а сзади ихъ Татьяна Марковна отправила цѣлую телѣжку съ гостинцами Аннѣ Ивановнѣ. И оба, вмѣсто осьми часовъ, какъ хотѣли, едва выбрались изъ дома въ десять и въ половинѣ одиннадцатаго сѣли на паромъ Тушина.

Иванъ Ивановичъ, въ разговорахъ съ Татьяной Марковной, съ Райскимъ, и потомъ по пріѣздѣ домой — былъ тихъ, сосредоточенъ, часто молчаливъ.

О Вѣрѣ не произнесли ни слова, ни тотъ, ни другой. Каждый зналъ, что тайна Вѣры была извѣстна обоимъ, и отъ этого имъ было неловко даже произносить ея имя. Кромѣ того Райскій зналъ о предложеніи Тушина и о томъ, какъ онъ велъ себя и какая страдательная роль выпала ему на долю во всей этой драмѣ.

Съ той минуты, какъ онъ узналъ это, всѣ ревнивыя его предубѣжденія къ Тушину исчезли, уступивъ мѣсто, сначала любо-

пытному наблюденію, а потомъ, когда Вѣра разсказала ему все, и участію, уваженію, даже удивленію къ нему.

Удивленіе это росло по мѣрѣ того, какъ Райскій пристальнѣе изучалъ личность этого друга Вѣры. И въ этомъ случаѣ фантазія сослужила ему обычную службу, освѣтивъ Тушина ярко, не дѣлая изъ него впрочемъ никакого романтическаго идеала: личность была слишкомъ проста для этого, открыта и не романтична.

Пробывъ недѣлю у Тушина въ «Дымкѣ», видя его, у него, дома, въ полѣ, въ лѣсу, въ артели, на заводѣ, бесѣдуя съ нимъ по ночамъ до свѣта у камина, въ его кабинетѣ — Райскій понялъ вполнѣ Тушина, многому дивился въ немъ, а еще болѣе дивился глазу и чувству Вѣры, угадавшей эту простую, цѣльную фигуру и давшей ему въ своихъ симпатіяхъ мѣсто рядомъ съ бабушкой и съ сестрой.

Симпатія эта устояла даже въ разгарѣ посторонней страсти, болѣзни-страсти, которая обыкновенно самовластно поглощаетъ всѣ другія пристрастія, и даже привязанности. А въ ней дружба къ Тушину и тогда сохранила свою свѣжесть и силу. Это одно много говорило въ его пользу.

Она инстинктивно чувствовала, что его сила, которую она отличила и полюбила въ немъ — есть общечеловѣческая сила, какъ и любовь ея къ нему была—не исключительное, не узкое пристрастіе, а тоже общечеловѣческое чувство. Не полюбила она его страстью, — т. е. физически: это зависитъ не отъ сознанія, не отъ воли, а отъ какого-то нерва (должно быть самаго глупаго, думалъ Райскій, отправляющаго какую-то низкую функцію, между прочимъ, влюблять), и не какъ друга только любила она его, хотя и называла другомъ, но никакихъ послѣдствій отъ дружбы его для себя не ждала, отвергая, по своей теоріи, всякую корыстную дружбу, а полюбила только какъ «человѣка», и такъ выразила Райскому свое влеченіе къ Тушину въ первомъ свиданіи съ нимъ, т. е. какъ къ «человѣку» вообще.

Райскій повѣрялъ наблюденіемъ надъ нимъ все, что слышалъ отъ Вѣры—и все оправдывалось, подтверждалось—и анализъ Райскаго, такъ услужливо разоблачавшій ему всякія загадочныя, или прикрытыя лоскомъ и краской стороны, долженъ былъ уступить мѣсто естественному влеченію къ этой простой, открытой личности, гдѣ не было почти никакого «лоска» и никакой »краски».

Это былъ чистый самородокъ, какъ слитокъ благороднаго металла, и полюбить его дѣйствительно можно было, кромѣ корыстной или обязательной любви, т. е. какою могли любить его жена, мать, сестра, братъ, — еще какъ человѣка.

Глядя на него, слушая его, видя его дѣятельность, распоряженія по хозяйству, отношенія къ окружающимъ его людямъ, къ прикащикамъ, крестьянамъ—ко всѣмъ, кто около него былъ, съ кѣмъ онъ соприкасался, съ кѣмъ работалъ, или просто говорилъ, жилъ вмѣстѣ, Райскій удивлялся до наивности какимъ-то, наружно будто противоположностямъ, гармонически уживавшимся въ немъ: мягкости рѣчи, обращенія—съ твердостью, почти методическою, намѣреній и поступковъ, ненарушимой правильности взгляда, строгой справедливости—съ добротой, тонкой, природной, а не выработанной гуманностью, снисхожденіемъ,—далѣе, смѣси какого-то трогательнаго недовѣрія къ своимъ личнымъ качествамъ, робкихъ и стыдливыхъ сомнѣній въ себѣ—съ смѣлостью и настойчивостью въ распоряженіяхъ, работахъ, поступкахъ, дѣлахъ. Въ немъ крылась безсознательная, природная, почти непогрѣшительная система жизни и дѣятельности. Онъ какъ будто не зналъ, что̀ дѣлалъ, а выходило какъ слѣдуетъ, какъ сдѣлали бы десятки подготовленныхъ умовъ, путемъ размышленія, науки, труда.

Райскій вспомнилъ первыя впечатлѣнія, какія произвелъ на него Тушинъ, какъ онъ счелъ его даже немного ограниченнымъ, какимъ сочли бы, можетъ быть, его, при первомъ взглядѣ, и другіе, особенно, такъ-называемые, «умники», требующіе прежде всего внѣшнихъ признаковъ ума, его «лоска», «красокъ», «остріе», обладающіе этимъ сами, не обладая часто тѣмъ существеннымъ матеріаломъ, который долженъ крыться подъ лоскомъ и краской.

Теперь, наблюдая Тушина ближе и совершенно безкорыстно, Райскій рѣшилъ, что эта мнимая «ограниченность» есть не что иное, какъ равновѣсіе силы ума съ суммою тѣхъ качествъ, которыя составляютъ силу души и воли, что и то, и другое, и третье слито у него тѣсно одно съ другимъ и ничто не выдается, не просится впередъ, не сверкаетъ, не ослѣпляетъ, а тянетъ къ себѣ медленно, но прочно. Съ умомъ у него дружно шло рядомъ и билось сердце—и все это уходило въ жизнь, въ дѣло, слѣдовательно и воля у него была послушнымъ орудіемъ умственной и нравственной силъ. Жизнь его совершала свой гармоническій ходъ, какъ будто разыгрывалось стройное музыкальное произведеніе, подъ управленіемъ данныхъ ему природою силъ.

Заслуги мучительнаго труда надъ обработкой даннаго ему, почти готоваго матеріала—у него не было и нѣтъ: это правда. Онъ не былъ самъ творцомъ своего пути, своей судьбы: ему, какъ планетѣ, очерчена орбита, по которой она должна вращаться; природа снабдила ее потребнымъ количествомъ тепла и свѣта, дала нужныя свойства для этого теченія — и она идетъ неуклонно по начертанному пути. Такъ: но вѣдь не планета же

онъ въ самомъ дѣлѣ — и могъ бы уклониться далеко въ сторону. Стройно дѣйствующій механизмъ природныхъ силъ могъ бы разстроиться—и отъ внѣшнихъ притоковъ разныхъ противныхъ вѣтровъ, толчковъ, остановокъ, и отъ дурной, избалованной воли. А у него этого разлада не было. Внутреннею силою онъ отражалъ внѣшніе враждебные притоки, а свой огонь горѣлъ у него неугасимо, и онъ не уклоняется, не измѣняетъ гармоніи ума съ сердцемъ и съ волей—и совершаетъ свой путь безупречно, все стоитъ на той же высотѣ умственнаго и нравственнаго развитія, на которую, пожалуй, поставили его природа и судьба, слѣдовательно стоитъ почти безсознательно. Но вѣдь сознательное достиженіе этой высоты — путемъ мукъ, жертвъ, страшнаго труда всей жизни надъ собой—безусловно, безъ помощи постороннихъ, выгодныхъ обстоятельствъ, дается такъ немногимъ, что—можно сказать — почти никому не дается, а между тѣмъ какъ многіе, утомясь, отчаявшись, или наскучивъ битвами жизни, останавливаются на полдорогѣ, сворачиваютъ въ сторону, и наконецъ совсѣмъ теряютъ изъ вида задачу нравственнаго развитія и перестаютъ вѣрить въ нее.

А Тушинъ держится на своей высотѣ и не сходитъ съ нея. Данный ему талантъ — быть человѣкомъ — онъ не закапываетъ, а пускаетъ въ оборотъ, не теряя, а только выигрывая отъ того, что созданъ природою, а не самъ сдѣлалъ себя такимъ, какимъ онъ есть. «Нѣтъ, это не ограниченность въ Тушинѣ, рѣшалъ Райскій: это красота души, ясная, великая! Это—само благодушіе природы, ея лучшія силы, вложенныя прямо въ готовыя, прочныя формы. Заслуга человѣка тутъ — почувствовать и удержать въ себѣ эту красоту природной простоты и умѣть достойно носить ее, т. е. цѣнить ее, вѣрить въ нее, быть искреннимъ, понимать прелесть правды и жить ею — слѣдовательно, ни больше, ни меньше, какъ имѣть сердце и дорожить этой силой, если не выше силы ума, то хоть наравнѣ съ нею.

А пока люди стыдятся этой силы, дорожа «змѣиной мудростью» и краснѣя «голубиной простоты», отсылая послѣднюю къ наивнымъ натурамъ, пока умственную высоту будутъ предпочитать нравственной, до тѣхъ поръ и достиженіе этой высоты немыслимо, слѣдовательно немыслимъ и истинный, прочный, человѣческій прогресъ. Послушать, такъ нужная степень нравственнаго развитія у всѣхъ уже есть, какъ будто каждый уже достигъ его и носитъ у себя въ карманѣ, какъ табакерку, что это «само собой разумѣется», что объ этомъ и толковать нечего. Всѣ соглашаются, что общество существовать безъ этого не можетъ, что гуманность, честность, справедливость—суть основные законы, и частной, и

общественной жизни, что «честность, честности, честностью» и т. д. «И все ложь»! говорилъ Райскій. Въ большинствѣ нѣтъ даже и почина нравственнаго развитія, не исключая иногда и высокоразвитые умы, а есть нѣсколько захваченныхъ, какъ будто на дорогу въ обрѣзъ денегъ,—правилъ (а не принциповъ) и внѣшнихъ приличій, для руководства, такихъ правилъ, за несоблюденіе которыхъ выводятъ вонъ, или запираютъ куда-нибудь.

У большинства есть decorum принциповъ, а сами принципы шатки, и рѣдки, и украшаютъ, какъ ордена, только привилегированныя, отдѣльныя личности. «У него есть правила»! отзываются такимъ голосомъ о комъ-нибудь, какъ будто говорятъ: «у него есть шишка на лбу!»

И — пожалуй — засмѣялись бы надъ тѣмъ, кто вздумалъ бы серьезно настаивать на необходимости развитія и разлитія правилъ въ общественной массѣ, и обращенія ихъ въ принципы,— также настоятельно и неотложно, какъ, напримѣръ, на необходимости неотложнаго построенія желѣзныхъ дорогъ. И тутъ же не простили бы ему малѣйшаго упущенія въ умственномъ развитіи: еслибъ онъ осмѣлился не прочесть послѣдняго французскаго или англійскаго, надѣлавшаго шуму увража, не зналъ бы какой-нибудь новѣйшей политико-экономической аксіомы, послѣдняго фазиса въ политикѣ, или важнаго открытія въ физикѣ!

Умѣнье жить ставятъ въ великую заслугу другъ другу, т. е. умѣнье «казаться», съ правомъ въ дѣйствительности «не быть» тѣмъ, чѣмъ надо быть. А умѣньемъ жить называютъ умѣнье — ладить со всѣми, чтобъ было хорошо и другимъ, и самому себѣ, умѣть таить дурное и выставлять что̀ годится — т. е. приводить въ данный моментъ нужныя для этого свойства въ движеніе, какъ трогать клавиши, большею частію — не обладая самой музыкой.

Тушинъ жилъ, не подозрѣвая, что умѣетъ жить, и какъ Мольеровскій bourgeois-gentilhomme не подозрѣвалъ, что «говоритъ прозой», жилъ одинаково, бывало ли ему отъ того хорошо, или не хорошо. Онъ былъ «человѣкъ», какъ коротко и вѣрно опредѣлила его умная и проницательная Вѣра.

Все это думалъ Райскій, ѣдучи съ Тушинымъ въ коляскѣ обратно домой, послѣ шестидневнаго пребыванія въ его лѣсной усадьбѣ. «Тушины — наша истинная «партія дѣйствія», наше прочное «будущее», которое выступитъ въ данный моментъ, особенно, когда все это — оглядываясь кругомъ на поля, на дальнія деревни, рѣшалъ Райскій — когда все это будетъ *свободно*, когда всѣ миражи, лѣнь и баловство исчезнутъ, уступивъ мѣсто настоящему «дѣлу», множеству «дѣла» у всѣхъ,—когда съ миражами

исчезнутъ и добровольные «мученики», тогда явятся, на смѣну имъ, «работники», «Тушины» на всей лѣстницѣ общества....»

По впечатлительной натурѣ своей, онъ пристрастился къ этой новой, простой, мягкой, и вмѣстѣ сильной личности. Онъ располагалъ пробыть въ *Дымкѣ* и долѣе. Ему хотѣлось вникнуть въ порядокъ хозяйственнаго механизма Тушина. Онъ едва успѣлъ замѣтить только наружный порядокъ, видѣть бросающіеся въ глаза результаты этого хозяйства, не успѣвъ вникнуть въ самый процессъ его отправленія. Въ деревнѣ онъ не замѣтилъ пока обыкновенныхъ и повсюдныхъ явленій: безпорядка, слѣдовъ бѣднаго крестьянскаго хозяйства, избъ на курьихъ ножкахъ, кучъ навоза, грязныхъ лужъ, сгнившихъ колодцевъ и мостиковъ, нищихъ, больныхъ, пьяныхъ, никакой распущенности. Когда Райскій выразилъ Тушину удивленіе и удовольствіе, что всѣ строенія глядятъ, какъ новыя, свѣжо, чисто, даже ни одной соломенной кровли нѣтъ, Тушинъ, въ свою очередь, удивился этому удивленію. «И видно, что вы не деревенскій житель, не хозяинъ, замѣтилъ онъ: лѣсная усадьба и село, а крыши соломенныя — это даже невыгодно! Лѣсъ свой: какъ же избамъ разваливаться!» Не-хозяйскій глазъ Райскаго не могъ оцѣнить вполнѣ всей хозяйственности, водворенной въ имѣніи Тушина. Онъ замѣтилъ мимоходомъ, что тамъ было что-то въ родѣ исправительной полиціи для разбора мелкихъ дѣлъ у мужиковъ, да заведенія въ родѣ банка, больницы, школы. Тушинъ многое скрадывалъ, совѣстясь «докучать» гостю своими дѣлами, и спѣшилъ показать ему, какъ артисту, лѣсъ, гордясь имъ, какъ любимымъ дѣломъ.

Видъ лѣса въ самомъ дѣлѣ поразилъ Райскаго. Онъ содержался, какъ паркъ, гдѣ на каждомъ шагу видны слѣды движенія, работъ, ухода и науки. Артель смотрѣла какой-то дружиной. Мужики походили сами на хозяевъ, какъ-будто занимались своимъ хозяйствомъ. «Вѣдь они у меня, и свои, и чужіе, на жалованьѣ», отвѣчалъ Тушинъ на вопросъ Райскаго: «отъ чего это?». Пильный заводъ показался Райскому чѣмъ-то небывалымъ, по обширности, почти по роскоши строеній, гдѣ удобство и изящество дѣлали его похожимъ на образцовое англійское заведеніе. Машины изъ блестящей стали и мѣди были въ своемъ родѣ образцовыми произведеніями. Самъ Тушинъ тамъ показался первымъ работникомъ, когда вошелъ въ свою технику, во всѣ мелочи, подробности, лазилъ въ машину, осматривая ее, трогая рукой колеса. Райскій съ удивленіемъ глядѣлъ, особенно когда они пришли въ контору на заводѣ и когда съ полсотни рабочихъ ввалились въ комнату, съ просьбами, объясненіями, обступили Тушина. Онъ, пробившись съ

ними около часа, вдругъ сконфузился, что бросилъ гостя, и вывелъ его изъ толпы, извиняясь за эти дрязги, и повезъ показывать красивыя мѣста. Райскій такъ увлекся всей этой новостью дѣла, личностей, этимъ заводомъ, этими массами лѣсного матеріала, отправлявшагося по водамъ до Петербурга и за границу, что рѣшилъ остаться еще недѣлю, чтобы изучить, и смыслъ, и механизмъ этого большого дѣла.

Однако ему не удалось остаться долѣе. Татьяна Марковна вызвала его письмомъ, въ которомъ звала немедленно пріѣхать, написавъ коротко, что «дѣло есть». Тушинъ напросился ѣхать съ нимъ, «проводить его», какъ говорилъ онъ, а въ самомъ дѣлѣ узнать, зачѣмъ вызвала Татьяна Марковна Райскаго: не случилось ли чего-нибудь новаго съ Вѣрой и не нуженъ ли ей онъ опять? Онъ съ тревогой припоминалъ свиданіе свое съ Волоховымъ, и то, какъ тотъ невольно и неохотно далъ отвѣтъ, что уѣдетъ. «Уѣхалъ ли? не написалъ ли опять къ ней? не встревожилъ ли?» мучился Тушинъ, ѣдучи въ городъ.

Райскій, воротясь домой, прежде всего побѣжалъ къ Вѣрѣ, и, подъ вліяніемъ свѣжаго впечатлѣнія, яркими красками начертилъ ей портретъ Тушина во весь ростъ и значеніе его въ той сферѣ, гдѣ онъ живетъ и дѣйствуетъ, и вмѣстѣ свое удивленіе и рождающуюся симпатію. Въ этой простой русской, практической натурѣ, исполняющей призваніе хозяина земли и лѣса, перваго, самаго дюжаго работника между своими работниками, и вмѣстѣ распорядителя и руководителя ихъ судебъ и благосостоянія, онъ видѣлъ какого-то заволжскаго Роберта Овена! «А ты мнѣ такъ мало говорила о его дѣятельности!...» заключилъ онъ.

Вѣра съ радостью слушала Райскаго; у ней появился даже румянецъ. Самая торопливость его передать ей счастливое впечатлѣніе, какое сдѣлалъ на него «медвѣдь» и его берлога, теплый колоритъ, въ который Райскій окрасилъ фигуру Тушина, осмысливъ его своимъ меткимъ анализомъ, яркая картина быта, хозяйства, нравовъ лѣсного угла, всей мѣстности—все это почти увлекло и Вѣру. Она не безъ гордости видѣла въ этомъ очеркѣ Райскаго косвенную похвалу и себѣ, за то, что тонко оцѣнила и умѣла полюбить въ Тушинѣ — правду простой натуры.

— Братъ, сказала она, ты рисуешь мнѣ не Ивана Ивановича: я знаю его давно,—а самого себя: лучше всего то, что самъ не подозрѣваешь, что выходитъ недурно и твой собственный портретъ. И меня тутъ же хвалишь, что угадала въ Тушинѣ человѣка! Но это не трудно! Бабушка его тоже понимаетъ и любитъ, и всѣ здѣсь... Она вздохнула, сокрушаясь, кажется, про себя, что не любитъ его больше, иначе....

Онъ хотѣлъ сказать что-то въ отвѣтъ, но за нимъ прислала бабушка и немедленно потребовала его къ себѣ.

— Скажи пожалуйста, Вѣра—спохватился вдругъ Райскій—зачѣмъ она вызвала меня?...

— Не знаю: что-то есть. Она мнѣ не говоритъ, а я не спрашиваю, но вижу. Боюсь, не опять ли тамъ что-нибудь!... прибавила Вѣра, внезапно охлаждаясь и переходя отъ дружескаго тона къ своей грустной задумчивости.

Въ то время, какъ Райскій уходилъ отъ нея, Тушинъ прислалъ спросить ее, можетъ ли онъ ее видѣть. Она велѣла просить.

XIX.

Бабушка выслала Пашутку и заперла дверь кабинета, когда пришелъ Райскій. Сама она была очевидно разстроена. Райскій испугался.

— Не случилось ли чего-нибудь непріятнаго, бабушка? спросилъ онъ, садясь противъ нея.

— Что должно было случиться, то и случилось, печально сказала она, глядя въ сторону.

— Скажите скорѣй! Я — какъ на иголкахъ!

— Старый воръ Тычковъ отмстилъ намъ съ тобой! Даже и обо мнѣ гдѣ-то у помѣшанной женщины откопалъ исторію.... Да ничего не вышло изъ того.... Люди къ прошлому равнодушны — а я сама одной ногой въ гробу и о себѣ не забочусь. Но Вѣра....

Она вздохнула.

— Что такое?

— Ея исторія перестаетъ быть тайной... Въ городѣ ходятъ слухи.... шептала Татьяна Марковна съ горечью.—Я сначала не поняла, отчего въ воскресенье, въ церкви, вице-губернаторша два раза спросила у меня о Вѣрѣ—здорова ли она—и двѣ барыни сунулись слушать, что я скажу. Я взглянула кругомъ—у всѣхъ на лицахъ одно: «что Вѣра?» Была, говорю, больна, теперь здорова. Пошли разспросы, что съ ней? Каково мнѣ было отдѣлываться, заминать! Всѣ замѣтили....

— Ужели что-нибудь вышло наружу?

— Настоящая бѣда, слава Богу — скрыта. Я вчера черезъ Тита Никоныча узнала кое-что. Сплетня попадаетъ не въ того...

Бабушка отвернулась.

— Въ кого же?

— Въ Ивана Ивановича — это хуже всего. Онъ тутъ ни сномъ, ни духомъ не виноватъ.... Помнишь, въ день рожденія Марѳиньки — онъ пріѣзжалъ, сидѣлъ тутъ молча, ни съ кѣмъ ни слова не сказалъ, какъ мертвый, и ожилъ, когда показалась Вѣра? Гости видѣли все это. И безъ того давно не тайна, что онъ любитъ Вѣру: онъ не мастеръ таиться. А тутъ замѣтили, что онъ ушелъ съ ней въ садъ, потомъ она скрылась къ себѣ, а онъ уѣхалъ.... Знаешь ли, зачѣмъ онъ пріѣзжалъ?

Райскій сдѣлалъ утвердительный знакъ головой.

— Знаешь? Ну—вотъ теперь Вѣра да Тушинъ у всѣхъ на языкѣ.

— Какъ же я тутъ попалъ? Вы говорите, что Тычковъ и меня припуталъ?

— А тебя приплела Полина Карповна! Въ тотъ вечеръ, какъ ты гулялъ поздно съ Вѣрой, она пошла искать тебя: ты что-то ей наговорилъ—должно быть на-смѣхъ поднялъ—а она поняла по своему и припутала и тебя! Говоритъ, что ты влюбленъ былъ въ Вѣру, а она будто отбила, «извлекла» тебя изъ какой-то «пропасти», изъ обрыва, что-ли! Только это и ладитъ. Что́ у васъ тамъ такое съ ней было и о чемъ ты секретничалъ съ Вѣрой? Ты, должно быть, зналъ ея тайны и прежде, давно, а отъ бабушки пряталъ «ключи»! Вотъ что́ и вышло отъ этой вашей «свободы»!

Она вздохнула на всю комнату.

Райскій сжалъ кулаки.

— Мало было этой старой чучелѣ: завтра я ей дамъ такой сеансъ.... сказалъ онъ съ угрозой.

— Нашелъ на комъ спрашивать! На нее нечего пенять: она смѣшна и ей не повѣрили. А тотъ старый сплетникъ узналъ, что Вѣра уходила, въ рожденье Марѳиньки, съ Тушинымъ въ аллею, долго говорила тамъ, а наканунѣ пропадала до ночи и послѣ слегла, — передѣлалъ разсказъ Полины Карповны по своему. «Не съ Райскимъ, говоритъ, она гуляла ночью и наканунѣ, а съ Тушинымъ!...» Отъ него и пошло по городу! Да еще тамъ пьяная баба про меня наплела.... Тычковъ все развѣдалъ....

Татьяна Марковна потупила взглядъ въ землю: у ней въ лицѣ показалась на минуту краска.

— А, это другое дѣло! серьезно сказалъ Райскій и началъ въ волненіи ходить по комнатѣ.—Вашъ урокъ не подѣйствовалъ на Тычкова: такъ я повторю его иначе....

— Что ты затѣваешь! Боже тебя сохрани! Лучше не трогай! Ты станешь доказывать, что это неправда и, пожалуй, докажешь.

Оно и не мудрено: стоитъ только справиться, гдѣ былъ Иванъ Ивановичъ наканунѣ рожденья Марѳиньки: если онъ былъ за Волгой, у себя, тогда люди спросятъ, гдѣ же правда?... съ кѣмъ она въ рощѣ была? Тебя Крицкая видѣла на горѣ одного, а Вѣра была....

Татьяна Марковна опустила голову.

Райскій бросился на кресло.

— Что же дѣлать? сказалъ онъ въ тоскѣ за Вѣру.

— Что̀ Богъ дастъ! въ глубокой печали шептала Татьяна Марковна.—Богъ судитъ людей черезъ людей — и пренебрегать ихъ судомъ нельзя. Надо смириться! Видно мѣра еще не исполнилась!...

Опять глубокій вздохъ.

Райскій ходилъ по кабинету. Оба молчали, сознавая каждый про себя затруднительное положеніе дѣла. Общество замѣтило только внѣшніе признаки какой-то драмы въ одномъ углу. Отчужденіе Вѣры, постоянное поклоненіе Тушина, независимость ея отъ авторитета бабушки—оно знало все это и привыкло. Но къ этому прибавилось какое-то туманное пятно: суетливость Райскаго около Вѣры замѣчена уже была давно, и даже дошла до слуха Ульяны Андреевны, которая и намекнула ему объ этомъ въ свиданіи. Крицкая тоже замѣтила и, конечно, не была скромна на этотъ счетъ. Почтительное поклоненіе Тушина замѣчали всѣ: и не одна Татьяна Марковна прочила его въ женихи Вѣрѣ. Въ городѣ вообще ожидали двухъ событій: свадьбы Марѳиньки съ Викентьевымъ, что̀ и сбылось — и въ перспективѣ свадьбы Вѣры съ Тушинымъ. А тутъ вдругъ, противъ ожиданія, произошло что-то непонятное. Вѣра явилась на минуту въ день рожденія сестры, не сказала ни съ кѣмъ почти ни слова и скрылась съ Тушинымъ въ садъ, откуда ушла къ себѣ, а онъ уѣхалъ, не повидавшись съ хозяйкой дома. Отъ Крицкой узнали о продолжительной прогулкѣ Райскаго съ Вѣрой наканунѣ семейнаго праздника. Послѣ этого Вѣра объявлена была больною, заболѣла и сама Татьяна Марковна, домъ былъ на заперти: никого не принимали. Райскій ходилъ, какъ угорѣлый, бѣгая отъ всѣхъ; доктора̀ неопредѣленно говорили о болѣзни.... О свадьбѣ ни слуху, ни духу. Отъ чего Тушинъ не дѣлаетъ предложенія, или если сдѣлалъ, отъ чего оно не принято? Падало подозрѣніе на Райскаго, что онъ увлекъ Вѣру: тогда — отъ чего онъ не женится на ней? Общественное мнѣніе неумолимо требовало на судъ — кто̀ правъ, кто̀ виноватъ — чтобъ произнести свой приговоръ.

И Татьяна Марковна, и Райскій—чувствовали тяжесть поло-

женія и боялись этого суда—конечно за Вѣру. Вѣра не боялась, да и не знала ничего. Не до того ей было. Ее поглощала своя внутренняя тревога, ея язва — и она всѣ силы свои устремила на ея утоленіе, и пока напрасно.

— Бабушка! вдругъ сказалъ Райскій послѣ долгаго молчанія: прежде всего надо вамъ самимъ все сказать Ивану Ивановичу. Какъ онъ приметъ эту сплетню: онъ ея герой — онъ и судья, какъ рѣшитъ—такъ и поступите. А его суда не бойтесь: я теперь знаю его — онъ рѣшитъ правильно. Вѣрѣ онъ зла не пожелаетъ: онъ ее любитъ — я видѣлъ это, хотя мы о ней ни слова не сказали. Онъ мучается ея участью больше, нежели своей. Въ немъ разыгрывается двойная трагедія. Онъ и сюда пріѣхалъ со мной, потому что разтревожился вашимъ письмомъ ко мнѣ... конечно за нее. А потомъ ужъ я побываю у Полины Карповны, а можетъ быть, повидаюсь и съ Тычковымъ...

— Я не хочу, чтобъ ты видѣлся съ Тычковымъ!

— Бабушка, нельзя оставить!...

— Я не хочу, Борисъ! сказала она такъ рѣшительно и строго, что онъ наклонилъ голову и не возразилъ болѣе ни слова.— Ничего хорошаго изъ этого не выйдетъ. Ты сейчасъ придумалъ, что̀ нужно сдѣлать: да, сказать прежде всего Ивану Ивановичу: а потомъ увидимъ, надо ли тебѣ идти къ Крицкой, чтобы узнать отъ нея объ этихъ слухахъ и дать имъ другой толкъ, или... сказать правду! прибавила она со вздохомъ.—Посмотримъ, какъ приметъ это Иванъ Ивановичъ. Попроси его ко мнѣ, а Вѣрѣ не говори ни слова. Она ничего не знаетъ—и дай Богъ, чтобъ не узнала!

Райскій ушелъ къ Вѣрѣ, а къ Татьянѣ Марковнѣ, на смѣну ему, явился Тушинъ.

XX.

Татьяна Марковна внутренно смутилась, когда Тушинъ переступилъ порогъ ея комнаты. Онъ молча, съ опущенными глазами, поздоровался съ ней, тоже перемогая свою тревогу— и оба въ первую минуту не глядѣли другъ на друга. Имъ приходилось коснуться взаимной раны, о которой до сихъ поръ не было намека между ними, хотя они взаимно обмѣнивались знаменательными взглядами и понимали другъ друга изъ грустнаго молчанія. Теперь предстояло стать открыто лицомъ къ лицу и говорить.

Оба молчали. Она пока украдкой взглядывала на него и замѣчала перемѣны, какія произошли въ немъ въ эти двѣ-три недѣли: какъ осанка у него стала не такъ горда и бодра, какъ тускло смотритъ онъ въ иныя минуты, какъ стали медленны его движенія. И похудѣлъ онъ, и поблѣднѣлъ.

— Вы отъ Вѣры теперь? спросила она наконецъ.—Какъ вы нашли ее?

— Ничего... она, кажется, здорова... покойна...

Татьяна Марковна вздохнула.

— Какой покой! Ну, пусть ужъ она: а вамъ сколько безпокойства, Иванъ Ивановичъ! тихо проговорила она, стараясь не глядѣть на него.

— Что́ мои безпокойства! Надо успокоить Вѣру Васильевну.

— Богъ не даетъ, не судьба! Только стала оправляться она, и я было отдохнула отъ домашняго горя, пока оно крылось за стѣнами, а теперь перешло и за стѣны...

Тушинъ вдругъ навострилъ уши, какъ будто услышалъ выстрѣлъ.

— Иванъ Ивановичъ, рѣшительно заговорила Татьяна Марковна: по городу сплетня ходитъ. Мы съ Борюшкой погорячились и сорвали маску съ лицемѣра Тычкова: вы знаете. Мнѣ бы и не подъ лѣта, да онъ ужъ очень зазнался. Терпѣнья не было! Теперь онъ срываетъ маску съ насъ...

— Съ васъ? Съ кого—съ васъ?

— Обо мнѣ онъ что-то мололъ—его не слушали: я мертвая... а о Вѣрѣ...

— О Вѣрѣ Васильевнѣ? — Тушинъ привсталъ.

— Садитесь, Иванъ Иванычъ—сказала Татьяна Марковна:—да, о ней. Можетъ быть, такъ и надо... можетъ быть, это—возмездіе. Но тутъ припутали и васъ...

— Меня: рядомъ съ Вѣрой Васильевной?

— Да, Иванъ Ивановичъ—и вотъ гдѣ истинное наказаніе!

— Позвольте же узнать, что́ говорятъ?

Татьяна Марковна передала ему слухъ.

— Въ городѣ замѣтили, что у меня въ домѣ неладно: видѣли, что вы ходили съ Вѣрой въ саду, уходили къ обрыву, сидѣли тамъ на скамьѣ, горячо говорили и уѣхали, а мы съ ней были больны, никого не принимали... Вотъ откуда вышла сплетня!

Онъ молча слушалъ и хотѣлъ что-то сказать, она остановила его.

— Позвольте, Иванъ Ивановичъ, кончить: это не все. Бо-

рисъ Павлычъ... вечеромъ, наканунѣ дня рожденія Марѳиньки... пошелъ искать Вѣру...

Она остановилась.

— Что же дальше? спросилъ Тушинъ нетерпѣливо.

— За нимъ потащилась Крицкая: она замѣтила, что Борюшка взволнованъ... У него вырвались какія-то слова о Вѣрочкѣ... Полина Карповна приняла ихъ на свой счетъ. Ей, конечно, не повѣрили—знаютъ ее—и теперь добираются правды, съ кѣмъ была Вѣра, наканунѣ рожденія, въ рощѣ... Со дна этого проклятаго обрыва поднялась туча и покрыла всѣхъ насъ... и васъ тоже.

— Что́ же про меня говорятъ?

— Что и въ тотъ вечеръ, наканунѣ, Вѣра была тамъ, въ рощѣ, внизу, съ кѣмъ-то... говорятъ—съ вами.

Она замолчала.

— Что же вамъ угодно, спросилъ онъ покорно, чтобъ я сдѣлалъ?

— Надо сказать, что́ было: правду. Вамъ теперь, — рѣшительно заключила Татьяна Марковна,—надо прежде всего выгородить себя: вы были чисты всю жизнь, такимъ должны и остаться... А мы съ Вѣрой, послѣ свадьбы Марѳиньки, тотчасъ уѣдемъ въ Новоселово, ко мнѣ, навсегда... Спѣшите же къ Тычкову и скажите, что васъ не было въ городѣ наканунѣ, и слѣдовательно вы и въ обрывѣ быть не могли...

Она замолчала и грустно задумалась. Тушинъ, сидя, согнулся корпусомъ впередъ, и наклонивъ голову, смотрѣлъ себѣ на ноги.

— А еслибъ я не такъ сказалъ?.. вдругъ поднявъ голову, отозвался онъ.

— Какъ знаете, Иванъ Ивановичъ: такъ и рѣшайте. Что другое могли бы вы сказать?

— Я сказалъ бы Тычкову,—да не ему: я съ нимъ и говорить не хочу, а другимъ—что я былъ въ городѣ, потому что это—правда: я не за Волгой былъ, я дня два пробылъ у пріятеля здѣсь — и сказалъ бы, что я былъ наканунѣ... въ обрывѣ — хоть это и неправда,—съ Вѣрой Васильевной... Прибавилъ бы, что... получилъ отказъ, что это огорчило меня и васъ, такъ какъ вы были—за меня, и что Вѣра Васильевна сама огорчилась, но что дружба наша отъ этого не разстроилась... Пожалуй, можно намекнуть на какую-нибудь отдаленную надежду... обѣщаніе подумать...

— То-есть, сказала Татьяна Марковна задумчиво: сказать, что было сватовство, не сладилось... Да! если вы такъ добры... можно и такъ. Но вѣдь не отстанутъ послѣ, будутъ ждать, спрашивать: скоро ли, когда?.. Обѣщаніе не вѣкъ будетъ обѣщаніемъ...

— Забудутъ, Татьяна Марковна, особенно если вы уѣдете, какъ говорите... А если не забудутъ... и вы съ Вѣрой Васильевной будете все тревожиться... то и принять предложеніе... тихо досказалъ Тушинъ.

Татьяна Марковна измѣнилась въ лицѣ.

— Иванъ Ивановичъ! сказала она съ упрекомъ: за кого вы насъ считаете съ Вѣрой? Чтобы заставить молчать злые языки, заглушить не сплетню, а горькую правду, — для этого воспользоваться вашей прежней слабостью къ ней и великодушіемъ? И потомъ, чтобъ всю жизнь—ни вамъ, ни ей, не было покоя! Я не ожидала этого отъ васъ!..

— Напрасно! никакого великодушія тутъ нѣтъ! А я думалъ, когда вы разсказывали эту сплетню, что вы за тѣмъ меня и позвали, чтобъ коротко и ясно сказать: «Иванъ Ивановичъ, и ты тутъ запутанъ: выгороди же и себя, и ее вмѣстѣ!» Вотъ тогда я прямо, какъ Викентьевъ, назвалъ бы васъ бабушкой и сталъ бы на колѣни передъ вами. Да оно бы такъ и должно быть! сказалъ онъ уныло. — Простите, Татьяна Марковна, а у васъ дѣло обыкновенно начинается съ стараго обычая, съ старыхъ правилъ, да съ справки о томъ, какъ было, да что̀ скажутъ, а собственный умъ и сердце придутъ послѣ. Вотъ, еслибъ съ нихъ начать, тогда бы у васъ этой печали не было, у меня было бы меньше сѣдыхъ волосъ, а Вѣра Васильевна...

Онъ остановился, какъ будто опомнившись.

— Виноватъ! вдругъ понизивъ тонъ, перешедшій въ робость, сказалъ онъ. — Я взялся не за свое дѣло. Рѣшаю и за Вѣру Васильевну—а вся сила въ ней!

— Вотъ видите, безъ моего «ума и сердца», сами договорились до правды, Иванъ Ивановичъ. Мой «умъ и сердце» говорили давно за васъ, да не судьба! Стало быть, вы изъ жалости взяли бы ее теперь, а она вышла бы за васъ—опять скажу—ради вашего... великодушія... того ли вы хотите? Честно ли и правильно ли это и способны ли мы съ ней на такой поступокъ? Вы знаете насъ...

— И честно, и правильно, если она чувствуетъ ко мнѣ, что̀ говоритъ. Она любитъ меня, какъ «человѣка», какъ друга: это ея слова,—цѣнитъ, конечно больше, нежели я стою... Это большое счастье! Это вѣдь значитъ, что со временемъ... полюбила бы — какъ добраго мужа...

— Иванъ Ивановичъ, вамъ-то что́ этотъ бракъ принесъ бы... сколько горя!.. Подумайте! Боже мой!

— Я не мѣшаюсь ни въ чьи дѣла, Татьяна Марковна, вижу, что вы убиваетесь горемъ — и не мѣшаю вамъ: зачѣмъ же вы

хотите думать и чувствовать за меня? Позвольте мнѣ самому знать, что мнѣ принесетъ этотъ бракъ! вдругъ сказалъ Тушинъ рѣзко. — Счастье на всю жизнь — вотъ что онъ принесетъ! А я, можетъ быть, проживу еще лѣтъ пятьдесятъ! Если не пятьдесятъ, хоть десять, двадцать лѣтъ счастья!

Онъ почесалъ голову почти съ отчаяніемъ, что эти двѣ женщины не понимаютъ его и не соглашаются отдать ему въ руки то счастье, которое ходитъ около него, ускользаетъ, не дается, и въ которое бы онъ вцѣпился своими медвѣжьими когтями и никогда бы не выпустилъ вонъ. А онѣ не видятъ, не понимаютъ, все еще громоздятъ горы, которыя вдругъ выросли на его дорогѣ и пропали — ихъ нѣтъ больше: онъ одолѣлъ ихъ страшною силою любви и муки! Уже ли даромъ бился онъ въ этой битвѣ и устоялъ на ногахъ, не добывъ погибавшаго счастья! Была одна только неодолимая гора: Вѣра любила другого, надѣялась быть счастлива съ этимъ другимъ: вотъ гдѣ настоящій обрывъ! Теперь надежда ея умерла, умираетъ, по словамъ ея («а она никогда не лжетъ и знаетъ себя», подумалъ онъ) — слѣдовательно ничего нѣтъ больше, никакихъ горъ! А онѣ не понимаютъ, выдумываютъ препятствія! «А ихъ нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!» съ бѣшенствомъ про себя шепталъ Тушинъ — и почти злобно смотрѣлъ на Татьяну Марковну.

— Татьяна Марковна! заговорилъ онъ, вдругъ опять взявъ высокую ноту, горячо и сильно.—Вѣдь если лѣсъ мѣшаетъ идти впередъ, его вырубаютъ, море переплываютъ, а теперь вонъ прорываютъ и горы насквозь, и все идутъ смѣлые люди впередъ! А здѣсь, ни лѣса, ни моря, ни горъ—ничего нѣтъ: были стѣны и упали, былъ обрывъ и нѣтъ его! Я бросаю мостъ черезъ него и иду, ноги у меня не трясутся... Дайте же мнѣ Вѣру Васильевну, дайте мнѣ ее! почти кричалъ онъ: я перенесу ее черезъ этотъ обрывъ и мостъ—и никакой чортъ не помѣшаетъ моему счастью и ея покою—хоть живи она сто лѣтъ! Она будетъ моей царицей и укроется въ моихъ лѣсахъ, подъ моей защитой, отъ всякихъ грозъ и забудетъ всякіе обрывы, хоть бы ихъ были тысячи!! Что это вы не можете понять меня!!

Онъ всталъ, вдругъ зажалъ глаза платкомъ, и въ отчаяніи началъ ходить по комнатѣ.

— Я-то понимаю, Иванъ Ивановичъ, тихо, сквозь слезы, сказала Татьяна Марковна помолчавъ: но дѣло не во мнѣ...

Онъ вдругъ остановился, отеръ глаза, провелъ рукой по своей густой гривѣ и взялъ обѣ руки Татьяны Марковны.

— Простите меня, Татьяна Марковна, я все забываю главное: ни горы, ни лѣса, ни пропасти не мѣшаютъ — есть одно

препятствіе неодолимое: Вѣра Васильевна не хочетъ, стало быть—видитъ впереди жизнь счастливѣе, нежели со мной...

Изумленная, тронутая Татьяна Марковна хотѣла что-то возразить, онъ остановилъ ее.

— Виноватъ опять! сказалъ онъ: я не въ ту силу поворотилъ. Оставимъ рѣчь обо мнѣ, я удалился отъ предмета. Вы звали меня, чтобъ сообщить мнѣ о сплетнѣ, и думали, что это обезпокоитъ меня — такъ? Успокойтесь же и успокойте Вѣру Васильевну, увезите ее, — да, чтобъ она не слыхала объ этихъ толкахъ! А меня это не обезпокоитъ!

Онъ усмѣхнулся.

— Эта нѣжность мнѣ не къ лицу: на сплетню я плюю, а въ городѣ мимоходомъ скажу, какъ мы говорили сейчасъ, что я сватался и получилъ отказъ, что это огорчило васъ, меня, и весь домъ... такъ какъ я давно надѣялся... *Тотъ* уѣзжаетъ завтра или послѣ завтра навсегда (я ужъ справился),—и все забудется. Я и прежде ничего не боялся, а теперь мнѣ нечѣмъ дорожить. Я все равно, что живу, что нѣтъ, съ тѣхъ поръ, какъ рѣшено, что Вѣра Васильевна не будетъ никогда моей женой...

— Будетъ вашей женой, Иванъ Ивановичъ, сказала Татьяна Марковна, блѣдная отъ волненія, если... то забудется, отойдетъ... (Онъ сдѣлалъ нетерпѣливый, отчаянный жестъ.)... если этотъ обрывъ вы не считаете бездной... Я поняла теперь только, какъ вы ее любите...

Она еще боялась вѣрить слезамъ, стоявшимъ въ глазахъ Тушина, его этимъ простымъ словамъ, которыя возвращали ей всю будущность, спасали погибавшую судьбу Вѣры.

— «Будетъ?» повторилъ и онъ, подступивъ къ ней широкими шагами, и чувствовалъ, что волосы у него поднимаются на головѣ и дрожь бѣжитъ по тѣлу.—Татьяна Марковна! не маните меня напрасной надеждой: я не мальчикъ! Что я говорю — то вѣрно: но хочу, чтобъ и то, что сказано мнѣ—было вѣрно, чтобы не отняли у меня потомъ! Кто мнѣ поручится, что это будетъ, что Вѣра Васильевна.... когда-нибудь....

— Бабушка поручится: теперь — это все равно, что она сама....

Тушинъ блеснулъ на нее благодарнымъ взглядомъ и взялъ ея руку.

— Но погодите, Иванъ Ивановичъ! торопливо, почти съ испугомъ, прибавила она и отняла руку, видя, какъ Тушинъ вдругъ точно выросъ, помолодѣлъ, сталъ чѣмъ былъ прежде. — Теперь я — ужъ не какъ бабушка, а какъ женщина, скажу: погодите, рано, не до того ей! Она еще убита, дайте ей самой опра-

виться. Не тревожьте, оставьте ее на долго! Она разстроена, не перенесетъ.... Да и не пойметъ васъ, не повѣритъ теперь вамъ, подумаетъ, что вы въ горячкѣ, хотите не выпустить ее изъ рукъ, а потомъ одумаетесь. Дайте ей покой. Вы давича помянули про мой умъ и сердце: вотъ они мнѣ и говорятъ: погоди! Да, я бабушка ей, а не затрону теперь этого дѣла, а вы и подавно.... Помните же, что̀ я вамъ говорю....

— Я буду помнить одно слово: «*будетъ*», и имъ пока буду жить. Видите ли, Татьяна Марковна, что̀ сдѣлало оно со мной, это ваше слово?....

— Вижу, Иванъ Ивановичъ, и вѣрю, что вы говорите не на вѣтеръ. Отъ того и вырвалось у меня это слово: не принимайте его слишкомъ горячо къ сердцу — я сама боюсь...

— Я буду надѣяться... сказалъ онъ тише и смотрѣлъ на нее молящими глазами. — Ахъ, еслибъ и *я*, какъ Викентьевъ, могъ когда-нибудь сказать: «бабушка!»

Она сдѣлала ему знакъ, чтобъ онъ оставилъ ее, и когда онъ вышелъ, она опустилась въ кресло, закрывъ лицо платкомъ.

XXI.

На другой день Райскій утромъ рано предупредилъ Крицкую запиской, что онъ проситъ позволенія придти къ ней въ половинѣ перваго часа и получилъ въ отвѣтъ: «Charmée, j'attends» и т. д. Шторы у ней были опущены, комнаты накурены. Она, въ бѣлой кисейной блузѣ, перехваченной поясомъ, съ широкими кружевными рукавами, съ желтой далiей на груди, слегка подрумяненная, встрѣтила его въ своемъ будуарѣ. Тамъ, у дивана, накрытъ былъ столъ, и рядомъ стояло два прибора.

— Мой прощальный визитъ! сказалъ онъ, кланяясь ей и останавливая на ней сладкій взглядъ.

— Какъ прощальный! съ испугомъ перебила она: я слушать не хочу! Вы ѣдете теперь, когда мы.... Не можетъ быть! Вы пошутили: жестокая шутка! Нѣтъ, нѣтъ, скорѣй засмѣйтесь, возьмите назадъ ужасныя слова....

— Что̀ это у васъ? радостно произнесъ онъ, вдругъ уставивъ глаза на столъ: свѣжая икра!

Она сунула свою руку ему подъ руку и подвела къ столу, на которомъ стоялъ полный, обильный завтракъ. Онъ оглядывалъ одно блюдо за другимъ. Въ двухъ хрустальныхъ тарелкахъ была икра.

— Я знаю, что̀ вы любите.... да, любите...

— Икру? Даже затрясся весь, какъ увидалъ! А это что? съ новымъ удовольствіемъ заговорилъ онъ, приподнимая крышки серебряныхъ блюдъ, одну за другой. — Какая вы кокетка, Полина Карповна: даже котлетки безъ папильотокъ не можете кушать! Ахъ, и трюфли—*роскошь юныхъ лѣтъ!* petits fours, bouchées de dames! Ахъ! И шампанское во льду! Ахъ! что вы хотите со мной дѣлать? обратился онъ къ ней, потирая отъ удовольствія руки. — Какіе замыслы у васъ?

— Вотъ, вотъ чего я жду: этой улыбки, шутки, смѣха — да! Не поминайте объ отъѣздѣ. Прочь печаль! Vive l'amour et la joie!

«Эге! какой «abandon!» — даже страшновато».... подумалъ онъ опасливо.

— Садитесь, сядемъ рядомъ, сюда! пригласила она, и взявъ его за руку, усадила рядомъ съ собой, шаловливо завѣсивъ его салфеткой, какъ дѣлаютъ съ дѣтьми и стариками.

Онъ машинально повиновался, съ вожделѣніемъ поглядывая на икру. Она подвинула ему тарелку, и онъ принялся удовлетворять утренній, свѣжій аппетитъ. Она сама положила ему котлетку и налила шампанскаго въ граненый стаканъ, а себѣ въ бокалъ, и кокетливо брала въ ротъ маленькіе кусочки пирожнаго, любуясь имъ.

Послѣ жареной дичи и двухъ стакановъ шампанскаго, при чемъ они чокались, глядя близко другъ другу въ глаза, она— лукаво и нѣжно, онъ—вопросительно, и отчасти боязливо, они наконецъ прервали молчаніе.

— Что вы скажете? спросила она выразительно, будто ожидая чего-то особеннаго.

— Ахъ, какая икра! Я еще опомниться не могу!

— Вижу.... вижу, сказала она лукаво.—Снимите маску, полноте притворяться...

— Ахъ! вздохнулъ онъ, отпивая изъ стакана.

— Enfin la glace est rompue! На чьей сторонѣ побѣда? Кто предвидѣлъ, кто предсказывалъ? A votre santé!

— A la vôtre!

Они чокнулись.

— Помните.... тотъ вечеръ, когда «природа, говорили вы, празднуетъ любовь....»

— Помню! шепнулъ онъ мрачно: онъ рѣшилъ все!...

— Да, не правда ли? я знала! — Могла ли удержать въ своихъ слабыхъ сѣтяхъ бѣдная дѣвочка.... une nullité, cette pauvre petite fille, qui n'a que sa figure?... Ни опытности, ни блеска, дикая!...

— Нѣтъ, не могла! Я вырвался....

— И нашли то.... что давно искали: признайтесь!

Онъ медлилъ.

— Buvez—et du courage! — Она придвинула ему стаканъ. Онъ допилъ его, она сейчасъ наполнила его опять.

— Признайтесь....

— Признаюсь.

— Что тогда случилось тамъ.... въ рощѣ?... Вы были такъ взволнованы. Скажите..... ударъ?....

— Да, ударъ и.... разочарованіе.

— Могло ли быть иначе: вы—и она, деревенская дѣвочка!

Она гордо оправилась, взглянула на себя въ зеркало и выправила кружево на рукавахъ.

— Что же тамъ было? спросила она, стараясь придать небрежность тону.

— Это не моя тайна! сказалъ онъ, будто опомнившись.

— Oh, je respecte les secrets de famille.... Пейте же!

Она придвинула стаканъ. Онъ отпилъ глотка два.

— Ахъ! вздохнулъ онъ на всю комнату. — Нельзя ли отворить форточку.... Мнѣ тяжело, больно!

— Oh, je vous comprends! Она бросилась отворять форточку.—Voilà des sels, du vinaigre de toilette....

— Нѣтъ, благодарю! говорилъ онъ, махая платкомъ себѣ въ лицо.

— Какъ вы были тогда страшны! Я кстати подоспѣла, не правда ли? Можетъ быть, безъ меня вы воротились бы въ пропасть, на дно обрыва. Что тамъ было, въ рощѣ?.... а?

— Ахъ, не спрашивайте!

— Buvez donc!

Онъ лѣниво отпилъ глотокъ.

— Тамъ, гдѣ я думалъ... говорилъ онъ, будто про себя, — найти счастье... я услыхалъ....

— Что? шепотомъ спросила она, притаивъ дыханіе.

— Ахъ! шумно вздохнулъ: онъ отворить бы двери!

— Тамъ былъ.... Тушинъ — да?

Онъ молча кивнулъ головой и выпилъ глотокъ вина.

Злая радость наполнила черты ея лица.

— Dites tout.

— Она гуляла задумчиво одна.... тихо говорилъ онъ, а Полина Карповна, играя цѣпочкой его часовъ, подставляла свое ухо къ его губамъ. — Я шелъ по ея слѣдамъ, хотѣлъ наконецъ допроситься у ней отвѣта... она сошла нѣсколько шаговъ съ обрыва, какъ вдругъ на встрѣчу ей вышелъ....

— Онъ?

— Онъ.

— Я это знала, отъ того и пошла въ садъ... О, я знала, qu'il y a du louche! что же онъ?

— Здравствуйте, говоритъ, Вѣра Васильевна? здоровы-ли вы?...

— Лицемѣръ! сказала Крицкая.

— Она испугалась...

— Притворно!

— Нѣтъ, испугалась непритворно, а я спрятался — и слушаю. «Откуда вы? спрашиваетъ она: какъ сюда попали?» «Я, говоритъ, сегодня пріѣхалъ на два дня: чтобы завтра, въ день рожденья вашей сестры... Я выбралъ этотъ день...

— Eh bien?

— Eh bien! «рѣшите, говоритъ, Вѣра Васильевна: жить мнѣ, или нѣтъ!»

— Ou le sentiment va-t-il se nicher! — въ этомъ дубѣ! замѣтила Полина Карповна.

«Иванъ Ивановичъ!» сказала Вѣра умоляющимъ голосомъ. «Вѣра Васильевна! перебилъ онъ: рѣшите, идти мнѣ завтра къ Татьянѣ Марковнѣ и просить вашей руки, или кинуться въ Волгу...»

— Такъ и сказалъ?

— Какъ напечаталъ!

— Mais il est ridicule! что же она: «ахъ, охъ?!»

— «Нѣтъ, Иванъ Ивановичъ, дайте мнѣ—(это она говоритъ)—самой рѣшить, могу ли я отвѣчать вамъ такимъ же полнымъ, глубокимъ чувствомъ, какое питаете вы ко мнѣ. Дайте полгода, годъ срока, и тогда я скажу — или рѣшительное *нѣтъ*, или то *да*, какое...» Ахъ! какая духота у васъ здѣсь! нельзя ли сквознаго вѣтра? («не будетъ-ли сочинять? кажется, довольно?») подумалъ Райскій и взглянулъ на Полину Карповну. На лицѣ у ней было полнѣйшее разочарованіе.

— C'est tout? спросила она.

— Oui! сказалъ онъ со свистомъ.— Тушинъ однако не потерялъ надежду, сказалъ, что на другой день, въ рожденіе Марѳиньки, пріѣдетъ узнать ея послѣднее слово и пошелъ опять съ обрыва черезъ рощу, а она проводила его... Кажется, на другой день надежды его подогрѣлись, а мои исчезли навсегда...

— И все? А тутъ, Богъ знаетъ, что наговорили... и про нее, и про васъ! Не пощадили даже и Татьяну Марковну, эту почтенную, можно сказать, святую!.. Какіе есть на свѣтѣ ядовитые, гнусные языки!.. Этотъ отвратительный Тычковъ...

— Что̀ такое про бабушку? спросилъ тихо Райскій, въ свою очередь, притаивъ дыханіе и навостривъ ухо.

Онъ слышалъ отъ Вѣры намекъ на любовь, слышалъ кое-что отъ Василисы: но у какой женщины не было своего романа? Что́ могли воскресить изъ праха за сорокъ лѣтъ: какую-нибудь ложь, сплетню? Надо узнать — и такъ или иначе — зажать ротъ Тычкову.

— Что̀ такое про бабушку? тихо и вкрадчиво повторилъ онъ.

—Ah, c'est dégoutant. Никто не вѣритъ, всѣ смѣются надъ Тычковымъ, что онъ унизился разспрашивать помѣшавшуюся отъ пьянства нищую... Я не стану повторять...

— Я васъ прошу... нѣжно шепталъ онъ.

— Вы хотите? шептала и она, склоняясь къ нему: — я все сдѣлаю—все...

— Ну, ну?.. торопилъ онъ.

— Эта баба—вонъ она тутъ на паперти у Успенья всегда стоитъ — разсказывала, что будто Титъ Никонычъ любилъ Татьяну Марковну, а она его...

— Я это знаю, слышалъ... нетерпѣливо перебилъ онъ—тутъ еще бѣды нѣтъ...

— А за нее сватался покойный графъ Сергѣй Иванычъ....

— Знаю и это, она не хотѣла — онъ женился на другой, а ей не позволили выйти за Тита Никоныча. Вотъ и вся исторія. Ее Василиса знаетъ...

— Mais non! не все тутъ... Конечно, я не вѣрю... это быть не можетъ! Татьяна Марковна!

— Что же пьяная баба еще разсказываетъ? допытывался Райскій.

— Что... въ одну ночь графъ подстерегъ rendez-vous Татьяны Марковны съ Ватутинымъ въ оранжереѣ... Но такое рѣшительное rendez-vous... Нѣтъ, нѣтъ... — Она закатилась смѣхомъ. — Татьяна Марковна! Кто повѣритъ!

Райскій вдругъ сталъ серьезно слушать. У него проснулись какія-то соображенія въ головѣ и захватило духъ отъ этой сплетни.

— Дальше? тихо спросилъ онъ.

— Графъ далъ пощечину Титу Никонычу...

— Это ложь! вскочивъ съ мѣста перебилъ Райскій: — Титъ Никонычъ джентльменъ... Онъ не вынесъ бы этого...

— И я говорю «ложь»! проворно согласилась Крицкая.—Онъ и не вынесъ... продолжала она: онъ сбилъ съ ногъ графа, душилъ его за горло: схватилъ откуда-то между цвѣтами кривой, садовничій ножъ, и чуть не зарѣзалъ его...

Райскій измѣнился въ лицѣ.—Ну? спросилъ онъ, едва дыша отъ нетерпѣнія.

— Татьяна Марковна остановила его за руку: «ты, говоритъ, дворянинъ, а не разбойникъ — у тебя есть шпага!» и развела ихъ. Драться было нельзя, чтобъ не огласить ее. Соперники дали другъ другу слово: графъ — молчать обо всемъ, а тотъ — не жениться... Вотъ отъ чего Татьяна Марковна осталась въ дѣвушкахъ... Не подло ли распускать такую... гнусную клевету!

Райскій отъ волненія вздохнулъ всей грудью.

— Видите, что это... ложь! сказалъ онъ: кто могъ видѣть и слышать ихъ?

— Садовникъ спалъ тамъ гдѣ-то въ углу, и будто все видѣлъ и слышалъ. Онъ молчалъ, боялся, былъ крѣпостной... А эта пьяная баба, его вдова, отъ него слышала — и болтаетъ... Разумѣется, вздоръ—кто повѣритъ! я первая говорю: ложь, ложь! эта святая, почтенная Татьяна Марковна!... Крицкая закатилась опять смѣхомъ и вдругъ сдержалась. — Но что съ вами? Allons donc, oubliez tout! Vive la joie! сказала она.—Что вы нахмурились: перестаньте!

— Я велю еще подать вина!

— Нѣтъ, нѣтъ, я боюсь...

— Чего, скажите!.. томно спросила она.

— Дурно сдѣлается: я не привыкъ пить! — сказалъ онъ и всталъ съ мѣста. И она встала.

— Прощайте, навсегда...

— Куда, нѣтъ, нѣтъ!

— Я бѣгу отъ этихъ опасныхъ мѣстъ, отъ обрывовъ, отъ пропастей!... Прощайте, прощайте!...

Онъ схватилъ шляпу и быстро ушелъ. Она осталась, какъ окаменѣлая, потомъ проворно позвонила.

— Коляску мнѣ! сказала она вошедшей дѣвушкѣ: и одѣваться — я ѣду съ визитами!

Райскій вышелъ отъ нея, и все вылетѣло у него изъ головы: осталась—одна «сплетня»! Онъ чувствовалъ въ разсказѣ пьяной бабы — въ этой сплетнѣ — истину...

У него въ рукахъ былъ ключъ отъ прошлаго, отъ всей жизни бабушки.

Ему ясно все: отъ чего она такая? откуда эта нравственная сила, практическая мудрость, знаніе жизни, сердца? отъ чего она такъ скоро овладѣла довѣріемъ Вѣры и успокоила ее, а сама такъ взволновалась? И Вѣра, должно быть — знаетъ все....

Образъ старухи сталъ передъ нимъ во всей полнотѣ.

Думая только дать другое направленіе слухамъ о Вѣрѣ, о себѣ и о Тушинѣ, онъ нечаянно наткнулся на забытую, но живую страницу своей фамильной хроники, другую драму, не опасную для ея героевъ—ей минула сорокалѣтняя давность, но глубоко поглотившую его самого.

Онъ понялъ теперь бабушку. Онъ вошелъ къ ней съ замирающимъ отъ волненія сердцемъ, забылъ отдать отчетъ о томъ, какъ онъ передалъ Крицкой разсказъ о прогулкѣ Вѣры въ обрывѣ, и впился въ нее жадными глазами.

— Борюшка! съ изумленіемъ сказала она, отступая отъ него: что это, другъ мой — отъ тебя, какъ изъ бочки, винищемъ разитъ....

Она посмотрѣла на него съ минуту пристально, увидѣла этотъ его, вонзившійся въ нее, глубоко-выразительный взглядъ, сама взглянула-было вопросительно — и вдругъ отвернулась къ нему спиной.

Она поняла, что онъ узналъ «сплетню» о ней самой.

XXII.

Наконецъ совершилась и свадьба Марѳиньки съ Викентьевымъ, противъ общаго ожиданія, очень скромно. Приглашено было на нее только высшее общество города и нѣсколько окрестныхъ помѣщиковъ, что однако составило человѣкъ пятьдесятъ. Вѣнчали ихъ въ сельской церкви, послѣ обѣдни въ воскресенье, и потомъ гостямъ предложенъ былъ парадный завтракъ, въ большой залѣ стараго дома, которую передъ тѣмъ за недѣлю мыли, чистили, скребли, чтобъ отпировать въ ней въ послѣдній разъ. Ни разливаннаго моря, ни разгоряченныхъ лицъ и развязныхъ языковъ, ни радостныхъ кликовъ не было. Пуще всего разочарована была дворня этой скромностью, хотя люди и успѣли напиться, но не до потери смысла, и по этой причинѣ признали свадьбу невеселою.

Барыня обнаружила тутъ свою обычную предусмотрительность, чтобы не перепились ни кучера, ни повара, ни лакеи. Всѣ они были нужны: одни готовить завтракъ, другіе служить при столѣ, а третьи—отвезти парадным поѣздомъ молодыхъ и всю свиту до переправы черезъ рѣку. Передъ тѣмъ тоже было работы не мало. Цѣлую недѣлю возили приданое за Волгу: гардеробъ, вещи, множество цѣнныхъ предметовъ изъ стараго дома—словомъ, цѣлое имущество.

Марѳинька сіяла какъ херувимъ — красотой, всей прелестью

разцвѣтшей розы, и въ этотъ день явилась въ ней новая черта, новый смыслъ въ лицѣ, новое чувство, выражавшееся въ задумчивой улыбкѣ и въ висѣвшихъ иногда на рѣсницахъ слезахъ. Сознаніе новой жизни, даль будущаго, строгость долга, моментъ торжества и счастья — все придавало лицу и красотѣ ея нѣжную, трогательную тѣнь. Женихъ былъ скроменъ, почти робокъ: пропала его рѣзвость, умолкли шутки, онъ былъ растроганъ. Бабушка задумчиво-счастлива, Вѣра непроницаема и блѣдна.

Райскій, съ умиленіемъ брата, смотрѣлъ на невѣсту, и когда она вышла изъ своей комнаты, совсѣмъ одѣтая, онъ сначала ахнулъ отъ восторга, потомъ испугался, замѣтивъ въ ея свадебномъ, померанцовомъ букетѣ нѣсколько сухихъ, увядшихъ цвѣтковъ.

— Что это? спросилъ онъ торопливо, самъ уже догадываясь.

— Это изъ Вѣрочкина букета, который она мнѣ подарила въ день моего рожденія, сказала она наивно.

Райскій уговорилъ ее вынуть ихъ, и самъ проворно помогалъ вытаскивать, сославшись на какую-то, тутъ же изобрѣтенную имъ, дурную примѣту.

Затѣмъ все прошло благополучно, включая и рыданія молодой, которую буквально оторвали отъ груди бабушки—но это были тоже благополучныя рыданія. И сама бабушка едва выдержала себя. Она была блѣдна: видно было, что ей стоило необычайныхъ усилій устоять на ногахъ, глядя съ берега на уплывающую буквально — отъ нея дочь, такъ долго покоившуюся на ея груди, рукахъ и колѣняхъ. Она залилась только слезами дома, когда почувствовала, что объятія ея не опустѣли, что въ нихъ страстно бросилась Вѣра, и что вся ея любовь почти безраздѣльно принадлежитъ этой другой, сознательной, созрѣлой дочери — ставшей такою путемъ горькаго опыта.

Тушинъ не уѣхалъ къ себѣ послѣ свадьбы. Онъ остался у пріятеля въ городѣ. На другой же день онъ явился къ Татьянѣ Марковнѣ съ архитекторомъ. И всякій день они разсматривали планы, потомъ осматривали оба дома, садъ, всѣ службы, совѣщались, чертили, высчитывали, соображая радикальныя передѣлки на будущую весну.

Изъ стараго дома было вынесено все цѣнное, мебель, картины, даже болѣе уцѣлѣвшіе паркеты, и помѣщено, частью въ новомъ домѣ, частью въ обширныхъ кладовыхъ, и даже на чердакахъ.

Татьяна Марковна съ Вѣрой собирались уѣхать въ Новоселово, потомъ гостить къ Викентьевымъ. Весну и лѣто приглашалъ ихъ обѣихъ Тушинъ провести у Анны Ивановны, своей сестры, въ

его «Дымкѣ». На это Татьяна Марковна со вздохомъ отвѣчала: «не знаю, Иванъ Ивановичъ! Обѣщать навѣрное боюсь, но и не отказываю: что Богъ дастъ! Какъ Вѣра!..» Тушинъ все—таки, на всякій случай, съ тѣмъ же архитекторомъ, немедленно занялся соображеніями объ отдѣлкѣ дома, для пріема и помѣщенія дорогихъ гостей.

Райскій перешелъ изъ стараго дома опять въ новый, въ свои комнаты. Козловъ переѣхалъ къ себѣ, съ тѣмъ однако, чтобъ послѣ отъѣзда Татьяны Марковны съ Вѣрой, поселиться опять у нея въ домѣ. Тушинъ звалъ его къ себѣ, просвѣщать свою колонію, начиная съ него самаго. Козловъ почесалъ голову, подумалъ, и вздохнулъ, глядя—на московскую дорогу. «Послѣ, зимой... говорилъ онъ: а теперь я жду...» Онъ не договорилъ и задумался. А онъ ждалъ отвѣта на свое письмо къ женѣ. Ульяна Андреевна недавно написала къ хозяйкѣ квартиры, чтобы ей прислали... теплый салопъ, оставшійся дома, и дала свой адресъ, а о мужѣ не упомянула. Козловъ самъ отправилъ салопъ и написалъ ей горячее письмо — съ призывомъ, говорилъ о своей дружбѣ, даже о любви... Бѣдный! Отвѣта не было. Онъ началъ по-немногу посѣщать гимназію, но на урокахъ впадалъ въ уныніе, былъ разсѣянъ, не замѣчалъ шутокъ, шалостей своихъ учениковъ, не знавшихъ жалости и пощады къ его горю и видѣвшихъ въ немъ только «смѣшного».

За отсутствіемъ Татьяны Марковны, Тушинъ вызвался быть хозяиномъ Малиновки. Онъ называлъ ее своей зимней квартирой, предполагая ѣздить каждую недѣлю, завѣдывать домомъ, деревней и прислугой, изъ которой только Василиса, Егоръ, поваръ и кучеръ уѣзжали съ барыней въ Новоселово. Прочіе всѣ оставались на мѣстѣ, на своемъ положеніи. Якову и Савелью поручено было состоять въ распоряженіи Тушина.

Райскій докончилъ портретъ бабушки и Вѣры, а Крицкой, на неконченномъ портретѣ, придѣлалъ только желтую далію на груди. Черезъ недѣлю послѣ свадьбы онъ объявилъ, что ѣдетъ черезъ два дня.

— Егоръ, принеси чемоданъ съ чердака, готовь платье и бѣлье: я ѣду.

На этотъ разъ повѣрилъ и Егоръ. Собирая платье, бѣлье и обувь, онъ нашелъ, что три, четыре тонкихъ рубашки ужъ не очень новы, и потому конфисковалъ ихъ въ свою пользу, также какъ и лишнія, по его мнѣнію, панталоны, жилетъ и пару ботинокъ, съ стоптаннымъ каблукомъ.

Всѣхъ печальнѣе былъ Титъ Никонычъ. Прежде онъ послѣдовалъ бы за Татьяной Марковной на край свѣта, но послѣ

«сплетни», по крайней мѣрѣ вскорѣ, было бы несовсѣмъ ловко ѣхать съ нею: это могло подтвердить старую исторію, хотя ей, частію не повѣрили, а частію забыли о ней, потому что живыхъ свидѣтелей, кромѣ полупомѣшанной бабы, никого не было. Татьяна Марковна однако разрѣшила ему пріѣхать къ ней на праздникъ Рождества, и тамъ, смотря по обстоятельствамъ, пожалуй, и остаться. Онъ вздохнулъ немного отраднѣе и обрадовался предложенію Тушина погостить до тѣхъ поръ у него.

Сплетня о Вѣрѣ вдругъ смолкла, или перешла опять въ ожиданіе о томъ, что она будетъ объявлена невѣстой Тушина, на котораго все и обрушилось, послѣ завтрака Райскаго у Крицкой, между прочимъ и догадка о ея прогулкѣ съ нимъ на днѣ обрыва.

Но ни Тушинъ, ни Вѣра, ни сама Татьяна Марковна, послѣ ея разговора съ первымъ, не обмѣнялись ни однимъ словомъ объ этомъ. Туманное пятно оставалось пятномъ, не только для общества, но для самихъ дѣйствующихъ лицъ, т. е. для Тушина и бабушки. Какъ ни велика была надежда Татьяны Марковны на дружбу Вѣры къ нему и на свое вліяніе на нее, но втайнѣ у ней возникали нѣкоторыя опасенія. Она разсчитывала на послушаніе Вѣры — это правда, но не на слѣпое повиновеніе своей волѣ. Этого она и не хотѣла и не взялась бы дѣйствовать на волю. Она разсчитывала на покорность самаго сердца: ей казалось невозможнымъ, любя Ивана Ивановича, какъ человѣка, какъ друга, не полюбить его какъ мужа, но чтобъ полюбить такъ, надо прежде выйти замужъ, т. е. начать прямо съ цѣли. Она угадывала состояніе Вѣры и рѣшала, что теперь рано, нельзя. Но придетъ ли когда-нибудь пора, что Вѣра успокоится? Она слишкомъ своеобразна: судить ее по другимъ нельзя. Отъ этого Татьяна Марковна втайнѣ немного боялась и хмурилась, когда до нея доходили слишкомъ опредѣленные городскіе слухи и предположенія о бракѣ Вѣры съ Тушинымъ, какъ о дѣлѣ рѣшеномъ. Одна Вѣра ничего этого не знала, не подозрѣвала и продолжала видѣть въ Тушинѣ прежняго друга, оцѣнивъ его еще больше съ тѣхъ поръ, какъ онъ явился во весь ростъ надъ обрывомъ, и мужественно перенесъ свое горе, съ прежнимъ уваженіемъ и симпатіей протянулъ ей руку, показавшись въ одинъ и тотъ же моментъ, и добрымъ, и справедливымъ, и великодушнымъ — по своей природѣ, чего братъ Райскій, болѣе его развитой и образованный, достигалъ такимъ мучительнымъ путемъ.

XXIII.

Наканунѣ отъѣзда, въ комнатѣ у Райскаго, развѣшено и разложено было платье, бѣлье, обувь и другія вещи, а столъ загроможденъ былъ портфелями, рисунками, тетрадями, которые онъ готовился взять съ собой. Въ два-три послѣдніе дня передъ отъѣздомъ, онъ собралъ и пересмотрѣлъ опять всѣ свои литературные матеріалы, и между прочимъ отобранные имъ изъ програмы романа тѣ листки, гдѣ набросаны были замѣтки о Вѣрѣ.

— Попробую, начну здѣсь, на мѣстѣ дѣйствія! сказалъ онъ себѣ ночью, которую въ послѣдній разъ проводилъ подъ роднымъ кровомъ—и сѣлъ за письменный столъ.—Хоть одну главу напишу! А потомъ, вдалекѣ, когда отодвинусь отъ этихъ лицъ, отъ своей страсти, отъ всѣхъ этихъ драмъ и комедій, — картина ихъ виднѣе будетъ издалека. Даль одѣнетъ ихъ въ лучи поэзіи: я буду видѣть одно чистое созданіе творчества, одну свою статую, безъ примѣси реальныхъ мелочей... Попробую!..

Онъ проворно взялъ чистый листъ бумаги и наверху крупными буквами написалъ:

В Ѣ Р А

Романъ...

Онъ остановился надъ вопросомъ: во сколькихъ частяхъ? «Одинъ томъ — это не романъ, а повѣсть» думалъ онъ. «Въ двухъ или трехъ: въ трехъ — пожалуй, года три пропишешь! Нѣтъ, довольно двухъ!» И онъ написалъ: *«Романъ въ двухъ частяхъ»*.

«Теперь эпиграфъ: онъ давно готовъ!» шепнулъ онъ и написалъ прямо изъ памяти слѣдующее стихотвореніе Гейне, и подъ нимъ переводъ, сдѣланный недавно:

Nun ist es Zeit, dass ich mit Verstand
Mich aller Thorheit entled'ge,
Ich hab' so lang, als ein Komödiant
Mit dir gespielt die Komödie.

Die prächt'gen Coulissen, sie waren bemalt
Im hoch romantischen Stile,
Mein Rittermantel hat goldig gestrahlt,
Ich fühlte die feinsten Gefühle.

Und nun ich mich gar säuberlich
Des tollen Tands entled'ge:
Noch immer elend fühle ich mich,
Als spielt' ich noch immer Komödie.

Ach, Gott! im Scherz und unbewusst
Sprach ich, was ich gefühlet;
Ich hab' mit dem Tod in der eignen Brust
Den sterbenden Fechter gespielet!

Довольно! Пора мнѣ забыть этотъ вздоръ!
Пора воротиться къ разсудку!
Довольно съ тобой, какъ искусный актеръ,
Я драму разыгрывалъ въ шутку.

Росписаны были кулисы пестро,
Я такъ декламировалъ страстно;
И мантіи блескъ, и на шляпѣ перо,
И чувство — все было прекрасно!

Теперь же, хоть бросилъ я это тряпье,
Хоть нѣтъ театральнаго хламу,—
Все также болитъ еще сердце мое,
Какъ будто играю я драму.

И что за поддѣльную боль я считалъ,
То боль оказалась живая —
О Боже, я раненый на смерть — игралъ,
Гладіатора смерть представляя!

Онъ перечиталъ, сильно вздохнулъ и, положивъ локти на столъ, подперъ руками щеки и смотрѣлъ на себя въ зеркало. Онъ съ грустью видѣлъ, что сильно похудѣлъ, что прежнихъ живыхъ красокъ, подвижности въ чертахъ, не было. Слѣды молодости и свѣжести стерлись до конца. Не даромъ ему обошлись эти полгода. Вонъ и сѣдые волосы сильно серебрятся. Онъ приподнялъ рукой густыя пряди черныхъ волосъ, и тоже не безъ грусти видѣлъ, что они рѣдѣютъ, что ихъ темный колоритъ мѣшается съ бѣлымъ.

«Да: *раненый на смерть — игралъ гладіатора смерть!...*» шепнулъ онъ со вздохомъ, и взявъ перо, хотѣлъ писать.

Въ это время вошелъ Егоръ спросить, въ которомъ часу будить его. Райскій махнулъ ему рукой, чтобъ оставилъ его, сказавъ, что будить не надо, что онъ встанетъ самъ, а можетъ быть и вовсе не ляжетъ, потому что у него много «дѣла».

Егоръ за ужиномъ пересказалъ это дѣвушкамъ, прибавивъ, что баринъ собирается, должно быть, опять «чудить» ночью, какъ бывало въ началѣ осени.

— Это очень занятно, заключилъ онъ:—жалко, а иной разъ и страшно станетъ!

Райскій написалъ подъ эпиграфомъ:

ПОСВЯЩЕНІЕ.

Потомъ подумалъ, прошелся раза три по комнатѣ и вдругъ сѣлъ и началъ писать.

«Женщины! вами вдохновленъ этотъ трудъ, проворно писалъ онъ: — вамъ и посвящается! Примите его благосклонно. Если его встрѣтитъ вражда, лукавые толки, недоразумѣнія — вы поймете и оцѣните, что̀ водило моими чувствами, моей фантазіей и перомъ! Отдаю, и свое созданіе, и себя самого, подъ вашу могущественную защиту и покровительство! Отъ васъ только и ожидаю.... «наградъ»—написалъ онъ и, зачеркнувъ, поставилъ: «одобренія», опять зачеркнулъ и поставилъ: «снисхожденія».

«Долго ходилъ я, какъ юродивый, между вами, съ Діогеновскимъ фонаремъ,—писалъ онъ дальше—отыскивая въ васъ черты нетлѣнной красоты для своего идеала, для своей статуи! Я одолѣвалъ всѣ преграды, переносилъ всѣ муки (вѣдь непремѣнно будутъ преграды и муки — безъ этого нельзя: *«въ болѣзняхъ имаши родити чадо*, сказано» — подумалъ онъ) — и все шелъ своимъ путемъ, къ своему созданію. Рядомъ съ красотой — видѣлъ ваши заблужденія, страсти, паденія, падалъ самъ, увлекаясь вами, и вставалъ опять, и все звалъ васъ, на высокую гору, искушая — не дьявольской заманкой, не царствомъ суеты, звалъ именемъ другой силы на путь совершенствованія самихъ себя, а съ собой и насъ: дѣтей, отцовъ, братьевъ, мужей и.... друзей вашихъ!

«Вдохновляясь вашей лучшей красотой, вашей неодолимой силой — женской любовью — я слабой рукой писалъ женщину, съ надеждой, что вы узнаете въ ней хоть блѣдное отраженіе — не однихъ вашихъ взглядовъ, улыбокъ, красоты формъ, граціи, но и вашей души, ума, сердца — всей прелести вашихъ лучшихъ силъ!

«Не манилъ я васъ въ глубокую бездну учености, ни на грубый, не-женскій трудъ, не входилъ съ вами въ споры о правахъ, отдавая вамъ первенство безъ спора. Мы не равны: вы выше насъ, вы сила, мы ваше орудіе. Не отнимайте у насъ, говорилъ я вамъ, ни сохи, ни заступа, ни меча изъ рукъ. Мы взроемъ вамъ землю, украсимъ ее, спустимся въ ея бездны, переплывемъ моря, пересчитаемъ звѣзды, — а вы, рождая насъ, берегите, какъ прови-

дѣніе, наше дѣтство и юность, воспитывайте насъ честными, учите труду, человѣчности, добру, и той любви, какую Творецъ вложилъ въ ваши сердца—и мы твердо вынесемъ битвы жизни и пойдемъ за вами вслѣдъ туда, гдѣ все совершенно, гдѣ—вѣчная красота!

«Время сняло съ васъ много оковъ, наложенныхъ лукавой и грубой тиранніей: сниметъ и остальныя, дастъ просторъ и свободу вашимъ великимъ, соединеннымъ силамъ ума и сердца — и вы открыто пойдете своимъ путемъ и употребите эту свободу лучше, нежели мы употребляемъ свою!

«Отбросьте же хитрость — это орудіе слабости — и всѣ ея темные, ползучіе ходы и цѣли»...

Онъ остановился, подумалъ, подумалъ — и зачеркнулъ послѣднія двѣ строки. «Кажется, я грубости началъ говорить!» шепталъ онъ. «А Титъ Никонычъ учитъ дѣлать дамамъ только однѣ «пріятности». Послѣ посвященія онъ крупными буквами написалъ:

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Глава I.

Онъ всталъ и, потирая руки, началъ скоро ходить по комнатѣ, вдумываясь въ первую главу, какъ, съ чего начать, что̀ въ ней сказать.

Походивъ полчаса, онъ умѣрилъ шагъ—будто боролся мысленно съ трудностями. Шагъ становился все тише, медленнѣе. Наконецъ онъ остановился посреди комнаты, какъ растерянный, точно наткнулся на какой-то камень и почувствовалъ толчокъ.

«Да, шепталъ онъ въ страхѣ: чего добраго: пожалуй, вмѣсто «высокой горы», да вдругъ.... Что̀ это мнѣ пришло въ голову!» Онъ глубоко задумался.

«Ну, какъ я напишу драму Вѣры, да не съумѣю обставить пропастями ея паденіе (думалъ онъ)—а русскія дѣвы примутъ ошибку за образецъ, да какъ козы — одна за другой — пойдутъ скакать съ обрывовъ!.. А обрывовъ много въ русской землѣ! Что̀ скажутъ маменьки и папеньки!...»

Онъ минутъ пять постоялъ на мѣстѣ, потомъ вдругъ захохоталъ — и опять скорыми шагами заходилъ по комнатѣ.

«Какъ поблѣднѣли бы русскія Вѣры и какъ покраснѣли бы всѣ Марѳиньки, еслибъ узнали, что я принялъ ихъ.... за козъ!

«Не это помѣшаетъ мнѣ писать романъ, сказалъ онъ, вздохнувъ печально, а другое... Напримѣръ... ценсура! Да, ценсура помѣшаетъ! почти съ радостью произнесъ онъ, какъ будто нашелъ счастливую находку. — А еще что?»

И задумался.... «Кажется, больше ничего: слѣдовательно остается писать...»

Онъ умѣрилъ шагъ, вдумываясь въ ткань романа, въ фабулу, въ постановку характера Вѣры, въ психологическую, еще пока закрытую задачу... въ обстановку, въ аксесуары;—задумчиво сѣлъ и положилъ руки съ локтями на столъ и на нихъ голову. Потомъ поцарапалъ сухимъ перомъ по бумагѣ, лѣниво обмакнулъ его въ чернила, и еще лѣнивѣе написалъ въ новую строку, послѣ словъ, Глава I:

«Однажды...»

Подумалъ, подумалъ и легъ головой на руки, обдумывая продолженіе: прошло съ четверть часа, глаза у него стали мигать чаще. Его клонилъ сонъ.

Ему показалось неловко дремать сидя, онъ перешелъ на диванъ, положилъ голову на мягкую обивку дивана, а ноги вытянулъ:—«освѣжусь немного, потомъ примусь...» рѣшилъ онъ... и вскорѣ заснулъ. Въ комнатѣ раздавалось ровное, мѣрное храпѣнье.

Когда онъ проснулся, уже разсвѣтало. Онъ вскочилъ и посмотрѣлъ вокругъ удивленными, почти испуганными глазами, какъ будто увидѣлъ въ снѣ что-то новое, неожиданное, точно Америку открылъ.

— И во снѣ статуя! произнесъ онъ: все статуя да статуя! Что это: намеки? указанія?!

Онъ подошелъ къ столу, пристально поглядѣлъ въ листки, въ написанное имъ предисловіе, вздохнулъ, покачалъ головой и погрузился въ какое-то, должно быть, тяжелое раздумье. «Что я дѣлаю! Во что трачу время и силы: еще годъ пропалъ! Романъ!» шепталъ онъ съ озлобленіемъ.

Онъ отодвинулъ рукопись въ сторону, живо порылся въ ящикѣ, между письмами, и досталъ оттуда полученное за мѣсяцъ письмо отъ художника Кирилова, пробѣжалъ его глазами, взялъ листъ почтовой бумаги и сѣлъ за столъ.

«Спѣшу—въ здравомъ умѣ и твердой памяти—писалъ онъ—увѣдомить васъ перваго, любезный Кириловъ, о новой и неожиданной, только-что открывшейся для меня перспективѣ искусства и дѣятельности... Прежде всего тороплюсь кинуть вамъ эти двѣ строки, въ отвѣтъ на ваше письмо, гдѣ вы пишете, что собираетесь въ Италію, въ Римъ,—на случай, если я замедлю въ дорогѣ. Я самъ ѣду въ Петербургъ. Погодите—ради Бога—и я съ вами! Возьмите меня съ собой: пожалѣйте слѣпца, безумца, только сегодня прозрѣвшаго, угадавшаго свое призваніе! Долго блуждалъ я въ темнотѣ, и чуть не сдѣлался самоубійцей, т. е. чуть не сгубилъ своего дарованія, ставши на ложный путь!

Вы находили въ моихъ картинáхъ признаки таланта: мнѣ держаться бы кисти, а я бросался къ музыкѣ, и наконецъ бросился къ литературѣ — и буквально разбросался! Затѣялъ писать романъ! И вы, и никто—не остановили меня, не сказали мнѣ, что я — пластикъ, язычникъ, древній грекъ въ искусствѣ! Выдумалъ какую-то «осмысленную и одухотворенную Венеру!» Мое ли дѣло чертить картины нравовъ, быта, осмысливать и освѣщать основы жизни! Психологія, анализъ!

«Мое дѣло—формы, внѣшняя, ударяющая на нервы красота!

«Для романа — нужно... другое, а главное — годы времени! Я не пожалѣлъ бы трудовъ, и на время не поскупился бы, еслибъ былъ увѣренъ, что моя сила—въ перѣ!

«Я сохраню впрочемъ эти листки: можетъ быть... Нѣтъ, не хочу обольщать себя невѣрной надеждой! Творчество мое не ладитъ съ перомъ. Не по натурѣ мнѣ вдумываться въ сложный механизмъ жизни! Я пластикъ, повторяю: мое дѣло только видѣть красоту—и простодушно, «не мудрствуя лукаво», отражать ее въ созданіи...

«Сохраню эти листки затѣмъ развѣ, чтобы когда-нибудь вспоминать, чему я былъ свидѣтелемъ, какъ жили другіе, какъ жилъ я самъ, что̀ чувствовалъ (или вѣрнѣе ощущалъ), что̀ перенесъ — и...

«И послѣ моей смерти — другой найдетъ мои бумаги:

«Засвѣтитъ онъ, какъ я, свою лампаду»—

«И — можетъ быть — напишетъ...

«Теперь, хотите ли знать кто̀ я, что̀ я... Скульпторъ!

«Да, скульпторъ—не ахайте и не бранитесь! Я только сейчасъ убѣдился въ этомъ, долго не понимая намековъ, призывовъ: отъ чего мнѣ и Вѣра, и Софья, и многія, многія—прежде всего являлись статуями! Теперь мнѣ ясно!

«Я пластикъ—вы знаете это, вы находите во мнѣ талантъ: стало быть нужно мнѣ только отыскать свое орудіе и пріемъ! У кого пальцы сложились, какъ орудіе фантазіи, въ пріемъ для кисти, у кого для струнъ или клавишей, у меня—какъ я теперь догадываюсь — для лѣпки, для рѣзца... Глазъ у меня есть, вкусъ тоже—и feu sacré—да? вы этого не отвергаете? Не спорьте же, не послушаю, а лучше спасите меня, увезите съ собой и помогите стать на новый путь, на путь Фидіасовъ, Праксителей, Кановы — и еще очень немногихъ!

«Никто не можетъ сказать—что я не буду одинъ изъ этихъ немногихъ... Во мнѣ слишкомъ богата фантазія: искры ея, какъ вы сами говорите, разбросаны въ портретахъ, сверкаютъ даже въ

моихъ скудныхъ музыкальныхъ опытахъ!.. И если не сверкнули въ созданіи поэмы, романа, драмы или комедіи, такъ это потому...»

Онъ чихнулъ.

«Вотъ, значитъ — правда!» подумалъ онъ — «что я пластикъ — и только пластикъ: я отрекаюсь отъ музыки — она далась мнѣ въ придачу къ прочему. Я кляну потраченное на нее и на романъ время и силы. — До свиданія, Кириловъ — не противорѣчьте, убьете меня, если будете разрушать мой новый идеалъ искусства и дѣятельности. Пожалуй, вы поколеблете меня вашими сомнѣніями—и тогда я утону безвозвратно въ волнахъ миражей и неисходной скуки! Если скульптура измѣнитъ мнѣ (Боже сохрани! я не хочу вѣрить: слишкомъ много говоритъ *за*), я самъ казню себя, самъ отыщу того, гдѣ бы онъ ни былъ— кто первый усомнился въ успѣхѣ моего романа (это — Маркъ Волоховъ) и торжественно скажу ему: да, ты правъ: я—*неудачникъ*! А до тѣхъ поръ дайте жить и уповать!

«Въ Римъ! въ Римъ!—туда, гдѣ искусство—не роскошь, не забава—а трудъ, наслажденіе, сама жизнь! Прощайте! до скораго свиданія!»

Онъ съ живостью собралъ всѣ бумаги, кучей, въ безпорядкѣ сунулъ ихъ въ большой старый портфель—сдѣлалъ «ухъ», какъ будто горбатый вдругъ сбросилъ горбъ, и весело потеръ рука объ руку.

XXIV.

На другой день, съ ранняго утра, весь домъ поднялся на ноги — провожать гостя. Пріѣхалъ и Тушинъ, пріѣхали и молодые Викентьевы. Марѳинька была—чудо красоты, нѣги, стыдливости. На каждый взглядъ, на каждый вопросъ, обращенный къ ней, лицо ея вспыхивало и отвѣчало неуловимой, нервной игрой ощущеній, нѣжныхъ тоновъ, оттѣнковъ чуткихъ мыслей— всего, объяснившагося ей въ эту недѣлю смысла новой, полной жизни. Викентьевъ ходилъ за ней, какъ пажъ, глядя ей въ глаза, не нужно ли, не желаетъ ли она чего-нибудь, не безпокоитъ ли ее что-нибудь?

Счастье ихъ слишкомъ молодо и эгоистически захватывало все вокругъ. Они никого и ничего почти не замѣчали, кромѣ себя. А вокругъ были грустныя, или задумчивыя лица. Съ полудня наконецъ и молодая чета оглянулась на другихъ и отрезвилась отъ эгоизма. Марѳинька хмурилась и все льнула къ брату. За завтракомъ никто ничего не ѣлъ, кромѣ Козлова, который задумчиво и грустно одинъ съѣлъ машинально блюдо маіонеза, вздыхая, глядя куда-то въ неопредѣленное пространство.

Татьяна Марковна пробовала заговаривать объ имѣніи, объ отчетѣ, до передачи Райскимъ усадьбы сестрамъ, но онъ взглянулъ на нее такими усталыми глазами, что она отложила счеты и отдала ему только хранившіеся у ней рублей шесть-сотъ его денегъ. Онъ триста рублей при ней же отдалъ Василисѣ и Якову, чтобъ они роздали дворнѣ и поблагодарили ее за «дружбу, баловство и услужливость».

— Много—уродъ! пропьютъ... шептала Татьяна Марковна.

— Пусть ихъ, бабушка: да отпустите ихъ на волю...

— Рада бы: хоть сейчасъ со двора!—Намъ съ Вѣрой теперь вдвоемъ нужно дѣвушку да человѣка: да не пойдутъ! Куда они дѣнутся? Избалованы, вѣкъ — на готовомъ хлѣбѣ!

Послѣ завтрака всѣ окружили Райскаго. Марѳинька заливалась слезами: она смочила три-четыре платка. Вѣра оперлась ему рукой на плечо и глядѣла на него съ томной улыбкой, Тушинъ серьезно. У Викентьева лицо дружески улыбалось ему, а по носу изъ глазъ катилась слеза «съ вишню», какъ замѣтила Марѳинька и стыдливо сняла ее своимъ платкомъ.

Бабушка хмурилась, но крѣпилась, боясь расчувствоваться.

— Оставайся съ нами!—говорила она ему съ упрекомъ.—Куда ѣдешь: самъ не знаешь...

— Въ Римъ, бабушка...

— За чѣмъ? Папы не видалъ?

— Лѣпить...

— Что́? — Долго бы было объяснять ей новые планы — и онъ только махнулъ рукой.

— Останьтесь, останьтесь! пристала и Марѳинька, вцѣпившись ему въ плечо. Вѣра ничего не говорила, зная, что онъ не останется, и думала только, не безъ грусти, узнавъ его характеръ, о томъ, куда онъ теперь дѣнется и куда дѣнетъ свои досуги, «таланты», которые вѣчно будетъ только чувствовать въ себѣ и не съумѣетъ, ни угадать своего собственнаго таланта, ни остановиться на немъ и приспособить его къ дѣлу. «Братъ! шепнула она: если скука опять будетъ одолѣвать тебя, заглянешь ли ты сюда, въ этотъ уголокъ, гдѣ тебя теперь понимаютъ и любятъ?..

— Непремѣнно, Вѣра! Сердце мое пріютилось здѣсь: я люблю всѣхъ васъ — вы моя единственная, неизмѣнная семья: другой не будетъ! Бабушка, ты и Марѳинька — я унесу васъ вездѣ съ собой — а теперь не держите меня! Фантазія тянетъ меня туда, гдѣ... меня нѣтъ! У меня закипѣло въ головѣ... шепнулъ онъ ей: черезъ какой-нибудь годъ, я сдѣлаю... твою статую — изъ мрамора...

У ней задрожалъ подбородокъ отъ улыбки.

— А романъ? спросила она.

Онъ махнулъ рукой. — Какъ умру, пусть возится, кто хочетъ, съ моими бумагами: матеріала много... А мнѣ написано на роду создать твой бюстъ...

— Не пройдетъ и года, ты опять влюбишься, и не будешь знать, чью статую лѣпить...

— Можетъ быть, и влюблюсь, но никогда никого не полюблю, кромѣ тебя, и изсѣку изъ мрамора твою статую.... Вотъ она, какъ живая передо мной!..

Она все съ улыбкой глядѣла на него.

— Непремѣнно, непремѣнно! горячо увѣрялъ онъ ее.

— Опять ты—«непремѣнно», вмѣшалась Татьяна Марковна: не знаю, что̀ ты тамъ затѣваешь, а если сказалъ «непремѣнно», то ничего и не выйдетъ!

Райскій подошелъ къ Тушину, задумчиво сидѣвшему въ углу, и молча наблюдавшему сцену прощанія.

— Если когда-нибудь исполнится... то, чего мы всѣ желаемъ, Иванъ Ивановичъ... шепнулъ онъ, наклонясь къ нему, и пристально взглянулъ ему въ глаза, Тушинъ понялъ его.

— Всѣ ли, Борисъ Павловичъ? И случится ли это?

— Я вѣрю, что случится: иначе быть не можетъ. Ужъ если бабушка и ея «судьба» захотятъ...

— Надо, чтобъ захотѣла и другая, — моя «судьба»...

— Захочетъ—договорилъ Райскій съ увѣренностью—и если это случится, дайте мнѣ слово, что вы увѣдомите меня по телеграфу, гдѣ бы я ни былъ: я хочу держать вѣнецъ надъ Вѣрой...

— Да, если случится... даю слово...

— А я даю слово пріѣхать.—Козловъ въ свою очередь отвелъ Райскаго въ сторону. Долго шепталъ онъ ему, прося отыскать жену, далъ письмо къ ней и адресъ ея, и успокоился, когда Райскій тщательно положилъ письмо въ бумажникъ. «Поговори ей... и напиши мнѣ... съ мольбой заключилъ онъ: а если она соберется... сюда... ты по телеграфу дай мнѣ знать: я бы поѣхалъ до Москвы, на встрѣчу ей...»

Райскій обѣщалъ все и съ тяжелымъ сердцемъ отвернулся отъ него, посовѣтовавъ ему пока отдохнуть, погостить зимніе каникулы у Тушина.

Тихо вышли всѣ на крыльцо, къ экипажу, въ грустномъ молчаніи. Марѳинька продолжала плакать. Викентьевъ подалъ ей уже пятый носовой платокъ.

Въ послѣднее мгновеніе, когда Райскій готовился сѣсть, онъ оборотился взглянуть еще разъ на провожавшую его группу. Онъ, Татьяна Марковна, Вѣра и Тушинъ—обмѣнялись взглядомъ—и

въ этомъ взглядѣ, въ одномъ мгновеніи, вдругъ мелькнулъ, какъ будто всѣмъ имъ приснившійся, тяжелый полугодовой сонъ, всѣ вытерпѣнныя ими муки... Никто не сказалъ ни слова. Ни Марѳинька, ни мужъ ея, не поняли этого взгляда, — не замѣтила ничего и толпившаяся невдалекѣ дворня.

Съ этимъ взглядомъ и съ этимъ сномъ въ головѣ скрылся Райскій у нихъ изъ вида.

XXV.

Въ Петербургѣ онъ прежде всего бросился къ Кирилову: онъ чуть не ощупывалъ его, онъ ли это, тутъ ли, не уѣхалъ ли безъ него, и повторилъ ему свои новыя артистическія упованія на скульптуру. Кириловъ сморщился, такъ что носъ ушелъ совсѣмъ въ бороду—и отвернулся съ неудовольствіемъ.

— Что это за новость! По вашему письму я подумалъ, не рехнулись ли вы? Вѣдь у васъ есть одинъ талантъ: отчего бросились опять въ сторону? Возьмите карандашъ, да опять въ академію—да вотъ купите это.—Онъ показалъ на толстую тетрадь литографированныхъ анатомическихъ рисунковъ.—Выдумали скульптуру! Поздно... Съ чего вы это взяли?...

— Да мнѣ кажется, у меня—вотъ въ пальцахъ (онъ сложилъ пять пальцевъ вмѣстѣ и потиралъ ими) есть именно этотъ пріемъ—для лѣпки...

— Когда вздумали! Еслибъ и былъ пріемъ, такъ поздно!

— Что за поздно: у меня есть знакомый прапорщикъ—какъ лѣпитъ!..

— Прапорщикъ—такъ: а вы... съ сѣдыми волосами!

Онъ энергически потрясъ головой. Райскій не сталъ спорить съ нимъ, а пошелъ къ профессору скульптуры, познакомился съ его учениками и недѣли три ходилъ въ мастерскую. Дома у себя онъ натаскалъ глины, накупилъ моделей головъ, рукъ, ногъ, торсовъ, надѣлъ фартукъ и началъ лѣпить съ жаромъ, не спалъ, никуда не ходилъ, видясь только съ профессоромъ скульптуры, съ учениками, ходилъ съ ними въ Исакіевскій Соборъ, замирая отъ удивленія передъ работами Витали, вглядываясь въ пріемы, въ детали, въ эту новую сферу новаго искусства. Словомъ, имъ овладѣла горячка: онъ ничего не видалъ нигдѣ, кромѣ статуй, не выходилъ изъ Эрмитажа, и все торопилъ Кирилова ѣхать скорѣй въ Италію, въ Римъ.

Онъ не забылъ порученія Козлова и пошелъ отыскивать по адресу его жену, гдѣ-то въ Гороховой, въ chambres garnies. Войдя въ корридоръ номера, онъ услыхалъ звуки вальса и—

говоръ. Ему послышался голосъ Ульяны Андреевны. Онъ далъ отворившей ему дверь дѣвушкѣ свою карточку и письмо отъ Козлова. Немного погодя, дѣвушка воротилась, нѣсколько смущенная, и сказала, что Ульяны Андреевны нѣтъ, что она поѣхала въ Царское Село, къ знакомымъ, а оттуда отправится прямо въ Москву. Райскій вышелъ въ сѣни: на встрѣчу ему попалась женщина и спросила, кого ему надо. Онъ назвалъ жену Козлова. «Онѣ больны, лежатъ въ постели, никого не принимаютъ!» солгала и она.

Райскій ничего не написалъ къ Козлову.

Онъ едва повидался съ Аяновымъ, перетащилъ къ нему вещи съ своей квартиры, а послѣднюю сдалъ. Получивъ отъ опекуна—за заложенную землю—порядочный кушъ денегъ, онъ въ январѣ уѣхалъ съ Кириловымъ, сначала въ Дрезденъ, на поклонъ Сикстинской мадоннѣ, «Ночи» Корреджіо, Тиціану, Поль Веронезу и прочимъ, и прочимъ.

Въ Дрезденѣ онъ съ Кириловымъ всѣ утра проводилъ въ галлереѣ—да изрѣдка бывалъ въ театрѣ. Райскій торопилъ Кирилова ѣхать дальше, въ Голландію, потомъ въ Англію и въ Парижъ. Но Кириловъ уперся и въ Англію не поѣхалъ.

— Зачѣмъ мнѣ въ Англію: я туда не хочу, говорилъ онъ.—Тамъ всѣ чудеса въ частныхъ галлереяхъ—туда не пустятъ. А общественная галлерея—небогата. Изъ Голландіи вы поѣзжайте одни въ Англію, а я въ Парижъ, въ Лувръ. Тамъ я васъ подожду.

Такъ они и сдѣлали. Впрочемъ и Райскій пробылъ въ Англіи всего двѣ недѣли—и не успѣлъ даже ахнуть отъ изумленія,—подавленный грандіознымъ оборотомъ общественнаго механизма жизни—и поспѣшилъ въ веселый Парижъ. Онъ видѣлъ по утрамъ Лувръ, а вечеромъ мышиную бѣготню, веселые визги, вѣчную оргію, хмѣль крутящейся вихремъ жизни, и унесъ оттуда только чадъ этой оргіи, не давшей уложиться поглубже наскоро захваченнымъ изъ этого омута мыслямъ, наблюденіямъ и впечатлѣніямъ.

Едва первые лучи полуденной весны сверкнули изъ-за Альпъ, оба артиста бросились черезъ Швейцарію въ Италію.

Райскій, живо принимая впечатлѣнія, мѣняя одно на другое, бросаясь отъ искусства къ природѣ, къ новымъ людямъ, новымъ встрѣчамъ—чувствовалъ, что три, самыя глубокія его впечатлѣнія, самыя дорогія воспоминанія, бабушка, Вѣра, Марѳинька—сопутствуютъ ему всюду, вторгаются во всякое новое ощущеніе, наполняютъ собой его досуги, что съ ними тремя—онъ связанъ и той крѣпкой связью, отъ которой только человѣку и бываетъ хорошо—какъ ни отъ чего не бываетъ, и отъ нея же бываетъ

иногда больно, какъ ни отъ чего, когда судьба неласково дотронется до такой связи.

Эти три фигуры являлись ему, и какъ артисту, всюду. Плеснетъ сѣдой валъ на морѣ, мелькнетъ снѣжная вершина горы въ Альпахъ—ему видится въ нихъ сѣдая голова бабушки. Она выглядывала изъ портретовъ старухъ Веласкеца, Жераръ-Дова,—какъ Вѣра изъ фигуръ Мурильо, Марѳинька изъ головокъ Грёза, иногда Рафаеля...

На днѣ швейцарскихъ обрывовъ мелькалъ образъ Вѣры, надъ скалами снилась ему его отчаянная борьба съ ней... Далѣе—брошенный букетъ, ея страданіе, искупленіе... все!

Онъ вздрагивалъ и отрезвлялся, потомъ видѣлъ ихъ опять, съ улыбкой и любовью протягивающими руки къ нему.

Три фигуры слѣдовали за нимъ и по ту сторону Альпъ, когда передъ нимъ встали другія три величавыя фигуры: природа, искусство, исторія...

Онъ страстно отдался имъ, испытывая новыя ощущенія, почти болѣзненно потрясавшія его организмъ.

Въ Римѣ, устроивъ съ Кириловымъ мастерскую, онъ дѣлилъ время между музеями, дворцами, руинами, едва чувствуя красоту природы, запирался, работалъ, потомъ терялся въ новой толпѣ, казавшейся ему какой-то громадной, яркой, подвижной картиной, отражавшей въ себѣ тысячелѣтія—во всемъ блескѣ величія и въ поразительной наготѣ всей мерзости—отжившаго и живущаго человѣчества.

И вездѣ, среди этой горячей артистической жизни, онъ не измѣнялъ своей семьѣ, своей группѣ, не вросталъ въ чужую почву, все чувствовалъ себя гостемъ и пришельцемъ тамъ. Часто, въ часы досуга отъ работъ и отрезвленія отъ новыхъ и сильныхъ впечатлѣній раздражительныхъ красотъ юга—его тянуло назадъ, домой. Ему хотѣлось бы набраться этой вѣчной красоты природы и искусства, пропитаться насквозь духомъ окаменѣлыхъ преданій и унести все съ собой туда, въ свою Малиновку...

За нимъ все стояли и горячо звали къ себѣ—его три фигуры: его Вѣра, его Марѳинька, бабушка: а за ними стояла, и сильнѣе ихъ влекла его къ себѣ — еще другая, исполинская фигура, другая великая «бабушка»—Россія.

И. Гончаровъ.

КОНЕЦЪ.

ПОСЛѢДНІЕ ГОДЫ

РѢЧИ ПОСПОЛИТОЙ

1787 — 1795.

V *).

Виды Россіи. — Процессъ Понинскаго. — Его побѣгъ. — Конституціонная депутація. — Исканіе финансовыхъ средствъ. — Просьба городовъ [1]).

Уступчивость Екатерины закружила головы полякамъ. Патріоты стали выводить, что Рѣчь-Посполитая достигла такого состоянія, когда можетъ заставить себя уважать. Нѣкоторые разсуждали, что этимъ Польша обязана не Пруссіи: прусское ходатайство передъ петербургскимъ дворомъ было слабое; сама Польша, сама своею энергіею, своею блестящею героическою рѣшимостью заставила смириться коварнаго врага, который рылъ подъ нею яму. На самомъ дѣлѣ уступчивость Россіи соединялась съ ея дальновидною политикою. Занятая войною съ Турціею, Россія уступала пока Польшѣ, чтобы избѣгать столкновеній съ европейскими дворами, при увѣренности, что Польша, при всемъ желаніи, не въ силахъ причинить ей зла. Поляки воображали, что ихъ уважаютъ и боятся, а на самомъ дѣлѣ Екатерина разсчитывала тогда уже, что предоставленные самимъ себѣ, поляки будутъ шумѣть, составлять проекты, спорить, ничего не сдѣлаютъ и въ концы концовъ передерутся; какая нибудь-партія непремѣнно

*) См. выше, февр. 685; мар. 154; апр. 618 — 694 стр.

[1]) См. Источ. №№ 21, 15, 18, 47. Проток. сейма хран. въ Лит. Метр.

обратится къ Россіи: тогда можно будетъ вмѣшаться въ ихъ дѣла законнымъ и благовиднымъ образомъ и взять ихъ въ руки такъ крѣпко, какъ они еще не были; противиться же ихъ реформамъ при настоящихъ обстоятельствахъ значило побудить ихъ отдаться преждевременно въ руки прусскаго короля и поставить Россію въ явно враждебныя отношенія къ Пруссіи, а это Россіи было вовсе некстати до окончанія войны.

Продажность государственныхъ людей въ Польшѣ была постояннымъ предметомъ обличенія и смѣлыхъ рѣчей. «Въ Польшѣ—говорилъ посолъ Суходольскій—до того вошло въ обычай брать заграничные пенсіоны, что ихъ помѣщали даже въ завѣщаніяхъ. Да постигнетъ суровое наказаніе тѣхъ, которые говорятъ: «пусть Рѣчь-Посполитая на насъ гнѣвается, а мы будемъ брать гдѣ даютъ и когда даютъ». Послѣ такихъ обличительныхъ выходокъ, членовъ депутаціи иностранныхъ дѣлъ обязывали произнести присягу, что они не брали и не будутъ брать пенсіоновъ отъ иностранныхъ дворовъ. «Довольно будетъ—сказалъ по этому поводу Плоцкій епископъ Шембекъ—если они присягнутъ, что не будутъ брать; зачѣмъ же имъ присягать, что не брали»? Онъ зналъ, что иные дозволяли себѣ это прежде.

Тогда, разсердившись на пенсіоны, накинулись на Понинскаго, бывшаго маршалкомъ сейма 1772—1775 годовъ. Его обвиняли въ томъ, что онъ, въ тѣ времена получая отъ Россіи пенсіонъ, обязался дѣйствовать ко вреду Рѣчи-Посполитой, подъ страхомъ русскаго войска принудилъ избрать себя посломъ противно желанію другихъ пословъ, потомъ заставилъ избрать себя маршаломъ, превратилъ обыкновенный сеймъ въ конфедераціонный, установилъ конфедераціонные суды, наполнилъ ихъ своими подручниками, принялъ званіе коронаго подскарбія и чрезъ то распоряжался казною, и, наконецъ, изъ угожденія иностраннымъ дворамъ, содѣйствовалъ отторженію отъ Польши ея земель. До сихъ поръ Понинскій во время сейма предсѣдательствовалъ въ скарбовой коммиссіи, но когда раздались пламенныя рѣчи Суходольскаго и вооружили патріотовъ противъ продажности, вся злоба ихъ излилась на Понинскаго. Гетманъ Браницкій кричалъ противъ него и требовалъ правосудія, хотя самъ получилъ нѣкогда староства за услуги Россіи. Назначили особый сеймовый судъ. Членовъ его выбрали по жребію: жребій палъ между прочимъ на Браницкаго; такимъ образомъ, человѣка, котораго надобно было судить за то же, за что судили Понинскаго, сдѣлали его судьею. Предложили, предавъ суду, арестовать Понинскаго. Послѣднее казалось беззаконно, потому что по польскимъ законамъ дворянина нельзя было арестовать, не осудивши. На-

рушеніе закона Neminem captivabimus предлагалось въ видѣ исключенія по чрезвычайной важности преступленія. Посолъ Морскій доказывалъ, что этотъ законъ имѣетъ цѣлью ограничивать произволъ короля, а сейма не долженъ стѣснять. На это возражали, что въ такомъ случаѣ нужно, чтобъ это произошло путемъ единогласія; говорившіе такъ знали, что это было трудно: за Понинскимъ были голоса на сеймѣ. Тогда враги его и обвинители, Суходольскій и Сухоржевскій объявили, что сами идутъ подъ арестъ и подвергнутъ себя наказанію, положенному клеветникамъ, если Понинскій по суду окажется невиннымъ. Выходка эта понравилась большинству, Понинскаго рѣшили арестовать, но содержать прилично его званію. Это уваженіе къ званію было поводомъ къ тому, что Понинскій содержался въ собственномъ домѣ, окруженный всѣми удобствами, даже принималъ посѣтителей. Такимъ образомъ онъ сидѣлъ до 2-го іюля, и тогда убѣжалъ. Вотъ какъ это случилось. У изголовья его постели былъ небольшой шкафъ, за которымъ находилась задѣланная дверь, выходившая въ пустую комнату. Понинскій спалъ въ комнатѣ одинъ, а передъ его спальнею находился караулившій его офицеръ. Слуги отмуровали дверь за шкафомъ, Понинскій сдѣлалъ изъ платковъ, полотенецъ и подушекъ чучело, придавши ему такой видъ, чтобы оно издали казалось закрытымъ человѣческимъ тѣломъ, надѣлъ на него колпакъ, закрылъ одѣяломъ, а самъ исчезъ въ продѣланную дверь. Офицеръ, по имени Напюрковскій, утромъ входилъ къ нему въ комнату освѣдомиться, спитъ ли онъ, потому что его объ этомъ кто-то спрашивалъ, увидалъ, какъ ему показалось, что Понинскій лежитъ подъ одѣяломъ и отошелъ прочь, но потомъ ему стало странно, что Понинскій такъ долго спитъ; онъ вошелъ снова въ спальню, два или три раза назвалъ его по имени, не получилъ отвѣта, открылъ одѣяло и понялъ, что узникъ ушелъ. Донесли сейму. Арестовали офицера и бывшихъ съ нимъ на караулѣ солдатъ. По приказанію сейма, Войсковая Коммиссія, подъ предсѣдательствомъ гетмана Огинскаго, оповѣстила, что тотъ, кто схватитъ Понинскаго, получитъ награды тысячу червонцевъ.

Понинскій, выскочивъ изъ своего дома, сѣлъ въ наемную карету, которую для него приготовили заранѣе; съ нимъ сѣли его сынъ и дворецкій. Карета пріѣхала въ Прагу; тамъ бѣглецъ, съ своими товарищами, сѣлъ въ лодку. Лодочника увѣрили, что тотъ, который нанималъ его, хочетъ догнать барку, отправленную въ Гданскъ и непремѣнно долженъ къ слѣдующей ночи достигнуть до Торуня. Это подало лодочнику подозрѣніе; передъ отплытіемъ, онъ сообщилъ о томъ своей женѣ. На другой день, когда по всѣмъ дорогамъ отправили погоню и объявили объ-

щанную награду тысячу червонцевъ, жена лодочника смекнула, что ищутъ того, который нанялъ ея мужа, и объявила объ этомъ. Ей дали сорокъ червонцевъ и, такъ какъ жена лодочника объяснила, что бѣглецъ поплылъ до Торуня, то въ погоню на Торунь отправили капитана Рудницкаго съ командою на почтовыхъ лошадяхъ. Себѣ на бѣду, доплывая до Торуня, Понинскій захотѣлъ закусить, вошелъ въ какую-то хатку и послалъ слугу купить водки и закуски. Рудницкій попалъ на слугу, когда тотъ возвращался съ закускою. Слуга, вѣрный своему пану, сталъ было выдумывать небылицы, но бывшіе тутъ пастухи указали ему на хатку, куда причалила лодка. Рудницкій бросился неожиданно на Понинскаго съ пистолетомъ въ рукѣ. Люди схватили бѣглеца. Рудницкій на почтовыхъ доставилъ Понинскаго въ столицу и, вмѣсто обѣщанныхъ тысячи червонцевъ, просилъ простить офицера Напюрковскаго. Говорили, будто послѣдняго напоили опіумомъ, и оттого онъ заснулъ.

Попытка бѣжать увеличила вину Понинскаго; его засадили въ зданіе казармъ коронной артиллеріи, подъ крѣпкимъ карауломъ; 9-го августа назначили надъ нимъ судную коммиссію. Понинскій хотѣлъ запутать въ дѣло другихъ и особенно Браницкаго, который, будучи соучастникомъ въ дѣйствіи Понинскаго, теперь чернилъ своего пріятеля. Братъ Понинскаго Калликстъ также явился обвинителемъ своего брата, будто изъ патріотизма; но, кажется, для того, чтобы усложнить дѣло и привлечь къ нему болѣе прикосновенныхъ. Чѣмъ болѣе судная коммиссія разбирала подробности, тѣмъ болѣе убѣждалась, что преступленіе Понинскаго раздѣляется многими. Нѣкоторые предлагали покрыть дѣло общею амнистіею; но Станиславъ Потоцкій доказывалъ, что это будетъ примѣромъ безнаказанности важнѣйшаго преступленія — государственной измѣны. Судная коммиссія устранила прикосновенныхъ отъ разбирательства дѣла и занялась судомъ исключительно надъ Понинскимъ, не смотря на ропотъ многихъ, которые справедливо указывали на неправильность такой постановки суда. Процессъ затянулся на годъ.

Однимъ изъ важнѣйшихъ дѣлъ сейма 1789 года было назначеніе, 12-го сентября, конституціонной депутаціи, которая имѣла цѣлью составить проектъ уложенія правительства для Польши и представить его сейму. Она состояла изъ одиннадцати членовъ: пять были назначены королемъ [1]), а шесть выбраны сеймомъ [2]).

---

[1]) Маршалъ литовскій Игнатій Потоцкій, каменецкій епископъ Красинскій, гетманъ литовскій Огинскій, под-канцлеръ литовскій Хребтовичъ, коронный подскарбій Коссовскій.

[2]) Послы: холмскій Суходольскій, познанскій Дзялынскій, иновроцлавскій Соко-

Во всемъ прочемъ было мало удачи. Поляки скоро сами увидѣли, что написаннаго на бумагѣ стотысячнаго войска нельзя было поставить на ноги; тѣ милліоны, которые казались достаточными для его содержанія, по дальнѣйшемъ соображеніи, едва доставали для шестидесяти тысячъ. Этимъ числомъ сеймъ и принужденъ былъ ограничиться, но и то было трудно поставить. Новые доходы далеко не достигали предполагаемыхъ цифръ и къ концу года, вмѣстѣ со старыми доходами, могли достигнуть только до тридцати восьми милліоновъ злотыхъ. На эту сумму можно было содержать только сорокъ четыре тысячи, слѣдовательно менѣе половины того числа, которое предполагалось сначала. Устройство войска зависѣло отъ войсковой коммиссіи, которая получала деньги отъ скарбовой и поэтому поводу безпрестанно входила съ нею въ недоразумѣніе и должна была за разрѣшеніемъ ихъ обращаться къ сейму; это занимало цѣлыя сеймовыя засѣданія: такимъ образомъ, и въ снаряженіи войска происходила остановка и время, драгоцѣнное для сейма, пропадало въ толкахъ о предметахъ второстепеннаго значенія.

Въ октябрѣ доложили сейму, что у солдатъ нѣтъ ни дровъ, ни свѣчъ, а у государства нѣтъ фондовъ для доставленія того въ Каменецкую крѣпость; арестанты буквально умирали отъ голода и отъ болѣзней, вслѣдствіе дурного помѣщенія. По такому докладу сеймъ предписалъ немедленно скарбовой коммиссіи доставить въ войсковую нужныя средства; но скарбовая коммиссія не могла исполнить предписанія по недостатку денегъ. Наборъ войска вербунками представлялъ невыносимую тягость для народа, давалъ поводъ къ буйствамъ и безчинствамъ: вербовщики не смѣли вторгаться въ шляхетскія имѣнія и брать обывательскихъ хлоповъ, но за то они безъ церемоніи хватали ихъ по дорогамъ и городамъ, куда тѣ пріѣзжали для продажи, или покупки; паны давали своимъ крестьянамъ билеты, по которымъ вербовщики должны были знать, что это люди панскіе и брать ихъ не слѣдуетъ. Но и это не помогало: вербовщики иногда говорили, что не знаютъ панской руки. 12-го октября, Сухоржевскій

ловскій, ливонскій Вейсенгофъ, и браславскіе: Мощенскій и Ваврженкій. Въ постановленіи объ учрежденіи этой депутаціи говорится: «Такъ какъ благосостояніе народа и слава его зависитъ отъ прочнаго правленія, а умноженіе войска и увеличеніе доходовъ безъ непзмѣнныхъ уставовъ и разлѣленіе власти магистратуръ и ихъ между собою связи могутъ сдѣлаться тяжелымъ бременемъ и нарушить внутреннее спокойствіе (которое обезпечить имѣемъ цѣлію), то мы, король, всегда въ соединеніи съ возлюбленнымъ народомъ, желая увѣнчать наши двадцатипятилѣтніе труды для отечества новыми заботами о его счастіи, вмѣстѣ съ конфедерованными чинами назначаемъ» и пр.

свидѣтельствовалъ, что изъ Великой Польши перешло въ прусскія владѣнія до 7,000 семей. Между тѣмъ, новонабранные рекруты получали дурное содержаніе и разбѣгались, а потомъ безчинствовали и грабили жителей, сами военноначальники жаловались, что набравши много рекрутъ не имѣютъ средствъ содержать ихъ и потому, потратившись на вербунку, должны ихъ распускать. Въ ноябрѣ войсковая коммиссія совсѣмъ прекратила рекрутовку по малости суммъ посылаемыхъ ей изъ скарбовой коммиссіи. Пинскій посолъ Бутримовичъ замѣтилъ, что рекрутовка не удается главнымъ образомъ отъ того, что нѣтъ правилъ, какъ паны должны поступать съ подданными и всякій налагаетъ на нихъ что хочетъ, и сколько хочетъ. На это бецкій каштелянъ Зелинскій сказалъ: «Я бы стыдился имени поляка, еслибъ не зналъ навѣрное, что въ Польшѣ нѣтъ нигдѣ угнетеній надъ крестьянами и нигдѣ паны не налагаютъ на подданныхъ болѣе того, сколько нужно!» Чрезвычайный налогъ подъ именемъ вѣкового патріотическаго пожертвованія не удавался; обыватели показывали доходовъ меньше, чѣмъ то было на самомъ дѣлѣ и, вмѣсто десяти, платили до трехъ и даже до двухъ процентовъ. Люстрація производилась фальшиво и лѣниво, посланные для собиранія свѣдѣній о доходахъ люстраторы или сговаривались съ владѣльцами и получали отъ нихъ явно фальшивыя свѣдѣнія, или же вступали съ ними въ ссоры; владѣльцы жаловались на люстраторовъ, а люстраторы на владѣльцевъ и нужно было разбирать ихъ; въ такомъ случаѣ владѣльцы, въ ожиданіи рѣшенія спора, ничего не платили. Были староства, о которыхъ всѣ знали, что они даютъ до сорока тысячъ злотыхъ дохода, а старосты показывали только десять и притомъ подъ присягою. Сеймъ назначилъ послѣдній срокъ для собранія вѣкового пожертвованія 15-го декабря, но потомъ долженъ былъ отложить его до неопредѣленнаго времени. Оказывалось, что спасеніе отечества отъ грядущихъ бѣдъ, возведеніе Рѣчи-Посполитой на высокую степень могущества и благосостоянія, все о чемъ говорили сеймовые риторы, были предметы второстепеннаго значенія для обывателей, прозябавшихъ въ своихъ имѣніяхъ среди обычныхъ пировъ и сплетень. Были добровольныя патріотическія пожертвованія отъ дворянъ; такъ Казимиръ-Несторъ Сапѣга подарилъ казнѣ 156,180 злот., которые ему слѣдовало получить за сдѣланныя издержки по военной части въ качествѣ генерала литовской артиллеріи. Но всѣ такіе проблески патріотической щедрости едва могли увеличить доходъ Рѣчи-Постолитой какими-нибудь пятью милліонами, тогда какъ дворянскихъ денегъ уходило за границу ежегодно болѣе ста милліоновъ. Духовные, вмѣсто того, чтобы показать дру-

гимъ примѣры патріотической добродѣтели, отнюдь не отличались ревностью къ пожертвованіямъ въ пользу отечества. Люди проникнутые духомъ тогдашняго либерализма выражались противъ духовенства весьма рѣзко и говорили: «два несчастія удручаютъ нашихъ бѣдныхъ хлоповъ: жидъ въ корчмѣ и ксендзъ въ костелѣ». Набожные люди старались подмѣчать разные грѣхи за тѣми, которые такъ говорили. Въ то время на сеймѣ отличался нерасположеніемъ къ духовенству сенаторъ Езерскій; его упрекали въ томъ, что онъ былъ когда-то коммиссаромъ въ имѣніяхъ бывшаго примаса Подосскаго, обкрадывалъ своего пана и такимъ образомъ нажилъ себѣ состояніе[1]). Въ октябрѣ состоялось опредѣленіе о продажѣ остававшихся въ Польшѣ имѣній тѣхъ духовныхъ, которые сами отошли по первому раздѣлу въ сосѣднія государства, и потому потребовались вѣдомости объ этихъ имѣніяхъ и принадлежащихъ къ нимъ движимыхъ имуществахъ. Постановивъ сдѣлать заемъ, хотѣли налечь на города и на городское сословіе: наложить четыре гроша со ста грошей цѣнности домовъ въ городахъ и по этому поводу обязать хозяевъ домовъ сообщить подъ присягой, что̀ стоила имъ постройка этихъ домовъ. Тогда кто-то замѣтилъ: невозможно, чтобы хозяинъ зналъ и помнилъ сколько стоилъ ему домъ, нужно, чтобы онъ сохранилъ всѣ записки во время постройки. «У меня—сказалъ Ржевускій—домъ въ городѣ, но я никакъ не въ силахъ показать, что̀ онъ мнѣ стоилъ». Варшава предлагала пожертвованія 400,000 злотыхъ, только просила за это нѣкоторыхъ льготъ и выгодъ, и между прочимъ жаловалась на евреевъ и на шляхтичей. Первые сговаривались и установляли цѣны, вторые, живя въ городахъ, не несли мѣщанскихъ повинностей, владѣя въ городской чертѣ дворовыми мѣстами, строили на нихъ шинки, пивоварни, винокурни; вели торговлю своими произведеніями и подрывали мѣщанскую промышленность. Тутъ нѣкоторые изъ пословъ, знакомые съ либеральными идеями того времени, стали заступаться за права мѣщанъ и требовали допущенія ихъ къ представительству на сеймѣ, въ особенности выступалъ защитникомъ мѣщанскихъ правъ Юліанъ Нѣмцевичъ. «Каждый гражданинъ—говорилъ онъ—долженъ участвовать въ платежѣ податей соразмѣрно выгодамъ, какія онъ получаетъ отъ государства, у насъ есть разныя отличія и преимущества для дворянства, а мѣщанамъ заграждена дорога. Съ нихъ собирается подать на войско, но мѣщанинъ не можетъ быть офицеромъ. Будемъ осторожны и

---

[1]) Его упрекали также, что онъ употребилъ свой капиталъ на постройку въ Варшавѣ публичныхъ бань въ античномъ вкусѣ, куда сходились веселые люди обоего пола.

предусмотрительны; со временемъ мѣщанинъ потребуетъ принадлежащія ему права природы, потребуетъ отъ тѣхъ, которые у него ихъ отнимаютъ». Противъ Нѣмцевича и его партіи возсталъ Суходольскій: онъ соглашался допускать мѣщанъ въ службѣ къ пріобрѣтенію офицерскихъ чиновъ, но вооружался противъ допущенія ихъ къ представительству на сеймѣ. «Я не хочу—говорилъ онъ—чтобы мѣщане были рабами, пусть имѣютъ свое представительство, но, какое: пусть представляютъ намъ свои жалобы, а чтобы допустить ихъ до чего-нибудь бо́льшаго—нужно ихъ сдѣлать прежде шляхтичами. Вспомните упадокъ Даніи съ того времени, какъ города пошли за королемъ — погибла дворянская вольность». Суходольскій требовалъ, чтобъ на Варшаву наложить 800,000 злотыхъ вмѣсто 400,000, которые она сама предлагала. Епископъ Нарушевичъ замѣчалъ, что Варшава послѣднее время чрезвычайно быстро разрослась и разбогатѣла; если начать обременять ее, то купцы и ремесленники оставятъ свои занятія, городское благосостояніе упадетъ, и этотъ упадокъ отзовется на доходахъ самой шляхты.

Всего этого было недостаточно для поправленія финансовъ. Волынскій посолъ Скаржинскій представилъ сейму разсчетъ, что на войско нужно сорокъ восемь милліоновъ, а доходовъ въ настоящее время можно ожидать не 38 милліоновъ, какъ прежде предполагали, а только 26: 16 съ короны и 10 съ Литвы — недостаетъ 22-хъ милліоновъ. Повысили пошлины съ привозныхъ винъ. Посолъ Мадалинскій подалъ проектъ установить налогъ шкурами убитаго скота. Проектъ этотъ послѣ многихъ преній прошелъ 18-го октября большинствомъ 84 голосовъ противъ 30 при 119 отсутствующихъ. (Послѣднее обстоятельство показываетъ, какъ половина пословъ мало обращала вниманія на свои обязанности). Но установивши налогъ начали толковать о разныхъ изъятіяхъ отъ этого налога; спорили, не сходились и сами замѣчали, что всѣ предполагаемыя изъятія вели только къ отягощенію убогихъ людей и къ стѣсненію промысловъ.

Процедура, которая наблюдалась въ веденіи этихъ вопросовъ, безпрестанно возбуждала жалобы и обличенія самихъ этихъ пословъ. Отложивши въ стороны дѣла важныя, общія, тратили время на то, что́ могло быть предметомъ обсужденія отдѣльныхъ коммиссій; такъ, напр., толковали объ устройствѣ войска, и цѣлыя засѣданія проходили въ преніяхъ о томъ, кого назначить генераломъ или бригадиромъ. Иногда, напр., вдругъ прекращалось важное государственное дѣло и начинались толки по поводу какого-нибудь старостваа. «Время проходитъ—говорилъ посолъ Косцялковскій—и въ томъ только наша слава, что мы бол-

таемъ. Пусть каждый справится со своей совѣстью; пусть она ему скажетъ, по какому побужденію онъ болтаетъ и для чего время протягиваетъ. О, еслибы у всѣхъ насъ вдругъ открылись сердца, какими чудовищами мы показались бы другъ другу! Проекты идутъ за проектами, голосованіе за голосованіемъ, и вотъ уже годъ прошелъ, какъ мы здѣсь засѣли и ничего еще не сдѣлали. Воленъ посолъ говорить, оттого и пускается свободно въ безбрежное море многословія, болтаетъ часъ, день, на то онъ вольный посолъ, вольно ему болтать.» «Если мы подобнымъ образомъ будемъ вести дѣла—сказалъ Северинъ Потоцкій—то всѣ наши надежды должны замѣниться отчаяніемъ». Маршалъ Малаховскій, то и дѣло, закрывалъ засѣданія рѣчью подобнаго содержанія, а для эффекта заканчивалъ рѣчь текстомъ изъ Евангелія: «весь день трудились, ничего не поймали». Многіе, подобными жалобами на всеобщую болтовню, хотѣли щегольнуть своимъ краснорѣчіемъ. Когда двухнедѣльные толки о шкурахъ надоѣли членамъ, они оставили ихъ и принялись толковать о налогѣ на табакъ, перебѣжали къ вопросу о госпиталяхъ, потомъ толковали о средствахъ вспоможенія безприданнымъ дѣвицамъ, а потомъ снова стали толковать о рекрутовкѣ и объ устройствѣ войска.

Занятія вопросомъ о войскѣ повлекли къ устройству, въ 1789 году, воеводскихъ порядковыхъ гражданско-военныхъ коммиссій изъ выбранныхъ на сеймикахъ членовъ, шестнадцати свѣтскихъ и трехъ духовныхъ, которые должны служить безъ жалованья и каждый будній день засѣдать отъ 8 часовъ утра до часу по полудни: ихъ обязанность была наблюдать за состояніемъ войска, назначать имъ квартированіе, препровождать и доставлять рекрутъ, ловить дезертировъ, разбирать недоразумѣнія между военными и гражданскими, снаряжать подводы, вести вѣдомость прихода и расхода, наблюдать за цѣнами, мѣрами и вѣсами, въ случаѣ неурожая не допускать вывоза хлѣба за границу, наблюдать надъ исправленіемъ путей сообщенія и брать пени за неисправность, охранять торговцевъ отъ притѣсненій, доносить скарбовой коммиссіи о состояніи промысловъ, извѣщать о вакантныхъ староствахъ, о пожарахъ, о новыхъ слободахъ и вообще о всѣхъ замѣчательныхъ происшествіяхъ, побуждать заводить школы для бѣдной шляхты, учреждать госпитали и вообще наблюдать за дѣлами милосердія. На содержаніе коммиссіи, со всѣхъ платящихъ патріотическое пожертвованіе десятаго гроша, шло по одному шелягу. Это былъ опытъ веденія правильной полиціи въ государствѣ. Относительно комплекта войска, остановились на числѣ шестидесяти пяти тысячъ. Рекрутъ положили поставить съ

домовъ, съ обязанностью службы на шесть лѣтъ и съ платежемъ поставщиками рекрутскихъ денегъ. Шляхетство старалось, какъ можно болѣе, выгородить свои наслѣдственныя имѣнія. Такимъ образомъ, когда въ имѣніяхъ духовныхъ и въ королевщинахъ постановили давать одного рекрута съ пятидесяти дымовъ, въ наслѣдственныхъ положено давать одного со ста дымовъ.

По поводу затронутаго вопроса о городахъ, обратилъ на себя вниманіе замѣчательный человѣкъ своего времени, варшавскій президентъ городского совѣта Декертъ. Онъ не хотѣлъ, подобно другимъ, въ своемъ положеніи и съ своимъ богатствомъ, добиваться разными происками шляхетскаго достоинства, какъ дѣлали другіе, хотя это и было ему легко: дочь его была за дворяниномъ и сынъ служилъ офицеромъ въ прусской службѣ. Онъ твердилъ своимъ братьямъ-мѣщанамъ, что слѣдуетъ не по одиночкѣ проскакивать въ шляхетство, а, оставаясь въ мѣщанствѣ, добиваться политическихъ правъ для всего сословія. При помощи пріятеля своего Коллонтая, сносился черезъ агентовъ съ разными городами и убѣдилъ прислать разомъ депутацію въ Варшаву и подать на сеймъ коллективную просьбу отъ всего городского сословія въ Польшѣ. На челѣ этихъ прибывшихъ депутатовъ былъ самъ Декертъ. Мимо канцлера, который издавна наблюдалъ надъ городскими дѣлами въ Польшѣ, 17 декабря 1789, онъ подалъ на сеймъ записку, изложилъ очень обстоятельно исторію городовъ, доказалъ документами, что въ старину мѣщане наравнѣ со шляхтою принимали участіе въ законодательствѣ и избраніи королей, что шляхта могла быть мѣщанами, не теряя шляхетскаго достоинства, какъ сдѣлалось послѣ, что мѣщане имѣли право покупать шляхетскія имѣнія, что въ судѣ они пользовались такими же правами какъ шляхтичи, что однимъ, словомъ, мѣщанство встарину было вполнѣ свободнымъ сословіемъ и теперь просило о возвращеніи древнихъ правъ. Это явленіе поразило, какъ громомъ, консерваторовъ. Болѣе всего озлился на города и въ особенности на Декерта канцлеръ Малаховскій. Поступокъ этотъ онъ считалъ личною для себя обидою; мало того, что Декертъ мимо канцлера подалъ на сеймъ записку, онъ еще въ ней отзывался неблагопріятно о канцлерскихъ судахъ. Притомъ въ просьбѣ былъ намекъ на событія, происходившія во Франціи: «до нашихъ ушей — было сказано — доходятъ слухи объ иноземныхъ смутахъ. Невольникъ разрываетъ свои цѣпи, когда властвующій надъ нимъ попираетъ права человѣка и гражданина. Но мы хотимъ оставаться въ вѣрности Рѣчи-Посполитой и вдохновляемые этимъ желаніемъ, будемъ соразмѣрять съ нимъ наши поступки». — На сеймѣ стали толковать эти слова какъ угрозу,

понимали, что авторъ просьбы хочетъ испугать сеймъ опасеніемъ, чтобы и польскіе мѣщане въ случаѣ отказа не надѣлали того, что произошло во Франціи. Даже наружность, съ какою явились мѣщанскіе депутаты на сеймъ, перетолковали въ другую сторону. Сообразно древнему обычаю, представители городовъ были въ черной нѣмецкой одеждѣ и при оружіи. «Что значитъ этотъ черный нарядъ — говорили тогда на сеймѣ. Этимъ они хотятъ дать намъ понять, что если мы не удовлетворимъ ихъ просьбѣ, то насъ ожидаютъ печальныя послѣдствія». Консерваторы не только не хотѣли дать мѣщанамъ такихъ правъ, какихъ послѣдніе домогались, но даже не позволяли имъ чинить у себя раскладку налоговъ, изъ опасенія, что мѣщане станутъ отягощать шляхетскіе домы, построенные въ городахъ. Одинъ только польскій городъ не пошелъ по призыву Декерта, это былъ Краковъ: онъ подалъ особую отъ себя записку совсѣмъ въ другомъ духѣ, не добивался равенства со шляхтою, а просилъ только мѣстныхъ льготъ; самая записка была подана не прямо на сеймъ, а канцлеру. Консерваторы, по наущенію канцлера, домогались, чтобы записка Кракова была прочитана на сеймѣ, а коллективная записка Варшавы и другихъ городовъ отослана къ канцлеру. «Поступить такъ — говорилъ Станиславъ Потоцкій — значитъ дать предпочтеніе средневѣковымъ привилегіямъ передъ требованіями вѣка. Я хвалю Краковъ за его вѣрность, но люблю болѣе его человѣчество; хвалю Краковъ, но зачѣмъ же бросать подозрѣніе на другіе города? У Кракова есть свои привилегіи; но и у другихъ городовъ есть свои. Я не изъявляю желанія допускать мѣщанъ къ участію въ законодательствѣ и къ равенству со шляхтою, но требую законнаго, чтобы просьба городовъ была передана въ конституціонную депутацію, а не канцлеру». За города говорилъ брестскій посолъ Матушевичъ и другіе послы прогрессисты. Іоакимъ Хребтовичъ, указавъ на связь между интересами шляхетства и благосостояніемъ городовъ, далъ дѣлу такой оборотъ: «старые короли наши давали привилегіи городамъ по одиночкѣ — и они процвѣтали. Сдѣлаемъ для всѣхъ городовъ разомъ то, что дѣлали эти короли, и вы увидите, какъ города разольютъ богатство во всемъ краѣ.» Самъ король былъ за города. Консерваторы, чтобъ заглушить дѣло, начали подавать разомъ множество проектовъ: одинъ совался съ проектомъ коммиссаріата, другіе съ производствами въ чины, и, такимъ образомъ, старались оттѣснить городской вопросъ. Ограничились тѣмъ, что 19 декабря назначили депутаціи для разсмотрѣнія всѣхъ актовъ и привилегій городовъ. Эти депутаціи были подъ предсѣдательствомъ канцлера. Это значило — отложить дѣло въ дальній ящикъ.

VI [1]).

Маркизъ Люккезини.—Первыя основы будущей конституціи.

Выступилъ на сцену человѣкъ, игравшій одну изъ главныхъ ролей въ польской трагедіи: это былъ маркизъ Джероламо Люккезини, прусскій посланникъ въ Варшавѣ, замѣстившій въ 1789 году отозваннаго Бухгольца. Этотъ итальянецъ началъ свою карьеру при Фридрихѣ II его домашнимъ библіотекаремъ, скоро обратилъ вниманіе короля своими дарованіями и свѣдѣніями и сдѣланъ камергеромъ. Его таланты открыли ему путь къ дипломатическому поприщу. Трудно было найти другую личность, которая въ такой степени могла обворожить поляковъ и овладѣть ихъ умами. Это былъ человѣкъ столько же глубокій, сколько остроумный, разносторонно образованный, привлекательный въ пріемахъ, любезный въ обращеніи, вкрадчивый и вмѣстѣ скрытный, умѣвшій понимать съ перваго разу людей, замѣчать ихъ слабыя стороны и направлять къ своимъ видамъ, лгать и обманывать съ видимымъ подобіемъ истины и простодушія, и неуклонно стремившійся всѣми возможными путями къ заданной цѣли. Это былъ дипломатъ по идеалу Маккіавели: особенно онъ кажется такимъ въ сношеніяхъ съ легковѣрнымъ польскимъ обществомъ. Тотчасъ по пріѣздѣ онъ сдѣлалъ визиты всѣмъ членамъ сейма и всѣмъ умѣлъ понравиться, а нѣкоторыхъ съ перваго разу приковалъ къ себѣ. Вся прусская партія прильнула къ нему. Онъ увѣрялъ поляковъ въ добромъ расположеніи прусскаго короля, доказывалъ, что польза Пруссіи требуетъ возрожденія Польши, побуждалъ скорѣе вести и кончать дѣло реформы, но въ то же время заявлялъ, что Пруссія воздерживается отъ всякаго прямого вмѣшательства во внутреннія дѣла Польши. Этимъ замѣчаніемъ онъ еще болѣе располагалъ поляковъ къ себѣ, потому что льстилъ ихъ самолюбію. Онъ показывалъ себя отъявленнымъ врагомъ Россіи, говорилъ, что москали извѣчные враги полякамъ, а Пруссія ихъ вѣрная и неизмѣнная союзница. Пруссію побуждаетъ желать устройства Польши то, что она надѣется вести съ нею выгодную торговлю; если Польша достигнетъ цвѣтущаго состоянія, то будетъ доставлять Пруссіи тѣ произведенія, какія теперь доставляетъ Россія, слѣдовательно Польша обогатѣетъ и подымется, а Россія упадетъ. Поэтому Пруссія желаетъ прежде всего заключить съ Польшей торговый договоръ и предоставить ей значительныя

[1]) См. Источ. №№ I. 21, 4—8, 18, 26, 47, 78, 110, 104. Проток. сейма, хранящ. въ Лит. Метрикѣ.

торговыя выгоды; за это Польша должна уступить Пруссіи два города: Гданскъ и Торунь. Уступка эта не будетъ потерею для Польши, а напротивъ выигрышемъ: теперь Пруссія беретъ огромныя пошлины съ польской торговли, а тогда сложитъ ихъ. Такова была теорія соглашенія съ Пруссіей, которая должна была предшествовать тѣснѣйшему политическому союзу. Люккезини объявлялъ полякамъ, что берлинскій дворъ не прежде войдетъ съ Рѣчью-Посполитой въ тѣсный союзъ, какъ тогда, когда Польша установитъ у себя новое законодательство на твердыхъ началахъ и прочный порядокъ: Пруссія должна знать, съ кѣмъ будетъ имѣть дѣло и въ какой степени Польша можетъ оградить себя отъ Россіи на будущее время. Казимиръ-Несторъ Сапѣга, переговариваясь съ Люккезини, настаивалъ, напротивъ, чтобы скорѣе былъ заключенъ политическій договоръ съ Пруссіею, ибо тогда дѣло внутренней реформы пойдетъ скорѣе. Другіе паны прусской партіи представляли Люккезини, что республиканское правленіе было до сихъ поръ источникомъ золъ, и что ихъ намѣреніе—передѣлать Польшу въ конституціонную монархію съ наслѣдственнымъ правленіемъ. Они дѣлали предложеніе вручить по смерти Станислава-Августа саксонскому князю-избирателю. Люккезини говорилъ, что его король оправдываетъ выборъ саксонскаго князя-избирателя; что же касается до наслѣдственности правленія, то въ этомъ прусскій король не станетъ препятствовать, но впередъ обращаетъ вниманіе на то, что такая перемѣна возбудитъ противъ Польши императорскіе дворы и въ самой странѣ произведетъ усобицы, потому что много есть нежелающихъ измѣнить древнее правленіе. Это, однако, говорилось только въ видѣ совѣта: поляки имѣютъ полное право дѣлать какія угодно измѣненія; нужно только поскорѣе установить новый внутренній порядокъ. Англійскій министръ Гэльсъ также вмѣстѣ съ Люккезини подстрекалъ поляковъ къ дѣятельности, возбуждалъ противъ Россіи и совѣтовалъ скорѣе сдѣлать коренной переворотъ въ правленіи. Подъ вліяніемъ этихъ подстрекательствъ конституціонная депутація принялась дѣятельнѣе работать надъ проектомъ. Въ ней, кромѣ упомянутыхъ выше одиннадцати членовъ, заправлялъ работами Коллонтай, котораго Игнатій Потоцкій пригласилъ въ депутацію.

Десятаго декабря 1789 года Игнатій Потоцкій произнесъ на сеймѣ вступительную рѣчь, извѣстилъ объ окончаніи работъ депутаціи. Онъ разсыпался въ восторженныхъ похвалахъ прусскому королю и возвѣщалъ, что новый порядокъ устанавливается подъ его покровительствомъ и вліяніемъ. «По волѣ Провидѣнія—говорилъ онъ—могучій сосѣдъ подаетъ намъ помощь въ эпоху потрясенія нашего законодательства, побуждаетъ насъ укрѣпить

наше бытіе національной конституціей. Онъ намъ не говоритъ: я вамъ помогу составить законы и предложу ихъ вамъ, мои министры будутъ вліять на васъ. Нѣтъ. Онъ намъ говоритъ: вы видите у меня порядокъ и крѣпость; желаніе мое таково, чтобы и у васъ было тоже. Одни вы можете устроить свое дѣло, а мнѣ надлежитъ смотрѣть, будетъ ли оно прочно.» Составители проекта не смѣли оффиціально внести въ него мысли о престолонаслѣдіи; тѣмъ болѣе, что и въ самой депутаціи были люди несогласные на такую важную государственную перемѣну. Но прежде подачи проекта на сеймѣ уже знали, что въ депутаціи были хотѣвшіе наслѣдственности престола и потому заранѣе получили предъубѣжденіе противъ того, что̀ подастъ эта депутація. Хотѣли подъ разными предлогами отложить чтеніе проекта, въ особенности потому, что много членовъ сейма разъѣхались; но настойчивость прусскаго посланника подвигала членовъ къ дѣлу. Боявшихся монархизма Люккезини увѣрялъ, что прусскій король ни въ какомъ случаѣ не допуститъ до этого и доказывалъ, что и безъ монархизма можетъ состояться новая конституція, которая дастъ Польшѣ крѣпость и силу; онъ обѣщалъ союзъ и дружбу Пруссіи, съ условіемъ коренной перемѣны въ правленіи Польши и установленія въ ней прочнаго порядка.

16-го декабря 1789 года проектъ былъ прочитанъ. Онъ заключалъ восемь пунктовъ. Въ первомъ въ общихъ чертахъ излагались главныя права націи, которыя состояли въ слѣдующемъ: a) сочинять законы и подчиняться только тѣмъ изъ нихъ, которыя установитъ сама Рѣчь-Посполитая; b) заключать съ иностранными державами договоры и вести войны; c) разбирать дѣйствія исполнительныхъ властей; d) избирать короля, и непремѣнно римско-католической религіи; e) избирать лица въ тѣ общественныя должности, которыя признавались и впередъ будутъ признаваться избирательными. Во второмъ пунктѣ говорится о томъ, что нація свои права и власть выражаетъ сеймиками, на которыхъ лица шляхетскаго происхожденія, владѣющія имѣніями и ихъ взрослые сыновья, избираютъ пословъ на сеймъ и даютъ имъ инструкціи и желанія (desideria) относительно своихъ воеводствъ, земель и повѣтовъ. Въ третьемъ говорится: чтобъ власть Рѣчи-Посполитой могла всегда наблюдать и дѣйствовать, сеймъ долженъ быть составленъ на двухлѣтній срокъ, а именно: по истеченіи срока, назначеннаго для ординарной сеймовой дѣятельности, послы возвращаются домой и на реляційныхъ сеймикахъ даютъ отчетъ о своей дѣятельности; эти послы на такихъ сеймикахъ или могутъ быть утверждены въ своемъ званіи на дальнѣйшее время, или перемѣнены другими, такъ что во всякомъ случаѣ въ государствѣ остается постоянно «готовый» сеймъ, съ

верховною законодательною и учредительною властью и можетъ быть созванъ, но только въ крайнихъ нуждахъ и обстоятельствахъ Рѣчи-Посполитой, а именно: a) въ обстоятельствахъ не терпящихъ отлагательства, касающихся народныхъ правъ, особенно по поводу происходящей по сосѣдству съ Польшею войны; b) по поводу внутреннихъ безпорядковъ и столкновеній между магистратурами; c) въ случаѣ опасности голода; d) въ случаѣ смерти короля или опасной его болѣзни и, въ первомъ случаѣ, онъ заступаетъ мѣсто конвокаціонныхъ сеймовъ безъ законодательной власти, не вдаваясь въ права, принадлежащія элекційнымъ сеймамъ. Приговоры этого сейма не входятъ въ кодексъ законовъ и обязательны только до тѣхъ поръ, пока слѣдующій сеймъ ихъ не уничтожитъ. Въ четвертомъ и пятомъ говорится о способѣ голосованія: въ предметахъ, касающихся коренныхъ правъ необходимо единогласіе, въ предметахъ касающихся договоровъ о мирѣ и войнѣ—три части голосовъ, а при выборѣ въ должности и проч. будутъ руководствоваться правилами, которыя укажутся въ будущей конституціи. Въ шестомъ и седьмомъ говорится о верховныхъ магистратурахъ; судопроизводство поручается трибуналу и судамъ, а верховная исполнительная власть королю и учреждаемому при немъ совѣту, подъ названіемъ «стражи», котораго члены не входятъ въ составъ сейма; верховный судъ надъ ними, какъ и вообще надъ государственными преступленіями принадлежитъ сеймовому суду; наконецъ было сказано, что впредь никакимъ образомъ не допускаются конфедераціи.

Этотъ проектъ, составленный, какъ ясно видно, по указанію писемъ Коллонтая къ Малаховскому, не измѣнялъ, какъ нѣкоторые боялись, существеннаго содержанія республиканскаго строя и избирательнаго правленія, а все-таки возбудилъ противъ себя тѣхъ, которые дрожали за шляхетскія преимущества. Ихъ соблазняло то, что право участія на сеймикахъ предоставлялось только шляхтичамъ, владѣвшимъ имѣніями, а не безземельнымъ; слѣдовательно—одно шляхетское званіе не сообщало всѣхъ политическихъ правъ. Отсюда вытекало, что эти права принадлежали не только благородному сословію, но и матеріальному благосостоянію, а отъ этого уже казалось недалекимъ, что современемъ благосостояніе, безъ шляхетскаго званія, будетъ давать право и, такимъ образомъ, шляхетское званіе падетъ. Суходольскій, за нимъ Казимиръ-Несторъ Сапѣга и Валевскій начали говорить противъ этого длинныя рѣчи. Другіе паны, за ними, дѣлали свои неблагопріятныя замѣчанія. Сеймовый маршалъ, самъ сторонникъ проекта, чтобы не допустить на сеймѣ лишнихъ толковъ, замѣтилъ, что коль скоро существуетъ конститу-

ціонная депутація для составленія формы правленія, то всѣ поправки и добавки члены сейма могутъ сообщать депутаціи, не теряя времени въ толкахъ и преніяхъ объ этомъ въ сеймовой Избѣ. Тогда противъ маршала поднялись голоса, во имя шляхетской свободы; ему напоминали, что нельзя удерживатьословъ свободной націи отъ заявленія мнѣній. Другіе послы думали повредить проведенію проекта тѣмъ, что подавали проекты о другихъ второстепенныхъ вопросахъ: тотъ объ устройствѣ коммиссаріата, другой о порядкѣ производства въ чины, третьи о трибуналахъ и т. д. Но потомъ все-таки перешли къ проекту, поданному сеймовою депутаціею. За право участія на сеймикахъ безземельной шляхты стоялъ Браницкій съ своею многочисленною партіею. Его противники видѣли въ этомъ московскую интригу и соображали, что, если допустить безземельную шляхту на сеймики, то магнаты, служащіе Россіи, будутъ подбирать промотавшихся, развращенныхъ, лѣнивыхъ, всякое отребіе въ шляхетскомъ сословіи, чтобъ защищать и проводить такія постановленія, которыя будутъ выгодны ихъ честолюбивымъ и корыстнымъ побужденіямъ въ ущербъ общимъ желаніямъ и потребностямъ. «Если мы — говорилъ Станиславъ Потоцкій — не удалимъ безземельныхъ отъ участія на сеймикахъ, то у насъ повторится рѣпнинскій сеймъ».

«Да и что за польза бѣдной шляхтѣ ходить по сеймикамъ — говорилъ Анквичъ? Вѣдь она тамъ только получаетъ побои и портитъ здоровье, а въ домѣ у нея въ дѣлахъ остановка.»

Прошло нѣсколько засѣданій въ такихъ толкахъ; они были бурны и, въ одномъ изъ нихъ, патріоты грозили выбросить изъ Избы своихъ противниковъ. Король ушелъ изъ собранія и не являлся на другой день. Наконецъ, 30 декабря, большинство порѣшило принять проектъ конституціонной депутаціи и не допускать на сеймики иной шляхты, кромѣ владѣющей имѣніями. Партія Браницкаго и вообще защитниковъ шляхты была побѣждена. Послѣ этого засѣданія сеймъ былъ отложенъ до восьмого февраля.

Въ заключеніе маршалы сейма извѣстили націю универсаломъ по воеводствамъ; расхваливались подвиги сейма: освобожденіе Польши изъ-подъ гарантіи, возвращеніе ей независимости, уничтоженіе постояннаго совѣта, созданіе арміи. При этомъ давалось націи знать, что дѣла сейма заслужили вниманіе и одобреніе прусскаго короля, наилучшаго друга и благодѣтеля польскаго народа; прибавляли, что и Оттоманская порта съ большой похвалой отзывается о дѣлахъ польскаго сейма.

Н. Костомаровъ.

ПѢСНЯ

о

ТРЕХЪ ПОБОИЩАХЪ.

1.

Сердито вздымалися воды Днѣпра,
Надъ Кіевомъ тучи гремѣли,
Ярилася буря всю ночь до утра—
Княгиня вскочила съ постели.

2.

Вскочила княгиня въ испугѣ отъ сна,
Волосъ не заплетши, умылась,
Пришла къ Изяславу, отъ страха блѣдна:
— Мнѣ, княже, недоброе снилось!

3.

— Мнѣ снилось: отъ берега Норской земли,
Гдѣ плещутъ варяжскія волны,
На саксовъ готовятся плыть корабли,
Варяжскими гриднями полны.

4.

— То сватъ нашъ Гаральдъ собирается плыть,
Храни его Богъ отъ напасти!
Мнѣ видѣлось: вороновъ черная нить
Усѣлася съ крикомъ на снасти;

5.

— И бабище будто на камнѣ сидитъ,
Считаетъ суда и смѣется:
«Плывите, плывите! она говоритъ,
«Назадъ ни одно не вернется!

6.

«Варяга Гаральда ужъ въ Англіи ждетъ
«Саксонецъ Гаральдъ, его тёзка,
«Червонаго меду онъ вамъ поднесетъ
«И спать васъ уложитъ онъ жёстко!

7.

— И далѣ мнѣ снилось: у берега тамъ,
У норской у пристани главной,
Сидитъ, волоса раскидавъ по плечамъ,
Золовка сидитъ Ярославна;

8.

Глядитъ она вдаль какъ плывутъ паруса
Съ Гаральдовой силою ратной,
И плачетъ, и рветъ на себѣ волоса,
И кличетъ Гаральда обратно....

9.

— Проснулася я — и доселѣ вдали
Все карканье вороновъ внемлю —
Прошу тебя, княже, скорѣе пошли
Провѣдать въ норвежскую землю!

10.

И только княгиня домолвила рѣчь,
Невѣстка ихъ, Гида, вбѣжала,
Жемчужная бармица падаетъ съ плечъ,
Забыла надѣть покрывало.

11.

— Князь-батюшка, деверь, испугана я!
Когда-бы бѣды не случилось!
Княгиня-невѣстушка, лебедь моя,
Мнѣ ночесь недоброе снилось!

12.

— Мнѣ снилось отъ берега франкской земли,
Гдѣ плещутъ нормандскія волны,
На саксовъ готовятся плыть корабли,
Нормандіи рыцарей полны.

13.

— То герцогъ Вильгельмъ собирается плыть,
Я будто слова его внемлю:
Онъ хочетъ отца моего погубить,
Присвоить себѣ его землю!

14.

— И бабище злое бодритъ его рать
И молвитъ: «Я вороновъ стаю
«Прикликаю саксовъ заутра клевать,
«И вѣтру я вамъ намахаю!

15.

— И пологомъ стала махать на суда,
На каждомъ вѣтрило надулось,
И двинулась всѣхъ кораблей череда —
И тутъ я въ испугѣ проснулась.

16.

И Гида еще не домолвила рѣчь,
Бѣжитъ, запыхался гриденъ:
— Бери, государь, поскорѣе свой мечъ,
Тамъ ворогъ подъ Кіевомъ виденъ!

17.

— На вышкѣ я тамъ, за рѣкою, стоялъ,
Стоялъ на слуху я, на стражѣ,
Я многія тысячи ихъ насчиталъ —
То близятся половцы, княже!

18.

На бой Изяславъ созываетъ сыновъ,
Скликаетъ онъ братьевъ на сѣчу,
Онъ трубитъ къ дружинѣ — ему не до сновъ —
Онъ половцамъ ѣдетъ на встрѣчу....

19.

По синему морю клубится туманъ,
И солнцу сіять онъ мѣшаетъ,
Изъ разныхъ слетаются вороны странъ,
Другъ друга они вопрошаютъ:

20.

— Откуда летишь ты? Повѣдай-ка намъ!
— Лечу я отъ города Йорка,
На битву обоихъ Гаральдовъ я тамъ
Смотрѣлъ изъ-поднебесья зорко.

21.

— Саксонца былъ выше варягъ головой,
Чернѣла какъ туча кольчуга,
Свистѣлъ межъ рядами топоръ боевой,
Какъ въ листьяхъ осенняя вьюга.

22.

— Копнами валилъ онъ тѣла на тѣла,
Кровь до-моря съ поля струилась,
Пока, провизжавъ, не примчалась стрѣла
И въ горло ему не вонзилась.

23.

— Упалъ онъ, почуя предсмертную тьму,
Упалъ онъ, какъ пьяный на брашно,
Хотѣлъ я спуститься на темя ему,
Но очи глядѣли такъ страшно!

24.

— И долго надъ мѣстомъ кружился я тѣмъ,
И поздней дождался я ночи,
И, каркая, сѣлъ я Гаральду на шлемъ,
И выклевалъ грозныя очи!

25.

По синему морю клубится туманъ,
Слетаются вороны снова:
— Откуда летишь ты? — Я, кровію пьянъ,
Съ Гастингскаго поля большого!

26.

— Тамъ герцогъ Вильгельмъ одолѣлъ короля,
Лежитъ тамъ саксонецъ, убитый,
Пируютъ враги, его землю дѣля,
И мы пировали тамъ сыто!

27.

— Отъ Йорка шла гордо саксонская рать!
Теперь они смирны и тихи,
И тѣло Гаральда не могутъ сыскать
Межъ труповъ бродящіе мнихи.

28.

— Но смѣтилъ я мѣсто, гдѣ на-земь онъ палъ,
И битва когда отшумѣла,
И мѣсяцъ, какъ щитъ, надъ побоищемъ всталъ,
Я сѣлъ на Гаральдово тѣло.

29.

— Недвижныя были черты хороши,
Нахмурены гордыя брови;
Любуясь на нихъ, я до жадной души
Напился Гаральдовой крови!

30.

По синему морю клубится туманъ,
И солнцу сіять онъ мѣшаетъ,
Со враномъ слетается съизнова вранъ,
Слетаяся, такъ вопрошаетъ:

31.

— Откуда летишь ты?—Изъ русской земли!
Я былъ на пиру въ Заднѣпровьи,
Тамъ всѣ Изяслава полки полегли,
Все поле упитано кровью!

32.

— Съ разсвѣтомъ на половцевъ князь Изяславъ
Тамъ въѣхалъ, грозенъ и злобенъ,
Свой мечъ двоеручный высоко подъявъ,
Святому Георгью подобенъ.

33.

— Но къ ночи, руками за гриву держась,
Конемъ увлекаемый съ бою,
Ужъ по̀-полю мчался израненый князь,
Съ закинутой на̀взничь главою.

34.

— И, каркая, долго летѣлъ я надъ нимъ,
И ждалъ, чтобъ онъ на-земь свалился,
Но былъ онъ, должно-быть, судьбою хранимъ,
Иль Богу, скача, помолился.

35.

— Упалъ лишь надъ самымъ Днѣпромъ онъ съ коня
Въ ладью рыбаки его взяли,
А я полетѣлъ, неудачу кляня,
Туда, гдѣ другіе лежали!

36.

Поютъ во Софійскомъ соборѣ попы,
По князѣ идетъ панихида,
Рыдаетъ княгиня средь плача толпы,
Рыдаетъ Гаральдовна Гида,

37.

Рыдаетъ съ обѣими, громко стеня,
Гаральда вдова Ярославна,
Рыдаетъ:—О горе, на вѣки меня
Покинулъ Гаральдъ мой державный!

38.

И Гида рыдаетъ:—О горе, убитъ
Отецъ мой, норманомъ сражённый!
Въ плѣну его веси, и взяты на щитъ
Саксонскія дѣвы и жены!

39.

Рыдаетъ княгиня:—О князь Изяславъ!
Въ неравномъ посѣченъ ты спорѣ!
Побѣды обычной въ бою не стяжавъ,
Погибъ ты, о горе, о горе!

40.

Печерскіе иноки, выстроясь въ рядъ,
Протяжно поютъ: — Аллилуя!
А братья княжіе другъ друга корятъ —
И жадные вороны съ кровель глядятъ,
Усобицу близкую чуя.....

Гр. А. К. Толстой.

ИТАЛІЯ

и

МАЦЦИНИ

(1808—1868).

Life and Writings of J. Mazzini. London. 1864—1868.
Histoire politique des papes, p. Lanfrey. Paris. 1868.
Geschichte Italien's v. Reuchlin. Leipzig. 1860. — Von Achtundvierzig bis Einundfünfzig v. *I. Scherr.* Leipzig. 1868.
Die nationale Presse in Italien und die Kunst der Rebellen v. Cironi, übers. v. Assing. Leipzig. 1863.

IX *).

Не довольствуясь одною печатною пропагандою, Маццини, очень скоро послѣ основанія имъ «Юной Италіи», видя всеобщее недовольство и постоянно увеличивающееся число членовъ новаго политическаго общества, задумалъ произвести въ Италіи вооруженное возстаніе. Возстаніе должно было вспыхнуть разомъ во многихъ мѣстахъ; сигналъ должно было дать вступленіе въ Савойю итальянскихъ эмигрантовъ вмѣстѣ съ иностранными волонтерами. Комитету, составленному изъ представителей всѣхъ итальянскихъ областей, предполагалось поручить управленіе до

*) См. выше, янв. 175; февр. 759—783 стр.

совершеннаго изгнанія австрійцевъ; затѣмъ національное собраніе, въ Римѣ, избранное посредствомъ всеобщей и прямой подачи голосовъ, должно было рѣшить дальнѣйшую судьбу Италіи. Маццини и его друзья считали выгоднымъ начать революціонное движеніе съ Пьемонта потому, что надѣялись привлечь на свою сторону его хорошо организованную и дисциплинированную армію и матеріальныя средства, а также занять два важные, въ стратегическомъ отношеніи, пункта—Алессандрію и Геную, гдѣ было довольно много лицъ, сочувствовавшихъ революціоннымъ замысламъ Маццини. Въ піемонтской арміи, въ это время, было уже значительное число членовъ «Юной Италіи», между солдатами и молодыми офицерами; даже нѣкоторые изъ генераловъ обѣщали перейти на сторону революціонеровъ, лишь только опредѣлится вѣроятность успѣха ихъ предпріятія. Кромѣ того Маццини, войдя въ сношеніе съ Каваньякомъ и Каррелемъ, разсчитывалъ на поддержку со стороны ліонскихъ рабочихъ, въ средѣ которыхъ также подготовлялось возстаніе. Но всѣ эти приготовленія и переговоры дѣлались слишкомъ неосторожно; собраніе главнѣйшихъ дѣятелей «Юной Италіи», происходившее въ мартѣ 1833 года въ небольшомъ швейцарскомъ городкѣ, Локарно, на которомъ обсуждался вопросъ о томъ, когда слѣдуетъ начать дѣйствія, и наконецъ ссора двухъ сардинскихъ солдатъ, окончившаяся доносомъ одного изъ нихъ на другого, принадлежавшаго къ «Юной Италіи», указали піемонтскому правительству опасность, ему угрожавшую. Вслѣдъ за принятіемъ съ его стороны жестокихъ мѣръ противъ распространенія «Юной Италіи» и арестомъ множества подозрительныхъ лицъ, переполнившихъ тюрьмы Алессандріи и Турина, стало уменьшаться и число людей, на открытую поддержку которыхъ могли разсчитывать революціонеры.

Друзья Маццини и онъ самъ полагали однако, что дѣйствовать необходимо немедленно; они боялись медлительности и нерѣшительности, видя въ этомъ главнѣйшую причину неудачи прежнихъ заговоровъ, направленныхъ къ возрожденію Италіи. Кромѣ того, быстрое дѣйствіе представляло и вѣроятность успѣха. Большая часть сторонниковъ «Юной Италіи» оставалась еще неоткрытыми; партія Маццини, хотя—нерѣшительная и обезкураженная, все же оставалась еще сильною своею численностью, и первая дружная попытка могла придать ей новыя силы. Ужасъ и негодованіе, возбужденныя жестокостями правительствъ, были такъ сильны, что дѣлали вѣроятнымъ возстаніе на всемъ полуостровѣ. Всѣ эти надежды Маццини и его друзей раздѣлялъ и Гарибальди, не задолго передъ тѣмъ познакомившійся съ Маццини и поступившій въ число членовъ «Юной Италіи».

Итакъ, рѣшено было дѣйствовать, и Маццини переѣхалъ въ Женеву. Правительство Женевы вовсе не сочувствовало вооруженному вторженію въ сосѣднюю страну, но личное знакомство Маццини съ вліятельнѣйшими гражданами кантона, мѣшало принять какія-либо репрессивныя мѣры противъ готовившагося предпріятія; къ тому же предполагалось, что послѣдствіемъ возстанія въ Савойѣ будетъ присоединеніе ея къ швейцарскому союзу.

Въ это же время обстоятельства привели въ Женеву многихъ германскихъ и польскихъ изгнанниковъ, и Маццини предлагалъ соединить дѣло Италіи съ дѣломъ другихъ націй, и положить основаніе «Юной Европѣ», на тѣхъ же началахъ, на которыхъ существовала «Юная Италія».

Германскіе и польскіе эмигранты охотно приняли участіе въ готовившейся экспедиціи. Образовались комитеты, составлявшіе планъ и организацію возстанія, были получены и деньги отъ одного богатаго ломбардца; все, повидимому, шло удачно. Но многіе вліятельные члены «Юной Италіи» считали невозможнымъ поручить начальство надъ революціонными отрядами Маццини; они непремѣнно желали поставить предводителемъ человѣка опытнаго въ военномъ дѣлѣ, и выборъ ихъ палъ на генерала Раморино, сторонника князя Чарторыскаго и польской аристократической партіи, котораго не задолго передъ тѣмъ, во время польскаго возстанія, посылалъ въ Варшаву парижскій «Комитетъ друзей Польши». Маццини сначала старался противодѣйствовать этому выбору, зная Раморино вовсе не съ выгодной стороны, но потомъ долженъ былъ уступить и вошелъ въ нимъ въ переговоры.

Раморино, узнавъ планы заговорщиковъ, согласился принять на себя начальство. Рѣшено было раздѣлить силы на два отряда: одинъ долженъ былъ отправиться изъ Женевы, и Маццини было поручено организовать его, другой, который взялся устроить Раморино, долженъ былъ двинуться изъ Ліона, гдѣ, по его словамъ, онъ пользовался вліяніемъ. Онъ взялъ 40,000 франковъ на это дѣло и уѣхалъ въ Ліонъ, назначивъ октябрь 1833 года для открытія дѣйствій. Въ октябрѣ отрядъ Маццини былъ готовъ; но отъ Раморино не получалось никакихъ извѣстій; знали только, что онъ изъ Ліона уѣхалъ въ Парижъ. Послѣ продолжительныхъ ожиданій и переговоровъ, Раморино написалъ, что нужно отсрочить предпріятіе до ноября, но и ноябрь прошелъ, а ліонскаго отряда все не было. Наконецъ, въ декабрѣ, Раморино увѣдомилъ, что не можетъ собрать и ста человѣкъ, вмѣсто тысячи, что полиція провѣдала объ его намѣреніяхъ и что за вся-

кимъ шагомъ его наблюдаютъ. Изъ 40,000 франковъ онъ возвратилъ Маццини всего 10,000.

Между тѣмъ удобное время уходило. Въ Италіи партія Маццини уменьшалась и падала духомъ. Распоряженія, дѣлавшіяся за границей между сотнями людей различныхъ націй, не могли долго оставаться неизвѣстными. Полицейскіе агенты со всѣхъ сторонъ явились въ Женеву; итальянскія правительства требовали у женевскихъ властей удаленія изгнанниковъ изъ кантона; собранныя передъ тѣмъ деньги тратились на пособія эмигрантамъ, не пріискавшимъ себѣ занятій; французское правительство предлагало польскимъ выходцамъ паспорты и деньги, чтобы только они вернулись во Францію.

Въ довершеніе всего Буонаротти, членъ верховной венты карбонаровъ, до тѣхъ поръ дѣйствовавшій за одно съ Маццини, отдѣлился отъ него, недовольный тѣмъ, что Маццини вступилъ въ сношеніе съ нѣсколькими богатыми и знатными ломбардцами; въ этомъ Буонаротти видѣлъ нарушеніе демократической программы. Отдѣленіе Буонаротти имѣло важныя послѣдствія потому, что съ его удаленіемъ отъ Маццини отдѣлялось большинство швейцарцевъ, также карбонаровъ. Маццини удвоилъ свою дѣятельность; онъ собралъ новыя суммы, разослалъ агентовъ для образованія новыхъ отрядовъ въ Ліонѣ. Отказаться отъ экспедиціи онъ не рѣшался потому, что это значило доказать безсиліе «Юной Италіи», отъ которой онъ ожидалъ спасенія для родины. Ему казалось лучше пасть въ неравной борьбѣ, чтобы, по крайней мѣрѣ, показать примѣръ для будущихъ дѣятелей. Поэтому онъ назначилъ для открытія дѣйствій конецъ января 1834 года и увѣдомилъ объ этомъ ліонскихъ революціонеровъ; предлагая Раморино принять начальство надъ экспедиціей, когда отряды уже вступятъ въ Савойю, онъ предупредилъ его, что самъ намѣренъ начать дѣйствія во всякомъ случаѣ. Все было готово: вожди выбраны, прокламаціи напечатаны, склады оружія и суда для перевозки отряда черезъ Женевское озеро были готовы: ожидали только сигнала, чтобы открыть дѣйствія. Маццини надѣялся, что Раморино пріѣдетъ тогда, когда экспедиція уже начнется. Но Раморино отвѣчалъ, что пріѣдетъ немедленно. Съ дороги онъ писалъ Маццини, прося его отложить экспедицію со дня на день, и наконецъ 31-го января пріѣхалъ. Но тутъ оказалось, что женевское правительство намѣрено противодѣйствовать экспедиціи гораздо сильнѣе, нежели можно было предполагать. Перевозочныя суда были захвачены, гостинница, въ которой жилъ Маццини, окружена жандармами, нѣкоторыхъ лицъ арестовали, хотя мѣстное населеніе открыто покровительствовало инсургентамъ. Не

смотря однако на препятствія, революціонному отряду удалось добраться до условленнаго мѣста и переплыть озеро.

Тутъ ожидали Маццини новыя разочарованія. Германскіе выходцы, которые должны были прибыть изъ Берна и Цюриха, дѣлали свои приготовленія слишкомъ неосторожно и были почти всѣ арестованы на дорогѣ, въ которую они пустились цѣлой толпой, съ республиканскими кокардами на шляпахъ. То же почти случилось и съ польскимъ отрядомъ, который подъ предводительствомъ Грабскаго, назначеннаго Раморино, былъ задержанъ швейцарскими жандармами. Всѣ эти неудачи значительно уменьшили силы инсургентовъ и дали Раморино поводъ говорить, что онъ былъ правъ, считая экспедицію невозможною. Сначала предполагалось идти на С.-Жюльенъ, гдѣ Маццини думалъ найти подкрѣпленіе въ мѣстномъ населеніи, ободренномъ этимъ первымъ успѣхомъ. Но задержаніе польскаго отряда послужило Раморино предлогомъ измѣнить планъ экспедиціи и дать ей другое направленіе. Двадцать четыре часа отрядъ, въ которомъ, съ ружьемъ на плечѣ, шелъ и Маццини, двигался по берегу озера; люди изнемогали отъ усталости и начинали роптать. Замѣтивъ это, Маццини сталъ убѣждать Раморино идти къ С.-Жюльену. Раморино успокоивалъ его и обѣщалъ исполнить его желаніе. Но отрядъ продолжалъ двигаться по той же дорогѣ, не встрѣчая въ небольшихъ селеніяхъ, черезъ которыя проходилъ, ни малѣйшихъ признаковъ сочувствія. Наконецъ отрядъ остановился на бивуакѣ и только что расположился для отдыха, какъ раздались впереди ружейные выстрѣлы. Маццини, обрадованный мыслью, что началось дѣло, бросился было впередъ, но едва пробѣжалъ нѣсколько шаговъ, какъ упалъ безъ чувствъ: страшная усталость, которой онъ подвергался въ послѣднее время, безпокойство, горе, неудачи, необходимость поддерживать мужество другихъ, когда онъ самъ потерялъ уже всякую надежду на успѣхъ,—все это истощило его физическія и нравственныя силы. Онъ пришелъ въ себя уже на швейцарской границѣ, куда его перевезли въ тележкѣ его друзья, послѣ того, какъ Раморино уѣхалъ, оставивъ на произволъ судьбы отрядъ, принужденный отступить изъ Савойи, преслѣдуемый карабинерами. Нѣкоторые изъ инсургентовъ, попавшіеся въ плѣнъ карабинерамъ, были тотчасъ же разстрѣляны. Затѣмъ дѣло о мятежникахъ, принимавшихъ участіе въ экспедиціи и въ числѣ которыхъ, кромѣ Гарибальди и Маццини, были Джакомо и Джованни Дурандо, Анджело Брофферіо и Винченцо Джоберти, всѣ спасшіеся бѣгствомъ, было передано Карломъ Альбертомъ на разсмотрѣніе военнаго суда. Въ приговорѣ этого суда, состоявшемся 22 марта 1834

года, было сказано, что «виновные должны быть преданы въ руки палача, который, надѣвъ имъ петли на шеи, проведетъ ихъ по городу, въ торговый день, до мѣста казни, гдѣ они и будутъ повѣшены».

Этой катастрофой закончился первый періодъ дѣятельности «Юной Италіи». Впослѣдствіи времени Маццини и его друзья объясняли неудачу измѣною Раморино, будто-бы подкупленнаго французскимъ правительствомъ и умышленно погубившаго ввѣренное ему дѣло. Но едва-ли можно утверждать, что это была единственная причина неудачи революціонной экспедиціи. Нельзя отвергнуть, что Маццини впалъ въ ту же ошибку, въ которую всегда впадали и впадаютъ люди, находящіеся въ его положеніи; живя внѣ Италіи, имѣя сношенія съ одною только, небольшою частью общества, онъ воображалъ, что вся Италія мыслитъ и чувствуетъ также, какъ и онъ самъ, что стоитъ только сдѣлать воззваніе, и весь итальянскій народъ возстанетъ съ оружіемъ въ рукахъ; онъ не хотѣлъ видѣть, что предшествовавшія событія не пробудили еще усыпленное политическое сознаніе во всѣхъ классахъ народонаселенія.

Возвратившись въ Швейцарію и желая на будущее время пріобрѣсти большее число союзниковъ Италіи въ средѣ различныхъ національностей, Маццини, продолжая сношенія съ польскими и нѣмецкими эмигрантами, занялся организаціей основаннаго имъ политическаго общества «Юная Европа». Въ Бернѣ, куда Маццини принужденъ былъ уѣхать, онъ вмѣстѣ съ другими восемнадцатью эмигрантами составилъ «Договоръ Братства», цѣлью котораго было направить совокупныя усилія трехъ народностей—польской, нѣмецкой и итальянской—къ одной цѣли, — освобожденію. Составляя три отдѣльныя ассоціаціи, — «Юную Италію», «Юную Польшу» и «Юную Германію», онѣ должны были помогать одна другой въ дѣлѣ освобожденія, имѣя своимъ идеаломъ федеральное устройство Европы. Маццини, какъ онъ самъ писалъ впослѣдствіи, не увлекался преувеличенными мечтами о силѣ и вліяніи основанныхъ имъ ассоціацій и не считалъ вовсе возможнымъ скорое примѣненіе началъ, положенныхъ имъ въ основу этихъ политическихъ обществъ,—къ дѣйствительности. Онъ имѣлъ главною цѣлью — пропаганду своихъ идей, существенно различавшихся отъ взглядовъ и понятій, бывшихъ въ то время въ ходу, предоставляя этимъ идеямъ принести плоды, когда и какъ это будетъ возможно.

Въ томъ же 1834 году, Маццини положилъ основаніе ассоціаціи—«Юная Швейцарія», цѣль которой была создать между Франціей, Германіей и Италіей альпійскую федерацію, изъ на-

ціональностей, живущихъ по всей цѣпи Альповъ и въ составъ которой, кромѣ Швейцаріи, должны были войти Савойя и нѣмецкій Тироль.

Не оставляя въ сторонѣ литературныхъ занятій, Мацціни помѣстилъ въ это время въ журналѣ Каваньяка «Revue republicaine», издававшемся въ Парижѣ, статью: «О революціонной иниціативѣ въ Европѣ». Въ этой статьѣ онъ доказывалъ, что на первую французскую революцію не слѣдуетъ смотрѣть, какъ на начало новой эпохи, или программу будущаго, но какъ на заключительное слово прошедшаго. Возражая французскимъ либераламъ, утверждавшимъ, что одной Франціи принадлежитъ право на иниціативу въ политическомъ развитіи Европы, и что другіе народы должны идти за Франціей по пути революціи и прогресса, Мацціни доказывалъ, что прогрессъ европейскихъ народовъ зависитъ отъ ихъ освобожденія изъ-подъ вліянія Франціи, а прогрессъ Франціи отъ ея освобожденія изъ-подъ традицій XVIII вѣка и первой революціи. Не отрицая великихъ заслугъ революціи, Мацціни признавалъ, что такъ какъ нынѣшнее столѣтіе ушло впередъ сравнительно съ прошедшимъ, то тому, кто хочетъ идти дальше въ изысканіи истины для будущаго, слѣдуетъ принять за исходную точку начала, выработанныя революціею, а не останавливаться на нихъ.

Для бо́льшаго распространенія идей, положенныхъ въ основу новыхъ ассоціацій, Мацціни въ слѣдующемъ году началъ издавать въ Швейцаріи журналъ—«La jeune Suisse»; журналъ этотъ выходилъ два раза въ недѣлю на двухъ языкахъ, французскомъ и нѣмецкомъ. Денежныя средства по изданію доставляли нѣсколько швейцарцевъ, въ числѣ которыхъ три члена Большого Совѣта были кромѣ того и постоянными сотрудниками журнала.

Европейскія правительства, до которыхъ слухи объ основанныхъ Мацціни обществахъ доходили въ извращенномъ и страшно преувеличенномъ видѣ, испугались его пропаганды и стали все болѣе и болѣе настаивать передъ швейцарскимъ правительствомъ, требуя удаленія Мацціни изъ предѣловъ союза; въ самой Швейцаріи пропаганда Мацціни встрѣтила сильныхъ противниковъ, въ число которыхъ сталъ и Фази. Случайное убійство, не имѣвшее и тѣни политической мести, послужило предлогомъ къ аресту Мацціни въ Солотурнѣ; но арестъ этотъ продолжался всего 24 часа, послѣ чего Мацціни былъ выпущенъ, такъ какъ не нашлось рѣшительно никакихъ поводовъ къ его обвиненію, а мѣстное населеніе грозило силою освободить его изъ тюрьмы. Наконецъ требованія французскаго правительства сдѣлались такъ грозны, что федеральныя власти должны были уступить; не же-

лая сразу остановить печатаніе журнала «La jeune Suisse», они сначала арестовали нѣмецкихъ сотрудниковъ журнала, а затѣмъ и швейцарскихъ гражданъ, принимавшихъ участіе въ изданіи. Наконецъ послѣдовало распоряженіе объ изгнаніи изъ предѣловъ Швейцаріи самого Маццини, который, уѣхавши изъ Солотурна, поселился было въ одной деревушкѣ Бернскаго кантона у протестантскаго пастора.

Въ 1837 году, не имѣя болѣе возможности оставаться на континентѣ, Маццини переселился въ Англію, которую впослѣдствіи полюбилъ, какъ второе отечество за найденное въ ней убѣжище и безграничную свободу.

Первое время пребыванія въ Англіи было самое тяжелое для Маццини. Послѣ ряда неудачъ, гоненій, разочарованій, онъ сталъ сомнѣваться въ самомъ себѣ; ему начинали казаться правыми тѣ, кто осуждалъ его политическую дѣятельность, какъ основанную на эгоизмѣ и холодныхъ разсчетахъ честолюбія. Онъ вспоминалъ итальянцевъ разстрѣлянныхъ за то, что они раздѣляли его мнѣнія, матерей и женъ, оплакивавшихъ своихъ дѣтей и мужей,—и единство Италіи, къ которому онъ стремился, стало казаться ему иллюзіей, мечтой никогда неосуществимой. Но этотъ кризисъ, въ теченіе котораго Маццини боялся сойти съ ума или окончить свою жизнь самоубійствомъ, миновалъ, и онъ, по примѣру Фосколо, написалъ исторію только-что выдержанной имъ внутренней борьбы, подъ заглавіемъ: «Воспоминанія неизвѣстнаго», въ которой высказалъ, что эта внутренняя борьба не только не уничтожила его прежнихъ вѣрованій, но еще болѣе укрѣпила его въ мысли продолжать начатое имъ, для Италіи, дѣло, несмотря ни на какія препятствія. «Я пришелъ въ себя — говоритъ онъ — самъ, безъ посторонней помощи, благодаря моимъ религіознымъ вѣрованіямъ, провѣреннымъ исторіей. Отъ понятія о божествѣ, я перешелъ къ идеѣ о прогрессѣ, а отъ понятія о прогрессѣ къ истинному пониманію жизни, — руководящимъ правиломъ которой должно быть исполненіе своего долга передъ родиной и человѣчествомъ; я поклялся, что ничто въ мірѣ не заставитъ меня отступить отъ моихъ прежнихъ стремленій». Кромѣ этой нравственной борьбы, Маццини претерпѣвалъ, первое время, въ Лондонѣ и крайнюю нужду въ матеріальныхъ средствахъ къ жизни. Ему недоставало денегъ, пересылаемыхъ родителями; онъ сначала продалъ немногія вещи съ собою привезенныя, потомъ заложилъ платье и бѣлье и наконецъ вынужденъ былъ отнести свой послѣдній сюртукъ и сапоги въ лавчонку, торгующую старымъ платьемъ, у которой по субботамъ толпились бѣдняки, продававшіе свои лохмотья, чтобы ку-

пить кусокъ хлѣба на воскресенье. Всю эту нужду Мацциии приходилось переносить въ одиночествѣ, въ странѣ, въ которой бѣдность, особенно иностранца, внушаетъ жестокое недовѣріе. Такая жизнь, полная горя и нищеты, продолжалась до половины 1838 года, когда, познакомившись случайно съ нѣкоторыми изъ дѣятелей англійскаго литературнаго міра и изучивъ англійскій языкъ, онъ сталъ печатать свои статьи въ различныхъ журналахъ. Начиная съ первыхъ своихъ статей — «О положеніи и будущности Италіи» и «Взглядъ на итальянское литературное движеніе послѣ 1830 года», — онъ во всѣхъ послѣдующихъ сочиненіяхъ, печатавшихся въ англійскихъ журналахъ, старался вызвать вниманіе англичанъ и ихъ сочувствіе къ итальянскому національному дѣлу и, въ этомъ отношеніи, никто, конечно, такъ много и плодотворно не работалъ, какъ онъ.

Кромѣ англійскихъ журналовъ, Мацциии, въ это время, былъ сотрудникомъ издававшагося въ Парижѣ журнала «Revue republicaine» и написалъ программу журнала, имѣвшаго короткое существованіе въ Парижѣ «l'Italiano», гдѣ Гверацци, подъ именемъ Ансельмо Гваланди, напечаталъ отрывокъ изъ своего романа «Осада Флоренціи». Для издателей, печатавшихъ въ это время, въ Лугано, сочиненія замѣчательнѣйшихъ итальянскихъ писателей, Мацциии написалъ предисловіе къ комментаріямъ Уго-Фосколо на «Божественную комедію» Данта, въ которомъ старался возстановить славу и значеніе автора «Писемъ Якопо Ортисъ».

Не довольствуясь литературными трудами, Мацциии впослѣдствіи устроилъ въ Лондонѣ безплатную школу для итальянскихъ мальчиковъ, въ которой всѣ учителя преподавали безплатно и самъ Мацциии читалъ исторію Италіи и элементарную астрономію. Первоначальное же обученіе грамотѣ и письму взяли на себя рабочіе-итальянцы, которые не только посвящали урокамъ свои вечера, но и жертвовали на школу деньгами. Скоро, по примѣру этой школы, основалось еще нѣсколько школъ въ Англіи и Америкѣ. Школа дала Мацциии случай сблизиться съ рабочими и составить ассоціацію, издававшую потомъ журналъ «Apostolato popolare», для которой онъ написалъ свое сочиненіе — «Объ обязанностяхъ человѣка». Въ этомъ сочиненіи, въ которомъ Мацциии выразилъ свой взглядъ на рабочій вопросъ, уже въ то время выдвигавшійся впередъ въ западно-европейской жизни, онъ исходитъ изъ той мысли, что источникъ всякаго права кроется въ исполненіи долга, обязанности. Обязанности же каждаго человѣка онъ ставитъ въ такомъ порядкѣ: выше всего обязанности относительно человѣчества, потомъ исполненіе обязанностей относительно отечества и наконецъ — семьи.

«Человѣчество, родина и семья—говоритъ Маццини—суть три сферы, въ которыхъ человѣческая личность должна дѣйствовать на общее благо, стремясь къ нравственному усовершенствованію себя и другихъ. Воспитаніе создаетъ людей; оно должно вкоренять въ насъ убѣжденіе, что всѣ мы дѣти одного Бога и должны выполнять одинъ законъ на землѣ: жить не для себя, а для другихъ и стремиться не къ матеріальному счастью, но къ возможно большему нравственному совершенствованію себя и другихъ. Стремиться къ улучшенію своего матеріальнаго положенія слѣдуетъ только въ видахъ доставленія себѣ большихъ способовъ къ нравственному прогрессу». Одно изъ главныхъ препятствій къ человѣческому прогрессу Маццини видитъ въ ненормальномъ положеніи женщины: «до сихъ поръ половина человѣческой семьи—именно та, которая вдохновляетъ насъ и утѣшаетъ насъ въ горькія минуты, которой ввѣрено воспитаніе дѣтей, — по странному противорѣчію, лишена всякихъ правъ въ гражданскомъ, политическомъ, соціальномъ отношеніи; вы, ищущіе свободы, должны всѣми силами стремиться къ эмансипаціи женщины!» Обязанность заботиться о народномъ образованіи, Маццини возлагаетъ на націю: «нація обязана сообщить каждому гражданину чего она отъ него требуетъ, и каждый гражданинъ долженъ получить въ народной школѣ образованіе, въ кругъ котораго бы входили: обзоръ развитія всего человѣчества и отечественная исторія, популярное изложеніе началъ, положенныхъ въ основу отечественнаго законодательства и тѣ элементарныя свѣдѣнія, которыя и теперь всѣ получаютъ въ школѣ.» «Когда вамъ — говоритъ далѣе Маццини, обращаясь къ рабочимъ — проповѣдуютъ о необходимости и возможности соціальныхъ переворотовъ только во имя вашихъ правъ, — не вѣрьте этому. Всякое ученіе о правахъ и матеріальномъ благѣ можетъ возбудить только попытки, которыя никогда не будутъ имѣть успѣха и приведутъ только къ величайшему изъ преступленій — раздору между различными классами общества.... Когда Христосъ проповѣдывалъ свое ученіе, то возлѣ него стояли апостолы, воплощавшіе въ своей жизни и дѣйствіяхъ ученіе своего учителя. Слѣдуйте этому примѣру. Проповѣдуйте исполненіе долга другимъ классамъ и сами выполняйте его. Проповѣдуйте добродѣтель, самопожертвованіе, любовь къ ближнему и будьте сами добродѣтельны, любящи и готовы на самопожертвованіе». Доказывая необходимость ассоціацій, при помощи которыхъ, по мнѣнію Маццини, только и возможно измѣненіе политическаго, соціальнаго и нравственнаго положенія рабочаго класса, онъ требовалъ, чтобы эти ассоціаціи были мирны и публичны. «Тайныя

ассоціаціи, служащія законнымъ орудіемъ защиты тамъ, гдѣ нѣтъ ни свободы, ни націи—не должны быть терпимы въ странѣ, гдѣ господствуетъ свобода и неприкосновенность человѣческой мысли». Значеніе ассоціаціи, свободы и образованія, этихъ двигателей прогресса, Маццини опредѣляетъ въ слѣдующихъ словахъ: «свобода даетъ возможность выбирать между добромъ и зломъ; образованіе научаетъ дѣлать этотъ выборъ правильно; ассоціація даетъ средства къ достиженію избранной цѣли». Маццини желаетъ, чтобы рабочіе и капиталисты, какъ и всѣ люди, образовали одну семью и руководствовались правиломъ: «кто готовъ отдавать на пользу всѣхъ то количество труда, которое онъ въ силахъ исполнить, тотъ долженъ получать такое вознагражденіе за свой трудъ, какое давало бы ему возможность развивать свою индивидуальную жизнь». Признавая начало собственности присущимъ человѣческой природѣ, Маццини находитъ, что распредѣленіе собственности подлежитъ измѣненію, сообразно законамъ прогресса. «Если собственность — говоритъ онъ—въ настоящее время находится въ рукахъ немногихъ, то это еще не должно служить причиною для ея уничтоженія; но люди должны открывать новые пути и источники, при помощи которыхъ собственность можетъ сдѣлаться доступною многимъ и явиться въ будущемъ не иначе, какъ вознагражденіемъ за трудъ. Нужно стремиться не къ увеличенію заработной платы и не къ поглощенію личности обществомъ, въ видахъ улучшенія матеріальнаго быта, а къ соединенію труда и капитала въ однихъ рукахъ. Ассоціація труда и распредѣленіе выгодъ, выручаемыхъ отъ продажи его произведеній, между производителями соразмѣрно количеству и цѣнности труда каждаго изъ нихъ, — вотъ къ чему должно стремиться современное общество». Этому стремленію, по мнѣнію Маццини, должна содѣйствовать государственная власть, обсужденіемъ вопросовъ рабочаго населенія въ собраніи народныхъ представителей, улучшеніемъ путей сообщенія, учрежденіемъ общественныхъ складовъ и магазиновъ, упрощеніемъ судопроизводства, слишкомъ дорогого и недоступнаго бѣдному классу, измѣненіемъ системы налоговъ и введеніемъ одного налога на доходы, продажею имуществъ духовенства и обращеніемъ собранныхъ, такимъ образомъ, денежныхъ средствъ на народный кредитный фондъ для рабочаго населенія.

X.

Со времени неудавшейся революціонной экспедиціи въ Савойю прошло пять лѣтъ, въ теченіе которыхъ итальянская революціонная партія почти оставалась въ бездѣйствіи. Она была слишкомъ разрознена и ослаблена неудачами и преслѣдованіями, чтобы воспользоваться народными волненіями, сопровождавшими появленіе, въ Италіи, въ 1835 году, холеры.

Обойдя сѣверную и среднюю часть Европы, холера обнаружилась прежде всего въ Ниццѣ. Изъ Ниццы болѣзнь распространилась въ Туринъ, Геную, Ливорно, Ломбардію и Венецію. Количество жертвъ было громадно: въ одной Ломбардіи умерло 32,000 человѣкъ. Скоро она проникла въ Римъ и потомъ въ Неаполь, гдѣ отъ холеры умерло 13,800 человѣкъ, и распространилась по всему королевству, уменьшивъ его населеніе на 60,000 человѣкъ, не считая Сициліи, гдѣ, изъ населенія въ два милліона душъ, умерло 69,360 человѣкъ. Врачи не могли не только пріискать средствъ для леченія, но даже не были въ состояніи опредѣлить характеръ болѣзни: одни считали ее заразительною, другіе нѣтъ. Устроенные въ разныхъ мѣстахъ строгіе карантины, врачи, закутанные въ смоляные плащи, съ лицами, покрытыми масками, священники, приходившіе исповѣдывать умирающихъ, обкуренные уксусомъ и хлоровою известью, — все это увеличивало панику. Населенія, которымъ до сихъ поръ твердили, что ихъ правительствамъ необходима неограниченная власть, какъ источникъ всякаго блага, обращали свои взоры къ этой власти, ожидая отъ нея спасенія и, не находя его, стали вѣрить, что страшная болѣзнь есть отрава, распространяемая правительствами, которыя потому и не хотятъ противодѣйствовать ей. Во врачахъ стали видѣть отравителей, въ лекарствахъ — ядъ; разсвирѣпѣвшая чернь, по одному подозрѣнію, хватала невинныхъ людей и предавала смерти. Да и не одна необразованная чернь вѣрила отравѣ. Кардиналъ Тригона, архіепископъ палермскій, заболѣвъ холерою, отказался принимать лекарства, какъ безполезныя противъ яда; Чина, извѣстный физикъ и историкъ, при первыхъ признакахъ обнаружившейся у него болѣзни, бросился къ своему другу, директору полиціи въ Палермо, умоляя его дать ему противоядіе, полученное вмѣстѣ съ ядомъ изъ Неаполя.

При такомъ настроеніи народныхъ массъ не удивительно, что въ Катанѣ народъ, убѣжденный въ томъ, что холера вовсе не азіятская болѣзнь, а бурбонская отрава, разбилъ бурбонскія статуи, сорвалъ бурбонскіе гербы и провозгласилъ возстановлен-

ною конституцію 1812 года и отдѣленіе острова отъ королевства неаполитанскаго. Такой же политическій характеръ народнаго волненія обнаружился въ Романьѣ, гдѣ въ числѣ предводителей народнаго бунта, противъ отравливающаго правительства въ первый разъ выступилъ народный ораторъ, членъ «Юной Италіи», Чичеровеккіо, пріобрѣвшій впослѣдствіи громкую извѣстность въ первые мѣсяцы царствованія Пія IX.

Эти отдѣльныя вспышки были, конечно, скоро подавлены, и народное бѣдствіе послужило на пользу итальянскихъ правительствъ, съумѣвшихъ воспользоваться имъ, для укрѣпленія своей власти. Подъ предлогомъ заразы, карантины стѣснили еще болѣе свободу передвиженія, подъ видомъ необходимости различныхъ предупредительныхъ мѣръ, еще болѣе расширилась власть администраціи и полиціи. Но за то, разъ возбужденная противъ правительствъ народная ненависть не скоро угасала, и репрессивныя мѣры все болѣе и болѣе возбуждали надежды на возможность переворота въ Италіи.

Слѣдя изъ Лондона за всѣми событіями, могущими имѣть вліяніе на судьбу Италіи, Маццини, если вѣрить изданнымъ въ Германіи запискамъ Людовика-Бонапарта [1]), былъ не прочь воспользоваться булонскою экспедиціею нынѣшняго французскаго императора. По этому поводу между ними, какъ увѣряетъ издатель этихъ записокъ, происходило, въ 1840 году, свиданіе, на которомъ рѣшено было, что друзья и сторонники Маццини примутъ участіе въ экспедиціи и за эту помощь Лудовикъ-Бонапартъ, съ своей стороны, обѣщалъ, достигнувъ власти во Франціи, содѣйствовать освобожденію Италіи [2]). При этомъ Маццини требовалъ еще отъ Бонапарта, чтобы онъ оставилъ надежды на возстановленіе во Франціи имперіи и присоединился бы къ партіи республиканцевъ. Несмотря на обѣщанія Бонапарта подчиниться всѣмъ условіямъ, предложеннымъ Маццини, онъ рѣшился обмануть его и приготовилъ прокламаціи, въ которыхъ говорилось вовсе не о республикѣ, а о возстановленіи во Франціи имперіи. Маццини, узнавъ объ этомъ, объявилъ своимъ друзьямъ,

---

[1]) Geheime Memoiren Louis Napoleon Bonaparte's, herausgegeben v. B. Schubar. (D-r Lubarsch). Berlin 1862. II b.

[2]) Какъ много ни носитъ на себѣ это свиданіе и происходившій на немъ разговоръ между Маццини и Лудовикомъ Наполеономъ, характера анекдотичности, но въ нихъ нѣтъ ничего невѣроятнаго, послѣ тѣхъ свиданій и разговоровъ, которые происходили между Лудовикомъ Наполеономъ и Луи Бланомъ, въ Гамѣ и Лондонѣ, и о которыхъ Луи Бланъ разсказываетъ въ своей книгѣ «Révélations historiques en reponse au livre de lord Normanby, intitulé «A Year of Revolution in Paris». Bruxelles. 1859.

что онъ не имѣетъ ничего общаго съ экспедиціей Лудовика-Бонапарта, послѣ чего никто изъ нихъ и не явился на бортъ «Castle of Edinburgh», на которомъ Бонапартъ съ 10-ю спутниками отплылъ въ Булонь, гдѣ, какъ извѣстно, потерпѣлъ полнѣйшую неудачу, былъ арестованъ и посаженъ въ крѣпость Гамъ.

Около этого времени нѣсколько итальянскихъ изгнанниковъ, во главѣ которыхъ стояли Теренціо Маміани и Филиппо Канути, жившіе съ 1831 года въ Парижѣ, вошли въ сношеніе съ либералами, оставшимися въ Италіи и при ихъ помощи возобновили революціонную пропаганду. Маміани, въ небольшомъ сочиненіи подъ заглавіемъ «Наше мнѣніе объ итальянскихъ дѣлахъ», совѣтовалъ патріотамъ обратить вниманіе на католическое духовенство и, въ случаѣ невозможности привлечь его на свою сторону, стараться уничтожить его авторитетъ въ глазахъ простого народа. Другіе итальянскіе эмигранты, возвратившіеся изъ Испаніи, гдѣ они принимали участіе въ гражданскихъ войнахъ, составили родъ комитета дѣйствія, намѣреваясь начать въ Италіи противъ австрійцевъ партизанскую войну; главою этого комитета былъ жившій на островѣ Мальтѣ Никколо Фабрици, къ которому примкнули заговорщики въ Тосканѣ, Неаполѣ и папскихъ владѣніяхъ.

Мадцини не сходился ни съ Маміани, ни съ Фабрици; ихъ планы не согласовались съ планами «Юной Италіи». Но если революціонные комитеты, засѣдавшіе въ Парижѣ, Мальтѣ и Лондонѣ, не сходились въ частностяхъ, то все же они стремились къ одной цѣли, — возстанію, и всякій, по мѣрѣ силъ своихъ, раздувалъ покрытую пепломъ искру революціи и собиралъ сообщниковъ, изъ которыхъ многіе пали жертвою своего патріотизма.

Заговорщики главнымъ образомъ разсчитывали на движеніе въ королевствѣ обѣихъ Сицилій и Романьѣ; вездѣ было много недовольныхъ, изъ которыхъ одни готовы были передать итальянскую корону одному изъ Бонапартовъ, другіе герцогу Лейхтенбергскому, сыну бывшаго вице-короля итальянскаго, зятю русскаго императора, на помощь котораго они и надѣялись.

Фердинандъ II уже давно обманулъ надежды, возбужденныя имъ при вступленіи на престолъ. Видя, что опасность, грозившая ему во время общаго революціоннаго движенія 1830 года, миновала, король неаполитанскій откровенно обнаружилъ свои наклонности. Бывшій начальникъ жандармовъ Делькаретто былъ сдѣланъ министромъ полиціи и пріобрѣлъ неограниченное довѣріе короля. Роль цирюльника Вилья въ предшествовавшее царствованіе занялъ теперь духовникъ Фердинанда II, Кокль. Строго

охраняя свое государство отъ просвѣщенія и науки, Фердинандъ обнаружилъ стремленіе къ преобразованіямъ — замѣною розоваго трико танцовщицъ зеленымъ, и въ видахъ заботливости о нравственности своихъ подданныхъ приказалъ закрыть обнаженныя части античныхъ статуй. Невыносимо дурная администрація доводила народъ до нищеты, а господство полиціи тайной и явной выводило изъ терпѣнія образованные классы. Въ папскихъ владѣніяхъ положеніе дѣлъ было не лучше. Мелкія попытки къ возстанію, обнаруживавшіяся около 1840 года въ Абруццо, Калабріи, Сициліи, Романьѣ, вели за собою только новыя жестокости и кровавыя усмиренія; революціонеры Сициліи, видя свою слабость и разрозненность, готовы были забыть вѣковую вражду съ неаполитанцами и вступить съ ними въ союзъ; въ Палермо, гдѣ должно было начаться возстаніе, собрались представители главнѣйшихъ городовъ острова, Мессины, Катаны, Сиракузъ, Трапани, готовыхъ поддержать возстаніе Палермо; но и тутъ дѣло ограничилось одними приготовленіями.

Наконецъ, около 1843 года, войдя между собою въ сношеніе, заговорщики надѣялись произвести обширное возстаніе, которое должно было начаться съ Неаполя. Былъ даже назначенъ день — 31 іюля 1843 года, когда должно было вспыхнуть возстаніе. Но 31 іюля прошло спокойно. Полиція успѣла уже, по подозрѣнію, арестовать нѣсколькихъ лицъ и хотя не могла поймать нить заговора, но все же помѣшала его исполненію. Въ Романьѣ партія дѣйствія страдала внутренними несогласіями. Одни, несмотря на неудачу въ Неаполѣ, хотѣли немедленно начать движеніе, другіе желали выждать болѣе удобное время. Наконецъ сборище заговорщиковъ было открыто и попавшіеся въ руки полиціи преданы военному суду, по распоряженію кардинала Ама, который поспѣшилъ приговорить къ ссылкѣ всѣхъ, на кого ему указывали, какъ на горячихъ патріотовъ.

Эти жестокія мѣры вызвали крайнее раздраженіе въ мѣстномъ населеніи, и горсть молодыхъ людей Болоньи составила въ горахъ, подъ начальствомъ братьевъ Муратори, вооруженный отрядъ, надѣясь присоединить къ себѣ недовольныхъ. Но и эта попытка не удалась и послѣ нѣсколькихъ стычекъ съ папскими жандармами, отрядъ принужденъ былъ разойтись, а принадлежавшія къ нему лица съ трудомъ пробрались въ Ливорно, а оттуда во Францію.

Оставалась надежда на внѣшнюю помощь; въ 1844 году уже готовилось на всемъ полуостровѣ и итальянскихъ островахъ новое движеніе, которое должно было начаться въ то время, какъ Риччарди изъ Корсики двинется къ Риму, эмигранты, собрав-

шіеся въ тессинскомъ кантонѣ, вторгнутся въ Піемонтъ и Ломбардію; Фабрици съ иностраннымъ алжирскимъ легіономъ высадится въ Сициліи, а отряды революціонеровъ изъ Мальты и Корфу явятся въ Калабріи и другихъ мѣстахъ. Но и этому плану не удалось осуществиться: одинъ изъ заговорщиковъ, Партезотти, заранѣе обо всемъ донесъ австрійскому правительству, которое предупредило другія итальянскія правительства....

Въ 1844 году, тюрьмы Рима, Турина и Неаполя переполнились политическими преступниками; всюду торжествовала реакція; воздвигались эшафоты и кровь патріотовъ обагряла Италію. Неудачи, жестокія казни и преслѣдованія навели уныніе на итальянцевъ, казалось, что народное дѣло проиграно. Въ это-то время всеобщаго оцѣпенѣнія, по Италіи разнеслось извѣстіе объ экспедиціи братьевъ Бандіера.

Духъ возмущенія уже давно проникъ въ ряды солдатъ, овладѣвая преимущественно моряками австрійскаго флота, составленнаго большею частью изъ итальянцевъ. Во флотѣ служили два брата, Аттиліо и Эмиліо Бандіера. Они родились въ Венеціи. Отецъ ихъ, баронъ и контръ-адмиралъ австрійскій, не любилъ своей родины. Въ 1831 году, онъ захватилъ въ Адріатическомъ морѣ корабль, на которомъ, послѣ капитуляціи Анконы, эмигранты изъ Модены и Романьи переправлялись во Францію. Его сыновья также вступили въ морскую службу, но они съ раннихъ лѣтъ почувствовали униженіе, въ которомъ находилось ихъ отечество и обдумывали средства освободить его. Еще будучи мальчикомъ Эмиліо Бандіера доставалъ себѣ нумера «Юной Италіи» и читалъ ихъ товарищамъ въ училищѣ, думая пробудить въ нихъ ненависть къ сыновьямъ угнетателей. Ознакомившись съ «Юной Италіей», оба брата впослѣдствіи примкнули къ ней и сдѣлались дѣятельными членами общества. Пользуясь своимъ положеніемъ, какъ дѣти бывшаго контръ-адмирала, и имѣя большое вліяніе на матросовъ того фрегата, на которомъ они сами служили, они задумали овладѣть фрегатомъ и на немъ ѣхать въ Мессину, чтобы произвести тамъ возстаніе.

Скоро они вступили въ переписку съ Маццини. 15 августа 1842 года, Аттиліо писалъ ему въ первый разъ изъ Смирны и изложилъ свое положеніе и убѣжденія. «Я итальянецъ, военный человѣкъ и не изгнанникъ. Мнѣ около 33 лѣтъ. Сложенія я скорѣе слабаго: темперамента пылкаго, хотя по внѣшности холоднаго. Стараюсь, сколько возможно, слѣдовать правиламъ стоиковъ. Вѣрю въ Бога, въ будущую жизнь, въ человѣческій прогрессъ; выше всего я ставлю человѣчество, потомъ отечество, семью и наконецъ личность; твердо вѣрю, что нравственность

есть основаніе всякаго права, и вслѣдствіе этого уже давно пришелъ къ заключенію, что итальянское дѣло есть только часть дѣла всего человѣчества; въ грустныя и трудныя времена утѣшаюсь мыслью, что трудиться на пользу Италіи значитъ трудиться на пользу всего человѣческаго рода. Обдумывая условія, въ которыхъ находится наше отечество, я увидѣлъ, что путь, представляющій болѣе вѣроятности успѣха для освобожденія Италіи, есть путь тайныхъ дѣйствій и заговоровъ. Какими иными средствами, въ самомъ дѣлѣ, можетъ угнетенный вести борьбу за свое освобожденіе?»... Въ другомъ письмѣ къ Мацціни, оба брата писали: «Проникнутые сознаніемъ, что всякій итальянецъ долженъ отдавать всего себя для улучшенія судьбы нашего несчастнаго отечества, мы искали случая присоединиться къ «Юной Италіи», которая, какъ мы знаемъ, составилась для организаціи возстанія. Три года усилія наши были тщетны; сочиненія ваши не появлялись болѣе въ Италіи: правительства увѣряли, что вы подавлены дурнымъ исходомъ экспедиціи въ Савойю... Не зная вашихъ стремленій, мы однако сошлись съ ними. Мы хотѣли имѣть отечество свободное, единое, республиканское, мы рѣшились довѣрять только средствамъ итальянскаго народа, презирать чужеземную помощь и начать бой тогда, когда увидимъ себя достаточно сильными, не ожидая обманчивыхъ обѣщаній Европы».

Между тѣмъ, австрійское правительство уже стало подозрѣвать обоихъ братьевъ, и въ мартѣ 1844 года, Аттиліо получилъ приказаніе прибыть въ Венецію съ корабля «Bellona», стоявшаго у Смирны. Тогда онъ, видя, что замыслы его открыты, — бѣжалъ съ корабля, въ Смирнѣ. Въ тоже время и Эмиліо, получивъ извѣстіе о братѣ, уѣхалъ изъ Венеціи; затѣмъ оба съѣхались въ Корфу. Австрійское правительство, испугавшись послѣдствій, которыя могъ произвести этотъ побѣгъ во флотѣ, показывая опасный примѣръ, а еще болѣе желая скрыть отъ итальянскихъ революціонеровъ присутствіе въ австрійскомъ флотѣ національнаго итальянскаго элемента — пріискивало всевозможныя средства, чтобы представить поступокъ Бандіера какъ необдуманную выходку юношей и вернуть ихъ назадъ. Эмиліо разсказываетъ въ письмѣ къ Мацціни изъ Корфу, что эрцгерцогъ Рейнеръ, вице-король Ломбардо-венеціанскаго королевства, обѣщалъ матери Бандіера прощеніе ея сыновей, если она уговоритъ ихъ возвратиться. Но ни просьбы матери, ни обѣщаніе прощенія не подѣйствовали на Бандіера и ихъ предали суду.

Въ это время революціонное движеніе какъ будто еще не совсѣмъ угасло въ Италіи. Такъ думали и братья Бандіера, рѣ-

шаясь отправиться въ Калабрію, откуда недавно раздавался крикъ свободы и гдѣ развѣвалось революціонное знамя.

Напрасно Маццини, Фабрици, Риччарди изъ Лондона, Мальты и Парижа старались разубѣдить ихъ, представляя ихъ попытку несвоевременною и неудобоисполнимою. Сначала они какъ будто поддались убѣжденіямъ; но вслѣдъ затѣмъ вошли въ переговоры съ другими изгнанниками, пріѣхавшими въ Корфу, собрали небольшую сумму денежныхъ пожертвованій и рѣшили сдѣлать высадку въ Калабрію. Австрійское правительство и неаполитанскій король съ своей стороны не мало содѣйствовали исполненію предпріятія, которое не могло не быть гибельно для лицъ, принимавшихъ въ немъ участіе. «Неаполитанское и австрійское правительства—писалъ Маццини—знали о намѣреніи итальянскихъ изгнанниковъ явиться съ отчаянною рѣшимостью туда, гдѣ будетъ поднято итальянское знамя; но имъ нужно было вовлечь лучшихъ патріотовъ въ отчаянное предпріятіе, чтобы погубить ихъ, разбить надежды другихъ и убѣдить изгнанниковъ въ томъ, что на движеніе итальянскихъ населеній разсчитывать нечего. Пламенные и неосторожные Бандіера попались въ сѣти. Погубить ихъ было необходимо, какъ людей опасныхъ и по характеру и по связямъ, которыя они имѣли въ австрійскомъ флотѣ; для враговъ итальянскаго дѣла важно было, чтобы они не оставались въ живыхъ». Изгнанники въ Корфу были окружены шпіонами. Ихъ планы были извѣстны даже консуламъ различныхъ европейскихъ государствъ. Тѣмъ не менѣе ихъ отъѣзду и приготовленіямъ къ высадкѣ не только не препятствовали, но съ разныхъ сторонъ распространяли слухи о томъ, что въ городахъ южной Италіи все готово къ возстанію, что въ Калабріи уже появились революціонныя шайки, нуждающіяся въ предводителяхъ. Наконецъ Боккаччампе, одинъ изъ сообщниковъ Бандіера, измѣнилъ имъ. «Изо всего этого—заключаетъ Маццини—всякій ясно можетъ видѣть, кѣмъ были выбраны время и мѣсто дѣйствія—самими ли Бандіера, или врагами итальянскаго дѣла.»

Назначивъ свой отъѣздъ въ Калабрію, Бандіера написали послѣднее письмо къ Маццини: «Вѣсти изъ Калабріи и Апуліи приходятъ благопріятныя, но изъ нихъ видно, что всюду недостатокъ энергіи и довѣрія къ вождямъ. Мы рѣшились попытать счастія. Черезъ нѣсколько часовъ уѣзжаемъ въ Калабрію. Если благополучно туда доберемся, то сдѣлаемъ все, что возможно и въ военномъ и въ политическомъ отношеніи. За нами слѣдуютъ 17 другихъ итальянцевъ, большею частію эмигрантовъ; проводникъ нашъ калабріецъ. Вспоминайте насъ и вѣрьте, что если намъ удастся вступить на итальянскую землю, то мы твердо бу-

демъ держаться тѣхъ принциповъ, при посредствѣ которыхъ только и можно превратить постыдное рабство нашего отечества въ славную свободу. Если мы понесемъ неудачу, то скажите нашимъ согражданамъ, чтобы они подражали нашему примѣру, потому, что жизнь дана намъ для полезнаго и благороднаго употребленія, а дѣло, за которое мы сражались и умерли,— самое чистое, самое святое: оно есть дѣло свободы, равенства, человѣчества, независимости».

12 іюня, Аттиліо и Эмиліо Бандіера съ 18-ю товарищами отплыли изъ Корфу въ Калабрію, и на четвертый день достигли калабрійскаго берега, близъ города Котроне. Высадившись, весь отрядъ сталъ на колѣни и, поцѣловавъ родную землю, поклялся пожертвовать ей своею жизнью. Сначала Бандіера хотѣли идти въ Козенцу, чтобы освободить томившихся тамъ въ тюрьмахъ многихъ политическихъ преступниковъ. Но они должны были оставить это намѣреніе и рѣшили скрыться въ горахъ, такъ какъ со всѣхъ сторонъ двигались отряды королевскихъ войскъ, посланные для ихъ поимки. Инсургентамъ не удалось достигнуть горъ: нѣсколько дней послѣ ихъ высадки они были окружены королевскими войсками и, не смотря на отчаянное сопротивленіе, взяты въ плѣнъ. Преданные военному суду, братья Бандіера съ десятью товарищами были приговорены къ смерти и разстрѣляны въ Козенцѣ 25 іюля 1844 года. Послѣднія слова казненныхъ, передъ смертью, были: «да здравствуетъ Италія»!

XI.

Рядъ неудачныхъ революціонныхъ вспышекъ и кровавыхъ катастрофъ долженъ былъ наконецъ доказать невозможность освободить Италію горстью людей, какимъ бы самоотверженіемъ они ни обладали. Ихъ призывъ къ возстанію все еще не могъ поднять на ноги итальянскія массы, неразвитыя и неподготовленныя къ политической жизни. Этого не могла не видѣть либеральная партія, которая хотя и разбилась на различные кружки, но вся, нераздѣльно, стала стремиться къ политическому воспитанію народа, напоминаніемъ ему о принадлежавшихъ ему правахъ и уясненіемъ ему тѣхъ стремленій, которыя онъ смутно имѣлъ. Не смотря на строжайшія правительственныя мѣры, въ Италіи, въ разныхъ мѣстахъ, распространялись изданія, говорившія о необходимости освобожденія. Изъ этихъ запрещенныхъ изданій представителемъ республиканскихъ мнѣній служилъ журналъ Маццини — «Воспитатель» (l'Educatore), издававшійся съ

1843 года; проводникомъ же мнѣній болѣе умѣренныхъ служилъ, въ числѣ другихъ, печатавшихся въ тайныхъ типографіяхъ, журналъ Монтанелли, въ которомъ онъ, избѣгая рѣзкихъ и крайнихъ мнѣній, привлекалъ расположеніе большинства къ требуемымъ имъ реформамъ и убѣждалъ тосканское правительство оставить австрійскую политику и вступить на путь преобразованій.

Если впрочемъ различныя партіи и оторвавшіеся отъ нихъ кружки сходились въ общей цѣли—освобожденія Италіи отъ австрійцевъ, то они уже стали глубоко расходиться въ предлагаемыхъ ими средствахъ для достиженія этой цѣли. Одни считали возможнымъ возложить дѣло освобожденія на союзъ итальянскихъ принцевъ, другіе желали республики, третьи, наконецъ, ждали спасенія отъ одного коронованнаго лица, въ рукахъ котораго останется побѣда и который въ предшествовавшей своей дѣятельности обнаружилъ бы стремленіе къ преобразованіямъ и улучшенію политическаго быта своего народа.

Среди этихъ разногласій, въ которыхъ громче всѣхъ слышались голоса, требовавшіе реформъ, раздался одинокій голосъ аббата, который указалъ на папство, какъ на великую силу, способную освободить Италію.

Книга «Il Primato», въ которой аббатъ Джоберти, бывшій членъ «Юной Италіи», высказалъ въ первый разъ свою новую мысль, скоро послѣ своего появленія пріобрѣла громкую извѣстность, хотя на нее смотрѣли въ началѣ, какъ на парадоксъ, а не какъ на политическую программу. Она была принята благосклонно сначала только духовенствомъ, обольщеннымъ надеждою примирить Римъ съ народнымъ дѣломъ. Но по необыкновенно-счастливой случайности, одновременно съ появленіемъ книги Джоберти, въ 1846 году умеръ Григорій XVI и на папскій престолъ вступалъ кардиналъ Мастаи Феррети, человѣкъ, казавшійся олицетвореніемъ мыслей и стремленій Джоберти. Забыта была исторія папства и Италіи и всѣмъ полуостровомъ овладѣла надежда, что евангельская кротость новаго папы измѣнитъ судьбу, въ теченіе вѣковъ вооружавшую руку главы католическаго міра противъ итальянской національности. Италія искренно вѣрила въ папу и на всемъ полуостровѣ раздалось одно привѣтствіе: Viva Pio Nono!

Что же говорила книга католическаго аббата, чтобы вызвать такое увлеченіе? По мнѣнію Джоберти, Италіи принадлежитъ первое мѣсто между образованными странами міра, только потому, что Италія всегда была мѣстопребываніемъ главы католической церкви, а папство заключаетъ въ себѣ всѣ начала свободы и

цивилизаціи. Главенство папъ въ средніе вѣка было необходимо и плодотворно для народовъ, и когда это главенство прекратилось, пала и Италія. Поэтому, когда религія снова наполнитъ сердца, когда аристократія и духовенство станутъ руководителями разумнаго прогресса, когда папа сдѣлается не только намѣстникомъ Петра, но и преемникомъ Григорія VII и Александра III, тогда только Италія займетъ прежнее свое мѣсто и снова сдѣлается первою націею міра; достигнуть же этого путемъ революціи — мысль ложная и нелѣпая. Монархія, нравственно ограниченная аристократіею, — образъ правленія наиболѣе пригодный для Италіи; ей нужно правительство, не стѣсненное въ своихъ дѣйствіяхъ и рѣшеніяхъ, но руководимое совѣтами собранія, составленнаго изъ благороднѣйшихъ членовъ націи, и разумно свободною, хотя и подчиненною цензурѣ, прессою. Такимъ образомъ, Италія, укрѣпленная союзомъ добродѣтельныхъ монарховъ, подъ главенствомъ папы займетъ принадлежащее ей мѣсто въ политическомъ мірѣ.

Такова политическая программа Джоберти. Въ этой программѣ очевидна вся утопія надеждъ и воззрѣній Джоберти. Извращая исторію для того, чтобы дойти до понятія о папствѣ, какъ о представителѣ цивилизаціи, ему еще нужно было дать этому папству помощника, защитника, который бы помогъ папѣ стать во главѣ освобожденной Италіи. Этого защитника папства Джоберти нашелъ въ королѣ Піемонта. «Піемонтъ — говорилъ Джоберти — есть избранная и важнѣйшая часть Италіи по своему положенію, плодородію почвы, количеству и разнообразію произведеній; по числу, развитію, трудолюбію и дѣятельности своихъ жителей; по блестящему состоянію своего войска и финансовъ; по благоразумію своего духовенства, добросовѣстности администраціи, честности торгующаго класса, достоинству дворянства, образованности средняго сословія, умѣренности правительства, по мудрости большей части своихъ сановниковъ, и, скажемъ прямо, и откровенно, по благонамѣреннымъ, высокимъ стремленіямъ своего государя. Не смотря однако на всѣ эти блага, Піемонтъ далеко не то, чѣмъ бы онъ могъ быть, и никто, можетъ быть, не сознаетъ этого такъ глубоко, какъ управляющіе его судьбами».

Вслѣдъ за сочиненіями Джоберти вышла въ Піемонтѣ книга графа Чезаре Бальбо — Speranze d'Italia (Надежды Италіи). Въ этомъ сочиненіи Бальбо, подобно Джоберти, отвергалъ народное возстаніе, какъ средство освобожденія Италіи, и призывалъ къ этому дѣлу царствующія въ Италіи династіи, которыя должны вступить въ тѣсный союзъ между собою противъ общаго врага—

Австріи, причемъ главою союза долженъ быть Піемонтъ, какъ самое сильное и развитое изъ итальянскихъ государствъ. Такимъ образомъ Бальбо ставилъ сардинскаго короля на мѣсто, которое готовилъ Джоберти папѣ.

Въ обоихъ этихъ планахъ видна, конечно, политическая близорукость людей, предлагавшихъ примирить между собою враждебныя начала. Но такъ какъ большинство итальянцевъ потеряло вѣру въ революціонныя попытки, и готово было довольствоваться реформами, то теоріи Джоберти, Бальбо и ихъ послѣдователя д'Азеліо, казались одно время преобладающими, увлекая за собою итальянскій народъ и различныхъ государей Италіи, во главѣ которыхъ становился новый папа.

Съ дѣтскою довѣрчивостью римляне, а съ ними и другіе итальянцы привѣтствовали лучъ надежды, заблиставшій надъ ихъ несчастнымъ отечествомъ 17 іюня 1846 года, съ появленіемъ въ квириналѣ Пія IX.

Мѣсяцъ спустя, 16 мая, обнародованъ извѣстный декретъ объ амнистіи, которымъ папа давалъ прощеніе всѣмъ изгнаннымъ и состоявшимъ подъ судомъ политическимъ преступникамъ. Римъ утопалъ въ благодарственныхъ восторгахъ, волны котораго разливались по всему полуострову. Папу называли ангеломъ Ватикана; это поклоненіе вскружило ему голову; онъ наслаждался своею популярностью и вдыхалъ съ упоеніемъ ѳиміамъ, отовсюду возносившійся къ нему. «Я прочиталъ въ декретѣ объ амнистіи обѣщаніе свободы», говоритъ сицилійскій монахъ и демагогъ Вентура. «Ты прочиталъ его въ моемъ сердцѣ», отвѣчалъ ему папа.

Бѣдный мечтатель, папа, не обладая ни способностями государственнаго человѣка, ни политическимъ образованіемъ, безъ сопротивленія слѣдовалъ теченію. Въ минуты отрезвленія ему приходила мысль, что его дѣйствія рѣзко противорѣчатъ всей исторіи папства. Въ такую-то минуту онъ печально сказалъ: «Отъ меня требуютъ вещей, предпринять которыя я неспособенъ; они считаютъ меня за Наполеона. А я не обладаю ни его геніемъ, ни его силой». Но первое же выраженіе народнаго восторга, — а восторги въ то время въ Римѣ не прекращались — ослабляло это вѣрное сознаніе, возобновляло въ Піѣ желаніе народныхъ овацій и онъ шелъ далѣе по пути реформъ, которыя, также неизбѣжно, какъ молнія слѣдуетъ за громомъ, вели къ перевороту. Онъ не понималъ, что перестроить церковно-государственное зданіе католицизма, — эту средневѣковую руину, источенную червями, невозможно, и что всякій, кто возьмется за это

дѣло — увидитъ, какъ оно разсыпется прахомъ въ его рукахъ и рухнетъ при первомъ порывѣ вѣтра.

Либеральный папа представлялъ тѣмъ болѣе трагикомическую фигуру, что онъ очутился либераломъ самъ не зная какъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что Пій IX думалъ сначала отдѣлаться отъ требованія реформъ наружными уступками. Но онъ былъ и слишкомъ слабъ и слишкомъ честолюбивъ, чтобы держаться до конца такой колеблющейся политики. Вѣчныя «evviva Pio Nono»! стали для него насущною необходимостью; изъ Парижа и Лондона приходили къ нему слова одобренія изъ кабинетовъ: Гизо, который надѣялся остановить угрожавшую итальянскую революцію реформами, и Пальмерстона, который утѣшался мыслію, что реформаторъ-папа будетъ противодѣйствовать вліянію Австріи въ Италіи. Когда австрійскій посланникъ, по приказанію Меттерниха, принималъ печальный видъ въ Ватиканѣ, пожималъ плечами и все болѣе и болѣе угрожающимъ голосомъ произносилъ «однако, святѣйшій отецъ», въ глубинѣ души папы подымалось чувство, что онъ самъ итальянецъ и что «варвары» не достойны владѣть его прекраснымъ отечествомъ.

Реформа подвигалась въ Римѣ, приготовляя пути революціи и волнуя всю Италію. Особенно сильное впечатлѣніе произвели: учрежденіе государственной консульты (consulta di stato, въ апрѣлѣ 1847 года) и гражданской стражи (guardia civile, въ іюнѣ). Клерикальное правительство быстро преобразовывалось въ свѣтское. Іезуиты стали выбираться изъ Рима: не надо было имѣть особенно тонкое чутье, чтобы видѣть, что дѣла принимаютъ оборотъ, несовмѣстный съ іезуитскими требованіями неограниченной власти, невѣжества, ханжества и могильнаго спокойствія. Грозный крикъ «Смерть іезуитамъ!» раздавался съ каждымъ днемъ все громче.

Маццини изъ Лондона наблюдалъ за событіями въ Римѣ. Онъ не обманывался относительно положенія, занятаго Піемъ IX и Карломъ Альбертомъ. Во всеобщей надеждѣ на обоихъ онъ видѣлъ только «иллюзіи», которыя скоро исчезнутъ.

«Регрессивные шаги—писалъ онъ осенью 1847 года—не измѣнятъ закона, управляющаго событіями. Толчекъ данъ, и хорошо или дурно, все будетъ идти впередъ. Итальянцы имѣютъ хорошіе инстинкты, но ни тѣни политическаго разума или опытности; я говорю о большинствѣ, а не о тѣхъ немногихъ, которые способны дѣйствовать, но страдаютъ недостаткомъ мужества. Всѣ иллюзіи исчезнутъ, какъ только немногіе, дѣйствительно хорошіе люди, спокойно, обдуманно и осторожно начнутъ дѣйствовать. Пій IX, какъ я о немъ думалъ съ перваго же дня его во-

царенія — добрый человѣкъ: я знаю, что его подданнымъ теперь нѣсколько лучше, нежели было прежде; но это все! Иллюзія же будетъ ослабѣвать медленно, но несомнѣнно. Настанетъ минута, когда народъ постигнетъ, что если онъ хочетъ сдѣлаться свободнымъ, то долженъ дѣйствовать собственными руками».

Не смотря однако на такое мнѣніе свое о Піѣ IX, Маццини, подобно тому, какъ онъ обратился съ посланіемъ къ Карлу Альберту, при его вступленіи на престолъ, въ 1831 году, написалъ 8 сентября 1847 года письмо къ папѣ, приглашая его стать во главѣ движенія за національную независимость. Въ этомъ письмѣ Маццини между прочимъ говорилъ: «благодаря дѣйствію времени, ускоренному вашими предшественниками и церковной іерархіей, вѣрованія умерли, католицизмъ погибъ отъ деспотизма, какъ протестантство погибаетъ отъ анархіи. Посмотрите вокругъ себя: вы найдете людей суевѣрныхъ и ханжей, но не вѣрующихъ; злые покланяются разсчету и матеріальнымъ благамъ; добрые — просятъ и надѣятся, но никто не вѣритъ».

Пія IX не могли, конечно, увлечь совѣты Маццини, котораго онъ искренно считалъ врагомъ католицизма, но событія, происходившія въ Ватиканѣ отъ лѣта до осени 1847 года уже произвели свое дѣйствіе въ Италіи и внѣ ея. Упорство итальянскихъ государей не останавливало требованія реформъ, раздававшіяся все громче и громче.

Въ Тосканѣ стремленіе къ реформамъ началось еще прежде, чѣмъ Мастаи надѣлъ папскую тіару. Небольшое расположеніе тосканцевъ къ своему правительству, сохранившееся отъ того времени, когда тосканскіе герцоги изъ австрійскаго дома не подчинялись безусловно вѣнской политикѣ, мало-по-малу смѣнилось полнымъ взаимнымъ недовѣріемъ и неудовольствіемъ. Разныя несчастныя событія, землетрясеніе 1846 года, надѣлавшее значительныя опустошенія въ прибрежныхъ частяхъ Тосканы, неурожай и дороговизна усиливали раздраженіе, а выдача бывшаго начальника романскихъ инсургентовъ, Ренци, папскому правительству окончательно прервала всякую связь между тосканскимъ великимъ герцогомъ и его подданными. Это послѣднее событіе тѣмъ болѣе раздражило людей самыхъ умѣренныхъ, что не задолго передъ тѣмъ, когда романскіе инсургенты бѣжали въ Тоскану, то ихъ не только не выдали папѣ, но даже отправили на казенный счетъ во Францію; когда же Ренци возвратился послѣ того въ Тоскану, то онъ былъ арестованъ. Папа Григорій XVI потребовалъ его выдачи: большинство дипломатическаго корпуса поддерживало это требованіе; общественное мнѣніе, видѣвшее въ этомъ дѣлѣ вопросъ народной чести, не допускало выдачи. Адвокатъ Сальваньоли явился защитникомъ изгнанника. Дѣло было

передано въ консульту, въ которой изъ трехъ голосовъ два было въ пользу Ренци. Жена его, мать трехъ малолѣтныхъ дѣтей, подала герцогу просьбу объ освобожденіи ея мужа, которую герцогъ прочиталъ со слезами на глазахъ. Но министры и дипломатическій корпусъ настаивали на выдачѣ, и герцогъ имъ уступилъ. Общественному негодованію не было границъ. Не имѣя ни свободной печати, ни права собраній, либералы прибѣгнули къ тайной прессѣ и демонстраціямъ. Монтанелли и Гверацци стали во главѣ начавшагося движенія, олицетворяя собою, первый умѣренныя преобразованія, въ духѣ Джоберти, а второй радикальную политику, не мирившуюся на реформахъ Пія IX. Тосканское правительство, испуганное римскими реформами и всеобщимъ увлеченіемъ папою, старалось препятствовать сначала праздненствамъ и демонстраціямъ, но скоро герцогъ, поставленный между Вѣною и Римомъ, рѣшился приблизиться къ послѣднему полу-уступками, далъ нѣкоторую долю свободы печати, и согласился на учрежденіе національной гвардіи.

Въ герцогствахъ моденскомъ и пармскомъ близость австрійскихъ войскъ мѣшала осуществленію требуемыхъ преобразованій и ускоряла грозившую революцію. Народныя демонстраціи въ честь Пія IX прекращались штыками и арестами; герцогъ моденскій прямо высказывалъ свои надежды на австрійскую помощь: «Пусть эти господа либералы знаютъ—писалъ онъ—что у меня есть трехсоттысячный резервъ за По; они меня не испугаютъ и я никогда не уступлю ни въ чемъ». Смерть Маріи-Луизы передала престолъ Пармы Карлу-Лудовику Бурбону, въ которомъ самонадѣянность и неспособность соединились съ наслѣдственнымъ деспотизмомъ. Бывши еще герцогомъ лукскимъ, онъ объявилъ, «что стремленіе къ реформамъ есть ни что иное, какъ фразы нѣкоторыхъ литераторовъ и грезы незрѣлой молодежи, и что онъ ни подъ какимъ видомъ не согласится ни на какую уступку, всего же менѣе на учрежденіе національной гвардіи»; но потомъ, испуганный народной демонстраціей, даровалъ «своимъ любезнымъ подданнымъ» всѣ тѣ реформы, какія послѣдовали въ Тосканѣ, и самъ уѣхалъ изъ Лукки, уступивъ свое герцогство Тосканѣ, къ которой оно должно было отойти со вступленіемъ Карла-Лудовика на престолъ пармскій. Желая же себя обезопасить въ новыхъ своихъ владѣніяхъ отъ необходимыхъ уступокъ, онъ призвалъ въ Парму отрядъ австрійскихъ войскъ для удержанія народа въ повиновеніи.

Въ Ломбардо-венеціанскомъ королевствѣ броженіе ограничивалось сначала скромными требованіями устраненія самыхъ вопіющихъ злоупотребленій и стѣсненій, на которыя австрійское

правительство отвѣчало отказами. Народное неудовольствіе выражалось отсутствіемъ публики въ театрахъ, прекращеніемъ куренія табаку, составлявшаго монополію правительства и покупки лотерейныхъ билетовъ, въ подрывъ австрійской казнѣ. Во главѣ начинавшагося движенія стали Каттанео въ Миланѣ и Томассео и Манинъ въ Венеціи.

Совершавшіяся въ Италіи преобразованія были, конечно, ничтожны и ограничивались незначительными перемѣнами, неспособными замѣнить коренную перестройку всего политическаго быта Италіи. Болѣе серьезности и выдержки въ либеральныхъ и патріотическихъ стремленіяхъ выказали въ Туринѣ. Тамъ люди, усвоившіе себѣ національную идею единства Италіи, обратили свои надежды на Карла-Альберта потому, что онъ одинъ представлялъ дѣйствительную силу, необходимую для изгнанія австрійцевъ, не выказывавшихъ ни малѣйшаго желанія удалиться вслѣдствіе однихъ криковъ «Fuori i barbari!» Карлъ-Альбертъ, съ своей стороны, думалъ, что въ 1847 году настало давно желанное время, когда савойская династія начнетъ играть предназначенную ей роль въ итальянской исторіи. Конечно, онъ не заикался о своей династіи, но говорилъ только о независимости Италіи, а свои династическія стремленія старался прикрыть итальянскимъ знаменемъ. Онъ писалъ графу Кастаньетто: «Такъ, какъ Богъ повелѣваетъ намъ начать войну за независимость Италіи, то я съ моими дѣтьми готовлюсь къ битвѣ; какой прекрасный для меня день будетъ тотъ, когда можно будетъ призвать къ оружію за итальянскую независимость».

Но война еще не начиналась, и Карлъ-Альбертъ впалъ въ свою обычную нерѣшительность и трусость. Полиція, по его приказанію, преслѣдовала женщинъ за ленты цвѣтовъ Пія IX, а мужчинъ за галстухи à la Mastaï. Иниціативы въ народномъ дѣлѣ ждать отъ такого человѣка было нечего. Толчекъ, которымъ долженъ былъ начаться переворотъ въ Италіи, пришелъ изъ Сициліи.

Незадолго передъ тѣмъ вышло въ Палермо сочиненіе Амари «Исторія сицилійской вечерни», представлявшее какъ бы теорію возстанія и въ которомъ не трудно было найти сходство между Карломъ Анжуйскимъ и Фердинандомъ II. Авторъ этого сочиненія, дозволеннаго, впрочемъ, цензурою къ печати, долженъ былъ бѣжать во Францію, а запрещенія книгопродавцамъ продавать эту книгу и журналамъ писать о ней привлекли къ ней еще болѣе общественное вниманіе, искавшее только случая выразить свое неудовольствіе и ненависть къ неаполитанскому правительству. Движеніе началось съ демонстрацій въ честь Пія IX,

требованія реформъ, битья стеколъ въ королевскихъ дворцахъ и кончилось 12 января 1848 года открытымъ возстаніемъ, во главѣ котораго сталъ, въ Палермо, Руджеро Сеттимо. Неаполитанскія войска, послѣ упорнаго сопротивленія и бомбардированія города, должны были удалиться изъ Сициліи, въ которой и другіе города послѣдовали примѣру Палермо, прогнали неаполитанскіе гарнизоны и затѣмъ лишили бурбонскую династію сицилійской короны, не смотря на обѣщаніе Фердинанда даровать сицилійцамъ амнистію и конституцію.

Возстаніе Сициліи испугало неаполитанскаго короля. Каково было его правительство, объ этомъ можно судить изъ слѣдующихъ словъ Карла Поэріо въ его запискѣ, переданной Пальмерстону передъ 1848 годомъ: «Реакція, сдѣлавшись правительственной системой, захватила всѣ должности, поддерживаетъ народъ въ рабствѣ, покровительствуя невѣжеству и суевѣрію; она пугаетъ его казнями, истощаетъ поборами; опираясь единственно на грубую силу, она съ невозмутимымъ спокойствіемъ превратила невѣжество и нищету подданныхъ въ опору престола и свое могущество основала на всеобщемъ угнетеніи». Сицилійскія событія придали смѣлости неаполитанцамъ; народныя демонстраціи усиливались съ каждымъ днемъ. Наконецъ 27 января, когда король, въ отвѣтъ на выраженное имъ желаніе разсѣять картечью толпу, собравшуюся передъ его дворцомъ, услышалъ совѣтъ, уступить требованіямъ своихъ подданныхъ, отъ преданныхъ ему людей — губернатора Стателла и генерала Руберти, изъ которыхъ послѣдній объявилъ, что выйдетъ въ отставку, но не станетъ стрѣлять въ беззащитную толпу, — Фердинандъ рѣшился сдѣлать нѣкоторыя уступки. При этомъ онъ утѣшался воспоминаніемъ о своемъ дѣдѣ, который, въ 1820 году, точно также вынужденъ былъ сдѣлать уступки, что̀ не помѣшало ему потомъ снять съ себя данную клятву на вѣрность конституціи. Уступки короля начались съ того, что онъ принесъ въ жертву недовольнымъ своихъ любимцевъ, ненавидимыхъ всѣми: министра полиціи тайной и явной, Делькаретто, и своего духовника Кокля; потомъ обѣщалъ конституцію и образовалъ полулиберальное министерство. Когда новые министры представлялись королю, то онъ сказалъ имъ, что его именемъ злоупотребляли, что ему до сихъ поръ оставались неизвѣстными всѣ казни и жестокости, которымъ подвергались его подданные. Добродушный Боццелли, назначенный министромъ внутреннихъ дѣлъ, нѣсколько разъ сидѣвшій въ тюрьмѣ за свои либеральныя стремленія, бросился на колѣни передъ Фердинандомъ, воскликнувъ: «Государь! еслибы я прежде зналъ ваше величество, я бы никогда не участвовалъ въ загово-

рахъ». Король смѣялся надъ этой довѣрчивостью, говоря своимъ приближеннымъ: «не правда ли, мы дешево отдѣлались отъ этихъ глупцовъ». 10 февраля, была обнародована конституція въ королевствѣ обѣихъ Сицилій, и либералы—Боццели, Саварезе, Саличетти, не исключая и самого Поэріо, остались вѣрными защитниками неаполитанской монархіи.

Позади Неаполя оставаться было невозможно, и либеральный конституціонный аппаратъ въ томъ же мѣсяцѣ былъ перенесенъ во Флоренцію, Римъ и Туринъ. 15 февраля, Леопольдъ II подписалъ конституцію для Тосканы. Папа пробовалъ было остановиться на скользкомъ поприщѣ полумѣръ и мелкихъ уступокъ, но наконецъ, 24 февраля, папскій нунцій въ Вѣнѣ съ кислой миной сообщилъ, также весело слушавшему его, Меттерниху, что его святѣйшество не можетъ отказать Церковной области въ конституціи, которая и была провозглашена 14 марта.

Карлъ Альбертъ, побуждаемый со всѣхъ сторонъ, обѣщалъ 8 февраля конституцію и затѣмъ обнародовалъ самый статутъ, главнѣйшія основанія котораго были заимствованы изъ французской хартіи, съ тою разницею, что католическая религія признавалась господствующею, а прочія вѣроисповѣданія были только терпимы въ государствѣ.

Въ это время вспыхнула революція въ Парижѣ, и толчокъ ея видимо отдался въ Вѣнѣ, Миланѣ, Венеціи.

Подобно электрическому удару пробѣжало въ итальянцахъ сознаніе, что «пробилъ великій часъ» (il gran momento e venuto!) Вездѣ оставлено обсужденіе конституцій. Общій лозунгъ,—итальянское единство и независимость. Но кто же долженъ, кто можетъ быть вождемъ Италіи противъ Австріи? Одинъ только сардинскій король. Весь полуостровъ оглашается гимномъ:

Sorgete Italiani,
A vita novella!
D'Alberto la stella
Risplende nel ciel.
Stringiamoci assieme
Siam tutti fratelli!
In giorni piu belli
Ci gioja sperar.» [1])

Казалось, что наступаетъ время для осуществленія плановъ Джоберти и Бальбо....

Когда, спустя нѣсколько дней, послѣ обнародованія статута

---

[1]) Возстаньте, итальянцы, къ новой жизни! Звѣзда Альберта заблистала на небѣ. Соединимтесь, всѣ мы братья! Намъ весело надѣяться на лучшіе дни.

образовалось въ Туринѣ первое конституціонное министерство, подъ предсѣдательствомъ графа Бальбо, то господствовавшее у всѣхъ желаніе войны съ Австріей высказалось еще яснѣе. Нѣкоторые члены новаго министерства приняли власть только подъ тѣмъ условіемъ, что Австріи немедленно будетъ объявлена война. Такое же требованіе выражалось въ это время въ Тосканѣ, Неаполѣ и Римѣ. Но Карлъ Альбертъ все еще не рѣшался высказаться открыто — онъ боялся объявить войну Австріи, которая не подавала къ тому прямого повода. Ему помогли неожиданныя обстоятельства: революція въ Вѣнѣ и возстаніе въ Ломбардіи. Теперь Карлъ Альбертъ находилъ достаточный предлогъ для вторженія въ австрійскіе предѣлы. Возстаніе въ Ломбардіи обращалось къ Піемонту съ просьбою о помощи. Карлъ Альбертъ протягивалъ ему руку, думая оправдать себя передъ Европою тѣмъ, что онъ вмѣшивается въ дѣла Ломбардіи для спасенія въ ней монархическихъ началъ.

Пять дней продолжалась борьба миланцевъ съ австрійцами. У Радецкаго было 25,000 войска и 200 пушекъ, которыми онъ бомбардировалъ городъ. У миланцевъ недоставало ни оружія, ни пороху, ни съѣстныхъ припасовъ; но за то они обладали замѣчательными мужествомъ и твердостью. Рядомъ съ мущинами и юношами сражались старики, женщины и дѣти. Оружіе убитыхъ солдатъ и артиллерійскіе снаряды поспѣшно подбирались и обращались противъ самихъ австрійцевъ. Камни отъ мостовой, кровельныя черепицы—все обращалось въ оружіе. Не участвовавшіе въ сраженіи изготовляли порохъ, отливали пули, ухаживали за ранеными; небольшіе воздушные шары разносили во всѣ стороны извѣстія о возстаніи въ Миланѣ, просьбу о помощи и призывъ ко всеобщему возстанію. Послѣ обильнаго кровопролитія Радецкій предложилъ войти въ мирные переговоры съ возставшимъ городомъ, но получилъ отказъ по настоянію стоявшаго во главѣ временного правительства, даровитаго писателя и экономиста, Катанео. Его уговаривали прекратить борьбу, такъ какъ у миланцевъ нѣтъ снарядовъ, и жизненныхъ припасовъ хватитъ всего на двадцать четыре часа. «Снаряды намъ будетъ доставлять непріятель, а двадцать четыре часа съ жизненными припасами и двадцать четыре часа голода, это слишкомъ достаточно для нашей побѣды», — отвѣчалъ Катанео. Наконецъ, Радецкій долженъ былъ выступить изъ Милана 23 марта 1848 года. Катанео, членъ «Юной Италіи», настаивалъ на провозглашеніи республики въ Миланѣ, и на союзѣ съ Венгріей, но партія умѣренныхъ и сторонниковъ Піемонта была слишкомъ сильна и временное правительство вступило въ переговоры съ Карломъ Аль-

бертомъ о союзѣ Піемонта съ Ломбардіею, послѣ чего Катанео сложилъ съ себя власть.

Въ день возстанія Милана, произошло и въ Венеціи первое кровавое столкновеніе между венеціанцами и австрійцами. Благодаря коменданту Зичи, который неспособенъ былъ на безполезное кровопролитіе и жестокости, борьба продолжалась не долго и освобожденный городъ провозгласилъ у себя республику, поставивъ во главѣ временнаго правительства Манина и Томмассео [1]).

23 марта 1848 года, Карлъ Альбертъ въ своей прокламаціи обѣщалъ ломбардцамъ и венеціанцамъ свою помощь, при чемъ впрочемъ не говорилъ, что помощь эту онъ даетъ не даромъ, а для увеличенія владѣній Савойской династіи.

24 марта было приказано піемонтскимъ войскамъ перейти Тичино и самъ король съ своими двумя сыновьями отправился въ армію.

Первыя дѣйствія Карла Альберта обѣщали успѣхъ. Войну съ Австріей начиналъ онъ не одинъ: всѣ итальянскія правительства вынуждены были подчиниться народнымъ требованіямъ; Римъ, Неаполь, Тоскана посылали свои войска на границы Ломбардіи. Но Карлъ Альбертъ впалъ въ ту же ошибку, въ какую передъ нимъ впадали и революціонеры, мечтавшіе объ единствѣ Италіи. Онъ считалъ возможнымъ произвести переворотъ въ Италіи безъ помощи народныхъ массъ, къ которымъ онъ не хотѣлъ обращаться: даже отряды волонтеровъ возбуждали въ немъ какое-то недовѣріе и боязнь республиканизма, и онъ не только не заботился о поддержаніи народнаго энтузіазма, но даже скорѣе готовъ былъ потушить его. Въ самое короткое время пьемонтскія войска одержали нѣсколько побѣдъ надъ австрійцами, которые потеряли не только Ломбардію, но почти всю Венеціанскую область, за исключеніемъ нѣсколькихъ небольшихъ крѣпостей. Казалось, что дѣйствительно звѣзда Карла Альберта взошла: Ломбардія, Парма, Модена, Падуя, Виченца, Тревизо и Ровиго объявили свое желаніе войти въ составъ Сардинскаго королевства. Вслѣдъ затѣмъ этому примѣру послѣдовала и Венеція, а депутація отъ палермскаго парламента предложила сыну Карла Альберта, герцогу Генуэзскому, сицилійскую корону. Но успѣхи Карла Альберта продолжались не долго. Очень скоро онъ увидѣлъ себя одинокимъ въ борьбѣ съ Австріей. Прочіе го-

---

[1]) Мы не будемъ излагать здѣсь подробно ходъ борьбы Венеціи съ Австріей, такъ какъ это уже составляло предметъ двухъ статей въ «Вѣстникѣ Европы» 1866 г. т. III и IV, подъ заглавіемъ «Борьба Венеціи съ Австріею», В. Г. Авсѣенко.

судари Италіи одинаково мало сочувствовали какъ національнымъ стремленіямъ къ единству, такъ и династическимъ планамъ сардинскаго короля. Въ самой Тосканѣ, гдѣ въ началѣ былъ такъ силенъ воинственный энтузіазмъ, онъ сталъ замѣтно охладѣвать, и тамъ съ ожесточеніемъ стали противиться династическимъ стремленіямъ Карла Альберта.

Черезъ два мѣсяца послѣ начала кампаніи австрійцы снова вступали въ обладаніе почти всѣхъ своихъ прежнихъ областей; за побѣдою при Гоито слѣдовало пораженіе піемонтской арміи при Кустоццѣ. Карлъ Альбертъ думалъ послѣ этого дать послѣднее сраженіе подъ стѣнами Милана, куда піемонтскія войска и вступили 3 августа 1848 года. Но оборона Милана оказалась невозможною за отсутствіемъ оборонительныхъ средствъ, и Карлъ Альбертъ выступилъ изъ Милана, испытавъ на себѣ всю ярость народнаго гнѣва, вызваннаго извѣстіемъ о предстоявшей капитуляціи и доказавшаго ему, что желаніе присоединиться къ сардинскому королевству вовсе не было такъ единодушно въ Миланѣ, какъ ему это прежде представляли его приближенные. Послѣ капитуляціи Милана было заключено перемиріе въ Саласко. Семь мѣсяцевъ затѣмъ продолжались переговоры между Сардиніей и Австріей, при посредничествѣ Франціи и Англіи, принятомъ съ благодарностью Карломъ Альбертомъ, уже отказавшимся отъ своихъ извѣстныхъ словъ «Italia fara da se». Какъ ни безразсудно было возобновлять войну съ неоправившимися еще силами, но Карлъ Альбертъ и туринская палата депутатовъ требовали войны. Самъ король готовился погибнуть въ сраженіи въ случаѣ неуспѣха, подобно тому, какъ передъ нимъ погибли братья Бандіера и другіе энтузіасты-революціонеры, стремленій которыхъ онъ никогда не понималъ и всегда имъ противодѣйствовалъ. Но смерти не нашелъ Карлъ Альбертъ въ этой новой кампаніи. Послѣ пораженія подъ Новарою, въ которомъ піемонтскими войсками предводительствовалъ польскій эмигрантъ Хржановскій, Карлъ Альбертъ отказался отъ короны въ пользу своего сына Виктора-Эммануила, который и заключилъ миръ съ Австріею.

Теоріи Джоберти и Бальбо были разбиты.

НЕРОНЪ

ТРАГИКОМЕДІЯ.

(К. Гуцкова.)

КАРТИНА ТРЕТЬЯ*).

Въ лѣсу.

Входитъ старый СЦЕВИНЪ.

СЦЕВИНЪ.

Заговоръ противъ цезаря! и я въ немъ участвую!... Ну, слава небесамъ, наконецъ я оставилъ городъ и чувствую, что могу безопаснѣе оцѣнивать свои достоинства. Мнѣ кажется, что весь свѣтъ сталъ смотрѣть на меня, какъ на чудо, съ тѣхъ поръ, какъ я далъ клятву, хотя ее и слышали только двѣнадцать человѣкъ. Въ воздухѣ что-ли вѣетъ этимъ дерзкимъ дѣломъ, или просто мой страхъ строитъ передо мною повсюду тріумфальные столбы и рядомъ съ ними висѣлицы? И какимъ образомъ я разомъ дошелъ до того, что вдругъ сдѣлался чѣмъ-то необычайнымъ, чѣмъ-то въ родѣ кассира, необворовывающаго кассы, въ родѣ нуля, который при умноженіи на самого себя даетъ четное число?.. Между тѣмъ я погибаю еще только при однихъ приготовленіяхъ къ великому дѣлу, которое взялся исполнить. Не понимаю, какъ могло распространиться всюду, что я честный человѣкъ! Теперь мнѣ всѣ, кого я ни встрѣчу на улицѣ, кланяются такъ подоз-

*) См. выше: мартъ, 304 — 329 стр.

рительно, подмигиваютъ и дѣлаютъ всякіе таинственные знаки, чтобы заставить понять себя. Мои сотоварищи—это люди, имена которыхъ помѣчены; всѣ они уже пообжигали себѣ не разъ пальцы. Ни одинъ изъ нихъ не можетъ стать въ сторонѣ, въ какомъ-либо углу, безъ того, чтобы не обратить на себя вниманія, не быть заподозрѣннымъ въ тайномъ дѣлѣ. Вѣчные боги! я чувствовалъ почтеніе къ этимъ людямъ въ темнотѣ, я съ восторгомъ познакомился бы съ заговоромъ Пизона, если бы потухъ свѣтъ; но встрѣчать на улицѣ ихъ улыбки и привѣтствія, расточаемыя мнѣ, какъ великому характеру,—да, для того нужно имѣть характеръ, не много большій, чѣмъ у меня.—Кто это идетъ? Мой рабъ Мелихъ. Онъ германецъ; я первый сдѣлалъ его римляниномъ. Тайную переписку я принимаю отъ него только подъ покровомъ неба. Если бы я не вмѣшался въ заговоръ, то онъ велѣлъ бы убить меня точно также, какъ — я долженъ ожидать этого — велитъ убить Неронъ.

МЕЛИХЪ—рабъ Сцевина, входитъ.

МЕЛИХЪ.

Поклонъ отъ господина Пизона. Вотъ письмо къ вамъ.

СЦЕВИНЪ — распечатываетъ письмо.

Вчера былъ брошенъ жребій,
Кому должна достаться слава
Убійства цезаря; и вотъ, судьба
Тебѣ ударъ предоставляетъ первый —

Чудесная штука! мнѣ выпалъ жребій! я долженъ убить Нерона? Боги посылаютъ мнѣ порученіе какъ разъ въ преисподнюю! Проклятая глупость—рѣшеніемъ важныхъ вещей играть словно въ четъ и нечетъ! Развѣ я затѣмъ родился на свѣтъ и добродѣтельно жилъ, чтобы другихъ сживать со свѣта? Право, пусть уже лучше я былъ бы забулдыгой, пьяницей, обманщикомъ, воромъ! А то, вотъ я честный человѣкъ и поэтому самому получаю приглашеніе къ заговору! О, если бы я остался въ нѣдрахъ моей матери и обманулъ бы надежду моего отца! Мелихъ! что ты, любезный, вертишься около меня, какъ гончая собака? стой нѣсколько подальше. Вся римская исторія влезаетъ на меня по милости твоей лжи! Вѣдь это письмо—подмѣненный выкидышъ?

МЕЛИХЪ.

Побожиться, нѣтъ! могу ли я написать ложное письмо? Хотя

въ моемъ отечествѣ, Германіи, много сдѣлано для просвѣщенія народа, но все же я не могъ бы выразить свои мысли такъ ясно. Кажется, письмо написано очень ясно?

СЦЕВИНЪ.

Нельзя было дать такого порученія бойцу болѣе жалкому! Я рѣшительно не имѣю ни малѣйшей снаровки, чтобы хорошо разсчитать ударъ и нанести его кому бы то ни было. Первый ударъ! Ну, а если я помедлю? Можетъ быть кто-нибудь и предупредитъ меня? Противъ второго удара, я ничего не скажу, если только не случится у меня въ рукѣ ревматическій припадокъ. Пресквернo имѣть репутацію свободно-мыслящаго человѣка, когда ее приходится доказывать фактами! Ступай прочь, медвѣдь, и не ходи за мной слѣдомъ. — Уходитъ.

МЕЛИХЪ.

Медвѣдь! это, вишь, намекъ на мое отечество. Здѣсь все какъ-то неестественно, все дѣлается шиворотъ на выворотъ! Хотя бы, примѣрно, мое честное нѣмецкое имя: я называюсь Михель; и вотъ, въ родѣ того, какъ ноги закладываютъ одна на другую, они такую же штуку дѣлаютъ съ буквами и зовутъ меня Мелихъ! Прекурьезный этотъ римскій народъ! Вчера мнѣ одинъ кричитъ: эй «Michaeles germanice»! замѣчаете въ чемъ тутъ суть? Я не глупъ, я понимаю, что онъ хотѣлъ выразить! Именно—что если я донесу на богатаго Сцевина и заслужу право носить портретъ цезаря въ петлицѣ? — Я поразмыслю на досугѣ объ этомъ дѣлѣ. Уходитъ.

Выходитъ ТАЦИТЪ, пустынникъ, изъ хижины; въ рукахъ у него таблица и стиль.

ТАЦИТЪ.

Мой вѣрный стиль! царишь ты горделиво,
Какъ въ храмѣ жрецъ, средь ужасовъ временъ!
Ты судишь ихъ спокойно и пытливо;
И пусть гроза шумитъ со всѣхъ сторонъ,
Пускай бѣдой и мракомъ вѣютъ тучи —
Перунами и громомъ не смущенъ —
Летишь ты къ солнцу, какъ орелъ могучій!
Какъ дивно пѣснь исторіи звучитъ!
Омыты въ ней потоки крови черной
Струею слова правды животворной;
Все измѣняетъ свой тревожный видъ,

Въ ея кристалѣ отразившись ясномъ,
И судъ ея, страшнѣй Эриній, мститъ
Тиранства преступленіямъ ужаснымъ!..
Но всежъ, порой, меня гнететъ печаль,
И безнадежностью душа моя томима,
Когда подумаю, что въ вѣчную скрижаль,
Я заношу событья жизни Рима!
Бросаетъ стиль усталая рука,
И крови токъ, застывшей и холодной,
Вновь подступаетъ къ сердцу старика
Порывомъ скорби безъисходной!
О, время золъ, въ которое судьбой
Намъ суждено влачить существованье!
Ты не насмѣшка-ль неба надъ землей?
Все, въ чемъ есть отблескъ истины святой —
Все предано тобой на поруганье!
Нѣтъ доблестей былыхъ, нѣтъ вѣры древнихъ лѣтъ,
Утрачены и мужество, и слава!
Нѣтъ правды на землѣ, и въ небѣ Зевса нѣтъ—
Онъ для жрецовъ продажная забава!
Лишь стыдъ одинъ маякомъ тусклымъ намъ
Блеститъ во тьмѣ: гроза шумитъ и стонетъ,
И чести челнъ по плещущимъ волнамъ
Бросаетъ бѣшено и на утесы гонитъ!...
Порокъ, отмѣченный сіяющимъ клеймомъ
Позорныхъ дѣлъ, кровавыхъ преступленій,
За добродѣтелью, крадущейся тайкомъ,
Слѣдитъ подобно неотступной тѣни;
Коварствомъ успѣваетъ обмануть
Ея довѣрчивость, и — улучивъ мгновенье —
Вонзаетъ ей оружье смерти въ грудь,
Съ свирѣпымъ смѣхомъ озлобленья!...

Входитъ ЮЛІЙ ВИНДЕКСЪ.

ЮЛІЙ ВИНДЕКСЪ.

Я тьмы ищу, въ которой бы свой стыдъ
Я могъ сокрыть! Мнѣ чудится, что слѣдомъ
За мною тѣнь моя бѣжитъ и льстиво
Цѣлуетъ грязь у ногъ моихъ, ликуя
О томъ, что я позорной лѣни преданъ:
Ничтожества пустое отраженье —
Она какъ будто оправдать желаетъ
Ничтожество.

ТАЦИТЪ.

Ты правильно сказалъ,
Что отъ ничтожества родится
Одно ничтожество. Повѣдай мнѣ,
О юноша, что̀ тяготитъ тебя?

ЮЛІЙ ВИНДЕКСЪ.

Я кляча жалкая, которой рысью
Нѣтъ силъ идти. Мнѣ жизнь спустила поводъ —
И я бреду, не зная самъ куда,
Понуривъ голову въ тупомъ забвеньи.
Я все утратилъ здѣсь: отца и мать,
Любовь и дружбу! Если въ этомъ жизнью
Обманутъ я, то, можетъ быть, есть ложь
И самое мое существованье?

ТАЦИТЪ.

Ты полонъ силы молодой — будь мужемъ!

ЮЛІЙ ВИНДЕКСЪ.

Ты говоришь: будь мужемъ! отчего
Не скажешь ты сперва — будь человѣкомъ?
Вы всѣ, мечтатели на склонѣ лѣтъ,
Твердите о рѣшимости, о правѣ
Великомъ мужества. Вашъ старый вѣкъ
Къ концу идетъ, и вы отъ юной жизни
Желаете, чтобъ въ смерти для себя
Она найти съумѣла добродѣтель!
И что такое мужество? Клянусь,
Я трусости не знаю! но за что же
Страдать я долженъ? не за толь, что міръ
Жестоко такъ устроенъ, что отъ бѣдствій
Мы вынуждены вѣчно защищаться?
Что въ немъ все создано на жертву смерти?
Что соловья и жаворонка трели,
Поющія любовь, звучатъ за тѣмъ лишь,
Чтобъ намъ кончину дня напоминать?!

ТАЦИТЪ.

Пусть такъ; но въ жизни ты вознагражденъ,

Когда ты слѣдуешь завѣту правды,
Которая въ тебѣ самомъ живетъ.

ЮЛІЙ ВИНДЕКСЪ.

Которая живетъ во мнѣ! что̀ пользы
Себя морочить столь безумной вѣрой?
Пусть въ этомъ мірѣ я утратилъ все,
Что дорого души воспоминаньямъ,
Но все-таки она хранитъ остатокъ:
Надежды лучъ, на будущее взглядъ —
Предчувствіе судьбы для міра лучшей! —
Иль день одинъ въ другой не переходитъ?
Коль такъ, зачѣмъ исторія тогда?
Должны-ль мы настоящее принять
Такимъ, какъ есть оно, и думать,
Бездѣйствуя: пускай потокъ временъ
Его куда угодно направляетъ?

ТАЦИТЪ.

Но міровой исторіи основа
Не въ геніѣ таится, не въ талантѣ,
Не въ томъ, что награждается успѣхомъ.
Исторія есть небольшая повѣсть,
Короткая, какъ праведника сонъ,
Пространствомъ ограниченная тѣснымъ
Одной лишь только жизни человѣка.
Существованья личныя, какъ звенья
Единой цѣпи, въ пустотѣ временъ
Между собой сплетаются и міра
Исторію рождаютъ постоянно;
Но путь ея опредѣляетъ воля,
Вдохнувшая въ насъ жизни бытіе!

ЮЛІЙ ВИНДЕКСЪ.

Проклятіе безумной этой вѣрѣ!
Ужели только тѣнью божества
Существовали царства и народы,
Которыхъ жизнь цвѣла роскошнымъ садомъ,
Блистала, какъ плеяды въ небѣ синемъ?
Возможноль, чтобъ исторія вселенной
Въ границахъ одного меня слилася?

И развѣ въ этой жизни человѣкъ
Не достигаетъ ничего иного,
Какъ только личнаго существованья?
Нѣтъ, для меня грядущее не часть
Придаточная скорлупы живого,
Великаго зародыша творенья,
Не оболочка шлаковъ у руды,
Не матерьялъ, которому даетъ
Невѣдомый толчейный молотъ формы:
Мы создаемъ въ немъ нѣчто! мракъ безмолвный
Грядущаго наполниться не можетъ
Однимъ воспоминаньемъ о минувшемъ;
Не будетъ снова молодымъ старикъ,
Но юноша себя извѣдать долженъ
На поприщѣ дѣяній въ первый разъ!

ТАЦИТЪ.

Кто придаетъ подобное значенье
Злымъ временамъ, въ которыя живемъ мы,
Что можетъ въ нихъ найти онъ для печали?

ЮЛІЙ ВИНДЕКСЪ.

Старикъ! кто на бездѣйствіе свое
Надѣется — похожъ тотъ на медвѣдя,
Сосущаго въ берлогѣ темной лапу:
Мурлычитъ подъ носъ онъ себѣ систему,
Которая бы привела его
Въ ближайшій улей. Ты творишь себѣ
Изъ глины міръ; съ тобою онъ живетъ
И падаетъ во прахъ съ тобою вмѣстѣ!...
Я говорю, что этотъ свѣтъ пустынный,
Его всегдашній шумъ и бушеванье,
Его стремленье вверхъ и внизъ, паденье
Имѣютъ цѣль свою и свой законъ!
Борьба и та становится полезной:
Оказываетъ смерть услугу жизни!
Таковъ удѣлъ временъ, чтобы изъ зла,
Изъ нѣдръ несчастія добро произрастало!
Добро себя чрезъ зло провозвѣщаетъ,
Чрезъ зло, порой сильнѣйшее того,
Которое мы истребить желали.

ТАЦИТЪ.

Несчастный юноша! Что испыталъ ты въ жизни,
Когда смятенью чувствъ своихъ и мыслей,
Въ мечтѣ такой находишь утѣшенье?
Что ослѣпило взоръ твой? что твой слухъ
Такъ оглушило? Кажутся тебѣ
Стеклянными листы деревъ, и въ камнѣ
Ты видишь хлѣбъ! Иль то одна кичливость,
Что ты такъ дерзко хочешь изловить
Рукою облаковъ туманныхъ пятна?
О юность, скорая на все, сравнять
Всегда себя готовая съ богами!
Къ чему мечты безумныя? Люби
Ты добродѣтель въ жизни; непороченъ
Будь въ нравахъ и рѣчахъ; будь отраженьемъ
Своей души цвѣтущей идеала;
Совѣтамъ старости внимай и будь
Ея подпорой сильною и бодрой;
Страстей порывы сдерживай всечасно,
И, раздувая юности огонь,
Безъ устали работай: только дѣло
Живетъ одно: все остальное—призракъ!

ЮЛІЙ ВИНДЕКСЪ.

Вамъ ненавистно юности стремленье,
Жизнь украшать нарядомъ разноцвѣтнымъ!
Вамъ хочется, чтобы она, какъ вы,
Состарѣлась и отличалась только
Рѣшимостью да мужествомъ; вамъ нужно
Уродливое существо, до срока
Созрѣвшее; въ холодномъ вашемъ сердцѣ
Отвѣта нѣтъ на пылкіе порывы!
Отъ юности вы требуете строго
Характера въ то время, какъ она,
Съ своей распущенностію ясной,
У жизни жадно проситъ наслажденья.—

ТАЦИТЪ.

Не говори! я знаю эти рѣчи:
Вы, юноши, хотите устранить
Себя отъ партій, и однимъ движеньемъ

Своей руки туда, или сюда,
Поворотить стремленіе временъ?
Вы возстаете противъ тираній,
Но вамъ ея распущенность по нраву.—

ЮЛІЙ ВИНДЕКСЪ.

Прости меня — я клеветалъ безумно!
Да, благородный мужъ, въ лѣсной глуши
Я долженъ былъ съ тобою повстрѣчаться,
Чтобъ устыдиться самого себя!
Прими же исповѣдь души моей:
Несчастья тьма мой омрачила духъ
Такъ глубоко, что въ заблужденьи горькомъ,
Я началъ видѣть міръ на оборотъ!...
Но прочь теперь все, чѣмъ морочатъ насъ
Фантазія и лживое искусство!
Повязка мрака съ глазъ моихъ ниспала,
Я вижу, что умомъ и силой духа
Съ зломъ, въ наши дни, бороться невозможно;
Инымъ путемъ мы дѣйствовать должны:
Сплотиться нужно намъ; чего одинъ
Не сдѣлаетъ, то одолѣютъ двое!
О скорбь души! на время замолчи,
О сердце! все забудь ты, кромѣ чести —
И пусть заблещутъ копья правой мести,
Пусть казнь тиранству понесутъ мечи!

Падаетъ на грудь пустыннику.

ТАЦИТЪ.

Мой сынъ, сгораешь ты въ огнѣ сомнѣній!

ЮЛІЙ ВИНДЕКСЪ.

Нѣтъ! я стою на берегу морскомъ,
Смотря на бездну, плещущую бурно,
И броситься въ нее хочу безъ страха!
Прощай! я долженъ въ памяти своей
Хранить одно: пусть лучше я умру,
Чѣмъ откажусь душой отъ дѣла мщенья!
Скажи свое мнѣ имя на прощанье?

ТАЦИТЪ.

Быть можетъ, ты уже слыхалъ его;

Прощай, о юноша, Корнелій Тацитъ
Съ тобою говорилъ.

Уходитъ.

ЮЛІЙ ВИНДЕКСЪ.

Такъ это онъ—
Сѣдой пророкъ, что время для себя
Въ прошедшемъ отражаться заставляетъ?
Такъ это тотъ мужъ истины, который
Насъ научилъ, что римская свобода
Рукой преступной цезарей убита?
Который на челѣ вѣнчанномъ ихъ
Клеймо позора такъ глубоко выжегъ?
Какъ я люблю исторію его,
Гдѣ приговоры мудрые безстрашно
Онъ изрекаетъ, передъ цѣлымъ свѣтомъ
Всѣ происки тиранства обнажая!
Его письменъ правдивые глаголы
Въ моей душѣ отозвалися вновь!
Могу-ль еще я думать, что далеко
Та цѣль, къ которой долженъ я стремиться?
Могу-ль еще страшиться честной смерти,
За дѣло правое святой свободы?
Онъ говоритъ мнѣ твердо: «ты послужишь
Благому дѣлу жизни, если жизнь
Продашь возможно дорогой цѣною;
Оставь безплодный бредъ пустыхъ мечтаній,
И мысль свою сосредоточь на дѣлѣ
Достойномъ мужества души великой!..»
Прочь отъ меня все, чѣмъ смущался я:
Прочь цезаря безумье шутовское!
Прочь и Поппея, сердцу моему,
Увы, еще донынѣ дорогая!...
Когда и какъ Нерона я убью?
Одна лишь ночь еще пройдетъ — и это
Обдумано мной будетъ непреложно!

Уходитъ.

СЦЕВИНЪ и МЕЛИХЪ выходятъ снова.

СЦЕВИНЪ.

Кажется тамъ кто-то стоитъ? Эй, кто это?

МЕЛИХЪ.

Это я, господинъ!

СЦЕВИНЪ.

Это ты, Мелихъ! (Разсматриваетъ кинжалъ.) Ты хорошо сдѣлалъ, мой милый, что принесъ мнѣ эту штуку. Съ этимъ кинжаломъ я иду на встрѣчу безопасности уже съ меньшей опасностью, такъ какъ онъ похищенъ съ алтаря богини безопасности. Онъ послужитъ мнѣ плавательнымъ пузыремъ въ потокѣ приключеній, въ который я долженъ броситься. Дай-ка его сюда. Мелихъ, куда же ты дѣвалъ кинжалъ безопасности?

МЕЛИХЪ.

Онъ у васъ въ рукахъ, господинъ.

СЦЕВИНЪ.

Да; я хотѣлъ только, чтобы ты взялъ его. Какое это предательское слово кинжалъ! Пожалуйста, Мелихъ, отучи себя отъ такого яснаго обозначенія вещей. Вообрази себѣ, что эта штука имѣетъ вмѣсто одного острія два, и называй ее для меня лучше вилкою.

МЕЛИХЪ.

Кого же вы хотите съѣсть этою вилкой?

СЦЕВИНЪ.

Что, что такое? Ты подслушиваешь, негодяй? Ты мѣшаешься въ дѣла, которыя тебя вовсе не касаются! Ужъ не предполагаешь ли ты, что у меня есть работа для употребленія этого инструмента? Инструмента, сказалъ я, понимаешь-ли ты? Скажи: ты умѣешь щипать корпію? Достань же, что можешь, по части старыхъ рубашекъ, платковъ и тому подобнаго. Что ты таращишь глаза? Не думаешь ли ты, что я затѣваю убійство, а?

МЕЛИХЪ.

Вы дѣлаете такія приготовленія, какъ будто всему достойному хвалы человѣчеству должна быть пущена кровь. (Въ сторону.) Кого же это убивать будутъ?

СЦЕВИНЪ.

Что это такое тамъ поднимается и опускается? Окликни-ка, окликни.

МЕЛИХЪ.

Я ничего не вижу.

СЦЕВИНЪ.

Я успокоиваюсь. Это была моя тѣнь!... Да, и такъ корпія. Хорошо; ее мы имѣемъ. Ну, теперь губка. Короче сказать, ты долженъ отыскать все, что нужно для перевязки ранъ, для быстраго утишенія крови и другихъ непредвидимыхъ случаевъ. Куда же ты дѣвалъ злополучную вещь, которая не только похожа на кинжалъ, но даже, именно, кинжалъ-то и есть? Ну, слушай же. Займись пожалуйста съ завтрашняго дня и наточи его такъ, чтобы остріе его наконецъ совсѣмъ было невидимо. Человѣкъ, который бы увидалъ его, долженъ уже получить на лицѣ дыру, глубиною въ два дюйма. Надо сдѣлать такимъ образомъ, чтобы каждый, кто съ умысломъ будетъ раненъ, долженъ, такъ сказать, самъ наткнуться на него. (Про себя.) Удастся ли только найти кого-нибудь, кто бы позволилъ мнѣ сбыть ему честь перваго удара съ придачей хорошихъ денегъ? Пойду, поищу въ этихъ дебряхъ. (Уходитъ).

МЕЛИХЪ.

Однако, тутъ что-то особенное скрывается. Тутъ пущены въ дѣло запрещенные пути и вещи, которыя, если откроются, должны обратить чье-нибудь вниманіе. Кинжалъ, кровопролитіе, корпія, губка — все это штуки, охъ какъ подозрительныя! Достопочтенный нѣмецъ Михель! что можешь ты предпринять въ этомъ случаѣ? Разумѣется ничего другого, какъ завтра же отправиться къ высшему начальству и сдѣлать достодолжное показаніе (Уходитъ).

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ.

Академія.

Галлерея съ колоннами, полная молодыми людьми, которые частію прогуливаются, частію соединяются въ отдѣльныя группы, чтобы слушать учителей.

Два служителя, стоящіе у дверей, разговариваютъ въ передней группѣ.

ПЕРВЫЙ.

Философія можетъ на этотъ разъ пользоваться великолѣпнымъ временемъ года. Всегда «южное небо» въ календарѣ... Скажи, пожалуйста, что это у тебя такое въ рукахъ?

ВТОРОЙ.

Это парусина, которую мнѣ велѣлъ захватить Эмпедоклъ. Если, паче чаянія, пойдетъ дождь, то я долженъ прикрѣпить ее между двумя колоннами, чтобы возраженіе дождя и вѣтра не вредили его утвержденіямъ насчетъ высшаго блага, такъ какъ, по его словамъ, идеи могутъ переносить все, только не сырость. Прежде, чѣмъ успѣешь махнуть рукой, глядишь, они уже получаютъ насморкъ и простуживаются! Кстати, однакожъ, такъ какъ у меня еще есть время—какъ ты находишь нашъ новый философскій образъ жизни?

ПЕРВЫЙ.

Да какъ тебѣ сказать? ты, конечно, помнишь, что я прежде упражнялся въ приготовленіи башмаковъ? Ну вотъ, когда стоическая философія обратилась въ бѣгство предъ эпикурейскою, то она такъ стоптала свои пятки, что принуждена была прибѣгнуть къ человѣку, который съумѣлъ бы ихъ приставить ей снова. При этомъ я чищу стоицизму башмаки, выколачиваю его платья и исполняю для него всякія маленькія коммиссіи, требующія добросовѣстнаго исполненія.

ВТОРОЙ.

Ну, ты гораздо счастливѣе меня потому, что приставленъ къ стоицизму. Нѣтъ, вотъ выслужи-ка что-нибудь у цинизма, у философіи собаки! Мнѣ, напримѣръ, въ услуженіи охотно помогла бы моя жена; но, вѣдь, такая жалость право, эта система запрещаетъ отдавать въ стирку рубашки! Я, какъ ты знаешь,

былъ цирульникомъ; я могу брить, обрѣзывать ногти, быть подъ рукою при купаньѣ, я смекаю кое-что въ хирургіи. Ну, какое же изъ всего этого я могу теперь сдѣлать употребленіе? Хорошо еще, что циническая философія ходитъ босоногая: по крайней мѣрѣ иногда что-нибудь перепадетъ за срѣзываніе мозолей. Да, худыя времена!

ПЕРВЫЙ.

Вотъ смотри идетъ прислужникъ эпикурейцевъ. Распутный человѣкъ и вѣчный пьяница. Смотри, фарситъ какъ: глаза изъ головы выскочить хотятъ!

ТРЕТІЙ.

А, мое почтеніе! что, вы оба еще живы, ха-ха-ха! Ну, вы тощаете съ каждымъ днемъ. Вотъ, побожиться, если моя система, система, которой я служу, эпикурейская система, въ скоромъ времени не заткнетъ васъ за поясъ. Что подѣлываете хорошаго? Чистите башмаки? Гм... По какой же системѣ вы ихъ чистите? Изъ какихъ предположеній исходите вы, когда чистите платье? Можете ли вы, на основаніи принциповъ, подать стаканъ воды? Ну—не можете? Вотъ то-то и есть! Два, три заимствованныхъ предложенія, нѣсколько понятныхъ всѣмъ и каждому категорій, нѣсколько приклеенныхъ другъ къ другу произвольныхъ утвержденій, щетка, которая оставляетъ пухъ, вакса, которая только портитъ башмаки, лѣнивыя ухватки, необразованность—вотъ все, что у васъ есть, вотъ ваша система! Который, однако, часъ теперь?

ПЕРВЫЙ.

Девятый.

ВТОРОЙ.

А что, чай, твоя система приноситъ тебѣ порядочный доходъ?

ТРЕТІЙ.

Есть-таки, чѣмъ поживиться. Старыя платья; вѣнки изъ миртъ и розъ, которыя, хотя они и не первой свѣжести, однако еще можно сбыть какой-нибудь экономной дѣвицѣ; мази, покупаемыя весьма охотно содержателями бань; лакомые кусочки съ господскаго стола, и въ заключеніе, красивыя женщины, которыхъ приходится отводить по утру изъ садовъ Эпикура! Хе, хе, хе — что скажете вы о такой системѣ?

ПЕРВЫЙ.

Ты не женатъ. Но тому, кто уже въ лѣтахъ, имѣетъ жену и дѣтей — тому лучше идетъ стоицизмъ.

ТРЕТІЙ.

А слышали вы новость? Мнѣ вотъ взбрело въ голову, что я хотѣлъ вамъ сообщить о ней. Сейчасъ сообщу,—только, пожалуйста, потомъ напомните мнѣ, что я собственно долженъ принести сюда паштетъ. Господа, вишь, на немъ хотятъ изучать коническія сѣченія... Да, такъ вотъ новость-то. Толкуютъ, что будто бы у насъ образовалась новая секта, такая проклятая секта, которая приравниваетъ человѣка къ — къ — къ чему бишь такое? Ну да, словомъ, чортъ знаетъ къ чему! Эта секта, это нововведеніе, этотъ расколъ утверждаетъ, что человѣкъ долженъ будто бы дѣлать все самъ для себя. По мнѣнію этой секты, счастливымъ можно сдѣлаться только тогда, когда возьмешь самъ на себя удовлетвореніе всѣхъ своихъ потребностей. По словамъ этой системы, слѣдуетъ не только стремиться къ высочайшему благу, но и хлопотать о томъ, чтобъ оно доставалось каждому какъ можно дешевле. Она говоритъ, что люди только тогда сдѣлаются своими собственными господами, когда они будутъ своими собственными слугами. Всякій долженъ быть слугою того, чей онъ господинъ. Мало этого; она выставляетъ такое положеніе: всякій покупатель долженъ быть собственнымъ башмачникомъ; и потомъ заключаетъ на оборотъ: каждый башмачникъ долженъ быть собственнымъ своимъ покупателемъ!

ПЕРВЫЙ.

Вѣчные боги! Да вѣдь тогда не будетъ никакого сбыта!

ВТОРОЙ.

А я-то еще надѣялся, что цинизмъ отложитъ свою ненависть къ мылу; но вотъ эта новая секта, кажется, была бы даже въ состояніи положить себя самое на скамью для мытья.

ТРЕТІЙ.

Я-жъ вамъ говорю, что это ужаснѣйшая система, такая система, что васъ можетъ лишить хлѣба, а меня пироговъ; однако, увѣряю васъ, я съ нынѣшняго вечера не выхожу иначе, какъ захвативъ съ собой хорошую палку: если, замѣчу, изъ споровъ ничего

не выходитъ, такъ постараюсь распорядиться такъ, чтобы дѣло дошло до потасовки... Ну вотъ, я теперь въ отчаяніи: совсѣмъ забылъ, что̀ такое я долженъ былъ принести?

ПЕРВЫЙ.

Кажется, ты говорилъ конусъ, что ли?

ТРЕТІЙ.

Да, да, вспомнилъ! Не конусъ, любезный, а паштетъ для того, чтобы молодые господа могли переварить, скушавши его, коническія сѣченія. Прощайте. Уходитъ.

ВТОРОЙ.

Новая секта, про которую говорилъ онъ, не выходитъ у меня изъ головы. Впрочемъ, можетъ быть этотъ шутъ просто навралъ намъ. Посмотри-ка: кажется, Эмпедоклъ зоветъ меня? Пойти.

Уходитъ.

ПЕРВЫЙ.

Стоицизмъ держится потому, что у него, вишь, родня очень знатная... Никакъ Зенонъ меня кличетъ? Что угодно? стаканъ воды? Сію минуту. Уходитъ.

Первый учитель съ учениками.

УЧИТЕЛЬ.

Господа, я не отрицаю, что исхожу отъ весьма матеріальнаго основного положенія; но вы сейчасъ увидите, какіе возвышенные результаты истекаютъ изъ него. Отъ чего въ настоящее время въ этомъ мірѣ господствуетъ такое огромное количество ложныхъ и нелѣпыхъ мыслей? Это происходитъ, господа, отъ нашихъ дурныхъ зубовъ. Съ первымъ пустымъ зубомъ родилась первая пустая мысль. Очень естественно: нами запущенныя, неправильно вычищенныя, виннымъ камнемъ усаженныя жевательныя орудія препятствуютъ поколѣнію раздроблять пищу въ ту жидкую массу, которая, будучи разведена достаточнымъ количествомъ слюны, одна только благопріятна желудку. Такимъ образомъ, желудку въ нашъ вѣкъ достается слишкомъ большая работа переварки; отъ этого тѣло, почерпающее свою свѣжесть въ желудкѣ, хилѣетъ, и духъ, чувствующій себя дурно въ больной оболочкѣ, свертывается; это совершенно естественный переходъ отъ зубовъ къ мышленію.

ОДИНЪ ИЗЪ УЧЕНИКОВЪ.

Такимъ образомъ, вы думаете, что наилучшимъ приготовленіемъ и пропедевтикою къ изученію философіи можетъ послужить зубная щетка?

УЧИТЕЛЬ.

Именно. Если старая философія имѣла волокна въ зубахъ, то наша задача вычистить ей зубы. Послѣдуйте моему совѣту, и ваше мышленіе выиграетъ въ новизнѣ, ваши комбинаціи въ оригинальности. Зубныя щетки, юноши, вотъ мое основное положеніе! Проходятъ.

Второй учитель съ своими учениками.

УЧИТЕЛЬ.

Прежде, чѣмъ я сегодня начну мою бесѣду съ вами, господа, я попрошу васъ объ одномъ: пожалуйста, не оглядывайтесь вонъ на того презрѣннаго человѣка, который идетъ за нами и строитъ міръ изъ ничего. Сомкнитесь въ тѣсный кругъ и загородите мою спину. Вы не знаете всей злобы этого человѣка. Положимъ, что у меня иногда бываетъ дыра на башмакахъ; положимъ, что я сопровождаю свои философскія догмы довольно глупымъ движеніемъ плеча, противъ чего я тщетно употребляю ванны. Но ради чего же онъ, съ тѣхъ поръ, какъ свѣдалъ мой небольшой порокъ, постоянно преслѣдуетъ меня своими насмѣшками на этотъ счетъ, воображая ими опровергнуть мою систему? Все остроумное зданіе моей системы, логичность моихъ выводовъ, убѣдительность моихъ доказательствъ, для его учениковъ ничего не значатъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ имъ сказалъ, что я иногда ношу дырявые башмаки. Таковы всегда люди. Если вы носите парикъ, и людямъ случится узнать объ этомъ, то для нихъ рѣшеное дѣло, что книга, написанная вами, забавна. Точно также имѣйте вы хорошій сюртукъ — они не осмѣлятся возражать вамъ; но чуть у васъ появится заплатка на немъ, и тогда ужъ молчать не станутъ... Благодарю васъ, господа. Вы какъ разъ помѣстили меня въ середину, благодарю. Теперь мы можемъ начать. На чемъ мы остановились?

ОДИНЪ ИЗЪ УЧЕНИКОВЪ.

На существованіи самомъ по себѣ.

УЧИТЕЛЬ.

Да, именно на этомъ... Презрѣнный человѣкъ пристаетъ ко мнѣ какъ репейникъ: я не смогу рта открыть, чтобъ онъ не залѣзъ туда. Онъ липнетъ ко мнѣ, какъ смола... Ну и такъ: бытіе само по себѣ! Что утверждаетъ онъ этимъ?

ОДИНЪ ИЗЪ УЧЕНИКОВЪ.

Что философія занимается не предметами, но понятіями.

УЧИТЕЛЬ.

Уморительно! я впрочемъ долженъ вамъ сообщить еще нѣчто изъ того, что онъ изрыгалъ противъ меня; но прошу васъ, сомкнитесь пожалуйста тѣснѣе, а то, я знаю, онъ въ эту минуту говоритъ обо мнѣ, и я долженъ бѣжать потому, что онъ замѣтилъ и указываетъ на пятна моихъ чулокъ. Нѣтъ, уйдемте, господа; я просто не могу выносить запаха этого презрѣннаго человѣка. Проходятъ.

Третій учитель съ своими учениками.

УЧИТЕЛЬ.

Ничто, какъ сказано, есть ничто, господа; слѣдовательно, ничто есть все. Всякій, господа, есть, слѣдовательно, никто. Поэтому, предположимъ, слѣдовательно... напримѣръ, стучится, предположимъ... слѣдовательно, стучится кто-нибудь... кто-нибудь, слѣдовательно, напримѣръ, въ мою дверь... какъ, ну какъ, долженъ, слѣдовательно, я сказать? Какъ сказано, я сталъ бы спрашивать: кто тамъ?... слѣдовательно, кто тамъ? Ну, какъ сказано, было бы съ наружи мнѣ отвѣчено... слѣдовательно, такъ отвѣчено: я! Да — я... Что, что, бишь, такое я говорю? Глупо! Я есть всякій, слѣдовательно, всякій есть слѣдовательно тоже, что никто. Однако, слѣдовательно, теперь нѣтъ никакого сомнѣнія... слѣдовательно, сомнѣнія нѣтъ никакого, что кто-нибудь есть тамъ. Вы видите, господа, какъ сказано, бытіе есть при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ тоже, что и небытіе. Ибо я, я, который спрашиваю, есть себя свободно сознающій. Но лицо, находящееся снаружи... слѣдовательно, снаружи... есть для меня ничто, потому что оно, какъ сказано, говоритъ: я! Но я можетъ быть всякій. Всякій въ отношеніи къ тому я = ничто. Вы видите, слѣдовательно, кто утверждаетъ свое существованіе, слѣдовательно, тотъ есть ничто, потому что, какъ сказано, абстрактное бытіе есть ничто.

ПЕРВЫЙ УЧЕНИКЪ.

Также и пониманіе, мышленіе есть ничто, слѣдовательно; ибо, какъ сказано, пониманіе...

УЧИТЕЛЬ.

О, господа! Языкъ есть собственно величайшее препятствіе философіи, потому что на него наталкиваются, какъ сказано, при каждомъ словѣ. Наука, слѣдовательно, употребляетъ каждое слово въ другомъ значеніи, слѣдовательно, чѣмъ обыкновенное, слѣдовательно..... Поэтому, господа, поэтому истинная философія, слѣдовательно, безгласна; хотя, какъ сказано, это молчаніе, это молчаніе, слѣдовательно, легко можетъ перейти въ мистицизмъ; истинный философическій языкъ, слѣдовательно, есть языкъ, какъ сказано, языкъ бога.

ВСѢ УЧЕНИКИ.

Высоко! Чудесно! Проходятъ.

Четвертый учитель съ своими учениками.

УЧИТЕЛЬ.

Пусть другіе вѣрятъ, что они знаютъ; мы, мои друзья, будемъ находить нашу гордость въ томъ, чтобы учиться вѣрить. Вѣра становится въ нѣкоторыхъ случаяхъ наукою, а въ большинствѣ искусствомъ. Источникъ науки есть разумъ; источникъ искусства—потребность. Потребность можетъ быть удовлетворена и даетъ утѣшеніе, или остается неудовлетворенной и возвышаетъ наше предчувствіе; однимъ словомъ, вы видите, что вѣра можетъ быть приведена въ систему.

ПЕРВЫЙ УЧЕНИКЪ.

Но во что же мы должны вѣрить?

УЧИТЕЛЬ.

Во-первыхъ, въ священное преданіе, а потомъ во все то, что я объ этомъ буду говорить. Не толкуйте о чудесныхъ разсказахъ, которыми боги хотѣли обогатить нашу догматику, о Юпитерѣ, Ледѣ, Данаѣ. Боги знали, что люди будутъ нѣкогда имѣть потребность вѣрить во всякіе фокусы, какіе богами будутъ выкинуты. Есть философія — вонъ она идетъ съ своимъ хвостомъ

впереди меня—есть философія, которая знаніе поставляетъ прежде познаваемаго и поэтому признаетъ божество единственно настолько, насколько оно можетъ быть познаваемо людьми. Мы скажемъ тоже самое о вѣрѣ. Изобрѣтеніе религіи со стороны боговъ весьма удачный разсчетъ въ будущемъ; очень можетъ случиться, что содержаніе ея оказывается слишкомъ малымъ, ибо жаждущій вѣры духъ нигдѣ не можетъ найти достаточнаго матеріала для своего вѣрованія. Онъ обращается, за недостаткомъ предметовъ вѣры, къ миѳологіямъ чуждыхъ народовъ, и я увѣренъ, что можно отдаться съ извѣстнымъ благоговѣніемъ божествамъ индійскимъ, персидскимъ, самоѳракійскимъ, халдейскимъ и прочимъ; коротко сказать, молитесь всему, что у васъ есть подъ руками. Стоитъ.

ВТОРОЙ УЧЕНИКЪ.

Право, дорогой учитель, мы должны быть похожи на птицу, которая прицѣпляется къ потолку своей клѣтки и опускаетъ голову внизъ, такъ что намъ небо должно казаться землею.

УЧИТЕЛЬ.

Истинно такъ, истинно такъ! И если мы при этомъ разобьемъ себѣ голову въ кровь вмѣсто звѣзды о бревно, загораживающее улицу, то будемъ утѣшать себя тѣмъ, что у насъ министерство духовныхъ дѣлъ есть въ тоже время министерство медицинскихъ дѣлъ и для всѣхъ ранъ, полученныхъ за добрыя дѣла, имѣетъ надлежащее леченіе. Проходятъ.

Пятый учитель съ своими учениками.

УЧИТЕЛЬ.

Возьмите господа эту розу! Что побуждаетъ насъ называть эту розу прекрасною?

ОДИНЪ ИЗЪ УЧЕНИКОВЪ.

То, что она сіяетъ, какъ юный день; то, что она стыдится открывать свои прелести; то, что она благоухаетъ, слаще разрѣзанной миндалины.

УЧИТЕЛЬ.

Такъ выразился бы поэтъ! Но мы должны опредѣлять красоту философски. Почему эта роза прекрасна? она представляется намъ въ первой формѣ способности представленія — въ простран-

ствѣ. Поэтому она есть нѣчто конечное и въ основаніи ея пространственнаго явленія должно лежать идеальное. Какіе средніе члены можно отыскать, напримѣръ, между Аполлономъ Бельведерскимъ и этой розой? Если тамъ выступаетъ гармонія пластическихъ формъ, то эта категорія уже не оказывается вѣрною здѣсь; если тамъ выступаетъ воплощенная идея юности, красоты — ага! — къ этому-то я только и желалъ придти. Дѣло вотъ въ чемъ: въ Бельведерскомъ Аполлонѣ можно удивляться двойственной красотѣ: во-первыхъ, онъ прекрасенъ, какъ Аполлонъ, какъ тема; во-вторыхъ, какъ Бельведерскій въ воспроизведеніи. Какъ же теперь роза? представляется ли здѣсь также двойной типъ? Всеконечно. Мы должны, во-первыхъ, возвратиться вообще къ образованію растенія и, во-вторыхъ, отыскать точку соприкосновенія, въ которой конечное съ безконечнымъ сходится въ конкретномъ явленіи. Первичное растеніе, господа, которое въ Сициліи...

ДРУГОЙ УЧЕНИКЪ.

Однако, смотрите, роза подъ вашими опредѣленіями ужъ завяла! Проходятъ.

Шестой учитель съ своими учениками.

УЧИТЕЛЬ.

Хотя и сомнительны, господа, нѣкоторыя ученія нравственности; однако всѣ основанія — будутъ ли они теоретическія или практическія — соединяются въ томъ, что ложь должно считать безусловно отвратительной. Говори правду при всѣхъ обстоятельствахъ — вотъ высочайшій нравственный законъ! Приведите, однако, какой-нибудь примѣръ для доказательства негодности предлоговъ, которыми извиняютъ, такъ-называемую, вынужденную ложь.

УЧЕНИКЪ.

Убійцы ищутъ господина нѣкотораго раба. Рабъ, чтобы отвратить отъ своего господина грозящую опасность, бросается имъ на встрѣчу, называетъ себя именемъ того, кого они ищутъ, умираетъ проколотый кинжалами убійцъ и ложно спасаетъ жизнь своему господину.

УЧИТЕЛЬ.

Да, это именно то, о чемъ я говорю. Низкій простолюдинъ погибаетъ со словами презрѣнной лжи во рту. Будьте увѣ-

рены, господа, нравственный законъ стоитъ выше, чѣмъ всѣ коллизіи, въ которыхъ онъ иногда можетъ очутиться. Если бы этотъ рабъ былъ почитателемъ категорическаго императива, безъ сомнѣнія, онъ жилъ бы еще. Изъ этого вы можете также вывести заключеніе, что правдою всего лучше можно отдѣлаться отъ всякихъ опасностей. Проходятъ.

Седьмой учитель съ своими учениками.

УЧИТЕЛЬ.

Такимъ образомъ, наконецъ, я желалъ-бы набросать предъ вами идеалъ философскаго государства, раціональнаго общества. Государство, предлагаемое мною, состоитъ изъ пяти классовъ гражданъ, которые въ тоже время служатъ фундаментомъ для правительственной власти. Эти пять классовъ называются по пяти чувствамъ, такъ что мы имѣемъ классы: обоняющій, слушающій, видящій, вкушающій и ощущающій. Самый почтенный классъ есть вкушающій; самый низкій ощущающій: онъ довольствуется только тѣмъ, что посредствомъ нервнаго эфира отыскиваетъ существенныя вещи (напримѣръ, хоть жаркое), ровно ничего въ этомъ не видя и не вкушая... Съ видящаго класса начинаются субъекты; впрочемъ этотъ классъ имѣетъ то преимущество, что онъ платитъ гораздо меньше податей, чѣмъ слѣдующіе. Слушающій классъ платитъ добровольно, такъ какъ онъ не видитъ, какимъ образомъ его деньги идутъ въ употребленіе. Главный фундаментъ государства составляютъ наконецъ ощущающіе субъекты, имѣющіе обо всѣхъ предметахъ только предчувствіе, привыкшіе касаться ко всему въ сладкомъ обольщеніи и охотно считающіе государство за семью, не неблагосклонную къ нововведеніямъ. Къ этому классу принадлежатъ женщины, ученые, сельское низшее духовенство и литераторы всякаго рода.

УЧЕНИКЪ.

И эта великая мысль не введена еще вездѣ въ дѣйствительности?

УЧИТЕЛЬ.

Къ сожалѣнію такова моя участь, и я ею равенъ съ Платономъ. Мои идеи родятся тысячелѣтіями раньше, чѣмъ бы имъ слѣдовало. И признаюсь вамъ, господа, раздоръ между жизнью и теоріею, между опытомъ и чистымъ разумомъ не прекратится никогда, никогда. Проходятъ.

ЮЛІЙ ВИНДЕКСЪ входитъ.

ЮЛІЙ ВИНДЕКСЪ.

Куда забрелъ я? Въ пестрый сонмъ людей,
Шумящихъ, будто комары подъ вечеръ
Въ воздушной полумглѣ, согрѣтой солнцемъ!
Здѣсь каждый хоръ кружится суетливо
И напѣваетъ пѣснь свою, усердно
Ее съ жужжаньемъ общимъ соглашая;
Тотъ формулу магическую ищетъ,
Чтобъ превращать желѣзную руду
Въ источникъ золота; тотъ учитъ дѣлать
Изъ жидкости кубическое тѣло;
Тотъ предлагаетъ изъ поблекшихъ гроздій
Извлечь огонь небесный Прометея!
Здѣсь разные премудрые вопросы,
Подобно бабочкамъ цвѣтнымъ, порхаютъ
Предъ мальчиками, увлекая ихъ
Вслѣдъ за собой въ безплодную погоню;
Тогда какъ юношей цвѣтущая душа,
Богатая надеждами, должна бы
Себя въ трудѣ суровомъ укрѣплять!
Увы, завѣты нашихъ предковъ славныхъ
Унесены теченіемъ временъ
И сгладилось о нихъ воспоминанье!
Здѣсь прячется кинжалъ Катона въ ножны,
Забытъ здѣсь Брутъ, погибшій за отчизну,
Забытъ и Августъ, жаломъ ядовитымъ
Пронзившій грудь свободы древней Рима!
Здѣсь не заботятся о доблестяхъ былого
И настоящаго позоромъ не болѣютъ!
Вонъ подъ колоннами портала собралася
Толпа дрянныхъ людишекъ и преважно
Себѣ ходульный міръ свой создаетъ
Исполненный хитросплетенныхъ бредней,
Витающихъ надъ жизнію земной
Въ пустой и смутной сферѣ сумасбродства!
Какъ пауки раскинули они
Сѣть паутины, сотканную тонко
Изъ умозрѣній и мудреныхъ словъ,
Чтобъ уловлять въ нее учениковъ!
Но всежъ хоть крѣпко лапами своими
Они хватаютъ мысли бѣдныхъ жертвъ —

Изъ цѣпкихъ путъ тревожно рвется юность
На встрѣчу грезъ свободы, передъ нею
Мелькающихъ прельстительно, хоть смутно!....
Пойду, послушаю, что тамъ за пѣсни
И что за птицы распѣваютъ ихъ.

Подходитъ къ многочисленной, все болѣе и болѣе увеличивающейся группѣ: НЕРОНЪ и СЕНЕКА входятъ переодѣтые.

НЕРОНЪ.

Не озирайся! къ намъ со всѣхъ сторонъ
Несется смутный говоръ любопытства.
Тамъ кто-то шепчетъ, тамъ какъ будто мнѣ
Киваетъ кто-то. Проходи скорѣе!
Смущаюсь я отъ этихъ словъ и взглядовъ;
Мнѣ чудится здѣсь каждый человѣкъ
Во глубинѣ души моей читаетъ.

СЕНЕКА.

Когда вы, всемилостивѣйшій государь цезарь, такъ громко говорите, то вамъ можно выбрать одну изъ двухъ ролей: или скажите, что вы фокусникъ, и вы — прежде, чѣмъ подойдете вонъ къ этому человѣку, который играетъ понятіями, какъ фигляръ — будете разорваны восторженною толпою. Или же совѣтую вамъ выдать себя за молодого ученаго, желающаго философію снова привести къ опыту: тогда вы можете разсчитывать, что вамъ позволятъ стоять рядомъ съ другими.

НЕРОНЪ.

Будь разсудительнѣе Сенека и не лѣзь впередъ; право гнусно давать людямъ поводъ смотрѣть на себя такъ подозрительно, какъ будто ты хочешь стащить у нихъ носовой платокъ изъ кармана. Всѣ эти люди, что окружали насъ, стало быть философы? Я ненавижу философію!

Я ненавижу истину: она
Хвастлива слишкомъ и притомъ не ладитъ
Съ тѣмъ, что предъ властью клонится смиренно.
Она не вѣдаетъ очарованья,
Стыдливости, которая съ борьбой
Себя являетъ въ наготѣ прекрасной!
Она со взоромъ наглымъ къ намъ подходитъ
И при продажѣ болѣе даетъ,

Чѣмъ отъ нея мы получить желаемъ.
Она живетъ съ неловкостью въ союзѣ,
Не во-время насъ часто посѣщая.
Когда ты разъ къ ней склонишь добровольно
Свой слухъ, она начнетъ неутомимо
Тебѣ шептать повсюду и во всемъ
О полномочіи своемъ напоминая.
Она картиной дѣлаетъ себя,
А человѣка рамою негодной.
Нигдѣ — и даже въ Греціи прекрасной —
Богинѣ истины не воздвигали храмовъ.
Все на землѣ является прикрытымъ,
И нимфы наготу тогда лишь кажутъ,
Когда кристалъ волны ихъ облекаетъ,
Но истина всегда обнажена
И наготы своей не замѣчая,
Сіяетъ ей предъ всѣми равнодушно.
Что голо — не красиво! Никогда
Понравиться не можетъ то Нерону,
Что изгнано изъ царства красоты!

Однако, Сенека, мы купили миндаль не для того, чтобы ты съѣлъ его одинъ. Дай и мнѣ также!.. Какъ мы зашли въ это мѣсто? Я просто не понимаю. Что сказала бы моя добрая матушка, еслибы она была жива?.. Я начинаю понемногу привыкать къ этому шуму. Посмотри, что тамъ такое случилось? Куда это всѣ сбѣгаются?

СЕНЕКА.

Кажется, всемилостивѣйшій государь и цезарь, тамъ должна родиться новая мысль. Пожалуй, впрочемъ, когда мы подойдемъ туда, окажется, что, вслѣдствіе встрѣтившихся препятствій, возвѣщенная мысль появится только завтра. Мы сейчасъ это увидимъ.

Смѣшиваются съ толпою.

РИТОРЪ въ щегольской одеждѣ, сидящій на спинахъ рабовъ, окруженный юношами и старцами, которые жадно ловятъ его слова.

РИТОРЪ.

Милостивые государи, тихое дыханіе лазурнаго воздуха вѣетъ отъ запада, я качаюсь на эластической спинѣ моихъ рабовъ и начинаю свою рѣчь. Есть искусства, теорія которыхъ гораздо совершеннѣе ихъ практическаго исполненія; но я хочу говорить сегодня объ искусствѣ совершенно иномъ, искусствѣ, достигшемъ

въ жизни самыхъ разнообразныхъ приложеній и между тѣмъ до сихъ поръ не приведенномъ еще въ точную систему. Это искусство — лесть. Лесть, милостивые государи, есть совсѣмъ не то, что снаровка, посредствомъ которой добываютъ себѣ наслѣдство, или почетное мѣсто въ государствѣ; лесть, говорю я, есть нѣчто гораздо большее, чѣмъ подобное скудное качество. Лесть можетъ быть поставлена въ ряду благороднѣйшихъ способностей духа, можетъ быть доведена до основныхъ положеній, составляющихъ нѣжнѣйшую, благоуханнѣйшую часть, цвѣтокъ реторики. Вы торопитесь, милостивые государи. Я вижу между вами людей, у которыхъ горитъ подъ ногами отъ того, что имъ хочется попасть поскорѣе въ сенатъ, въ совѣтъ цезаря, въ духовную коммиссію; имѣя въ виду это, я попробую предъ вами сдѣлать очеркъ системы лести, приводящей наискорѣйшимъ образомъ къ цѣли...

НЕРОНЪ.

Когда бы этотъ человѣкъ имѣлъ
Поэзіи счастливый даръ, онъ могъ бы
Соединять съ изящной формой сущность
Своихъ идей; теперь же, я боюсь,
Онъ говоритъ ужъ слишкомъ многословно.

РИТОРЪ.

Отъ низшей степени обыкновенной подлости угодливость поднимается въ постоянной прогрессіи до высшей степени, на которой она становится тонкою, остроумною, счастливою лестью. Вотъ эту-то лесть я и постараюсь изобразить предъ вами. Конечно, въ своемъ родѣ льстятъ мнѣ и грубые люди, на спинѣ которыхъ я сижу (перестать разговаривать подо мною!), потому что они даютъ себѣ видъ дивана и предоставляютъ мнѣ покоиться, какъ на скамьѣ бани. Однако, здѣсь все еще неуклюже и грубо, здѣсь еще рабство, а не свободное желаніе. Только тогда угодливость пріобрѣтаетъ нѣчто льстивое, когда она исходитъ отъ людей, которые утверждаютъ, что живутъ по законамъ своей воли. Здѣсь именно точка нашего отправленія. Вы требуете опредѣленія лести. Льстить — значитъ ли говорить неправду? Нѣтъ, тогда бы лесть была ложью; однако же нельзя признать, чтобы она была и правдой. Чтожъ изъ этого слѣдуетъ? Изъ этого слѣдуетъ только то, что опредѣленіе лести должно быть условнымъ...

СЕНЕКА.

Онъ на поляхъ знакомыхъ мнѣ пасется:
Я въ немъ узналъ того раба, который
Былъ переписчикомъ моихъ твореній.
Однако, я надѣюсь, онъ имѣетъ
Настолько уваженія ко мнѣ,
Что похвалой меня не загрязнитъ
И для себя цитировать не станетъ?

РИТОРЪ.

Милостивые государи! Льстить — это значитъ, имѣя въ рукахъ мечъ, объявлять себя побѣжденнымъ отъ безоружнаго. Побѣдитель, предоставляющій счастью то, чего онъ достигнулъ самъ, льститъ побѣжденному. Это еще простыя степени лести; но есть и болѣе сложныя. Чѣмъ больше принимаетъ на себя льстецъ видъ свободы, чѣмъ смѣлѣе онъ въ своихъ коварныхъ комбинаціяхъ, которыми очень часто можно удержать свою голову на плечахъ, тѣмъ большій онъ будетъ имѣть успѣхъ. Три вещи долженъ имѣть въ виду льстецъ: низость, глупость и злое намѣреніе. Ваше вниманіе, милостивые государи, приводитъ меня въ восторгъ! Дѣйствительно, нѣтъ ничего прекраснѣе того житейскаго лоска, о которомъ мы бесѣдуемъ. Онъ придаетъ всѣмъ вещамъ видъ, если и неправдоподобный, то пріятный для глазъ; онъ сообщаетъ даже силѣ такую умѣренность, что ея буйство не нарушаетъ равновѣсія элементовъ, составляющихъ общество. Лесть придаетъ всему надлежащее освѣщеніе, которое не рѣжетъ глазъ и пріятно для нихъ. Она отнимаетъ у порока безобразіе, у добродѣтели ея выдающіеся подвиги. Она дѣлаетъ изъ жизни художественное произведеніе и приводитъ все къ одному счастливѣйшему уровню — къ уровню красоты...

НЕРОНЪ.

Онъ сталъ теперь ловчѣе, чѣмъ вначалѣ;
На многое онъ смотритъ свѣтлымъ взглядомъ.
Ну, продолжай! ты на пути хорошемъ,
Ты, право, лучше выражаешь то,
Чему училъ меня Сенека.

РИТОРЪ.

Низкая лесть возмущаетъ, потому что ставитъ того, кому

льстятъ, въ затрудненіе. Что̀ сказала бы красавица, еслибы ея поклонникъ довелъ свое обожаніе до того, что сталъ бы пить изъ ея башмака? Что́ сказалъ бы цезарь, еслибы сенатъ издалъ постановленіе, утверждающее, что римскій народъ происходитъ отъ конюха дома Юліевъ? Такія рѣчи неуклюжи, пошлы, неудобны для слуха. Точно также лесть можетъ быть такъ неловко построена, что впадетъ въ глупость и возбудитъ только смѣхъ. Долабелла сдѣлалъ себя смѣшнымъ, когда онъ внесъ въ сенатъ предложеніе о тріумфѣ божественному Тиверію за его прогулку въ Кампанію. Самою опасною подводною скалою служитъ злое намѣреніе. Нужна огромная ловкость для того, чтобы скрыть его подъ маскою лести. Кто скрываетъ свою ненависть подъ любовью, свою зависть подъ участіемъ, свой страхъ подъ довѣріемъ, — тотъ долженъ чрезвычайно искусно управлять своимъ лицомъ и своими словами. Если онъ льститъ, то ему весьма рѣдко слѣдуетъ прибѣгать къ тѣмъ правиламъ, посредствомъ которыхъ достигаетъ своей цѣли лесть беззаботная. Онъ долженъ идти самыми извилистыми тропинками. Обожаніе, одно только обожаніе можетъ измѣнять ему; все его поведеніе должно быть проникнуто лестью...

ЮЛІЙ ВИНДЕКСЪ.

Я слышу, удивляюсь и готовъ
Ему повѣрить! Да, хорошъ товаръ,
Которымъ ты торгуешь. Вѣдь когда-то
Скрылъ древній Брутъ подъ маской тупоумья
Великія намѣренья свои.
Его слова вполнѣ понятны мнѣ:
Легко сознать, что̀ хочешь совершить,
Но трудно привести сознанье къ дѣлу.

РИТОРЪ.

Систематическое развитіе моего воспитанія въ тонкой лести я предоставляю себѣ изложить впослѣдствіи; теперь же я выскажу только общія положенія, которыя васъ познакомятъ съ духомъ его. Остроумно и ловко выражается благоговѣніе тогда, когда льстятъ и въ то же самое время прикидываются, что говорятъ во имя истины, не страшась даже навлечь гнѣвъ своею рѣчью. Предположимъ, что глава государства желаетъ уничтожить какой-нибудь законъ. Льстецъ является къ нему и, какъ бы по собственному побужденію, вслѣдствіе долгаго размышленія, предлагаетъ уничтоженіе закона. При этомъ, чтобы лесть вышла

совершенно закругленною, слѣдуетъ прибавить, что предложеніе высказывается даже съ опасностью лишиться жизни, возбудивъ гнѣвъ главы государства...

СЕНАТОРЫ И ТРИБУНЫ—шепотомъ.

Не выясняетъ ли онъ передъ всѣми
То, чѣмъ себя поддерживаемъ мы?
Пусть рѣчь его умна, но все жъ онъ глупъ,
Рискуя вслухъ болтать такія вещи....

РИТОРЪ.

Если правитель имѣетъ свойства, великія свойства, которыя скорѣе слѣдовало бы назвать пороками, то о нихъ нужно говорить ему, какъ о добродѣтеляхъ. Тонкая лесть въ этомъ случаѣ идетъ прямымъ путемъ: она схватываетъ совершенно постороннее свойство и развиваетъ общій взглядъ, основныя положенія, встрѣчающіяся какъ бы случайно, но тѣмъ не менѣе падающія какъ сѣмена на внимательно-подозрительное сердце властителя и приносящія плоды сторицею...

СЕНАТОРЫ И ТРИБУНЫ.

Онъ вкругъ себя хитро бросаетъ взгляды
И говоритъ безъ всякихъ опасеній;
Онъ срисовалъ съ насъ яркую картину
Всѣ это поняли и всѣ смѣются.

РИТОРЪ.

Счастливѣе всѣхъ тотъ, кто держитъ слово оппозиціи и все-таки высказываетъ только то, что̀ пріятно властителю. Подобный льстецъ громко жалуется на развращеніе времени и однако порицаетъ лишь вредящее предмету его почитанія; онъ говоритъ о древнихъ нравахъ, о предкахъ, о человѣческихъ и божескихъ правахъ, выставляя однако всѣ вещи съ такой стороны, что свѣтъ, который онъ въ нихъ отыскиваетъ, озаряетъ того, къ кому простираетъ онъ свою лесть. Тутъ можно найти множество разнообразнѣйшихъ оттѣнковъ. Положимъ, что властитель выбираетъ себѣ министра, который слишкомъ молодъ, но какъ бы созданъ для тираніи. Льстецъ поступаетъ такимъ образомъ: онъ начинаетъ говорить за нововведенія и принимаетъ молодого министра подъ защиту, какъ бы уступая требованіямъ оппозиціи,

такъ какъ оппозиція сама требовала, чтобы талантъ, а не возрастъ давалъ возможность получать высокій постъ. Потомъ онъ старается осмѣять и представить побѣжденной ту партію, на сторонѣ которой собственно побѣда-то и есть, такъ какъ молодой человѣкъ ея креатура. Это одинъ изъ наиболѣе выгодныхъ пріемовъ, потому что тутъ разомъ выигрывается расположеніе существующей власти и оппозиціи, отъ которой заимствуютъ средства для выигрыша.

ЦЕРЕАЛИСЪ АНИЦІЙ—про себя.

Здѣсь цезарь: онъ стоитъ со мною рядомъ;
Онъ думаетъ что мною непримѣченъ,
И, взора избѣгая моего,
Сторонится украдкой. Въ государствѣ
Я величайшимъ славлюся льстецомъ
И тотчасъ эту славу оправдаю.

Подходитъ къ ритору, громко.

О, проглоти языкъ свой, дерзкій ротъ,
Затѣмъ, что онъ остритъ напрасно жало
На души благородныя, которымъ
Дыханье оскорбительно твое!
Ты хочешь увеличить кучу сплетень,
Марающихъ честь римскаго народа!
Проклятіе тебѣ! Твое искусство —
Фальшивой мудрости доходъ позорный,
Обманъ для добродѣтели священной,
Тобой поруганной! Нѣтъ, истина еще
Не умерла средь Рима, не погибла:
Она царитъ съ Нерономъ на престолѣ,
Она его народомъ руководитъ!
Сбирай свой мелкій и дрянной товаръ
И уходи отсюда съ нимъ скорѣе
Туда, гдѣ слухъ людей ужъ зараженъ
Тлетворнымъ ядомъ лживыхъ измышленій,
И тамъ толпу обманывай, торгашъ,
Личинами фальшиваго искусства!

Бьетъ его.

РИТОРЪ.

О, помогите мнѣ, мои друзья!
Тотъ кто прибилъ меня — онъ лжецъ вдвойнѣ:
Онъ цезаря хвалой возноситъ лживой

И говоритъ, что цезаря здѣсь нѣтъ,
Межъ тѣмъ, какъ цезарь слушалъ со вниманьемъ
Всю рѣчь мою! Зачуялъ песъ борзой
Охотника и, задушивши зайца,
Ползетъ къ хозяину, хвостомъ виляя,
И лижетъ грязь у ногъ его

Убѣгаетъ.

СЕНАТОРЫ И ТРИБУНЫ.

Что онъ сказалъ? — Здѣсь цезарь? — Гдѣ-же, гдѣ-же?
Не вижу я. — Онъ ненавистенъ мнѣ —
Вотъ пытка, если онъ меня замѣтитъ! —
Не рядомъ-ли со мною онъ стоитъ?

ЦЕРЕАЛИСЪ АНИЦІЙ — подходитъ къ Нерону.

Ты удивленъ великій цезарь тѣмъ,
Что здѣсь взволнованы всѣ этимъ чудомъ
И вопрошаютъ всѣ о немъ украдкой?
Они еще боятся обмануться:
Вѣсть о счастливой близости твоей
Принесена устами лжи презрѣнной!...
Падите, граждане, сенаторы, во прахъ!
Въ восторгѣ другъ предъ другомъ соревнуя
Несите эту дорогую ношу —
Клейнодъ прекраснѣйшій земныхъ сокровищъ!

Преклоняетъ колѣни и ставитъ ногу Нерона себѣ на затылокъ.

СЕНАТОРЫ И ТРИБУНЫ.

Посторонитесь! — Дайте мнѣ пройти!
Быть можетъ мнѣ поймать удастся слово,
Взоръ благосклонный цезаря! — Еще
Не осчастливилъ онъ своею рѣчью?
Ахъ, скоро ли услышимъ мы изъ устъ
Великаго великіе глаголы?

НЕРОНЪ.

Ну, хорошо, ну, хорошо! Идите
Всѣ, кто поклонъ мнѣ долженъ принести.
Вы честностію хвалитесь своей
И все-таки я вами обворованъ!

Скажите мнѣ, куда могу я дѣться
Отъ добродѣтели и преданности вашей?
Когда-бъ я былъ для васъ палачъ свирѣпый,
Когда-бы я у вашей жалкой жизни
Все — даже сны и грезы — отнималъ,
Вы и тогда-бъ хвалы мнѣ возносили!
Всѣмъ бѣшенствомъ, всей яростью моей
Я не могу исторгнуть васъ изъ нѣдръ
Вседневности томительной и пошлой!
Вы улыбаетесь? Смѣшно! въ отвѣтъ
Рычанью тигра вы улыбку шлете!...
За что вы ритора прибили? Онъ
Изъ гладкихъ словъ своей изящной рѣчи
Стлалъ ложе граціямъ и, какъ амуры въ пляскѣ,
Порхали мысли быстрыя его!
Загадку жизни лучше понялъ онъ,
Чѣмъ вы, глупцы! Вамъ непонятна прелесть
Гармоніи мышленія священной?
Вашъ слухъ открытъ для грубыхъ только звуковъ,
Вы глазомъ слышите: въ игрѣ на флейтѣ
Перебиранье пальцевъ тѣшитъ васъ!...
Однако, сидя на спинахъ склоненныхъ,
Я замѣчаю съ ужасомъ, что вы
Потѣете несносно, набирая
Побольше воздуха въ пустыя глотки,
Чтобъ предо мной національнымъ гимномъ
Какъ можно лучше отличиться. Ну!
Несите-же меня! И пусть Камена
Отъ дикихъ звуковъ слухъ мой охранитъ!

Толпа уноситъ Нерона на своихъ плечахъ.

ЮЛІЙ ВИНДЕКСЪ.

И послѣ столькихъ тысячъ жертвъ, Неронъ
Языкъ нашъ даже безпощадно душитъ!
Играетъ рѣчью онъ, какъ будто въ кости;
Какъ рѣзвый отрокъ, на коня вскочивъ,
Со смѣхомъ бьетъ въ его бока ногами
И прыгаетъ на немъ и дуетъ въ уши
Смущенному животному, такъ цезарь
Дурачится съ родимымъ языкомъ!
Никто не путалъ римлянъ рѣчь столь жалко!
Онъ какъ паяцъ заученныя фразы
Передъ толпой бросаетъ торопливо!

Къ нему никто не можетъ примѣниться.
Когда онъ улыбается, то горе
Тому, кто цезаря улыбку
Своей улыбкой не предупредитъ!
Смѣется онъ, когда рукой проклятой
Изгнаніе и смерть и слезы сѣетъ,
И грустью омрачается, когда
На полныхъ парусахъ несется къ счастью!
Пустой дуракъ! себя не понимая,
Онъ разучился понимать другихъ!
Но я—клянусь въ томъ вѣчными богами!—
Я скоро вразумлю его, заставивъ
Разстаться съ жизнію, позора полной!

Смотритъ въ сторону.

Что это? рабъ мнѣ тайный знакъ даетъ?
Зачѣмъ пришелъ сюда онъ, въ этотъ рынокъ
Гремучихъ фразъ и сумасбродныхъ бредней?

Уходитъ.

КАРТИНА ПЯТАЯ.

Паркъ цезаря.

Ночь. Шумный праздникъ.

ХОРЪ МЕНАДЪ.

Отъ плещущихъ волнъ золотого Гангеса,
Изъ пальмовой рощи, гдѣ мать меня ищетъ,
Слезами горячій песокъ поливая,
Меня похищаешь ты, богъ амброзійскій,
Въ волшебную чашу
Струю винограда ліющій.

ПЕРВЫЙ ПОЛУХОРЪ.

Ни золото гребня средь кудрей невѣсты,
Ни свадебной пѣсни веселые звуки
Дороже мнѣ не были гроздъ ароматныхъ
Волшебнаго сока, что сладкія грезы
Безъ сна навѣваетъ
И душу возноситъ на небо!

ВТОРОЙ ПОЛУХОРЪ.

Тотъ, кто не извѣдалъ напитокъ волшебный,
Увидѣвъ насъ, въ страхѣ свой домъ запираетъ;
Но тирсъ, съ изумрудной широкой листвою,
И гроздъ колебанье, и звуки тимпана,
Влекутъ невозвратно
Его отъ родимаго крова!

ПЕРВЫЙ ПОЛУХОРЪ.

Какъ въ нѣдрахъ Семелы и въ бедрахъ Зевеса
Когда-то былъ скрытъ Діонисъ двурожденный,
Такъ дважды созрѣла жемчужная влага:
Подъ солнцемъ полудня и въ пѣнѣ броженья,
Даруя намъ силу,
Что гнѣвъ леопардовъ смиряетъ.

ВТОРОЙ ПОЛУХОРЪ.

Да славятъ уста ваши древнее чудо:
Корабль съ Діонисомъ похищеннымъ мчался
По морю; вдругъ мачта листвою покрылась
И гроздъ виноградныхъ зардѣлися кисти,
И скрылись въ волнахъ
Пловцы, будто стадо дельфиновъ.

ХОРЪ.

Кто скудную жертву дерзнетъ принести намъ?
Веселье менадъ кто посмѣетъ нарушить?
Ѳракіецъ Ликургъ самъ себя поражаетъ,
Гласитъ Киберонъ объ убійствѣ Пентея,
И кости Орфея,
На Гебрѣ разбросаны, тлѣютъ!

На сценѣ началось представленіе. Давка между зрителями.

ГРАЖДАНИНЪ съ ДОЧЕРЬЮ.

ДОЧЬ.

Отецъ, куда ты? Пожалуйста не лѣзь впередъ!

ГРАЖДАНИНЪ.

Не понимаю чего ты боишься, дитя? Будь на твоемъ мѣстѣ твоя покойница мать, она уперла-бы руки въ бока и сейчасъ бы пошла, какъ на приступъ. Вѣдь надо-же добиться чего-нибудь, коли рѣшился не спать цѣлую ночь ради удовольствія видѣть всемилостивѣйшаго господина и цезаря, играющаго въ комедіи, да къ тому еще въ женской роли.

ДОЧЬ.

Ахъ, говори, пожалуйста, потише. Смотри, всѣ оглядываются на насъ.

ГРАЖДАНИНЪ.

А пусть ихъ оглядываются! Я говорю: коли властитель хочетъ играть комедію, такъ ужъ пусть онъ лучше ее играетъ на театрѣ, а не на тронѣ. Если-бъ только была тутъ твоя покойница мать, наслушались бы мы поучительныхъ изрѣченій, этакъ въ родѣ вечерней молитвы въ «Антигонѣ».

ДОЧЬ.

Да перестань же. Вѣчные боги, что это съ тобою сегодня?

ГРАЖДАНИНЪ.

Нѣтъ, ты оглянись, дитя, оглянись! Вѣдь это просто «сонъ въ лѣтнюю ночь!» Я люблю людей въ театрѣ: съ ними тутъ только и можно обходиться. Когда передъ ними зрѣлище, они находятся въ самомъ великодушномъ настроеніи. Кто стремится къ общей пользѣ—ну хоть, напримѣръ, хлѣбникъ, мыловаръ—и желаетъ поднять свое занятіе акціями, тотъ, по моему, долженъ всегда собирать подписку въ театрѣ. Желалъ бы я знать, скоро ли на сценѣ заговоритъ чудовище?

ДОЧЬ.

Навѣрное сейчасъ, какъ только ты замолчишь.

СОСѢДЪ.

Позвольте узнать: кого вы разумѣете подъ чудовищемъ? Цезаря, или змѣя?

ГРАЖДАНИНЪ.

А позвольте узнать, любезный сосѣдъ, сколько въ мѣсяцъ получаете вы отъ тайной полиціи?

СОСѢДЪ.

Гораздо меньше чѣмъ получите вы отъ меня, дубина вы этакая! Что вы болтаете безъ умолка во время представленія?

ГРАЖДАНИНЪ.

Дитя, дайка мнѣ зрительную трубку? Я хочу убѣдиться, увеличится-ли эта грубость, если на нее посмотрѣть вооруженнымъ глазомъ.

ДОЧЬ.

Ахъ, отецъ, я умру отъ этого шума.

ГРАЖДАНИНЪ.

Вотъ если бы твоя покойница мать —

ПЕРЕДНІЕ ЗРИТЕЛИ.

Тише, вы, тамъ, сзади!

ГРАЖДАНИНЪ.

Тише, тише! Шляпы долой!

ВСѢ.

Тсс! Цезарь говоритъ. Онъ — жизнь народа! Да здравствуетъ цезарь!

НЕРОНЪ въ роли Андромеды, прикованный къ утесу. На морѣ змій.

НЕРОНЪ.

Это-ль, о вѣчное солнце, та черная пристань, въ которой
Бѣдный корабль моей жизни, недавно построенный, долженъ
Бросить на вѣки свой якорь? Смотрю я съ трепещущимъ сердцемъ
На берегъ мокрый, гдѣ раковинъ много лежитъ самоцвѣтныхъ:
Скоро на немъ забѣлѣютъ подъ яркимъ сіяньемъ полудня
Члены мои, раздробленныя пастью чудовища страшной!
Былъ мой родитель царемъ финикіянъ; счастливый
Дочерью юной своей, отъ завистливыхъ взоровъ безсмертныхъ
Онъ укрывалъ меня тщетно. Случилось однажды, что матерь
Въ сонмѣ подругъ, вспоминая минувшія прелести, стала
Сравнивать ихъ съ красотою богинь. Нереиды, услышавъ

Гордыя рѣчи ея, надъ тщеславной женою смѣялись
И Посейдона, влажно-волосаго бога подвигли
Къ страшному мщенью: изъ пѣнистыхъ водъ разъяреннаго моря
Вышло чудовище злое и здѣсь на скалѣ поселилось,
Все пожирая, что только людское подобіе носитъ.
Вотъ ужъ пять лунъ миновало, какъ длятся мученья народа;
Близокъ тотъ день, какъ блеснетъ золотымъ своимъ дискомъ шестая;
Къ оному сроку погибнетъ все царство отца, если только
Дочь свою онъ не предастъ божествамъ оскорбленнымъ на жертву —
Такъ возвѣстили жрецы прорицанье святое. Отецъ мой!
Долженъ ты былъ покориться велѣнью жестокому неба:
Ахъ, еще прежде, чѣмъ дочери милой извѣдалъ ты ласки,
Царскій вѣнецъ тяготѣлъ на челѣ твоемъ, въ горѣ поникшемъ!...
Близокъ мой часъ; но лишь трупъ мой чудовищемъ будетъ растерзанъ:
Пламенникъ жизни моей потухаетъ подъ вѣяньемъ страха—

Античная трагедія продолжается.

Между тѣмъ въ другихъ мѣстахъ парка выступаютъ Корибанты и Цибела.

ПЕРВЫЙ ПОЛУХОРЪ.

Бейте, безъ устали бейте въ тимпаны, чтобъ звукъ ихъ раздался,
Жалобный вопль заглушая въ истерзанномъ сердцѣ царицы!
Горе, горе! Меонъ, даровавшій ей жизнь, у ней отнялъ
Счастіе жизни, низвергнувши Аттиса съ Иды высокой!

ВТОРОЙ ПОЛУХОРЪ.

Есть и другая молва: отъ ея сладострастныхъ желаній
Отрокъ застѣнчивый Аттисъ бѣжалъ съ отвращеньемъ и страхомъ,
И, оскопивъ себя острымъ желѣзомъ, въ безуміи дикомъ,
Онъ плодотворную силу, еще недозрѣлой, исторгнулъ!

ЦИБЕЛА.

Тщетно по волнамъ воздушнымъ стремишь ты всечасно Цибела,

Жалобъ печальныхъ любви неумолчные горькіе стоны —
Воздухъ, земля и вода и свѣтила небесъ безотвѣтны!
Аттисъ, Аттисъ! ужель я тебя никогда не увижу?
Иль ты восхищенъ Зевесомъ взамѣнъ Ганимеда на небо?
Или Авророй ты взятъ вмѣсто милаго сына Мемнона?
Кто обладаетъ тобою, кто нѣжитъ прекрасное тѣло,
Кто сладкій медъ поцѣлуевъ съ устъ твоихъ жаркихъ вкушаетъ?
Тучи и звѣзды небесныя! къ вамъ я взываю: скажите
Гдѣ онъ, гдѣ онъ, мой Аттисъ, мой отрокъ, красою цвѣтущій!

Входитъ ЮЛІЙ ВИНДЕКСЪ, преслѣдуемый сатирами и нимфами.

САТИРЪ.

О, куда бѣжишь ты?
Рѣзвый хороводъ
Нимфъ, вѣнчанныхъ хмѣлемъ,
Къ счастію зоветъ!
Вонъ они со смѣхомъ
Скрылись по кустамъ —
Поспѣшай за ними
И лови ихъ тамъ!

ЮЛІЙ ВИНДЕКСЪ.

Оставите-ль меня вы, маски?
Дурачьтесь съ тѣми, кто пойдетъ
Въ вашъ сладострастный хороводъ —
Мнѣ чужды ваши игры, ваши ласки.

НИМФЫ.

Дафна, гдѣ ты, гдѣ ты?
Видѣла ли ты
Образъ, столь прелестный,
Юной красоты?
Посмотри Глицера:
Думой осѣненъ
Онъ стоитъ — прекраснѣй
Ганимеда онъ!

ЮЛІЙ ВИНДЕКСЪ.

Вашъ нѣжный зовъ напрасенъ былъ:
Онъ прозвучалъ тревогой безполезной,
Ударивъ по бронѣ желѣзной,
Которою я чувства оградилъ.

ОРЕАДЫ.

Кто для нѣги сладкой
Ищетъ сѣни, тотъ
Приходи украдкой
Къ намъ въ тѣнистый гротъ!
Изъ травы зеленой
Тамъ мягка постель,
Будто въ нѣгѣ сонной
Ключъ журчитъ студеный
Брачной пѣсни трель!...

ЮЛІЙ ВИНДЕКСЪ.

О, хорошо уснуть въ тѣнистомъ гротѣ,
Какъ засыпалъ съ Дидоною Эней....
Но пусть еще вы слаще запоете —
Вамъ не исторгнуть изъ души моей
Того, что̀ я замыслилъ въ ней!

НАЯДЫ.

Прекрасную дѣву
Возьми — и сокрой
Себя съ нею вмѣстѣ
Прозрачной волной!
Песокъ золотистый
На днѣ разсыпай,
Иль сѣткой зеленой
Ивы вѣтвистой,
Къ водамъ склоненной
Играй!

ЮЛІЙ ВИНДЕКСЪ.

Въ дыханьи воздуха, въ водѣ
Живетъ любовь и манитъ лаской счастья,
И въ мірѣ слышатся вездѣ
Лобзаній звуки, ропотъ сладострастья —

ДРІАДЫ.

Въ часъ, когда съ закатомъ
Тихо раздаются
Пѣсни пастуховъ;

Дышутъ ароматомъ
Розъ кусты, и вьются
Хоры мотыльковъ.
Въ этотъ часъ приди намъ
Счастье дать и съ нами
Подъ листвой усни;
Къ перьямъ лебединымъ
Мягкими кудрями
Голову склони!

ЮЛІЙ ВИНДЕКСЪ.

Туманъ рѣдѣетъ; вижу въ сторонѣ
Я образъ женщины прекрасной;
Съ желаньемъ ласковымъ она киваетъ мнѣ
И я на зовъ влекуся сладострастный....

САТИРЪ.

Ты ея красу замѣтилъ?
О, лови ее, лови!
Гдѣ-бы ты ее ни встрѣтилъ —
Встрѣтишь счастіе любви!
Въ ней желанія горѣли
Быть съ тобой наединѣ
Средь долины, на горѣ ли,
Или въ водной глубинѣ!

Къ Ю. Виндексу подходитъ маска.

ЮЛІЙ ВИНДЕКСЪ.

Открой свои черты передо мной
Прелестный образъ!

МАСКА.

Подожди мгновенье —
Позволь мнѣ безотвѣтно насладиться
Твоими взорами.

ЮЛІЙ ВИНДЕКСЪ.

Красы очарованье
Ты скромности нарядомъ облекла?

Незнакомка снимаетъ маску.

Поппея! Ты?... Я могъ-бы здѣсь остаться,

Чтобъ усладить себя твоимъ стыдомъ,
Но клятва, мною принятая въ сердцѣ,
Меня отсюда гонитъ противъ воли!

Убѣгаетъ.

ПОППЕЯ.

О погоди, мой милый, погоди!
Ты убѣгаешь отъ меня? За что же?
Чего страшишься ты?... О, ночь, разсѣй
Свой мракъ, чтобъ вновь могла его найти я
Для страстныхъ ласкъ и счастія любви!

Бѣжитъ за Ю. Виндексомъ.

Театральное представленіе кончено.

Неронъ въ женскомъ костюмѣ, нарумяненный, съ полуоткрытою грудью, идетъ по сценѣ, преслѣдуемый льстецами, превозносящими его до небесъ въ избитыхъ почтительныхъ выраженіяхъ. Онъ благодаритъ, какъ новичекъ при первомъ дебютѣ.

Пробѣгаютъ прежніе хоры чаще и чаще; паркъ пустѣетъ.

Смоляные факелы, съ завернутыми въ нихъ евреями и христіянами, потухаютъ.

ПЕРВЫЙ ФАКЕЛЪ—тихо стеная.

Мы горимъ и страдаемъ
При этомъ весельи!
О Іегова,
Богъ Саваоѳъ!

ВТОРОЙ ФАКЕЛЪ.

Мы горимъ и страдаемъ
При этомъ весельи!
О мой Спаситель,
Іисусъ Христосъ!

Факелы падаютъ на землю.

Ночь и тишина.

В. Буренинъ.

ДУХОВЕНСТВО и ШКОЛЫ

въ

НАШИХЪ НѢМЕЦКИХЪ КОЛОНІЯХЪ.

III*).

«Нѣмецкая народная школа — говорится въ одномъ изъ новѣйшихъ изслѣдованій [1]) — была результатомъ реформаціоннаго движенія, когда пробудившееся религіозное сознаніе массъ потребовало ближайшаго знакомства съ предметами вѣры, рѣшавшими тогда судьбу нѣмецкаго народа. Эта историческая особенность опредѣлила ея основной характеръ, которымъ она отличается еще и въ наше время. Эта школа, образовавшаяся изъ обязательныхъ катехизическихъ поученій пастора или его помощника при церкви (кистера, кантора), оставалась съ тѣхъ поръ въ связи съ церковнымъ бытомъ общины: пасторъ до сихъ поръ остается ближайшимъ руководителемъ школы. Въ тоже время школа сохранила свою тѣсную связь съ общиной сельской и городской; община даетъ средства для школы (въ принципѣ) безъ всякаго участія правительства, и чрезъ своихъ представителей имѣетъ вліяніе на ея внутренній порядокъ. Другимъ важнымъ качествомъ нѣмецкой школы, которое также приводится къ ея историческому происхожденію, есть всеобщая обязательность; дѣти извѣстнаго возраста, безъ всякихъ исключеній, обязываются посѣщать школу».

---

*) См. выше: янв. 138 — 174 стр.

1) «Вопросъ о народной школѣ въ Германіи». Спб. 1863 г.

«Въ первые годы нынѣшняго столѣтія — продолжаетъ тотъ же авторъ — нѣмецкая школа все еще сохраняла черты, данныя ей реформаціоннымъ движеніемъ; она считалась средствомъ для сообщенія народу извѣстныхъ правилъ вѣры, въ извѣстномъ конфессіональномъ смыслѣ; она дѣлала изъ своихъ воспитанниковъ лютеранъ, католиковъ, реформатовъ, и, не заботясь о дальнѣйшихъ задачахъ, считала цѣль свою достигнутою. Вообще школа представлялась только какъ переходное звено между крещеніемъ и конфирмаціей, какъ будто какое-то новое церковное таинство, которое, завершившись конфирмаціей, вводитъ дитя въ общину. Въ этомъ смыслѣ, ученики обучались чтенію преимущественно по библіи и евангелію, отчасти письму, счету, библейской и новозавѣтной исторіи, въ связи съ исторіею собственно конфессіональной; главное же занятіе учениковъ состояло въ ученіи наизусть катехизиса, молитвъ, церковныхъ гимновъ, текстовъ изъ библіи и евангелія, нравственныхъ изрѣченій» и т. п.

Мы указываемъ на эти мысли потому, что нѣмецкая народная школа въ томъ видѣ, какъ она охарактеризована здѣсь, перенесена нѣмецкими поселенцами и въ наши колоніи. Мало того; въ дальнѣйшихъ судьбахъ колонистской школы и въ современномъ ея положеніи — обнаруживается болѣе или менѣе таже борьба двухъ принциповъ: ортодоксально-конфессіональнаго и воспитательно-образовательнаго, — какая проходитъ чрезъ исторію народной школы въ Германіи. Если въ Германіи евангелическая ортодоксальность, отдѣлившаяся нѣкогда отъ католицизма вслѣдствіе принципа о свободѣ изслѣдованія, стала стремиться чрезъ посредство школы къ строгому утвержденію своихъ началъ, и впала въ ту же догматическую неподвижность, которую прежде протестантизмъ осудилъ въ католичествѣ; и если «въ ортодоксальной партіи явилось такое же ультрамонтанство, какъ и въ католичествѣ, съ такими же деспотическими привычками и наконецъ съ попытками такого же обскурантизма, то тѣже самыя явленія обнаружились и со стороны нашего колонистскаго духовенства въ отношеніяхъ его къ школѣ и приходской общинѣ. Но здѣсь отношенія эти въ послѣднія 20 — 30 лѣтъ усложнялись еще постоянной заботой протестантскаго и католическаго духовенства о предупрежденіи всякихъ поводовъ для проникновенія въ школьное дѣло ближайшаго правительственнаго вліянія и надзора, изъ опасенія руссификаціи. А попытками къ руссификаціи оно признало, повидимому, даже желаніе содѣйствовать обученію колонистовъ русскому языку. Пока колонисты жили изолированно, пока они были окружены почти со всѣхъ сторонъ малонаселенными, или даже почти безлюдными степями,

и управлялись своимъ собственнымъ начальствомъ; пока хозяйственный бытъ ихъ еще не вполнѣ развился, а потребности ихъ удовлетворялись собственными средствами въ чертѣ колонистскаго общественнаго землевладѣнія, до тѣхъ поръ вышеописанное состояніе школы, ея духъ и направленіе, считались самими поселенцами болѣе или менѣе удовлетворительными. За то время, даже серьезныя попытки правительства — провести въ колоніи, при посредствѣ сельскихъ или приходскихъ школъ, знаніе русскаго языка, едва-ли могли разсчитывать на содѣйствіе со стороны самаго населенія. Но подобныхъ попытокъ и не дѣлалось; сельская школа была долгое время оставлена на произволъ самихъ обществъ, которыя каждогодно рядились о содержаніи и съ учителемъ также, какъ съ пасторомъ, пастухами, табунщиками и т. д. Къ тому же и прежде, какъ теперь, за исключеніемъ одной Сарепты, негдѣ было взять сколько-нибудь порядочныхъ наставниковъ. И несмотря на все это, изъ школъ, какъ увидимъ ниже, выходило грамотныхъ колонистовъ больше, нежели въ послѣднія десятилѣтія.

Въ 1816 году, профессоръ казанскаго университета Эрдманъ, въ своемъ отчетѣ по ревизіи учебнаго округа, указалъ на «весьма худое состояніе саратовскихъ колонистскихъ школъ». Онъ представилъ начальству предположеніе «подчинить учителей вообще духовенству, такъ чтобы въ протестантскихъ колоніяхъ — pastor senior (пробстъ), а въ католическихъ — pater superior (деканъ) имѣли главнѣйшій надзоръ». Возникла переписка и были затребованы отзывы мѣстныхъ начальства и духовенства. Послѣднее въ то время положительно отклоняло отъ себя «эту новую для него обязанность», причемъ указывало на затруднительность и малополезность предположенной мѣры. «Хотя приходскому священнику — писалъ пасторъ Губеръ, впослѣдствіи суперинтендентъ московской консисторіи и отецъ извѣстнаго нашего поэта — и можно принять на себя обязанность смотрѣть за училищами въ его приходѣ, но нельзя притомъ не уважить, что 74 протестантскія колоніи имѣютъ только 15 пасторовъ, коимъ, по обширности и многолюдству приходовъ, часто на ученіе и собственныхъ дѣтей времени недостаетъ». «Присмотръ за шульмейстерами и преподаваніемъ — отзывался пасторъ Кольрейфъ, сынъ котораго былъ впослѣдствіи сосланъ въ Оренбургъ, если не ошибаемся, какъ государственный преступникъ — не только на пастора-senior, но даже и на приходскаго священника по каждому приходу, по расположенію колоній, возложить нѣтъ возможности, ибо какія бы правила установлены ни были, соблюденіе оныхъ, при частыхъ отлучкахъ пастора, останется всегда невозмож-

нымъ». Тѣмъ не менѣе, указомъ 25 октября 1819 года, «завѣдываніе сельскими школами и наблюденіе за учителями въ колоніяхъ» были возложены на приходское духовенство и консисторіи каждаго вѣроисповѣданія. Затѣмъ, уже съ тридцатыхъ годовъ, мало-по-малу сталъ высказываться среди населенія иной взглядъ на училищное дѣло, что́ привело духовенство къ систематическому противодѣйствію всякимъ съ чьей бы то ни было стороны попыткамъ къ измѣненію въ чемъ либо конфессіональной программы школъ. Впослѣдствіи мы увидимъ, что около того же времени была сдѣлана первая попытка *со стороны* правительства къ открытію въ колоніяхъ русскихъ училищъ.

Хотя указъ 25 октября 1819 года говоритъ только о «наблюденіи за учителями» и ничего не упоминаетъ о томъ: кѣмъ учители должны быть опредѣляемы и увольняемы, и хотя объ этомъ не существовало, въ то время, никакихъ законоположеній, но какъ сельскій учитель въ колоніяхъ есть въ тоже время и кистеръ или канторъ, и онъ, въ этомъ званіи, по церковному уставу 1832 года, подчиняется приходскому священнику безусловно, то за симъ духовенству было весьма удобно совершенно оттереть сельское общество отъ прежняго участія въ дѣлѣ школы. Оно достигало этой цѣли тѣмъ съ бо́льшимъ рвеніемъ, чѣмъ недовольнѣе дѣлались колонисты состояніемъ у нихъ школьнаго образованія. Дѣло въ томъ, что съ этого времени колонисты, соотвѣтственно распространенію ими своихъ хозяйственныхъ и промышленно-торговыхъ связей за предѣлами колоній, стали заявлять требованія, клонившіяся къ значительному расширенію школьной программы. Подобныя заявленія, высказываясь сначала одиночно, не могли конечно разомъ измѣнить установившійся порядокъ вещей. Но ихъ было достаточно для недремлющаго духовенства, чтобы всячески оградить школу отъ всякихъ не исключительно конфессіональныхъ вліяній. Дѣйствовать, не маскируясь, оно не смѣло въ этомъ случаѣ; иначе, ему пришлось бы стать въ явную оппозицію съ правительствомъ, начавшимъ наконецъ серьезно домогаться введенія въ школахъ преподаванія чтенія и письма по-русски. Не будь этого послѣдняго обстоятельства, нехитрыя въ началѣ требованія колонистовъ, быть можетъ, хотя отчасти, нашли бы удовлетвореніе, такъ какъ въ сущности лучшая часть духовенства постоянно сама сознавала отсталость школы. Но голоса, сочувствовавшіе въ средѣ духовенства стремленіямъ населенія, замолкали предъ возраженіемъ, что если приступить къ расширенію программы, то нѣтъ, конечно, ни одного учебнаго предмета настолько необходимаго для колонистовъ, какъ именно знаніе русскаго языка, введеніе

же въ школы преподаванія этого языка есть только первый шагъ къ руссификаціи и т. д. И вотъ почему духовенство, не задумываясь, принесло насущныя потребности колонистскаго населенія въ жертву цѣлямъ ортодоксально-конфессіональнымъ. Вотъ почему сельская школа и въ нашихъ колоніяхъ окончательно объявлена «переходнымъ звеномъ между крещеніемъ и конфирмаціей» съ самымъ положительнымъ притомъ удостовѣреніемъ, что существующая школа, какъ учрежденіе исключительно приходское или церковное, иного назначенія не имѣетъ и иныхъ цѣлей преслѣдовать не должна; что нѣтъ надобности, безъ прямого стѣсненія религіозно-нравственнаго воспитанія населенія, ни даже возможности измѣнить въ чемъ-либо дѣйствующую въ ней программу. Правительство, повидимому, удовлетворялось тѣмъ значеніемъ, какое духовенству угодно было придать школѣ, но не мирились съ такимъ положеніемъ школьнаго дѣла сами колонисты. Впрочемъ, возникавшія отсюда многотомныя переписки еще и донынѣ не успѣли вывести колонистскую школу изъ тѣсной рамки конфессіонализма и дать ей развитіе, солидарное съ успѣхами и потребностями колонистскаго быта; а между тѣмъ дѣло касалось полумилліоннаго населенія.

Жизнь колоній, ихъ экономическія и нравственныя потребности развивались шире и шире, а школа, коснѣя въ неподвижности, все болѣе теряла живое сочувствіе обществъ, такъ какъ результаты ея выражаются въ одномъ лишь мыслительномъ отупѣніи воспитанниковъ, которое было бы еще гораздо разительнѣе, если-бъ не сама жизнь парализировала мертвящее вліяніе школьной дрессировки. Не удивительно, что общества дѣлаютъ постоянныя, хотя до сихъ поръ и тщетныя усилія возвратить себѣ прежнее, утраченное на школу вліяніе. Напротивъ, духовенство, не ограничиваясь полнымъ самовластіемъ въ приходской школѣ, затрудняетъ своимъ вліяніемъ нерѣдко даже возникновеніе въ колоніяхъ частныхъ школъ и частнаго обученія, и пользуется въ этихъ видахъ, какъ косвенно-репрессивною мѣрою, штрафомъ, установленнымъ по закону за непосѣщеніе колонистскими дѣтьми приходской школы (по 3 коп. за пропускъ). Все это привело къ тому, что теперь во многихъ нѣмецкихъ колоніяхъ существуетъ болѣе или менѣе открытый разладъ по вопросу о школѣ: духовенство упорно отстаиваетъ ортодоксально-конфессіональную программу школъ и связанное съ нею право свое на исключительное завѣдываніе школьнымъ дѣломъ; колонистскія общества, напротивъ, требуютъ расширенія программы школъ и непосредственнаго на нихъ вліянія. На всѣ настоянія объ улучшеніи приходскихъ школъ духовенство отвѣчаетъ: уве-

личивайте число училищныхъ домовъ и учителей, а программа вполнѣ удовлетворительна и никакого расширенія не требуетъ. Но какова эта программа и каковы успѣхи преподаванія — это можно видѣть изъ слѣдующихъ фактовъ. Въ поволжскихъ колоніяхъ заведенъ порядокъ, что лицо, домогающееся кантора-учительской должности, обязано подвергнуться предъ синодальнымъ собраніемъ пасторовъ испытанію по программѣ: 1) читать понятно и съ выраженіемъ, по-нѣмецки; 2) подробно знать библейскую исторію и катехизисъ, и имѣть нѣкоторое искусство въ катехизаціи; 3) хоральное пѣніе и, если возможно, игра на органѣ; 4) чистописаніе и правописаніе безъ грубыхъ ошибокъ, по-нѣмецки, и 5) четыре ариѳметическія правила — до дробей [1]). Вотъ такіе-то убогіе преподаватели-грамотѣи, вооруженные библіею, библейскою исторіею и печатаемыми вдовье-сиротскою кассою сборникомъ гимновъ и катехизисомъ, какъ единственными учебными руководствами, наставляютъ въ теченіе восьми лѣтъ умуразуму каждаго колонистскаго ребенка. Послѣ этого неудивительно, что изъ числа подвергавшихся въ 1862 г. испытанію 56,031 мужчинъ поволжскихъ колонистовъ отъ 15 до 60-лѣтняго возраста, изъ 100 челов. *читали* печатное 73%; разбирали печатное 11%; не умѣли вовсе читать 15%; *писали* — свободно 6%; одно имя свое 52%; совершенно не писали 41%; *знали четыре дѣйствія ариѳметики* 5%; разбирали цифры — 52%; не знали ни одной цифры 42%.

Наглядную картину наружной обстановки школы въ колоніяхъ даетъ намъ управляющій саратовскою конторою, посѣтившій въ исходѣ зимы 1867 и 1868 г. школу колоніи Лѣсного-Карамыша. «Училищный домъ—говоритъ онъ — весьма приличной наружности, значительныхъ размѣровъ и состоитъ изъ одной залы съ 18-ю окнами въ долевыхъ стѣнахъ. Я нашолъ въ нихъ сидящими 450 челов. учащихся, въ томъ числѣ до 100 дѣвочекъ, отъ 7—15 лѣтъ, и это было только половинное число, такъ-называемый утренній классъ; другіе 450 чел. приходятъ учиться послѣ обѣда. Сидѣли всѣ на весьма узкихъ, тонкихъ и длинныхъ доскахъ или скамейкахъ, держа въ рукахъ книги на вѣсу, потому что столовъ при скамейкахъ не было, а близъ каѳедры расположены были 3 или 4 стола, для обученія письму избранныхъ. У учителя былъ помощникъ, занимавшійся съ *азбучниками* (челов. до 100) въ полголоса и отдѣльно съ каждымъ, въ то самое время, какъ учитель выслушивалъ громкое чтеніе за-

[1]) О католическихъ школахъ уже не для чего и распространяться: тамъ ксендзы не ставятъ сельскому учителю даже этихъ, болѣе чѣмъ скромныхъ требованій.

вѣтниковъ (Testamentschüler); отвѣты же по другимъ учебнымъ предметамъ давались постоянно оглушающимъ хоромъ. Въ сторонѣ, на окнѣ, я замѣтилъ свѣжую таловую палочку въ полдюйма толщины и длиною въ аршинъ. Дѣти сидѣли чрезвычайно тѣсно, въ верхнемъ платьѣ и въ мокрой отъ снѣга обуви; почти у всѣхъ лица были въ поту. Не смотря на солнечное утро, среди залы едва можно было читать, до того она наполнена была какимъ-то паромъ; сопровождавшіе меня, непривыкшіе къ школьной атмосферѣ люди, скрылись чрезъ четверть часа. Слѣдовало уже ожидать, что при такой обстановкѣ о преподаваніи, въ смыслѣ умственнаго развитія, не могло быть и рѣчи; все ограничивалось строжайшимъ выполненіемъ школьнаго механизма, безъ чего конечно и нельзя было бы держать эту массу живыхъ тѣлъ въ неподвижномъ порядкѣ. Посѣтилъ я также и послѣобѣденный урокъ, въ которомъ участвовали другіе 450 чел. учащихся. Когда я раздумывалъ, какія тѣлесныя и тѣмъ паче нравственныя усилія потребны учителю на одно то, чтобы поддерживать только дисциплину въ четыреста-главой толпѣ существъ, на глаза вдругъ попала видѣнная мною поутру палочка, но она была вся обломана и оставалось отъ нея не много больше того, сколько можно въ рукѣ держать. Тутъ я догадался о дисциплинарномъ секретѣ, и догадку мою подтвердилъ послѣ самъ учитель, разсказавшій, что средневѣковыя пàли (удары палкой или линейкой по ладони) царствуютъ во всѣхъ колонистскихъ школахъ.»

«На нагорной сторонѣ, — объяснялъ тому же управляющему одинъ изъ учителей,—пасторы большею частью запретили шульмейстерамъ свободное объясненіе данныхъ въ руки имъ учебныхъ книгъ. Хотя пасторы собственно и не подаютъ вида, что запрещаютъ, но если о томъ про кого узнаютъ, то назовутъ гордецомъ, глупцомъ и при первомъ случаѣ, хотя и подъ другимъ предлогомъ, дадутъ почувствовать, что шульмейстеръ не смѣетъ ни на шагъ отступать отъ буквы. «Что значитъ Богъ, грѣшникъ, покаяніе, вѣра и т. п., все содержится въ этой книгѣ, пусть только дѣти выучатъ это наизусть, и ваша обязанность будетъ совершенно исполнена; объясненіе же дозволяется только пастору.» Вотъ—по указаніямъ пасторовъ — граница учительскаго преподаванія.

«Я—поясняетъ другой учитель своему товарищу—прочитываю ученикамъ каждый вопросъ 30—50 разъ и заставляю это дѣлать ученика; потомъ заставляю всѣхъ пропѣть тоже самое 50 или 100 разъ сряду; потомъ раздаю 5—10 ударовъ по рукамъ палкой тѣмъ, кто не перескажетъ наизусть».

«Понятно — заключаетъ авторъ цитуемой нами записки— что такое обученіе есть несказанное мученіе и для учителя и для учащихся, при чемъ убиваются и охота, и силы, и время для занятія другими предметами; а между тѣмъ это вездѣ такъ, и автору извѣстенъ только одинъ пасторъ, который высказалъ неудовольствіе на счетъ безконечнаго заучиванья наизусть и всего, что́ есть неудобнаго въ школахъ, и уже въ нѣкоторыхъ изъ нихъ предпринялъ измѣненія. Одна глава изъ малаго Лютерова катехизиса, извѣстное число библейскихъ текстовъ, часто превосходящее силы учениковъ, и одна церковная пѣснь 3—12 стиховъ— задаются ученику еженедѣльно для выучиванья наизусть. Никакихъ объясненій не предпосылается. Въ преподаваніи библейской исторіи употребляются иногда также забавные методы. Такъ одинъ учитель, считавшійся у своего начальства за дѣльнѣйшаго и лучшаго, желая удивить своимъ искусствомъ, разсказывалъ, что дѣти у него ежедневно выучиваютъ по нѣскольку библейскихъ разсказовъ. Это дѣлается такъ: каждый ученикъ по порядку выучиваетъ двѣ строчки изъ библейской исторіи, и какъ учениковъ у него очень много, то съ этимъ предметомъ онъ скоро покончитъ. Его спросили: неужели въ самомъ дѣлѣ мѣстный пасторъ желаетъ, чтобы вся община, взятая вмѣстѣ, знала библейскую исторію, а не каждый членъ общины порознь. Шульмейстеръ отвѣтилъ: «право, не знаю, только пасторъ велитъ всегда отвѣчать изъ исторіи хоромъ». Другому шульмейстеру сказалъ кто-то, увидѣвъ, что дѣти на каждый вопросъ даютъ отвѣтъ слово-въ-слово по книгѣ, но безъ всякаго размышленія и совершенно не впопадъ, что такой методъ не побуждаетъ дѣтей къ мышленію. Этимъ-то методъ и хорошъ, наивно отвѣтилъ шульмейстеръ».

Поземельно-экономическій кризисъ, переживаемый колоніями южнаго края Россіи въ вопросѣ о безземельныхъ, содѣйствовалъ многимъ и уясненію вопроса училищнаго. Давно уже изъ среды колонистовъ стали раздаваться голоса о необходимости улучшенія хозяйственныхъ пріемовъ и способовъ. Долгое время шла рѣчь о превосходствѣ того или другого пріема, способа, орудія или системы хозяйства; но мало-по-малу началъ устанавливаться и входить въ сознаніе болѣе широкій взглядъ. Было, наконецъ, признано, что всякіе толки объ улучшеніяхъ въ хозяйствѣ поселянъ будутъ лишь ничтожными пальятивами, или даже безплоднымъ толченіемъ воды до тѣхъ поръ, пока не поднимется общій уровень школьнаго образованія, какъ главнѣйшее средство для достиженія дѣйствительныхъ хозяйственныхъ успѣховъ. «Почему—спрашивалъ между прочимъ одинъ изъ проповѣдывавшихъ

эту мысль голосовъ [1])—не подвигаемся мы, колонисты, впередъ въ нашемъ хозяйствѣ, или боимся даже обычное дѣлать иначе, лучше, вопреки примѣру людей разумныхъ?... Недостатокъ свѣдѣній и незнаніе самихъ себя, нашего призванія и нашихъ обязанностей,—вотъ что́ тому причиною. Человѣкъ обязанъ знать себя и свой промыселъ, чтобы быть господиномъ того и другого. Школы наши, я думаю, большинство ихъ, должны давать болѣе средствъ первоначальнаго образованія. Наставники въ нихъ обязаны умѣть отгадывать способности своихъ учениковъ и заботиться, чтобы этотъ Божій даръ не оставался втунѣ и не погибалъ, но, напротивъ, былъ поощряемъ и развиваемъ вполнѣ. У насъ есть школы, но онѣ должны несравненно болѣе соотвѣтствовать своему назначенію; между нашими учителями есть люди дѣльные, исполняющіе честно свои высокія обязанности, но число такихъ наставниковъ слишкомъ недостаточно.»

«Есть два высшихъ хозяйственныхъ уровня, съ поднятіемъ на которые наши урожаи должны бы удвоиться» — продолжаетъ тотъ же голосъ. «Для достиженія первой ступени — недостаетъ намъ машинъ и свѣдѣній; чтобы подняться на вторую,— намъ необходимо знать сельско-хозяйственную химію. Итакъ, у насъ нѣтъ машинъ и аппаратовъ?.. Нѣтъ, въ нихъ-то недостатка мы не встрѣчаемъ; они имѣются въ избыткѣ; но намъ недостаетъ свѣдѣній, чтобы должнымъ образомъ воспользоваться ими; однимъ словомъ—намъ необходимо учиться».

Уже изъ этихъ словъ видно, какое высокое назначеніе колонисты даютъ своей сельской школѣ, и какъ въ дѣйствительности она далека отъ этой цѣли. «Чтобы поселянинъ-хозяинъ, говорится въ концѣ приведенной нами статьи, обработывалъ свою землю правильно; чтобы ремесленникъ производилъ издѣлія солидныя; чтобы облеченный довѣріемъ общества колонистъ исполнялъ свою должность съ честью и на пользу своихъ сообщественниковъ, и чтобы вообще всякій успѣшно дѣйствовалъ въ своемъ призваніи, для того всѣми средствами должно заботиться о школѣ и школьномъ образованіи, такъ какъ школа обязана быть разсадникомъ просвѣщенія, безъ котораго во всѣхъ условіяхъ жизни успѣхъ немыслимъ ни въ сельскомъ хозяйствѣ, ни въ иныхъ сферахъ дѣятельности».

Тѣже самыя мысли и требованія высказывались и со стороны интеллигенціи поволжскихъ колоній. Послѣдствія, какъ увидимъ ниже, показали, что «сельско-хозяйственная проповѣдь колони-

[1]) Landwirthschaftliche Predigt eines Kolonisten. Unterhaltungsblatt für deutsche Ansiedler im südlichen Russland. Odessa. 1865 №№ 2 и 4.

ста» и вторившіе ей голоса выражали не столько личное мнѣніе отдѣльныхъ поселенцевъ, сколько ясно сознанную большинствомъ населенія общественную потребность.

IV.

Выше мы указали на стремленіе правительства направить колонистовъ къ ознакомленію съ русскимъ языкомъ, а равно на безуспѣшность попытокъ — достигнуть этой цѣли при посредствѣ сельскихъ школъ. Такая неудача привела къ учрежденію центральныхъ русскихъ училищъ. Подчиняясь надзору и руководству административнаго попечительства, училища эти получили главнѣйшимъ назначеніемъ — подготовленіе изъ среды колонистовъ учителей русскаго языка. При этомъ имѣлось въ виду, что воспитанники центральныхъ училищъ, по окончаніи ими курса, будутъ преподавать русскій языкъ въ той же сельской школѣ, не стѣсняя впрочемъ конфессіональной программы послѣдней. Исторія центральныхъ училищъ и ихъ результаты настолько характеристичны и поучительны, что читатель конечно не посѣтуетъ, если мы войдемъ въ подробности, объясняющія истинныя причины малаго знакомства массы колонистовъ съ русскимъ языкомъ. Мысль о необходимости этого языка для поселенцевъ также стара, какъ самыя колоніи; но прошлое столѣтіе и въ этомъ отношеніи предоставило ихъ самимъ себѣ. Изъ словъ всеподданнѣйшаго доклада сената, которымъ учреждалась въ 1765 году саратовская контора опекунства «на то лишь время, пока сіе иностранное населеніе, *вошедъ во всѣ россійскіе обычаи*» и т. д., видна, какъ бы увѣренность правительства, что «россійскіе обычаи» и прежде всего конечно русскій языкъ, привьются къ поселенцамъ очень скоро и очень легко. Насколько наивна и ошибочна была эта надежда, въ томъ не трудно было бы убѣдиться тогда же; стоило только, во-первыхъ, вникнуть по-серьёзнѣе въ практическій смыслъ выраженія «вошедъ во всѣ россійскіе обычаи»; во-вторыхъ, сопоставить уровень нравственнаго развитія и хозяйственнаго быта нашихъ крестьянъ съ сельскимъ бытомъ Германіи, представителями котораго сознавала себя сбродная толпа нѣмецкихъ выходцевъ, поставленная при томъ и у насъ въ совершенно отличныя отъ нашего крѣпостника общественныя условія; наконецъ, въ-третьихъ, обратить вниманіе на компактность колонистскаго водворенія и малочисленность въ то время русскаго населенія, имѣвшагося по обѣ стороны Волги, въ нынѣшней Самарской и Саратовской губерніяхъ только въ видѣ

скудно разбросанныхъ на дальнихъ разстояніяхъ поселеній и хуторовъ. Но — по словамъ одного изъ нашихъ ученыхъ—жизнь наша всегда шла своей дорогой, а голова—своей. Такъ было и здѣсь; лицамъ почитавшимъ такимъ легкимъ дѣломъ для колонистовъ усвоеніе «россійскихъ обычаевъ», да при томъ еще и «всѣхъ», не приходило, конечно, на мысль — справиться, что́ думаютъ объ этихъ обычаяхъ сами поселенцы. А послѣдніе, при всей негодности своей, вволю тѣшились въ это время виршами оборванца Платера, который, дошедши въ своей поэмѣ до зимовки переселенческой партіи въ селеніяхъ около Торжка, описываетъ бытъ и нравы русскихъ крестьянъ. Это описаніе, образчикъ котораго приводимъ въ выноскѣ [1]), отличается, правда, почти фотографическою вѣрностью; но едвали такая картина могла подвинуть пришельцевъ «войти во всѣ россійскіе обычаи». Во всякомъ случаѣ задача эта, будучи дѣйствительно поставлена нашимъ поселенцамъ, привела бы ихъ въ крайнее смущеніе; но по всей вѣроятности, не менѣе колонистовъ смутились бы и сами гг. сенаторы, еслибъ отъ нихъ потребовали ближайшаго опредѣленія: въ какіе именно русскіе обычаи должны войти колонисты. На самомъ дѣлѣ до подобнаго обмѣна мыслей не дошло: фраза осталась фразою; формальная сторона дѣла была удовлетворена, а о сущности, вызвавшей и дѣлавшей фразу необходимою, никто не подумалъ. Только чрезъ 18-ть лѣтъ, при Павлѣ, когда колоніи оказались разоренными и обнищалыми, а населеніе въ отчаяніи взывало о помощи и защитѣ, только теперь сдѣлался яс-

---

[1]) Obschon mein neu Quartier
Sehr traurig thät aussehen,
Doch musst ich mit Geduld
Dies alles überstehen,
Dieweil ich mich erfreut
Die Russen anzuschauen;
Sah mit Verwund'rung an
Wie sie ihr Land bebauen;
Das wird nicht recht gepflügt,
Nicht ordentlich besäet,
Und wenn die Früchte reif
Von Herzen schlecht gemäht.
Da ruht auf manchem Land
Ja, wirklich reicher Segen,
Doch hier an dem Verstand
Der Bauer sehr verlegen,
Dann nehmen sie ein Pferd,
Mit ein klein Wägelein,
Und legen's auf ein Hauf':
Das muss die Scheuer sein,
Der Regen, Wind und Schnee
Der muss nun Ordnung halten,
Hans Russmann sitzt im Hauss
Thut weiter Nichts verwalten
Bis dass die grösste Noth
Und ihn der Hunger treibt.
Nun spricht er: «Matschka komm;
Hol' was noch übrig bleibt»
Dann nimmt er dickes Holz
Fängt grausam an zu schlagen,
Ja, wenn ich es ansah,
Ich thue bald verzagen,
Dass so ein Unverstand
Und reicher Segen war;
Vor Faulheit stinkt der Russ,
Das ist ja hell und klar.
Sonst Russlands Gegenden,
So ich bisher gesehen,
An Holz und Wies' und Feld
Kann allezeit bestehen, u. s. w.

нымъ глубокій смыслъ тѣхъ условій, которыхъ надѣялись обойти одною пустою фразою. Волей-неволею приходилось выбирать одно изъ двухъ—или дать окончательно погибнуть колоніямъ, или же возвратиться къ прежнимъ порядкамъ ихъ управленія, т. е. возстановить для нихъ отдѣльныя управленія и т. д. Но даже и теперь еще никто не сознавалъ необходимости обученія колонистовъ русскому языку. Одинъ лишь сенаторъ Габлицъ, при ревизіи имъ въ 1800 — 1802 годахъ поволжскихъ колоній, принялъ мѣры къ обученію колонистовъ русскому языку; онъ распорядился, «избравъ по каждому округу изъ сиротъ или большихъ семействъ по одному мальчику, помѣстить ихъ въ саратовское народное училище на счетъ обществъ, а по окончаніи ими ученія, опредѣлить ихъ въ тѣ округи для исправленія писарскихъ должностей». Въ какой степени это распоряженіе было исполнено, и какія оно имѣло послѣдствія, о томъ нѣтъ свѣдѣній: но вѣрно то, что этимъ, въ сущности совершенно ничтожнымъ пальятивомъ, все дѣло и ограничилось. Въ послѣдующіе годы о преподаваніи колонистамъ русскаго языка—рѣчи вовсе не было ни въ поволжьѣ, ни на югѣ Россіи.

Въ 1820 году, предсѣдатель саратовской (нынѣ московской) евангелическо-лютеранской консисторіи, суперинтендентъ Фесслеръ вновь поднялъ вопросъ о настоятельности рѣшительныхъ мѣръ къ улучшенію сельской школы въ колоніяхъ вообще. Онъ требовалъ расширенія учительскихъ правъ и училищныхъ помѣщеній и учрежденія *особой учительской семинаріи*, «дабы можно было имѣть способныхъ учителей для школъ». По его разсчету, на устройство семинаріи требовалось установленія особаго общественнаго сбора съ колонистовъ «по 54 коп. съ души». Но министерство внутреннихъ дѣлъ, вѣдавшее въ то время колоніями, отозвалось на предположеніе Фесслера, что «сборъ съ колонистовъ денегъ на семинарію, при отбываніи ими другихъ общественныхъ повинностей, будетъ для нихъ обременителенъ; что въ учрежденіи семинаріи особенной надобности не предвидится; что лучше бы поискать двухъ или трехъ хорошихъ учителей и, назначивъ имъ съ согласія колонистовъ достаточное жалованье, употребить ихъ для сформированія нужнаго числа сельскихъ учителей; что ученіе колонистовъ должно быть ограничено преподаваніемъ догматовъ вѣры, чтеніемъ, письмомъ и простою ариѳметикою; желающіе же изъ богатыхъ колонистовъ, по уваженію дарованій дѣтей своихъ, расширить кругъ ихъ познаній, могутъ отдавать оныхъ учиться въ народныя училища, гимназіи и университеты». Итакъ, не говоря уже о болѣе широкомъ народномъ образованіи, и теперь еще не созрѣла даже мысль о необходимости для

массы колонистовъ русскаго языка. Объ этой настоятельной нуждѣ пришлось вновь напомнить никому другому, какъ мѣстному пастору-нѣмцу.

Въ 1825 году, пасторъ Лѣсно-Карамышскаго прихода Конради обязывался «учредить въ колоніи Лѣсномъ-Карамышѣ, Саратовской губерніи, училище для обученія до 50 — 60 колонистскихъ дѣтей *россійскому языку*, дабы приспособить оныхъ къ должностямъ сельскихъ начальниковъ и земскихъ писарей». Основанія были указаны слѣдующія: а) программа — законъ Божій, священная исторія, русскій и нѣмецкій языки, ариѳметика, географія и церковное пѣніе; б) преподаваніе, подъ надзоромъ пастора, возлагается на двухъ учителей — одного для русскихъ предметовъ, съ жалованьемъ на первый случай по 800 рублей, и другого для нѣмецкихъ предметовъ, съ жалованьемъ по 500 руб.; сверхъ того, колоніальному шульмейстеру за обученіе пѣнію полагается по 200 руб.; в) расходы на училище покрываются: платою за ученіе по 30 руб. въ годъ съ ученика, добровольною подпискою и пособіемъ изъ «штрафной суммы» [1]) саратовской конторы; г) «имѣя главнѣйшимъ предметомъ обученіе воспитанниковъ россійскому языку, училище подчиняется не консисторіи, а главному судьѣ саратовской конторы опекунства; отъ него будетъ зависѣть увольненіе, опредѣленіе и представленіе къ наградамъ учителей». Съ предположеніемъ этимъ вполнѣ согласилась и евангелическая консисторія, контора же опекунства неоднократно выражала свое особенно горячее сочувствіе. Представляя проектъ училища на утвержденіе въ министерство внутреннихъ дѣлъ, контора доказывала между прочимъ, что «русскій языкъ весьма нуженъ не только всѣмъ иностраннымъ поселенцамъ, входящимъ съ русскими въ сношеніе, но въ особенности онъ необходимъ сельскимъ и окружнымъ начальникамъ, а между тѣмъ оный нигдѣ въ колонистскихъ приходскихъ школахъ не преподается». Спустя нѣсколько лѣтъ, а именно 3-го октября 1828 года, департаментъ государственнаго хозяйства далъ отвѣтъ. Выразивъ сомнѣніе, чтобы «предполагаемое училище имѣло желаемый успѣхъ, тѣмъ паче, что нѣтъ ничего твердаго ни въ источникахъ содержанія его, ни въ пріобрѣтеніи способныхъ учителей», департаментъ поручалъ конторѣ — «войти съ духовнымъ начальствомъ колоній въ разсмотрѣніе, нельзя ли

---

[1]) Въ прежнее время, всѣ взыскивавшіеся съ колонистовъ денежные штрафы, поступали не въ мірскія кассы по принадлежности, а въ «штрафной капиталъ», который, какъ принадлежность цѣлаго водворенія, употреблялся на разныя *общественныя* нужды.

учредить въ колоніяхъ простыя, хорошія сельскія школы, гдѣ бы, кромѣ закона, обучались колонистскія дѣти читать и писать хорошо и основательно по-нѣмецки и по-русски, и первымъ правиламъ ариѳметики; если же которые мальчики окажутъ охоту и способности къ вящшему обученію, таковымъ предоставить обучаться въ губернской гимназіи». Вслѣдствіе такого разрѣшенія, заговорила инымъ языкомъ и консисторія. Вопреки прежнему мнѣнію своему, она находила, что «обученіе россійскому языку въ *церковныхъ* школахъ (*сельская* школа обратилась уже въ *церковную*) ввести нельзя по той причинѣ, во-первыхъ, что нѣтъ способныхъ, знающихъ этотъ языкъ шульмейстеровъ; а во-вторыхъ, что такое введеніе не только будетъ безполезно, но и во вредъ главному предмету—закону Божію; отъ заведенія же двухъ особыхъ училищъ, одного въ колоніяхъ нагорной, а другого въ колоніяхъ луговой стороны (какъ полагала контора, примѣняясь къ указаніямъ свыше), также нельзя ожидать пользы, ибо колонисты, кои пожелаютъ выучить своихъ дѣтей по-русски, охотнѣе помѣстятъ оныхъ въ городскія народныя училища и гимназіи». Пасторъ Конради также отступился отъ своего предложенія, и такимъ образомъ новое въ министерство представленіе конторы, въ которомъ она пыталась спасти свой первоначальный проектъ, осталось тоже безъ желаемаго результата.

Съ этого времени рвеніе къ улучшенію школъ, слабѣя постепенно, исчезло наконецъ совершенно даже въ лучшихъ представителяхъ мѣстнаго духовенства. Мало того, возраставшія изъ года въ годъ потребности населенія въ лучшемъ обученіи привели его сперва къ частнымъ столкновеніямъ съ отдѣльными пасторами, а за тѣмъ почти къ открытому разладу со всею духовною іерархіею.

Наконецъ, въ 1833 году, вопросъ о преподаваніи колонистамъ русскаго языка былъ поднятъ уже мѣстнымъ губернаторомъ, во всеподданнѣйшемъ отчетѣ его о состояніи Саратовской губерніи. Описывая цвѣтущее положеніе поволжскихъ колоній, онъ удостовѣрялъ, что «немногіе изъ колонистовъ, и то съ трудомъ, объясняются по-русски, а потому всѣ они почитаютъ себя германцами, не знаютъ нашихъ законовъ, полицейскія требованія и повинности исполняютъ медленно и примѣтно стараются избѣгать всякаго сообщенія съ русскими». По особому высочайшему повелѣнію, эта статья отчета, чрезъ комитетъ министровъ, была передана въ министерство внутреннихъ дѣлъ, потребовавшее, конечно, отзыва и заключенія саратовской конторы. Послѣдняя, спѣша повидимому извлечь возможную пользу изъ благопріятнаго оборота, принятаго училищнымъ дѣломъ, предположила учредить

пять отдѣльныхъ русскихъ школъ, по одной на каждые два округа колоній, всего на 306 учениковъ, съ тѣмъ, чтобы «курсъ ученія продолжался шесть лѣтъ, а по истеченіи сего срока, взамѣнъ сихъ училищъ, преподаваніе русскаго языка обязательно было введено въ каждой колоніи». Но такой рѣшительный пріемъ не входилъ въ виды правительства. Еще въ томъ же 1833 году, высочайше утвержденнымъ положеніемъ комитета министровъ повелѣно: «во избѣжаніе издержекъ, потребныхъ на заведеніе сихъ школъ (согласно проекту конторы), ограничить на первый разъ учрежденіе оныхъ въ саратовскихъ колоніяхъ *только двумя школами*, съ назначеніемъ для каждой *только по 25 учениковъ*, съ тѣмъ, чтобы заведеніе оныхъ въ прочихъ колоніяхъ, *если сіе окажется нужнымъ*, отложить до заплаты поселенцами казенныхъ долговъ». Такимъ образомъ, возникли наконецъ первыя двѣ русскія школы для колонистовъ, получившія впослѣдствіи, наравнѣ съ подобными же учрежденіями въ южныхъ колоніяхъ, названіе *центральныхъ училищъ*. Но изъ словъ закона 1833 года видно, что сознаніе въ безусловной необходимости болѣе широкихъ мѣръ въ пользу народнаго образованія у колонистовъ, или хотя бы для ознакомленія ихъ съ русскимъ языкомъ, все еще не созрѣло; допускалось, правда, увеличеніе числа училищъ, но не ранѣе какъ по уплатѣ колонистами казенныхъ долговъ, и въ томъ только случаѣ «если сіе окажется нужнымъ». Конечно, не требуется особенной прозорливости, чтобы впередъ быть убѣжденнымъ въ полной несостоятельности даже тѣхъ двухъ скромныхъ школъ, которыя пробились на Божій свѣтъ, благодаря непосредственному вмѣшательству высочайшей власти.

И въ самомъ дѣлѣ, оба училища — *екатериншадтское*, въ Самарской, и *мѣсно-карамышское*, въ Саратовской губерніи, — вовсе не достигли своей главной цѣли. Начался рядъ перемѣщеній этихъ учрежденій изъ мѣста въ мѣсто, временнаго слитія и раздѣленія ихъ вновь, постепеннаго расширенія программы преподаванія, усиленія содержанія учителей и учебныхъ способовъ и т. д.; исписаны груды бумагъ, составлено, разсмотрѣно и отвергнуто или принято безконечное число мнѣній, предположеній и отзывовъ, а главнаго — приготовленія училищами хотя бы обыкновенныхъ хорошихъ шульмейстеровъ, не говоря уже о русскихъ учителяхъ, все-таки не достигнуто. Правда, по соединеніи, въ 1858 году, обоихъ училищъ въ одно, екатериншадтское, оно получило довольно обширные размѣры и на него тратится каждогодно общественный сборъ по $6^1/_2$ коп. съ ревизской души всѣхъ саратовско-самарскихъ колонистовъ. Тѣмъ не менѣе, училище не удовлетворяетъ потребности населенія ни въ

учителяхъ, ни даже въ общеобразовательномъ смыслѣ: рядомъ съ училищемъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, начало слагаться частное товарищество изъ колонистовъ, занятое составленіемъ капитала на учрежденіе въ той же колоніи Екатеринштадтъ реальной прогимназіи, и капиталъ товарищества достигъ уже довольно почтенныхъ размѣровъ. Съ другой стороны, колонисты Саратовской губерніи, обративъ въ неприкосновенный училищный фондъ часть своихъ общественныхъ капиталовъ въ размѣрѣ, потребномъ на содержаніе особаго двукласнаго центральнаго училища, съ классомъ приготовительнымъ, всего приблизительно на 150 вольноприходящихъ учениковъ, открыли училище это въ колоніи Лѣсномъ-Карамышѣ, гдѣ выстроенъ особый училищный домъ, съ квартирами для учителей и всѣми необходимыми удобствами по хозяйству.

Во всякомъ случаѣ, вновь открытое лѣсно-карамышское центральное училище едва ли не превзойдетъ екатеринштадтское по обширности и обращаемымъ на него обществами способамъ.

Не съ бо́льшимъ успѣхомъ шло учрежденіе центральныхъ русскихъ училищъ и въ колоніяхъ южнаго края Россіи, гдѣ постепенно возникли училища: *саратское*, *хортицкое*, *гальбштадтское* и *пришибское*.

Въ 1823 году, прибылъ въ Бессарабію извѣстный уже читателю виртембергскій купецъ Хр. Фр. Вернеръ, энтузіастъ, не чуждый тенденціозныхъ стремленій Линдля. Поселившись въ новомъ Саратѣ, онъ еще въ томъ же году умеръ, отказавъ, по завѣщанію, саратскому обществу капиталъ въ $25\frac{1}{2}$ тысячъ рублей, съ тѣмъ, чтобы на проценты съ этого капитала было устроено и содержалось «учебное заведеніе для образованія изъ колонистовъ пасторовъ - миссіонеровъ». Къ этому капиталу былы присоединены еще 4,500 рубл., пожертвованныя для подобной же цѣли извѣстнымъ намъ Контеніусомъ; но только въ 1844 году, послѣ долгихъ переговоровъ съ душеприкащикомъ Вернера, саратскимъ оберъ-шульцемъ Фейгелемъ, послѣдовало открытіе въ Саратѣ центральнаго училища.

Вслѣдъ за тѣмъ были открыты и остальныя изъ вышеназванныхъ училищъ.

Условія открытія и существованія всѣхъ такихъ центральныхъ училищъ обрисовываютъ самымъ наглядымъ образомъ тѣ отношенія, въ какія постоянно ставило себя попечительство, съ одной стороны, къ меннонитскому братству, а съ другой, къ остальнымъ колонистскимъ обществамъ и ихъ духовенству. Если въ отношеніи меннонитскихъ центральныхъ училищъ признавалось достаточнымъ обусловить открытіе училищъ—однимъ един-

ственно обязательнымъ — «преподаваніемъ русскаго языка», то, напротивъ, положенія саратскаго и пришибскаго училищъ доказываютъ стремленіе правительства—регламентировать и хозяйственную, и учебную часть этихъ заведеній соотвѣтственно собственнымъ цѣлямъ, не вполнѣ совпадавшимъ съ видами учредителей. При очевидномъ, прямо вытекающемъ изъ сущности училищныхъ положеній желаніи—обратить названныя два заведенія въ питомники учителей, обязанныхъ преподаваніемъ въ сельскихъ школахъ русскаго языка, правительство не умѣло однако отрѣшиться отъ мысли о необходимости подчиненія подобныхъ заведеній главному надзору и руководству духовенства. Если въ положеніи саратскаго училища главный надзоръ по учебной части предоставленъ не пастору, а попечителю изъ колонистовъ и приказу, то это только благодаря положительной волѣ завѣщателя и его душеприкащика, и здѣсь положеніе пыталось-было обезпечить за пасторомъ болѣе широкое вліяніе на училище, хотябы косвеннымъ путемъ, возложеніемъ на него, сверхъ закона Божія, еще и преподаванія нѣмецкаго языка. Но мы видѣли, что даже въ настоящемъ случаѣ, когда цѣль заведенія была «болѣе духовно-конфессіональная, нежели свѣтская», колонистское общество, въ лицѣ своего оберъ-шульца и душеприкащика завѣщателя, само признало необходимымъ устранить излишнее вліяніе пастора, настоявъ на ограниченіи его обязанностей по училищу однимъ преподаваніемъ закона Божія.

Итакъ, правительство, заботливо устраняя отъ центральныхъ училищъ характеръ конфессіональный,—стремилось тѣмъ не менѣе къ подчиненію, по возможности, учебной части и самаго направленія этихъ заведеній надзору и руководству пастора, т. е. главному представителю конфессіонализма. Это явное противорѣчіе. Съ другой стороны, кажется не менѣе противорѣчивымъ еще и то, что саратское общество, настаивая по волѣ завѣщателя на исключительно конфессіональномъ характерѣ училища, въ тоже время, требовало отъ правительства ограниченія предоставленнаго имъ пастору вліянія на заведеніе. Отказываясь отъ ближайшаго разъясненія перваго противорѣчія, мы едва ли ошибаемся, утверждая, что во второмъ случаѣ противорѣчивыя стремленія общества имѣли источникомъ опасеніе тѣхъ же со стороны пастора «деспотическихъ замашекъ» и попытокъ «обскурантизма», которыми около того времени успѣла уже заявить себя въ дѣлѣ народной школы ортодоксальная партія въ Германіи, оказывавшая всегда не ничтожное вліяніе на духъ и направленіе протестантскаго духовенства въ Россіи.

Но какія бы здѣсь причины ни дѣйствовали, тотъ фактъ не-

сомнѣненъ, что всѣ центральныя училища и до сего времени не ввели въ сельскія школы преподаванія русскаго языка. Слѣдовательно, съ точки зрѣнія правительства и насущныхъ интересовъ населенія, главная цѣль этихъ заведеній вовсе не достигнута и, полагаемъ, собственно потому во-первыхъ, что самая организація учебной части училищъ не соотвѣтствуетъ ихъ назначенію, а во-вторыхъ, что училища эти стоятъ особнякомъ, безъ прямой органической связи съ сельскими школами. Если и проникнетъ сюда учитель—воспитанникъ центральныхъ училищъ, то неиначе, какъ чрезъ посредство приходскаго священика, т. е. въ качествѣ кàнтора или кистера, а не народнаго учителя. Но, въ этомъ случаѣ винить исключительно одно духовенство было бы не вполнѣ справедливо, такъ какъ ни одно изъ центральныхъ училищъ не давало такихъ наставниковъ, которые, по окончаніи курса, стояли бы выше обыкновенныхъ рутинеровъ, заправляющихъ школами въ колоніяхъ. Такъ въ 1867 году, изъ 6-ти воспитанниковъ екатеринштадтскаго центральнаго училища, снабженныхъ аттестатами объ окончаніи ими полнаго курса ученія, только *двое* были признаны синодомъ достаточно подготовленными для кàнторъ-учительской должности, тогда какъ екатеринштадтское училище несомнѣнно лучшее изъ всѣхъ заведеній этого рода. За центральными училищами остается лишь та заслуга, что они снабдили колонистскіе приказы достаточнымъ числомъ отличныхъ писарей окружныхъ и сельскихъ; — другіе же изъ воспитанниковъ съ честью занимаютъ разныя выборныя должности по общественной службѣ.

Такъ шло дѣло до послѣдняго времени, когда широкое развитіе хозяйственной дѣятельности колонистовъ, ихъ возрастающая стѣсненность по землевладѣнію, включеніе поселенцевъ на общемъ основаніи въ составъ земства, и наконецъ предстоящее подчиненіе ихъ общимъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденіямъ, общимъ суду и полиціи, привели и массу колонистовъ къ сознанію необходимости въ болѣе широкомъ и соотвѣтствующемъ ихъ быту школьномъ образованіи, и особенно въ изученіи русскаго языка, безъ основательнаго знанія котораго, по осуществленіи реформы во всѣхъ ея частяхъ, колонисты оказались бы на практикѣ болѣе безправными, нежели всѣ остальные наши сельскіе обыватели.

Въ виду такихъ условій, лѣтомъ 1866 года, состоялся въ Одессѣ съѣздъ полномочныхъ представителей всѣхъ колонистскихъ обществъ южнаго края Россіи. О съѣздѣ этомъ и о выработанныхъ имъ правилахъ по взаимному отъ огня застрахованію строеній и учрежденію волостныхъ ссудо-сберегательныхъ кассъ—нами

упомянуто уже выше. Новая и, по достигнутымъ результатамъ, важнѣйшая сторона дѣятельности съѣзда выразилась въ мѣрахъ, принятыхъ имъ въ пользу школьнаго дѣла.

Не имѣя права непосредственно касаться приходскихъ школъ, одесскій съѣздъ уполномоченныхъ обратилъ тѣмъ болѣе серьезное вниманіе на центральныя училища. Послѣднія онъ нашелъ совершенно неудовлетворительными ни по обращеннымъ на нихъ средствамъ, ни въ отношеніи программы и вообще учебныхъ способовъ. Уполномоченные высказывали убѣжденіе, что въ видахъ будущаго преуспѣянія колоній, центральныя училища должны, какъ и нынѣ, имѣть цѣлью: 1) распространеніе въ массѣ поселенцевъ знанія русскаго языка, «чтобы подрастающія поколѣнія вполнѣ освоились въ Россіи и, овладѣвъ отечественнымъ языкомъ, содѣйствовали всеобщему благоденствію своего отечества»; и 2) образованіе «вполнѣ достойныхъ и способныхъ наставниковъ для сельскихъ школъ, писарей и должностныхъ лицъ для общественной выборной службы, на пользу поселенцевъ и всего государства».

Прежде всего, съѣздъ сдѣлалъ распредѣленіе колоній, кромѣ болгарскихъ, на 9 учебныхъ округовъ, принявъ при этомъ во вниманіе территоріальныя условія и матеріальные способы населенія. Опредѣливъ соотвѣтственно сему число училищъ, мѣсто нахожденія и штатное положеніе каждаго изъ нихъ, уполномоченные ассигновали и необходимыя для осуществленія настоящихъ предположеній средства: а) 285,378 руб. училищныхъ и мірскихъ суммъ обращены въ неприкосновенные училищные фонды; и б) сборомъ съ приписаннаго къ училищамъ населенія ассигновано по 8,921 р. въ годъ.

Всѣмъ учителямъ центральныхъ училищъ испрашиваются по службѣ и на пенсію права учителей уѣздныхъ училищъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія. Собственно для колонистовъ-болгаръ предположено равнымъ образомъ открыть училища: одно, въ размѣрѣ прогимназіи, въ Бессарабіи, на счетъ пожертвованныхъ обществами суммъ до 200 тысячъ рубл., и другое—въ болгарской колоніи Преславѣ, Бердянскаго уѣзда, Таврической губ., въ меньшемъ размѣрѣ, на первое время на счетъ особаго источника, съ отнесеніемъ за тѣмъ содержанія училища на обязанность подлежащихъ обществъ. Факты эти краснорѣчивѣе словъ и дѣлаютъ совершенно излишними всякія разсужденія о томъ, какую огромную пользу можно извлечь изъ обращенныхъ на училищное дѣло въ колоніяхъ суммъ, нисколько не стѣсняя собственныхъ интересовъ колонистовъ и приводя ихъ только къ одному знаменателю съ потребностями остальныхъ

земскихъ сословій. Намъ остается завѣрить читателя, что всѣ пожертвованія колонистовъ въ пользу училищнаго дѣла составляютъ выраженіе свободной, ничѣмъ нестѣсненной воли обществъ, сознавшихъ истинныя свои нужды и потребности. Въ тоже время факты эти свидѣтельствуютъ объ искреннемъ желаніи колонистовъ примкнуть къ общему строю государственной жизни, доказывая ясно и неопровержимо всю несостоятельность голосовъ, увѣряющихъ, будтобы колонистское населеніе, въ принципѣ, чуждается сближенія съ остальными согражданами.

Наконецъ, замѣчательно еще то, что и одесскій съѣздъ колонистскихъ уполномоченныхъ устраняетъ мѣстное духовенство совершенно отъ завѣдыванія преобразовываемыми и вновь учреждаемыми центральными училищами, предоставляя ему лишь преподавательскія обязанности по закону Божію. И надо полагать, что на этотъ разъ правительство не только не впадетъ въ прежнюю ошибку, но, въ согласіи съ положеніями: крестьянскимъ 19 февраля 1861 и земскимъ—1 января 1864 года, приметъ мѣры, чтобы на будущее время и сельскія школы колонистовъ были переданы въ вѣдѣніе самихъ обществъ, на счетъ которыхъ онѣ содержатся. Такимъ образомъ, школы эти придутъ въ полную солидарность и въ непосредственно тѣсную связь съ центральными училищами. Безъ этого — послѣднія снова были бы парализованы и, во всякомъ случаѣ, не принесли бы ожидаемыхъ отъ нихъ результатовъ въ той мѣрѣ, какъ этого настоятельно требуютъ и пользы самихъ колонистовъ, и насущные государственные интересы. И едва ли мы ошибаемся, утверждая, что колонисты ни въ какомъ случаѣ не рѣшились бы на такія огромныя жертвы, еслибъ они не были вполнѣ увѣрены, что центральныя училища не будутъ подчинены болѣе или менѣе исключительному вліянію мѣстнаго ихъ духовенства.

Плодовъ лучшаго училищнаго образованія нужно ожидать не въ близкомъ будущемъ, а между тѣмъ настоящее доказываетъ, что многое въ колоніяхъ могло бы быть и было бы иначе, еслибы мѣры въ пользу училищнаго дѣла давно уже были приняты въ такихъ широкихъ размѣрахъ, какъ это предположено съѣздомъ колонистскихъ повѣренныхъ. Одно незнаніе колонистомъ русскаго языка лишаетъ его, внѣ предѣловъ колоній, привычной самостоятельности, самодѣятельности и вообще сознательности въ дѣйствіяхъ и отношеніяхъ его къ окружающему обществу; оно-то всегда и отклоняло многихъ отъ оставленія колоній. Это чувство недовѣрія поселенцевъ ко внѣ-колоніальной жизни поддерживалось не малочисленными примѣрами того, что болѣе рѣшительные и предпріимчивые изъ ихъ среды, водворившись въ горо-

дахъ или селеніяхъ, расплачивались нерѣдко дорогою цѣною за свое незнаніе языка и вообще обще-дѣйствующихъ порядковъ, обычаевъ и т. д. Намъ лично извѣстенъ не одинъ случай, что такіе колонисты заключили на мало знакомомъ имъ русскомъ языкѣ договоры, содержаніе которыхъ имѣло вовсе не тотъ смыслъ, въ какомъ они обязывались и договаривались. Послѣдствіемъ бывали нескончаемыя тяжбы, приводившія колонистовъ къ потерѣ значительныхъ состояній, нравственнымъ страданіямъ и разстройству. Если поговорка «лучше утопиться, чѣмъ судиться» сложилась у нашего народа, которому нельзя было обойти означенной дилеммы, то неудивительно, конечно, если колонистъ, испытавъ на практикѣ глубокій смыслъ приведеннаго афоризма, возвращался въ свою колонію крайне предубѣжденнымъ противъ внѣ-колоніальнаго строя и примѣромъ своимъ еще болѣе подкрѣплялъ понятную недовѣрчивость своихъ однообщественниковъ ко всему, что выходило за предѣлы ихъ личнаго разумѣнія и опытнаго знанія. И много ли найдется людей грамотныхъ, ясно понимающихъ юридическій смыслъ всякаго акта, и въ тоже время готовыхъ слѣпо подписывать контракты, обязательства и договоры на языкѣ китайскомъ, или вообще имъ лично незнакомомъ?—Несомнѣнно, что чѣмъ человѣкъ развитѣе и грамотнѣе, тѣмъ болѣе онъ встрѣтитъ сомнѣній «приложить руку» къ бумагѣ, содержаніе которой ему непонятно и лично имъ провѣрено быть не можетъ. Таково положеніе большинства колонистовъ внѣ мѣстъ ихъ постоянной осѣдлости.

Но давленіе экономическихъ потребностей неотразимо; волей-неволею поселенцамъ приходится пускаться за предѣлы колоній, а отсюда, уже само собою, является сознаніе въ необходимости обучаться русскому языку. И послѣднее время, независимо отъ приведенныхъ нами выше указаній, особенно богато частными случаями, доказывающими неопровержимо, что это сознаніе колонистовъ растетъ въ нихъ видимо. Такъ, въ католической колоніи Зульцъ, Херсонской губерніи, общество рѣшительно настаиваетъ (повидимому, вопреки требованію патера), чтобы къ должности сельскаго учителя было допущено избранное имъ, по большинству голосовъ, лицо, обязавшееся преподавать дѣтямъ и русскій языкъ. Мѣстное колонистское начальство, съ своей стороны, признало законность требованія общества; но, тѣмъ не менѣе, послѣднее, встрѣтивъ затрудненіе (вѣроятно, какъ уже замѣчено, со стороны приходскаго патера), обратилось о содѣйствіи въ этомъ дѣлѣ къ высшему начальству. Вотъ еще одинъ такой же утѣшительный примѣръ. Новоузенское уѣздное земство, со дня открытія своего, усердно занялось дѣломъ народнаго образова-

нія. Въ 1866 году были открыты въ уѣздѣ нѣсколько земскихъ училищъ, и въ томъ числѣ два — въ колоніяхъ Тонкошуровкѣ и Экгеймѣ. Дѣла этихъ училищъ, какъ свидѣтельствуетъ отчетъ управы, оказали успѣхи свыше всякаго ожиданія; даже для колонистовъ оказалось необходимымъ назначить пріемный экзаменъ, такъ какъ число дѣтей-кандидатовъ далеко превышало вмѣстимость училищныхъ зданій. По принятымъ правиламъ, воспитанники земскихъ училищъ не были обязываемы къ посѣщенію классовъ — въ пору полевыхъ работъ; но, тѣмъ не менѣе, только обыкновенное каникулярное время прервало учебный курсъ, и дѣти, не исключая колонистскихъ, оказали, по увѣренію управы, изумительные успѣхи. Къ сожалѣнію, съ 1867 года, въ новоузенскомъ земствѣ произошло попятное движеніе, послѣдствіемъ котораго было закрытіе, съ текущаго года, большинства вновь-созданныхъ училищъ, и въ томъ числѣ экгеймскаго. Но коротказо существованія училища было, повидимому, достаточно для убѣжденія экгеймскихъ колонистовъ въ его пользѣ: болѣе состоятельные хозяева изъ нихъ, чрезъ посредство мѣстнаго колоніальнаго начальства, вызвались поддерживать прежнее земское училище на свой счетъ, если имъ будетъ оказано изъ общественныхъ суммъ ежегодное пособіе до 400—500 рублей, въ чемъ, мы увѣрены, не встрѣтится препятствія.

V.

Мы сказали, что производившіяся объ улучшеніи сельской школы въ колоніяхъ многолѣтнія переписки еще и до сихъ поръ не успѣли ни вывести ее изъ тѣсной рамки конфессіонализма, ни дать ей развитія, соотвѣтствующаго успѣхамъ и потребностямъ современнаго быта населенія. Теперь, ознакомившись съ положеніемъ учебной части колонистовъ въ цѣломъ, читатель, конечно, самъ уже догадывается объ истинныхъ причинахъ такого неуспѣха. Прежде всего нельзя не замѣтить, что колонисты, дорожа сколько конфессіональными интересами, столько же и своими успѣхами въ экономическомъ и гражданскомъ быту, не довольствуются ни сельскою школою вслѣдствіе конфессіональной исключительности ея, ни центральными русскими училищами, до сего времени, въ смыслѣ спеціальныхъ учительскихъ семинарій, неудовлетворявшими ни конфессіональнымъ, ни гражданскимъ требованіямъ. Поэтому, сущность стремленій колонистовъ приводится къ коренному преобразованію и тѣхъ и другихъ учрежденій. Но при разрозненности учебнаго дѣла и при отсутствіи

общаго педагогическаго плана, положительно нѣтъ возможности ни удовлетворить справедливымъ ожиданіямъ колонистскаго населенія, ни устранить замѣченные въ учебномъ дѣлѣ колоній коренные недостатки, ни, наконецъ, достигнуть цѣли, общей и правительству и населенію, — ознакомить съ русскимъ языкомъ колонистовъ въ массѣ.

Въ этомъ сознаніи, ревизія, въ 1860 году, поволжья, обращаясь къ мѣрамъ улучшенія сельскихъ школъ, сочла нужнымъ обратить прежде всего вниманіе на необходимость устраненія духовенства отъ *исключительнаго* завѣдыванія училищнымъ дѣломъ. Она предлагала: 1) прежде всего постановить, чтобы школьный учитель и кистеръ или канторъ — были *отдѣльныя* лица, и чтобы послѣдній, т. е. кистеръ, подъ руководствомъ и наблюденіемъ приходскаго священника, преподавалъ въ школѣ законъ вѣры и церковное пѣніе въ опредѣленные для сего часы, оставаясь притомъ въ непосредственной и прямой зависимости отъ приходскаго священника, на основаніи церковнаго устава; 2) устранивъ во всемъ остальномъ исключительное, неограниченное вліяніе духовенства на школы и ихъ учителей, постановить для нихъ программы и правила административной зависимости примѣнительно къ началамъ, на коихъ существовали сельскія школы вѣдомствъ удѣльнаго и государственныхъ имуществъ; 3) оставить при должностяхъ нынѣшнихъ школьныхъ учителей, дозволяя имъ, по желанію духовенства и собственной волѣ, или исправлять по прежнему обязанности кистера до того времени, пока найдутся особыя лица для послѣдней должности, или же вовсе перейти на должность кистера [1]); 4) производимое нынѣ шульмейстерамъ-кистерамъ, въ одномъ лицѣ, содержаніе въ протестантскихъ колоніяхъ признать нормальнымъ и сохранить для *учительской* должности неизмѣннымъ на будущее время, а въ католическихъ колоніяхъ назначить учительское содержаніе, по относительному разсчету населенности колоній, наравнѣ съ содержаніемъ протестантскихъ шульмейстеровъ, сдѣлавъ производство его обязательнымъ для обществъ; и наконецъ 5) духовенству предоставить войти въ соглашеніе съ обществами относительно содержанія *особыхъ кистеровъ*. «Школы — заключала ревизія — преобразованныя на этихъ главныхъ основаніяхъ, могутъ обѣщать болѣе успѣха и удовлетворять требованіямъ настоящаго положенія дѣлъ въ колоніяхъ. Съ постепеннымъ образованіемъ новаго по-

[1]) Слѣдовательно, здѣсь требуется какъ разъ обратное тому распоряженію с.-петербургскаго консисторіальнаго начальства, которымъ, съ 1855 года, *неизвѣстно по какому праву*, всѣ «сельскіе учители» южныхъ колоній разжалованы въ «кистеры».

колѣнія учителей, посредствомъ екатеринштадтскаго русскаго училища (въ то время — только-что вновь преобразованнаго на болѣе широкихъ основаніяхъ), и кромѣ того, для католиковъ, приготовленіемъ ихъ въ римско-католической семинаріи, въ Саратовѣ, молодые люди эти могутъ быть размѣщаемы по колоніямъ, и такимъ образомъ достигнется цѣль правительства, и въ то же время удовлетворятся потребности и желанія лучшей части колонистскаго населенія».

Съ матеріальной стороны предполагалось улучшить положеніе школьнаго дѣла—посредствомъ передачи школамъ привилегіи пасторской вдовье-сиротской кассы поволжья на изданіе и распродажу сборника церковныхъ гимновъ и учебныхъ руководствъ. Судьба этого предложенія намъ извѣстна. Объ остальныхъ предположеніяхъ также завязалась оживленная переписка между обоими вѣдомствами колоній — гражданскимъ и духовнымъ. Наконецъ, масса фактическихъ доказательствъ, и въ томъ числѣ извѣстный читателю результатъ почти всенароднаго экзамена въ поволжьѣ, подтвердили наглядно и неопровержимо настоятельную необходимость—изъять колонистскія сельскія школы изъ исключительнаго завѣдыванія духовенства.

Тѣмъ временемъ, коренныя реформы въ крестьянскомъ быту и обще-государственныхъ учрежденіяхъ, въ свою очередь, подступали ближе и ближе къ вѣдомству колоній, громоздя безостановочно вопросъ на вопросъ о возможномъ согласованіи колонистскихъ порядковъ съ новымъ общимъ порядкомъ вещей: предстала неотложная необходимость полнаго пересмотра всѣхъ постановленій о колоніяхъ. Съ другой стороны, послѣднія полны жизни, давно уже бьющей черезъ край поставленной ей рамки; а жизнь, требуя дѣла, не переписки, вліяетъ непосредственно на ближайшіе къ ней органы власти. Отсюда возникаютъ постоянно новыя указанія и предположенія; взгляды на дѣло становятся глубже и шире, а съ тѣмъ вмѣстѣ болѣе и болѣе укрѣпляется вѣроятность, что окончательное устройство народнаго обученія въ колоніяхъ завершится на современныхъ раціональныхъ основаніяхъ. И пора. Нужно же, наконецъ, убѣдиться, что обученія колонистовъ русскому языку нельзя добиваться тѣми узкими пріемами, какіе имѣли мѣсто до настоящаго времени, и что неуспѣхъ въ этомъ отношеніи слѣдуетъ отнести отнюдь не къ «отчужденію колонистовъ отъ всего русскаго», а напротивъ, къ собственной нашей неумѣлости направить къ желаемой цѣли даже такія громадныя средства, какія *всегда* имѣлись на-готовѣ въ колоніяхъ. Но едва ли *мы* въ правѣ ставить эту неумѣлость въ укоръ нашимъ отцамъ и дѣдамъ. Чтобы воздержаться отъ та-

кого укора, стóитъ только вспомнить наши же, не такъ давно происходившіе споры по вопросу: слѣдуетъ, или не слѣдуетъ начальное народное образованіе поручить приходскому духовенству?.. На этотъ вопросъ опытный колонистъ отвѣтилъ бы слѣдующимъ образомъ: «если православное духовенство болѣе нашего имѣетъ свободнаго времени отъ прямыхъ своихъ обязанностей, если оно также хорошо обезпечено въ матеріальномъ отношеніи, какъ наши пасторы и ксендзы, и если, наконецъ, оно, не уступая послѣднимъ въ образованіи, не лишено при этомъ хотя нѣкоторой педагогической подготовки, то, пожалуй, еще можно бы попытаться, но только въ томъ случаѣ, если *нѣтъ иного выхода*. Я дѣлаю эту оговорку потому, что подобный же опытъ у насъ, въ колоніяхъ, принесъ самые горькіе плоды». Вообще, вполнѣ признавая всю важность религіознаго элемента въ народномъ воспитаніи, мы, однако, не можемъ допустить, чтобы правительство, въ явный ущербъ гражданскаго развитія иновѣрческаго населенія, обязано было поддерживать, законодательнымъ путемъ, такія установленія, которыя въ области школы направлены къ исключительно конфессіональнымъ цѣлямъ. По крайней мѣрѣ въ нашихъ иновѣрческихъ колоніяхъ требованіе — сдѣлать начальное народное образованіе исключительною привилегіею духовенства, кажется намъ только отрицаніемъ въ благовидной формѣ необходимости умственнаго развитія массъ. Далѣе стóитъ еще прислушаться къ разноголосицѣ о грамотности въ нашихъ земскихъ собраніяхъ, и вспомнить, какъ, не имѣя ни школъ, ни учителей, ни достаточно денежныхъ средствъ, здѣсь, самымъ серьезнымъ образомъ, обсуживается нерѣдко вопросъ: должно или не должно посѣщеніе школы быть обязательнымъ для *всѣхъ* крестьянскихъ дѣтей? — и это въ то самое время, когда по вѣдомству колоній, всегда имѣвшихъ *каждая* и школьный домъ, и учителя, и противъ крестьянъ несравненно болѣе матеріальныхъ средствъ, многолѣтній опытъ поставилъ тотъ же вопросъ, но въ обратномъ смыслѣ. Здѣсь уже, на основаніи *опытныхъ данныхъ*, спрашивается: слѣдуетъ ли *вовсе отмѣнить*, или только *видоизмѣнить* существующее для *всѣхъ* колонистскихъ дѣтей, извѣстнаго возраста, *обязательное* посѣщеніе сельской школы?...

Казалось бы нечего прибавлять къ убѣдительному разсужденію по этому вопросу барона Н. Корфа [1]), почерпнувшаго значительную долю своихъ фактическихъ аргументовъ изъ опыта южныхъ колоній. Но здѣсь сельская школа пользуется еще весьма существенными преимуществами передъ школами поволж-

[1]) «Вѣстн. Европы», 1868, т. III, стр. 352—373.

скихъ колонистовъ, бытовыя условія которыхъ вообще ближе подходятъ къ нашимъ крестьянскимъ порядкамъ. Настоящій вопросъ имѣетъ слишкомъ важное практическое значеніе, чтобы допустить возможность безусловнаго и однообразнаго разрѣшенія его для всего сельскаго состоянія, не исключая самихъ колонистовъ. Во всякомъ случаѣ, *безусловное уничтоженіе* въ колоніяхъ общеобязательности школьнаго обученія—было бы *шагомъ назадъ, а не впередъ.*

Но подведемъ итогъ. О томъ, что иновѣрческое духовенство въ колоніяхъ, закабаливъ своему исключительному вліянію умственное развитіе населенія, всячески стремится присоединить сюда еще и кабалу экономическую, и о томъ, какими мѣрами слѣдуетъ указать здѣсь духовенству его законныя границы,—обо всемъ этомъ распространяться не станемъ. Дѣло это, само по себѣ, такъ ясно, что ближайшія объясненія, по нашему мнѣнію, совершенно излишни. Иное дѣло—школы. По нашему мнѣнію, организація учебнаго дѣла въ колоніяхъ, способная одинаково удовлетворять какъ насущнымъ интересамъ самаго населенія, такъ и ожиданіямъ русскаго общества, должна соотвѣтствовать тремъ непремѣннымъ условіямъ: *во-первыхъ*, она должна стать въ уровень съ культурою колоній; *во-вторыхъ*—ей невозможно относиться отрицательно къ конфессіонализму; и *въ-третьихъ*, конечнымъ результатомъ обученія въ школѣ должно быть постепенное, дѣйствительное ознакомленіе *массы* колонистовъ съ русскимъ языкомъ, какъ единственнымъ средствомъ для *вполнѣ правомѣрнаго* вступленія ихъ въ политико-соціальный строй русскаго общества. Отсюда сама собою является необходимость въ цѣльной, строго обдуманной и послѣдовательно-примѣняемой педагогической системѣ, настолько же отличной отъ общаго дѣла грамотности у крестьянъ, насколько различны отъ послѣдней бытовыя условія колонистовъ. Система эта должна связать воедино: *сельскую школу*, имѣющуюся уже въ каждой колоніи, *центральное училище*, существующее или вновь открываемое на одну или сообща на нѣсколько колонистскихъ волостей, *и учительскія семинаріи* (съ нисшей при каждой практическою школою) въ Саратовѣ и Одессѣ. Для установленія и сохраненія взаимной связи и вообще цѣлости системы потребуется, конечно, подчиненіе колонистскихъ учебныхъ заведеній—*одному* вѣдомству, что̀ неосуществимо при господствующемъ до сего времени взглядѣ на сельскую школу въ колоніяхъ, какъ на школу *начальную*. На основаніи положенія 14 іюля 1864 года, всѣ начальныя народныя школы имѣютъ предметомъ обученіе чтенію, письму и счету; онѣ подчиняются вѣдѣнію губернскихъ и уѣзд-

ныхъ училищныхъ совѣтовъ, тогда какъ центральныя училища и учительскія семинаріи принадлежатъ уже компетенціи министерства народнаго просвѣщенія. Но выше мы видѣли, что колонисты не удовлетворяются своею сельскою школою, въ смыслѣ и размѣрахъ начальной; они по меньшей мѣрѣ требуютъ преподаванія въ ней: закона вѣры въ объемѣ, необходимомъ для совершенія конфирмаціи; чтенія и письма по-нѣмецки и по-русски; первой части ариѳметики, выкладки на счетахъ, краткихъ географіи и исторіи; естествовѣдѣнія по отношенію къ мѣстному хозяйству и культурѣ, и наконецъ сущности общественнаго самоуправленія—сельскаго, волостного, земскаго и судебно-мирового. Понятно, что для правильно-подготовленнаго сельскаго учителя не представитъ особеннаго затрудненія вести преподаваніе нѣкоторыхъ изъ этихъ предметовъ на русскомъ языкѣ, въ особенности тѣхъ, къ которымъ долженъ примѣняться способъ наглядnаго обученія и разсказа. Такимъ образомъ, вопросъ о подчиненіи учебной части въ колоніяхъ всецѣло одному вѣдомству—разрѣшается самъ собою: сельская школа, наравнѣ съ центральными училищами и семинаріями, отойдетъ въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія, на правахъ *частныхъ училищъ*, согласно уставу 1823 года и дополнительныхъ правилъ 19 февраля 1868 года.

Затѣмъ весь вопросъ приводится уже къ тому, чтобы сельскую школу — по внутренней ея организаціи — поставить въ условія, необходимыя для осуществленія указанной нами учебной программы, и сообразовать съ этой программою курсы преподаванія въ центральныхъ училищахъ и учительской семинаріи. Въ этихъ видахъ предстояло бы прежде всего постановить слѣдующія правила: а) въ сельскую школу поступаютъ дѣти обоего пола не моложе 10-ти лѣтъ отъ рожденія и умѣющія читать, а по возможности, и писать, чему они должны научаться на дому, подъ надзоромъ своихъ родныхъ и приходскаго священника; б) тамъ, гдѣ число учащихся на одну школу и на одного учителя достигаетъ 150 и болѣе человѣкъ, необходимо раздѣлить школу на двѣ: одну для мальчиковъ, другую для дѣвочекъ, такъ, чтобы число учащихся, по крайней возможности, не превышало 100 на одного учителя или наставницу (конечно, мѣра эта можетъ быть постановлена не безусловно, а только какъ нормальная цѣль, къ которой слѣдуетъ стремиться *по возможности*); в) посѣщеніе, приблизительно съ 1 октября по 1 апрѣля, сельской школы всѣми дѣтьми обоего пола, начиная съ 10-тилѣтняго возраста, обязательно: для поступающихъ въ центральныя училища до 13—14-ти-лѣтняго возраста, а для остальныхъ—

до совершенія конфирмаціи; г) для повѣрки успѣховъ домашняго обученія—приходскій пасторъ, или патеръ, ежегодно собираетъ дѣтей отъ 7-ми до 10-ти лѣтъ и дѣлаетъ имъ испытаніе, а родителямъ или воспитателямъ и опекунамъ, нерадѣющимъ о грамотности своихъ дѣтей и питомцевъ, внушаетъ о нерадѣніи ихъ, предупреждая, что неподготовка дѣтей къ поступленію въ сельскую школу повлечетъ за собою взысканіе по опредѣленію мѣстнаго волостного суда; д) должности сельскаго учителя и кистера могутъ быть соединяемы въ одномъ лицѣ *только въ видѣ исключенія*, и не иначе, какъ по взаимному соглашенію приходскаго священника, общества и самого учителя; но и въ такихъ случаяхъ сельскій учитель подчиняется приходскому священнику единственно только по должности кистера, на основаніи церковнаго устава; е) преподаваніе въ сельской школѣ закона вѣры и церковнаго пѣнія возлагается на *кистера*, подъ надзоромъ и руководствомъ мѣстнаго священника, преподаваніе же прочихъ предметовъ — на *сельскаго учителя*, подъ наблюденіемъ училищнаго начальства, т. е. старшаго учителя мѣстнаго центральнаго училища, начальника и педагогическаго совѣта семинаріи и губернской училищной дирекціи; ж) сельскіе учители опредѣляются изъ лицъ, имѣющихъ аттестаты объ окончаніи ими курса наукъ въ учительской семинаріи (или о выдержаніи соотвѣтственнаго сему экзамена); на первое же время, впредь до образованія таковыхъ учителей, остаются въ должностяхъ нынѣшніе шульмейстеры *на правахъ сельскихъ учителей*, а могущія открыться вакансіи — замѣщаются лицами, подготовившимися къ этой должности въ прежнемъ порядкѣ; з) опредѣленіе и увольненіе сельскихъ учителей, со дня открытія мѣстной учительской семинаріи, предоставляется педагогическому при ней совѣту, обязанному въ этомъ случаѣ, по крайней возможности, сообразовываться съ желаніями мѣстнаго приходскаго священника и общества, средствами котораго содержится школа; и) производимое нынѣшнимъ шульмейстерамъ — въ качествѣ учителя и кистера — содержаніе (за исключеніемъ однихъ *платъ за требы*, — аксиденцій) установляется по каждой протестантской колоніи, какъ minimum учительскаго содержанія, съ тѣмъ однако, что за обществомъ сохраняется право, по соглашенію съ семинарскимъ начальствомъ, переложить на деньги ту часть сего содержанія, которая мѣстами отбывается продуктами; въ католическихъ же колоніяхъ содержаніе учителя опредѣляется соразмѣрно съ тѣмъ, которое производится протестантами, по относительному разсчету числа душъ или работниковъ; і) для обезпеченія сельскихъ учителей на слу-

чай старости, болѣзни и т. п., а также ихъ вдовъ и сиротъ, могутъ быть учреждаемы особыя учительскія эмеритальныя кассы.

Реорганизованныя на этихъ главныхъ основаніяхъ, сельскія школы въ колоніяхъ легко примкнутъ къ центральнымъ училищамъ и учительскимъ семинаріямъ, если эти учрежденія получатъ устройство, обусловливаемое потребностью и педагогическою системою. Намъ кажется, что для семинарій въ Саратовѣ и Одессѣ образцомъ могла бы служить дерптская учительская семинарія, съ тѣмъ однако, чтобы предполагаемыя нами заведенія ставили себѣ задачею приготовить своихъ воспитанниковъ для отправленія не только учительской должности, но, въ случаѣ надобности, и кистерской обязанности.

Завѣдываніе хозяйственной частью школъ, училищъ и семинарій слѣдуетъ, по нашему мнѣнію, сосредоточить при каждомъ отдѣльномъ учрежденіи въ особомъ попечительствѣ, въ составъ котораго должны войти элементы: учительскій, духовный и представительный отъ подлежащихъ обществъ. Педагогическіе же совѣты, состоя при каждомъ центральномъ училищѣ и каждой семинаріи изъ учителей и членовъ отъ духовенства, обязывались бы только выслушивать и принимать къ соображенію заявленія обществъ и вообще населенія касательно учебной части.

Входить въ болѣе подробное развитіе нашихъ предположеній здѣсь не умѣста; къ тому же педагогика—не наша спеціальность. Повторимъ только еще разъ, что организація въ возможно широкихъ размѣрахъ учебной части колоній не встрѣтитъ никакихъ затрудненій со стороны матеріяльныхъ способовъ; напротивъ, при разумномъ распредѣленіи тѣхъ средствъ, которыя уже обращены на учебное дѣло колонистовъ, едва ли потребуются новыя пожертвованія, хотя, въ случаѣ надобности, и за ними—дѣло не станетъ.

Конечно, если смотрѣть на учебное дѣло колоній съ точки зрѣнія иныхъ патріотовъ, для которыхъ «сближеніе или слитіе» съ русскимъ населеніемъ иноплеменныхъ народностей имперіи равносильно требованію, чтобы иновѣрцы сразу отрѣшались отъ своихъ обычаевъ, вѣры и культуры, то всякая забота о будущемъ преуспѣяніи колоній вообще, и объ училищномъ ихъ дѣлѣ въ особенности оказалась бы совершенно излишнею и, пожалуй, даже вредною. Но мы того мнѣнія, что Россіи нужны граждане, побольше истинно полезныхъ, преданныхъ гражданъ во всѣхъ сферахъ ея государственнаго строя; а въ этомъ смыслѣ гражданственность и конфессіонализмъ — двѣ вещи совершенно разныя. Вообще отождествленіе двухъ понятій: «русскій» и «православный» ведетъ и, по нашему мнѣнію, не можетъ не вести лишь

къ абсурду въ теоріи и на практикѣ. Тѣмъ не менѣе, при современномъ настроеніи нашего общества, легко могутъ найтись голоса, и при томъ голоса такъ-называемыхъ патріотовъ pure sang, которыхъ покоробитъ хотя бы отъ факта онѣмеченія въ нашихъ колоніяхъ кашубовъ, и которые, во имя того же quasi-патріотизма, готовы отрицать необходимость болѣе широкихъ мѣръ въ пользу народнаго образованія у колонистовъ, не смотря на то, что послѣдніе обходятся въ этомъ случаѣ исключительно своими собственными средствами, требуя лишь одного—правительственной организаціи учебнаго дѣла. Присутствіе въ нашемъ обществѣ такихъ голосовъ пусть служитъ намъ оправданіемъ предъ читателями за слѣдующее прибавленіе, совершенно излишнее для людей, чуждыхъ слѣпой исключительности и правильно сознающихъ истинные интересы Россіи и русскаго народа. Но.... много ли у насъ такихъ личностей и великъ ли ихъ процентъ на 70 милліоновъ?

VI.

Окидывая мысленнымъ взоромъ Русь отъ Балтики, Карпатовъ и Пропонтиды до береговъ Тихаго океана, русскій народъ могъ сознать свою государственную мощь; но, въ тоже время, онъ сталъ сознавать и необходимость поусерднѣе прежняго заняться своимъ бытовымъ устройствомъ и, до поры до времени, отодвинуть на второй планъ всѣ международные разсчеты по установленію крайнихъ рубежей имперіи на юго-западѣ и юго-востокѣ. Такому благому рѣшенію не мало содѣйствовало, конечно, превосходство надъ нами западно-европейской культуры, наклоняющей международные вѣсы не всегда въ нашу пользу. Въ то время, какъ рынки запада переполнены конкурирующими капиталами и интеллигентными силами, — постоянный недочетъ въ этомъ отношеніи есть хроническій недугъ Россіи. Но главная причина этого недуга—грандіозность исторической задачи русскаго народа, и она-то, по всей справедливости, должна-бы кажется для всякаго изъ насъ служить вполнѣ убѣдительнымъ доказательствомъ, насколько намъ, въ предѣлахъ своихъ владѣній, слѣдуетъ дорожить всякаго рода честнымъ трудомъ, экономическими и интеллигентными успѣхами, и какъ бережно должно-бы намъ умѣть пользоваться ими для общихъ цѣлей, не задерживая, а напротивъ, всячески содѣйствуя ихъ безостановочному дальнѣйшему преуспѣянію. Не можетъ же не быть яснымъ для каждаго русскаго, что только благодаря запасу культурныхъ силъ, выпавшая на нашу долю

историческая задача окажется намъ по плечу, и мы сами—ея достойными. Такъ, напримѣръ, махнуть рукой на Босфоръ и Дарданеллы намъ невозможно; безъ нихъ, или безъ преобладающаго на нихъ русскаго вліянія не могутъ жить полною жизнью и дышать свободно ни югъ Европейской Россіи, ни Кавказъ, ни громадная территорія Средней Азіи. Далѣе предстоитъ намъ, совмѣстно съ внутренней организаціею главнаго ядра имперіи, колонизировать и культивировать, кромѣ Кавказа и Средней Азіи, еще Сибирь и Амурско-Приморскій Край. Надъ такой задачею задумаешься невольно, и невольно спросишь себя: достаточно-ли въ этомъ случаѣ нашихъ наличныхъ силъ и средствъ; а если достаточно, то научились-ли мы толково употреблять ихъ въ дѣло?... Не слишкомъ-ли широко мы раскинулись территоріяльно?.. Прежде всего мы видимъ, что главныя наши военныя и административныя силы все еще оттягиваются на западные рубежи имперіи; только крохи достаются на долю Азіи. Къ счастью, здѣсь и требуются попреимуществу однѣ лишь культурныя силы, и прежде всего здоровое земледѣльческое населеніе. Слѣдовательно, здѣсь открывается самое широкое поприще для нашего крестьянства, которому напротивъ на западѣ дѣла или вовсе не находится, или слишкомъ мало, чтобы приходилось принимать его въ разсчетъ. Въ виду такой постановки нашей задачи, намъ остается еще вспомнить, что Римъ обстроился не въ одинъ день. Слѣдовательно, нѣтъ причины отчаяваться въ успѣхѣ нашихъ усилій, но необходимо приложить всѣ заботы, чтобы избытокъ культурныхъ силъ, обращаемый нами на Востокъ, выдѣлялся изъ ядра имперіи безъ прямого ущерба для успѣшной внутренней организаціи его, а на новыхъ мѣстахъ не погибалъ вслѣдствіе неумѣлости нашей вести колонизаціонное дѣло русскими людьми и малаго знакомства съ колонизируемыми мѣстностями [1]).

---

[1]) Незнаніе нами собственнаго быта, поистинѣ, замѣчательно. Даже въ наиболѣе уважаемыхъ органахъ нашей періодической печати встрѣчаются иногда непростительные промахи. Такъ, одна изъ нашихъ газетъ, доказывая прошлымъ лѣтомъ, въ передовой своей статьѣ—необходимость допустить выселеніе крестьянъ изъ сѣверныхъ губерній на югъ, приводитъ Крымъ, какъ мѣстность, способную устроить быть тѣхъ бѣдняковъ, о судьбѣ которыхъ шла рѣчь. Но почтенная редакція упустила при этомъ совершенно изъ вида тотъ извѣстный фактъ, что на колонизацію Крыма были направлены, въ 1860—1864 годахъ, огромныя усилія правительства, и что тамъ, на счетъ казны, перебывали и кормились нѣсколько лѣтъ сряду—греки, русскіе крестьяне, болгары, латыши, эсты и чехи; но постепенно всѣ эти поселенцы перешли или въ сѣверные уѣзды Таврической губ., или на Кавказъ, или обратно домой. Это объясняется тѣмъ, что казенныхъ земель имѣется въ Крыму не болѣе 30 тысячъ дес., да и тѣ состоятъ изъ негодныхъ или мало способныхъ для хлѣбопашества небольшихъ клочковъ, разбросанныхъ по всему полуострову. Наконецъ, правительство, путемъ довольно

Великія реформы нынѣшняго царствованія, вызванная, или вѣрнѣе, вызываемая ими самодѣятельность общества, сдержанность нашей дипломатіи въ вопросахъ внѣшней политики,—все это можетъ намъ служить порукою, что со стороны правительства вполнѣ сознаны и уяснены какъ историческая задача Россіи, такъ и способы къ успѣшному разрѣшенію ея. И понятно самособою, если въ иныхъ случаяхъ такъ-называемыя «крайнія руссофильскія» тенденціи, вслѣдствіе узкости и односторонности ихъ, не всегда совпадаютъ со взглядами правительства. Мы касаемся этого факта не совсѣмъ охотно; но дѣло въ томъ, что рядомъ съ диссонансомъ споровъ о дѣлахъ губерній привислинскихъ, западныхъ и прибалтійскихъ, а также по разнымъ другимъ общественнымъ вопросамъ, слишкомъ часто приходится и выслушивать и читать самые странные отзывы относительно нашихъ иностранныхъ колоній, какъ существующаго факта, и о колонизаціи вообще, какъ о задачѣ настоящаго и будущаго. Не вдаваясь въ подробности, замѣтимъ только, что въ интересахъ правительства и русскаго общества желательно, чтобы послѣднее, ознакомившись съ собою, своими средствами, потребностями и цѣлями, пріучилось къ разумной самодѣятельности, такъ какъ прежде всего отъ него зависятъ всѣ успѣхи нашей культуры, которыми въ свою очередь условлена наша политическая сила. Къ чему должна быть направляема наша общественная самодѣятельность—извѣстно; но полагая, что всячески необходимо дѣйствовать не стихійно, а осмысленно, и будучи того убѣжденія, что опыты нашей иностранной колонизаціи могутъ бросить свѣтъ на одну изъ главнѣйшихъ современныхъ задачъ, на дѣло устроенія крестьянъ, мы рѣшились подѣлиться съ читающею публикою нашими свѣдѣніями объ этой колонизаціи, и въ томъ числѣ съ состояніемъ здѣсь школьныхъ и церковныхъ дѣлъ.

дорогого опыта, убѣдилось, что для хозяйственной обработки этихъ угодій необходимы —полное знаніе мѣстныхъ культурныхъ условій, капиталъ и не рутинные, а вполнѣ осмысленные пріемы. Все это оно находитъ у однихъ только колонистовъ южной Россіи. Если-бы предложить имъ эти земли на слѣдующихъ условіяхъ: на каждое семейство отводится до 100 дес. съ платою, въ теченіи первыхъ 10-ти лѣтъ, нынѣшняго за тѣ земли оброка, и съ правомъ выкупа, по устройствѣ въ теченіи 10-ти лѣтъ со времени поселенія на отведенныхъ участкахъ правильнаго хозяйства, по капитализаціи платимаго оброка (или оцѣночнаго дохода, если онъ выше) изъ 5%, то быть можетъ колонизація Крыма пошла успѣшнѣе. Что же касается владѣльческихъ земель, то онѣ во многихъ случаяхъ хороши; но сами владѣльцы не выражали еще готовности принять на нихъ поселянъ, хотя въ указанный выше періодъ правительство отъ себя предлагало одни и тѣ же пособія и льготы поселяющимся какъ на казенныхъ, такъ и на владѣльческихъ земляхъ. Спрашивается: зачѣмъ же почтенная редакція посылаетъ крестьянъ изъ огня да въ полымя?

Богатство и благоустройство большинства нашихъ нѣмецкихъ колоній — вновь повторяемъ это — фактъ общеизвѣстный, но въ тоже время фактъ, вызывающій самые странные и противорѣчивые отзывы. Читателю такихъ противорѣчивыхъ отзывовъ, лично незнакомому съ колоніями, долженъ представиться вопросъ: кто же наконецъ изъ пишущихъ правъ, и кто ошибается? Что же такое наши колонисты — язва, или выгода для Россіи, чужеядные паразиты, или полезные граждане?.. И вопросъ этотъ становится тѣмъ неотвязчивѣе, что подобные же разнорѣчивые взгляды высказываются на каждомъ шагу, какъ неподлежащія сомнѣнію истины, не только въ литературѣ и обыденной жизни, но весьма нерѣдко и въ оффиціальной средѣ. Если же и здѣсь, и тамъ, только изрѣдко раздается голосъ, благопріятный для колонистовъ, и если такіе голоса принадлежатъ обыкновенно людямъ, близко знакомымъ съ бытомъ колоніи, то это не всегда избавляетъ ихъ отъ обвиненія въ пристрастіи и узкой исключительности. А между тѣмъ явленіе это доказываетъ только, насколько огромное большинство нашего общества далеко отъ близкаго знакомства съ внутреннимъ бытомъ, съ исторіею русскаго народа, и какъ вообще мы падки на сужденія съ-плеча, безъ фактическихъ, критически провѣренныхъ основаній. «Но — говоритъ К. Д. Кавелинъ — мы сильны инстинктами, неясными стремленіями, непосредственнымъ чувствомъ, и слабы разумѣніемъ; наша мысль не умѣетъ какъ-то совладать съ фактами и осилить нашу умственную разладицу»... Въ этомъ-то разладѣ жизни съ головой, въ неумѣніи связать настоящее съ прошедшимъ, и въ нежеланіи провѣрить и продумать нашъ собственный опытъ лежитъ, по нашему мнѣнію, важнѣйшая причина нашей неумѣлости тамъ, гдѣ требуются уже не одни слова, а мелочно-кропотливая работа, выносливое терпѣніе и практическая сообразительность, однимъ словомъ — самое дѣло, надъ которымъ мы слишкомъ нерѣдко теряемся, путаемся и кончаемъ мыльными пузырями, видя, что дѣло ускользаетъ изъ рукъ и идетъ своей дорогой, вовсе не туда, куда клонила его наша голова.

Настоящіе, конечно, очень грустные выводы подтверждаются и господствующими у насъ взглядами на наши иностранныя колоніи. Причины, вызвавшія колонизацію въ имперіи иностранцевъ въ широкихъ размѣрахъ, мы предполагаемъ извѣстными читателю. Понятно, что эта колонизація могла имѣть только двѣ цѣли: политическую и культурную. Первая состояла въ томъ, чтобы колонизируемые украинные пустыри связать неразрывно съ ядромъ имперіи, обративъ ихъ во владѣнія выгодныя, прочныя, граждански-благоустроенныя. Вторая стремилась къ созданію на-

глядныхъ примѣровъ иныхъ, лучшихъ сельскаго быта и хозяйственныхъ порядковъ. Объ эти цѣли—гдѣ больше, гдѣ менѣе—въ колоніяхъ достигнуты; отвергать справедливость этого факта можетъ одно только невѣдѣніе и предубѣжденіе. Видѣть вредъ для Россіи въ томъ, что колонисты трудомъ своимъ оплодотворили значительную часть тѣхъ огромныхъ пустырей, которыхъ культура *во всемъ объемѣ* еще и по настоящее время составляетъ задачу будущаго,—доказывать это значитъ утверждать явную несообразность. По меньшей мѣрѣ, такою же несообразностью слѣдуетъ признать обвиненіе, что колонисты «ничему насъ не научили». Безпристрастно вникая въ сущность нашихъ коренныхъ реформъ, начиная съ 19-го февраля 1861 года, всякій можетъ и долженъ убѣдиться, что только въ послѣднее время въ основаніе быта нашихъ крестьянъ, этихъ предполагаемыхъ колонистскихъ учениковъ, стали укладываться начала, которымъ колонисты главнѣйше обязаны своимъ благосостояніемъ; что до 1861 года общественные и хозяйственные порядки русскихъ крестьянъ, обусловленные финансовымъ и личнымъ закрѣпощеніемъ, и de jure, и de facto могли быть только тѣмъ, чѣмъ были, и что иными они при данныхъ условіяхъ быть не могли даже въ томъ случаѣ, если-бы въ крѣпостную рамку, вмѣсто нашихъ Ивановъ и Пантелѣевъ, были втиснуты образцовые до этого фермеры Запада. Слѣдовательно, ничему не научились мы у колонистовъ уже потому, что при полномъ сознаніи превосходства и несомнѣнной полезности ихъ порядковъ, мысль объ усвоеніи этихъ порядковъ нашими крестьянами могла явиться только у людей, не понимавшихъ ни всеобъемлющаго зла крѣпостничества, ни опутаннаго имъ быта крестьянъ. Снявши же съ поселянъ, лично и по землѣ, крѣпостныя узы, попробуйте облегчить ихъ въ фискальномъ отношеніи, содѣйствовать упроченію ихъ общественнаго сомоуправленія, общинно-поземельныхъ условій и семейно-наслѣдственныхъ порядковъ, не насилуя и не ломая жизни, а требуя лишь неуклоннаго усвоенія тѣхъ же основныхъ положеній, какія дѣйствуютъ у колонистовъ—сдѣлайте такую попытку и вамъ не долго пришлось-бы ждать тѣхъ послѣдствій, въ отсутствіи которыхъ до сего времени мы напрасно винимъ колонистовъ: крестьяне не замедлили-бы сдѣлаться не слѣпыми, конечно, подражателями колонистовъ (слѣпое подражаніе немыслимо въ русскомъ человѣкѣ-практикѣ), а самыми внимательными сосѣдями ихъ, готовыми перенять все практически-пригодное и опытно-полезное. Но въ правѣ-ли мы ожидать отъ крестьянина подобной переимчивости даже теперь, когда сами руководители его еще не вполнѣ уяснили себѣ то, что у колонистовъ, путемъ

многолѣтняго опыта, давнымъ давно уже или окончательно отвергнуто, или же положительно признано и усвоено?.. Едва-ли; повидимому, мы пока не успѣли додуматься даже до вполнѣ яснаго сознанія, что благоустроенная сельская община, и въ составѣ ея — поселянскій дворъ, — такія же, но только несравненно болѣе сложныя экономическія ассоціаціи, какими мы признаемъ всякія иныя ремесленныя, промышленныя и торговыя товарищества, общества и компаніи; что какъ послѣднія, такъ и первыя — одинаково подчиняются непреложнымъ экономическимъ и нравственнымъ законамъ, нарушеніе которыхъ неминуемо ведетъ къ разстройству поселянскихъ двора-хозяйства и общины. Если же это сознаніе и существуетъ, то нѣтъ у насъ продуманной и опытнымъ путемъ провѣренной системы, которою, по болѣе или менѣе общему сознанію, слѣдуетъ руководствоваться въ устройствѣ внутренняго быта нашего сельскаго состоянія. И отсутствіе такой системы, отражаясь на законодательствѣ, администраціи и судѣ, вноситъ въ жизнь шаткость и неурядицу, подрывающія благотворное дѣйствіе даже такихъ началъ, которыхъ раціональность не подлежитъ никакому сомнѣнію. Говоря это, мы далеки отъ мысли ставить наше колонистское общество идеаломъ совершенства; напротивъ, и здѣсь опытъ, подтверждая раціональность основныхъ положеній, съ тѣмъ вмѣстѣ настоятельно требуетъ ихъ дальнѣйшаго развитія *законодательнымъ путемъ*, такъ какъ *обычай*, самъ по себѣ, не можетъ удовлетворять требованіямъ развивающейся гражданственности, ищущей основаній твердыхъ, незыблемыхъ. Но важно то́, что по закону основныя положенія колонистскаго быта повсюду въ колоніяхъ одни и тѣже, и что дальнѣйшее развитіе этихъ основныхъ началъ практиковалось, *путемъ обычнымъ*, при широкомъ самоуправленіи, различныхъ мѣстныхъ бытовыхъ условіяхъ. Поэтому колонисты пришли въ частныхъ своихъ порядкахъ и къ поучительному разнообразію, и въ общемъ итогѣ — къ различнымъ выводамъ. И въ этомъ именно обстоятельствѣ заключается, по нашему убѣжденію, ручательство, что подробный анализъ исторической судьбы въ колоніяхъ тѣхъ самыхъ основныхъ положеній, которыя примѣняются нынѣ къ нашему сельскому состоянію вообще, но только въ иныхъ формулахъ и комбинаціяхъ, можетъ повести къ установленію общей нормальной системы сельскаго устроенія, болѣе или менѣе непогрѣшимой и вполнѣ пригодной для нашего крестьянства, тѣмъ болѣе, что колонистскіе порядки, по сущности своей, *чисто русскіе*. Самое поверхностное знакомство съ внутреннимъ бытомъ колоній доказываетъ, что сельско-общественному ихъ строю нѣтъ другого примѣра въ цѣломъ мірѣ, а

сопоставленіе колоній съ изслѣдованіями о древней Руси приводитъ къ убѣжденію, что самыя богатыя и наиболѣе благоустроенныя изъ колонистскихъ обществъ тѣ, въ отношеніи которыхъ правительство и само населеніе, по землѣ и фиску, придерживались основныхъ началъ тягло-повытной системы нашей общины или волости XV и XVI столѣтій. Такимъ образомъ, прототипъ свободной русской земледѣльческой ассоціаціи, окончательно изуродованный крѣпостничествомъ, путемъ насилій и злоупотребленій, прототипъ, начала котораго только придавлены, но никогда еще не вымирали на Руси, нашелъ свое убѣжище въ колоніяхъ, и здѣсь, на свободѣ и при попечительномъ содѣйствіи правительства, далъ свои плоды. И не странно-ли, что до сего времени подобный фактъ вызываетъ въ нашемъ обществѣ гораздо болѣе слѣпой вражды, нежели сочувственнаго желанія—ознакомиться съ нимъ ближе во всѣхъ его подробностяхъ и частныхъ проявленіяхъ?.. Въ граждански-нормальномъ порядкѣ шла у насъ одна только колонизація иностранцевъ, но и то—не въ прошломъ, а только въ текущемъ столѣтіи. Колонизація же собственно русскихъ людей и донынѣ представляется обыкновенно лишь грустною пародіею на колонизацію. Возьмемъ хоть Амурскій край, гдѣ есть мѣста, отъ которыхъ на тысячу верстъ во всѣ стороны нѣтъ ни кола, ни двора. Казалось-бы, незачѣмъ здѣсь скупиться отводомъ земель подъ поселеніе по свободному выбору самихъ переселенцевъ. Но пусть попробуетъ зайти туда партія крестьянъ. *Во-первыхъ*, ей не дадутъ занять лучшихъ угодій, а посадятъ на земли менѣе цѣнныя, имѣя въ виду образовать изъ первыхъ «цѣнную оброчную статью» [1]). *Во-вторыхъ*, ей нарѣжутъ, въ обрѣзъ по числу *наличныхъ* душъ или семействъ, такую земельную дачу, что *первые же* приросты населенія приведутъ общество къ необходимости снимать изъ оброка сосѣдніе участки, тогда какъ для первыхъ двухъ-трехъ поколѣній возможный просторъ по землѣ есть одно изъ важнѣйшихъ условій успѣха вся-

[1]) Мы говоримъ это на томъ основаніи, что въ Европейской Россіи и теперь еще *выборъ* крестьянами-переселенцами земель тянется иногда цѣлые годы, безъ желаемаго результата, и *единственно потому только*, что выборъ крестьянъ, какъ само собою понятно, падаетъ *на лучшія земли*, въ отводѣ которыхъ имъ отказываютъ «*по уваженію высокой цѣнности просимыхъ участковъ*». Но было бы, кажется, крайне не разумно начинать колонизацію съ худшихъ земель, переходя по занятіи ихъ—къ среднимъ, а за тѣмъ уже и къ лучшимъ угодьямъ. Здравый смыслъ, опытъ и правильный экономическій разсчетъ указываютъ на обратную систему. Къ тому же мы признаемъ за непреложную истину, что *для государства*, и *самая цѣнная* оброчная поземельная статья сдѣлается *еще цѣннѣе* въ рукахъ осѣвшихъ на ней земледѣльцевъ-пахарей, хотя бы послѣдніе платили за нее собственно *оброчной подати* гораздо меньше прежняго *арендная оброка*.

кой колонизаціи, и особенно колонизаціи такихъ пустырей, каковъ Амурскій край. *Въ-третьихъ*, о снятіи назначенныхъ для колонизаціи мѣстностей предварительно на планъ; о разбитіи ихъ, по мѣстнымъ *хозяйственнымъ* условіямъ, хотя-бы приблизительно, на участки, имѣющіе образовать округъ или волость, а за тѣмъ этихъ участковъ на дачи владѣнія отдѣльныхъ сельскихъ обществъ и лицъ; о заготовленіи на мѣстѣ кое-какихъ запасовъ для ожидаемыхъ переселенцевъ и т. д.,—обо всемъ этомъ колонизація русскихъ людей вѣдала слишкомъ мало. Въ этомъ отношеніи замѣчательно, напр., появившееся около половины іюля 1868 года въ нашихъ газетахъ объявленіе начальника Ставропольской губерніи, гдѣ, какъ извѣстно, послѣ выхода въ Турцію татарскаго населенія, а за тѣмъ, по замиреніи Кавказа, и горскихъ племенъ, образовались большія территоріи пустопорожнихъ земель. «Количество просьбъ, поданныхъ о перечисленіи изъ другихъ губерній въ Ставропольскую — сказано въ объявленіи — такъ значительно, что не представляется возможности удовлетворять всѣ поданныя просьбы, а тѣмъ менѣе принимать вновь прошенія на перечисленіе безъ пріемныхъ приговоровъ тѣхъ обществъ (?), къ коимъ переселенцы желаютъ причислиться. Ставропольскій губернаторъ объявляетъ объ этомъ во всеобщее свѣдѣніе, во *избѣжаніе напраснаго разоренія, коему подвергаются многіе переселенцы*, распродавая свои имущества на родинѣ и отправляясь въ Ставропольскую губернію въ надеждѣ на причисленіе безъ пріемныхъ приговоровъ.» Думаемъ, что ставропольскому начальству едва-ли приблизительно извѣстно: въ какихъ границахъ, соотвѣтственно мѣстнымъ хозяйственнымъ условіямъ состоящія въ его вѣдѣніи земельныя угодія должны быть распредѣлены на отдѣльныя владѣнія и какое именно число переселенцевъ, безъ важныхъ затрудненій, можетъ быть принято на каждый дробный участокъ. А между тѣмъ не подлежитъ сомнѣнію, что колонизація Ставропольской губерніи могла-бы идти успѣшнѣе, и случаевъ «напраснаго разоренія» крестьянъ не было-бъ вовсе, если-бы мѣстное начальство могло заявить *положительно*, что въ его распоряженіи остаются свободными для раздачи подъ поселеніе такіе-то именно участки, съ подробнымъ описаніемъ хозяйственныхъ условій и пространства каждаго изъ нихъ, и съ обозначеніемъ точнаго числа душъ или семействъ, могущихъ быть водворенными въ участкѣ и при какихъ условіяхъ. Но при существующемъ порядкѣ, объявленія, подобныя вышеприведенному, не остановятъ *самовольныхъ* переселеній, и не предупредятъ частныхъ случаевъ «напраснаго разоренія», тѣмъ болѣе, что русскій человѣкъ, путемъ горькаго опыта и гонимый

нуждою, привыкъ вѣрить въ успѣхъ не правительственныхъ, а самовольныхъ переселеній. Послѣднія, при всей рискованности ихъ, въ глазахъ крестьянина имѣютъ уже ту выгоду, что *вынуждаютъ* у администраціи волей-неволею болѣе вниманія и поворотливости въ дѣлѣ обсужденія народныхъ нуждъ. Тѣ же недостатки мы встрѣтили и въ объявленіи управляющаго удѣльными землями въ приморской области Восточной Сибири, приглашающаго къ поселенію тамъ русскихъ и иностранцевъ.

Съ другой стороны, нашихъ quasi-патріотовъ пугаетъ иногда вопросъ о политической благонадежности иностранныхъ поселенцевъ. Инымъ, при особенно болѣзненномъ воображеніи, мерещутся въ колоніяхъ признаки враждебности, а чего добраго—даже призраки сепаратизма, измѣны. Какъ ни нелѣпы подобнаго рода опасенія, но обойти ихъ молчаніемъ кажется намъ не совсѣмъ удобнымъ.—Конечно, было бы совершенно достаточно привести себѣ въ сознаніе тотъ исторически несомнѣнный фактъ, что вездѣ и повсюду самымъ консервативнымъ элементомъ въ государствѣ является благоустроенное земледѣльческое сословіе, страдающее нерѣдко даже избыткомъ привязанности къ преемственнымъ порядкамъ и рутинѣ. Чѣмъ богаче и обезпеченнѣе политико-соціальный бытъ земледѣльца, тѣмъ болѣе онъ привязанъ къ землѣ, тѣмъ болѣе онъ заинтересованъ въ поддержаніи власти и порядковъ, обусловливающихъ свободное и спокойное пользованіе плодами собственнаго труда. Весь сепаратизмъ пахаря-крестьянина приводится лишь къ устраненію имъ изъ своей среды всего того, что нарушаетъ порядокъ, спокойствіе и свободу труда, имѣющіе въ земледѣльческомъ быту такую цѣну, какъ нигдѣ. Наши колонисты не составляютъ исключенія изъ этого общаго правила. Нашедши въ Россіи, по меньшей мѣрѣ, все то, за чѣмъ каждогодно десятки, сотни тысячъ прежнихъ соотчичей ихъ отправляются на рискъ чрезъ океаны, колонистское населеніе наше явилось бы нравственнымъ уродомъ, если-бъ не чувствовало искренней привязанности къ своему новому отечеству. Справедливость этого заключенія несомнѣнно подтверждаетъ и г. Алабинъ. Какъ очевидецъ, онъ разсказываетъ, что въ восточную войну, во время форсированнаго передвиженія нашихъ войскъ съ Дуная въ Крымъ, колонисты «ни разу не дозволяли постояльцамъ своимъ варить казенную кашу, а сами ихъ кормили, да еще и на дорогу снабжали кускомъ мягкаго хлѣба или лепешки». Далѣе—по его же словамъ, вполнѣ подтверждаемымъ и оффиціальными свѣдѣніями, съ пространства верстъ на 500 въ окружности, «колонисты явились въ числѣ болѣе 5,000 человѣкъ на своихъ прекрасныхъ фургонахъ и, добровольно предло-

живъ свои услуги, прокатили въ самое короткое время трехсотверстное разстояніе весь 4-й корпусъ: артиллерійскую прислугу, стрѣлковъ и саперовъ, причемъ кромѣ ласки съ ихъ стороны, кромѣ добраго слова, кромѣ братскаго привѣта, никто отъ нихъ ничего не слыхалъ». Впослѣдствіи, колонисты же на нѣсколькихъ стахъ подводахъ привезли въ армію на Черной рѣчкѣ «множество всякой всячины добровольнаго приношенія солдатамъ: горы картофеля, луку, фасоли, ячменя, овса». Наконецъ, молочанскіе и крымскіе меннониты и колонисты, взявъ изъ Симферополя и съ поля Альминскаго боя на полное свое попеченіе болѣе 5,000 раненныхъ и больныхъ, увезли ихъ въ свои колоніи, дали отличное помѣщеніе и т. д., требуя только медиковъ и лекарствъ. Впрочемъ, колонисты южной Россіи, какъ увѣрялъ насъ не одинъ изъ участниковъ севастопольской драмы, приносили нашей арміи во всю крымскую кампанію едва ли не важнѣйшую пользу — громадностью производимыхъ ими продовольственныхъ запасовъ, и въ качествѣ возчиковъ, успѣшнѣе которыхъ никто не боролся противъ бездорожья, неоднократно грозившаго нашей арміи бѣдствіями голода, недостаткомъ боевыхъ снарядовъ, оружія и запасовъ. Но въ то критическое время и въ отдаленныхъ отъ театра войны колоніяхъ (напр. на нашихъ глазахъ въ поволжьѣ) усердно стекались огромныя пожертвованія деньгами, сухаремъ и корпіею. Вообще же оффиціальныя дѣла подтверждаютъ вполнѣ, что колонисты всегда и во всякое время сочувственно откликаются во всѣхъ случаяхъ, когда общественныя потребности и бѣдствія взываютъ о помощи. Такъ, въ зиму 1862 и 1863 года, два молочанскія волостныя общества, меннонитское и колонистское, добровольно и безвозмездно пріютили и у себя до 6,000 душъ Виддинскихъ болгаръ, пришедшихъ, по милости турецкихъ властей, въ Таврическую губернію поздней осенью голодными и полунагими. Колонисты отвели имъ квартиры съ полнымъ содержаніемъ, употребивъ на это дѣло изъ своихъ общественныхъ суммъ и мірскихъ сборовъ до 92,000 рублей. Услуга эта имѣла тѣмъ болѣе цѣны, что бывшіе въ тѣ годы неурожаи хлѣбовъ, истощивъ на югѣ Россіи всѣ мѣстные запасы, ставили правительство почти въ безвыходное положеніе въ отношеніи массы переселенцевъ, русскихъ и заграничныхъ, только-что прибывшихъ къ мѣстамъ водворенія. Наконецъ, на послѣдній призывъ о помощи голодающимъ, одни поволжскіе колонисты пожертвовали до 25 тысячъ рублей, объясняя при этомъ, что они сдѣлали бы болѣе, еслибъ трехлѣтній неурожай 1864—1866 гг. не разстроилъ ихъ собственнаго благосостоянія.

И подобныхъ фактовъ мы могли бы привести еще цѣлый

рядъ, но, полагаемъ, и сказаннаго достаточно, чтобы побудить нашихъ quasi-патріотовъ быть осторожнѣе въ своихъ сужденіяхъ о политической благонадежности людей, для которыхъ, какъ доказываетъ опытъ, высылка за границу, на родину предковъ, давно уже сдѣлалась однимъ изъ тягчайшихъ наказаній не въ смыслѣ уголовнаго кодекса, а на дѣлѣ.

Обстоятельство это вполнѣ объясняется, по нашему мнѣнію, тѣмъ, что успѣхъ нашей иностранной колонизаціи есть только результатъ осмысленнаго приложенія къ жизни и свободнаго гражданственнаго развитія истинно-русскихъ началъ сельско-земледѣльческаго устроенія, а съ тѣмъ вмѣстѣ и доказательство въ пользу несомнѣнной раціональности и общечеловѣческаго значенія этихъ началъ, одинаково легко и успѣшно усвоенныхъ нѣмцами, французами, шведами, кашубами и другими славянскими и не-славянскими національностями. Но, вмѣстѣ съ усвоеніемъ русскихъ общественныхъ порядковъ, выходцы эти стали въ такое же противорѣчіе съ прежними соотчичами своими, какъ и коренное русское общество: нашему колонисту-общиннику нѣтъ мѣста на Западѣ уже вслѣдствіе привившихся къ нему, вошедшихъ въ плоть и кровь его русскихъ соціальныхъ воззрѣній. Поэтому остается только желать, чтобы не только въ Россіи вообще, но и въ колоніяхъ нашихъ, повсюду осуществилась наконецъ и вошла въ жизнь высокая мысль еще полвѣка тому назадъ указывавшая, что «нравственное и духовное воспитаніе народовъ должно идти на ряду съ его вещественнымъ благосостояніемъ, такъ какъ въ этомъ условіи заключается единственное условіе, чтобы добро было прочное».

А. Клаусъ.

ДАЧА НА РЕЙНѢ

РОМАНЪ ВЪ ПЯТИ ЧАСТЯХЪ.

(Переводъ съ рукописи.)

КНИГА ШЕСТАЯ.

ГЛАВА I*).

ХОЗЯИНЪ ОПЯТЬ ДОМА.

Зонненкампъ вернулся на виллу, какъ возвращается владѣтельный принцъ, въ отсутствіе котораго возмутились его вассалы. Каждый шагъ его въ домѣ сопровождался взглядомъ, который какъ будто говорилъ:

— Я тутъ, и со мной вмѣстѣ здѣсь опять водворятся власть и порядокъ.

Эрихъ не только не старался сложить вину на Пранкена, но чистосердечно сознался въ безпечности, которая, говорилъ онъ, была причиной всей бѣды. Зонненкампъ, съ своей стороны, точно находилъ удовольствіе въ томъ, чтобъ какъ можно сильнѣе уязвить самолюбіе молодого человѣка и до конца унизить его въ собственныхъ глазахъ. Онъ вообще любилъ власть и хотѣлъ, чтобъ ему всѣ безпрекословно повиновались. Когда же на пути его встрѣчалось сопротивленіе, онъ не успокоивался, пока ему не удавалось сломить волю дерзкаго, который осмѣливался идти ему наперекоръ. Но, унизивъ его, онъ снова дѣлался благоду-

*) См. въ 1868 г.: сент. 5; окт. 615; нояб. 142; дек. 595; и въ 1869 г.: янв. 244; февр. 820; мар. 225; апр. 812 — 870 стр.

шенъ, будучи увѣренъ, что тотъ ужъ болѣе не станетъ ему противорѣчить. Самоувѣренность капитана-доктора до крайности не нравилась Зонненкампу: теперь настала минута его смирить такъ, чтобъ впослѣдствіи онъ постоянно и съ благодарностью принималъ всякую ласку, или милость, которую ему вздумали бы оказать. Зонненкампъ и не подозрѣвалъ настоящаго источника кротости, съ какой Эрихъ выслушивалъ его упреки. Онъ видѣлъ въ ней только новое доказательство своей силы и торжествовалъ побѣду. На дѣлѣ же покорность молодого человѣка была результатомъ сознанной имъ своей слабости, съ которою онъ позволилъ себѣ до того увлечься обаятельнымъ присутствіемъ Беллы, что совсѣмъ забылъ о возложенной на него обязанности.

Зонненкампъ вскорѣ убѣдился, что произведенное у него воровство не было слишкомъ значительно. Онъ съ какимъ-то особеннымъ выраженіемъ злой радости говорилъ:

— Негодяи у меня украли кинжалъ съ брильянтомъ на рукояткѣ. Они того и не подозрѣваютъ, что конецъ его намазанъ ядомъ и малѣйшая царапина можетъ имъ стоить жизни.

Эрихъ сначала страшно встревожился при мысли, что кинжалъ находится въ рукахъ судей, но вслѣдъ затѣмъ имъ овладѣло раздумье: зачѣмъ этому человѣку хранить у себя отравленный кинжалъ?

Явились Пранкенъ и маіоръ. У перваго хватило настолько благородства, чтобъ взять на себя часть отвѣтственности въ происшедшемъ несчастіи. Но онъ не могъ удержаться отъ замѣчанія, что Эрихъ уже прежде отлучался изъ дому на музыкальное торжество, гдѣ имѣлъ такой громадный успѣхъ. Зонненкампъ, усмѣхнувшись, обратился къ Эриху:

— Вы не пустили Роланда на-воды, подъ предлогомъ, что хотите оградить его отъ развлеченій: что же — вы остались вѣрны своему первоначальному рѣшенію?

Приходъ патера помѣшалъ Эриху отвѣчать. Зонненкампъ, до сихъ поръ никогда ничего не жертвовавшій на церковь, объявилъ теперь, что отдаетъ въ ея распоряженіе всѣ украденные изъ буфета золотые и серебряные кубки.

— Мнѣ непріятно было бы, прибавилъ онъ неохотно:—опять видѣть ихъ у себя. Вы же, продолжалъ онъ, обращаясь къ патеру:—снова ихъ освятите.

Эрихъ, присутствовавшій при этомъ, выразилъ маіору надежду, что такой поступокъ отца благотворно подѣйствуетъ на Роланда, душевное спокойствіе котораго было возмущено послѣдними событіями. Зонненкампъ услышалъ его замѣчаніе.

— Почтенный капитанъ! возразилъ онъ: — я врагъ сан-

тиментальности и, напротивъ, очень радъ тому, что Роландъ съ этихъ поръ научится познавать людей. Пусть ему будетъ извѣстно, что въ обществѣ постоянно существуетъ заговоръ противъ капиталистовъ, который только выжидаетъ удобной минуты, чтобъ разразиться и произвести опустошеніе.

Зонненкампъ продолжалъ смотрѣть бодро, оживленно и только жаловался на то, что воровство надѣлало столько шуму въ окрестностяхъ, а судебное слѣдствіе отниметъ у него много драгоцѣннаго времени. Церера ни слова не говорила о покражѣ, такъ, что можно было подумать, будто она о ней вовсе ничего не знаетъ. За то, ее сильно радовалъ Роландъ, который въ ея отсутствіи очень выросъ. А Эриху она постоянно разсказывала о своемъ знакомствѣ на водахъ съ одной знатной и очень любезной родственницей его матери, которая съ восторгомъ и любовью о ней говорила.

Вечеромъ, въ самый день возвращенія Зонненкампа, у подъѣзда виллы остановился экипажъ и изъ него вышли Клодвигъ и Белла. Эрихъ съ радостью встрѣтилъ графа, но въ обращеніи его съ графиней проглядывала какая-то робость.

Белла между тѣмъ шепнула ему, закрываясь вѣеромъ:

— Мы пріѣхали, чтобъ защитить васъ отъ этого дикаря. Пусть онъ видитъ, что мы считаемъ васъ однимъ изъ своихъ, и вы теперь непремѣнно должны къ намъ переѣхать.

Эрихъ вздрогнулъ и могъ только поклономъ выразить свою признательность. Белла взглянула на мужа, который съ унылымъ видомъ стоялъ передъ Зонненкампомъ. Онъ въ присутствіи массивной геркулесовской фигуры этого человѣка всегда испытывалъ какой-то неопредѣленный страхъ. Белла поспѣшила шуткой вывести его изъ затрудненія.

— Господинъ Зонненкампъ, сказала она: вы въ жизни вашей многого были свидѣтелемъ, но случалось ли вамъ когда-нибудь видѣть воровъ, которые бы открыто являлись къ вамъ и объявляли о своемъ намѣреніи сдѣлать у васъ покражу?

Зонненкампъ съ удивленіемъ на нее смотрѣлъ, а Белла, смѣясь, продолжала:

— Мы — воры, и приходимъ къ вамъ при дневномъ свѣтѣ. Объясни ему въ чемъ дѣло, милый Клодвигъ, прибавила она, обращаясь къ мужу.

Клодвигъ нерѣшительно выразилъ желаніе, чтобъ Эрихъ поселился у него въ домѣ. Зонненкампъ быстро взглянулъ на Беллу. Онъ поднялъ лѣвую руку, съ намѣреніемъ ей шутливо погрозить и тѣмъ дать слегка почувствовать, что вполнѣ ее по-

нимаетъ, но раздумалъ и, приложивъ указательный палецъ къ губамъ, сказалъ:

— Мнѣ очень пріятно видѣть, что нашъ капитанъ Эрихъ, — онъ сдѣлалъ особенное удареніе на словѣ: «нашъ», — пользуется такимъ милостивымъ съ вашей стороны расположеніемъ.

Эрихъ былъ изумленъ страннымъ удареніемъ на словѣ *нашъ*. Онъ какъ будто пересталъ принадлежать самому себѣ и внезапно сдѣлался чужой собственностью. Но удивленіе его еще усилилось, когда Зонненкампъ, протянувъ ему руку, прибавилъ:

— Не правда ли: вы остаетесь нашимъ?

Эрихъ въ отвѣтъ кивнулъ головой.

А Белла принялась съ жаромъ разсказывать о томъ, какъ она съ мужемъ посѣтила въ университетскомъ городѣ мать Эриха. Она явно хотѣла внушить Зонненкампу, что человѣкъ въ положеніи и со связями Эриха не подлежитъ никакой отвѣтственности за легкое упущеніе въ своихъ обязанностяхъ. Зонненкампъ, слушая ее, неслышно свисталъ: въ головѣ его созрѣлъ какой-то планъ.

Беллѣ опять удалось на нѣсколько минутъ остаться наединѣ съ Эрихомъ. Она выразила ему свое удовольствіе, что вотъ и ей наконецъ, въ первый разъ въ жизни, удалась интрига. Предвидя, что Зонненкампъ захочетъ его смирить и унизить, она уговорила Клодвига немедленно отправиться на виллу и взять молодого человѣка подъ свое покровительство. Эрихъ былъ преисполненъ благодарности.

— Замѣтили-ли вы, спросила она у него тихонько: взглядъ, который этотъ человѣкъ на меня бросилъ? Онъ полагаетъ, что между вами и мной нѣчто болѣе дружбы. Нечистыя души не вѣрятъ въ чистыя побужденія. Вы не примете въ дурную сторону, если я иногда, въ его присутствіи, стану васъ какъ будто чуждаться?

Она взяла Эриха за руку и крѣпко пожала ее. Онъ вздрогнулъ. За ними, между тѣмъ, изъ-за кустовъ зорко слѣдили два глаза и чуткое ухо прислушивалось къ ихъ словамъ. Они пошли далѣе, а Зонненкампъ, тяжело переводя духъ, вышелъ изъ своей засады.

ГЛАВА II.

НЕТЛѢННОЕ БОГАТСТВО.

На слѣдующее утро пришло извѣстіе о поимкѣ конюха, котораго Зонненкампъ незадолго передъ этимъ удалилъ, подозрѣвая въ немъ шпіона на жалованьи у Пранкена. Его арестовали въ столицѣ съ серебряной чашой въ рукахъ, которую онъ старался сбыть торговцу старыми вещами. Извѣстіе это дошло до Эриха черезъ Роланда. При такомъ натянутомъ положеніи вещей, когда помыслы всѣхъ были устремлены на одинъ предметъ, едва ли было возможно какое-либо серьезное занятіе. При постоянномъ ожиданіи новыхъ событій и разъясненій, могъ ли умъ мальчика принимать и переработывать въ себѣ отвлеченныя понятія? Эрихъ сначала хотѣлъ почаще ходить съ Роландомъ на охоту, надѣясь такимъ образомъ дать его мыслямъ другое направленіе, но, подумавъ, избралъ для этого совершенно противоположное средство и замѣнилъ развлеченіе усиленнымъ трудомъ. Къ великому его удовольствію, самъ Роландъ, совершенно неожиданно, сказалъ ему:

— Постараемся забыть все, что́ тутъ вышло, и давай усердно работать.

Мальчикомъ овладѣла страсть къ наукѣ, которая заставляла его чуждаться развлеченій и взамѣнъ ихъ давала ему душевное спокойствіе. Съ другой стороны, Роландъ вскорѣ подмѣтилъ въ своемъ наставникѣ какое-то необыкновенное оживленіе, источникъ котораго оставался для него тайной. То было оживленіе человѣка, который, избавившись отъ самой большой опасности, старается окончательно себя спасти. Вспоминая о своемъ пребываніи въ Вольфсгартенѣ и объ игрѣ въ чувства съ Беллой, Эрихъ являлся передъ судомъ своей совѣсти настоящимъ воромъ. Онъ легкомысленно расточалъ умственныя богатства, которыя ему удалось собрать тяжкимъ трудомъ и подъ прикрытіемъ возвышенныхъ мыслей и чувствъ, просто-на-просто волочился,—да, волочился,—за женой своего друга, Клодвига. Ему казалось, что онъ совершилъ кощунство, и какъ охотно отправился бы онъ, вмѣстѣ съ Роландомъ, на поклоненіе святынѣ въ какой-нибудь храмъ, гдѣ онъ самъ могъ бы очиститься, а мальчикъ укрѣпиться духомъ! Но человѣкъ вообще гораздо легче проникаетъ во внутренность видимаго, украшеннаго башнями храма, чѣмъ въ святилище науки, однако Эриху и это послѣднее удалось. Трудности, которыя врядъ ли бы онъ смогъ преодолѣть для себя, были

имъ безъ особенныхъ усилій побѣждены ради другого. Опираясь на чувство долга, онъ углубился въ науку и все вокругъ него прояснилось. Подобно искусному пловцу, который, сильной рукою разсѣкая волны, то исчезаетъ въ нихъ, то снова появляется на ихъ хребтѣ, Эрихъ погружался въ науку, и въ немъ умолкали всѣ мелкія сомнѣнія и прекращалась борьба съ самимъ собой.

Внутри Роланда происходила тоже своя особенная работа. Онъ бродилъ, какъ во снѣ. Почва исчезала у него подъ ногами, небо помрачалось, всѣ его прежнія вѣрованія разрушались. Но на мѣстѣ ихъ возникало нѣчто новое, изъ среды чего отчетливо выдѣлялась только мысль объ уничтоженіи частнаго имущества, такъ чтобъ въ мірѣ не было ни бѣдныхъ, ни богатыхъ. Отъ Эриха не ускользнуло это серьёзное настроеніе духа его воспитанника.

— Какъ ты думаешь, Эрихъ, спросилъ однажды мальчикъ: если не будетъ болѣе частнаго имущества, то не будетъ и воровъ?

Эрихъ испугался, увидѣвъ, какое впечатлѣніе произвели на мальчика всѣ его слова и поспѣшилъ ему объяснить ихъ настоящее значеніе. Онъ не имѣлъ въ виду доказать возможность уничтоженія частныхъ имуществъ, но только хотѣлъ дать понятіе о томъ переворотѣ, какой бы произошелъ въ мірѣ, если-бъ это уничтоженіе дѣйствительно совершилось.

Роландъ, все подъ вліяніемъ наплыва совершенно новыхъ мыслей и понятій, просилъ Эриха пойдти съ нимъ въ домъ Клауса, навѣстить его жену и дѣтей. Онъ недавно встрѣтилъ сына ловчаго, находившагося въ услуженіи у «виннаго графа» въ качествѣ бочара. Мальчикъ ему привѣтливо протянулъ руку и сказалъ, что сынъ не отвѣчаетъ за проступки отца, виновность котораго еще впрочемъ далеко не доказана. Но бочаръ не принялъ его руки, вынулъ изъ-за пояса молотъ и, помахивая имъ, быстро скрылся изъ виду.

Въ домѣ Клауса все было въ прежнемъ порядкѣ. Птицы въ клѣткахъ весело распѣвали, а черный дроздъ по обыкновенію трещалъ: радуйтесь, радуйтесь! Собаки съ лаемъ прыгали и рѣзвились. Жена ловчаго казалась совсѣмъ убитой горемъ. Она со слезами разсказала, какъ, тотчасъ послѣ ареста мужа, хотѣла выпустить на волю птицъ, но сынъ ея, бочаръ, этому воспротивился, говоря, что все должно остаться, какъ было при отцѣ, и ожидать его возвращенія. Семиствольникъ временно взялъ на себя часть обязанностей ловчаго, а бочаръ, который и безъ того много трудился днемъ, отправлялъ пока его ночную должность.

Эрихъ хотѣлъ дать бѣдной женщинѣ денегъ, но она отка-

залась, говоря, что сынъ запретилъ ей принимать какую бы то ни было помощь изъ дома Зонненкампа.

Возвратясь на виллу, Роландъ сказалъ:

— Если Клаусъ, какъ я надѣюсь, окажется невиннымъ, кто вознаградитъ его за всѣ страданія и за стыдъ, который онъ теперь испытываетъ?

Эрихъ не зналъ, что́ ему отвѣчать.—Все это, сказалъ онъ, только еще болѣе подтверждаетъ истину, что деньги не могутъ доставить людямъ того, что составляетъ ихъ высшее благо въ жизни.

ГЛАВА III.

НОВЫЕ СОЮЗНИКИ И УВЕСЕЛИТЕЛЬНАЯ ПОѢЗДКА ЗА ГОРОДЪ.

Прошли двѣ недѣли, и въ занятіяхъ Роланда случился новый перерывъ. Церера, всегда безучастная ко всему, что около нея происходило, теперь, то и дѣло, толковала о данномъ на водахъ обѣщаніи супругѣ одного изъ членовъ государственнаго совѣта, привезти къ ней Роланда.

И дѣйствительно, вся семья въ скоромъ времени отправилась въ столицу. Эрихъ одинъ остался на виллѣ. Для этой поѣздки было приготовлено два экипажа. Въ одномъ помѣстились Церера, фрейленъ Пэрини и Роландъ, въ другой—Зонненкампъ съ Пранкеномъ.

Дорогой Пранкенъ поспѣшилъ выразить Зонненкампу свое одобреніе по случаю приношенія, которое тотъ сдѣлалъ церкви, и съ своей стороны обѣщалъ расположить въ его пользу высшее духовенство, играющее столь важную роль при дворѣ. Такимъ образомъ, говорилъ онъ, можно надѣяться, что предпріятіе, о которомъ они теперь ѣдутъ хлопотать, вполнѣ удастся. Пранкенъ чувствовалъ легкое угрызеніе совѣсти, выставляя свои дружескія сношенія со дворомъ епископа въ такомъ выгодномъ свѣтѣ. Но въ немъ еще оставалась порядочная доля свѣтскаго тщеславія, и ему все же было пріятно слыть въ глазахъ свѣта, и въ особенности Зонненкампа, за человѣка, который ловко умѣетъ устраивать свои и чужія дѣла. Онъ находилъ весьма полезнымъ для ихъ настоящаго предпріятія сближеніе, которое такъ быстро совершилось на водахъ между семействомъ Зонненкампа и супругой члена государственнаго совѣта. На эту даму, говорилъ онъ, можно дѣйствовать разными внѣшними способами, тогда какъ съ ея мужемъ это не совсѣмъ удобно и даже нѣсколько опасно.

Путь ихъ лежалъ мимо прелестной виллы, двери которой были заколочены, а окна закрыты ставнями. Пранкенъ намекнулъ Зонненкампу, что не дурно бы пріобрѣсти эту виллу, съ тѣмъ, чтобъ послѣ за безцѣнокъ перепродать той госпожѣ, которая, какъ ему достовѣрно извѣстно, давно желала имѣть подобный загородный домъ. Зонненкампъ понялъ намекъ Пранкена: то былъ одинъ изъ способовъ, къ какимъ ему еще не разъ придется прибѣгать для достиженія своей цѣли.

Они были одни, а между тѣмъ никто изъ нихъ еще ни разу не назвалъ своей цѣли ея настоящимъ именемъ. Наконецъ, Зонненкампъ сказалъ, что слышалъ отъ той совѣтницы, будто бы «винный графъ» въ самомъ скоромъ времени получитъ дипломъ на дворянское достоинство. Онъ, Зонненкампъ, признаетъ за собой гораздо болѣе правъ на подобнаго рода отличіе и желалъ бы, чтобы оно было оказано ему прежде, чѣмъ «винному графу»: хотя прибавилъ онъ, я и выдаю мою дочь не за обреченнаго на смерть, но за цвѣтущаго здоровьемъ молодого дворянина. Пранкенъ былъ видимо польщенъ. Онъ самодовольно улыбнулся, но тѣмъ не менѣе замѣтилъ, что о преимуществѣ надъ «виннымъ графомъ» и думать нечего. Напротивъ, пусть ему прежде выдадутъ дворянскій дипломъ: тогда въ случаѣ нужды, по крайней мѣрѣ, можно будетъ сослаться на его примѣръ. Тягаться съ «виннымъ графомъ» невозможно уже и потому, что у него въ домѣ останавливался самъ епископъ, когда въ послѣдній разъ объѣзжалъ свою епархію. За него все высшее духовенство: тогда какъ у васъ, прибавилъ онъ, то-есть у насъ, хотѣлъ я сказать, нѣтъ никакой партіи. Тѣмъ лучше, вся честь побѣды останется за нами одними.

Они пріѣхали въ столицу. Совѣтница встрѣтила ихъ очень любезно. На Пранкена она смотрѣла, какъ на главу, или какъ на президента собравшагося у ней общества и выразила ему свою радость по случаю того, что ей удалось въ своихъ новыхъ знакомыхъ найдти истинныхъ друзей. Пранкенъ при этомъ ловко ввернулъ замѣчаніе на счетъ возможности пріобрѣсти въ этихъ друзьяхъ еще и близкихъ сосѣдей.

Онъ яркими чертами изобразилъ красоту мѣстоположенія, въ которомъ находилась вилла, по его словамъ, недавно купленная Зонненкампомъ. Но послѣдній, прибавилъ онъ, руководимый желаніемъ окружить себя благородными сосѣдями, готовъ перепродать ее за самую ничтожную цѣну.

Оказалось, что совѣтница знала этотъ домъ. Онъ нѣкогда принадлежалъ ея добрымъ знакомымъ, которыхъ она часто навѣщала. По ея мнѣнію, ничто не могло сравниться съ жизнью въ

такой живописной мѣстности и въ такомъ пріятномъ сосѣдствѣ. Она еще недавно говорила своему мужу, какъ стыдно должно быть правительству, что оно до сихъ поръ не дало никакого знака отличія такому человѣку, какъ Зонненкампъ.

Такимъ образомъ Пранкенъ, мало-по-малу, приступалъ къ осуществленію своего плана. А совѣтница, между прочимъ, замѣтила, что все дворянское сословіе почтетъ себѣ за честь принять Зонненкампа въ свою среду.

Слушая ихъ, Зонненкампъ имѣлъ застѣнчивый, точно пристыженный видъ. Онъ сидѣлъ, потупивъ взоръ и краснѣлъ, какъ молодая дѣвушка, которой дѣлаютъ, впрочемъ давно ею ожидаемое, признаніе въ любви.

Но вскорѣ общество какъ бы по взаимному соглашенію тѣснѣе сдвинуло стулья, и разговоръ принялъ болѣе дружескій и интимный характеръ. Совѣтница просила пока ничего не говорить объ этомъ ея мужу. Она брала на себя его приготовить и расположить въ пользу Зонненкампа. Между тѣмъ не дурно было бы открыть дѣйствія еще и съ другой стороны. Еслибъ графъ Вольфсгартенъ первый замолвилъ за нихъ слово при дворѣ, ихъ дѣло отъ этого много бы выиграло. Но Пранкенъ сослался на тѣсную дружбу, которая связывала Клодвига съ Зонненкампомъ и не позволяла ему что-либо предпринять въ его пользу. Вообще, говорилъ онъ, все это дѣло должно быть ведено съ осторожностью, доступной только женщинѣ, подобной совѣтницѣ, благоразумію и тонкій умъ которой всѣмъ и каждому извѣстны. Зонненкампъ просилъ между прочимъ замѣтить, что онъ не проситъ о дворянскомъ достоинствѣ, но что оно должно быть ему предложено черезъ посредство его друзей. Ему пріятна была деликатность, съ какой въ этомъ случаѣ дѣйствовала совѣтница, и онъ не хотѣлъ отъ нея отставать. Говоря съ ней, онъ воображалъ, что гладитъ по спинѣ кошку, и что рука его утопаетъ въ ея мягкой пушистой шерсти.

— А вмѣстѣ съ этой виллой продаются также и виноградники? внезапно спросила совѣтница.

— Около трехъ десятинъ въ самомъ выгодномъ положеніи, насколько мнѣ извѣстно, отвѣчалъ Пранкенъ и мигнулъ Зонненкампу, что надо будетъ купить и виноградники. Весь стыдъ и застѣнчивость Зонненкампа мгновенно исчезли. Вопросъ коснулся его денегъ и къ нему вернулась вся его смѣлость. Ему очень хотѣлось сказать совѣтницѣ, что она получитъ виллу и прилежащіе къ ней виноградники не прежде, какъ когда дипломъ на дворянство будетъ находиться въ его рукахъ. Но онъ побоялся Пранкена, да къ тому же и не видѣлъ никакой надобности не-

премѣнно теперь ей объ этомъ заявлять: когда настанетъ время, онъ съумѣетъ за себя постоять и конечно не дастся въ обманъ. По лицу его пробѣжала самодовольная улыбка.

Въ комнату между тѣмъ вошелъ самъ совѣтникъ, съ формальной учтивостью поклонился гостямъ и поблагодарилъ Зонненкампа за вниманіе, какое тотъ оказывалъ его женѣ, во время ея пребыванія въ Виши.

Затѣмъ все общество перешло въ залу, гдѣ находился Роландъ съ мальчикомъ его лѣтъ, въ кадетской формѣ. То былъ одинъ изъ сыновей совѣтника. Необыкновенная красота Роланда невольно обратила на него всеобщее вниманіе, и онъ сдѣлался какъ бы центромъ маленькой группы. Совѣтникъ, узнавъ, что воспитаніе Роланда поручено ученому, хотя нѣсколько эксцентричному, Эриху Дорнэ, поздравилъ Зонненкампа съ такимъ удачнымъ выборомъ. На выраженное мальчикомъ желаніе быть офицеромъ, совѣтникъ сталъ уговаривать Зонненкампа отдать его въ корпусъ. Пранкенъ въ полголоса замѣтилъ совѣтницѣ, что Роланду во всякомъ случаѣ будетъ лучше поступить въ кадеты уже послѣ того, какъ отецъ его получитъ дворянское достоинство. Въ противномъ случаѣ, прибавилъ онъ, мальчикъ можетъ подвергнуться насмѣшкамъ и оскорбленіямъ со стороны товарищей.

Совѣтникъ завелъ рѣчь о развалинахъ, которыя Зонненкампъ реставрировалъ, и объ его искусствѣ въ дѣлѣ садоводства. Слава о немъ успѣла проникнуть и ко двору. Зонненкампъ просилъ позволенія представить къ герцогскому столу образцы плодовъ, растущихъ въ его оранжереяхъ. У него именно теперь зрѣютъ превосходные бананы. Пранкенъ особенно не могъ нахвалиться виноградомъ, который круглый годъ появляется у Зонненкампа за обѣдомъ. Совѣтникъ отвѣчалъ, что любезное предложеніе господина Зонненкампа, вѣроятно, будетъ благосклонно принято, но что ему все-таки прежде слѣдуетъ обратиться съ нимъ къ гофмаршалу, который состоитъ въ близкомъ родствѣ съ Пранкеномъ.

Пранкенъ съ Зонненкампомъ немедленно отправились къ гофмаршалу, Роландъ съ кадетомъ поѣхали кататься верхомъ, а Церера осталась съ совѣтницей. Послѣдняя была въ высшей степени тронута стараніями своей гостьи заставить ее принять отъ нея въ подарокъ прекрасный коралловый браслетъ, которымъ она только-что передъ тѣмъ восхищалась. Совѣтница наконецъ сдалась на просьбы Цереры, но сказала, что принимаетъ браслетъ не иначе какъ въ знакъ дружбы и съ условіемъ, что это останется между ними втайнѣ. Она особенно старалась ей внушить, что служитъ друзьямъ своимъ вполнѣ безкорыстно и что усердіе ея при этомъ не нуждается ни въ какихъ подстреканіяхъ. Совѣт-

ница, какъ видно думала, что Церерѣ извѣстны всѣ планы Зонненкампа и что онъ ей поручилъ задобрить ее подарками. Но Церера въ отвѣтъ съ изумленіемъ на нее посмотрѣла, явно ни слова не понимая изъ того, что она ей говорила.

Первоначально Зонненкампъ намѣревался въ тотъ же вечеръ возвратиться домой. Но совѣтница предложила ему на слѣдующій день посѣтить одно загородное гулянье, гдѣ собиралось все лучшее общество столицы. Пранкенъ съ своей стороны совѣтовалъ воспользоваться этимъ предложеніемъ, находя весьма полезнымъ для Зонненкампа, чтобъ онъ проѣхался по столицѣ и явился на гулянье въ одной колескѣ съ совѣтникомъ. Церера должна была вмѣстѣ съ совѣтницей слѣдовать за ними въ другомъ экипажѣ. Пусть всѣ видятъ, какія тѣсныя, дружескія отношенія завязались между Зонненкампомъ и совѣтникомъ.

Дорогой совѣтницѣ пришла на умъ благая мысль, которая въ одно и то же время свидѣтельствовала о ея добротѣ и находчивости. Она вздумала оказать услугу бѣдной женщинѣ и тѣмъ самымъ пріобрѣсти себѣ вѣрную помощницу и союзницу. Она мягко и съ состраданіемъ заговорила о матери Эриха, которая свое высокое положеніе въ свѣтѣ принесла въ жертву тому, что называютъ идеальной любовью. Между Пранкеномъ и совѣтницей уже успѣли установиться самыя довѣрчивыя отношенія. Она ничего не предпринимала безъ его согласія и постоянно ожидала, чтобъ онъ легкимъ движеніемъ головы выразилъ свое мнѣніе на счетъ каждаго ея слова или дѣйствія. Такъ и теперь она не рѣшалась, пока онъ ей не кивнулъ одобрительно головой. Тогда она уже смѣло приступила къ Зонненкампу съ просьбой, чтобъ онъ что-нибудь сдѣлалъ для матери Эриха, а лучше всего пригласилъ бы ее къ себѣ въ домъ. Тетушка Клавдія тоже не была забыта и получила свою долю похвалъ. Совѣтница полагала, что съ переселеніемъ къ Зонненкампу профессорши и фрейленъ Дорнэ, ей будетъ гораздо удобнѣе съ нимъ сблизиться. Ея частыя посѣщенія на виллу объяснялись бы тогда участіемъ къ бѣднымъ женщинамъ, зависимое положеніе которыхъ она будто бы желаетъ облегчить. Такимъ образомъ дѣла ея пошли бы какъ нельзя успѣшнѣе и она могла бы въ самомъ скоромъ времени поселиться на своей виллѣ, къ которой между прочимъ принадлежало еще и нѣсколько десятинъ виноградниковъ.

Поступками совѣтницы вообще управляли самыя разнообразныя побужденія, отчего, впрочемъ, ей никогда не бывало дурно.

Зонненкампъ не переставалъ любезно улыбаться, но въ душѣ говорилъ самому себѣ: «Цѣпь, соединяющая между собой этихъ дворянъ, гораздо крѣпче той, которая связываетъ воровъ, а впро-

чемъ, первые по временамъ сильно смахиваютъ на вторыхъ. Ну, не забавно ли, какъ всѣ эти бѣдные дворяне теперь вокругъ меня увиваются?» Поддакивая совѣтницѣ, онъ мысленно рѣшилъ: «Ты еще подождешь со своей виллой, а профессорша пусть-ка еще посидитъ за своей швейной машиной!»

Между тѣмъ, они прибыли на загородное гулянье, принадлежавшее принцу, только-что вернувшемуся изъ Америки. Тамъ все было прекрасно устроено. Немного въ сторонѣ отъ дороги возвышался павильонъ, гдѣ стоялъ накрытый столъ, вокругъ котораго суетились лакеи. Изъ сада, открытаго публикѣ, раздавалась военная музыка, а деревья были всѣ увѣшаны разноцвѣтными фонарями. Въ этотъ день гвардейскіе офицеры давали здѣсь праздникъ. Музыка ни на минуту не умолкала. Едва одинъ оркестръ переставалъ играть, какъ вмѣсто него начиналъ другой. Посреди сада была раскинута палатка, гдѣ собирались обѣдать офицеры. Около, за маленькими столиками, помѣщались столичные жители, пріѣхавшіе на праздникъ съ женами и дочерьми въ легкихъ лѣтнихъ нарядахъ.

Прибытіе экипажей, запряженныхъ великолѣпными лошадьми Зонненкампа, обратило на себя всеобщее вниманіе. Пранкенъ, взявшій на себя всѣ хлопоты, такъ ловко и живо распорядился, что его общество вскорѣ удобно размѣстилось за однимъ изъ лучшихъ столовъ. Взоры сосѣдей были на нихъ съ любопытствомъ устремлены. Пранкенъ не замедлилъ въ числѣ ихъ найти своихъ знакомыхъ и сослуживцевъ. Онъ переходилъ отъ одного стола къ другому, раскланивался и пожималъ руки, а впрочемъ спѣшилъ, какъ можно скорѣе, вернуться къ своему обществу.

Совѣтница ни на минуту не покидала руки Зонненкампа. Пранкенъ посвятилъ себя Церерѣ, а Роландъ съ кадетомъ не отходилъ отъ щита, гдѣ стрѣляли въ цѣль, и постоянно попадалъ въ самую середину круга. Зонненкампъ былъ представленъ генералу, начальнику пировавшихъ тамъ офицеровъ. Онъ пригласилъ его къ себѣ на виллу. Генералъ обѣщался побывать у него въ самомъ скоромъ времени, а Пранкенъ, указывая на Роланда, объявилъ, что завербовалъ для своего полка новаго рекрута.

Насталъ вечеръ, зажглись фонари. Вдругъ раздался выстрѣлъ, оркестръ заигралъ тушъ, садъ огласился радостными криками. Публика привѣтствовала принца, который прибылъ изъ своего дворца на праздникъ гвардейскихъ офицеровъ.

Оба оркестра разомъ играли воинственный маршъ. Присутствующіе были въ восторгѣ, но счастливѣе всѣхъ оказался Зонненкампъ. Онъ былъ представленъ принцу, который сказалъ ему

нѣсколько, правда, самыхъ незначительныхъ словъ, но тѣмъ не менѣе, всѣ видѣли, что онъ съ нимъ говорилъ и очень милостиво ему поклонился.

Общество вернулось въ столицу въ наилучшемъ расположеніи духа. Дорóгой до нихъ еще долго долетали звуки музыки, а сквозь зелень сверкали разноцвѣтные огни фонарей.

На слѣдующій день въ газетахъ стояло слѣдующее:

«Вчера вечеромъ гвардейскіе офицеры праздновали на Рудольфской-горѣ свой ежегодный праздникъ. Его высочество принцъ Леонгардтъ осчастливилъ ихъ своимъ присутствіемъ. Въ числѣ гостей находился также господинъ Зонненкампъ изъ виллы Эдемъ и его почтенное семейство».

ГЛАВА IV.

МѢСТО ЗАНЯТО.

Проводивъ Зонненкампа и его семейство въ столицу, Эрихъ отправился въ Вольфсгартенъ. Онъ успѣлъ побѣдить въ себѣ всѣ дурныя, нечистыя мысли, которымъ, впрочемъ, никогда вполнѣ не давалъ воли. Но теперь всѣ его помыслы были устремлены на одно: онъ чувствовалъ себя обязаннымъ отблагодарить Беллу за ея дружбу и хотѣлъ, раскрывъ ей глаза на прекрасныя свойства ея мужа, обратить на него всѣ благородныя качества ея ума и сердца. Воодушевляемый такого рода желаніемъ, онъ прибылъ въ Вольфсгартенъ бодрый и веселый.

Эрихъ засталъ Клодвига одного. Белла уѣхала кататься съ гостившимъ у нихъ знатнымъ иностранцемъ. Клодвигъ былъ очень радъ случаю побесѣдовать съ Эрихомъ наединѣ. Въ послѣднее время ему почти всегда приходилось оставаться съ Роландомъ, между тѣмъ какъ Белла прогуливалась съ Эрихомъ. Клодвигъ разсказалъ, что у него теперь гоститъ сынъ русскаго посланника въ Неаполѣ, съ которымъ онъ познакомился и сблизился во время своего пребыванія въ этомъ городѣ. Молодой человѣкъ пріѣхалъ въ Германію учиться сельскому хозяйству и явился къ Клодвигу за совѣтомъ. Съ уничтоженіемъ въ Россіи крѣпостного права императоромъ, въ ней произошелъ великій нравственный и экономическій переворотъ. Помѣщики внезапно превратились въ простыхъ землевладѣльцевъ, и, предоставленные собственнымъ силамъ, совершенно естественно, начали заботиться о возвышеніи качества и стоимости своей земли. Молодой князь, говорилъ Клодвигъ, уже успѣлъ, по примѣру всѣхъ себѣ подоб-

ныхъ, окунуться въ омутъ парижской жизни. Но въ немъ было много хорошихъ задатковъ и большой запасъ силы воли, которые и заставляли надѣяться, что онъ не замедлитъ достигнуть всего лучшаго. Русскимъ вообще свойственно святое стремленіе жертвовать собой ради пользы меньшей братіи, и стремленіе это иногда до такой степени овладѣваетъ даже людьми, преданными свѣту и его удовольствіямъ, что съ трудомъ вѣришь этому стремленію.

— Но замѣтьте, прибавилъ Клодвигъ, какъ бы въ видѣ предостереженія Эриху: — русская аристократія болѣе всѣхъ прочихъ одержима жаждой къ познаніямъ; бѣда только въ томъ, что эти люди годъ, другой, усердно преслѣдуютъ свои идеалы, а затѣмъ утомляются и впадаютъ въ бездѣйствіе. Кромѣ того, они одарены способностью быстро перенимать чужое, но какъ долго они въ состояніи удерживать это чужое и когда начнутъ создавать свое собственное — это еще вопросъ. Впрочемъ, уничтоженіе крѣпостного права можетъ быть и выработаетъ въ нихъ какія-нибудь новыя начала.

Эрихъ находилъ весьма знаменательнымъ одно обстоятельство, что такой важный переворотъ въ судьбѣ русскаго народа былъ совершенъ не церковью, съ призваніемъ которой подобный переворотъ, казалось бы, вполнѣ согласовался, но чистой идеей гуманности, навѣянной новымъ духомъ свободы и чуждой всякаго церковнаго вліянія.

— Этотъ взглядъ совершенно для меня новъ, замѣтилъ Клодвигъ, и въ тонѣ его голоса звучало удовольствіе.

Старикъ и молодой человѣкъ еще долго продолжали разсуждать о свойствахъ человѣческаго духа. Клодвигъ выражалъ свою печаль по случаю того, что грубая, матеріальная сила имѣетъ надъ духовной еще слишкомъ много власти, — гораздо болѣе, чѣмъ хотѣлось бы въ томъ сознаться. Бесѣда ихъ была внезапно прервана приходомъ Беллы, которая, когда Эрихъ ей поклонился, вся вспыхнула. Съ ней вмѣстѣ вошелъ въ комнату человѣкъ изящной наружности, но съ выраженіемъ усталости на лицѣ. Онъ очень любезно раскланялся съ Эрихомъ и обрадовался, узнавъ, что тотъ бѣгло говоритъ по-французски. Самъ же онъ съ большимъ трудомъ изъяснялся по-нѣмецки. Произношеніе Эриха, замѣтилъ онъ, тотчасъ указываетъ на его французское происхожденіе. Въ звукахъ французской рѣчи есть нѣчто такое, что̀ доступно только о̀ргану природнаго француза.

Общество на короткое время разошлось съ тѣмъ, чтобъ снова соединиться за завтракомъ на открытомъ воздухѣ.

Клодвигъ готовъ былъ обнять русскаго князя, видя, какъ тотъ старался сблизиться съ Эрихомъ.

— Я счелъ бы себя счастливымъ, замѣтилъ между прочимъ князь: еслибъ могъ у васъ чему-нибудь научиться.

Онъ сказалъ это такъ просто и дѣтски-довѣрчиво, что Эрихъ въ отвѣтъ ему протянулъ руку и ласково проговорилъ:

— А я въ свою очередь надѣюсь отъ васъ чѣмъ-нибудь позаимствоваться.

— Кромѣ виста, въ которомъ я, по отзыву всѣхъ, очень силенъ, врядъ ли можно у меня чему-нибудь научиться, со смѣхомъ возразилъ князь, а затѣмъ уже серьезно прибавилъ: «Правда ли, что философія теперь совсѣмъ вышла изъ моды въ Германіи, и можете ли вы мнѣ сказать, что́ тому причиной?» Собираясь изучать произведенія туземной почвы, князь, совершенно естественно, хотѣлъ прежде познакомиться съ людьми, которые ее обработываютъ.

Клодвигъ одобрительно кивнулъ головой: онъ былъ доволенъ вопросомъ и скромностью своего гостя. Эрихъ оговорившись, что не беретъ на себя окончательнаго разрѣшенія столь сложной задачи, ограничился только тѣмъ, что высказалъ свое личное объ этомъ мнѣніе. Философія, замѣтилъ онъ, можетъ быть, современемъ опять выступитъ впередъ въ качествѣ самостоятельной науки,—теперь же она осталась пока методомъ всѣхъ наукъ.

— Согласны ли вы съ тѣмъ, спросилъ князь, что проповѣдуемый Кантомъ законъ безусловнаго долга и французская революція породили однѣ и тѣ же послѣдствія?

Белла, откинувъ голову на спинку стула, устремила глаза въ голубое пространство. Мужчины, думала она, пустились въ разсужденія о предметѣ, который они, изъ уваженія къ ней, могли бы отложить до другого времени. Но нечего дѣлать, она вооружится терпѣніемъ и не будетъ имъ мѣшать.

Эрихъ между тѣмъ объяснялъ, что основное нравственное начало Канта: «руководись въ своихъ поступкахъ правилами, которыя могли бы быть общими для всѣхъ людей»,—дѣйствительно указываетъ на тотъ же идеалъ, который выработала французская революція, провозгласивъ равенство людей передъ закономъ. Въ мірѣ нѣтъ болѣе привилегій.

— Но это равенство, спросилъ русскій, не уничтожаетъ ли всякое величіе на землѣ и не дѣлаетъ ли генія невозможностью?

Белла, не чувствуя силъ молчать долѣе, поспѣшила вмѣшаться въ разговоръ.

— А я такъ поставлю вопросъ, сказала она: — развѣ исключительныя натуры не создаютъ новыхъ законовъ, какъ въ

нравственномъ и умственномъ, такъ и въ политическомъ и эстетическомъ мірѣ?

Клодвигъ улыбнулся, видя, какъ Белла разомъ пустила въ ходъ всѣ свои средства, но Эрихъ серьезно отвѣчалъ:

— Церковное іезуитство и тщеславіе людей свѣтскихъ одинаково заслуживаютъ порицанія. Натуры, выходящія изъ ряда обыкновенныхъ, сами присвоиваютъ себѣ право на исключительность, которая только мѣшаетъ существовать другимъ людямъ. На такъ-называемыхъ высшихъ натурахъ въ сущности лежатъ однѣ обязанности; жизнь не признаетъ за ними преимуществъ; права ихъ должны быть тѣже, что и у прочихъ людей. Передъ Богомъ и вѣчными законами нравственности всѣ равны: христіанство это провозгласило и не перестаетъ намъ повторять, что мы дѣти Божіи. Передъ отцемъ всѣ дѣти равны. Но церковь изобрѣла индульгенціи, государство маіораты, а нравственность, вооружаясь софизмами, придумала для себя тоже разныя исключенія. Напрасно стали бы мы теперь ожидать пришествія въ міръ человѣка, который взялъ бы на себя устроить царство равенства. Такое царство уже существуетъ: путь къ нему идетъ по рельсамъ, а влечетъ къ нему сила, называемая пàромъ.

— Какъ вы хорошо говорите! — перервалъ его князь.—Я очень радъ, что съ вами познакомился! Пожалуйста, приходите ко мнѣ почаще, или позвольте мнѣ васъ навѣщать!

Эрихъ самъ не замѣтилъ, какъ онъ въ пылу разговора увлекся и высказался болѣе, нежели хотѣлъ. Поблагодаривъ князя за любезное желаніе продолжать съ нимъ знакомство, онъ отвѣчалъ, что все его время и силы принадлежатъ мальчику, воспитаніе котораго онъ взялъ на себя. Эрихъ былъ недоволенъ собой. Онъ при всякомъ новомъ столкновеніи съ людьми, часто вовсе не кстати, высказывалъ всѣ свои самыя задушевныя мысли и чувствованія. Ему не доставало гибкости, онъ не умѣлъ вести легкаго, живого разговора и теперь чувствовалъ себя оскорбленнымъ похвалой знатнаго молодого человѣка: — «Вы хорошо говорите!» — «Да, таковы всѣ аристократы! думалъ Эрихъ: подай имъ новое кушанье съ острой приправой, разыграй въ ихъ присутствіи новыя музыкальныя варіяціи и они тотчасъ восхитятся: прелестно, удивительно! воскликнутъ они. Дуракъ тотъ, кто за подобную похвалу отдаетъ все, что въ немъ есть лучшаго!»

Но взглянувъ на Беллу, Эрихъ испугался. Глаза ея, съ выраженіемъ тоски, были неподвижно устремлены вдаль. «Чѣмъ я заслужила подобный урокъ? думала она. «Къ чему эта проповѣдь о всеобщемъ равенствѣ передъ законами нравственности»? Белла чувствовала себя глубоко уязвленной. Тѣмъ не менѣе она вскорѣ

оправилась, улыбнулась и поспѣшила дать разговору новый оборотъ. Вскорѣ между молодыми людьми, ея стараніями, завязалась борьба, нѣчто въ родѣ турнира на словахъ.

Князь превосходилъ своего соперника умѣньемъ излагать факты и знаніемъ дѣйствительной жизни. Эрихъ охотно призналъ въ этомъ его преимущество надъ собой.

Они пошли погулять по саду. Князь ласково взялъ Эриха подъ руку и спросилъ, знако́мъ ли онъ съ Вейдеманомъ, къ которому Клодвигъ посылаетъ его учиться. Эрихъ отвѣчалъ, что ему самому привелось видѣть этого человѣка всего только одинъ разъ, но что онъ здѣсь пользуется всеобщимъ уваженіемъ.

— Нѣтъ ли у васъ друга, похожаго на васъ? сказалъ князь и пожалъ Эриху руку. — Еслибъ вы мнѣ указали на человѣка, который могъ бы сдѣлаться моимъ руководителемъ и учителемъ, я бы его обезпечилъ на всю жизнь. Но... извините меня за этотъ вопросъ... можетъ быть вы сами?...

Эрихъ поблагодарилъ и сказалъ, что постарается пріискать личность, которая бы вполнѣ подходила къ требованіямъ князя.

Къ нимъ присоединилась Белла. Эрихъ, идя рядомъ съ ней, терзался различными сомнѣніями. Онъ такъ много думалъ о томъ, какъ бы ему положить предѣлы столь опасной для него дружбѣ Беллы — и вотъ всѣ размышленія его оказывались лишними: мѣсто его уже было занято. Самолюбіе Эриха втайнѣ сильно отъ этого страдало. На горизонтѣ Беллы появилась новая личность, блестящая, но ничтожная, и мгновенно сдѣлалась ей пріятнѣе и милѣе его, Эриха, правда, неловкаго и неповоротливаго, но за то снабженнаго большимъ запасомъ разнообразныхъ свѣдѣній. Любезность Беллы въ отношеніи къ русскому князю его внутренно раздражала. Мысли его какъ-то странно перепутались. Онъ, то видѣлъ въ ней бездушную кокетку, которая со всѣми безъ исключенія заигрываетъ, то увѣрялъ себя, что она старается быть ласковой съ другими для того, чтобъ не слишкомъ бросалось въ глаза ея дружеское обращеніе съ нимъ. Онъ, то радовался тому, что получилъ хорошій урокъ и можетъ теперь спокойно вернуться домой, то досадовалъ на себя за то, что не умѣетъ съ соотвѣтственной другимъ легкостью смотрѣть на мелкія явленія жизни.

Немного спустя пріѣхалъ докторъ и съ его прибытіемъ въ обществѣ водворилось то особенное настроеніе духа, которое онъ всегда всюду съ собой привозилъ. Докторъ бѣглымъ взглядомъ окинулъ Беллу, Эриха, иностранца, и мгновенно понялъ ихъ взаимныя отношенія. Онъ и графиня постоянно вели между собой тайную войну.

ГЛАВА V.

СТРОГІЙ ПРИГОВОРЪ.

Докторъ пригласилъ Эриха сѣсть вмѣстѣ съ нимъ въ экипажъ, а верховую лошадь посовѣтовалъ привязать сзади. Онъ обѣщался довезти его почти до самой виллы.

Дорогой, посвиставъ немного, докторъ сказалъ:

— Какая прекрасная и умная женщина эта графиня Белла! И какъ любитъ она своего попугая, который летаетъ на свободѣ въ лѣсу, а затѣмъ покорно возвращается къ ней на плечо!

— Позвольте мнѣ сдѣлать одно замѣчаніе, перебилъ его Эрихъ:—здѣсь, въ тѣсномъ провинціальномъ кружкѣ, какъ видно, обычай всегда говорить объ отсутствующихъ, да еще такъ, чтобъ имъ отъ этого не поздоровилось. Послѣднее, конечно, къ вамъ не относится, но въ бесѣдѣ съ другими я уже не разъ былъ этимъ пораженъ.

Докторъ очень хорошо видѣлъ, что Эрихъ хотѣлъ перемѣнить предметъ разговора, но тѣмъ не менѣе продолжалъ:

— Порода людей—самая разнообразная въ мірѣ, а въ этой породѣ самымъ многочисленнымъ видоизмѣненіямъ подвергаются женщины. Въ графинѣ Беллѣ, — замѣтьте, я говорю не о ней, а о себѣ, — я нашелъ еще совершенно новый, дотолѣ мнѣ неизвѣстный видъ.

— Извините, докторъ, но графиня кажется совершенно здоровой.

— Вы ее знали прежде?

— Очень мало, неохотно сознался Эрихъ.

— Ну, а я ее хорошо зналъ. Она, подобно многимъ другимъ, вышла замужъ по разсчету. Я ее за это не осужу, хотя вовсе не раздѣляю мнѣнія о ней другихъ людей. Сама графиня гордится не столько своими талантами, сколько своей добродѣтелью. Мнѣ извѣстно, что она передъ свадьбой говорила графу, что чувствуетъ себя недостойной его и что очень хорошо знаетъ, насколько она во всемъ ниже его. Въ умственномъ отношеніи это только отчасти справедливо и можно сказать, что она съ преувеличенной скромностью употребила слишкомъ сильныя выраженія. Графиня Белла очень умна и талантлива, но ей не достаетъ души; въ ней много наружнаго блеску, и мало прочныхъ богатствъ. Но за то въ нравственномъ отношеніи она была совершенно права, когда говорила, что недостойна своего мужа. Для нея добродѣтель заключается въ соблюденіи приличій...

— Прошу васъ.... началъ Эрихъ.

— И я тоже прошу васъ, не перебивайте меня, остановилъ его докторъ. Я говорю о добродѣтели большого свѣта, вся сущность которой заключается въ однихъ внѣшнихъ признакахъ чести. Свѣтъ вообще руководствуется въ своихъ сужденіяхъ одной внѣшностью. Графъ Клодвигъ, напротивъ, смотритъ на все чистое и прекрасное съ серьезнымъ благоговѣніемъ. Его натурѣ противно все злое и нечистое; онъ не совершилъ бы дурного поступка и въ томъ случаѣ, еслибъ зналъ навѣрное, что его при этомъ не увидитъ ни одинъ человѣческій глазъ.

Докторъ замолчалъ. Сердце Эриха сильно билось. Для чего этотъ человѣкъ такъ упорно настаиваетъ на чистотѣ Клодвига? Не для того ли, чтобъ внушить ему, Эриху, какъ преступна была бы одна мысль, имѣющая въ виду его оскорбить или обмануть?

Докторъ продолжалъ:

— Я не знаю чести выше, какъ быть другомъ Клодвига. Я вообще не люблю аристократовъ, болѣе того — я ненавижу ихъ. Но въ графѣ Клодвигѣ какъ бы олицетворилось то величіе, которое тѣмъ прочнѣе, что оно вырабатывается постепенно, переходя изъ одного поколѣнія въ другое, а не завоевывается разомъ, какъ у насъ, людей средняго сословія. Отъ нашего мѣщанскаго величія всегда несетъ свѣжимъ лакомъ, и мы его также быстро утрачиваемъ, какъ и пріобрѣтаемъ. Клодвигъ никогда ни въ какомъ случаѣ не воспламеняется, но въ немъ постоянно присутствуетъ одна и та же ровная теплота. Вы видите, я у васъ научился картинно выражаться, шутливо прибавилъ докторъ, а затѣмъ продолжалъ:

— У него одна страсть, а именно — къ спокойствію, но ради васъ онъ и отъ нея отказался. Не находите ли вы это въ высшей степени знаменательнымъ? Я не раздѣляю мнѣнія злыхъ языковъ, которые называютъ графиню Беллу дракономъ добродѣтели. Ей необходимо, говорятъ они, каждую недѣлю, или покрайней мѣрѣ хоть разъ въ мѣсяцъ, проглатывать по одной незапятнанной репутаціи. Но нѣсколько померкшая добрая слава доставляетъ ей еще бо̀льшее удовольствіе; она, какъ кошка, съ наслажденіемъ ее терзаетъ и, подобно хорошо выдрессированной охотничьей собакѣ, кусаетъ свою добычу прямо въ бровь. Затѣмъ она, чувствуя себя сытой, не только болѣе никому не дѣлаетъ вреда, но даже бываетъ ко всѣмъ очень добра. Да и вообще ее нельзя назвать злой; въ ней иногда проявляется даже искреннее состраданіе къ ближнимъ. Она всегда хорошо отзывается о людяхъ въ бѣдѣ и охотно помогаетъ тѣмъ, которые

унижены судьбой. Стоитъ только человѣку захворать, и она дѣлается къ нему въ высшей степени внимательна, но здоровые не должны отъ нея ожидать ничего, кромѣ жестокости. У ней роскошные волосы, но это ей доставляетъ гораздо менѣе удовольствія, чѣмъ возможность сказать, что у той или другой изъ ея знакомыхъ фальшивыя косы. Она любитъ также перечислять своихъ золотушныхъ подругъ, чтобъ имѣть возможность похвастаться здоровьемъ, какимъ отличаются всѣ члены семейства Пранкеновъ. Разъ высказавъ какое-нибудь мнѣніе, графиня Белла никогда отъ него не отступается. Она охотнѣе допуститъ, что ея мужъ, братъ и весь свѣтъ ошибаются, чѣмъ рѣшится сознаться въ собственномъ заблужденіи. Белла фонъ-Вольфсгартенъ не можетъ произносить ошибочныхъ сужденій. Ее никогда никто не видѣлъ одѣтой не къ лицу; каждое ея слово заслуживало бы быть начертаннымъ на камнѣ. И это она называетъ характеромъ, силой воли! Главное — никогда не сознаться въ своихъ ошибкахъ, а логика можетъ себѣ отправляться хоть къ чорту! Графиня Белла сильно смахиваетъ на плясунью, которая танцуетъ на шарахъ. Случалось ли вамъ уже получать отъ нея записочки? Она и на бумагѣ тоже умѣетъ выводить разнаго рода граціозные па.

Эрихъ провелъ себѣ рукой по лбу; онъ едва сознавалъ, гдѣ онъ находится, а докторъ, бросивъ до половины выкуренную сигару, продолжалъ:

— Злые люди желаютъ, чтобъ этотъ драконъ добродѣтели наконецъ встрѣтился со своимъ «грѣшнымъ» Георгіемъ. Къ сожалѣнію, это не можетъ случиться безъ того, чтобъ не поразить Клодвига въ самое сердце. А Георгій этотъ долженъ быть просто искателемъ приключеній, а никакъ не человѣкомъ съ сердцемъ, который стремился бы къ добру и смотрѣлъ на любовь серьезно!

Эрихъ не зналъ, что ему отвѣчать. Онъ внутренно дрожалъ и молча сжималъ кулаки. Докторъ подтянулъ цѣпь у экипажа, колесо мгновенно затормозилось, и они начали спускаться съ горы. Передъ ними, внизу, лежала глубокая долина, гдѣ между скалъ, журча, извивался ручеекъ. Эриху казалось, что передъ нимъ вдругъ разверзлась мрачная пропасть. Когда они выѣхали на гладкое мѣсто, докторъ снова заговорилъ:

— Теперь мнѣ надо вамъ еще объяснить, къ какому именно особенному разряду женщинъ принадлежитъ графиня Белла. Въ мірѣ, какъ вамъ извѣстно, есть много женщинъ, которыя дѣйствительно несчастны, или воображаютъ себя такими, потому что мужья ихъ грубы, необразованны, любятъ собакъ и лоша-

дей, а въ женахъ своихъ не признаютъ тѣхъ милыхъ, граціозныхъ созданій, какими онѣ сами себя считаютъ. Графиня Белла, напротивъ, страдаетъ отъ превосходства своего мужа. Будь онъ похожъ на одну изъ тѣхъ выправленныхъ куколъ, задача которыхъ, повидимому, заключается единственно въ томъ, чтобъ носить придворный мундиръ, она бы называла себя несчастной, но жила бы въ мирѣ сама съ собой. Она могла бы тогда считать себя прекрасной, украшенной цвѣтами жертвой, которая терпѣливо, съ достоинствомъ переноситъ свою горькую участь и, оплакивая себя, она бы постоянно росла въ собственныхъ глазахъ. Теперь же, въ сосѣдствѣ съ такимъ человѣкомъ, какъ Клодвигъ, она кажется самой себѣ все ничтожнѣе и ненавистнѣе. Онъ ее оскорбляетъ тѣмъ, что отодвигаетъ ее на второй планъ и нерѣдко порицаетъ ея образъ мыслей, хотя это у него почти всегда выражается только легкимъ движеніемъ бровей. Она, сама впрочемъ того не сознавая, просто-на-просто ненавидитъ своего мужа за то, что онъ изъ простой игры въ высокія мысли и чувства дѣлаетъ нѣчто очень серьезное. Къ тому же онъ какъ бы невольно заставляетъ ее сознаваться въ ея ребячествѣ и неразуміи. Я теперь только впервые понялъ смыслъ преданія о гарпіяхъ. Новыя гарпіи кидаютъ грязью во все высокое, съ цѣлью сдѣлать его отвратительнымъ и негоднымъ къ употребленію. Клодвигъ принужденъ добывать съ бою свой насущный духовный хлѣбъ. И со всѣмъ этимъ графиню Беллу нельзя назвать безусловно дурной. Она охотно помогаетъ больнымъ, хотя нѣсколько деспотически предписываетъ имъ употребленіе своихъ лекарствъ. Но знаете ли вы, что̀ всего опаснѣе въ этой женщинѣ?

— Я ничего не знаю, ничего не понимаю. Что̀ худшаго можете вы еще сказать?

— Только слѣдующее. Злой духъ, называемый въ церкви дьяволомъ, является здѣсь въ видѣ очень ловкаго, благороднаго и великодушнаго демона. Онъ приходитъ и говоритъ: «Ты другъ этой женщины; она такъ хорошо къ тебѣ расположена, такъ довѣряетъ тебѣ! Употреби же въ дѣло твое вліяніе надъ ней; раскрой ей глаза насчетъ ея мужа, пусть она отъ тебя научится его по заслугамъ цѣнить и уважать». Этотъ вооруженный софизмами демонъ только въ первую минуту кажется такимъ тонкимъ и ловкимъ, на дѣлѣ же онъ одинъ изъ самыхъ грубыхъ. Еще не видано, чтобъ вмѣшательство третьяго лица могло когда-нибудь заставить одного человѣка уважать другого, а тѣмъ болѣе жену—мужа. Только та жизнь и та любовь сильны, которыя возникаютъ и развиваются сами собой. Гдѣ же ихъ нѣтъ—тамъ всѣ усилія вызвать ихъ ока-

жутся безплодными, хотя бы вы для этого заговорили на языкѣ ангельскомъ... Видѣли ли вы голову Медузы? Древніе считали величайшимъ подвигомъ Персея то, что онъ побѣдилъ Медузу, эту ядовитую красоту. Въ прежнія времена она превращала людей въ камни, теперь она ихъ разслабляетъ... Я питаю къ графинѣ Беллѣ особенную ненависть, и знаете ли почему? Потому, что, благодаря ей, я всякій разъ, что бываю въ Вольфсгартенѣ, дѣлаюсь льстецомъ. Мнѣ не слѣдовало бы быть съ ней такъ учтивымъ, и то, что́ я оказываю ей уваженіе единственно изъ любви къ Клодвигу, нисколько меня не оправдываетъ. Она шарлатанъ въ юбкѣ и въ нравственномъ смыслѣ еще болѣе, чѣмъ въ отношеніи къ медицинѣ. Отъ послѣдняго я, впрочемъ, ее уже отчасти отъучилъ. Когда я предписываю лекарство, она всегда напередъ знаетъ, что́ я предпишу. Нѣтъ, ни въ чьемъ обществѣ не бываю я такъ дуренъ, какъ въ обществѣ графини Беллы. Принужденный ей льстить, я, въ ея присутствіи, испытываю такіе припадки злобы, на какіе не считалъ себя способнымъ. Она обо всемъ говоритъ, во все вмѣшивается, такъ что можно подумать, будто ей все извѣстно, — на дѣлѣ же она просто ничего и никого не уважаетъ, а всѣхъ и все считаетъ пустяками. Она и собственную свою личность не уважаетъ, потому что сознаетъ все ея ничтожество... Чуть ли не самую главную черту ея характера составляетъ неблагодарность. Оказывайте ей какія хотите услуги, она все-таки останется неблагодарной. Въ этомъ отношеніи маіоръ составляетъ полную противоположность графини Беллы. Тотъ благодаренъ за все, даже за воздухъ, которымъ дышетъ. Маіоръ, это семидесятилѣтнее дитя, до сихъ поръ отказывается вѣрить въ людскіе пороки. Еслибъ ему явился самъ чортъ, онъ и въ немъ бы открылъ хорошія стороны. Что касается до Беллы, то она вся зло. Случается, что злой мужчина все-таки бываетъ дѣятельнымъ и полезнымъ членомъ общества, но злая женщина уже ни на что не годна. Знаете ли кто пришелся бы подъ пару графинѣ Беллѣ?

— Ничего не знаю, въ отчаяніи проговорилъ Эрихъ. Онъ былъ готовъ выскочить изъ экипажа.

— Единственный подходящій къ ней мужчина, который съумѣлъ бы ее укротить — это Зонненкампъ. И замѣчательно, что они втайнѣ другъ другу симпатизируютъ.

Эрихъ былъ радъ предлогу засмѣяться. Докторъ межу тѣмъ продолжалъ:

— Признаюсь вамъ, мой юный другъ, что я еретикъ. Женщины въ моихъ глазахъ существа низшей породы. Мужчина никогда не бываетъ ни такъ золъ, ни такъ лживъ, какъ женщина.

За послѣднее впрочемъ ее нельзя и упрекать. Ей съ дѣтства твердятъ: лги,—свѣтъ судитъ только по наружности. Но хуже всего въ женщинахъ—это полное отсутствіе въ нихъ гуманности. Онѣ никогда не углубляются въ сущность вещей. Для нихъ все подготовлено, скрѣплено и сшито, какъ шляпка или мантилья въ модномъ магазинѣ. Кромѣ того надъ ними тяготѣетъ еще особаго рода проклятіе: имъ никогда не могутъ быть вполнѣ знакомы радости дружбы. Злословіе составляетъ для нихъ какъ бы животную потребность. Во всей природѣ, женскій полъ отличается наибольшей лютостью.

Эрихъ сидѣлъ молча и совсѣмъ растерянный. Между тѣмъ они достигли мѣста, гдѣ имъ предстояло разстаться. Докторъ снова немного посвисталъ, а потомъ, весь раскраснѣвшись, сказалъ:

— Наконецъ-то я облегчилъ себя, а то меня точно кто-нибудь душилъ. Спасибо вамъ, мой другъ, за то, что вы меня такъ терпѣливо выслушали,—и онъ ласково положилъ руку на плечо Эриха.—Я золъ на поэтовъ, которые, изъ боязни навлечь на себя неудовольствіе женщинъ, сдѣлали изъ нихъ какихъ-то богинь. Но я съ своей стороны можетъ быть тоже хватилъ черезъ мѣру и сказалъ о нихъ что-нибудь лишнее. Въ такомъ случаѣ забудьте это и помните только то, что́ справедливо, и отчего я ни въ какую минуту моей жизни не откажусь.

Эрихъ взялъ лошадь за поводья и, погруженный въ размышленія, медленно продолжалъ путь пѣшкомъ. Ему было больно, что о Беллѣ такъ дурно отзывались, и онъ сердился на себя за то, что не съумѣлъ ее лучше защитить. Но въ то же время онъ съ благодарностью смотрѣлъ на небо и давалъ обѣщаніе никогда не впадать въ проступокъ, который потомъ заставилъ бы его краснѣть. Мысли его мало-по-малу обратились на Роланда и внутри его шепталъ голосъ: «Теперь ко мнѣ больше не вернется ни одно изъ преступныхъ желаній и я надѣюсь быть въ состояніи достойнымъ образомъ воспитать человѣка. Тщеславіе меня чуть не погубило; я хотѣлъ блистать; мнѣ было пріятно слушать похвалы изъ устъ прекрасной женщины, чувствовать на своей рукѣ прикосновеніе ея теплой перчатки, когда она, шутя, ударяла меня ею по пальцамъ. Въ это время мнѣ было бы не подъ силу воспитать юношу въ нравственной чистотѣ,—теперь же я надѣюсь этого достигнуть!»

И онъ съ облегченнымъ сердцемъ пришелъ на виллу. Тамъ его ожидала телеграмма, извѣщавшая о намѣреніи Зонненкампа переночевать въ столицѣ. Эрихъ былъ одинъ.

ГЛАВА VI.

ПЕРВОЕ ЖАЛОВАНЬЕ.

На слѣдующее утро Церера все говорила о томъ, какъ ей не хочется возвращаться на виллу. Праздникъ на Рудольфской-горѣ не выходилъ у нея изъ головы, и она рада была бы, чтобъ онъ и сегодня повторился. Она убѣдительно просила совѣтницу поѣхать вмѣстѣ съ ней на виллу и тамъ остаться погостить. Совѣтница отказалась, но въ то же время дала обѣщаніе скоро навѣстить своихъ новыхъ друзей.

Церера была въ очень дурномъ расположеніи духа, и Зонненкампъ, чтобы хоть сколько-нибудь ее развеселить, посадилъ къ ней въ экипажъ Пранкена, а съ собой взялъ Роланда. Оставшись наединѣ съ сыномъ, онъ сталъ его распрашивать о томъ, о семъ, и преимущественно объ Эрихѣ, какъ часто тотъ видѣлся и гулялъ съ графиней Беллой. Роландъ былъ въ недоумѣніи.

Дорогой они обогнали верховыхъ лошадей, которыхъ Зонненкампъ отправилъ впередъ. Лошади были покрыты длинными попонами, сквозь отверстія которыхъ они какъ-то странно поглядывали вокругъ своими большими, круглыми глазами. Зонненкампъ приказалъ остановиться, еще издали завидѣвъ, какъ одинъ изъ конюховъ, вмѣсто того, чтобъ идти пѣшкомъ возлѣ лошади, предпочелъ помѣститься у нея на спинѣ. Зонненкампъ сдѣлалъ ему строгій выговоръ и погрозилъ за вторую вину такого рода отставить его отъ мѣста.

Они поѣхали далѣе.

— Наши лошади, совсѣмъ неожиданно замѣтилъ Роландъ: одѣты лучше людей.

Зонненкампъ ничего не отвѣчалъ, но искоса поглядѣлъ на сына.

Вдругъ Роландъ закричалъ кучеру, чтобъ тотъ остановился. Онъ примѣтилъ на краю дороги того самаго извощика, котораго встрѣтилъ ночью съ грузомъ глиняныхъ кувшиновъ, предназначаемыхъ для минеральныхъ водъ. Мальчикъ выскочилъ изъ экипажа, подбѣжалъ къ извощику и взявъ его за руку, попросилъ, когда онъ увидится съ дворникомъ, передать ему, что никто болѣе не можетъ сомнѣваться въ его честности. Затѣмъ Роландъ также быстро опять вскочилъ въ экипажъ, а извощикъ остался въ изумленіи стоять на дорогѣ. Отецъ потребовалъ у мальчика объясненія столь страннаго поступка, и тотъ разсказалъ ему все, не исключая и преданія о духѣ смѣха, которое однако не вызвало

ни малѣйшей улыбки на лицѣ Зонненкампа. Когда же Роландъ упомянулъ о своемъ желаніи испробовать на себѣ жизнь бѣдныхъ, борющихся съ нуждой людей, Зонненкампъ тихо засвисталъ. Мальчикъ продолжалъ говорить, а отецъ не могъ надивиться подвижности и свѣжести его ума. Наконецъ очередь дошла и до разговора у крѣпости, вызваннаго извѣстнымъ вопросомъ Клауса. Слова Эриха были переданы Роландомъ конечно по своему, съ разнаго рода измѣненіями, пропусками и дополненіями.

Зонненкампъ не зналъ на что ему рѣшиться. Немедленно отпустить Эриха—не годилось для Роланда, который послѣ этого тѣмъ упорнѣе бы привязался къ своимъ извращеннымъ понятіямъ. Съ другой стороны онъ боялся окончательнымъ разрывомъ съ Эрихомъ оскорбить совѣтницу, которая такъ ясно высказала свои желанія на счетъ матери молодого человѣка. Наконецъ, не слѣдовало забывать и того, что ничуть не Пранкенъ, а Эрихъ былъ главнымъ виновникомъ сближенія его съ Клодвигомъ, который теперь сдѣлался ему особенно нуженъ для осуществленія извѣстнаго плана.

Вдобавокъ ко всему, Зонненкампа терзала еще двойная ревность. Съ одной стороны, духовенство отняло у него дочь, съ другой—человѣкъ свѣтскій хотѣлъ лишить его сына. Онъ не пытался доказывать Роланду, какъ ложны идеи, проповѣдуемыя Эрихомъ, а только усиливался дать ему понять, что онъ вовсе не обязанъ безпрекословно повиноваться человѣку, который живетъ у нихъ въ домѣ на жалованьи. Да и самой наукой ему нѣтъ никакой надобности ужъ такъ усердно заниматься: это хорошо для тѣхъ людей, которымъ предстоитъ прокладывать себѣ путь въ жизни,—а ему, богатому юношѣ, достаточно знать только то, что нужно для обихода въ свѣтѣ. Онъ вообще уговаривалъ сына не портить себѣ жизнь несбыточными мечтами и старался изобразить ему въ самомъ яркомъ свѣтѣ веселое, блестящее существованіе офицеровъ въ столицѣ.

Возвратясь домой, Зонненкампъ первымъ дѣломъ освѣдомился, гдѣ Эрихъ провелъ вчерашній день. Вопросъ этотъ былъ сдѣланъ тономъ человѣка, который имѣетъ право требовать у своего подчиненнаго отчета во всѣхъ его поступкахъ. Эрихъ отвѣчалъ, что былъ въ Вольфсгартенѣ и распространился на счетъ молодого русскаго князя. Зонненкампъ слушалъ его съ улыбкой: ему было пріятно видѣть, какъ ловко этотъ добродѣтельный человѣкъ прикрывалъ свои уклоненія отъ истиннаго пути.

Въ тоже время Роландомъ овладѣло сильное желаніе нарушить порядокъ, который Эрихъ, съ его согласія, внесъ въ ихъ

занятія. Внушенія отца не пропали даромъ, и мальчикъ сидѣлъ за урокомъ печальный и угрюмый. Взгляды, которые онъ по временамъ бросалъ на Эриха, ясно доказывали ему, что онъ начинаетъ въ немъ видѣть своего тюремщика. Роландъ до сихъ поръ на все смотрѣлъ глазами Эриха и жилъ, такъ сказать, по его программѣ. Но теперь это миновало, и къ тому же у него въ ушахъ все еще раздавались звуки военной музыки, а въ глазахъ мелькали оживленныя группы офицеровъ.

Эрихъ замѣтилъ перемѣну въ своемъ воспитанникѣ и сильно огорчился. Онъ отдавалъ Роланду всѣ свои силы, а тотъ принималъ его заботы какъ-то вяло и неохотно. Теперь, когда мальчикъ, не сдерживаясь, высказывалъ свое дурное расположеніе духа, къ Эриху опять вернулись его сомнѣнія, и онъ впалъ въ уныніе. Ему снова представилась вся трудность задачи воспитателя, и мысли его невольно обратились къ прошлому. Въ полку онъ обыкновенно, сдавъ службу, пользовался полной свободой и жилъ исключительно для себя. Позже, въ родительскомъ домѣ, онъ тоже не зналъ никакихъ стѣсненій. Профессорша, привыкшая ничѣмъ не безпокоить мужа на томъ основаніи, что ученымъ и безъ того много есть о чемъ думать, продолжала точно также охранять и покой своего сына. Ему никогда никто не мѣшалъ въ его занятіяхъ, и все внутри его могло свободно переработываться. Теперь же за обѣдомъ и на прогулкахъ, онъ долженъ былъ быть постоянно на готовѣ, чтобъ поддерживать разговоръ съ отцемъ, или отвѣчать на распросы сына. Эрихъ слишкомъ долго жилъ самостоятельно, имѣя въ виду только свое умственное развитіе, и теперь ему казалось, что онъ вмѣстѣ съ независимостью какъ бы утратилъ собственную личность и сдѣлался тѣнью своего прежняго «Я». Ничего новаго или свѣжаго не могло болѣе расцвѣсть въ его душѣ, и ему стоило большихъ усилій вызывать въ себѣ воспоминаніе о томъ, что онъ въ былое время передумалъ и перечувствовалъ. Однимъ словомъ, Эрихъ оплакивалъ свою преждевременную кончину. Онъ прежде едва признавался даже самому себѣ въ удовольствіи, какое ему доставляло общество Беллы, но теперь, когда онъ и его лишился—что́ болѣе оставалось ему въ жизни?

Онъ ужаснулся, увидѣвъ, до какой степени успѣлъ связать съ чужимъ существованіемъ все, что́ было въ немъ наилучшаго и святого. Но вотъ настало время пробудиться, а вмѣстѣ съ тѣмъ Эриха внезапно поразило охлажденіе къ нему Зонненкампа и Роланда. Онъ принялъ это какъ заслуженное наказаніе, удвоилъ рвеніе,—но все было напрасно.

Наконецъ дѣло совершенно неожиданно дошло до кризиса.

Зонненкампъ, въ присутствіи Роланда и съ торжествомъ на него поглядывая, вручилъ Эриху первое слѣдовавшее ему жалованье. Эрихъ смутился, но мгновенно овладѣлъ собой. Онъ взялъ деньги и сдѣлалъ шагъ къ окну, около котораго стоялъ Роландъ. Зонненкампъ въ первую минуту подумалъ, что онъ хочетъ бросить деньги въ окно. Но Эрихъ очень спокойно произнесъ:

— На, Роландъ, возьми мое жалованье, отнеси его ко мнѣ въ комнату и подожди меня тамъ.

Роландъ взялъ золото и въ смущеніи смотрѣлъ то на отца, то на Эриха.

— Пожалуйста, снеси деньги въ мою комнату, повторилъ Эрихъ. Ну, ступай-же.

Роландъ пошелъ, неся деньги, какъ будто они составляли для него слишкомъ тяжелую ношу. Въ комнатѣ Эриха, онъ положилъ золото на столъ и хотѣлъ уйдти, но подумалъ, что деньги опасно оставлять такъ на виду. Онъ собрался затворить двери на ключъ, но вспомнилъ, что Эрихъ приказалъ ему его здѣсь дожидаться. Онъ стоялъ посреди комнаты, а вокругъ него все вертѣлось и въ глазахъ стоялъ туманъ. Что такое случилось?

Вдругъ пришелъ Пранкенъ, поздоровался съ нимъ и сталъ его поздравлять съ тѣмъ, что онъ вскорѣ избавится отъ Эриха. Теперь только Роланду сдѣлалось ясно все, что произошло и чему еще надлежало произойдти. Пранкенъ продолжалъ говорить объ Эрихѣ, какъ о человѣкѣ, который ничего болѣе не заслуживаетъ кромѣ состраданія. Наконецъ онъ простился и ушелъ, а Роландъ почувствовалъ, что онъ никогда болѣе не будетъ въ состояніи любить Пранкена. Онъ почувствовалъ это съ болью, какъ бы переживая горькую утрату и продолжалъ стоять у стола, не спуская глазъ съ сверкавшаго передъ нимъ золота. Потомъ онъ, движимый ребяческимъ любопытствомъ, принялся считать, какъ велико было жалованье Эриха, но не могъ сообразить, за сколько времени приходилось ему получить лежавшую теперь на столѣ сумму. Роландъ съ досадой отвернулся къ окну, но золото оставалось у него за спиной и чей-то голосъ, казалось шепталъ ему: «не забывай меня!»

Эрихъ между тѣмъ стоялъ передъ Зонненкампомъ, а Зонненкампъ съ удивленіемъ говорилъ ему:

— Вы умышленно уничтожаете въ мальчикѣ любовь къ себѣ!

Эрихъ отвѣчалъ, что предпочелъ бы не прибѣгать къ такой мѣрѣ, но она вынуждена тѣмъ способомъ, какимъ ему было предложено жалованье.

— Я васъ оскорбилъ?

— Нѣтъ, я не обидчивъ и уважаю деньги, насколько они того заслуживаютъ. Кромѣ того мнѣ пріятна плата за честный трудъ. Я люблю вашего сына, можетъ быть болѣе.... но, нѣтъ, для любви не существуетъ мѣрила, и одну любовь нельзя измѣрять другою.

— Благодарю васъ.

— Извините, я продолжаю. Я люблю вашего сына и по тому самому предпочитаю, чтобъ онъ видѣлъ недостатки во мнѣ, а не въ своемъ отцѣ.

— Во мнѣ?

— Да. Я могъ бы вамъ отплатить за то, что вы мнѣ отдали деньги въ присутствіи моего воспитанника. Я могъ бы вамъ сказать, что свободный трудъ.... я не говорю о любви, а подразумѣваю только простой, свободный трудъ, предлагаемый однимъ человѣкомъ другому.... и такъ я могъ бы сказать, что такого рода трудъ никогда не можетъ быть вполнѣ оплаченъ. Но я воздержался отъ этого, потому что хочу, чтобъ вашъ сынъ любилъ и уважалъ васъ болѣе всѣхъ на свѣтѣ, болѣе меня самого.

Зонненкампъ стиснулъ кулаки и съ минуту въ смущеніи смотрѣлъ на Эриха. Потомъ онъ опустилъ глаза, видимо собираясь съ духомъ и усиливаясь скрыть свое волненіе.

— Я не знаю, проговорилъ онъ наконецъ, да и знать не хочу, что́ означаютъ ваши слова. Но предупреждаю васъ, что я скорѣй способенъ послать кому-нибудь пулю въ лобъ, чѣмъ подставить подъ нее свой собственный, и кто осмѣлился бы....

— Мнѣ рѣшительно непонятно ваше волненіе, сказалъ Эрихъ, спокойно смотря Зонненкампу въ глаза.

— Кто вы, и кто я? спросилъ Зонненкампъ, и лицо его исказилось.

— Я наставникъ вашего сына и хорошо знаю, какую великую отвѣтственность возлагаетъ на меня это званіе. Я нахожусь у васъ въ услуженіи, это вашъ домъ, вы каждый часъ, каждую минуту можете меня изъ него удалить.

— Я этого не хочу.... вовсе не хочу! Развѣ я сказалъ что-нибудь подобное? Мнѣ просто надо съ вами объясниться. Говорили ли вы Роланду, что настанетъ время, когда болѣе не будетъ частныхъ имуществъ?

Эрихъ отвѣчалъ, что ему ничего подобнаго никогда и въ голову не приходило. Онъ видитъ теперь, что выбралъ для вразумленія мальчика дурной примѣръ, и сожалѣетъ, что Роландъ такъ ложно его истолковалъ.

— Сядемте пожалуста, сказалъ Зонненкампъ, у котораго

дрожали ноги: и поговоримъ, какъ люди разсудительные, какъ друзья, если мнѣ будетъ позволено такъ выразиться.

Онъ тихо засвисталъ, а потомъ продолжалъ совершенно другимъ тономъ:

— Я долженъ вамъ сказать, что во всякомъ случаѣ вашъ образъ мыслей вреденъ для моего сына. Вы — филантропъ, и я васъ за то уважаю. Вы принадлежите къ разряду тѣхъ людей, которые готовы благодарить, и по возможности матеріальнымъ образомъ, каждаго уличнаго мальчика, если тому удастся оказать вамъ какую-нибудь ничтожную услугу. Вы видите, я вѣрю въ ваши человѣколюбивыя наклонности и ничуть не подозрѣваю въ васъ желанія порисоваться, пріобрѣсти себѣ популярность. Но такого рода филантропія, — говорю вамъ откровенно, безъ обиняковъ,— вовсе не годится для моего сына. Доходы его равняются герцогскимъ. Еслибъ богачъ весь свой вѣкъ только думалъ о нуждѣ, да о несоотвѣтствующей труду платѣ, такъ онъ былъ бы несчастнѣе всякаго нищаго. Самое худшее, что могло бы случиться съ моимъ сыномъ, это еслибъ въ немъ развилась сантиментательность, склонность постоянно и черезъ мѣру огорчаться бѣдствіями другихъ людей. Я самъ не принадлежу къ числу тѣхъ, которые всю жизнь стремятся къ чему-то недосягаемому и не хотѣлъ бы, чтобъ мой сынъ сдѣлался однимъ изъ нихъ. Вѣрьте мнѣ, въ чувствахъ тоже существуетъ своего рода контрабанда, и напрасно воображаемъ мы себѣ, будто наши меньшіе братья думаютъ и чувствуютъ также какъ мы.

— Благодарю васъ за наставленіе, возразилъ Эрихъ. Но въ тоже время я радъ случаю сказать вамъ, что желаю сдѣлать изъ вашего сына добраго и сострадательнаго, а ничуть не слабаго человѣка. Пусть онъ узнаетъ цѣну своему счастью и научится изъ самого себя извлекать все высокое и прекрасное — и тогда онъ будетъ умно и благородно управлять силой, которая со временемъ сдѣлается его достояніемъ.

Эрихъ въ теченіи нѣсколькихъ минутъ продолжалъ еще говорить въ этомъ же духѣ. Зонненкампъ протянулъ ему руку и сказалъ:

— Вы... вы благородный человѣкъ, и я хотѣлъ бы, чтобъ вы и меня тоже воспитали. Забудьте все, что между нами произошло: я вамъ безусловно вѣрю. Вы не захотите лишить меня привязанности моего сына и не сдѣлаете изъ него сантиментальнаго чудака, который поставилъ бы себѣ задачей помогать всему міру.

Зоннепкампъ говорилъ быстро и отрывисто. Внутри его кипѣлъ гнѣвъ отъ того, что человѣкъ, котораго онъ собирался уни-

зить, смирилъ его самого. И теперь онъ стоялъ передъ нимъ какъ нищій, и какъ тотъ молитъ прохожаго о милости, такъ онъ просилъ не отнимать у него сердца сына.

—Зачѣмъ.... началъ онъ снова: извините, я спрашиваю въ увѣренности, что вы ничего не сдѣлаете безъ причины.... и не смотря на всю его сдержанность, въ глазахъ у него сверкнула злоба:—зачѣмъ не позволяете вы Роланду свободно располагать его деньгами? Я это только недавно узналъ, во время нашей послѣдней поѣздки въ столицу.

— Не всѣ мои поступки имѣютъ такія основательныя причины, какъ этотъ. Роландъ соритъ деньгами совершенно безсознательно и не чувствуетъ при этомъ ни малѣйшаго раскаянія. Я же полагаю, что умѣнье управляться съ деньгами составляетъ одно съ умѣньемъ человѣка управлять самимъ собой.

Эрихъ воспользовался случаемъ разсказать Зонненкампу о впечатлѣніи, какое произвело на Роланда воровство. Зонненкампъ съ торжествующимъ видомъ воскликнулъ:

— Я очень радъ тому, что онъ уже такъ рано узналъ, какими лжецами и негодяями наполненъ свѣтъ. Сдѣлавшись самъ хозяиномъ своего богатства, онъ будетъ остороженъ. Да, господинъ философъ, пишите что хотите въ вашихъ книгахъ, а по моему, главное отличіе человѣка отъ животныхъ заключается въ томъ, что онъ умѣетъ льстить и лгать. И чѣмъ раньше и тверже мой сынъ выучится этой истинѣ, тѣмъ спокойнѣе буду я. Я хотѣлъ бы, чтобъ Роландъ прошелъ уже и вторую школу.

— Какую?

— Человѣкъ сначала оказываетъ своимъ ближнимъ благодѣянія, а потомъ научается видѣть въ нихъ плутовъ и мошенниковъ. Это тоже, что играть въ азартную игру и надѣяться на выигрышъ. Долги, возлагаемые на людей благодѣяніями, и игорные долги вообще неохотно выплачиваются.

Въ тонѣ, какимъ Зонненкампъ сначала хвалилъ Эриха за его идеальную филантропію, а потомъ предостерегалъ его на счетъ людскихъ пороковъ, звучала какъ будто отеческая заботливость. Основнымъ его правиломъ было: «для человѣка человѣкъ — волкъ!»

Когда Эрихъ вошелъ въ комнату, гдѣ находился Роландъ, тотъ встрѣтилъ его на порогѣ, протянувъ ему обѣ руки.

— Благодарю тебя, воскликнулъ мальчикъ, за то, что ты поступокъ моего отца обратилъ на меня. Я не хочу болѣе имѣть денегъ. Пожалуйста, прости его за то, что онъ хотѣлъ вознаградить тебя, какъ слугу.

Эриху стоило не малаго труда объяснить Роланду это собы-

тіе такъ, чтобъ, не извращая его природнаго здраваго смысла, сохранить въ немъ любовь и уваженіе къ отцу.

— Спрячь пожалуйста деньги, сказалъ Роландъ, и Эрихъ, понимая, какъ видъ ихъ долженъ былъ непріятно дѣйствовать на мальчика, поспѣшилъ запереть ихъ въ шкафъ.

— Подари мнѣ что-нибудь, попросилъ потомъ Роландъ.

— У меня ничего нѣтъ, отвѣчалъ Эрихъ... Но съ этой минуты да будетъ тебѣ извѣстно, что человѣкъ человѣку можетъ дать нѣчто гораздо болѣе драгоцѣнное, чѣмъ все золото въ мірѣ. Мы съ тобой оправдаемъ на дѣлѣ пословицу, которая говоритъ: кто отъ насъ отрекается, тотъ никогда и не былъ нашимъ другомъ.

Роландъ внезапно поцѣловалъ Эриху руку, ту самую, которая приняла деньги. Эрихъ былъ врагъ сантиментальности, но теперь ему показалось, будто на его глазахъ внезапно распустился цвѣтокъ и впервые наполнилъ воздухъ своимъ благоуханіемъ. Цвѣтокъ этотъ былъ не что иное какъ сердце юности.

— Пойдемъ къ маіору, немного спустя сказалъ Роландъ. Ему видимо хотѣлось отдохнуть въ обществѣ человѣка, который ничего не зналъ о всей этой неурядицѣ на виллѣ и жилъ въ мирѣ съ самимъ собой и съ другими.

Они отправились къ маіору, но не застали его дома и пошли бродить по окрестностямъ. Начало смеркаться, а они все еще гуляли, изрѣдка обмѣниваясь словами и вернулись на виллу уже съ наступленіемъ ночи.

Зонненкампъ тоже провелъ вечеръ въ прогулкѣ по саду. Но внутри его все кипѣло и волновалось. Ему постоянно приходилось что-нибудь въ себѣ скрывать, подобно тому, какъ онъ скрывалъ теперь борьбу, вызванную въ его сердцѣ словами Эриха о свободномъ трудѣ. Кромѣ того ему казалось просто невѣроятнымъ, чтобъ онъ могъ оскорбить этого самаго Эриха, мать котораго намѣревался пригласить къ себѣ на виллу. Зонненкампу стало неловко при мысли, какъ люди, съ пріѣздомъ профессорши, начнутъ превозносить его доброту. Ахъ, еслибъ это дѣйствительно была доброта! Но онъ самъ хорошо зналъ, что̀ побуждало его къ этому шагу. Всегда и вездѣ одно и тоже! Какъ это свѣтъ еще можетъ вѣрить въ добро? Но что же? Вѣдь нарумяненная кокетка знаетъ, что на щекахъ ея играетъ не натуральный румянецъ, но она довольствуется тѣмъ, что обманываетъ другихъ, и радуется и молодится.

Зонненкампъ выразилъ желаніе, чтобъ Пранкенъ занялся пріобрѣтеніемъ для него виллы, предназначаемой для совѣтницы. Но Пранкенъ дружески отъ этого уклонился и привелъ весьма

основательную причину своего отказа, находя впрочемъ весьма естественнымъ старанія Зонненкампа составить себѣ пріятное сосѣдство. А Зонненкампъ не зналъ, желать ему, или бояться этого сосѣдства. Онъ подозрѣвалъ, что Пранкенъ нарочно повелъ это дѣло издали, такъ чтобы и на его долю выпали нѣкоторыя выгоды. Но въ такомъ случаѣ неужели онъ, Зонненкампъ, дастся своему будущему зятю въ обманъ?

Слѣдующіе дни Зонненкампъ мало занимался домомъ и садомъ и почти не обращалъ никакого вниманія ни на Эриха, ни на Роланда. Онъ осматривалъ виллу и прилежащія къ ней виноградныя горы и успѣлъ убѣдиться, что Пранкенъ не имѣетъ рѣшительно ничего общаго съ этимъ дѣломъ. Успокоившись съ одной стороны, Зонненкампъ былъ непріятно пораженъ съ другой, увидавъ, какъ ему еще плохо знакомы нравы и обычаи знати. Пранкенъ оказывался не такимъ человѣкомъ, чтобъ изподтишка хлопотать о своихъ выгодахъ.

«Винный графъ» тоже торговалъ виллу, съ цѣлью подарить ее будущему мужу своей дочери, сыну гофмаршала. Зонненкампъ, узнавъ объ этомъ, поторопился совершить купчую.

ГЛАВА VII.

НЕУДОБОВАРИМОЕ ДЛЯ ГОСТЯ.

Еслибъ извѣстіе о покупкѣ Зонненкампомъ новаго имѣнія могло проникнуть въ тюрьму Клауса, тотъ, безъ сомнѣнія, воскликнулъ бы:— «Ну, не говорилъ ли я, что онъ скупитъ всѣ берега Рейна!» Но бѣдняга рѣшительно ничего не зналъ.

Слѣдствіе между тѣмъ шло своимъ чередомъ. Судья былъ такъ любезенъ, что когда при составленіи новаго протокола понадобилось отобрать показанія отъ Эриха и Роланда, онъ, вмѣсто того, чтобъ призывать ихъ къ себѣ, самъ явился на виллу. Вообще печальный, все еще не разъясненный фактъ воровства внесъ въ занятія мальчика гораздо больше безпорядка, чѣмъ этого можно было ожидать.

Другого рода развлеченіямъ тоже не предвидѣлось конца. Роландъ вдругъ объявляетъ Эриху:

— Графъ Вольфсгартенъ надняхъ даетъ большой обѣдъ. Отецъ и мать очень этимъ довольны, и мы съ тобой тоже приглашены.

Зонненкампъ дѣйствительно былъ очень доволенъ. Они съ Пранкеномъ порѣшили заинтересовать въ пользу своего дѣла

Клодвига, который былъ самымъ вліятельнымъ членомъ орденской коммиссіи.

Зонненкампъ стоялъ передъ большимъ, вдѣланнымъ въ стѣну несгараемымъ шкапомъ, гдѣ у него хранились деньги. Здѣсь, думалъ онъ, собраны всѣ его обыкновенно побѣдоносныя силы, но на этотъ разъ онѣ не могутъ ему ничѣмъ помочь, и онъ долженъ ограничиться однѣми личными своими средствами. Съ минуту онъ даже отчаявался въ успѣхѣ, но потомъ гордо выпрямился: вѣдь удавались же ему другія дѣла — неужели счастье измѣнитъ ему теперь?

Въ день, назначенный для обѣда въ Вольфсгартенѣ, Зонненкампу пришлось выдержать тяжелую борьбу съ Церерой. Она непремѣнно хотѣла отправиться туда въ брильянтахъ, и даже фрейленъ Пэрини не могла ее отъ этого отговорить. Напрасно увѣряла она ее, что при дневномъ свѣтѣ никто не носитъ брильянтовъ: Церера плакала, какъ ребенокъ, и говорила, что въ такомъ случаѣ она лучше вовсе не поѣдетъ. Зонненкампъ просилъ ее пожалѣть графиню, брильянтовый уборъ которой стоилъ по крайней мѣрѣ въ двадцать разъ менѣе ея. Онъ находилъ въ эту минуту неудачнымъ оскорблять Беллу и обѣщалъ за то женѣ дать вскорѣ праздникъ, на который ей будетъ позволено надѣть все, что она захочетъ. Но Церера стояла на своемъ и продолжала говорить, что лучше вовсе не поѣдетъ безъ брильянтовъ.

— Хорошо, отвѣчалъ Зонненкампъ: въ такомъ случаѣ я немедленно отправлю въ Вольфсгартенъ верхового съ извѣстіемъ, что ты не будешь.

Онъ позвалъ конюха и тутъ же отдалъ ему приказаніе пойдти сѣдлать лошадь и готовиться къ поѣздкѣ въ Вольфсгартенъ.

Зонненкампъ ушелъ, а Церера угрюмо посмотрѣла ему вслѣдъ. Ей жаль было самое себя, и она не могла примириться съ мыслью что останется дома одна, между тѣмъ какъ всѣ другіе поѣдутъ на праздникъ. Немного спустя, она не вытерпѣла и побѣжала въ комнату Зонненкампа просить, чтобъ онъ отмѣнилъ приказаніе, данное слугѣ.

Зонненкампъ отвѣчалъ, что слуга, къ сожалѣнію, уже уѣхалъ. Тогда Церера начала его умолять послать ему въ догонку другого. Зонненкампъ долго не соглашался, потомъ сдѣлалъ видъ, будто сдается на просьбы жены, и самъ отправился на конюшню, гдѣ ему всего стоило только сказать конюху: «не сѣдлай лошади, не надо.» Онъ еще никого не посылалъ въ Вольфсгартенъ, зная, что Церера, какъ капризное дитя, непремѣнно придетъ его просить объ отмѣнѣ перваго рѣшенія.

Наконецъ, они собрались и поѣхали.

Белла была очень довольна тѣмъ, что въ числѣ гостей ея находилась также и совѣтница. Сіящая красотой, любезная и привѣтливая со всѣми, она особенно ласково обошлась съ Эрихомъ. Она подмѣтила его дурное расположеніе духа въ послѣднее посѣщеніе, и теперь хотѣла его задобрить. Онъ принималъ ея вниманіе съ благодарностью, но отъ нея, тѣмъ не менѣе, какъ отъ умной женщины не ускользнула его крайняя сдержанность.

Зонненкампъ, притаивъ дыханіе, зорко слѣдилъ за ними, какъ охотникъ, подстерегающій добычу. «Ловко же они играютъ», думалъ онъ. Добрая слава этого дома до сихъ поръ камнемъ лежала у него на сердцѣ, но теперь онъ началъ свободнѣе дышать.

Въ Вольфсгартенѣ точно составился маленькій дворъ, при которомъ однако, вмѣсто обычной стѣснительности, замѣтна была извѣстнаго рода сельская свобода. Собравшіяся здѣсь лица тѣмъ довольнѣе были свидѣться, что явились сюда изъ деревенскаго затишья. Большинство гостей составляли отставные офицеры, и у нихъ въ петлицахъ нерѣдко мелькали красныя, синія, желтыя орденскія ленточки. Всѣ мужчины были завиты, а бороды ихъ тщательно выбриты. Наряды дамъ свидѣтельствовали, что онѣ не даромъ каждый годъ по нѣсколько недѣль проводили въ Парижѣ. Въ числѣ ихъ находилась одна француженка и изъ любезности къ ней разговоръ велся на французскомъ языкѣ.

Здѣсь былъ между прочимъ одинъ знаменитый, только-что вернувшійся изъ путешествія музыкантъ; онъ изъѣздилъ много городовъ, вездѣ давалъ концерты, а теперь отдыхалъ въ домѣ товарища, который, женившись на богатой наслѣдницѣ, бывшей своей ученицѣ, купилъ на берегахъ Рейна прелестную виллу и поселился въ ней.

За исключеніемъ Эриха, Зонненкампъ и музыкантъ были, посреди всей собранной здѣсь знати, единственными представителями средняго сословія. Но музыканта возвышалъ его талантъ, а Зонненкампа милліоны. Что касается до «виннаго графа,» то его уже почти можно было считать дворяниномъ. Онъ надняхъ ожидалъ диплома на свое новое достоинство, и всѣ это знали. Женихъ съ невѣстой тоже были приглашены; но утромъ въ самый день обѣда въ Вольфсгартенъ пришла записочка, извѣщавшая о нездоровьи жениха, который такимъ образомъ не могъ присутствовать на праздникѣ.

Въ числѣ гостей находился также и живописецъ, гостившій у «виннаго графа», гдѣ онъ уже въ теченіи нѣсколькихъ недѣль писалъ портреты жениха и невѣсты во весь ростъ. Живописецъ этотъ былъ въ большой модѣ. Онъ съ особеннымъ искус-

ствомъ изображалъ жемчугъ, кружева и сѣрый атласъ. Лица тоже ему бо́льшей частью удавались, но всегда имѣли синеватый оттѣнокъ. Его очень любили при дворѣ, и конечно онъ, а никто другой, долженъ былъ писать портретъ съ прелестной невѣсты.

Русскій князь, совершенно естественно, привлекалъ на себя всеобщее вниманіе.

За обѣдомъ Зонненкампъ сидѣлъ на почетномъ мѣстѣ, рядомъ съ Беллой, по другую сторону которой помѣщался молодой иностранецъ.

Зонненкампъ пустилъ въ ходъ свою артиллерію любезностей, въ которыхъ у него никогда не было недостатка. Но на этотъ разъ онѣ имѣли мало успѣха, такъ какъ Белла слушала его только однимъ ухомъ, стараясь уловить другимъ, что̀ говорили Эрихъ и русскій.

Внезапно всѣ отдѣльные разговоры за столомъ смолкли. Князь обратился къ Зонненкампу и спросилъ:

— Скажите, пожалуйста, невольниковъ въ Америкѣ тоже считаютъ душами?

— Я васъ не понимаю.

— У насъ, въ Россіи, крѣпостныхъ людей называли душами. У него столько-то сотенъ или тысячъ душъ, говорилось обыкновенно. Я и спрашиваю, также ли у васъ, въ Америкѣ?

— Нѣтъ!

— Нѣкоторые сомнѣваются, замѣтилъ Клодвигъ, дѣйствительно ли негры имѣютъ душу. Гумбольдтъ приводитъ мнѣніе дикихъ объ обезьянахъ, которыя, по ихъ понятіямъ, обладаютъ даромъ слова, но скрываютъ это изъ боязни, чтобъ ихъ не заставили работать.

Всѣ засмѣялись, а Клодвигъ продолжалъ:

— Самый ничтожный изъ греческихъ и римскихъ сосудовъ, который мы откапываемъ въ землѣ, непремѣнно поражаетъ насъ своей изящностью. Негры, сколько мнѣ извѣстно, не создали ничего прекраснаго.

— Они, какъ говорится, вмѣшался князь, не изобрѣли сами даже и мышеловки.

— Да, подтвердилъ Клодвигъ. Теперь спрашивается: могутъ ли негры быть наслѣдниками общаго человѣческаго образованія, разъ, что они не наслѣдовали прекрасный человѣческій образъ, который перешелъ къ намъ отъ древнихъ египтянъ, грековъ и римлянъ? Могутъ ли они содѣйствовать дальнѣйшему развитію искусства, которое уже одно упрочиваетъ за людьми ихъ благородное происхожденіе,—могутъ ли создавать прекрасное, не имѣя возможности при этомъ руководствоваться собственной наруж-

ностью? Въ св. писаніи сказано: Богъ сотворилъ человѣка по образу и по подобію своему. Человѣкъ, въ свою очередь, создаетъ себѣ божество по своему образу и подобію,—а для негровъ это невозможно. Они, можетъ быть, современемъ и создадутъ что-нибудь для себя, но никогда для другихъ. Поэтому имъ, какъ дѣтямъ, лишеннымъ наслѣдства, суждено всегда стоять отдѣльно, не имѣя ничего общаго съ остальнымъ человѣчествомъ.

Зонненкампъ вдругъ точно выросъ: такъ говоритъ человѣкъ, въ любви къ ближнимъ котораго никто не станетъ сомнѣваться!

— Прекрасно! воскликнулъ онъ. Въ Америкѣ мы не отличаемся сантиментальностью. Наши твердыя, ясныя понятія, школьная наука называетъ еретическими и кладетъ на нихъ клеймо безчеловѣчности. Но вѣдь и пресловутая гуманность тоже имѣетъ своихъ фанатическихъ приверженцевъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и свою инквизицію.

Зонненкампъ говорилъ небрежно, съ сдержанной насмѣшкой,—тономъ, который ясно показывалъ, какъ неумѣстнымъ казался ему вопросъ, поднятый княземъ. Клодвигъ счелъ нужнымъ его поддержать и началъ тихимъ голосомъ, который становился все громче и сильнѣе по мѣрѣ того, что онъ говорилъ:

— Кто умѣетъ спокойно и хладнокровно обсуживать историческія событія, тому видѣнъ весь постепенный ходъ идеи, какъ она тихо, незамѣтно, въ теченіи долгаго времени, совершаетъ свою работу, и какъ, наконецъ, достигнувъ своего полнаго развитія, выражается въ событіи, съ которымъ, повидимому, не имѣетъ ничего общаго. Но не слѣдуетъ забывать, что характеръ идеи чисто приготовительный, а у событія—положительный.

Белла, наклонясь къ князю, что-то ему очень тихо говорила. Клодвигъ догадался, что она извинялась за него въ томъ, что онъ, по обыкновенію, углубился въ тяжеловѣсныя разсужденія и логическіе выводы. По лицу его пробѣжала легкая судорога, онъ едва замѣтно закусилъ губу, но продолжалъ:

— Я убѣжденъ, что еслибъ союзники не взяли Севастополя, освобожденіе крестьянъ въ Россіи совершилось бы не такъ и еще не теперь,—а кто знаетъ, какъ и когда? И въ наше время, какъ въ былое, Саулъ идетъ отыскивать ослицу и вмѣсто нея обрѣтаетъ царство,—и это есть царство всемогущей идеи. Крымская война была предпринята съ цѣлью унизить Россію, а вмѣсто того, она побудила ее даровать крестьянамъ свободу и тѣмъ самымъ содѣйствовала ея внутреннему возрожденію. Это великія историческія событія, въ которыхъ мы ни при чемъ...

— Ваша идея для меня совершенно нова, прервалъ князь.

Но Клодвигъ продолжалъ.

— Мнѣ говорилъ русскій посланникъ, что во время крымской войны вдругъ распространился слухъ, будто всѣ сражающіеся подъ Севастополемъ и добровольно ополчающіеся для избавленія Россіи отъ нашествія союзниковъ, по окончаніи войны получатъ земли и будутъ свободными крестьянами. Никто не зналъ, откуда вышелъ этотъ слухъ, но его всѣ съ убѣжденіемъ повторяли. Идея освобожденія крестьянъ, дотолѣ жившая только въ книгахъ, газетахъ и въ высшихъ слояхъ общества, вдругъ перешла въ народную массу и стала быстро слагаться въ событіе, для полнаго осуществленія котораго не доставало только императорской воли.

Клодвигъ остановился. Онъ казался утомленнымъ, но послѣ минутнаго молчанія воскликнулъ:

— Это новое подтвержденіе стараго сказанія: мечъ да обратится въ плугъ.

Всѣ съ удивленіемъ переглянулись, не понимая, какимъ путемъ Клодвигъ пришелъ къ этому заключенію. Одинъ Эрихъ смотрѣлъ вполнѣ осмысленно и лицо его выражало восторгъ. Вдругъ чья-то рука коснулась его плеча. Эрихъ быстро обернулся. Передъ нимъ стоялъ Роландъ.

— Ты мнѣ уже говорилъ нѣчто весьма похожее на это, сказалъ мальчикъ.

— Пойди на мѣсто и сиди смирно, шепнулъ ему Эрихъ.

Роландъ повиновался и все ожидалъ, когда Эрихъ на него взглянетъ. Наконецъ желаніе его исполнилось. Онъ взялъ стаканъ съ виномъ и сдѣлалъ Эриху знакъ, что пьетъ за его здоровье.

Белла на всѣхъ грустно поглядывала, видимо тяготясь разговоромъ, который казался ей въ высшей степени неумѣстнымъ за обѣденнымъ столомъ. Она сдѣлала знакъ Эриху, какъ бы прося его отвести рѣчь отъ столь ненавистнаго для нея предмета.

Въ это самое время слуга началъ разносить въ тонкихъ, изящныхъ рюмкахъ іоганнисбергское вино. Эрихъ, приподнявъ стаканъ, воскликнулъ:

— А какъ вы думаете, графъ, вѣдь древніе никогда не пили такого вина изъ своихъ глиняныхъ кружекъ и кубковъ, которые мы теперь находимъ въ землѣ?

Белла одобрительно кивнула головой. Эрихъ остановился.

— А извѣстно ли намъ, живо подхватила она, что-нибудь положительное о винодѣліи древнихъ?

— Очень мало, отвѣчалъ Эрихъ. По всей вѣроятности, древ-

ніе и понятія не имѣли о крѣпости и возбудительныхъ свойствахъ нашего вина. Они знали только одно прѣсное вино.

— Я не имѣю претензіи на ученость, сказалъ Зонненкампъ, но полагаю, что причину этому легко объяснить. Виноградная лоза, если ее не подстригать, никогда не дастъ такого сочнаго плода, какъ та, которую постоянно подрѣзаютъ. Кромѣ того, вино непремѣнно должно храниться въ бочкахъ, иначе оно не можетъ ни вполнѣ перебродить, ни достигнуть своей настоящей крѣпости.

— Бочки? спросилъ русскій князь: чѣмъ онѣ такъ полезны? Или дерево содѣйствуетъ очищенію вина?

— Я такъ думаю, отвѣчалъ Зонненкампъ. Кромѣ того бочка пропускаетъ въ себя воздухъ и тѣмъ самымъ поддерживаетъ въ винѣ броженіе и даетъ ему возможность достигнуть надлежащей зрѣлости и крѣпости. Въ глиняныхъ же сосудахъ вино или задыхается, или по крайней мѣрѣ остается въ одномъ и томъ же положеніи.

— Какъ пріятно думать, замѣтила Белла, что успѣхи цивилизаціи содѣйствуютъ еще и тому, чтобъ доставлять человѣку болѣе полныя наслажденія.

Зонненкампъ былъ очень доволенъ собой. Ему удалось кстати высказать нѣсколько остроумныхъ замѣчаній и показать себя въ наилучшемъ свѣтѣ. Разговоръ опять пересталъ быть общимъ и раздробился на мелкія бесѣды съ разныхъ концовъ стола.

Вообще всѣ были оживлены: печали и заботы казались вполнѣ забытыми и когда общество наконецъ встало изъ за-стола, на всѣхъ лицахъ игралъ румянецъ, во всѣхъ глазахъ сверкало веселье.

ГЛАВА XIII.

САМЪ СЕБѢ ПОМОГАЙ.

Дамы удалились, а мужчины сидѣли въ саду и пили кофе. Князь, желая оказать любезность Зонненкампу, заговорилъ о своемъ намѣреніи посѣтить Америку. Клодвигъ его одобрилъ и выразилъ сожалѣніе, что самъ въ молодости тамъ не побывалъ.

— Я того мнѣнія, сказалъ онъ, что кто не былъ въ Америкѣ, тотъ не знаетъ вполнѣ людей. Тамошняя жизнь пробуждаетъ въ человѣкѣ новую энергію; онъ крѣпнетъ въ борьбѣ за обладаніе міромъ и, какъ Робинзонъ, долженъ безпрестанно отыскивать въ самомъ себѣ новые источники силъ и знанія. На мои глаза Аме-

рика похожа на Грецію. Греція видѣла физическую наготу людей, Америка видитъ ихъ нравственную наготу. Нельзя сказать, чтобъ зрѣлище это всегда было пріятно, но оно предвѣщаетъ возможность возрожденія человѣчества.

Музыкантъ, тоже собиравшійся въ Америку, съ цѣлью давать тамъ концерты, затѣтилъ:

— Не понимаю, какъ это люди живутъ въ странѣ, почва которой не производитъ винограда, и гдѣ въ воздухѣ не поютъ жаворонки.

— Позвольте мнѣ сдѣлать одно замѣчаніе, графъ, сказалъ Эрихъ: не находите ли вы страннымъ, что въ Америкѣ не изобрѣтено ни одно новое наименованіе? Тамъ рѣки, горы, города, люди, всѣ носятъ только тѣ названія, которыя, или даны имъ первобытными обитателями, или позже вывезены изъ Европы. Мнѣ представляется еще вопросъ: прибавилъ ли Новый Свѣтъ хоть одно нравственное правило къ тѣмъ, которыя у насъ уже и прежде существовали?

— Конечно прибавилъ и самое лучшее изъ всѣхъ, быстро проговорилъ Зонненкампъ.

— Самое лучшее? Какое?

— Оно заключается въ трехъ словахъ: «самъ себѣ помогай.»

Клодвигъ сомнительно покачалъ головой.

— Правило: «самъ себѣ помогай» сказалъ онъ, взятое въ строгомъ смыслѣ, гораздо болѣе относится къ животнымъ, нежели къ людямъ. Каждое животное изъ всѣхъ силъ старается себѣ помогать. Какъ противодѣйствіе общественному злу, изнѣженной морали, которая во всемъ полагалась на государство и искала существовать на его счетъ,—правило это конечно имѣетъ значеніе. Кромѣ того оно весьма пригодно въ путешествіи, для одинокаго странника, но лишь только этотъ странникъ превращается въ осѣдлаго жителя какой-либо страны, на него тотчасъ возлагаются обязанности въ отношеніи къ другимъ. Въ западной Америкѣ знаменитое «самъ себѣ помогай» не имѣетъ никакого значенія: тамъ сосѣди много другъ другу помогаютъ. Въ извѣстныхъ случаяхъ правило это еще можетъ служить отдѣльнымъ личностямъ, но никогда цѣлому обществу, классу или сословію людей. Крѣпостные крестьяне, напримѣръ, невольники не могутъ сами себѣ помогать. Нравственная солидарность предписываетъ другое. Помогай ближнему, говоритъ она, какъ ближній помогаетъ тебѣ, а помогая себѣ, ты въ тоже время помогаешь и другимъ.

Такимъ образомъ разговоръ, показавшійся неумѣстнымъ за столомъ, былъ снова возобновленъ, и на этотъ разъ никто и не думалъ его прерывать.

— Всякій народъ, продолжалъ Клодвигъ, чтобъ занять мѣсто въ исторіи, долженъ внести въ нее какую-нибудь идею, надъ осуществленіемъ которой ему предстоитъ трудиться. Америка, мнѣ кажется, призвана совершить великое дѣло, а именно уничтожить въ мірѣ рабство. Но это, какъ я уже и говорилъ, все-таки будетъ только осуществленіе идеи, которая въ теченіи долгаго времени совершала и наконецъ окончила свое дѣло подготовки. А мы добиваемся того, создала-ли Америка какое-либо новое нравственное начало?

— Такое начало, шутливо замѣтилъ Пранкенъ, заключается можетъ быть въ швейной машинѣ.

Всѣ засмѣялись

— Мнѣ кажется, сказалъ Эрихъ, что изреченіе «самъ себѣ помогай», есть не что иное, какъ выраженіе нравственнаго принципа. У насъ, въ Европѣ, люди пріобрѣтаютъ себѣ положеніе и богатства или чрезъ наслѣдство, или посредствомъ милостей, разсыпаемыхъ на нихъ герцогами и государями. Въ Америкѣ человѣкъ ничѣмъ не хочетъ быть обязанъ другому и желаетъ для себя только того, что̀ самъ себѣ можетъ дать безъ всякой посторонней помощи. Изреченіе «help yourself» между прочимъ далеко не лишено смысла, если его противопоставить вѣрованію, дѣлающему изъ человѣка нѣчто въ родѣ товарнаго тюка, который черезъ посредника препровождается къ мѣсту своего небеснаго знаначенія. Ты—человѣкъ, не чемоданъ, набитый правилами и законами, крѣпко стянутый ремнями и отмѣченный клеймомъ духовной таможни,—ты живой, свободный пассажиръ и долженъ самъ о себѣ заботиться. Мы, нѣмцы, имѣемъ пословицу, весьма близко подходящую къ изреченію: «самъ себѣ помогай». Пусть, говоримъ мы, всякій самъ несетъ свою шкуру на рынокъ.

— Могу я тоже сдѣлать вопросъ? неожиданно для всѣхъ произнесъ Роландъ.

Всѣ были поражены, а Зонненкампъ и Эрихъ въ особенности.

— Говори, что̀ ты думаешь? сказалъ Эрихъ.

— Когда графъ упомянулъ о наслѣдникахъ образованія, мнѣ очень хотѣлось спросить, почему можемъ мы знать, что̀ образованіе наше истинное?

Мальчикъ говорилъ робко и нерѣшительно. Эрихъ старался его ободрить.

— Ну, продолжай, сказалъ онъ: вырази свою мысль полнѣе.

— Китайцы и турки можетъ быть считаютъ насъ варварами.

— Ты хочешь знать, помогъ ему Эрихъ, гдѣ тѣ несомнѣнные признаки, по которымъ можно безошибочно сказать, что тотъ или другой народъ, то или другое время, религія, или человѣкъ

попали въ струю историческаго всемірнаго образованія?—и между ними завязался діалогъ.

— Да, именно это,—отвѣчалъ мальчикъ.

— Хорошо. Подумай, чѣмъ отличается образованный человѣкъ отъ необразованнаго?

— Тѣмъ, что онъ здраво мыслитъ и ясно понимаетъ вещи.

— Такъ, но откуда это у него берется?

— Онъ это почерпаетъ изъ самого себя.

— А посредствомъ чего онъ изощряетъ и пополняетъ свои взгляды и понятія?

— Посредствомъ сравненія.

— Съ чѣмъ?

— Съ мыслями великихъ людей.

— А въ чемъ онъ познаетъ истину: въ согласіи, или противорѣчіи своихъ взглядовъ съ понятіями другихъ?

— Въ согласіи.

— А гдѣ находятся эти другіе?

— Всюду вокругъ него.

— А до него жили люди, или нѣтъ?

— Конечно, жили.

— А можемъ мы сравнивать наши мысли и взгляды съ мыслями и взглядами нашихъ предшественниковъ? Можемъ мы у нихъ учиться?

— Да, на то у насъ есть письменность.

— Хорошо. Когда человѣкъ или народъ, обладая извѣстной степенью развитія или образованія, однако не находится въ связи ни съ однимъ изъ предшествовавшихъ ему народовъ,—что̀ тогда можно сказать про такого человѣка, или про такой народъ?

— Что у нихъ нѣтъ наслѣдства.

— Я не ожидалъ этого отвѣта, но принимаю его. Хорошо. Теперь скажи же: человѣкъ или народъ, не наслѣдовавшій отъ своихъ предшественниковъ ихъ образованія, что̀ онъ—стоитъ въ связи съ человѣчествомъ, или особнякомъ отъ него?

— Особнякомъ.

— Вотъ мы и добрались, узнали, что стоимъ въ центрѣ истиннаго образованія, и занимаемся его продолженіемъ, — и это потому что мы наслѣдники прошлаго. Мы приняли образованіе отъ персовъ, іудеевъ, египтянъ, грековъ и римлянъ и ведемъ его далѣе. Ни турки, ни китайцы этого не дѣлаютъ и не могутъ дѣлать: они въ исключительномъ положеніи и замкнуты въ самихъ себѣ. Мы, нѣмцы, можемъ безъ хвастовства сказать, что стоимъ во главѣ образованія. Ни одинъ другой народъ не содѣйствовалъ столько его успѣхамъ, сколько нѣмцы, или лучше ска-

зать все германское племя, къ которому принадлежатъ также и твои соотечественники.

— Браво, браво! воскликнулъ Клодвигъ. Всѣ поднялись съ мѣстъ. Клодвигъ подошелъ къ Зонненкампу.

— Никогда рекомендація не была справедливѣе, сказалъ онъ, какъ въ тотъ день, когда я вамъ рекомендовалъ капитана. Вы правы, господинъ Зонненкампъ: изреченіе «самъ себѣ помогай» заключаетъ въ себѣ великое новое—если не нравственное, то во всякомъ случаѣ педагогическое начало. Нашъ другъ учитъ вашего сына самому себѣ помогать въ томъ, что составляетъ высшую задачу жизни: это новая сокровенная метода.

Эрихъ и Роландъ сдѣлались предметомъ всеобщаго вниманія. Князь подошелъ къ Эриху и пожимая ему руку, сказалъ:

— Вы настоящій учитель!

Между тѣмъ явился посланный отъ дамъ и пригласилъ мужчинъ пожаловать къ нимъ въ залу. Съ ихъ появленіемъ, не замедлило водвориться веселье. Одинъ австрійскій офицеръ, женатый на дочери негоціанта, которую такимъ образомъ вывелъ въ знать, презабавно пѣлъ комическія пѣсни. Пранкенъ показалъ нѣсколько фокусовъ, которымъ нарочно учился у фокусника, а въ заключеніе музыкантъ игралъ на старой скрипкѣ Клодвига.

Зонненкампъ, сидя вмѣстѣ съ Клодвигомъ въ уголкѣ залы, защищенномъ отъ сквознаго вѣтра, подумалъ, что настала удобная минута коснуться предмета, который теперь его больше всего занималъ. Онъ съ благодарностью упомянулъ объ участіи, какое Клодвигъ всегда выказывалъ къ Роланду, а потомъ съ отеческой заботливостью продолжалъ, говоря, что ему самому ужъ болѣе ничего не нужно въ жизни и что всѣ его желанія теперь клонятся единственно къ тому, чтобъ навсегда упрочить за Роландомъ почетное мѣсто въ обществѣ. Клодвигъ выразилъ увѣренность, что примѣръ и уроки Эриха со временемъ разовьютъ въ мальчикѣ самостоятельность, строгое пониманіе жизни и вообще такія качества, которыя непремѣнно откроютъ ему доступъ въ общество людей высшаго круга.

Слова: «общество людей высшаго круга» возбудили всю энергію Зонненкампа. Но Клодвигъ дѣлалъ видъ, будто не понимаетъ куда Зонненкампъ мѣтитъ, и тотъ былъ такъ этимъ озадаченъ и смущенъ, что вмѣсто того, чтобъ прямо обратиться къ Клодвигу за содѣйствіемъ, сталъ просить у него совѣта. Клодвигъ самымъ рѣшительнымъ тономъ и даже въ рѣзкихъ выраженіяхъ посовѣтовалъ лучше и не начинать этого дѣла. Неблаговидно, говорилъ онъ, стараться проникнуть въ отживающее учрежденіе, гдѣ, къ тому же, никогда не будешь себя чувствовать вполнѣ

дома. Зонненкампу ничего болѣе не оставалось, какъ поблагодарить. А Клодвигъ воспользовался первой удобной минутой, чтобъ присоединиться къ другимъ гостямъ.

Всѣ начали еще за-свѣтло разъѣзжаться. Зонненкампъ посадилъ Роланда въ экипажъ къ матери, не желая вторично испытать на себѣ ея дурное расположеніе духа. Онъ видѣлъ, какъ взоры ея безпрестанно съ неудовольствіемъ обращались на богатое жемчужное ожерелье Беллы, и предпочелъ совершить обратный путь вмѣстѣ съ Эрихомъ и маіоромъ.

— Вотъ оно, нѣмецкое общество! сказалъ Зонненкампъ дорогой. Нашъ почтенный хозяинъ сильно смахиваетъ на стараго профессора.

Никто ему не отвѣчалъ.

Затѣмъ Зонненкампъ по-англійски похвалилъ Эриха за тактъ, съ какимъ онъ въ присутствіи такого молодого мальчика, какъ Роландъ, остерегался высказывать свою короткость съ графомъ и съ его красавицей женой. Положивъ руку Эриху на плечо, онъ прибавилъ:

— Молодой человѣкъ, я могъ бы вамъ позавидовать. Я знаю, вы станете отпираться, но тѣмъ не менѣе приношу вамъ свое поздравленіе. Старый графъ правду говоритъ: изрѣченіе «самъ себѣ помогай» — не есть выраженіе какого-нибудь нравственнаго принципа.

Эрихъ могъ только учтиво отклонить отъ себя поздравленіе. Онъ чувствовалъ себя жестоко наказаннымъ за мысленно совершенный проступокъ и находилъ большое утѣшеніе въ томъ, что могъ себѣ сказать: «Да, я на дѣлѣ выполнилъ поговорку: самъ себѣ помогай».

Зонненкампъ тоже думалъ объ этихъ словахъ, и ему становилось досадно. Теперь у него было на рукахъ дѣло, съ которымъ онъ одинъ рѣшительно ничего не могъ сдѣлать; ему была нужна посторонняя помощь. Онъ искалъ почетнаго положенія въ свѣтѣ, котораго нельзя пріобрѣсти, такъ какъ пріобрѣтаются богатства. Тутъ необходима чужая помощь, но вотъ на первомъ же шагу встрѣчается затрудненіе: человѣкъ самый сильный, тотъ, который всѣхъ болѣе могъ бы быть ему полезенъ, отказываетъ ему въ своемъ содѣйствіи. Клодвига, какъ оказывалось, ничѣмъ нельзя было привлечь на свою сторону.

Б. Ауэрбахъ.

СОВРЕМЕННЫЙ ВОПРОСЪ

о

ПРАВАХЪ ЖЕНЩИНЫ.

I *).

Недалеко еще то время, когда народился вопросъ о правахъ женщины; при первомъ своемъ появленіи онъ былъ не понятъ и откинутъ, какъ химера, потомъ преданъ на посмѣяніе; а между тѣмъ, въ наши дни, не взирая на брошенную въ него массу предразсудковъ и сарказмовъ, онъ поднимается и въ Старомъ и въ Новомъ свѣтѣ, и съ каждымъ днемъ растетъ.

Родился этотъ вопросъ въ ту же эпоху, когда, въ концѣ прошлаго столѣтія, была вообще обновлена жизнь старой Европы. Но человѣчество рѣдко обнимаетъ вдругъ весь смыслъ своихъ открытій. Среди того страстнаго порыва, который сбилъ столько оковъ, который въ рабѣ призналъ человѣка и въ закрѣпощенномъ крестьянинѣ — гражданина, женщина осталась забытою, о

*) Пріобрѣтя въ рукописи у извѣстной французской писательницы, Андрѐ Лео, новую ея повѣсть, которая будетъ напечатана въ одной изъ слѣдующихъ книгъ, мы получили отъ автора вмѣстѣ предложеніе доставить въ редакцію особую статью по вопросу, который въ послѣднее время такъ сильно занимаетъ общественное мнѣніе у насъ, а заграницею давно уже обратилъ вниманіе на себя и въ литературѣ, и въ разныхъ сферахъ общественной и оффиціальной жизни. Въ русскомъ переводѣ мы позволили себѣ опустить только то мѣсто, гдѣ авторъ оспариваетъ несправедливое положеніе женщинъ по французскому законодательству, которое въ этомъ отношеніи стоитъ ниже нашего.

Ред.

ней и не подумали. Нашелся, впрочемъ, свѣтлый и возвышенный умъ, который прозрѣвалъ дальше своего времени, но и до сихъ поръ не оцѣненъ по достоинству, умъ, вникшій въ то, о чемъ не догадывались другіе. Это былъ—Кондорсѐ, и вотъ что онъ писалъ:

«Люди — говоритъ онъ — могутъ свыкнуться до такой степени съ нарушеніемъ своихъ естественныхъ правъ, что въ самой средѣ тѣхъ, чьи права нарушены, никто и не думаетъ потребовать возстановленія ихъ, даже не сознаетъ совершенной надъ нимъ несправедливости. Есть такія правонарушенія, которыя ускользнули отъ вниманія даже философовъ и законодателей, въ то самое время, когда они съ наибольшимъ рвеніемъ старались опредѣлить общія права личности и человѣчества и обратить ихъ въ единственную основу политическихъ учрежденій. Напримѣръ, не нарушенъ ли всѣми нами принципъ равноправности, когда мы преспокойно лишили цѣлую половину человѣчества права участвовать въ учрежденіи законовъ, отстранивъ женщинъ отъ пользованія правомъ гражданства?..... Чтобы такое отстраненіе не было актомъ насилія, предстояло бы доказать одно изъ двухъ: не тождественность естественныхъ правъ женщинъ съ правами мужчинъ или неспособность женщинъ къ пользованію этими правами.

«Но права человѣческой личности истекаютъ единственно изъ ея разумности, изъ того факта, что человѣкъ способенъ усвоивать нравственныя идеи и вырабатывать ихъ своимъ сужденіемъ. А такъ какъ женщинамъ присущи эти свойства, то по природѣ онѣ должны быть равноправны. Или ни одна человѣческая личность не имѣетъ дѣйствительныхъ правъ, или всѣ должны быть равноправны; при послѣднемъ положеніи, всѣ, кто подаетъ голосъ противъ чужой равноправности — каковы бы ни были его вѣра, цвѣтъ кожи и полъ—тѣмъ самымъ опровергаютъ разумность собственныхъ своихъ правъ....»

Это сужденіе Кондорсѐ не нашло ни приверженцевъ, ни противниковъ. Оно было отнесено къ области чистой философіи, а тогдашніе революціонеры, хотя и происходили отъ философовъ, но сами философствовали весьма мало. Принявъ дѣятельное участіе въ большой французской революціи, но не бывъ признаны ею, женщины сами утратили ея смыслъ, который, впрочемъ, и самъ по себѣ исказился, а скоро онѣ же и задушили ее. Бросившись въ революцію изъ ненависти къ насилію, женщины затормозили ее, какъ потому, что революція привела къ насилію, такъ и изъ жалости къ жертвамъ, изъ усталости отъ декретовъ и проскрипціонныхъ мѣръ. Во имя человѣчества, революція

такъ ужасно попрала человѣчность, а во имя свободы довела тираннію до того, что утратился исходный ея порывъ, потерялось сознаніе цѣли, а оріентироваться было негдѣ. Женщины обернулись къ старинѣ, разочаровавшись въ новомъ положеніи дѣлъ. Тогда католицизмъ, который одинъ знаетъ хорошо могущество женщинъ, пустилъ въ ходъ всѣ средства, чтобы завлечь ихъ на свою сторону: онъ обновилъ для женщинъ свой духъ, сталъ романтичнымъ, окружилъ себя поэзіею и благоуханіемъ.

Однакожъ разумъ опять-таки нашелъ свой путь. Вопреки католической церкви и предразсудкамъ, женщины снова обратились къ литературѣ и къ философіи. Въ каждомъ движеніи есть роздыхи; но отъ одного этапа къ другому путь ведетъ все-таки впередъ. Женщины воспользовались словомъ освобожденія ихъ, которое было произнесено Сен-Симономъ, и изъ ряда наиболѣе умныхъ и прямодушныхъ, вышли защитницы правъ женщины.

Дѣло въ томъ, что не смотря на всѣ ходячія оговорки, исторія женщинъ есть исторія всего человѣчества. На площади голосъ ихъ раздается только въ исключительные моменты громаднаго раздраженія, въ обыкновенное же время трудно опредѣлить ихъ вліяніе. Но важнѣе всего вопросъ: какого рода вліяніе ихъ предпочтительно: инстинктивное ли, или направленное разумно? Лучше ли, чтобы оно дѣйствовало прямыми или извилистыми путями, при свѣтѣ солнца, или въ тѣни?

II.

1830-ый годъ у насъ, во Франціи, былъ пробужденіемъ. Тогда женщина проникла всюду, и въ литературу, и въ соціализмъ, и даже въ возстанія. Противъ ея порыва пущена была въ ходъ насмѣшка. Въ писательницъ бросили кличку bas-bleus, кличку, на первый взглядъ только странную, но заключающую въ себѣ смыслъ вѣрный: женщина, дѣйствительно, тѣмъ болѣе отдаляется отъ кокетства, чѣмъ болѣе вырабатываетъ въ себѣ умъ. Такъ-то тогдашнее общество, пробавлявшееся компромиссами, поверхностное и мѣщански-аристократичное, жившее со дня на день, безъ связи съ прошлымъ, безъ заботы о будущемъ, блестящее, но нерасположенное къ глубокому мышленію,—клеймило въ женщинѣ стремленія дѣльныя, а пустоту считало добродѣтелью. Эти насмѣшки оказали не малое вліяніе въ томъ смыслѣ, что образованіе дѣвушекъ не подвинулось впередъ; государство оставило его въ полномъ пренебреженіи; насмѣшки эти изъ многихъ мужчинъ

подѣлали Кризалей [1]), женщинамъ крѣпче надвинули на глаза повязку католицизма и предразсудка, и заставили ихъ же произвесть два послѣдствія, которыя продолжаются и теперь и будутъ продолжаться еще нѣкоторое время: женщины честныя, преданныя домашней жизни по убѣжденію, затормозили прогрессъ въ обществѣ и стали душить всякій порывъ впередъ, какъ бы чистъ и благороденъ онъ ни былъ, а женщины, преданныя роскоши или торгующія собою, подорвали, съ успѣхомъ, даже нравственность частной жизни. Но не слѣдуетъ забывать, что во всемъ этомъ безнравственный элементъ представляется не однѣми женщинами, и не преимущественно женщинами. Женщина идетъ за волею мужчины, а поступаетъ она такъ потому, что находится въ положеніи зависимомъ. Вина въ распущенности общества, въ пошлости — обоюдная.

Къ счастью, въ человѣческой проницательности есть нѣчто фаталистическое; она можетъ заблуждаться, но въ концѣ концовъ возвращается на путь прямой. Въ настоящемъ случаѣ задачу разъясненія взялъ на себя романъ. Романисты раскрыли язвы современнаго общества, и оно поняло ихъ лучше, чѣмъ философовъ, потому что они, вмѣсто умозрѣній, изъяснялись фактами. Они показали, какъ женщина дѣлается жертвою обмана, какъ приносится въ жертву ребенокъ, какъ, въ низшихъ слояхъ общества, нищета ведетъ къ воровству, убійству и разврату, а въ высшихъ слояхъ ведетъ къ тому же жадность къ наживѣ. Ж. Сандъ, Бальзакъ, Э. Сю, исполнили свое призваніе рядомъ съ Сен-Симономъ, Кабѐ и Фуррьѐ. Вездѣ выставлялись наружу недостатки брака на ряду съ бѣдствіями пролетаріата. Но—что̀ бы ни говорили консерваторы, которымъ дороже всего одна форма — на семейство нападали не для того, чтобы разрушить, а чтобы преобразовать его, точно такъ, какъ съ тою же цѣлью прежде нападали на государство. Такимъ-то образомъ, дѣло революціи повели дальше того пункта, на которомъ она остановилась, и на которомъ она не могла не остановиться, такъ какъ собственно политическій переворотъ не могъ пойти далѣе, чѣмъ зашла она.

Этотъ вопросъ о положеніи женщины, объ устройствѣ семейныхъ отношеній является на сцену позже другихъ по самой глубинѣ своей и трудности рѣшенія. Сами республиканцы передъ нимъ остановились и, надо замѣтить, что въ ихъ-то рядахъ вопросъ этотъ встрѣтилъ наиболѣе ярыхъ противниковъ; республи-

[1]) Chrysale, въ «Femmes Savantes» Мольера, декламируетъ противъ научнаго образованія женщинъ (собственно говоря, противъ каррикатуры его въ современномъ кружкѣ отеля Рамбульѐ). *Пр. пер.*

канцы по этому вопросу превращались въ строгихъ консерваторовъ. Впрочемъ, иначе и быть не могло, потому что республиканцамъ, какъ всякой политической партіи, всего дороже была форма, и для осуществленія этой формы они стремились захватить власть, силу. Настоящій республиканецъ еще не народился. Тѣ, которыхъ мы видѣли, дѣйствовали скорѣе какъ инсургенты, чѣмъ какъ преобразователи. Они вѣрили въ силу, въ диктатуру; они стыдились только повиноваться, но не стыдились повелѣвать; своей гордости они не распространяли на всѣхъ; имъ недоставало и любви, и справедливости.

Вотъ почему притязанія женщинъ казались и неприличными, и смѣшными. Каждому изъ республиканцевъ хотѣлось имѣть-таки свое маленькое королевство; они не желаютъ быть подданными, но вѣдь это только потому, что чувствуютъ себя достойными быть властелинами. Логика, до сихъ поръ, — вещь еще далеко не вульгарная, общепринятая: въ душѣ человѣка, изъ ненависти къ деспотизму еще не истекаетъ непремѣнно логическое послѣдствіе — любовь къ свободѣ.

III.

До 1848 года, одни соціалисты провозглашали *право* женщины. Между женщинами въ тотъ годъ была агитація, но слабая; устроился женскій клубъ, на который, конечно, обратились насмѣшки, хотя онъ не былъ смѣшнѣе иныхъ клубовъ. Сами соціалисты были такъ мало приготовлены ко вступленію женщины въ политическую дѣятельность, что кандидатура Жанны Дервенъ (Dervin) нашла только очень немногихъ приверженцевъ въ самой ея партіи, а самъ Пьеръ Леру, бывшій тогда мэромъ въ Буссакѣ, принялъ требованіе Полины Роланъ, о внесеніи ея имени въ избирательный списокъ, почти столь же немилостиво, какъ сдѣлалъ бы въ подобномъ случаѣ всякій иной мэръ. Книга Легувé о женщинѣ произвела нѣкоторое впечатлѣніе, быть можетъ, потому именно, что представляла скорѣе крикъ великодушнаго протеста противъ крайностей злоупотребленія силою, и обращеніе къ жалости, — чѣмъ заявленіе правъ.

Декабрьскій переворотъ наложилъ молчаніе на этотъ вопросъ, какъ и на всѣ другіе. Пренія снова открылись не ранѣе 1857 г., и именно двумя книгами: *La Justice dans la Révolution*, Прудона, въ которой онъ осыпалъ женщину грубыми оскорбленіями, и *L'Amour et la Femme*, въ которой Мишлé, въ иной, льстивой формѣ, оскорблялъ женщину не менѣе. Имъ энергически воз-

ражали: *Les Idées anti-proudhoniennes*, подписанное Жюльеттою Ламбѣръ, и *La Femme affranchie* г-жи д'Эрикуръ. Это были полныя здраваго смысла и сильныя логикою и ироніею возраженія Прудону, Мишлѣ, Огюсту Конту и всѣмъ отрицателямъ женской полноправности. Но книги эти были слишкомъ серьёзны, чтобы сдѣлаться популярными и противостать съ успѣхомъ ученіямъ писателей съ такими именами. Нѣкоторые приписываютъ книгѣ Мишлѣ вліяніе въ смыслѣ смягченія отношеній супружеской жизни. Это сомнительно; во всякомъ случаѣ прочную гарантію противъ эгоизма власти можетъ представлять только пріобрѣтенное положительное право, а не милостивое расположеніе ея самой.

Однимъ словомъ, до сихъ поръ женщина изъ всѣхъ плодовъ революціи воспользовалась только однимъ: измѣненіемъ закона о правахъ наслѣдства, да еще пріобрѣла недостаточное покровительство закона противъ публичныхъ обидъ. Быть можетъ, теперь ее даже менѣе уважаютъ; во всякомъ случаѣ, на ея права теперь болѣе нападаютъ, потому именно, что они невольно прокрадываются въ сознаніе; въ ней не хотятъ признать равную, но смотрятъ на нее какъ на противницу.

Въ 1858 году, по иниціативѣ г. Арлесъ-Дюфура, ліонская академія объявила конкурсъ на вопросъ: «о средствахъ къ уравненію заработной платы женщинъ съ заработною платою мущинъ, при равной работѣ, а также къ расширенію круга дѣятельности женщинъ». Этотъ конкурсъ вызвалъ дѣльную и правдивую записку, которая появилась потомъ въ печати съ заглавіемъ: *La femme pauvre au XIX-me siècle.* Авторомъ ея была молодая, начитанная и бѣдная дѣвушка M-lle Daubie; она, въ дополненіе къ мнѣнію, подала и примѣръ: два года спустя, она выдержала въ ліонскомъ филологическомъ факультетѣ экзаменъ и получила дипломъ на степень баккалавра словесности. Ея примѣру послѣдовали другія: г-жа Шеніо получила степень баккалавра (магистра) словесности и лиценціата (кандидата) математическихъ наукъ; такіе примѣры не рѣдки. Въ настоящее время слушаютъ курсъ медицинскаго училища въ Парижѣ двѣ француженки, одна русская и одна американка; чтобы достигнуть этого, онѣ должны были преодолѣть не мало затрудненій и разочарованій.

Книга Жюля Симона: *L'Ouvrière*, также какъ и книга г-жи Daubie, излагаетъ нищету матеріальную и умственное убожество, на которое осуждаютъ женщину. Въ этой книгѣ есть факты, которыя должны бы, кажется, поразить ужасомъ общество, еслибы оно было серьёзно и нравственно, или, если бы оно думало хотя о самосохраненіи.

Факты эти можно резюмировать въ цифрахъ. Средній заработокъ женщины въ Парижѣ составляетъ *1 франкъ 10 сантимовъ* въ день; многія получаютъ не болѣе *60 сант.* Въ Парижѣ находится *отъ семи до восьми* тысячъ женщинъ промышляющихъ развратомъ открыто; тайная проституція не входитъ сюда въ разсчетъ. Во Франціи считается 1 м. 500,000 незаконнорожденныхъ; дѣтоубійства составили тоже изрядную цифру.

Эти ужасныя цифры много разъ были обнародываемы и не одними соціалистами, но и оффиціальными писателями, а между тѣмъ, въ виду этой ужасной погибели въ людяхъ начала чести и справедливости—у насъ все еще есть консерваторы!

Но вопросъ о правѣ женщинъ недаромъ распространяется въ воздухѣ; въ настоящее время онъ поставленъ вездѣ. Извѣстно, что въ англійской палатѣ общинъ 73 члена подали голосъ въ пользу предложенія Стюарта Милля, клонившагося къ признанію за женщинами избирательнаго права; что 5,000 женщинъ заявили требованія о внесеніи ихъ именъ въ избирательные списки; что въ числѣ краснорѣчивыхъ подвижниковъ этого дѣла находится миссъ Лидія Бичеръ, и что для защиты этой мысли создались и общества, и журналы.

Въ Германіи идутъ инымъ путемъ, но къ той же цѣли: нравственное, интеллектуальное и ремесленное образованіе женщинъ обращаетъ на себя общее вниманіе, о чемъ свидѣтельствуютъ многочисленныя учрежденія, двѣ спеціальныя газеты и конгрессы, на которые собираются просвѣщеннѣйшіе мужчины и женщины Германіи.

Въ Италіи, вопросъ о непризнанныхъ правахъ цѣлой половины народа былъ также представленъ парламенту. Въ Италіи тоже основана съ этой цѣлью спеціальная газета: *La Donna*, редижируемая г-жами Беккари, Модзони и др. Въ Португаліи выходитъ *a Voz feminina*.

Въ Швейцаріи, на конгрессѣ друзей мира и свободы, происходившемъ въ Бернѣ, въ прошломъ году, вопросъ о равноправности женщины былъ рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ лучшими представителями европейской демократіи единогласно, хотя по инымъ вопросамъ далеко не оказалось подобнаго единодушія. Вслѣдствіе такого рѣшенія центральный комитетъ принялъ въ число своихъ членовъ г-жу Марію Гёггъ (Goegg), которая недавно основала въ Женевѣ *Le Journal des femmes*.

Въ Соединенныхъ Штатахъ движеніе началось съ 1848 года. Оно вышло изъ кружка тѣхъ самыхъ аболиціонистовъ, которые поставили себѣ задачею освобожденіе невольниковъ. Изъ числа представительницъ мысли о равноправности женщинъ назовемъ

Лукрецію Моттъ, Уильяма Гаррисона, Люри Стонъ, Уэнделля Филипса, Елисавету Стантонъ. Началась дѣятельная пропаганда въ видѣ митинговъ, чтеній, брошюръ. Въ ней отличались: Каролина Долль, Анна Диккинсонъ, Генри Уордъ Бичеръ и др. Во время опасности, угрожавшей націи, женщины явились ревностными патріотками, не дожидаясь титула гражданокъ. Въ тоже время, по недостатку чиновниковъ въ гражданскихъ управленіяхъ, туда получили доступъ женщины, и вопросъ, на практикѣ, сдѣлалъ такимъ образомъ немаловажный шагъ впередъ. Между тѣмъ, Елисавета Блэкуэллъ первая завоевала для женщинъ право доступа въ медицинскую профессію. Будучи единодушно признаваемы въ качествѣ наставницъ, допущенныя въ нѣкоторой степени къ занятію административныхъ должностей, женщины въ Соединенныхъ Штатахъ почти болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, сдѣлали для приближенія равноправности своего пола.

Здѣсь, во Франціи, вопросъ не заглохъ, не смотря на встрѣченныя противодѣйствія. Замѣчательно, что даже насмѣшка, это столь страшное у насъ оружіе, притупляется передъ этимъ вопросомъ, касающимся слишкомъ глубокихъ интересовъ. При существованіи поголовной подачи голосовъ, стали, наконецъ, находить нелогичнымъ лишеніе правъ цѣлой половины народа. Демократіи не все равно, будетъ ли эта половина народа за или противъ нея, будетъ ли воспитываться на лонѣ церкви или въ средѣ современныхъ идей? Республиканцы—и тѣ убѣдились, наконецъ, въ серьезной хотя бы только необходимости преобразовать воспитаніе женщинъ, не для нихъ самихъ конечно, а съ тѣмъ, чтобы онѣ могли воспитывать изъ своихъ дѣтей себѣ преемниковъ.

Вопросъ о правѣ женщинъ такъ сильно занимаетъ у насъ умы, такъ современенъ, что онъ именно былъ предметомъ первыхъ преній, которыми открылось здѣсь право общественныхъ сходокъ. Эти сходки въ самомъ дѣлѣ народны. Классъ буржуазіи имѣетъ на нихъ мало представителей, буржуа являются туда рѣдко и только изъ любопытства: сюда относятся журналисты, экономисты и т. д. Но масса участвующихъ принадлежитъ къ категоріи мелкихъ торговцевъ и той избранной части рабочихъ, которые послѣ дневного труда съ истинно-геройскимъ усиліемъ берутся за ученіе. Въ этой средѣ новыя идеи, стремленіе къ справедливости въ государствѣ, къ дѣйствительной равноправности всѣхъ его членовъ, находятъ живое вниманіе и откликъ.

Въ этихъ-то собраніяхъ обсуждался, впродолженіе около трехъ мѣсяцевъ общій вопросъ о правѣ женщинъ подъ названіемъ: «о женскомъ трудѣ». Здѣсь прудонисты предъявили всѣ свои аргу-

менты противъ равноправности женщинъ: слабость ея, физіологическія особенности, дѣлающія ее неспособною къ усиліямъ, вредное вліяніе мастерской на ея характеръ, выводъ отсюда извѣстенъ: заключить женщину въ обязанности исключительно-домашнія, предоставивъ мужу кормить это существо, «созданное не для труда, а для любви, и повелѣвать имъ». Напрасно имъ возражали, что свобода необходима для самой нравственности, что безъ свободы нѣтъ истиннаго сознанія достоинства личности. Они отвѣчали избитыми антитезами; «мужчинѣ — сила и разсудокъ, женщинѣ — грація и чувствительность; мужчинѣ — возвышенныя мысли, великіе планы, тяжкіе труды, творческая способность, женщинѣ — внушенія сердца, тонкости ума, кротость, фантазія, попеченіе, самопожертвованіе» и т. д. Но женщина сама отреклась отъ того портрета, который такъ услужливо рисовали будто бы съ нея, и громко объявила себя оскорбленною тѣмъ, что осмѣливаются предлагать для нея мужчину въ видѣ особаго бога, поклоненіе которому, быть можетъ, было бы не совсѣмъ сообразно съ разумомъ, а во всякомъ случаѣ слишкомъ лишено обаянія.

Впрочемъ, нашлись защитники и изъ мужчинъ. Женщины въ большомъ числѣ посѣщали эти собранія. При закрытіи преній были постановлены рѣшенія въ болѣе умѣренномъ тонѣ, которыми высказывалось право женщины на самостоятельный трудъ, на образованіе и на свободное развитіе своихъ способностей. Что касается политическаго права женщинъ, то оно было оговорено въ видѣ нерѣшеннаго вопроса. Эти рѣшенія даютъ мѣрку наиболѣе либеральнаго взгляда на право женщинъ, существующаго въ массѣ рабочихъ. Далѣе, до полной равноправности человѣческихъ существъ идутъ только очень немногіе.

Около того же времени кружокъ приверженцовъ ученія о равноправности женщинъ издалъ манифестъ, въ которомъ эта равноправность требовалась на основаніи коренныхъ демократическихъ началъ; манифестъ этотъ былъ напечатанъ въ «Opinion Nationale». Таже лига въ защиту права женщины издала недавно, въ той же газетѣ, новый манифестъ, въ которомъ несправедливость нынѣшняго положенія женщинъ объяснена съ подробными ссылками на статьи гражданскаго кодекса [1]).

Лига имѣетъ въ виду прежде всего основать образцовую школу первоначальнаго образованія для женщинъ, образованія, въ которомъ не преобладали бы суевѣріе и предразсудки. Спра-

---

[1]) Такъ какъ эти манифесты составлены въ виду преимущественно мѣстныхъ условій, то мы позволили себѣ выпустить ихъ. *Ред.*

шивается, откликнутся ли женщины на эти призывы? Нетрудно догадаться, что многія и многія будутъ убѣждены, но не выскажутъ своего убѣжденія гласно. Другія, поставленныя въ болѣе счастливыя условія, будутъ разсуждвать: «одною больше, одною меньше — не все ли равно». И такъ будутъ думать сотни тысячъ женщинъ и болѣе, забывая, что убѣжденіе негласное, внѣ осязательной формы, для успѣха дѣла все равно какъ бы не существуетъ.

IV.

Обратимся къ теоріи вопроса о правѣ женщинъ, и прежде всего къ возраженіямъ противниковъ этого права. Они берутъ за исходную точку положеніе, что женщина по природѣ слабѣе, ниже мужчины, и затѣмъ, разумѣется, доказываютъ, что то, что установлено самою природою — законно и не подлежитъ измѣненію, и напротивъ служитъ необходимымъ основаніемъ всему строю общества и семейства.

Они говорятъ, что женщина стоитъ ниже мужчины въ отношеніяхъ физическомъ и умственномъ... А въ нравственномъ? Здѣсь мнѣнія самихъ этихъ теоретиковъ расходятся. Одни, наиболѣе логичные, признаютъ, что и въ нравственномъ отношеніи женщина ниже мужчины, что она по природѣ существо пустое, руководимое только инстинктомъ, капризное и развращенное. Другіе, наоборотъ, дѣлаютъ изъ нее — «божество чувства».

Но возможно ли допустить, чтобы изъ физической и умственной слабости исходила нравственная сила? Развѣ человѣческая душа составлена изъ антитезъ, какъ проза гг. теоретиковъ? Развѣ сердцемъ можно думать, отличать добро отъ зла? Что за странность! Вѣдь сердце въ сущности не болѣе, какъ только мускулъ — опредѣленіе не совсѣмъ пріятное, но что дѣлать, наука не церемонится ни съ чѣмъ. Гдѣ же сосредоточивается чувство, если мускулъ, называемый сердцемъ, средоточіемъ его служить не можетъ, несмотря на приписываемую ему способность вмѣщать въ себѣ столько фугъ и столько элегій? Очевидно — въ мозгу. А вы утверждаете, что мозгъ женщины имѣетъ меньшій объемъ, чѣмъ мозгъ мужчины. Отчего же зависитъ то нравственное совершенство, которое вы такъ обязательно признаете за женщинами?

Недавно намъ случилось посѣтить катакомбы. Два господина, съ весьма важнымъ видомъ, указывали другъ другу тросточкой на различные черепа; какъ только они замѣчали черепъ сдав-

ленный и малый — «вотъ это черепъ женщины» провозглашали они. «Въ самомъ дѣлѣ»? было наше любопытство. «Нѣтъ никакого сомнѣнія», важно успокоили они насъ.

Ясно, что изъ умственнаго убожества женщины, если допустить его какъ фактъ, должно слѣдовать и нравственное ея убожество. Различіе между мыслью и чувствомъ, которое приводятъ теоретики — вещь что-то непонятная. Развѣ человѣческая природа есть совокупность антиномій, борьба контрастовъ? Кажется, трудновато было бы указать предѣлъ между чувствомъ и мыслью.— Что такое разсудокъ?—Способность производящая сужденія.—Что такое чувство? — Способность производящая желаніе, стремленія. Развѣ же между ними не должно необходимо быть связи? Наклонность ли производитъ сужденіе или сужденіе опредѣляетъ наклонность, какъ бы то ни было, нельзя представить себѣ сужденіе, которое бы не вело къ предпочтенію, стало быть—къ акту воли. Точно такъ, нѣтъ чувства, въ основаніи котораго не лежала бы какая либо усвоенная истина или иллюзія, стало быть сужденіе, вѣрное или невѣрное. И сужденіе можетъ заблуждаться, какъ и чувство. Чувство, мнѣ кажется, можно бы опредѣлить такъ: сужденіе, укоренившееся издавна, и слывущее подъ именемъ «прирожденныхъ идей», предразсудка, вліянія и воспитанія.

Вѣчное противопоставленіе сужденія чувству рѣшительно не имѣетъ раціональнаго основанія. Нерѣшительность, такъ-называемыя колебанія воли, которыя человѣкъ замѣчаетъ въ себѣ, суть не что иное, какъ безпокойство его относительно послѣдствій такого или иного акта. Когда чувство колеблется, это значитъ, что умъ сомнѣвается.

Какъ только чувство перестаетъ опираться на поводъ, на сужденіе, на иллюзію, оно уже перестаетъ быть нравственнымъ чувствомъ и обращается въ низшаго разряда животный инстинктъ. Итакъ, когда намъ говорятъ, что въ женщинѣ болѣе всего слѣдуетъ уважать и охранять чувство, то это значитъ не что иное, какъ намѣреніе оставить женщину на произволъ низшихъ инстинктовъ, давать ей какъ можно меньше образованія. Вотъ къ какому противо-цивилизаціонному, анти-прогрессивному выводу приходитъ та теорія, которая въ мужчинѣ и женщинѣ видитъ двѣ различныя природы, на основаніи того предполагаемаго контраста въ душѣ человѣка, котораго въ дѣйствительности вовсе не существуетъ.

Но глубокіе моралисты, писавшіе о женскомъ вопросѣ, а за ними и общественное мнѣніе, рѣшили, что «учить женщину значитъ портить ея сердце». Впрочемъ, вѣдь извѣстно, что познаніе ведетъ ко злу, даже прямо въ адъ. «Это несовсѣмъ такъ»!

восклицаютъ они. «Мы хотимъ сказать только то, что женщина не должна получать образованія одинаковаго съ мужчиной; слѣдуетъ разбирать въ наукѣ, что̀ согласно съ деликатностью, и не «обмужчинивать» (masculiniser) ея умъ.»

Прекрасно; итакъ, будутъ двѣ науки, одна мужская, другая женская. Солнце поставятъ на одну сторону, а луну на другую. Самый выборъ, впрочемъ, не лишенъ затруднительности. Исторію, напримѣръ, какъ станутъ сортировать — по вѣкамъ или по фактамъ, оставляя безъ связи причины и послѣдствія? Довольно трудно представить себѣ двоякую манеру объяснять свойства солнечнаго луча или убійство Генриха IV.

Или выборъ дѣлать собственно только въ размѣрахъ преподаванія; ограничиться ознакомленіемъ «нѣжнаго» ума женщинъ съ одними основаніями и общими законами въ наукѣ. Да вѣдь это-то и есть самое трудное! Вѣдь подробности, частные факты только послѣдствія основаній, объясненіе законовъ, прибавимъ — объясненіе необходимое.

Или дѣлать выборъ по отраслямъ знанія? Точныя науки, напримѣръ — для мужчины. Да вѣдь и женщина участвуетъ ежедневно, сознательно или нѣтъ, въ физическихъ и химическихъ явленіяхъ, подчиняется законамъ механики и геометріи, — хотя бы такъ, какъ мольеровскій Журденъ писалъ прозою. А гигіена, которой примѣненіе зависитъ прежде всего отъ женщинъ, что̀ она будетъ безъ естественно-научной подготовки? Ну, такъ мужчинѣ предоставимъ науки гуманитарные... Помилуйте, да развѣ есть исторія, языкъ, литература безъ участія женщинъ? Безъ женщины они немыслимы, какъ немыслимо и самое человѣчество.

Но оставимъ въ сторонѣ эту каррикатуру, — говорятъ намъ; скажемъ просто, что женщинъ въ учености, въ знаніи не слѣдуетъ вести такъ далеко, какъ мужчинъ. А почему же? Если потому, что онѣ неспособны, то не надо запрещенія: онѣ сами остановятся, не пойдутъ далѣе предѣловъ своего ума. Но нѣтъ, вы не объ этомъ заботитесь; возстаете-то вы именно противъ самой возможности сдѣлать такой опытъ, котораго вы опасаетесь. Ваши крики, ваши заклинанія свидѣтельствуютъ, что вы просто боитесь чего-то. Развѣ есть тутъ опасность? Опасность — знаніе!

Друзья, будьте откровенны: признайтесь, положа руку на сердце, что вы боитесь знанія для женщинъ, потому что знаніе ведетъ къ размышленію, а размышленіе ведетъ къ независимости. Вы боитесь распространенія знанія между женщинами на томъ же основаніи, какъ боялись распространенія знанія въ народѣ.... Но въ такомъ случаѣ не стыдитесь своихъ убѣжденій, и цѣлуйте туфлю св. отца.

И это сыны XVIII вѣка! Они поддерживаютъ въ семействѣ — деспотизмъ, которому полезно невѣжество рабовъ. Но вспомните «l'Ecole des Femmes» Мольера, вспомните, можно ли полагаться на Агнесъ?

Внѣ правды напрасно искать предупредительныхъ мѣръ; внѣ здраваго смысла, никакая фраза, никакая антитеза не можетъ имѣть дѣйствительной силы. Такова именно та антитеза, въ которой сопоставляется нравственное превосходство женщины съ ея умственной слабостью.

Да и чѣмъ же, наконецъ, доказывается сравнительная слабость женщины въ умственномъ отношеніи? — «Тѣми данными, тѣми результатами, которые мы имѣемъ на лицо», говорятъ намъ. Но съ которыхъ поръ наличные результаты принимаются за неопровержимые доказательства, безъ справокъ съ тѣми причинами, которыя ихъ произвели? Никто не станетъ оспаривать, что умственная приниженность, въ которой такъ давно держали народъ, лишила человѣчество неоцѣнимыхъ сокровищъ. Но развѣ этотъ результатъ ставятъ въ вину народу? Случалось все-таки, что мальчикъ изъ народа, одаренный необыкновенными способностями, дѣлался извѣстнымъ какому-нибудь вліятельному лицу, уважавшему умственное развитіе; тогда на такого ребенка обращали вниманіе, старались дать полное развитіе его способностямъ, помогали необыкновенному ребенку исполнить свое призваніе. Но если этотъ необыкновенный ребенокъ была дѣвочка, что тогда? Тогда не дѣлали ничего; тогда говорили: кчему? Такъ говорятъ и доселѣ. Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ поощрять въ дѣвушкѣ любовь къ ученью? Изъ мальчика можетъ выйти полезный членъ общества: математикъ, архитекторъ, полководецъ, мыслитель. А дѣвушкѣ предстоитъ только сдѣлаться матерью семейства, больше ничего. Вотъ почему родители заботливо заглушаютъ въ дочери безпокойные зачатки умственнаго развитія, останавливаютъ образованіе ея на предѣлахъ, установленныхъ обычаемъ. Сынъ—тотъ, встрѣчая препятствіе слѣдовать своему призванію, имѣетъ возможность настаивать на своемъ, противиться. Дѣвушка же, оставаясь вѣчно подъ рукою родителей и подъ неусыпнымъ слѣдствіемъ общественнаго мнѣнія, такой возможности лишена безусловно. Но кромѣ этихъ внѣшнихъ препятствій ея умственному развитію, сколько препятствій внутреннихъ! Къ ней подступаютъ и внушенныя съ малолѣтства наклонности тщеславія, и обязанности, налагаемыя свѣтскою суетою, наконецъ, непосредственный личный интересъ, указывающій ей всю будущность въ одномъ замужествѣ. Вспомнимъ, что все это происходитъ, что судьба дѣвушки

рѣшается въ томъ возрастѣ, когда у нея еще не сформировался характеръ.

А тамъ, разъ замужемъ, дѣло съ умственнымъ развитіемъ, со стремленіемъ къ знанію, покончено навсегда: дѣти, деспотизмъ семейныхъ обязанностей и общаго обычая, утрата случая, отсутствіе времени и средствъ, наконецъ — зависимость....

Нужно ли еще объяснять почему, въ наличности, оказывается такъ мало замѣчательныхъ женщинъ въ рядахъ науки мысли и искусства? Женщину съ дѣтства посвящаютъ любви; ее лишаютъ всякой иной цѣли, останавливаютъ ея развитіе въ томъ самомъ возрастѣ, когда стремленіе къ нему возникаетъ, — а потомъ у нея требуютъ отчета не только въ томъ, чего ей не было дано, но и въ томъ, чего ее съ такой заботливостью лишили, въ томъ, что систематически душили въ ней... Развѣ это не иронія?

Хорошо, говорятъ намъ: но препятствія эти, не слѣдуютъ ли они изъ самой природы и назначенія женщины?—Нѣтъ, изъ назначенія женщины вовсе не слѣдуетъ, чтобы необходимо было выдавать ее замужъ прежде чѣмъ она созрѣла, и тѣломъ и умомъ. Назначеніе женщины есть общее назначеніе человѣческой личности: дѣйствовать сознательно, договариваться самой за себя, съ полнымъ знаніемъ условій договора и съ полной свободою заключать его или не заключать. Назначеніе ея, какъ всякой человѣческой личности есть: учиться, чтобы знать, принимать законъ, а не покоряться ему, безсознательно и безотвѣтно, наконецъ быть способною исполнять тѣ обязанности, которыя она беретъ на себя. Да! постыдный и идіотическій взглядъ на женщину, какъ на агента воспроизведенія и наслажденія, этотъ взглядъ именно и произвелъ тотъ вопіющій безпорядокъ, тотъ уродливый фактъ, что преднамѣренно дѣлаютъ умственно несостоятельнымъ именно существо, которое обновляетъ человѣчество, сообщаетъ каждой личности первыя ея впечатлѣнія, а общественному организму его основную форму—семейство. Нѣтъ сомнѣнія, что это призваніе истинно, необходимо и велико. Но не странно ли ссылаться на него именно съ цѣлью уронить его великое значеніе?

Да, женщина должна быть матерью; но именно потому-то образованіе ея должно быть обширно и полно; потому-то и слѣдуетъ стараться воспитать въ ней характеръ сильный, направленіе дѣльное. Именно потому, что ей предстоитъ быть не только человѣческой личностью, но еще матерью, и слѣдуетъ искоренять въ ней пустоту, это искривленіе ума, столь же заботливо, какъ неправильность въ развитіи тѣла.

Пусть воспитываютъ ея умъ также заботливо и полно, какъ

умъ мужчины—вотъ тогда мы увидимъ, во что обратится ея сравнительная умственная слабость.

Но что, если наслажденія умственной жизнію отклонятъ женщину отъ ея материнскихъ обязанностей?—Опять-таки, зачѣмъ, о маловѣрные, полагаете вы, что умственное развитіе ведетъ къ дурному? Наконецъ, возможность злоупотребленій развѣ можетъ служить основаніемъ не допускать никого къ пользованію правомъ? Но такъ ужъ водится. Каждый разъ, когда голодный проситъ себѣ мѣста за общественнымъ пиршествомъ, его сперва отстраняютъ подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ можетъ напиться пьянъ.

Какая изысканная заботливость! Но жизнь, какъ и свобода, на каждомъ шагу представляетъ рискъ, опасность; отстранять ихъ отъ человѣка преданіемъ его смерти или рабству—это выходитъ изъ границъ благоразумной осторожности.

Что касается физической слабости женщины, слабости ея мускуловъ, то и ее вообще преувеличиваютъ. Въ дѣйствительности, женщина была первымъ «вьючнымъ слугою» мужчины. Да и теперь она раздѣляетъ съ мужчиною большую часть тяжелыхъ работъ. Сила женщины не тождественна съ силою мужчины, но равна ей. Это вовсе не парадоксъ.

Переносить беременность и тотъ кризисъ, которымъ она оканчивается, кормить ребенка грудью, няньчить его въ первые года его жизни, — все это требуетъ такого расхода силъ, что женщину, совершающую этотъ подвигъ, едва ли можно признавать существомъ *больнымъ*, какъ то дѣлаетъ Мишле. Между мужчинами очень немного такихъ, которые выдержали бы усталость ухода за ребенкомъ, и нѣтъ ни одного, который въ этомъ отношеніи могъ бы превзойти мать. Большинство врачей, удивляясь той силѣ, съ какою женщина выноситъ страданія, ставятъ ея мужество выше мужества мужчины.

Что же было бы еще, еслибы здравое воспитаніе не искажало, а укрѣпляло женщину; еслибы отсутствіе фальшивыхъ нѣжностей не прививало бы къ женщинѣ какой-то обязательной робости и слабости, не заставляло бы ее оффиціально ахать и пугаться по пустякамъ, не ослабляло бы ее праздностью и не сковывало бы природной энергіи, навязанной деликатностью? Тогда увидѣли бы, что для перенесенія страданій, трудовъ и всякаго рода житейской борьбы—однимъ словомъ, того болѣзненнаго бремени, котораго женщина несетъ бо́льшую долю, чѣмъ мужчина — у нея есть сила, правда особаго рода, сила внутренняя, такъ сказать — скрытая, но представляющая въ общей суммѣ нѣчто ужъ никакъ неуступающее силѣ мужчины, силѣ по преимуществу—внѣшней.

Между тѣмъ, именно изъ того явленія, изъ того подвига, которые наиболѣе обнаруживаютъ удивительную силу женскаго организма, изъ материнской функціи ея, которая на женщину возлагаетъ и рожденіе и первоначальное воспитаніе людей — выводятъ странное положеніе о ея слабости и подчиненности ея природы.

V.

Тѣ, кому лѣтъ черезъ сто придется судить наше время по этому дѣлу, разбирать отношенія современниковъ къ вопросу о природѣ и правѣ женщины — не могутъ не произнесть надъ нами строгаго приговора. Въ самомъ дѣлѣ, ни по одному изъ другихъ вопросовъ не оказывается столько противорѣчій, поверхностности, отсутствія искренности и знанія, наконецъ логичности, — какъ въ этомъ вопросѣ. Каждый старается какъ-нибудь закрыть этотъ вопросъ, прихлопнуть его какимъ-нибудь компромиссомъ. Передъ лицомъ его нѣтъ ни истинныхъ демократовъ, ни истинныхъ консерваторовъ, а есть только поползновенія и тщеславія, стоящія насупротивъ нѣсколькихъ людей, руководимыхъ просто добросовѣстностью. И эти поползновенія, эти заднія мысли совершенно основательно ополчаются противъ раціональнаго рѣшенія вопроса. Дѣйствительно, тутъ рѣчь идетъ о реформѣ величайшей важности и самаго коренного свойства, которая коснется законовъ, обычаевъ, характера человѣчества. Вѣдь равноправность женщины повлечетъ за собою безвозвратную отмѣну проституціи, перенесетъ мораль изъ теоріи въ фактъ, отождествитъ семейство съ любовью, и установитъ для общественнаго порядка полную нравственность.

Какъ не опасаться столь варварскаго переворота! А анакреонтическія оды, а букеты Хлорѣ, а двусмысленныя шуточки, а любезная галантерейность, украшеніе французской литературы и прелесть салоновъ? Все это погибнетъ, все будетъ скошено какими-то учеными женщинами.

Перестать считать женщину ребенкомъ, признать ее полноправною личностью — вѣдь это значитъ установить въ обществѣ справедливость, взамѣнъ произвола и милости, вѣчно пристрастныхъ, всегда унизительныхъ; на мѣсто моральнаго поученія — поставить фактъ.

Старое общество было устроено по образцу животнаго организма: голова, станъ, руки, ноги. Первымъ и наиболѣе рельефнымъ выраженіемъ этой системы былъ браманизмъ; затѣмъ она

проявлялась въ разныхъ видахъ. Человѣкъ все представлялъ себя устроеннымъ по собственному своему подобію, еще не зная хорошенько самъ себя. Извѣстная басня Менения Агриппы, еще такъ недавно бывшая на устахъ нашихъ моралистовъ, доказываетъ, что таковъ былъ идеалъ и римской республики. О возможности иного идеала и не думали. Правда, и въ тѣ времена, естественный инстинктъ народа порою выдвигалъ впередъ вопросъ объ устройствѣ общества; но невѣжество не знало, что̀ отвѣчать Менениямъ, и народъ сходилъ съ авентинскаго холма. Не находилось никого, кто бы возразилъ, что каждая человѣческая личность есть существо самозаконное и полное, существующее для себя, а не для того, чтобы быть безотвѣтнымъ колесомъ какого-то уродливаго механизма; что общество — вовсе должно быть не зданіемъ, основаннымъ прежде всего на отвлеченныхъ условіяхъ равновѣсія, а простою совокупностью личныхъ силъ, вступившихъ въ соединеніе. Никто не сказалъ этого и во всемъ прошедшемъ: до конца XVIII вѣка надъ человѣчествомъ стоятъ какіе-то храмы, изъ которыхъ выходятъ законодатели; подъ ними—рабство.

Вотъ въ этой-то системѣ, чисто-іерархической, несмотря на имя демократіи и призраки свободы, при такомъ взглядѣ на общественное устройство, когда неравноправность членовъ общества считалась необходимымъ условіемъ порядка, когда на человѣка смотрѣли какъ на колесо общественной машины, когда личность признавалась фактомъ нисшимъ, чѣмъ общество,—тогда и семейство, разумѣется, должно было имѣть строй іерархическій, а женщина принесена въ жертву семейству. Всѣ думали, что того требуетъ справедливость. Когда образецъ берется внѣ природы, то ему, неизбѣжно, приносится въ жертву то, что въ человѣчествѣ несогласно съ нимъ.

Да и до сихъ поръ еще недостаточно уразумѣли всю пустоту цѣли посторонней самому человѣку, его собственной личности, всю нелѣпость этихъ построеній, создаваемыхъ человѣкомъ внѣ человѣчества. Такъ какъ жизнь существуетъ только въ живущей личности, то польза такого плана, который нарушаетъ право личности, несомнѣнно фальшива, ибо самъ планъ не можетъ же внушать того, что̀ дѣлается именно только ради его. А между тѣмъ, съ отдаленнѣйшихъ временъ, о которыхъ сохранилась память, вѣчно приносили человѣческія существа въ жертву идеѣ «порядка». И демократы наши, забывая смыслъ своей исходной точки, сами тоже ссылаются на порядокъ, оправдывая правонарушенія!

Новая основа общества, принципъ общества современнаго,

это—право личности. Право это точно, ибо опредѣляется природою человѣческой личности, а вмѣстѣ и прогрессивно въ своемъ существѣ. Это-то право измѣняетъ всю систему. Фактъ заступаетъ мѣсто мечты, опредѣленность замѣняетъ произволъ, и право общественное обращается просто въ совокупность правъ личностей.

Итакъ, когда свободѣ женщины противопоставляютъ необходимость ея рабства для порядка,—то это возраженіе очевидно исходитъ изъ духа прошедшаго и находится въ безусловномъ противорѣчіи съ новымъ принципомъ общественнаго порядка.

Если человѣкъ признается по праву свободнымъ, какъ личность, какъ законченный организмъ, одаренный способностью сужденія и воли, наравнѣ со всѣми другими личностями, то на какомъ же основаніи можно лишать женщину хотя бы части того, что́ принадлежитъ человѣчеству? Или тотъ принципъ, который усвоенъ современнымъ обществомъ ложенъ, или женщина, также какъ мужчина, имѣетъ естественныя и неотмѣнимыя права.

Когда мы проникнемся справедливостью, тогда тѣ произвольные, утилитарные доводы, которые ссылаются на «общее благо», требуя принесенія ему въ жертву личностей, не будутъ имѣть болѣе смысла. Напрасно держаться противъ теченія и оспаривать въ женщинѣ право на независимость, когда мы болѣе и болѣе убѣждаемся и громко признаемъ, что независимость служитъ необходимымъ условіемъ и силы, и нравственности; когда мужчина, съ своей стороны, самъ страстно добивается правъ, оспариваемыхъ у него, и которыхъ онъ не успѣлъ пріобрѣсть такъ долго потому именно, что самъ держитъ въ невольничествѣ свою подругу.

Андрé Лео.

Парижъ. 2 апрѣля 1869.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ

ДОХОДЫ И РАСХОДЫ

ВЪ РОССІИ XVIII-ГО СТОЛѢТІЯ.

Собранные мною въ послѣднее время и до сихъ поръ нигдѣ неизданные матеріалы даютъ мнѣ возможность представить нѣкоторыя небезъинтересныя свѣдѣнія о нашихъ финансахъ въ царствованія Елизаветы Петровны, Петра III и Екатерины II. Для сравненія же съ этими данными я предпосылаю имъ краткій очеркъ уже опубликованныхъ, но мало въ публикѣ извѣстныхъ цифръ государственныхъ доходовъ и расходовъ за время Петра Великаго.

I.

ДОХОДЫ И РАСХОДЫ ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

Находящіяся у меня подъ руками свѣдѣнія о государственныхъ доходахъ временъ Петра Великаго касаются различныхъ годовъ его царствованія. Голиковъ [1]) упоминаетъ въ своихъ «Дѣяніяхъ», что въ началѣ царствованія Петра I доходы государственные не превосходили 1.750,000 рублей. Соловьевъ, въ XVI томѣ его исторіи, приводитъ [2]), что 27 января 1710 года государь велѣлъ, въ первый разъ, сличить приходъ съ расходомъ, и оказалось во всѣхъ губерніяхъ доходу, по сложности трехъ послѣднихъ лѣтъ, 3.134,000 рублей. За симъ, въ Пол-

[1]) Томъ XVIII, стр. 525.
[2]) Томъ XVI, стр. 44.

номъ Собраніи Законовъ [3]) находится «Табель коликое число по присланнымъ вѣдомостямъ изъ губерній и изъ провинцій на 1720 годъ надлежало взять по окладу, таможенныхъ и кабацкихъ и канцелярскихъ и другихъ сборовъ, кромѣ дворового числа». Табель эта содержитъ лишь тѣ доходы, которые находились въ вѣдѣніи камеръ-коллегіи и раздѣляется на слѣдующіе отдѣлы:

I. *Сборы таможенные и кабацкіе:*

	по окладу:	по вступленію 1720 г.:
Таможенныхъ	655,865 руб. 79 коп.	420,186 руб. 92 коп.
Кабацкихъ съ винной и водочной и пивной и медовой продажи	585,584 — 83 —	710,874 — 48 —
Съ клейменія винокуренныхъ кубовъ и котловъ	12,773 — 50 —	11,512 — 23 —
Таможенныхъ и кабацкихъ порознь, не росписныхъ и которые отдаются откупщикамъ на откупъ, обще	376,731 — 77 —	229,468 — 91 —
Табачныхъ и трубочныхъ . .	26,819 — 38 —	9,498 — 47 —
Итого таможенныхъ и кабацкихъ	1.658,775 руб. 27 коп.	1.381,541 руб. 1 коп.
	по окладу:	по вступленію 1720 г.:
II. *Канцелярскихъ сборовъ* . . . (14 отдѣльныхъ наименованій.)	244,123 руб. 99 коп.	169,311 руб. 91 коп.

Въ эту категорію отнесены слѣдующіе сборы, коихъ поступило: 1) за гербовую бумагу 19,898 р. 41 к.; 2) печатныхъ пошлинъ отъ печатанія указовъ 18,136 р. 73 к.; 3) съ вотчинныхъ и съ истцовыхъ дѣлъ пошлинъ 39,846 р. 69 к.; 4) съ письма крѣпостей пошлинъ 30,172 р. 17 к.; 5) сбора патріарша казеннаго приказа, для того-жъ сбора и по губерніямъ съ церквей данныхъ и съ вѣнечныхъ памятей 15,845 р. 94 к.; 6) изъ архіерейскихъ домовъ и монастырей остаточныхъ 660 р. 57 к.; 7) съ подъячихъ и съ церковныхъ и причетниковъ козловскаго окладу 13,730 р. 28 к.; 8) съ поповъ и дьяконовъ за драгунскія лошади 6,066 р. 83 к.; 9) съ мурзъ и татаръ и съ однодворцевъ, вмѣсто службы, 1,522 р. 36 к.; 10) конскихъ пошлинъ съ продажи лошадей 19,716 р. 56 к.; 11) оброчныхъ и за прикащичьи доходы патріарша приказа 289 р. 12 к.; 12) съ отписныхъ деревень и съ дворовъ и съ помѣстій и вотчинъ 2,140 р. 35 к.; 13) земскаго приказа на мостовое строеніе 985 р. 70 к.; 14) съ неуказаннаго платья и съ бородъ 297 р. 20 к.

	по окладу:	по вступленію 1720 г.:
III. *Съ оброчныхъ и откупныхъ статей* . . . . . (17 наименованій).	475,632 руб. 21 коп.	241,061 руб. 56 коп.

[1]) Полн. Собр. Зак. № 4220.

Въ этотъ отдѣлъ входятъ сборы по дѣйствительному поступленію, простиравшіеся до: 1) съ пчелъ и бортныхъ угожьевъ 15,330 р. 4 к.; 2) съ мельницъ 33,696 р. 31 к.; 3) съ бань съ дворовыхъ 25,071 р. 88 к.; 4) съ бань же торговыхъ 1,084 р. 84 к.; 5) съ рыбныхъ ловель 43,942 р. 59 к.; 6) съ найма извощиковъ и съ мастеровыхъ и промышленныхъ людей 11,165 р. 64 к.; 7) съ плавныхъ судовъ и привальнаго и отвальнаго и съ дровъ 13,042 р. 26 к.; 7) съ ледоколу и съ водопою 3,622 р. 90 к.; 9) съ мостовъ и перевозовъ 7,825 р. 8 к.; 10) съ пашенныхъ земель и съ сѣнныхъ покосовъ и съ другихъ угодій оброчныхъ 7,637 р. 49 к.; 11) съ лавокъ и съ анбаровъ, и съ кузницъ и съ постоялыхъ дворовъ, оброчныхъ 8,474 р. 45 к.; 12) съ поземельныхъ, помѣрныхъ и съ вѣсовъ вѣсчихъ 1,827 р. 50 к.; 13) съ откупныхъ статей наддаточныхъ и прикладныхъ пошлинъ 1,980 р. 76 к.; 14) отъ пятнанья хомутовъ и съ клейменія шапокъ и сапоговъ 347 р. 78 к.; 15) съ скотины и съ кониныхъ и яволочныхъ кожъ 2,842 р. 93 к.; 16) съ мостовъ и перевозовъ и конскихъ и хомутныхъ неросписныхъ 23,598 р. 95 к.; 17) за виноградъ и съ арбузовъ и огурцовъ и съ орѣшной продажи и за яблони и другихъ мелочныхъ неросписныхъ всякихъ сборовъ 39,570 р. 16 к.

	по окладу:	по вступленію 1720 г.:
Кромѣ того, показано доходовъ въ Москвѣ на денежныхъ дворахъ съ передѣловъ денежныхъ и монетныхъ прибыльныхъ . .	216,808 р.	301,276 р.
Общій итогъ окладныхъ доходовъ камеръ-коллегіи за упомянутый годъ будетъ равняться по окладу	2.595,339 руб. 74 коп.	
А по дѣйствительному вступленію	2.093,190 — 48 —	

Независимо отъ того, въ той же табели значится поступленія по неокладнымъ сборамъ 30,131 р. 22 к. и доходовъ съ С.-Петербурга, острова Котлина и Шлиссельбурга, Рижской и Ревельской губерній, Нарвской провинціи, Выборга и Абова — 570,340 р. 56 к.

Голиковъ, который приводитъ свѣдѣнія о государственныхъ доходахъ за 1725 годъ [1]) исчисляетъ ихъ общую сумму въ 10.186,707 р. 17 коп.

Самое видное мѣсто въ числѣ перечисляемыхъ имъ сборовъ занимаютъ прямыя подати, а именно:

Подушная подать, приносившая съ 5.794,928 душъ, по переписи 1722 года по 74 коп. съ души	4.289,246 руб.
съ купечества по 120 коп. съ души	206,862 —
съ нихъ же, вмѣсто рекрутъ, деньгами	10,950 —
съ подушныхъ по деньгѣ съ рубля на жалованье коммисарамъ	21,124 —

[1]) Т. XVIII, стр. 484 и слѣд.

съ однодворцевъ и крестьянъ, не принадлежавшихъ помѣщикамъ и духовенству, по 40 коп. съ души	553,158 —
За симъ доходы съ двойного оклада, которымъ были обложены раскольники и съ сибирскихъ иновѣрцевъ и лопарей, Голиковъ исчисляетъ приблизительно въ	400,000 —
Итого съ прямыхъ податей	5.481,340 —
Доходъ съ судебныхъ пошлинъ на канцелярскіе расходы исчисленъ въ	100,000 —

Въ числѣ косвенныхъ налоговъ и оброчныхъ статей и доходовъ съ казенныхъ имуществъ и регалій, Голиковъ приводитъ какъ тѣ налоги, которые, какъ видно изъ приведенной выше табели, поступали въ камеръ-коллегію, такъ и нѣкоторые другіе, непоименованные въ помянутой табели.

Доходность косвенныхъ налоговъ и оброчныхъ статей и регалій уже перечисленныхъ выше, какъ составлявшихъ принадлежность камеръ-коллегіи, исчислена у Голикова въ 2.647,364 руб. [1]).

Итогъ прочихъ сборовъ и доходовъ, не вошедшихъ въ упоминаемую табель, составляетъ, по Голикову—1.956,986 рублей.

Въ сумму эту входятъ слѣдующіе сборы: 1) портовые 640,326 р., 2) соляной доходъ 662,118 р., 3) отъ поташа и смольчуга 42,000 р., съ продажнаго вина по гривнѣ съ рубля 44,559 р., 5) съ приказовъ: синодскаго, дворцоваго и казеннаго 25,254 р., 6) съ монастырскаго приказа пошлинныхъ 2,383 р., 7) за остаточный хлѣбъ въ архіерейскихъ домахъ и въ монастыряхъ, за ихъ расходами 147,805 р., 8) съ архіерейскихъ и монастырскихъ вотчинъ, за опредѣленными имъ дачами, денегъ—29,443 р., 9) новоположеннаго сбора съ возовъ въ Москвѣ 58,014 р., 10) почтамскаго дохода—16,261 р., 11) таможенныхъ акциденцій съ платежныхъ денегъ по 2% — 14,134 р., 12) отъ справокъ по вотчиннымъ дѣламъ — 4,538 р., 13) съ чугуна десятой доли съ партикулярныхъ заводовъ желѣзныхъ—10,804 р., 14) отъ продажи лекарствъ въ аптекахъ — 9,607 р., 15) отъ вычетовъ изъ жалованья военнослужащихъ за отпуски—13,240 р., 16) вычетныхъ у подрядчиковъ—6,328 р., 17) отъ продажи казенныхъ икры и клею—14,955 р., 18) отъ продажи печатаемыхъ въ сенатской типографіи указовъ и

[1]) Вотъ ихъ наименованія по Голикову: 1) таможенные внутренніе; 2) отъ продажи казенныхъ вина и другихъ питей и отъ клейменія кубовъ; 3) табачнаго дохода; 4) печатныхъ съ письма крѣпостей и мелкихъ канцелярскихъ; 5) отъ передѣла ефимковъ; 6) отъ гербовой бумаги; 7) съ церквей данныхъ; 8) съ вѣнечныхъ памятей; 9) съ мельницъ, мостовъ и перевозовъ; 10) съ рыбныхъ ловель; 11) съ бань; 12) съ судовъ привальнаго и отвальнаго; 13) конскихъ пошлинъ; 14) съ клейменія хомутовъ и найма извощиковъ; 15) оброчныхъ съ земель; 16) мелочныхъ сборовъ; 17) съ Нарвы, Выборга, Риги, Ревеля, Дерпта и 18) съ петербургской верфи и отъ перевозовъ черезъ Неву.

книгъ 1,320 р., 19) отъ спуска судовъ и плотовъ на Боровицкихъ порогахъ 2,471 р., 20) отъ сибирскихъ казенныхъ желѣзныхъ и мѣдныхъ заводовъ—60,403 р., 21) штрафныхъ—8,754 р., 22) съ свадебъ куничныхъ, выходныхъ и убрусныхъ — 3,910 р., съ приписной къ гошиталю вотчины Плещеева 1.008 р., и 24) малороссійскихъ доходовъ — 137,351 руб.

Что касается государственныхъ расходовъ за время царствованія Петра Великаго, то, согласно Соловьеву, въ 1710 году [1]) они простирались до 3.834,418 руб.; въ томъ числѣ:

На армію	1.252,525 руб.
» артиллерію	221,799 —
Рекрутамъ	30,000 —
На оружейныя дѣла	84,104 —
Гарнизоннымъ служителямъ	977,896 —
На флотъ	444,288 —
» посольскія дачи	148,031 —
На разныя дачи, какъ-то приказнымъ, на строенія, ямщикамъ, ружникамъ, на дворцовые расходы и такъ далѣе	675,775 —

За 1725 годъ Голиковъ исчисляетъ расходы въ 9.829,949 р., но по повѣркѣ выходитъ только 9.776,554 руб.

Въ числѣ этихъ расходовъ не встрѣчается расходовъ на дворъ; за симъ группируя остальные по роду ихъ, получатся слѣдующіе частные итоги:

1)	На центральное управленіе:	
	а) кабинетъ Его Величества	200,147 руб.
	б) сенатъ	32,347 —
	в) коллегіи, приказы, конторы	216,822 —
		449,316 руб.
2)	На содержаніе войска и укрѣпленіе крѣпостей	5.351,902 руб.
3)	» флотъ	1.546,676 —
4)	» мѣстное управленіе	562,266 —
5)	» коллегію иностранныхъ дѣлъ, на посольства и на подарки иностраннымъ государямъ и прочіе секретные расходы (въ томъ числѣ содержаніе царя Вахтанга)	761,958 —
6)	На строенія	662,118 —
7)	» дворцовую канцелярію	132,416 —
8)	» Академіи морскую и наукъ	47,371 —
9)	» богадѣльни и госпитали	35,417 —
10)	» духовенство	87,066 —
11)	» управленіе горными казенными заводами и на ихъ содержаніе	60,403 —
12)	» производство китоваго, звѣринаго и рыбнаго промысловъ	15,000 —

[1]) Томъ XVI, стр. 44.

13) Герцогу Голштинскому	8,490 руб.
14) На выкупъ коронныхъ мызъ, заложенныхъ шведскимъ королемъ мѣстнымъ въ Остзейскихъ провинціяхъ помѣщикамъ	56,155 —
Итого. . .	9.776,554 руб.

II.

ДОХОДЫ И РАСХОДЫ ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ.

Въ теченіи всего царствованія Елисаветы Петровны, дѣла сенатскія (хранящіяся въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи), содержатъ рядъ указовъ, которые ежегодно были разсылаемы изъ сената по всѣмъ мѣстамъ и ко всѣмъ лицамъ, имѣвшимъ въ своемъ завѣдываніи часть государственныхъ доходовъ и расходовъ, съ подтвержденіемъ о представленіи въ сенатъ вѣдомостей; при чемъ въ указахъ этихъ упоминается, что, несмотря на неоднократныя повторенія, подлежащія мѣста требуемыхъ вѣдомостей не высылаютъ.

Лишь за 1745 годъ въ дѣлахъ генералъ-прокурорскихъ находится рядъ любопытныхъ вѣдомостей, представленныхъ въ правительствующій сенатъ изъ статсъ-конторы и камеръ-коллегіи. Вѣдомости эти содержатъ обозрѣніе статей доходовъ камеръ-коллегіи и расходовъ статсъ-конторы за три года. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что прямыя подати, которыя однако составляли главнѣйшій источникъ государственныхъ доходовъ, не поступали въ завѣдываніе камеръ-коллегіи, а потому и не входятъ въ представленныя ею вѣдомости.

За тѣмъ, какъ видно изъ упомянутыхъ вѣдомостей, значительная часть остальныхъ государственныхъ доходовъ стекалась въ камеръ-коллегію и изъ нея производилось распредѣленіе этихъ доходовъ на удовлетвореніе государственныхъ потребностей, согласно штатнымъ требованіямъ статсъ-конторы, которая служила генеральнымъ расходнымъ казначействомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ высшимъ контролирующимъ мѣстомъ.

Вѣдомость [1]) представленная камеръ-коллегіи даетъ полное обозрѣніе источниковъ государственныхъ доходовъ, поступавшихъ въ общія казначейства въ 1742 — 44 годахъ. Раздѣливъ эти доходы для сравненія на тѣ подраздѣленія, которыя приняты при обозрѣніи государственныхъ доходовъ за 1720 годъ [2]), получатся слѣдующіе выводы:

Согласно окладу и дѣйствительному вступленію за 1744 годъ состояло:

---

[1]) Въ дѣлахъ московскаго архива министерства юстиціи.

[2]) Полное собраніе законовъ, № 4220; смотри выше.

	По окладу:	По вступленію 1744 года:
I. *Сборы таможенные и кабацкіе.*		
1) Таможенныхъ	691,006 р. 43½ к.	741,387 р. 95¾ к.
2) Кабацкихъ	1.069,752 р. 36¾ к.	962,761 р. 98 к.
3) Съ клейменія кубовъ и казановъ	29,679 р. 79½ к.	29,388 р. 95½ к.
4) Таможенныхъ и кабацкихъ порознь неросписныхъ, присоединяя сюда особо поименованные сборы съ съ явки брагъ, ставки медовъ, съ пропуска вина, съ продажи Черкасамъ вина, съ нерусскаго лѣса и пропуска лѣсовъ	17,166 р. 97¼ к.	6,806 р. 71 к.
Итого таможенныхъ и кабацкихъ .	1.807,605 р. 57 к.	1.740,345 р. 60¼ к.
II. *Канцелярскихъ сборовъ* . . (До 11-ти отдѣльныхъ наименованій).	80,691 р. 45¼ к.	86,540 р. 79¼ к.

Въ эту категорію отнесены: 1) крѣпостныя пошлины по дѣйствительному поступленію 42,514 р. 59½ к., 2) канцелярскія 4,598 р. 2 к., 3) конскія пошлины 30,695 р. 97¾ к., 4) съ иновѣрческихъ свадебъ и выводныхъ, 5) съ продажи калмыками въ Казани лошадей, 6) съ ясашныхъ иновѣрцевъ приставныя и ѣздовыя 6,945 р. 97½ к., 7) съ проѣзжихъ грамотъ, 8) съ иновѣрцевъ за конскіи продажи и мѣны, 9) съ записки лошадей и выписей пищихъ, 10) съ неуказаннаго платья и бородъ, 11) съ клейменія серебра и пробы.

	По окладу:	По вступленію 1744 года:
III. *Сборовъ съ оброчныхъ статей и промысловъ* . . . . . (49-ть наименованій).	313,748 р. 46¼ к.	199,912 р. 49½ к.

Въ этотъ отдѣлъ входятъ сборы: 1) съ лавокъ, анбаровъ, кузницъ, харчевень и т. д. по поступленію 23,228 р. 82 к., 2) съ клейменія хомутовъ и найма извощиковъ 26,877 р. 27 к., 3) съ мостовъ и перевозовыхъ плотовыхъ 21,992 р., 4) съ продажи винограда, арбузовъ и другихъ фруктовъ и отдачи казенныхъ огородовъ 73 р. 40 к., 5) вмѣсто валешныхъ подымныхъ, 6) съ торговыхъ бань 8,231 р. 10½ к., 7) съ квасныхъ и уксусныхъ промысловъ 1,737 р. 65½ к., 8) привальныхъ и отвальныхъ 3,622 р., 9) съ подпалыхъ и палыхъ кожъ 3,140 р., 10) съ рыбныхъ ловель 28,578 р., 11) съ мельницъ 46,229 р., 12) съ оброчныхъ земель 8,149 р., 13) съ овчиннаго и красильнаго промысловъ Илецкой провинціи 1 р. 50 к., 14) съ домовыхъ бань 8,121 р., 15) съ ледоклушъ водопою 1,406 р., 16) съ извозу и пристаней 1,598 р., 17) за Кабаній островъ 17 р., 18) съ продажи сальныхъ свѣчъ, мыльнаго и жироваго промысловъ, 19) съ стрѣлецкихъ земель, 20) съ юртовъ и звѣриныхъ ловель, 21) съ отпуску судовъ, 22) съ

струговаго караула и лодейнаго спуска, 23) съ отдаточныхъ хлѣбныхъ мѣръ, 24) съ поплашныхъ дровъ, 25) съ мельничныхъ прудовъ, 26) съ постоялыхъ и гостиныхъ дворовъ и отдачи загородныхъ огородовъ, 27) оброчные съ соляныхъ варницъ, 28) съ маслобойнаго и воскобойнаго промысловъ, 29) съ продажи дегтя, 30) съ Москворѣцкихъ береговъ за поклажу лѣса, 31) съ Янбохтанскаго торжку, 32) съ кормщиковъ и работныхъ людей поголовныхъ, 33) съ желѣзныхъ и стеклянныхъ заводовъ, 34) съ каменнаго, жерноваго и ломоваго промысловъ, 35) умѣтныхъ въ казнѣ, 36) вѣсчихъ, 37) съ Яицкой рыбы 5,710 р., 38) съ бортныхъ угожій и тетеревныхъ луговъ, 39) съ сѣнной продажи, 40) съ продажи орѣшной, пряничной и калачной 7 р. 50 к., 41) поземельнаго сбору и съ пустыхъ бобыльскихъ дворовъ 6 к., 42) на Макарьевской ярмаркѣ съ пасебнаго двора 18 р., 43) четвертные по Шацкой провинціи, 44) съ притычки берега, 45) пневыя пошлины, 46) съ мельницъ арендныхъ, 47) съ кіевскаго войта, 48) со ступъ, 49) луковой дани съ Самоядей.

Общій итогъ доходовъ камеръ-коллегіи, поступавшихъ въ распоряженіе статсъ-конторы, будетъ такимъ образомъ по окладу . . . . . 2.202,045 р. 48½ к.
по вступленіи за 1744 годъ . . . . . 2.026,798 » 89 »

Изъ сравненія цифръ этихъ съ относящимися къ 1720-му году видно, что доходы съ таможень и питей значительно возрасли въ эти 24 года, но въ гораздо сильнѣйшей пропорціи возросло число оброчныхъ мелкихъ статей и разнородныхъ сборовъ съ различныхъ промысловъ, стѣснявшихъ промышленность и не приносившихъ значительныхъ выгодъ казнѣ. Не было почти промысла, который бы былъ отъ нихъ свободенъ и если припомнить тѣ мѣры взысканій, правежей, которыя были введены въ царствованіе Анны Іоанновны и регентства Бирона, то можно себѣ составить понятіе о той тягости, которую сборы эти составляли для народа.

Большинство означенныхъ сборовъ введены были въ царствованіе Анны Іоанновны и часть ихъ имѣла чисто мѣстный характеръ.

Однакоже приведенныя суммы доходовъ, отсылавшіяся изъ камеръ-коллегіи въ статсъ-контору, не составляли единственнаго источника доходовъ послѣдней и изъ особаго рапорта статсъ-конторы видно, что общая сумма ея доходовъ за 1744 годъ составляла 3,536,027 р. 68¼ к. [1]), но и эта вѣдомость повидимому не полная, такъ какъ послѣдующія показываютъ отъ той же статсъ-конторы несравненно болѣе расходовъ.

О государственныхъ расходахъ за это время можно судить изъ трехъ вѣдомостей, представленныхъ статсъ-конторою въ правитель-

[1]) Изъ дѣлъ московскаго архива министерства юстиціи.

ствующій сенатъ: о расходахъ обыкновенныхъ и чрезвычайныхъ за тѣ же три года 1742 — 44 [1]).

Эти вѣдомости представляютъ слѣдующіе итоги за 1744 годъ:

Повсягодныхъ окладныхъ расходовъ	2.943,460 руб. 33 коп.
На окладныя повсягодныя жалованныя дачи и канцелярскіе расходы	363,094 — 1¾ —
На чрезвычайныя дачи	903,681 — 10 —
	4.210,235 руб. 44¾ коп.

Если же статьи расходовъ на однородные предметы подвести подъ общія дѣленія, то получаются слѣдующіе результаты:

	Расходовъ обыкновенныхъ:	Чрезвычайныхъ:	Итого:
1) На личные расходы ея императорскаго величества и на дворъ . .	372,668 р. 73 к.	262,363 р. 39¼ к.	635,032 р. 12¼ к.
2) На центральное управленіе:			
На кабинетъ ея императорскаго величества.	7,180 — 00 —		
На сенатъ	70,500 — 77¼ —	17,212 — 82 —	
На коллегіи, приказы, конторы	120,469 — 24 —	23,880 — 15¼ —	
	198,150 р. 01¼ к.	41,092 р. 97¼ к.	239,242 р. 98½ к.
3) На сухопутное войско и укрѣпленіе крѣпостей	998,749 — 05 —	87,888 — 03½ —	1.086,637 — 08½ —
4) На флотъ	1.205,000 — 00 —		1.205,000 — 00 —
5) На мѣстное управленіе.	78,899 — 94½ —	25,938 — 21¾ —	104,838 — 16¼ —
6) На коллегію иностранныхъ дѣлъ и содержаніе пословъ	173,713 — 47¾ —	147,606 — 91½ —	321,320 — 39¼ —
7) На строенія	152,424 — 79½ —	128,958 — 35½ —	281,383 — 15 —
8) На богоугодныя заведенія	2,964 — 00 —	317 — 35 —	3,281 — 35 —
9) Жалованныхъ разнымъ лицамъ	57,271 — 13¾ —	151,448 — 71½ —	208,719 — 85¼ —
10) На монетное дѣло. (на исправленіе монетной системы).	— — —	17,537 — 75½ —	17,537 — 75½ —
11) Разныхъ расходовъ .	— — —	37,846 — 54¾ —	37,846 — 54¾ —
12) Въ академію наукъ .	26,112 — 00 —	— — — —	26,112 — 00 —
13) Управленіе казенными заводами	40,601 — 20 —	2,682 — 84½ —	43,284 — 04½ —
	3.306,554 р. 34¾ к.	903,681 р. 10 к.	4.210,235 р. 44¾ к.

Но въ итогъ этотъ расходы на войско входятъ очевидно не вполнѣ, такъ какъ они были удовлетворяемы изъ прямыхъ подушныхъ сбо-

[1]) Изъ дѣлъ московскаго архива министерства юстиціи.

ровъ, которые расходовались непосредственно военнымъ управленіемъ, и уже при Петрѣ I достигали, какъ видно было выше, 5½ милліоновъ рублей. Такимъ образомъ общій итогъ всѣхъ государственныхъ расходовъ за разсматриваемое время трудно вывести, но, по всей вѣроятности, онъ превосходилъ 10 милліоновъ рублей.

Характеръ государственнаго управленія этой эпохи вполнѣ опредѣляется сравненіемъ суммъ, употреблявшихся на различныя отрасли. Такъ, напримѣръ, изъ общаго принятаго итога 10,000,000 руб. до 7.300,000 руб., т. е. до ¾ поглощались издержками на содержаніе сухопутныхъ и морскихъ военныхъ силъ.

III.

ДОХОДЫ И РАСХОДЫ ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ ПЕТРА III.

Мѣра, которою заканчивается царствованіе Елисаветы Петровны и начинается царствованіе Петра III, это—указъ 1760 года, увеличившій оброчную съ государственныхъ крестьянъ подать увеличена съ 4-хъ гривенъ до 1 рубля съ души, «для уравненія съ доходомъ, получаемымъ помѣщиками и синодальными и дворцовыми вѣдомствами съ принадлежащихъ тѣмъ лицамъ и вѣдомствамъ крестьянъ»; это возвышеніе оклада указомъ 1761-го года было распространено на разночинцевъ.

Императоръ Петръ III началъ царствованіе свое рядомъ мѣръ, назначеніемъ которыхъ было развитіе промышленныхъ силъ народа. Указомъ марта 21-го, онъ отмѣнилъ для монастырскихъ крестьянъ личныя повинности въ пользу монастырей и архіерейскихъ домовъ и замѣнилъ всѣ собиравшіеся съ нихъ сборы и личную повинность платежемъ, на равнѣ съ дворцовыми и синодальными, однорублеваго подушнаго оброка [1]).

Съ другой стороны императоръ находилъ, въ видахъ «государственной пользы», нужнымъ сдѣлать и нѣкоторыя общія распоряженія о торговлѣ.

«Сколь нужно для благосостоянія и пользы государства вообще и особенно для его коммерціи, говоритъ онъ въ указѣ сенату отъ 28-го марта [2])—чтобы выпускъ здѣшняго продукта товаровъ, сколь можно, большимъ былъ противу привоза въ государство иностранныхъ товаровъ, потому, что за излишній противу привоза выпускъ, получались бы въ государство наличныя деньги, столько то подлинно къ сожалѣнію нашему, что далеко доведенною съ нѣсколькихъ лѣтъ роскошью

[1]) Полное собр. законовъ №№ 11.219 и 11.481.
[2]) Полн. собр. зак. № 11.489.

много потеряно изъ баланса въ коммерціи, какъ то великій упадокъ вексельнаго курса больше всего доказываетъ».

Съ этою цѣлью предписывалось въ томъ-же указѣ:

1. Освободить хлѣбный торгъ отъ всякихъ стѣсненій и собирать съ вывозимаго хлѣба во всѣхъ портахъ половинную пошлину противъ той, которою обложенъ онъ былъ въ портахъ Рижскомъ, Ревельскомъ, Перновскомъ и островѣ Езелѣ.

2. При отпускѣ мяса и скота изъ морскихъ сѣверныхъ портовъ, взимать лишь половинную пошлину противъ таможень украинскихъ.

3. Уничтожить всякія ограниченія относительно торговли саломъ, опредѣленныя сверхъ тѣхъ, которыя были положены при отдачѣ ея въ 1748 году графу Шувалову.

4. Уничтожить тѣ отягощенія, которыя были постановлены относительно Архангельскаго порта, возвышеніемъ пошлинъ и запрещеніемъ нѣкоторыхъ товаровъ.

5. Разрѣшить отпускъ ревеня, холста и другихъ товаровъ «кои по одностороннимъ разсужденіямъ или по неправильному воображенію о казенной будто-бы отъ государственной пользы раздѣленной прибыли запрещены» и убавить съ нихъ пошлины.

6. Уничтожить нѣкоторыя привилегіи, полученныя разными фабриками, не въ силу закона, а по ложному его толкованію, какъ-то, подъ видомъ безпошлиннаго провоза инструментовъ, нѣкоторыя фабрики получаютъ безпошлинно и самые матерьялы.

7. Уничтожить компанію, пользовавшуюся монополіею персидскаго торга и стѣснявшую цвѣтущую съ Персіею, по Каспійскому морю торговлю, и всѣ подобныя ей компаніи.

Однако же, при этомъ, сдѣлано было исключеніе относительно вывоза льняного сѣмени, который былъ оставленъ въ монополіи купца Евреинова, по случаю затраты имъ въ этомъ дѣлѣ значительнаго капитала [1]).

Лишь въ случаѣ неумѣреннаго возвышенія цѣны на хлѣбъ повелѣно было доносить императору [2]).

Рядомъ съ этими общими мѣрами, принятыми съ цѣлью освободить народъ отъ стѣсняющихъ развитіе его производительныхъ силъ условій, Петръ III долженъ былъ обратить вниманіе и на состояніе государственнаго хозяйства. При вступленіи своемъ на престолъ, онъ нашелъ его въ крайнемъ разстройствѣ. Правительство не имѣло, повидимому, никакихъ положительныхъ свѣдѣній, ни о количествѣ доходовъ, ни о томъ, куда и на какіе предметы они расходуются. Цѣлый рядъ различныхъ, самостоятельныхъ другъ отъ друга, вѣдомствъ занимались

---

[1]) Полн. собр. законовъ № 11.517.

[2]) Полн. собр. законовъ № 11.557.

каждое взиманіемъ того или другого налога, спеціально назначеннаго на удовлетвореніе расходовъ того вѣдомства; въ одномъ вѣдомствѣ были излишки, въ другомъ значительные недостатки; несмотря на прежнія неоднократныя предписанія и указы, эти различныя вѣдомства не присылали въ правительствующій сенатъ никакихъ вѣдомостей о состояніи ихъ бюджетовъ, такъ, что правительство не имѣло возможности получить какое-либо общее понятіе о состояніи государственной казны.

Потому, сознавая необходимость такого общаго обозрѣнія состоянія государственнаго хозяйства, Петръ III, вскорѣ по вступленіи своемъ на престолъ, указомъ 23 мая [1]), повелѣлъ правительствующему сенату: 1) доставить со всѣхъ штатовъ его императорскому величеству копіи; 2) собрать изъ всѣхъ вѣдомствъ и мѣстъ, завѣдывающихъ государственными доходами и расходами, подробныя и краткія вѣдомости о суммахъ государственныхъ доходовъ и расходовъ съ обозначеніемъ, на основаніи какихъ указовъ производятся расходы. Вслѣдствіе этого указа, сенатъ, какъ видно изъ всеподданнѣйшаго его рапорта [1]), отъ 5-го іюня, предписалъ всѣмъ подлежащимъ вѣдомствамъ представить требовавшіяся подробныя вѣдомости копій со штатовъ и экстракты, но могъ поднести императору лишь одинъ краткій экстрактъ о государственныхъ доходахъ и расходахъ, такъ какъ списаніе штатовъ потребовало много времени и оказалось весьма затруднительнымъ, по тому случаю, что многіе изъ нихъ оказались отмѣненными, дополненными и измѣненными.

Изъ приведеннаго рапорта сената видно, что слѣдующія мѣста совершенно самостоятельно занимались сборомъ и расходованіемъ различныхъ отраслей государственныхъ доходовъ.

1. Главный коммиссаріатъ завѣдывалъ сборомъ подушныхъ денегъ, хотя, сверхъ того, получалъ на свои расходы и изъ другихъ источниковъ государственныхъ доходовъ.

2. Главная соляная контора завѣдывала солянымъ сборомъ.

3. Коммерцъ-коллегія — таможенными, портовыми и внутренними сборами.

4. Сибирскій приказъ—всѣми по Сибири сборами, и продажею мягкой рухляди и прочихъ товаровъ.

5. Коллегія экономіи—сборами съ синодальныхъ, архіерейскихъ и монастырскихъ крестьянъ и состоящими при тѣхъ вотчинахъ заводами, мельницами и прочими сборами.

6. Бергъ-коллегія—доходами съ продажи мѣди и желѣза.

7. Мануфактуръ-коллегія—сборомъ за гербовую бумагу.

---

[1]) Полное собр. законовъ № 11, 548.

[2]) Въ дѣлахъ московскаго архива министерства юстиціи.

8. Канцелярія конфискаціи, доходами съ отписныхъ вотчинъ, штрафными сборами.

9. Ревизіонъ-коллегія взысканіями по счетамъ начетныхъ и штрафныхъ денегъ.

10. Ямская канцелярія и с. петербургскій почтамтъ вѣсовыми сборами.

11. Сборомъ остальныхъ окладныхъ и неокладныхъ доходовъ, а именно: питейныхъ, такъ-называемыхъ канцелярскихъ и съ оброчныхъ статей и откупныхъ, завѣдывали камеръ-коллегія и штатсъ-контора.

Этотъ краткій экстрактъ, о состояніи государственныхъ доходовъ и расходовъ, представленный сенатомъ при рапортѣ вмѣстѣ съ другимъ документомъ, относящимся къ тому-же году, но уже къ царствованію Екатерины II, а именно вѣдомостью о доходахъ и расходахъ штатсъ-конторскихъ [1]), могутъ, соединенные вмѣстѣ, дать довольно полное и вѣрное понятіе объ источникахъ государственныхъ доходовъ и о государственныхъ расходахъ того времени.

Въ первомъ изъ этихъ документовъ перечислены въ числѣ государственныхъ расходовъ штатсъ-конторскіе общимъ итогомъ; второй-же содержитъ въ себѣ подробное исчисленіе этихъ послѣднихъ по предметамъ. По первому, сумма штатсъ-конторскихъ обыкновенныхъ и чрезвычайныхъ ежегодныхъ расходовъ показана въ 2.943,149 р. 46 к., по второму она равняется 3.285,101 р. 5¾ к.; но такъ какъ послѣдняя цифра содержитъ подробное исчисленіе этихъ расходовъ, то въ основаніе нашихъ разсчетовъ мы и примемъ эту цифру. Соединивъ такимъ образомъ данныя обоихъ документовъ, получатся слѣдующіе общіе выводы, которые ясно будутъ выражать состояніе государственнаго казначейства въ 1762-мъ году.

Доходовъ было въ этомъ году:

1) Подушныхъ	5.668,199	руб. 20	коп.
2) Акцизныхъ сборовъ съ питей, канцелярскихъ и другихъ окладныхъ и неокладныхъ сборовъ прежнихъ	3.356,669	— 77½	—
3) Вновь положенныхъ въ 1750 и 56 годахъ на вино	1.524,688	— 29½	—
4) Соляныхъ сборовъ	2.206,035	— 16	—
5) Таможенныхъ сборовъ	2.003,094	— 42½	—
6) Сибирскихъ доходовъ	591,495	— 11½	—
	15.350,181	руб. 97	коп.

[1]) Изъ дѣлъ московскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ.

Расходовъ же значилось:

	По вѣдомости общей.		По вѣдомости штатсъ-конторскихъ расходовъ. Обыкновенныхъ:		Чрезвычайныхъ:		Итого:	
1) На высочайшій дворъ	руб. 1.733,333	коп. 33¼	руб. 511,996	коп. 22¼	руб. —	коп.	руб. 2.265,329	коп. 33¼
2) На военныя потребности . . .	9.218,747	70¾	549,783	80	135,380	38½	9.903,911	89¼
3) На адмиралтейство и флотъ. .	1.200,000	00	712,957	43	—		1.912,957	43
4) На постройки .	102,984	93½	180,215	62½	74,672	67	357,873	23
5) На кабинетъ .	—		3,900	00	—		3,900	00
6) На сенатъ . .	—		138,397	00¾	892	39½	139,289	40¼
7) На коллегію иностранныхъ дѣлъ.	—		203,381	50	6,312	38¼	214,693	88¼
8) На академіи наукъ и художествъ	—		59.298	00	900	00	60,198	00
9) На университетъ московскій. . .	20,000	00	17,700	00	6,000	00	43,700	00
10) На центральное управленіе. . .	33,867	45	152,943	07	32,662	66¾	219,473	18¾
11) На мѣстное управленіе . . .	413,475	20¾	157,555	41	69,651	41	640,682	02¾
12) Пожалованныхъ разнымъ лицамъ.	—		161,590	27½	6,243	98¾	167,834	26¼
13) На монетное дѣло	—		—		15,246	36½	15,246	36½
14) На казенные заводы	—		8,871	57½	—		8,871	57½
15) На богоугодныя заведенія . . .	—		18,979	60¼	—		18,979	60¼
16) Разныхъ расходовъ.	—		29,757	80½	24,815	47¼	54,573	27¾
Итого . . .	12.742,408	63¼	2.912,327	32¼	372,777	73½	16.027,513	46¾

17) Кромѣ того за прежніе годы произведено штатныхъ расходовъ согласно общей вѣдомости 2.104,940 р. 62¼ к., потому итогъ всѣхъ расходовъ произведенныхъ въ 1762 году будетъ 18.132,454 09.

Изъ сравненія этихъ данныхъ съ таковыми же, приведенными выше за царствованіе Елисаветы Петровны видно, что доходы и расходы государственные въ этотъ промежутокъ времени значительно возрасли и правительство Петра III нашлось въ виду дефицита, равнявшагося пятой части государственныхъ доходовъ. Расходы на сухопутное войско возрасли въ этотъ промежутокъ времени съ 6.500,000 до не съ большимъ 10 милліоновъ рублей, между тѣмъ какъ расходы на флотъ и центральное управленіе оставались безъ значительнаго увеличенія. Какъ мало измѣнился однако общій характеръ управленія—можно видѣть изъ того, что въ 1762 году, равно какъ и въ сороковыхъ годахъ,

расходы на сухопутныя и морскія силы въ совокупности поглощали до 12 м. руб., т. е. до $^3/_4$ государственныхъ доходовъ и до $^2/_3$ общаго числа издержекъ.

Таже спеціализація государственныхъ доходовъ, вслѣдствіе которой каждый изъ отдѣльныхъ сборовъ имѣлъ особое опредѣленное назначеніе на удовлетвореніе какой-либо части государственныхъ нуждъ (на это указывается и въ самой вѣдомости), осталась въ государственномъ хозяйствѣ, какъ это было и прежде, и въ этомъ отношеніи было сдѣлано чрезвычайно мало для бо́льшаго объединенія государственной казны.

Бѣдственное положеніе государственной казны вызвало со стороны правительства мѣры къ возстановленію равновѣсія.

Вслѣдствіе этого былъ изданъ мая 11 указъ [1]), которымъ повелѣвалось «всѣ публичныя казенныя работы и прочія сверхъ штатнаго положенія раздачи, на то время пока доходы паки умножатся, остановить». Объ исполненіи этого высочайшаго повелѣнія были посланы правительствующимъ сенатомъ указы во всѣ коллегіи, конторы, канцеляріи губерній и провинцій, которымъ предписывалось представить правительствующему сенату рапорты съ показаніемъ, сколько гдѣ на сверхштатные расходы и строенія было ассигновано суммъ и сколько таковыхъ оставалось на лицо, и, по подачѣ въ сенатъ вѣдомостей о всѣхъ такихъ расходахъ, вновь уже ихъ, безъ разрѣшенія сената, не дѣлать. Съ другой стороны, съ тою же цѣлью — возстановить по возможности равновѣсіе между государственными доходами и расходами — были приняты Петромъ III нѣкоторыя финансовыя мѣры. Онъ находилъ, какъ видно изъ указа сенату отъ 28 марта [2]), что «никакимъ сборамъ не приличествуетъ только на откупѣ быть какъ таможеннымъ и что за время содержанія ихъ на откупѣ въ пять лѣтъ не малое казнѣ было приращеніе и отъ купечества жалобъ слышно не было» — потому приведеннымъ указомъ таможенные сборы были вновь отданы на откупъ на 10 лѣтъ Шемякину и Саввѣ Яковлеву, причемъ, на откупъ были отданы сборы, какъ въ россійскихъ, такъ и въ эстляндскихъ, лифляндскихъ, финляндскихъ, сибирскихъ и оренбургскихъ таможняхъ, а также и нѣкоторые отдѣльные сборы, которые прежде собирались въ казну, нынѣ были для единобразія отданы, наравнѣ съ прочими на откупъ.

Въ тѣхъ же видахъ, умноженія государственныхъ доходовъ, указомъ 1 іюня [3]) повелѣно было замѣнить прежнюю таможенную при вывозѣ пошлину съ мѣди по 30 к., а съ желѣза по 2 коп. съ пуда,

---

[1]) Полное Собр. Зак. № 11,532.
[2]) Полн. Собр. Зак. № 11,489.
[3]) Полн. Собр. Зак. № 11,559.

десятиннымъ сборомъ съ желѣза, чугуна и мѣди выдѣлываемыхъ на частныхъ заводахъ.

Наконецъ правительство, вмѣстѣ съ тѣмъ, обратилось къ мѣрамъ для взысканія недоимокъ. Но при этомъ оно поняло, что прежній порядокъ взысканія недоимокъ самъ по себѣ служилъ причиною разоренія податныхъ сословій и содѣйствовалъ накопленію тѣхъ самыхъ недоимокъ. Такой взглядъ высказывается въ сенатскомъ указѣ отъ 31 января [1]), въ которомъ указывается, что посылка нарочныхъ съ повѣстками въ уѣзды изъ губернскихъ, провинціальныхъ и воеводскихъ канцелярій, при наступленіи сроковъ платежа подушныхъ, а затѣмъ содержаніе неисправныхъ крестьянъ при канцеляріяхъ служитъ лишь къ обремененію крестьянъ подводами и заставляетъ ихъ безъ пользы терять необходимое для исправленія ихъ крестьянскихъ работъ время— «многіе чрезъ то и послѣдняго своего иждивенія лишаются». «Слѣдственно, отъ того — говорится далѣе въ указѣ — впредь съ крестьянства не токмо исправному государственныхъ податей платежу быть не можно, но паче умножается недоимка». Потому, съ цѣлью привести крестьянъ къ болѣе исправной уплатѣ недоимокъ, предписывалось, чтобы впредь подушныя деньги доставлялись въ канцеляріи помѣщиками или ихъ повѣренными старостами и выборными и затѣмъ посылать отъ канцеляріи нарочныхъ уже лишь для взысканія недоимокъ и притомъ на счетъ тѣхъ повѣренныхъ старостъ или выборныхъ, и въ этихъ случаяхъ наказывать повѣренныхъ, старостъ и выборныхъ «нещадно батогами».

Въ другомъ указѣ, по представленію рижской воеводской канцеляріи, предписывалось отданныя разнымъ владѣльцамъ за оброкъ земли, въ случаѣ неплатежа ими оброчной суммы отбирать отъ тѣхъ владѣльцевъ со взысканіемъ недоимки и отдавать другимъ [2]).

Этими узаконеніями завершаются тѣ мѣропріятія, которыя были предположены въ кратковременное царствованіе Петра III; объ ихъ исполненіи конечно не могло быть и рѣчи.

А. КУЛОМЗИНЪ.

---

[1]) Полн. Собр. Зак. № 11,429.
[2]) Полн. Собр. Зак. № 11,555.

ПРОВИНЦІАЛЬНОЕ ЗЕМСТВО.

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ*).

Sine ira et studio.

Новымъ учрежденіямъ въ Россіи, цѣль которыхъ—обновить застоявшуюся и, оттого, издряхлѣвшую жизнь русскаго общества, суждено пережить много перипетій. Встрѣченныя восторженными похвалами со стороны однихъ, и отчаянными порицаніями со стороны другихъ, новыя учрежденія, по началу, не произвели особенно благопріятныхъ впечатлѣній на массу народа. Частію отъ непониманія—въ чемъ сущность дѣла, частію отъ недостатка довѣрія ко всѣмъ и всяческимъ преобразовательнымъ мѣрамъ, а больше всего отъ сосредоточенія всей силы новыхъ учрежденій въ тѣхъ самыхъ рукахъ, которыя доселѣ лежали такимъ тяжелымъ гнетомъ на всей народной жизни, — народъ далеко не ликовалъ при нѣкоторыхъ преобразованіяхъ. Правда, отмѣна крѣпостного положенія подняла нѣсколько задавленный духъ народа, и оживила надежды измученныхъ крѣпостничествомъ на что-либо лучшее въ жизни; но и это во многихъ, даже очень многихъ мѣстностяхъ, было парализовано такими стѣснительными, для развитія народной жизни, условіями, что и желанная свобода не доставила всей той радости получившимъ ее, какую могла бы доставить при иныхъ, болѣе благопріятныхъ условіяхъ.

*) Мы не считаемъ себя въ правѣ уклоняться отъ показаній лицъ, выступающихъ свидѣтелями-очевидцами того или другого общественнаго явленія, и въ этомъ смыслѣ помѣщаемъ настоящую статью, адресованную въ редакцію. Почтенный авторъ, указывающій съ такою яркостью недостатки нашихъ земскихъ учрежденій, безъ сомнѣнія, согласится съ нами въ одномъ, что самая возможность такого откровеннаго объясненія своихъ мыслей относительно земства, составляетъ уже большое преимущество земскихъ учрежденій. На землѣ нѣтъ ничего совершеннаго, и потому совершенствомъ должно считать одну возможность усовершенствоваться; а усовершенствованіе возможно только тамъ, гдѣ свободно допускается критика, независимо отъ того, пріятны или непріятны ея результаты для представителей какого-нибудь учрежденія въ данную эпоху.

Ред.

Теперь, когда вліяніе новыхъ учрежденій достаточно выразилось въ ходѣ народной жизни, когда народъ достаточно присмотрѣлся къ нимъ, — радуется ли онъ, по крайней мѣрѣ, теперь за нихъ? — Едва ли! Не умѣя отвлекать самаго дѣла отъ его дѣятелей, учрежденій отъ исполнителей, онъ первымъ вмѣняетъ въ вину все то тяжелое, что легло на его жизнь за три послѣдніе года; къ нимъ непосредственно относитъ онъ тяготы, задавившія его болѣе прежняго. Больше, чѣмъ не радуется онъ теперь за новыя учрежденія, которымъ прямо приписываетъ всецѣлое разстройство своего экономическаго быта, не вознаграждаемое никакимъ добромъ въ настоящемъ, и никакими надеждами на что-либо лучшее въ будущемъ.

И нельзя сказать, чтобы совсѣмъ не правъ былъ народъ. Всецѣлое разстройство экономическаго быта крестьянства, напр., въ очень многихъ мѣстностяхъ, фактъ не подлежащій сомнѣнію. И причины этого, главнѣйшимъ образомъ, лежатъ въ дѣятеляхъ новыхъ учрежденій. Провинціальное земство, или, точнѣе, соединившіе силу земства въ своихъ рукахъ, какъ-то черезчуръ своеобразно отнеслись къ своему призванію: не дѣятелями на пользу общую многіе изъ нихъ заявили себя, а лишь преслѣдующими цѣли личныя, или сословныя. Отсюда, освобожденіе отъ разныхъ повинностей однихъ, и чрезвычайное обремененіе ими другихъ, и вообще неравномѣрность земскихъ раскладокъ, всей своей тяжестью падающая именно на тѣхъ, которые владѣютъ наименьшими экономическими способами для уплаты ихъ. Отсюда, быстрое накопленіе недоимокъ, разрѣшающееся распродажей того, безъ чего — не только правильное, но и никакое хозяйство немыслимо. Отсюда, и всецѣлое разстройство экономическаго быта крестьянства,—разстройство, до какого оно не доходило въ былыя времена.

Чтобы представить наглядно—какъ дѣлается это, и по скольку народъ имѣетъ право не радоваться за новыя учрежденія, — передадимъ здѣсь нѣсколько свѣдѣній о дѣятельности земства и объ результатахъ этой дѣятельности по Калязинскому уѣзду. Передаваемое нами не будетъ какимъ-либо исключеніемъ изъ общаго хода дѣлъ; а лишь можетъ послужить образчикомъ того, что творится въ большинствѣ провинціальныхъ мѣстностей. И тѣмъ удобнѣе передать теперь эти свѣдѣнія, что названный уѣздъ еще нѣсколько не дошелъ до тѣхъ конечныхъ результатовъ, до какихъ поспѣшили довести, напр., весьегонскій уѣздъ—эту житницу тверской губерніи. Въ скоромъ времени и о Калязинскомъ уѣздѣ говорить будетъ уже нечего, да и не для чего; а потребуется лишь, какъ въ весьегонскомъ [1]), слѣдствіе—которое, безъ

[1]) «Изъ Весьегонска пишутъ, что тверской губернаторъ обратилъ вниманіе на дѣйствія мировыхъ посредниковъ весьегонскаго уѣзда, которые, при взысканіи съ крестьянъ податей и недоимокъ, принимали уже слишкомъ строгія мѣры. Вслѣдствіе этого, всѣ

сомнѣнія, откроетъ—кто поревновалъ довести крестьянство до безвыходнаго положенія, отъ котораго — ни крестьянству, ни обществу и никому не будетъ легче, потому что не вернешь же того, что́ пошло на вѣтеръ.

Прежде всего о томъ, что́ имѣетъ государственное значеніе,—о казенныхъ повинностяхъ крестьянства.

Къ апрѣлю прошлаго 1868-го года (чѣмъ обыкновенно заключается платежный годъ), за крестьянами Калязинскаго уѣзда, изъ «окладныхъ казенныхъ сборовъ», осталось недоимокъ:

За государственными крестьянами разныхъ наименованій (23,282 души) — 140,429 руб. 15½ коп.

За крестьянами временно-обязанными и собственниками, бывшими помѣщичьими (21,944 души) — 60,147 руб. 7½ коп.

За ними же — выкупныхъ платежей — 45,140 руб. 73¾ коп. (въ томъ числѣ съ предсѣдателя земства, Неронова, по случаю перебора имъ оброка—808 руб. 68 коп.).

За крестьянами — бывшими удѣльными (324 д.)—1,033 р. 56 к.

За ними же—выкупныхъ платежей—710 р. 11 к.

Затѣмъ изъ «окладныхъ земскихъ сборовъ»:

Поземельныхъ, за крестьянами всего уѣзда—31,128 р. 15 к.

Съ недвижимыхъ имуществъ, тоже—2,659 р. 65½ к.

(О недоимкахъ изъ тѣхъ повинностей, которыми завѣдуетъ непосредственно управа, и цифры которыхъ, не смотря на требованіе казначейства, она не сочла нужнымъ означить въ «Раскладкѣ на губернскія и уѣздныя земскія повинности»,—неизвѣстно. Такъ, на одну подводную повинность управа распорядилась, въ 1867 г., собрать съ крестьянства 27,000 руб.; но что́ изъ этого осталось въ недоимкѣ на 68 г. — неизвѣстно. Есть, впрочемъ, основаніе думать, что тутъ недоимокъ не оказалось, какъ не оказывается ихъ, напр., въ сборахъ на жалованье членамъ управы, до послѣдняго ея служителя.)

Итого, за 45,550 д. уѣздныхъ крестьянъ осталось недоимокъ: казенныхъ 247,460 р. 63¼ коп.; земскихъ (по казначейству) 33,787 р.

мировые посредники и мѣстный исправникъ были вызваны въ Тверь, и, какъ говорятъ, по этому предмету будетъ производиться слѣдствіе» («М. Вѣд.» 68 г., № 270). Слѣдствіе—послѣ того уже, какъ крестьянство доведено до безвыходнаго положенія! Поможетъ ли оно обнищалому крестьянству, когда въ тридцать лѣтъ не поправится то, что́ натворено за три года? А между тѣмъ, въ свое время, было заявлено въ печати — что́ готовится крестьянству весьегонскаго уѣзда въ близкомъ будущемъ. Пусть хоть изъ любопытства прочтутъ, въ 153 № «Москвы» 68 г., эту, всю душу потрясающую, картину, — что творилось въ этомъ уѣздѣ, — и ни единая душа не подвинулась повѣрить страшную дѣйствительность!... Такъ и теперь, изъ многихъ мѣстъ слышится о неотлагаемой необходимости—повѣрить дѣйствія управъ; но не слышно, чтобы эта необходимость, гдѣ-либо, была удовлетворена во-время.

80½ к.; а всего—281,248 р. 43¾ к. Цифра, какъ можно видѣть, довольно почтенная; при текущихъ платежахъ, — а земскія повинности на 68 г. управа весьма значительно увеличила, крестьянству не легко одолѣть ее. И не только не одолѣетъ оно ее при настоящихъ порядкахъ, но она будетъ рости, въ геометрической прогрессіи, по причинамъ, о которыхъ будетъ сказано дальше. Но какимъ образомъ недоимки могли дойти и до этой цифры? — самымъ простымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, и неизбѣжнымъ образомъ.

Для уясненія дѣла, необходимо сказать нѣсколько словъ о томъ экономическомъ положеніи, въ какомъ крестьянству уѣзда пришлось вступить въ новый фазисъ своего существованія и столкнуться съ новыми учрежденіями.

Хозяйство помѣщичьихъ крестьянъ, къ великой минутѣ освобожденія изъ крѣпостничества, въ большинствѣ находилось въ самомъ плачевномъ положеніи. Пяти—и даже шестидневная барщина, оброки—въ 35 до 45 руб. съ души, кромѣ такъ-называемыхъ—«натурою» (бараны, куры, яйца, тальки и пр. и пр.), отсутствіе въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ самыхъ необходимыхъ средствъ существованія — лѣсу и дровъ напр., и пр. и пр.,—при подобныхъ условіяхъ крестьянское хозяйство, очевидно, процвѣтать не могло. Но что представляло оно въ дѣйствительности,—объ этомъ и приблизительное понятіе едва ли могли бы составить себѣ незнакомые съ провинціальной жизнью. Недостатокъ скота дошелъ до того, что не во всякой семьѣ можно было найти корову; поля—неудобренныя и необдѣланныя во-время и какъ слѣдуетъ; безвременная уборка чахлыхъ хлѣбовъ, напр. овсовъ изъ-подъ снѣгу; безвременные посѣвы, покосы,—и все кое-какъ, лишь урывками отъ барщинскихъ работъ, — такъ, въ главномъ, шло крестьянское хозяйство, если можно только назвать это хозяйствомъ. Были имѣнія въ двѣ, три и больше тысячъ душъ, за крестьянами которыхъ такъ и стояло издавна названіе — «....скіе нищіе». И это были нищіе во всемъ значеніи слова: они существовали на счетъ сосѣднихъ казенныхъ крестьянъ, такъ что, пока отцы и матери отработывали барщину, ихъ дѣти побирались по казеннымъ деревнямъ и такимъ способомъ прокармливали себя и своихъ родителей.

Благодѣтельная реформа произвела-было громадное нравственное вліяніе на этихъ измученныхъ невыносимыми тяготами крестьянъ: куда дѣлась вѣковая апатія — съ какою относились они къ своему безвыходному положенію! При сколько-нибудь благопріятныхъ экономическихъ условіяхъ, они скоро подняли бы свое хозяйство и улучшили бы весь свой бытъ; потому что, вообще, крестьянинъ нашей мѣстности—неутомимый труженикъ и домовитъ въ высшей степени. Но тутъ является отнятіе пастбищъ, покосовъ, всего, что дало бы имъ возможность усилить скотоводство и, чрезъ то, поправить до тла вымо-

танныя поля, обрѣзка надѣловъ и самыхъ усадебъ такъ—чтобы крестьянинъ, со всѣхъ сторонъ, какъ тисками былъ сжатъ помѣщичьей землей, и за каждый лишній шагъ скотины и даже курицы платилъ штрафъ; лишеніе всякой возможности — имѣть какой-либо лѣсной матеріалъ свой, безъ чего никакое хозяйство сельское правильно развиваться не можетъ; словомъ, эти крестьяне увидѣли, что радость ихъ за полученную свободу не можетъ быть особенно-продолжительною, и самыя существенныя нужды жизни снова погонятъ ихъ подъ тоже ярмо, изъ-подъ котораго они только-что было выбились.

Отсюда, вотъ положеніе — въ какомъ одна половина уѣзднаго крестьянства столкнулась съ новыми учрежденіями: нищенское хозяйство — результатъ прошлаго, отсутствіе всего, чѣмъ, по возможности, скоро можно было бы поднять это хозяйство, — всякихъ жизненныхъ ресурсовъ—въ хлѣбѣ, въ деньгахъ, въ чемъ бы то ни было; и ко всему этому, выкупные платежи, казенныя повинности съ каждымъ годомъ увеличивающіяся, повинности «натурой» отъ рекрутчины, повторявшейся въ послѣднее время, каждый годъ, и до подводныхъ, дорожныхъ, постойныхъ, — имъ же нѣсть числа. Положеніе, какъ легко понять, больше чѣмъ не легкое. И если крестьянство на самыхъ же первыхъ порахъ не махнуло на все рукой, то это произошло лишь отъ того, что слишкомъ сильно было нравственное вліяніе на нихъ реформы.

Другая половина уѣзднаго крестьянства, казеннаго, была, сравнительно, въ лучшемъ положеніи. Сельское хозяйство — собственно не стояло у нихъ на высокой степени; да и не могло стоять. Чрезвычайное малоземеліе (въ большинствѣ — полторы, двѣ десятины на душу — *всей* земли), неимѣніе покосовъ, пастбищъ и хоть чего-либо въ родѣ лѣсныхъ дачъ, при такихъ условіяхъ, конечно, крестьянинъ не могъ имѣть избытковъ отъ своего сельскаго хозяйства. И онъ считалъ его достаточнымъ—если оно прокармливаетъ его съ семьей; не унывалъ, если, подъ иной годъ, земля не доставляла ему годового продовольствія, и ему приходилось, болѣе или менѣе, прикупать хлѣбъ. Все, отъ найма покосовъ, покупки дровъ—и до всевозможныхъ повинностей, до удовлетворенія прочихъ потребностей семьи, онъ восполнялъ или домашними ремеслами (колесники, шорники, сапожники, шерстобиты и т. п.), или сторонними заработками, преимущественно на фабрикахъ и заводахъ. Отсюда, если казенные крестьяне нашей мѣстности, вообще, не могли назваться «богатымъ» населеніемъ, то на названіе «достаточнаго» имѣли все право. По крайней мѣрѣ, никакія повинности за ними не стояли, и нищенство въ этой средѣ считалось послѣдней степенью позора: нищій или барщинскій, какъ синонимы, принимались здѣсь за самую оскорбительную брань.

Но и надъ этимъ крестьянствомъ, въ послѣднее десятилѣтіе, обру-

шилось много невзгодъ, которыя отозвались сильнымъ разстройствомъ всего его экономическаго быта. Послѣдовательный неурожай всѣхъ хлѣбовъ втеченіи нѣсколькихъ лѣтъ, почти каждогодные падежи скота, въ основѣ подорвали его хозяйство, не сильное и прежде. А къ этому, упадокъ всѣхъ ремесленныхъ и промышленныхъ дѣлъ почти во всѣхъ провинціальныхъ мѣстностяхъ; быстро и чрезвычайно поднявшаяся дороговизна всѣхъ потребностей жизни, вслѣдствіе чего, сторонніе заработки сдѣлались лишь средствомъ прокормленія для работающихъ; увеличеніе повинностей, все одно къ одному,—и достойное населеніе, въ массѣ, значительно обѣднѣло. До нищенства дѣло не доходило; но для прокормленія семей распродавалось все, что пріобрѣталось многимъ временемъ прежде; да и тутъ еще въ хлѣбъ примѣшивались — мякина, отруби, мѣситка, и тому подобные малопитательные ингредіенты.

Такимъ образомъ, и этой половинѣ уѣзднаго крестьянства пришлось столкнуться съ новыми учрежденіями далеко не въ лучшую пору своего быта.

Чтожъ должно было стать во главѣ всѣхъ заботъ вновь сформировавшагося земства и составленной изъ него управы?

Еслибъ самыя первыя строки «Положенія о земскихъ учрежденіяхъ» и не говорили, что земскія учрежденія образуются «для завѣдыванія дѣлами, относящимися къ мѣстнымъ хозяйственнымъ пользамъ и нуждамъ каждаго уѣзда», то достаточно было самой малой доли здраваго смысла и честныхъ стремленій, чтобы во главѣ всѣхъ заботъ поставить— поднятіе экономическаго уровня уѣзднаго крестьянства, такъ низко упавшаго. Все дальнѣйшее, отъ исправнаго взноса государственныхъ повинностей и до всевозможныхъ мѣстныхъ улучшеній, обусловливалось именно поднятіемъ этого уровня; съ разореннымъ до тла и обнищалымъ крестьянствомъ ничего не подѣлаешь; вмѣсто необходимыхъ мѣстныхъ улучшеній, ему потребуется сильная внѣшняя помощь, что и случилось съ крестьянствомъ весьегонскаго уѣзда, и что предвидѣть повсюду было такъ легко. А помимо этой матеріальной стороны дѣла, что безконечно выше ея, своевременной заботой о поднятіи сказаннаго уровня поддержалась бы сила нравственнаго толчка произведеннаго реформой, и пробудилось довѣріе къ новымъ учрежденіямъ, значенія которыхъ крестьянство вначалѣ совсѣмъ не поняло.

Этой ли заботой задались, соединившіе всю силу въ своихъ рукахъ, дѣятели Калязинскаго земства и сформировавшейся изъ него управы?— Совершенно напротивъ. Поборы, поборы и поборы, съ этого начали и это продолжали сказанные дѣятели, возвышая цифру поборовъ параллельно съ упадкомъ экономическаго благосостоянія крестьянства. Такъ, въ 1867 году управа собрала и израсходовала (на что, о томъ рѣчь впереди) 30,694 руб. 47 коп.; въ 1868 году — 57,755 р. 32 коп.

И эту послѣднюю цифру, противъ утвержденныхъ въ «смѣтѣ» 41,805 руб. 89 коп., управа возвысила собственной своей волей.

И еще, еслибъ только общія земскія повинности!—нѣтъ, на крестьянство же взвалены повинности: подводная, дорожная, на содержаніе—волостныхъ правленій, сотскихъ и десятскихъ,—не говоря уже о рекрутской повинности — съ расходами при сдачѣ и съ надѣлами рекрутъ, и постойной солдатъ и пр. и пр. Чтобы имѣть понятіе о значеніи этихъ повинностей, достаточно сказать, что первою изъ нихъ, съ 1867 г., управа взяла распоряжаться сама и поспѣшила собрать: въ первое же полугодіе—18,000 руб., и во второе—9,000 руб. И еще еслибъ только крупные поборы! нѣтъ, въ дополненіе къ нимъ—мелкіе [1]).

При такомъ порядкѣ дѣлъ, совершенно очевидно, никакого другого результата и не могло быть, кромѣ быстраго накопленія за крестьянами всевозможныхъ недоимокъ. Чѣмъ же, въ самомъ дѣлѣ, станешь

---

[1]) Чтобы имѣть хоть приблизительное понятіе о значеніи крестьянскихъ повинностей, представляемъ цифру платежей одной деревни, по которой можно судить и о прочихъ.—Крестьянъ—93 души (бывшіе казенные). Земли у нихъ—188 десятинъ; тутъ усадебная и полевая, словомъ—вся тутъ; да и изъ этой—12 дес. неудобныхъ.

Платежи 1867 года (въ 1868 г., какъ означено выше, земскія повинности увеличены почти въ двое):

Податныя подати (по 1 р. 83 к. съ души) — 170 р. 19 к.—Оброчная подать,—съ разными дополнительными, 347 р. 40 3/4 к.—Еще дополнительныхъ—249 р. 46 1/2 коп. Итого по селенію—767 р. 6 1/4 к.

Мірского и земскаго сбора—91 р. 2 3/4 к. На уѣздныя и земскія повинности—24 р. Всего—882 р. 9 к.

Тутъ *общія* земскія повинности. Значитъ, не говоря уже объ особенныхъ, каждая душа платитъ—9 р. 43 к.—Прибавляя къ этому, съ временно обязанныхъ крестьянъ, 9 р. выкупной суммы,—18 р. 43 к.; а съ мелкими расходами при томъ, наберется и всѣхъ—20 р. однихъ общихъ платежей.—Цифра, сама по себѣ, не неодолимая для крестьянина,—но лишь при благопріятныхъ экономическихъ условіяхъ. А тутъ пастбищъ нѣтъ; покосы нанимаются (для прокормленія одной лошади на 10—15 р.); лѣсной матеріялъ,—отъ прута и кола для изгородей и до дровъ въ избы и овины, и до бревенъ на строенія, весь покупается,— и теперь, за истребленіемъ помѣщиками лѣсовъ, по чрезвычайно высокимъ цѣнамъ. Легко ли же одолима сказанная цифра при такихъ условіяхъ?—А если представить себѣ тѣ бѣдствія, отъ неурожаевъ и падежей, которыя обрушились на крестьянство нашихъ мѣстностей за послѣднее время, то самая возможность этой цифры не представится ли больше—чѣмъ сомнительною?—Такъ, въ послѣдніе годы, больше—чѣмъ двѣ трети уѣзднаго крестьянства, съ самаго начала зимы, уже покупаютъ ржаную муку, цѣна которой, въ прошлые два года доходила до 1 р. 25 к., а въ настоящемъ стоитъ на 9б—1 р. 5 коп. за пудъ. Для самой обыкновенной семьи, въ 8—10 на большихъ и малыхъ, требуется не менѣе двухъ пудовъ въ недѣлю, къ хлѣбу требуется соль (и та вздорожала),—а о чемъ либо въ родѣ харчей крестьянство уже не помышляетъ. Какая же есть возможность сказанной цифры, когда зимній заработокъ крестьянина—1 р.,—1 р. 25 к. въ недѣлю, на всемъ своемъ?—На что потянешь, и какимъ несодѣяннымъ чудомъ растянешь на всѣ жизненныя потребности этотъ жалкій заработокъ?

платить, когда — ни въ домѣ взять нечего, ни внѣ дома достать не откуда? когда помимо всѣхъ платежей, ни куска хлѣба, ни полѣна дровъ нѣтъ у семей?—Правда, недоимки «выбивали» и продолжаютъ «выбивать»; но разумѣютъ ли,—не-«выбиватели»—эти-то «вѣдаютъ—что́ творятъ», а стоящіе внѣ народной жизни—что именно «выбиваніе» недоимокъ и ведетъ неизбѣжно къ возрастанію ихъ въ геометрической прогрессіи?—Да!.. И вотъ—какимъ образомъ ведетъ.

Въ началѣ земства, административная власть въ Калязинѣ стояла въ сторонѣ отъ дѣятелей земства и, не подчиняясь ихъ деспотическимъ притязаніямъ, умѣряла до нѣкоторой степени ихъ рвеніе—располагать крестьянствомъ, какъ благопріобрѣтенной собственностью. Вслѣдствіе этого, было все пущено въ ходъ — чтобы избавиться отъ «безпокойной» административной власти и благопріобрѣсть «спокойную», т. е. такую, которая не только не мѣшала бы, но всячески содѣйствовала сказанному рвенію. Усилія увѣнчались успѣхомъ. Благопріобрѣтенной власти потребовалось, какъ говорится, «оправдать довѣріе». И распорядилась она — «выбить» недоимки, не обращая вниманія ни на кого и ни на что, не соображаясь ни съ настоящимъ, ни съ будущимъ крестьянства,—т. е. распродать у крестьянина все—что́ въ данную минуту меньшая полицейская власть найдетъ у него. И въ то самое время, какъ у крестьянина, за какой-нибудь десятокъ рублей недоимки, вырываютъ послѣднія жизненныя опоры, помѣщикъ — съ сотнями, съ тысячами руб. недоимки,—знать никого и ничего не хочетъ. Такъ напр., за предсѣдателемъ управы, кромѣ всего прочаго, стоитъ недоимка — *штрафъ*, за уклоненіе отъ платежа долговъ, въ 1,500 руб.—по казначейству;—и никому до этого и дѣла нѣтъ. И сколько такихъ недоимокъ по уѣзду!.. Прекрасно. И послѣдняя скотина, на которой, какъ на послѣднемъ волоскѣ, висѣло хозяйство крестьянина, продана; продана, понятно, за безцѣнокъ, какъ бываетъ при всякой безвременной продажѣ;—недоимка, больше или меньше, выбита. Но что́ за тѣмъ?—у земли отняты и тѣ послѣдніе клочки удобренія, которые, за зиму, могла подготовить проданная скотина; у крестьянина отнята возможность обработки; значитъ, впереди—брошенныя поля, лишеніе всего, что́ только требуется для человѣческаго существованія, и то страшно-безвыходное положеніе, въ которомъ самая сильная внѣшняя помощь можетъ быть лишь палліативомъ. А текущіе платежи, между тѣмъ, стоятъ въ своей неприкосновенной цѣлости; потому что еслибъ сама благопріобрѣтенная власть, и съ какимъ либо «митхадъ-пашей» за едино, отправилась «выбивать» ихъ, то можетъ сдѣлать только одно — распродать послѣднія лачуги и выгнать крестьянство «во чисто поле», прежде чѣмъ оно само побросало свои селенія. Чтожъ остается? одно и послѣднее: во имя «круговой поруки» приняться за тѣхъ крестьянъ—которые, по какимъ-либо исклю-

чительнымъ обстоятельствамъ, не обѣднѣли окончательно, распродать все, что еще сохранилось у нихъ, и такимъ образомъ, провести уровень обнищанія надъ всей мѣстностью. Вотъ путь, которымъ довели (получая благодарности, и чуть ли не награды—«за успѣшное выбитіе недоимокъ») весьегонское крестьянство до голода, до необходимости сильной внѣшней помощи и, въ концѣ концовъ, до слѣдствія, вѣроятнымъ исходомъ котораго будетъ: «волею божіей, за наши прегрѣшенія, случилось все таковое». Этимъ же путемъ, съ наилучшимъ успѣхомъ — достойнымъ благодарностей и наградъ, ведется калязинское крестьянство, которому до сказаннаго уровня остается уже одинъ шагъ. Только ли двухъ уѣздовъ? Пусть, кому желательно знать—сколько уѣздовъ не ведется этимъ путемъ, возьметъ на себя трудъ—лично изслѣдовать дѣятельность провинціальнаго земства и настоящее положеніе крестьянъ: такое изслѣдованіе безошибочно покажетъ оборотную сторону медали, лицевая сторона которой не перестаетъ еще обольщать неразумѣющихъ дѣла, какъ оно есть.

Чѣмъ, покрайней мѣрѣ, вознаграждается крестьянство за всецѣлое разстройство своего экономическаго быта?

Передъ нами отчеты калязинской управы за всѣ три года ея дѣятельности. Читая ихъ, невольно изумляешься:—что́ за роскошь заботъ объ народѣ!.. На все-то обращено вниманіе; все обдумано, обсуждено, для всего взяты нужныя мѣры: за этимъ потокомъ, разливаемаго дѣятелями управы, добра въ народной средѣ можно забыть даже и объ разореніи крестьянства.—Но какую непроходимую, старо-подъяческую ложь тутъ обличаетъ первая же повѣрка того, что есть въ дѣйствительности!.. И еще, еслибъ только ложь!

За заботой объ экономическомъ благосостояніи крестьянства должны слѣдовать заботы объ народномъ здоровьи и образованіи. Что тутъ есть въ дѣйствительности, по части санитарной и образовательной?

Въ дѣйствительности, крестьянство по части своего здоровья и теперь также предоставлено волѣ судебъ, какъ это велось въ былыя времена. Не говоря уже о тѣхъ спорадическихъ и эпидемическихъ болѣзняхъ, которыя, время отъ времени, донимаютъ крестьянство безъ всякой пощады, — доселѣ не взяты надлежащія мѣры даже противъ той язвы, которая губитъ цѣлыя генераціи: сифилисъ на всей свободѣ продолжаетъ отравлять всю мѣстность, загоняемый въ самую глубь народной жизни знахарскими леченьями. И еще что́? въ настоящее время — оспа принимаетъ тоже эпидемическое свойство, какъ это было лѣтъ восемьдесятъ тому, когда она произвела столько опустошеній во всей нашей мѣстности. А между тѣмъ крестьянство обязано платить значительныя суммы за свое здравіе; существуютъ и лица для полученія какой-либо части изъ этихъ суммъ;

quasi-есть и аптеки съ аптечками, и хирургическіе инструменты, все какъ быть тому слѣдуетъ. Почемужъ quasi и не быть всему этому? вѣдь никто же не повѣряетъ того, что́ есть въ дѣйствительности, какъ и *дѣйствительныхъ* расходовъ по части санитарной; а бумага, какъ извѣстно, все терпитъ—какими цифрами ни испестри ее. Необходимо замѣтить, что крестьянство, особенно огорченное тѣмъ, что нѣкая личность, судившаяся за обирательство его при наборѣ, лишь вельможнымъ паномъ разъѣзжала по волостнымъ правленіямъ и получала за то 700 рублей жалованья,—положительно не сочувствовало налогу ради своего же здравія.

По части образовательной, въ послѣднемъ «отчетѣ» объявляется, что въ уѣздѣ имѣется—9 школъ казенныхъ и 24 частныхъ, въ которыхъ «воспитывается (даже *воспитывается!!*) 757 муж. и ж. пола учащихся». Затѣмъ заявляется, какъ то слѣдуетъ, а именно: «цифра эта по числу народонаселенія къ сожалѣнію весьма незначительная; поэтому долгомъ считаю обратить особенное вниманіе земскаго собранія на возможное распространеніе въ народѣ грамотности, чрезъ устройство и открытіе правильно организированныхъ (sic) школъ на первый разъ хотя по одной въ каждой волости временно-обязанныхъ крестьянъ». Что можетъ быть отраднѣе этого заявленія? найдено возможнымъ, въ каждой волости открыть по школѣ, да и не коекакой, а по *правильно организированной* школѣ: что́ и требуется, чего и жаждетъ такъ давно и такъ сильно крестьянство!!. Но что, еслибъ какой-нибудь педагогъ, даже и не-педагогъ, а лишь честно желающій узнать правду дѣла, заглянулъ хоть только въ то, что названо существующими школами? Онъ нашелъ бы, что скорѣй и вѣрнѣй убить народное образованіе, какъ оно убивается теперь мнимыми ревнителями его, уже не возможно; что оттолкнуть крестьянство отъ всего, что зовется школой, нельзя лучше того, какъ оно теперь отталкивается. Были ославлены казенно-волостныя училища, какъ никуда негодныя, но всежъ они хоть что-нибудь да дѣлали. А теперь, вотъ образчикъ. Село Талдомъ, по развитости тутъ крестьянства, самое бойкое изъ всей мѣстности и центральное мѣсто раскола. Въ училищѣ этого села, пока оно не попало въ руки этихъ ревнителей образованія, менѣе 70 учениковъ не бывало; въ настоящемъ году ихъ-22;—прогрессъ.!.. Тутъ же существуетъ училище для дѣвочекъ, съ учительницей, у которой на лицо ни единой ученицы. И это, послѣ вышеписанныхъ заявленій!..

И все-таки, по части санитарной и образовательной, если не самое дѣло, то хоть призракъ дѣла существуетъ. Но напрасно захотѣли бы поискать въ дѣйствительности хоть чего-либо по части, напр., ветеринарной, въ нашей мѣстности, гдѣ такъ часто повторяются скотскіе падежи; или акушерокъ, для несчастныхъ крестьянокъ, которыхъ

столько гибнетъ безвременно отъ варварскихъ пріемовъ существующихъ повитухъ; или по части пожарной, при пожарныхъ эпидеміяхъ, каждое лѣто охватывающихъ наши селенія,—по какой бы то нибыло части, даже и призрака чего либо, для уврачеванія всѣхъ подобныхъ золъ, нѣтъ въ дѣйствительности. А, между тѣмъ, по «отчетамъ», ни одна сторона народной жизни не оставлена безъ вниманія и самыхъ благодѣтельныхъ мѣропріятій.

Но на чтоже нибудь тратятся деньги земства, эти десятки тысячъ собираемые съ народа и такъ быстро возрастающіе въ количествѣ?

Само-собой разумѣется, расходуются управой сполна. Даже и отчеты въ приходѣ и расходѣ суммъ земства представляются. Но премію, и значительную премію нужно назначить тому, кто взялъ бы на себя трудъ, въ отдѣлѣ расходовъ, привести въ нѣчто ясное и понятное всѣ эти «отчислено, перечислено, отнесено, перенесено, позаимствовано, уплачены заимообразно братыя», и пр. и пр. И все это изъ однихъ и тѣхъ же суммъ, находящихся въ однихъ и тѣхъ же рукахъ, расходуемыхъ однимъ и тѣмъ же лицомъ. Къ чему эта разбивка крупныхъ цифръ на мелкія, растасовка и перетасовка ихъ такая — что и концовъ не найдешь; къ чему вся эта невообразимая путаница, изъ стародѣяческаго міра, славнаго умѣньемъ хоронить всѣ и всяческіе концы въ воду, перенесенная и въ отчеты земской управы,—нужно ли говорить о томъ? И это лишь по части цифръ, какъ онѣ значатся въ отчетахъ, а о повѣркѣ ихъ съ дѣйствительностью, мы уже и рѣчи не поведемъ.

Не будетъ впрочемъ лишнимъ сдѣлать двѣ-три выписки изъ отчетовъ: чтущіе уразумѣютъ, въ чемъ суть дѣла.

Въ самомъ первомъ отчетѣ (1866 г.) читается: «вслѣдствіе представленія управы и по докладу министра внутреннихъ дѣлъ, почетный гражданинъ П. удостоился высочайшаго благоволенія за *безвозмездную отдачу* дома къ удовлетворенію потребностей земства». Въ слѣдующихъ отчетахъ читаемъ: *на наемъ* и содержаніе дома купца П. 1,200 руб.; *на наемъ* помѣщенія для рекрутскаго присутствія (которое помѣщалось въ томъ же домѣ) 150 руб.» Куда дѣвались эти тысяча триста пятьдесятъ рублей, взятые съ земства за *безвозмездно* отданный домъ? Какъ-то всѣ израсходовались, разбросанныя въ отчетахъ по клочкамъ и отдѣламъ, «отчисленныя, перечисленныя, зачисленныя», и пр. и пр., все въ такомъ же родѣ. Ab uno disce omnia!

Въ «Смѣтѣ на 1868 г.»: на канцелярію уѣздной управы 1,900 р.; на канцелярію мирового съѣзда судей 2,000 р.; на содержаніе канцеляріи съѣзда мировыхъ посредниковъ 500 р.». Нужно замѣтить, что всѣ эти, soi-disant, «три канцеляріи»—одно и тоже. И вотъ эти «три канцеляріи», по смѣтѣ на 1867 годъ, обошлись земству въ 4,900 р.; по

смѣтѣ на 1868 г. должны были обойтись въ 4,400 р.; а причисляя сюда же — на содержаніе кандидатовъ мировыхъ посредниковъ (не существующихъ) 150 р.; на наемъ землемѣровъ при мировомъ съѣздѣ посредниковъ (весьма сомнительный) 500 р., — въ 5,050 р. Казалось бы достаточно, и сверхъ всякой мѣры достаточно?—нѣтъ, какъ видно изъ ноябрьскаго отчета за прошлый годъ, управа собственной волей распорядилась: «на усиленіе канцеляріи сей управы—120 р.; на наемъ для управы—казначея, бухгалтера и помощника—600 р.». Итого, въ прошломъ году, земство поплатилось управѣ суммой въ 5,770 рублей!... И такая сумма въ то самое время, когда у разоряемаго крестьянства «выбиваются» недоимки, до распродажи послѣдней скотины со двора!...

Въ прошломъ же году, «на покупку фашиннику выдано: въ распоряженіе члена управы, Ш., 287 р., калязинскому исправнику—50 р., приставу 1-го стана—120 р., волостнымъ старшинамъ—180 р., и пр.; всего—753 р.». И еще: «съ 1 по 26 сентября на покупку фашиннику и пр. — 1,115 р. 68 к.»;—тутъ уже безъ означенія кому. Что, еслибъ повѣрить хоть одинъ этотъ фашинникъ, по поводу котораго такъ много крѣпкихъ словъ слышалось въ крестьянской средѣ? Впрочемъ, у одного изъ крестьянъ-старшинъ не хватило духу.... израсходовать на фашинникъ выданные ему 60 р., и онъ употребилъ ихъ на волостныя потребности; а все-таки не могъ не выполнить того, ради чего раздавались старшинамъ фашинниковыя деньги.

Въ прошломъ же году: «на содержаніе мировыхъ посредниковъ— 3,000 р., на содержаніе мировыхъ судей и ихъ канцелярій—6,000 р., и дополнительныхъ къ этой послѣдней цифрѣ — 400 р.» Что, еслибъ догадались спросить народъ, — какой жизненной пользой вознаграждаются ему эти девять тысячъ четыреста рублей? Что, еслибъ кому-либо изъ разумѣющихъ дѣло пришло на мысль — повѣрить дѣятельность этихъ, дорого стоющихъ народу и не народомъ избранныхъ, дѣятелей? или хоть только всмотрѣться въ способность ихъ къ дѣлу?

Замѣчательно, что единственная цифра идетъ сквозь всѣ отчеты безъ «отчисленій, перечисленій» и тому подобной путаницы: «на содержаніе членовъ уѣздной земской управы — 3,100 р.»

Наконецъ, съ 1-го по 26-е сентября управа показала въ расходѣ 12,926 р. 13 к. Ради какихъ земскихъ потребностей такой крупный расходъ въ такое короткое время? По отчету ни для какихъ особенныхъ; а та же, что и прежде разбивка и перетасовка цифръ. Но дѣло въ томъ, что послѣ 26 сентября, избранными отъ земства депутатами, должна была произвестись повѣрка израсходованныхъ управой суммъ; депутатамъ могла войти въ голову дикая мысль: потребовать, для повѣрки, налицо всѣ эти тысячи; ну, и т. д. Когда же они потребовали, по крайней мѣрѣ, документовъ на эти, такъ крупно израсходованныя тысячи, тогда юпитеровское: «*я* израсходовалъ», вразу-

мило ихъ, что тутъ слѣдуетъ не документовъ требовать, а подписать и благодарить; а иначе, кому придется и мѣсто полутора-тысячное потерять, кому въ управу не попасть, и т. п. Подписали и благодарили.

Да, расходуются земскія суммы. Израсходовались въ прошломъ году и калязинской управой 57,755 руб. 32 к. (не утверждаемъ, впрочемъ, чтобы изъ этой суммы не былъ показанъ какой-нибудь ничтожный остатокъ; но всего вѣроятнѣе, что будетъ показанъ дефицитъ, и явятся «позаимствованные»; по послѣднему отчету, наличной суммы на расходъ отъ 26 сентября до конца года оставалось уже только 7,053 р. 98 к.; — что̀ это, для управы?!..). Но кто въ состояніи взвѣсить сумму лишеній, горя, слезъ, разоренія окончательнаго, и пр. и пр.,— въ каковую сумму обошлись эти десятки тысячъ крестьянству?

Но что-жъ само-то крестьянство? Въ прошломъ году кончилось первое трехлѣтіе земства и нужно было выбирать дѣятелей на новое трехлѣтіе; — воспользовалось ли же крестьянство своимъ правомъ — отстранить разоряющихъ его дѣятелей и избрать болѣе благонамѣренныхъ и достойныхъ?

Здѣсь, прежде всего, передадимъ отрывокъ изъ одной крестьянской «бумаги», который былъ напечатанъ въ 106 № «Русскаго» за прошлый годъ. «Бумага», какъ объяснено тамъ, нѣчто въ родѣ докладной записки, которую уѣздное крестьянство изготовило или уже представило *куда-то*.

«Вотъ уже оканчивается трехлѣтіе управленія земствомъ; и государственнымъ крестьянамъ, по передачѣ въ вѣдѣніе земскихъ учрежденій, уже исполнилось два года; но улучшенія крестьянскому сословію нисколько не предвидится, кромѣ безполезныхъ для общества денежныхъ налоговъ. А именно: въ 1867 году, по раскладкѣ на земскія повинности, было предположено и собрано съ уѣзда 26,825 руб.; въ число которыхъ съ крестьянъ собиралось: съ земель по 8 коп. съ десятины, а съ промысловыхъ и торговыхъ заведеній по 10 коп. съ каждаго оборотнаго рубля, которыхъ прежде никогда не платили [1]).

---

[1]) Точно также обложены и всѣ ремесленники — плотники, шильщики, сапожники и т. п. Т. е. крестьянинъ — весь закованъ въ повинности — отъ «души», земли и до самаго, едва пропитывающаго его лично, ремесла. Между тѣмъ, освобождены отъ *всякой* повинности помѣщичьи, не говоря уже о «душахъ», усадьбы, изъ которыхъ нѣкоторыя превышаютъ цѣнностью крестьянскіе надѣлы цѣлыхъ селеній, всѣ и всякіе ремесла и промыслы, и даже самый главный—картежный. Самая разцѣнка земель произведена забравшими всю силу земства въ свои руки такъ, что крестьянскія земли, даже надѣльные торфяники и глинники, зачислены въ *первый* разрядъ (въ 24 р. десятина); помѣщичьи—отхожія пустоши, земли, отрѣзанныя отъ крестьянскаго надѣла, состоящія подъ лѣсомъ и подъ вырубами—во *второй* разрядъ (въ 12 р. десятина; — «Отч. 65 г., стр. 24»). Т. е. тѣ самыя земли и зачислены во *второй* разрядъ, которыя не вдвое, а въ двадцать разъ цѣннѣе и доходнѣе крестьянскихъ пустырей. Пустошь,

Сверхъ того собрано съ 45,000 душъ, въ уѣздѣ находящихся,—по 40 коп. съ каждой, на отправленіе подводной повинности; и еще къ концу того же года по 20 к.—на туже повинность. Въ 1868 г., сборъ этотъ увеличился и собирается съ земель, вмѣсто 8, по 12 коп. съ десятины, съ промысловыхъ и торговыхъ заведеній, вмѣсто 10, по 15 коп. съ рубля. Слѣдовательно, вмѣсто 26,825 р., — 40,238 р. 41 коп. (кромѣ подводныхъ по 40 к. съ души). Но что̀ противъ 1867 г. улучшено, никому неизвѣстно. Исправленіе мостовъ и трубъ на почтовыхъ и большихъ дорогахъ хотя и приняло на себя земство, а полотно дорогъ, и вообще всѣ земляныя работы, оставлены на натуральной обязанности крестьянъ, при покупкѣ, на счетъ земства же, фашиннику и другого лѣснаго матерьяла. А за тѣмъ управа распорядилась и выдала деньги на покупку означеннаго матерьяла членамъ управы, становымъ приставамъ и нѣкоторымъ волостнымъ старшинамъ; но дороги тѣ исправляются по прежнему — тѣми же крестьянами, безъ всякихъ пособій, для чего наряжаются несмотря и на самую рабочую пору, а въ особенности по тракту гдѣ проѣзжаетъ предсѣдатель управы.... Подводная повинность также ничѣмъ не улучшена.... (слѣдуютъ доказательства). Старшины (ничего не дѣлая, какъ тутъ объясняется, а дѣлаютъ все писаря) получаютъ отъ волости жалованье—140 руб., и на разъѣзды отъ управы—120 р., а всего—260 р. въ годъ....

«При новомъ образованіи земства, мы не могли объ ономъ хорошо понимать, и избирались нами въ гласные люди безъ большаго разбора въ достоинствѣ ихъ къ прохожденію этой должности; на слѣдующее же трехлѣтіе хотя уже и поняли, въ чемъ состоятъ неудобства, для чего и желали избрать гласныхъ, — людей опытныхъ и достойныхъ довѣрія, но и тутъ барская власть премогаетъ крестьянъ. Такъ, напр., при выборѣ гласныхъ отъ сельскихъ обществъ перваго участка, выборщики, въ числѣ 170 человѣкъ, единогласно предлагали избрать гласнымъ священника Б.; но мировой посредникъ Н., не смотря на законъ статей — 31 и 35 «положенія о земскихъ учрежденіяхъ» и статьи 44 «правилъ о порядкѣ» и пр., оному избранію, единственно своею волею, воспрепятствовалъ, и быть избраннымъ священника Б. не допустилъ. Тутъ же.... волостной писарь изъ мѣстныхъ крестьянъ С., балотировавшійся по желанію всего общества, но противъ желанія посредника Н., получилъ избирательныхъ 129 шаровъ, а неизбирательныхъ 41; но какимъ-то случаемъ, какъ видно изъ списка гласныхъ изложеннаго въ тверскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ, онъ С. въ число гласныхъ не помѣщенъ...

напр., за всецѣлымъ отсутствіемъ у крестьянства покосовъ и пастбищъ, самая доходная статья въ нашей мѣстности, и притомъ не требующая затраты ни капитала ни труда: лишь отдай, и деньги всегда впередъ.

«Изъ крестьянъ выбрано гласныхъ—15 (общее число—38); въ числѣ ихъ, по настоятельному требованію посредника избраны нѣкоторые волостные старшины, которые обязаны исполнять лишь приказанія начальства, а не общественныя выгоды соблюдать, и которые будутъ держать сторону могущихъ ихъ старшинами оставить и даже еще большимъ жалованьемъ на счетъ мірской вознаградить. А за тѣмъ, нѣсколько неопытныхъ мужиковъ, что́ къ общей пользѣ могутъ противопоставить 18-ти на все искуснымъ дворянамъ?—вовсе ничего. А по этому и должно ожидать впередъ того же барскаго управленія, какъ и прошедшее трехлѣтіе...»

Изъ этой бумаги, составленной крестьянствомъ, до осязаемости очевидно, что оно вполнѣ понимаетъ, откуда и въ чемъ зло; но совершенно безсильно бороться съ нимъ. Такъ, по окончаніи перваго трехлѣтія земства, во чтобы то ни стало, хотѣло крестьянство избавиться отъ забравшихъ всю силу въ свои руки: на частныхъ и общественныхъ собраніяхъ заранѣе обсудило и рѣшило оно, кому быть гласнымъ отъ него;—гласнымъ, которыхъ нельзя было бы соблазнить ни фашинниковыми, ни иными благоволеніями — за мірской счетъ, и которые достаточно имѣли бы въ себѣ силы духа, чтобы, не устрашась юпитеровскихъ — «Я»!..., вотировать за перемѣну наличнаго состава управы и учинить строго справедливую повѣрку развѣянныхъ ею десятковъ тысячъ. Обо что́ разбились вполнѣ законныя стремленія крестьянства, изъ приведеннаго отрывка видно. Къ переданному въ немъ объ единогласномъ избраніи священника нужно прибавить еще то, что избиратели слишкомъ два часа стояли за свой выборъ,—и ничего не могли подѣлать противъ такого безцеремоннаго попранія высочайше дарованнаго имъ права; что тутъ же засѣдала высшая административная власть уѣзда, — и молчаніемъ отдѣлывалась, когда крестьянство, во имя закона и правды, обращалось къ ней съ просьбой о поддержкѣ его права. Чтожъ тутъ подѣлаешь?!.: «Оно могло протестовать, жаловаться», и т. п., безъ сомнѣнія скажутъ или невѣдающіе дѣйствительности, или игнорирующіе ее. Могло, что и говорить!.. Но для осуществленія этой возможности, для крестьянъ требовалась, по крайней мѣрѣ увѣренность, что за протестъ, при всей его законности, не придется поплатиться также, какъ это случалось въ былое время; что протестъ примутъ въ его истинномъ значеніи — какъ легальное заявленіе о нарушенномъ правѣ, а не какъ возмущеніе противъ власти, и даже двухъ властей засѣдавшихъ тутъ; а откуда могла быть въ нихъ эта увѣренность? Ни единаго прецедента для нея въ ихъ жизни еще не случалось. Поневолѣ оставишь всякую мысль о чемъ-либо въ родѣ протеста, и выберешь — въ гласные, въ члены управы, во что бы то ни было, — не желанныхъ, а кого прикажутъ.

И что́ говорить о крестьянствѣ, когда даже городскія общества

обдѣлываютъ, если не такъ безцеремонно, то также ловко, чтобы не допустить въ гласные лица, способныя противодѣйствовать вышеописаннымъ стремленіямъ? Не дальше какъ въ томъ же Калязинѣ, на общественномъ собраніи для выбора гласныхъ, весьма значительное число голосовъ было за одного изъ мѣстныхъ священниковъ [1]). Но это было предвидѣно, потому что въ обществѣ задолго прежде и громко говорили о необходимости избрать этого священника. И вотъ какой фокусъ былъ употребленъ, чтобы, не только не допустить выбора этого священника въ гласные, но и выбрать именно такихъ, какихъ было приказано, т. е., которые шли бы къ масти. Когда дѣло дошло до самой балотировки въ гласные, вдругъ нѣкая, засѣдавшая тутъ, власть заявляетъ, что она не имѣетъ возможности оставаться долѣе въ собраніи, и проситъ отложить балотировку до слѣдующаго раза. Кто нужно, были подготовлены, и сейчасъ же изъявили свое согласіе. Не подготовленные не смекнули сразу въ чемъ дѣло, и не нашлись, что сказать толкомъ, а лишь подняли безтолковый крикъ, изъ котораго, понятно, ничего не вышло. Черезъ день было опять собраніе, но не общества, которому даже и «повѣстки» не были разосланы, — а какого-нибудь десятка личностей, хорошо налаженныхъ, что́ именно слѣдуетъ устроить. И устроили, подобрали къ масти. Одураченное большинство покричало, покричало, да на томъ и повершило: «протестовать?! поди-тутъ свяжись еще; пойдутъ слѣдствія, да допросы»... Чтожъ, послѣ этого, говорить о крестьянствѣ?...

Осуществились ли желанія крестьянъ, чтобы былъ измѣненъ наличный составъ управы, угадать не мудрено. И отчегобъ онъ измѣнился?

Землевладѣльцы, извѣстные въ уѣздѣ своей пуританской честностью и несомнѣнной общеполезностью стремленій, съ перваго же раза, какъ только увидѣли, кто и какими путями забралъ силу зем-

---

[1]) Въ послѣднихъ нумерахъ «От. Зап.» за прошлый годъ были напечатаны статьи: «Изъ недавней поѣздки», которыя стоитъ прочитать желающимъ имѣть вѣрное и ясное понятіе о провинціальномъ земствѣ. Но вотъ что говорится въ ней о духовенствѣ: «представительство духовенства такъ ничтожно, что о немъ и упоминать не стоитъ; да, притомъ, и личные интересы его слишкомъ мелки и исключительны. На первыхъ собраніяхъ гласные отъ духовенства разсчитывали, что земство имъ дома выстроитъ и дастъ малую толику деньжонокъ за то, что они при своихъ приходахъ, будтобы, школы завели; но, встрѣтивъ полное равнодушіе къ своимъ нуждамъ и разочаровавшись въ своихъ надеждахъ, большинство изъ нихъ бросило даже ѣздить на собранія, отъ которыхъ, какъ видно, толку для нихъ, какъ отъ козла: ни шерсти, ни молока». Трудно вѣрить этимъ словамъ. Не само духовенство отстранилось отъ земства, которому оно и могло, и желало принести самую существенную пользу, а для его отстраненія не жалѣли и не жалѣютъ козней и интригъ. Такъ—во всей тверской губерніи; такъ, по печатнымъ заявленіямъ — изъ множества мѣстъ иныхъ губерній.

ства въ свои руки, уклонились отъ всякаго участія въ дѣлахъ его. Одинъ же изъ таковыхъ, на котораго крестьянство возлагало наиболѣе надеждъ, выбранный въ гласные, не явился на то собраніе, на которомъ шла балотировка членовъ управы, не смотря на то, что весь день пробылъ въ городѣ и посѣтилъ, кого для личныхъ дѣлъ было нужно. Всѣ могущіе стать за дѣло крестьянства были отстранены. Старшины-гласные горой стали за своихъ благодѣтелей; земно-кланяясь, благодарили за благодѣянія земству и просили униженно о продолженіи ихъ; и какъ иначе? жалованье, подводныя, ни за-что, ни про-что, фашинникъ... И вышло, въ концѣ концовъ, что съ десятокъ гласныхъ не «обдѣланныхъ» положили, кому слѣдуетъ, черные шары; всѣ же прочіе гласные клали бѣлые шары. Цѣль, такимъ образомъ, была достигнута, какъ нельзя лучше. Сила земства осталась въ тѣхъ же рукахъ, такъ благодѣтельныхъ для крестьянства. И тутъ же поспѣшили воспользоваться этой силой: вмѣсто четверыхъ членовъ управы нашли нужнымъ оставить лишь троихъ;—ради облегченія крестьянства? всего менѣе;—а ради того, чтобы жалованье четвертаго было раздѣлено между троими. Нельзя не замѣтить, что, по крайней мѣрѣ, двое изъ этихъ троихъ имѣютъ лишь фиктивную собственность, а поэтому и фиктивное право даже и на то, чтобы быть гласными, не говоря уже о томъ, чтобы быть членами управы. Слѣдовательно, въ случаѣ какихъ-либо прорухъ, или строго-честной повѣркѣ откуда либо сверху, вся тяжесть оказавшихся недочетовъ ляжетъ опять-таки на несчастное крестьянство.

И не то еще самое худшее во всемъ этомъ, что разореніе крестьянства доведется до конца: свѣтъ не безъ добрыхъ людей,—до голодной смерти не допустятъ, какъ не допустили до этого и весьегонское крестьянство; а разоренные даже и «французомъ» поправились же наконецъ. Но то самое худшее, что въ народной массѣ убивается окончательно и навсегда всякая вѣра въ лучшее дѣло нашего времени, въ то самое дѣло, которое должно было положить историческую грань между Русью крѣпостничества, со всѣми его благами, и Русью новой жизни.

«Въ народной массѣ?—но это, или ложь, или непозволительное преувеличеніе. Тамъ и здѣсь, появляются корреспонденціи изъ провинціальныхъ мѣстностей, въ которыхъ самыми радужными красками описываются благодѣянія, потоками изливаемыя на народъ забравшими силу земства въ свои руки».

А кѣмъ пишутся эти корреспонденціи—крестьянствомъ ли? А что говорятъ люди не причастные дѣлу, имѣвшіе возможность заглянуть въ ту или другую провинціальную мѣстность?—Что сказано въ «Недавней поѣздкѣ», о которой упомянуто выше?

Конечно, было бы непозволительнымъ преувеличеніемъ утверждать,

что вездѣ такъ, и нѣтъ добрыхъ исключеній: Русь слишкомъ обширна, чтобы не нашлось въ ней мѣстности, гдѣ крестьянство благословляетъ и свою земскую управу, и даже своихъ мировыхъ судей, выбранныхъ законнымъ порядкомъ, а не между карточными сдачами распредѣленныхъ. Но много ли найдется такихъ исключеній? *)

То, покрайней мѣрѣ, можетъ служить утѣшеніемъ для каждой мѣстности, какъ и для калязинскаго крестьянства, что не онѣ первыя, не онѣ и послѣднія, которыя обдѣлываются такимъ благодѣтельнымъ образомъ. Вотъ, напр., что́ заявлялось въ прошломъ году о смоленскомъ земствѣ: «въ настоящемъ году оканчивается первое трехлѣтіе нашей земской жизни. Минута оцѣнки приближается, и что́ же мы видимъ кругомъ себя въ Смоленской губерніи? — громадный расходъ на содержаніе управъ и съ каждымъ днемъ возрастающую нищету народа; огромный непроизводительный долгъ на прокормленіе крестьянъ и страшный голодный тифъ, который до сихъ поръ уноситъ ихъ цѣлыми семьями. Никакихъ искреннихъ заботъ, никакихъ своевременныхъ мѣръ для пользы народа, кромѣ заботъ объ акуратномъ полученіи жалованья. Я вижу десятки и сотни тысячъ рублей, кидаемыхъ безплодно и безполезно. Я вижу людей, съ убійственнымъ равнодушіемъ опускающихъ себѣ въ карманъ эти рубли на счетъ разоряемаго народа. Смерть, нищета, воровство, позоръ, — вотъ что заставило меня говорить наконецъ публично» и т. д. Что́ можетъ быть утѣшительнѣе этого единодушія благодѣтельныхъ стремленій? — никому незавидно: всѣмъ достанется поровну; все сведется подъ одинъ уровень. А на людяхъ, какъ извѣстно, и смерть красна. А тамъ, дастъ Богъ, обнищалое крестьянство, проклявъ новыя учрежденія, возжаждетъ поворота въ старую колею; что и требовалось доказать, — думаютъ иные.

Калязинъ. Б.

*) Мы полагаемъ, что въ настоящемъ случаѣ важно не то, много ли, или мало найдется исключеній, а то, что сколько бы ни было случаевъ злоупотребленія, въ наше время зло собственно должно называть исключеніемъ, а не правиломъ, и это большой успѣхъ сравнительно съ прежнимъ временемъ. Мы позволяемъ себѣ не согласиться съ авторомъ относительно причинъ тѣхъ печальныхъ явленій, на которыя онъ указываетъ: нельзя объяснять злоупотребленіемъ отдѣльныхъ лицъ неудачу цѣлаго строя жизни, такъ какъ сами злоупотребленія есть только результатъ болѣе отдаленныхъ причинъ, которыхъ мы касались не разъ, говоря о земствѣ и объ охлажденіи къ нему его дѣятелей.

Ред.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1-го мая 1869.

Ходатайство земствъ о реальныхъ гимназіяхъ и его судьба. — Туркестанская выставка и наши пріобрѣтенія въ Средней Азіи. — Волненіе въ оренбургскомъ краѣ. — Второй выпускъ облигацій Николаевской желѣзной дороги. — Отчетъ о желѣзныхъ дорогахъ за 1868 годъ. — Земскіе выборы. — Статистика земскаго представительства. — Проектъ о новомъ сословіи. — «Всеобщее еврейское общество» и наши евреи. — Сущность еврейскаго вопроса въ Россіи.

Отъ преній и диспутовъ, переходившихъ, до послѣдняго времени, въ брань и обвиненія противниковъ чуть не въ измѣнѣ, пресловутый вопросъ о классицизмѣ и реализмѣ попалъ наконецъ на почву фактовъ, болѣе здоровую и осязательную почву. Въ одномъ изъ апрѣльскихъ нумеровъ «Правительственнаго Вѣстника» мы прочли:

«Министръ народнаго просвѣщенія сообщилъ министру внутреннихъ дѣлъ, что имъ внесены въ Комитетъ министровъ *ходатайства земскихъ собраній:* а) черниговскаго губернскаго и нѣжинскаго уѣзднаго — *о преобразованіи нѣжинской классической гимназіи въ реальную, съ предоставленіемъ затѣмъ окончившимъ въ ней курсъ ученія права на поступленіе въ университетъ на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и воспитанникамъ классическихъ гимназій;* б) александрійскаго уѣзднаго — объ измѣненіи въ томъ же смыслѣ § 122 устава гимназій и прогимназій 19-го ноября 1864 г.; и в) нижегородскаго губернскаго — о дозволеніи воспитанникамъ реальныхъ гимназій при поступленіи въ университетъ держать экзаменъ лишь изъ тѣхъ древнихъ языковъ, знаніе которыхъ необходимо въ избранномъ ими факультетѣ.

«Разсмотрѣвъ представленія министра народнаго просвѣщенія по этому предмету и усматривая изъ нихъ, что ходатайства, возбужденныя упомянутыми земскими собраніями, касаются общей системы образованія и организаціи учебной части въ Имперіи, подвергавшихся, въ установленномъ порядкѣ, подробному обсужденію, и получившихъ, законодательнымъ путемъ, окончательное разрѣшеніе высочайше утвержденными, 18-го іюня 1863 г. и 19-го ноября 1864 г., уставами университетовъ, гимназій и прогимназій, *Комитетъ министровъ нашелъ, что вопросы сіи не подлежатъ обсужденію означенныхъ земскихъ учрежденій.*

Итакъ, нѣкоторыя земскія собранія ходатайствуютъ объ измѣненіи одного изъ параграфовъ послѣдняго устава гимназій; а Комитетъ ми-

нистровъ отказываетъ имъ въ этомъ ходатайствѣ на томъ основаніи, что подобные вопросы не подлежатъ обсужденію означенныхъ земскихъ учрежденій. Въ этомъ дѣлѣ есть общая и спеціальная сторона. Къ чему вообще могутъ относиться ходатайства? Комитетъ министровъ отказалъ въ ходатайствѣ на томъ основаніи, что ходатайство земскихъ собраній направлено къ отмѣнѣ того, что подвергалось подробному обсужденію и получило силу закона; должно ли изъ этого заключать, что ходатайство должно состоять въ просьбѣ о позволеніи воспользоваться тѣмъ, что и безъ того разрѣшено закономъ? Но о томъ, что́ намъ слѣдуетъ по закону, нечего и ходатайствовать; по самому смыслу слова, ходатайство должно всегда относиться къ тому, чтобы просить объ отмѣненіи или измѣненіи прежде постановленнаго, но на опытѣ оказавшагося препятствіемъ къ развитію той или другой общественной потребности. Можно найти самое ходатайство неосновательнымъ по отношенію къ доводамъ, вызвавшимъ его; но на этотъ разъ комитетъ министровъ отказалъ ходатайству, мотивируя его вовсе не тѣмъ, что доводы его неосновательны, а именно тѣмъ, что ходатайствуютъ объ отмѣнѣ прежде установленнаго. Но ходатайство и можетъ только касаться отмѣны прежде установленнаго, или иначе пришлось бы объяснить земскимъ учрежденіямъ, что ходатайство должно имѣть своимъ предметомъ право воспользоваться тѣмъ, что разрѣшено закономъ. Вотъ, еслибы земскія учрежденія ходатайствовали о дозволеніи изъ классическихъ гимназій поступать въ университеты, то имъ можно это разрѣшить, такъ какъ ихъ ходатайство не противорѣчило бы уставу гимназій.

Спеціальную сторону въ настоящемъ случаѣ составляетъ самый § 122, къ измѣненію котораго направлено ходатайство упомянутыхъ земствъ. Но для разъясненія его необходимо обратиться къ исторіи самаго устава 19-го ноября 1864 г., дѣйствующаго и донынѣ. Не многіе уставы слагались у насъ такимъ путемъ, какимъ сложился этотъ уставъ. Выработанный предварительно въ комитетѣ изъ спеціалистовъ, онъ былъ отданъ на публичное обсужденіе; потомъ вновь переработанъ по замѣчаніямъ, доставленнымъ отвсюду, и уже въ этомъ видѣ вышелъ изъ министерства народнаго просвѣщенія, чтобы получить окончательное утвержденіе законодательнымъ путемъ. Однимъ словомъ, уставъ родился не въ канцеляріи, и не могъ быть приписанъ ни волѣ, ни частнымъ вкусамъ одного лица. Но, тѣмъ не менѣе, одна изъ существенныхъ сторонъ этого устава понесла на себѣ слѣды переходнаго состоянія дѣла, а можетъ быть и уступки тѣмъ, которые говорили громче. Однимъ словомъ, были допущены два вида гимназій, классическія и реальныя, но право поступленія въ университетъ было предоставлено однимъ классическимъ, т. е. предположено было основать реальныя гимназіи, но въ тоже время ихъ обставили такимъ

условіемъ, чтобы онѣ остались безъ воспитанниковъ. Такимъ образомъ, реальныя гимназіи осуждены были впередъ на смерть, а классическія продолжали по прежнему недоучивать 95 человѣкъ, и 5 человѣкъ доучивать, т. е. изъ 100 поступавшихъ, — 95 выходили, не окончивъ курса, а 5 кончали съ правомъ поступленія въ университетъ. Въ виду такого происхожденія § 122, надобно было ожидать отъ послѣдующаго времени указаній опыта и выраженій мнѣнія. Вышеприведенныя ходатайства земскихъ учрежденій нельзя не отнести именно къ подобнымъ указаніямъ; въ нихъ выразилось мнѣніе людей искренно и безкорыстно заинтересованныхъ дѣломъ просвѣщенія общества, хозяйство котораго лежитъ на ихъ рукахъ. При выработкѣ устава нашли полезнымъ совѣщаться съ экспертами; почему же обсужденіе о дополненіи или измѣненіи того, что очевидно оставлено было на половинѣ дороги, не должно допускаться, когда дѣло идетъ объ общественной пользѣ?

Говорятъ обыкновенно, что земству можно позволить жертвовать деньги на народное и общественное образованіе, но за тѣмъ вопросъ о томъ, какую систему допустить въ устройствѣ школы—не касается земства, такъ какъ оно не состоитъ изъ спеціалистовъ. Но, во-1-хъ, въ настоящемъ случаѣ земство не представило отъ себя никакой новой системы образованія, а изъ двухъ допущенныхъ уставомъ, избирало ту, которая ему казалась цѣлесообразнѣе. Реальныя гимназіи, о которыхъ ходатайствуютъ тѣ земскія собранія, допущены уставомъ, и земство ходатайствовало только объ измѣненіи той непослѣдовательности въ уставѣ, на которую мы указали выше, а именно, реальныя гимназіи допущены и сдѣланы въ тоже время невозможными, такъ какъ ихъ воспитанники впередъ наказаны лишеніемъ права на высшее образованіе, и слѣдовательно, на лучшее положеніе въ обществѣ. Если въ уставѣ остаются допущенными два разряда гимназій, то вопросъ о выборѣ разряда почему не можетъ подлежать обсужденію земскихъ учрежденій? Если одинъ параграфъ устава осуждаетъ на смерть то, что другимъ параграфомъ призывается къ жизни, то почему нельзя ходатайствовать объ отмѣнѣ того §, который вредитъ дѣлу, допущенному тѣми же уставами? Развѣ только потому, что подобное измѣненіе слѣдовало сдѣлать, не ожидая ничьего ходатайства.

Еще разъ повторяемъ, что ходатайство, по природѣ своей, всегда предполагаетъ, что ходатайствующій имѣетъ въ виду не пользованіе тѣмъ, что законъ уже далъ, но тѣмъ, чего онъ не далъ; а что ходатайство можетъ касаться подобныхъ предметовъ, доказательствомъ служитъ ходатайство гг. Каткова и Леонтьева объ устройствѣ такого учебнаго заведенія, какое совсѣмъ не предвидѣно уставами 1863 и 1864 г., а именно, пансіонъ упомянутыхъ господъ будетъ вмѣстѣ и гимназія и университетъ. Если частнымъ лицамъ дозволено обсудить свое дѣло

по своему крайнему разумѣнію, и потомъ ходатайствовать о томъ, что лежитъ внѣ устава, то почему же цѣлое вѣдомство, какъ земскія учрежденія, лишаются такого же права? Намъ казалось бы, что въ вышеупомянутыхъ случаяхъ, на министерствѣ народнаго просвѣщенія лежала обязанность, по поводу ходатайства земства, возбудить законодательный вопросъ, такъ какъ ходатайство земства клонится къ измѣненію или лучше сказать къ дополненію одного изъ параграфовъ устава гимназій. Относительно же ходатайства нижегородскаго губернскаго земства не предстояло и такой надобности, такъ какъ для удовлетворенія его ходатайства не нужно было ни іоты измѣнять въ уставѣ: додержать экзаменъ изъ предмета, недостающаго реальнымъ гимназіямъ, совершенно согласно съ духомъ устава и съ обыкновенною практикою. Земскія собранія, встрѣчая препятствія въ своемъ стремленіи содѣйствовать успѣхамъ образованія, конечно, охладѣютъ къ вопросамъ, отъ обсужденія которыхъ имъ рекомендуютъ устраниться, да и вообще охладѣютъ къ своему дѣлу, такъ какъ нельзя ограничиваться заботами о матеріальномъ хозяйствѣ, когда успѣхъ матеріальнаго богатства тѣсно связанъ съ успѣхами образованія.

Петербургу, въ минувшемъ мѣсяцѣ, предоставленъ былъ случай ознакомиться хотя немного съ новыми нашими пріобрѣтеніями въ Средней Азіи для усвоенія которыхъ массою нашего общества нужно не столько умѣнье спрягать по-латыни и по-гречески, сколько реальное образованіе. Для большинства, туркестанскій край доселѣ существовалъ только на бумагѣ, въ реляціяхъ о военныхъ дѣйствіяхъ: на выставкѣ онъ является въ оригиналѣ, представляемый своими произведеніями. Подобныя выставки произведеній и разныхъ предметовъ вновь присоединенныхъ къ государству странъ въ большомъ ходу въ Англіи, гдѣ общество относится къ нимъ съ живѣйшимъ интересомъ. Надо надѣяться, что у насъ нынѣшняя выставка повлечетъ за собою нѣсколько другихъ, болѣе полезныхъ выставокъ произведеній Туркестана. Нынѣшняя выставка далеко не полна; на ней вовсе не представлена растительность края, нѣтъ изображеній домашнихъ животныхъ: верблюда, киргизской породы лошадей, скота, почти нѣтъ домашней утвари, нѣтъ образцовъ хлопка, наконецъ — нѣтъ манекеновъ, которые бы представляли экземпляръ племенныхъ группъ, довольно разнообразныхъ въ Средней Азіи. Но, какъ бы то ни было, нельзя не благодарить гг. Сѣверцова, Татаринова, Верещагина и за то ознакомленіе публики съ туркестанскимъ краемъ, какое достигается обозрѣніемъ ихъ коллекцій.

Наиболѣе существенныя свѣдѣнія о краѣ даютъ коллекціи орнитологическая и минералогическая. Первая замѣчательна и по численности предметовъ и по красотѣ нѣкоторыхъ экземпляровъ. Въ кол-

лекціи преобладаютъ птицы хищныя, орлы, грифы—достойные представители этихъ степей, исконнаго отечества хищническихъ ордъ. Въ коллекціи минераловъ есть замѣчательные образчики каменнаго угля и рудъ серебряныхъ, мѣдныхъ и проч. Каменноугольные пласты доселѣ замѣчены въ туркестанской области только въ двухъ мѣстахъ, и мы не знаемъ, началась ли уже правильная ихъ разработка. Что касается рудъ, въ особенности желѣзныхъ и свинцовыхъ, то всѣ показанія путешественниковъ свидѣтельствуютъ, что туркестанскій край долженъ быть богатъ ими. Край, одаренный каменнымъ углемъ и спутникомъ его—желѣзомъ, имѣетъ важные задатки развитія.

Коллекція мануфактурныхъ издѣлій представляетъ образецъ бумажныхъ и шелковыхъ тканей и вышитыхъ кожъ. Издѣлія эти (за исключеніемъ ковровъ и шитыхъ кожъ) далеко не замѣчательны. Само собою разумѣется, что работа здѣсь исключительно ручная. Бумажныя ткани низки, и по неровности нитки (что̀ зависитъ отъ неправильной очистки хлопка), и по краскамъ. Шелковыя ткани—не чисты; ихъ скорѣе слѣдуетъ отнести къ полушелковымъ. Вообще изготовленіе тѣхъ и другихъ тканей въ нашей туркестанской области стоитъ на очень низкой степени. Въ одномъ Ходжентѣ производство ихъ сколько-нибудь значительно, но добротныя, чистыя ткани употребляемыя въ туркестанской области — не туземнаго происхожденія; онѣ ввозятся изъ ханствъ. Исключеніе представляютъ только шерстяныя туркестанскія матеріи и издѣлія изъ войлока. Такъ какъ овцеводство въ рукахъ кочевниковъ, то они же занимаются и приготовленіемъ шерстяныхъ тканей. Коллекція холоднаго оружія любопытна, но ничего не доказываетъ относительно мѣстнаго искусства выдѣлки, такъ какъ лучшіе клинки имѣютъ происхожденіе коканское или бухарское.

О вкусѣ нѣкоторыхъ туземныхъ мастеровъ, вкусѣ конечно своеобразномъ, но тѣмъ не менѣе замѣчательномъ, свидѣтельствуютъ нѣсколько эмалированныхъ металлическихъ издѣлій, особенно пояса изъ бляхъ и шитье по козловой и бараньей кожѣ шелками. Эти кожи выдѣлываются на мѣстѣ, между тѣмъ какъ кожи для шорныхъ предметовъ употребляются, по большей части, привозныя и именно русскія. При огромномъ мѣстномъ скотоводствѣ, выдѣланныя кожи приходится все-таки привозить, по отсутствію на мѣстѣ заведеній для порядочной обработки ихъ.

Нравственная физіономія края, типы его обитателей, нравы, особенности быта представляются на выставкѣ исключительно картинами и эскизами, если не считать бухарскую палатку и могилу мусульманскаго святого, которыя, вмѣстѣ съ великолѣпнымъ чучеломъ «каменнаго барана» наиболѣе занимаютъ публику. Бытовыя картины г. Верещагина очень интересны и характеристичны. Въ нихъ особенно замѣчательны именно — типы разныхъ сословій. Но посѣтитель вы-

ставки, разумѣется, не выноситъ отсюда сколько нибудь опредѣленнаго понятія о составѣ мѣстнаго населенія. Онъ видитъ типы самые различные и объясняетъ ихъ себѣ различіемъ сословій, къ которымъ они принадлежатъ. Между тѣмъ, самп сословныя различія, въ Средней Азіи, представляютъ различія племенныя. Картины никакъ не могутъ замѣнить маннекеновъ или хотя бы статуэтокъ, со строгонаучною классификаціею типовъ.

Въ наше намѣреніе не могло входить помѣщеніе здѣсь обстоятельнаго описанія туркестанской выставки; мы упоминаемъ здѣсь о ней только какъ о фактѣ перваго нагляднаго ознакомленія нашей публики съ физіономіею новыхъ пріобрѣтеній Россіи. Уже и этого слишкомъ неполнаго ознакомленія достаточно для убѣжденія публики, хотя не въ томъ, что пріобрѣтенный нами край — край *богатый*, но въ томъ, что этотъ край имѣетъ всѣ задатки къ тому, чтобы сдѣлаться богатымъ, если мы съумѣемъ воспользоваться его натуральными условіями. Одно это бѣглое обозрѣніе показываетъ, что въ краѣ есть данныя для серьёзной промышленности, и вмѣстѣ, что промышленность теперь стоитъ тамъ низко и по недостатку вспомогательныхъ средствъ, и по неумѣнію. Стало быть, намъ представляется новое обширное поле для дѣятельности. Что касается торговли, то она должна получить сильное развитіе еще гораздо раньше, чѣмъ поднимется туземная промышленность, такъ какъ важнѣйшая торговля въ туркестанскомъ краѣ—транзитная. Коканъ, Бухара, китайскій Туркестанъ, даже Афганистанъ представляютъ громадный рынокъ для сбыта издѣлій восточной Россіи, несмотря на англійскую конкуренцію. Англійская конкурренція тамъ можетъ съ успѣхомъ оспаривать намъ рынки преимущественно потому, что англійская торговля опирается на политику, преимущественно торговую, сосѣдняго англійскаго владѣнія, между тѣмъ какъ наша торговля должна прокладывать себѣ пути сама, не имѣя опоры въ нашей мѣстной политикѣ, носящей на себѣ характеръ военный, политически-преобразовательный, какой угодно, только не торговый. Мало того: и въ этой политикѣ, преимущественно военной и административной, у насъ нерѣдко преодолѣваетъ «ощупь». Между тѣмъ, для установленія и развитія торговыхъ сношеній нѣтъ ничего хуже, какъ неопредѣленность цѣлей — une politique de tâtonnement.

Конкурренція съ Англіею и преобладающее «административное свойство» нашей дѣятельности въ уральскихъ и сыръ-дарьинскихъ степяхъ— вотъ два вопроса, на которыхъ надо остановиться по требованію нѣсколькихъ новѣйшихъ фактовъ.

Изъ объявленія британскаго премьера въ палатѣ общинъ, мы узнаемъ то, о чемъ не могли бы узнать иначе, именно, что въ настоящее время происходитъ «обмѣнъ весьма дружественныхъ соображеній»

между сент-джемскимъ и нашимъ кабинетами, и что переговоры эти обѣщаютъ «благопріятный исходъ». Гладстонъ даже отказался отвѣчать на предложенный ему однимъ членомъ запросъ по поводу среднеазіятскихъ дѣлъ, отозвавшись, что это могло бы помѣшать происходящимъ переговорамъ. Еще до того дня, когда наше обозрѣніе появится въ печати, отсроченный запросъ будетъ повторенъ въ палатѣ общинъ. Во всякомъ случаѣ, о результатѣ переговоровъ мы узнаемъ изъ того же источника прежде, чѣмъ они будутъ примѣнены на практикѣ.

Весьма естественно спросить, — хотя бы только себя, такъ какъ намъ больше спрашивать некого — въ чемъ могутъ состоять эти переговоры? Нѣтъ сомнѣнія, что британское правительство не станетъ добиваться отъ Россіи прямого обязательства относительно сохраненія въ Средней Азіи statu-quo. Но кабинеты могутъ обмѣняться изложеніями своихъ взглядовъ на общія цѣли политики въ Средней Азіи, хотя изложенія такого рода обыкновенно содержатъ въ себѣ мало опредѣленнаго и ничего обязательнаго. Представляется несовсѣмъ вѣроятнымъ ходатайство англійскаго правительства о допущеніи его консуловъ въ наши среднеазіятскія владѣнія, хотя подобное ходатайство и возможно, какъ не противорѣчащее политическимъ принципамъ. Но дѣло въ томъ, что собственный примѣръ слишкомъ противорѣчилъ бы подобному предложенію. Правда, Англія допускаетъ пребываніе иностранныхъ консуловъ въ главныхъ портовыхъ городахъ своихъ ост-индскихъ владѣній. Но внутрь страны она никогда не допускала иностранныхъ агентовъ; напротивъ, съ величайшей подозрительностью смотрѣло всегда ост-индское правительство на попытку какого бы то ни было иностранца проникнуть внутрь страны, именно подозрѣвая въ немъ агента иностраннаго правительства. Бывали даже необъясненные случаи исчезновенія подобныхъ смѣльчаковъ. Но въ нашихъ среднеазіятскихъ владѣніяхъ нѣтъ портовыхъ, болѣе или менѣе изолированныхъ отъ центровъ туземной національности, пунктовъ. Англійскій консулъ въ Ходжентѣ, напримѣръ, былъ бы въ самомъ центрѣ непосредственныхъ сношеній и съ консулами, и съ бухарцами и съ нашими кочевниками, и съ кастою улемовъ, простирающею свое вліяніе на весь среднеазіятскій міръ. Едва ли британское правительство рѣшилось сдѣлать предложеніе, столь мало согласное съ примѣрами собственной его политики.

Едва ли можно предположить въ переговорахъ, начатыхъ сентджемскимъ кабинетомъ, кромѣ обмѣна общихъ взглядовъ, непосредственно практическую цѣль, кромѣ созданія предлога на будущее время. Скорѣе всего слѣдуетъ ожидать, что оно повело рѣчь о положеніи независимыхъ владѣній, находящихся между территоріями, принадлежащими обѣимъ великимъ державамъ: Афганистана, Бухары и

Кокана, изъ которыхъ первыя двѣ недавно были обуреваемы внутренними раздорами, а послѣднее сохранило только тѣнь независимости. Относительно Афганистана, Англія имѣетъ кое-что сообщить намъ, относительно Бухары и Кокана она имѣетъ кое-что спросить насъ. Политика, которой слѣдовало ост-индское правительство, при прежнемъ генералъ-губернаторѣ сэрѣ Дж. Лауренсѣ, относительно Афганистана была политикою полнаго нейтралитета. При чемъ преобладало мнѣніе, что Англіи невыгодно дѣлать шага навстрѣчу Россіи, что лучше всего оставить Афганистанъ между ея властью и властью Россіи, съ тѣмъ, что если бы, современемъ, Россія послала войска и въ Афганистанъ, то трудъ пройти и покорить его — это трудъ огромный и опасный, выпалъ бы на долю Россіи, предпринявшей нападеніе, а не Англіи, заботящейся слишкомъ преждевременно къ предупрежденію такого нападенія. Это мнѣніе сэра Дж. Лауренса преобладало и въ англійской журналистикѣ.

Но мнѣніе это уступило мѣсто другому взгляду; новый англійскій генералъ-губернаторъ, лордъ Майо, счелъ нужнымъ прибрать къ рукамъ Афганистанъ заблаговременно, и нашелъ возможнымъ сдѣлать это, не повторяя прежней, бѣдственной экспедиціи, однимъ дипломатическимъ вмѣшательствомъ, посредствомъ признанія владѣтелемъ Афганистана Эмира Ширъ-Али, одного изъ претендентовъ на господство въ Афганистанѣ. Лордъ Майо, какъ извѣстно, недавно имѣлъ торжественное свиданіе съ Ширъ-Алп и послѣднему посулилъ, какъ говорятъ, ежегодную субсидію въ 120 т. фунтовъ. Это мнѣніе о необходимости заблаговременно обезопасить свою границу въ Индостанѣ противъ предполагаемаго покушенія Россіи (которое теперь представляется намъ совершенно невозможнымъ, но тотчасъ бы пришло намъ на умъ, въ случаѣ войны нашей съ Англіею въ Европѣ) нашло себѣ отголосокъ въ томъ же «Times», который еще недальше, какъ минувшимъ лѣтомъ такъ убѣдительно доказывалъ правильность взгляда сэра Дж. Лауренса. Теперь корреспондентъ «Times» говоритъ, что преданному Англіи афганистанскому эмиру можно давать не только по 120 т. фунтовъ въ годъ, но еще и бо́льшія пособія по-временамъ, вслучаѣ нужды, потому именно, что: «со стороны Россіи грозитъ опасность, и необходимо энергически противодѣйствовать ея завоевательнымъ видамъ».

Эти слова мы приводимъ для того только, чтобы показать, какъ измѣнился взглядъ англійской политики на наши успѣхи въ Средней Азіи; сами по себѣ подобныя опасенія совершенно лишены основанія, особенно въ настоящее время, когда у насъ все еще стоитъ на очереди вопросъ: не отдать ли намъ назадъ эмиру бухарскому самый Самаркандъ? Но вотъ именно этою-то неопредѣленностью, нерѣшительностью съ нашей стороны, англійская дипломація и можетъ воспользоваться. Обязательно сообщая намъ о своемъ намѣреніи признать Шира-Али эмиромъ Аф-

ганистана, для водворенія тамъ спокойствія, и конечно выражая намѣреніе вполнѣ уважать независимость Афганистана, пожалуй даже считать его нейтрализированною областью между владѣніями Англіи и Россіи, британская дипломація можетъ спросить мнѣнія нашего кабинета какъ относительно своихъ взглядовъ на положеніе Афганистана, такъ и относительно положенія ханствъ сосѣднихъ съ нашими владѣніями; спросить насъ покамѣстъ только: признаёмъ ли мы Бухару и Коканъ независимыми владѣніями, подобно тому, какъ она признаётъ Афганистанъ? Вслучаѣ, если мы дадимъ отвѣтъ утвердительный (а отрицательнаго мы, разумѣется, дать не можемъ), англійская дипломація будетъ имѣть въ рукахъ предлогъ уже къ формальнымъ представленіямъ впослѣдствіи, при малѣйшемъ движеніи нашихъ войскъ впередъ. Конечно и утвердительный отвѣтъ съ нашей стороны еще не составитъ обязательства, а предлогъ, полученный англійскою дипломаціею не увеличитъ матеріальныхъ средствъ ея вредить намъ. Но въ политикѣ каждое лишне-сказанное слово вредно. Мы опасаемся именно, чтобы такое лишнее слово не было сказано теперь, подъ вліяніемъ тѣхъ неустановившихся взглядовъ, при которыхъ считается возможнымъ даже вопросъ о возвращеніи Самарканда. Если еще не поставлено внѣ всякаго вопроса даже и обладаніе тѣмъ, что уже принадлежитъ намъ, то легко можетъ случиться, что отъ дальнѣйшихъ пріобрѣтеній мы отречемся, высказавшись въ смыслѣ признанія нами независимости ханствъ, а подобнаго слова не слѣдовало бы произносить ни въ какомъ случаѣ, особенно же, когда ничто насъ къ тому не принуждаетъ.

Вопроса о возвращеніи бухарскому эмиру Самарканда мы уже касались; упомянувъ о немъ теперь, повторимъ, что возвращать ключъ отъ Бухары, когда можно поручиться, что въ будущемъ намъ предстоятъ новыя столкновенія съ нынѣшнимъ ея владѣтелемъ или съ его преемниками, было бы слишкомъ странно. Сверхъ того, надо остановиться на чемъ-нибудь изъ двухъ: или держать въ своей власти Бухару, или замкнуться въ границу Сыра: средняго термина тутъ быть не можетъ.

Возвратимся къ внутреннимъ дѣламъ нашихъ степныхъ владѣній. Выше мы опредѣлили характеръ внутренней политики въ этомъ краѣ, назвавъ его по преимуществу «административнымъ». Какъ-то не слышно, чтобы дѣлалось много для разработки минеральныхъ богатствъ страны, для содѣйствія промышленности. Важный вопросъ о выборѣ рода и направленія путей, для развитія торговли въ Средней Азіи, недавно былъ предметомъ оживленныхъ преній въ «Обществѣ содѣйствія русской торговлѣ и промышленности», которое положило заняться этимъ вопросомъ спеціально и пригласить къ содѣйствію нѣсколько посторонихъ, знающихъ лицъ.

Не знаемъ, обратили ли вниманіе на устройство дорогъ, конно-желѣзныхъ или иныхъ, мѣстныя управленія оренбургскаго и туркестанскаго края. Но преобразованіе края въ административномъ отношеніи энергически приводится въ исполненіе. Туркестанскій край и край оренбургскій составляютъ теперь отдѣльныя области. Но въ обѣихъ дѣло преобразованія ведется на одинаковомъ принципѣ: устраненія туземныхъ вліяній и замѣны ихъ безпрепятственнымъ дѣйствіемъ властей, установленныхъ положеніями.

Изъ свѣдѣній, недавно опубликованныхъ въ «Русскомъ Инвалидѣ», оказывается, что при введеніи новаго положенія объ управленіи киргизами въ оренбургскомъ г.-губернаторствѣ, не обошлось безъ смутъ въ нѣсколькихъ мѣстностяхъ, не только восточныхъ, но и западныхъ. По послѣднимъ извѣстіямъ, въ половинѣ марта, въ оренбургской степи произошло даже довольно значительное нападеніе киргизовъ на нашу команду, причемъ было убито киргизовъ до двадцати человѣкъ. «Русскій Инвалидъ», отзываясь о вводимой реформѣ, какъ о благодѣтельной для киргизскаго народа и встрѣченной сочувственно большинствомъ киргизскаго населенія, приводитъ статистику этого сочувствія. Но изъ нее мы узнаемъ, что новое положеніе введено уже между киргизами, обитающими 60 тысячъ кибитокъ, и что обитатели около 18 тысячъ кибитокъ, въ западной части илецкаго, южной части уральскаго и сѣверовосточной части калмыковскаго уѣзда, «отнеслись къ новому положенію непріязненно и обнаружили противодѣйствіе при введеніи его путемъ гражданской администраціи», вслѣдствіе чего и потребовались мѣры военныя.

Такія обстоятельства военная газета объясняетъ слѣдующимъ образомъ: «Ложныя толкованія положенія, подстрекательства со стороны муллъ и въ особенности высшихъ классовъ киргизскаго населенія». Киргизы «бѣлой кости»—султаны и родоправители, сознавая, что введеніе новаго положенія ослабитъ ихъ деспотическую власть и безграничное значеніе въ средѣ народа, *воспринимающаго начала гражданственности*—сколько извѣстно, не остались безъ вліянія на возбужденіе умовъ» и т. д. Это объясненіе сформулировано слишкомъ удачно, чтобы оно могло остаться безъ отголоска въ другихъ органахъ печати, и, дѣйствительно, оно уже нашло такой отголосокъ. Что касается до насъ, то мы привели это объясненіе не потому, чтобы оно насъ вполнѣ удовлетворяло, а потому, что въ немъ высказывается не только причина происшедшихъ нынѣ безпорядковъ, но и самый духъ нашихъ преобразованій какъ въ оренбургскомъ краѣ, такъ и въ Средней Азіи.

Объясненіе само содержитъ въ себѣ поводъ къ недоумѣнію: вводится реформа благодѣтельная для народа, реформа, имѣющая цѣлью освободить его отъ деспотической власти касты, а между тѣмъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, народъ слѣдуетъ вѣроломнымъ внушеніямъ

этой касты и возстаетъ противъ этой реформы. Какъ объяснить это обстоятельство? Дикостью народа, неспособностью его понять собственный интересъ? Такъ толкуетъ дѣло само объясненіе. Но въ такомъ случаѣ, своевременно ли мы являемся для установленія гражданственности тамъ, гдѣ пока первый нашъ интересъ долженъ состоять въ томъ, чтобы прочно установить свою власть и пріобрѣсть довѣріе всѣхъ классовъ: и низшихъ, и высшихъ. За дѣло гражданскаго уравненія мы можемъ взяться успѣшно только тогда, когда этотъ первый интересъ нашъ будетъ вполнѣ обезпеченъ.

Примѣняясь собственно къ внутренней политикѣ въ Средней Азіи, также носящей на себѣ преимущественно-административный характеръ, спросимъ себя, вполнѣ ли практично начинать дѣло съ соціальной ломки, съ переиначиванія народнаго быта тамъ, гдѣ прежде всего слѣдуетъ прочно основать свою власть? Политика поднятія, уравненія массы, освобожденія ея отъ господства касты могла быть примѣнена съ успѣхомъ въ сѣверозападномъ краѣ; но не на всѣхъ окраинахъ государства одинаковый образъ дѣйствія наиболѣе соотвѣтствуетъ одинаковой цѣли. Въ сѣверозападномъ краѣ мы имѣли дѣло съ массою намъ близкою, родною, которая могла понимать пользу мѣръ предпринятыхъ для нея и сочувствовать самой политической цѣли—освобожденія ея. Понимая это, она потому и не поддалась ни на какіе «злонамѣренные слухи и подстрекательства», исходившія отъ высшаго сословія.

То ли же самое мы видимъ въ Туркестанѣ или хотя бы въ оренбургскомъ краѣ? Вовсе нѣтъ: масса населенія тамъ, во-первыхъ, совершенно чужая русскому народу, да и въ добавокъ полудикая. Ассимилировать ее нельзя въ короткое время; аппелировать къ ея интересамъ противъ тѣхъ вліяній, на которыя мы положиться не можемъ, въ то время, когда намъ прежде всего нужно, чтобы край свыкся съ нашей властью,—это похоже на то, какъ бы мы отдавали деньги въ ссуду хотя бы подъ самый вѣрный залогъ, но на очень продолжительный срокъ, въ то время, какъ деньги нужны намъ для расходовъ сегодня и завтра.

Устранить вліяніе духовенства на судъ, не признавать традиціонной власти султановъ и родоправителей, ввесть въ полудикомъ отечествѣ кочевниковъ наши окружныя и волостныя правленія, да еще, въ добавокъ, назначать въ начальники мѣстныхъ правленій офицеровъ и урядниковъ изъ казаковъ, въ которыхъ туземныя населенія видятъ историческихъ своихъ враговъ—это такая ломка, которая едва ли не была бы болѣе своевременною тогда уже, когда самая власть наша, покорность жителей будутъ внѣ вопроса, когда они уже утратятъ и мысль о возможности ослушанія, а тѣмъ болѣе возмущенія. Напомнимъ еще разъ примѣръ англичанъ въ Азіи: они сперва все оставляютъ по

старому. Нельзя всего дѣлать вдругъ и тамъ, гдѣ на первомъ планѣ еще долженъ стоять вопросъ политическій, безполезно усложнять его общественными преобразованіями, если эти преобразованія не имѣютъ для себя подготовленной, способной оцѣнить и ухватиться за нихъ, массы.

По всѣмъ этимъ соображеніямъ, нельзя не пожелать, чтобы внутренняя политика наша въ зауральскихъ и сыръ-дарьинскихъ степяхъ по мѣрѣ возможности смѣняла свой административный, хотя бы самый либеральный характеръ, характеромъ экономическимъ, промышленнымъ, торговымъ. Твердое положеніе на передовыхъ границахъ, съ рѣшимостью исполнить неизбѣжное рано или поздно, а внутри края— болѣе всего заботливости о скрѣпленіи его дорогами и промышленностью съ Россіею—вотъ пока существенныя черты нашей задачи.

Вопросъ о томъ, будетъ ли въ нынѣшнемъ году сдѣланъ новый заемъ, рѣшился въ утвердительномъ смыслѣ. Объявлено о новомъ выпускѣ облигацій николаевской желѣзной дороги, на нарицательный капиталъ около 69½ милліоновъ руб. По акту о продажѣ николаевской дороги Главному обществу, оно приняло на себя, какъ первый выпускъ облигацій дороги, сдѣланный правительствомъ еще въ 1867 году, на 75 милл. р., такъ и имѣвшій послѣдовать второй выпускъ ея облигацій. Уплата процентовъ и погашенія этихъ займовъ производятся правительствомъ, но въ силу того же акта продажи, Главное общество представляетъ ему, для этой цѣли, изъ чистаго дохода дороги по 7 м. 200 т. р. въ годъ.

Хотя, такимъ образомъ, второй и послѣдній выпускъ облигацій николаевской дороги былъ заранѣе предусмотрѣнъ, но реализированіе его въ настоящее время все-таки составитъ новый заемъ, и прибавимъ, заемъ, который является довольно неожиданно. Не далѣе, какъ четыре мѣсяца назадъ, во время обсужденія бюджета на 1869 годъ, говорили, что у правительства находится въ рукахъ много наличныхъ средствъ, такъ что новаго займа, по всей вѣроятности, не потребуется. Нынѣшній заемъ, правда, имѣетъ назначеніе спеціальное; онъ дѣлается не для усиленія средствъ казначейства, а для усиленія особаго денежнаго фонда, предназначеннаго для споспѣшествованія безостановочному продолженію постройки въ Россіи желѣзныхъ дорогъ, — какъ сказано въ указѣ данномъ министру финансовъ.

Но нельзя при этомъ случаѣ не пожалѣть, что состояніе экстраординарныхъ рессурсовъ у насъ не публикуется во всеобщее свѣдѣніе. Безъ точныхъ свѣдѣній объ употребленіи экстраординарныхъ рессурсовъ нельзя составить себѣ правильнаго сужденія о бюджетѣ, хотя онъ и публикуется; безъ свѣдѣній о наличности экстраординарныхъ рессурсовъ нельзя хотя бы приблизительно судить объ истинномъ финансовомъ положеніи страны. Операціи частныхъ банковъ и лицъ торго-

выхъ всегда могутъ быть застигнуты врасплохъ новымъ займомъ, котораго необходимости они не имѣли возможности предвидѣть. Намъ возразятъ пожалуй, что финансовыя операціи не могутъ подлежать гласности, по самому существу своему. Это совершенно справедливо относительно частныхъ лицъ и обществъ, которыхъ операціи имѣютъ прежде всего цѣль спекулятивную. Такъ какъ спекуляція вся основывается именно на разности свѣдѣній и на тайнѣ, которою облечены дѣйствительныя средства каждаго изъ конкуррентовъ въ данную минуту, то понятно, что о гласности тутъ не можетъ быть и помину. Но цѣль финансовыхъ операцій государства—не спекулятивная, а хозяйственная, и облеченіе ихъ тайною можетъ отражаться преимущественно и именно на интересахъ самыхъ членовъ государства.

Представьте себѣ, что вы, получивъ концессію, составили акціонерное общество и въ настоящую минуту намѣрены реализировать капиталъ этого общества. Въ какое положеніе поставитъ васъ внезапное объявленіе правительственнаго желѣзнодорожнаго займа? Даже если у васъ въ рукахъ концессія съ гарантіей правительства, то банкиры все-таки отдадутъ преимущество, при равныхъ условіяхъ, желѣзнодорожнымъ облигаціямъ самого правительства. Было бы конечно иначе, если бы желѣзныя дороги, предпринимаемыя у насъ частными лицами, привлекали къ себѣ внутренніе и заграничные капиталы ожиданіемъ собственныхъ своихъ барышей, независимо отъ правительственной гарантіи. Тогда выпускъ правительственныхъ облигацій не могъ бы мѣшать реализаціи ихъ акціонернаго капитала, а могъ бы конкуррировать только съ выпусками облигацій же частныхъ компаній. Но дѣло стоитъ иначе. Правда, нѣкоторыя изъ нашихъ частныхъ линій давали уже дивидендъ, далеко превышающій правительственную гарантію. Но при подпискѣ на ихъ акціи, при составленіи основного ихъ капитала, какъ въ Россіи, такъ и заграницею, имѣлся въ виду не неопредѣленный дивидендъ ихъ, а именно только правительственная гарантія.

Такимъ образомъ, акціи нашихъ частныхъ желѣзнодорожныхъ компаній, при подпискѣ на нихъ, разсматриваются просто въ смыслѣ правительственныхъ облигацій. Вотъ почему выпускъ правительственныхъ облигацій становится въ прямую конкурренцію съ реализированіемъ основныхъ капиталовъ новыхъ желѣзнодорожныхъ компаній. До сихъ поръ, на заграничныхъ биржахъ, капиталы нашихъ желѣзнодорожныхъ компаній реализировались очень удачно, иногда даже съ блестящимъ успѣхомъ. Одною изъ причинъ такого благопріятнаго явленія были, если можно такъ выразиться — удача самого начала, зависѣвшая отъ накопленія на европейскихъ рынкахъ капиталовъ, и боязнь новой войны въ центрѣ Европы, мѣшавшая дѣламъ на мѣстѣ. Другою, уже не случайною, а существенною причиною была правительственная гарантія. Безукоризненная аккуратность нашего правительства

въ платежахъ по займамъ создали Россіи въ Европѣ прочный кредитъ, кредитъ гораздо болѣе благопріятный, чѣмъ онъ могъ бы быть въ строгомъ соотвѣтствіи съ нашими экономическими обстоятельствами. Европейскіе капиталы, оставаясь безъ помѣщенія, жадно бросились на наши первые желѣзнодорожные займы; а когда начало было такъ удачно, то успѣхъ этого дѣла неизбѣжно долженъ былъ продлиться нѣкоторое время, потому что русскія желѣзнодорожныя акціи стали предметомъ биржевой спекуляціи. Когда являлись новыя акціи, съ тою же правительственною гарантіею, то ихъ брали нарасхватъ, потому именно, что прежнія—т. е. акціи прежде основавшихся компаній, ходили съ преміею.

Но вотъ, по всѣмъ этимъ причинамъ, выпускъ правительственныхъ желѣзнодорожныхъ облигацій и не можетъ быть выгоденъ для помѣщенія заграницею нашихъ частныхъ желѣзнодорожныхъ акцій. Сильный притокъ заграничныхъ капиталовъ къ дѣлу нашего частнаго желѣзнодорожнаго строительства, въ виду правительственной гарантіи, и въ тоже время повторенное обращеніе къ заграничнымъ же капиталамъ для усиленія особаго желѣзнодорожнаго фонда, т. е. для самой уплаты по гарантіи — это два факта, которые очевидно не могутъ взаимно поддерживать одинъ другой.

Новый выпускъ облигацій николаевской дороги дѣлается «для споспѣшествованія безостановочному продолженію постройки въ Россіи желѣзныхъ дорогъ». Но изъ того, что мы сказали выше, слѣдуетъ, что покрайней мѣрѣ съ одной стороны, въ одномъ смыслѣ,—онъ долженъ прежде всего повліять несовсѣмъ благопріятно на развитіе у насъ желѣзнодорожнаго дѣла. Онъ долженъ отчасти помѣшать реализированію новыхъ компанейскихъ капиталовъ заграницею. Но, само собою разумѣется, что онъ совсѣмъ прекратитъ возможность такихъ реализацій, если въ немъ самомъ заключались бы какія либо особыя обязательства, обусловленныя желаніемъ поддержать этотъ заемъ. А по слухамъ, такія обязательства именно есть. По слухамъ, въ объявленіи о выпускѣ облигацій николаевской дороги, выставленномъ въ Лондонѣ, сказано, что наше правительство обязывается не заключать новыхъ внѣшнихъ займовъ и не давать разрѣшенія на дальнѣйшіе выпуски «гарантированныхъ облигацій» до начала 1870 года.

Если такое обязательство, въ указѣ неупомянутое, въ самомъ дѣлѣ дается съ цѣлью поддержанія новаго займа, то оно требовало бы разъясненія. Что правительство наше обязуется не заключать новыхъ займовъ заграницею до 1870 года, если нынѣшній заемъ удастся, это кажется невѣроятнымъ. Во-первыхъ, никто не имѣетъ права требовать подобнаго обязательства отъ правительства. Во-вторыхъ, правительство не можетъ принять на себя подобное обязательство потому, что нельзя навѣрное предвидѣть будущее, хотя и втеченіи только

одного года. А если до 1870 года мы будемъ вовлечены, какимъ-нибудь непреодолимымъ стеченіемъ обстоятельствъ, противъ воли, въ европейскую войну?

Мало того; необходимо бы объяснить, касается ли это обязательство—если только оно въ самомъ дѣлѣ существуетъ—только выпуска желѣзнодорожныхъ облигацій по дорогамъ гарантированнымъ казною, или относится также и къ акціямъ новыхъ компаній, имѣющихъ образоваться съ гарантіею отъ правительства? Въ послѣднемъ случаѣ, это было бы равносильно обязательству не выдавать втеченіи опредѣленнаго времени концессій съ гарантіею. Между тѣмъ, въ программѣ желѣзныхъ дорогъ, на которой остановилось правительство, и которую мы разбирали въ мартовской хроникѣ, начертана цѣлая сѣть желѣзныхъ дорогъ, которымъ правительство предполагаетъ содѣйствовать. Спрашивается, почему же откладывать, хотя бы на годъ, выдачу концессіи по которой либо изъ тѣхъ, которыя признаны наиболѣе нужными?

Спрашивается также, много ли можетъ содѣйствовать успѣху нынѣшняго займа обязательство не заключать новыхъ займовъ заграницею втеченіи всего 8 мѣсяцовъ?

Очень можетъ быть, что правительство вовсе и не принимаетъ на себя такихъ обязательствъ, которыя, какъ говоритъ англійская газета «Economist», приведены въ объявленіи о выпускѣ облигацій николаевской дороги въ Лондонѣ. Но въ такомъ случаѣ, полезно было бы опровергнуть такой слухъ.

Какъ бы то ни было, этотъ выпускъ, предназначаемый для содѣйствія безостановочному развитію нашей желѣзнодорожной сѣти, въ извѣстномъ смыслѣ по крайней мѣрѣ, можетъ стѣснить самое это развитіе. Если же помянутое обязательство существуетъ—касается ли оно желѣзнодорожныхъ облигацій и акцій вмѣстѣ или хотя бы однѣхъ облигацій — то оно повліяетъ именно на безостановочность постройки и развитія частныхъ желѣзныхъ дорогъ.

Наконецъ, въ общемъ смыслѣ, слѣдуетъ признать, что въ то время, когда наши частныя желѣзнодорожныя компаніи такъ часто и такъ успѣшно обращаются къ кредиту заграницею для помѣщенія своихъ бумагъ, и когда кредитъ этихъ бумагъ основанъ именно на гарантированіи правительствомъ дорогъ, — появленіе самого правительства передъ европейскимъ кредитомъ, съ цѣлью успленія желѣзнодорожнаго фонда, можетъ повліять положительно-вредно на благопріятное намъ настроеніе европейской биржи, по отношенію къ желѣзнодорожнымъ предпріятіямъ въ Россіи. Что касается выражаемаго англійскою газетою при этомъ случаѣ недоумѣнія: «зачѣмъ рискуютъ выпускать новый заемъ на такую большую сумму, когда еще значительныя суммы изъ прежнихъ займовъ остаются неупотребленными, какъ то положи-

тельно извѣстно»,—то въ этомъ отношеніи мы можемъ только сказать, что намъ все это извѣстно еще менѣе, чѣмъ англійской биржевой газетѣ; намъ неизвѣстно даже, остается ли еще что-нибудь отъ прежнихъ займовъ или не остается ничего. Предполагаемыя цифры бюджета намъ извѣстны, но хозяйство экстраординарныхъ рессурсовъ для насъ тайна.

Желѣзнодорожное дѣло пошло у насъ въ послѣдніе года такъ хорошо, что должно быть поставлено въ ряду наиболѣе блестящихъ дѣяній нашего періода. Необходимо съ величайшею заботливостью отклонять возможность какого бы то ни было кризиса въ этомъ дѣлѣ. Въ настоящее время частная промышленность въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ у насъ уже рѣшительно преобладаетъ. Изъ опубликованнаго недавно отчета оказывается, что въ 1868 году движеніе происходило на 6.413 верстахъ желѣзнаго пути, изъ которыхъ къ казеннымъ линіямъ принадлежатъ только 996 верстъ, а 5.417 къ частнымъ. Валовой сборъ на всѣхъ дорогахъ составлялъ около 51¼ милл. рублей, и изъ него болѣе 46½ милл. доставлялись частными дорогами. Сравнительную доходность казенныхъ и частныхъ дорогъ нельзя вывесть изъ цифръ отчета, но не подлежитъ сомнѣнію, что частныя дороги въ этомъ отношеніи превосходятъ казенныя. Развитіе сообщенія по желѣзнымъ дорогамъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и возвышеніе сборовъ представляетъ поразительныя цифры. Такъ, на частныхъ дорогахъ перевезено въ 1868 году болѣе 8.783 тысячи человѣкъ и 384.860 тысячъ пудъ грузовъ, въ сравненіи съ 1867 годъ болѣе: слишкомъ на 1 милл. человѣкъ и слишкомъ 94½ милл. пудъ грузовъ. Общій валовой сборъ на казенныхъ и частныхъ желѣзныхъ дорогахъ въ 1867 году составлялъ свыше 40 милл. р., а въ 1868 году, какъ уже сказано, около 51¼ милл. р., на 11 слишкомъ милліоновъ рублей болѣе. Замѣчательны особенно нѣкоторые примѣры возвышенія сборовъ за годъ на рязанско-козловской дорогѣ, гдѣ оно составило 58,3%, на московско-рязанской—36,5%, лодзинской—27,3%, волжско-донской—26,9%.

Несмотря однако на такое огромное возвышеніе сборовъ, нѣкоторыя частныя компаніи долго не приступаютъ къ проложенію второго рельсоваго пути, слѣдствіемъ чего является скопленіе на станціяхъ грузовъ, замедленіе торговаго движенія и т. д. Особенно жалуются за это на линію московско-рязанскую, гдѣ, несмотря на повторенныя заявленія бывшаго инспектора частныхъ желѣзныхъ дорогъ о необходимости проложенія второго пути, компанія уклонялась отъ этого, ссылаясь на уставъ, который ее къ тому не обязываетъ.

Передача николаевской дороги Главному обществу нисколько не остановила возрастаніе на ней перевозки и сбора. Отчетъ о движеніи на этой дорогѣ за первые два мѣсяца нынѣшняго года показываетъ значительное увеличеніе сравнительно съ тѣми же мѣсяцами прошлаго

года, именно около 5¼ милл. пудовъ болѣе противъ прошлогодней цифры и сбору почти на милліонъ рублей больше. Нѣтъ сомнѣнія, что главными причинами такой значительной разности были, во-первыхъ, значительное усиленіе подвижного состава, а во-вторыхъ, указанное выше общее стремленіе къ возвышенію движенія и сборовъ на нашихъ желѣзныхъ дорогахъ, такъ что приведенныя цифры сами по себѣ еще не могутъ служить вполнѣ убѣдительными доказательствами преимущества компанейскаго управленія передъ казеннымъ. Но важно уже и то, что возрастаніе движенія при частномъ управленіи продолжаетъ увеличиваться; не менѣе важенъ тотъ фактъ, что усиленіе подвижного состава произведено новымъ управленіемъ съ успѣхомъ и въ непродолжительное время, такъ что насчетъ будущности этой важнѣйшей нашей линіи, въ рукахъ Главнаго общества, можно быть спокойнымъ, вопреки пессимистскимъ увѣреніямъ, заявленнымъ въ свое время не безъ своекорыстныхъ разсчетовъ.

Въ числѣ тѣхъ интересныхъ оффиціальныхъ матеріаловъ, которые публикуются въ «Правительственномъ Вѣстникѣ», мы находимъ статистику нашего земскаго представительства. По случаю новыхъ выборовъ, бывшихъ въ большинствѣ губерній вслѣдствіе истеченія трехлѣтняго срока дѣятельности прежняго состава земскихъ собраній и управъ, министерство внутреннихъ дѣлъ собрало свѣдѣнія, какъ о результатахъ первыхъ и вторыхъ выборовъ, такъ и о суммахъ ассигнованныхъ земскими собраніями на содержаніе управъ. Изъ этихъ свѣдѣній оказывается, что численность въ составѣ земскихъ учрежденій гласныхъ изъ дворянъ увеличилась на 2½%, а численность гласныхъ изъ крестьянъ уменьшилась на 1½%; наконецъ, число гласныхъ изъ духовнаго сословія уменьшилось съ 1% на ½%. Итакъ, дворянство не только не лишилось своего первенствующаго положенія въ земствѣ, но даже выиграло въ этомъ отношеніи. Фактъ этотъ во всякомъ случаѣ свидѣтельствуетъ объ отсутствіи у насъ того антагонизма между крестьянскимъ и дворянскимъ сословіями, который иные предсказывали при уничтоженіи крѣпостного права, вслѣдствіе случаевъ предпочтенія крестьянами, на первыхъ выборахъ, представителей изъ своего сословія — кандидатамъ изъ сословія «образованнѣйшаго въ государствѣ».

Результатъ нынѣшнихъ выборовъ имѣетъ значеніе уже потому, что онъ далеко не есть простое повтореніе перваго избранія. Въ самомъ дѣлѣ, изъ числа избранныхъ на второе трехлѣтіе 9,338 гласныхъ, осталось прежнихъ гласныхъ только 3,337, а 6,001 избраны вновь. Но вмѣстѣ съ тѣмъ надо замѣтить, что это преобладаніе въ новыхъ выборахъ новыхъ представителей не слѣдуетъ принимать за знакъ недовѣрія къ прежнимъ гласнымъ, потому что въ дѣйствитель-

ности забаллотировано изъ прежнихъ гласныхъ только 786 человѣкъ, остальные же не избраны или по собственному нежеланію или по отсутствію.

Преобладаніе дворянства, какъ въ первомъ, такъ и въ нынѣшнемъ составѣ земскаго представительства представляется слѣдующими цифрами: изъ всего состава гласныхъ перваго избранія къ дворянству принадлежали 42½%, а изъ нынѣшняго состава — 45%. Итакъ, на долю одного сословія, именно дворянства, приходится немного менѣе половины всего числа гласныхъ. Само собою разумѣется, что въ составѣ самого управленія, избираемаго земствомъ, пропорція еще болѣе благопріятна дворянамъ.

Этотъ фактъ, казалось бы, долженъ служить достаточнымъ утѣшеніемъ для дворянства въ потерѣ значенія его сословнаго представительства — явленіе, надъ которымъ мы останавливались въ прошлой хроникѣ по поводу сессіи дворянства петербургской губерніи. Но фактъ этотъ долженъ быть для дворянства не только утѣшеніемъ, но и доводомъ въ пользу того, чтобы оно окончательно слилось съ земствомъ, видѣло свою будущность только въ дѣятельности своей какъ составной — и притомъ преобладающей — части земства.

Но въ виду того преобладанія, которое явилось само собою, вдвойнѣ странно было бы домогаться утвержденія за дворянствомъ преобладанія въ земствѣ посредствомъ искусственныхъ мѣръ. Это было бы равнозначуще съ законодательнымъ подчиненіемъ земства дворянству или сословію крупныхъ землевладѣльцевъ, разрушеніемъ самого принципа всесословнаго земскаго представительства и управленіемъ принципомъ сословности. Еще болѣе странно было бы нарушить и самую сословность, какъ она установлена девятымъ томомъ и принципъ земской всесословности, какъ она установлена положеніемъ о земскихъ учрежденіяхъ, для созданія какого-то новаго сословія крупныхъ землевладѣльцевъ, изъ котораго съ одной стороны было бы исключено мелкопомѣстное дворянство, и которому, съ другой стороны, было бы подчинено земство.

Между тѣмъ, таковъ именно характеръ проекта, заявленнаго въ недавно вышедшей книгѣ г. Кошелева: «Голосъ изъ земства». Г. Кошелевъ соглашается съ тѣмъ, что роль сословнаго дворянскаго представительства окончилась, что учрежденіямъ дворянскимъ уже не остается дѣла, и при этомъ распространяется о всевозможныхъ неудобствахъ слитія дворянства, какъ землевладѣльческаго сословія, съ крестьянскимъ обществомъ. Но роль дворянства онъ не считаетъ оконченною и хочетъ поручить ему организацію *землевладѣльческаго состоянія*, которое бы стояло въ главѣ земства. Этому землевладѣльческому состоянію, изъ котораго были бы исключены дворяне мелкопо-

мѣстные, авторъ проекта предоставляетъ право избирать предводителей, и старшинамъ этого новаго сословія, долженствующаго и замѣнять дворянство и представлять его въ одно и тоже время, предназначаетъ предсѣдательство въ земскихъ собраніяхъ. Дворянъ же, не владѣющихъ землею, г. Кошелевъ полагаетъ совсѣмъ отдѣлить отъ создаваемаго имъ «состоянія» крупныхъ землевладѣльцевъ и предоставляетъ имъ приписываться къ городскимъ обществамъ.

Излишне, кажется, настаивать на всей несообразности такого проекта. Если, какъ говоритъ г. Кошелевъ, дворянству должно принадлежать въ земствѣ преобладающее положеніе по образованности его и «опытности въ управленіи», то во-первыхъ, это осуществляется уже, какъ мы видѣли, на практикѣ существеннымъ образомъ, а во-вторыхъ, развѣ образованность и опытность въ дѣлахъ управленія составляютъ исключительный удѣлъ крупныхъ землевладѣльцевъ? Г. Кошелевъ хочетъ создать сословіе крупныхъ землевладѣльцевъ, съ допущеніемъ въ него и не-дворянъ, и между тѣмъ доводомъ къ образованію его ссылается именно на положеніе, занимаемое дворянствомъ.

Мы упомянули о проектѣ г. Кошелева потому, что не онъ одинъ защищаетъ мысль о необходимости создать изъ крупнаго землевладѣнія привилегированное сословіе, съ нарушеніемъ сословной равноправности, лежащей въ основаніи нашего земскаго устройства.

Неравноправность гражданъ въ государствѣ вообще нераціональна; но едва ли какой либо видъ неравноправности столь очевидно лишенъ раціональнаго основанія, какъ неравноправность гражданъ по національностямъ или вѣрѣ, и при томъ неравноправность не только въ политическомъ, но и въ гражданскомъ отношеніи. Дѣлая это замѣчаніе, мы имѣемъ въ виду неравноправность евреевъ у насъ съ подданными, принадлежащими къ другимъ національностямъ. Въ теоріи кажется уже излишне въ настоящее время заниматься еврейскимъ вопросомъ. Вопросъ этотъ въ общественномъ сознаніи рѣшенъ, даже и у насъ. Сомнѣваемся, чтобы въ наше время кто-нибудь рѣшился открыто выступить съ доводами въ пользу неравноправности еврея, хотя мы должны, къ сожалѣнію, признать вѣроятнымъ, что найдутся люди, которые въ повседневной жизни не признаютъ еврея за равнаго себѣ по природѣ, какъ равны всѣ люди. Такіе люди, если спросить ихъ мнѣнія объ уравненіи въ Соединенныхъ Штатахъ негровъ съ бѣлыми даже въ высшемъ правѣ—въ правѣ политическомъ—навѣрное согласятся, что это вполнѣ справедливо. Между тѣмъ, негръ по природѣ разнится отъ бѣлаго вообще ужъ конечно болѣе, чѣмъ еврей отъ какого либо европейца. Но негръ — далеко, а еврей близко.

Истина, не признанная въ принципѣ, обыкновенно еще довольно долго

дожидаетъ своего примѣненія на практикѣ. Отъ сознанія до осуществленія еще далеко, особенно когда дѣло идетъ о чужихъ правахъ. Относительно примѣненія принципа гражданской равноправности для евреевъ мы положительно *составляемъ исключеніе въ Европѣ*. Въ гражданскомъ отношеніи евреи равноправны во всей Европѣ, не говоря уже о томъ, что въ большинствѣ странъ признана и политическая ихъ равноправность, не указываемъ на примѣры Ротшильда, Фульда, Кремье и т. д. Только у насъ, у насъ однихъ, ограничено право мѣстопребыванія для евреевъ. И замѣтьте, что эта неравноправность евреевъ у насъ основана даже не на вѣрѣ, а именно на національности. Язычникъ можетъ жить въ столицѣ, не будучи ни купцомъ 1-й гильдіи, ни его прикащикомъ, ни ремесленникомъ, а еврей—внѣ этихъ условій—не можетъ.

Какая цѣль имѣется при этомъ въ виду—трудно сказать. Вѣрнѣе, цѣли въ настоящее время въ виду уже не имѣется, а просто остается въ силѣ старый законъ потому только, что онъ не отмѣненъ.

Недавно происходила интересная корреспонденція относительно пребыванія евреевъ въ нашихъ столицахъ между парижскимъ Alliance israélite Universelle (президентъ Кремье) и нашимъ же правительствомъ. Мѣры, принятыя въ прошломъ году петербургскою полиціею для «очищенія» города отъ безпаспортныхъ и нищихъ, не могли не коснуться и евреевъ; нищихъ евреевъ—къ чести этого народа—бываетъ весьма мало, хотя живущихъ въ нищетѣ евреевъ есть множество; въ Петербургѣ между нищенствующими никогда не встрѣчаются евреи или еврейки. Но къ безпаспортнымъ между евреями въ Петербургѣ должны принадлежать всѣ тѣ, кто по состоянію не имѣетъ права пребывать въ столицѣ, а, между тѣмъ, принужденъ къ тому обстоятельствами. Говоримъ это съ тою цѣлью, чтобы напомнить, что между безпаспортными *евреями* въ Петербургѣ могли быть люди совершенно порядочные, между тѣмъ, какъ этого не можетъ быть (развѣ какъ особое исключеніе) между людьми другихъ національностей въ состояніи безпаспортныхъ.

Въ какой мѣрѣ полиція наша обратила вниманіе на это весьма существенное различіе и примѣнила ли его въ тѣхъ мѣрахъ, которыя приняла для «препровожденія безпаспортныхъ» на родину,—вопросъ, который мы не будемъ разсматривать. Необходимо сказать, что въ настоящемъ случаѣ полиція только исполняла свой долгъ, и дѣйствовала законно, если не сдѣлала въ пользу евреевъ никакого исключенія изъ общей манеры «препровожденія» бродягъ для водворенія ихъ, гдѣ слѣдуетъ.

Съ другой стороны, г-ну Кремье, живущему въ странѣ, гдѣ евреи давно пользуются всѣми гражданскими и политическими правами,

позволительно было не знать, что можетъ существовать законъ, воспрещающій спеціально евреямъ пребываніе гдѣ либо, а потому, понятно, что въ высылкѣ изъ Петербурга тѣхъ изъ нихъ, которые не имѣютъ права постояннаго здѣсь жительства, онъ могъ видѣть просто произвольное дѣйствіе полиціи, нѣчто очень похожее на преслѣдованіе, и обратиться къ нашей администраціи съ представленіями въ родѣ тѣхъ, съ какими онъ обращался къ правительству румынскому, по поводу высылки евреевъ молдавскими властями.

Г. министръ внутреннихъ дѣлъ, въ отвѣтѣ своемъ на эти представленія, имѣлъ полное основаніе сказать, что мѣра, которой въ данномъ случаѣ подверглись евреи была *общая* мѣра, что «при приведеніи ея въ исполненіе, религія и національность не имѣли никакого вліянія, и она одинаковымъ образомъ примѣнялась бы къ христіанскимъ подданнымъ имперіи, еслибъ у нихъ не оказалось требуемыхъ видовъ». Министръ, конечно, могъ отвѣчать неиначе, какъ согласно съ существующимъ закономъ. Но не имѣемъ ли мы права спросить себя, для какой цѣли остается еще въ силѣ тотъ законъ, по которому евреи, въ настоящемъ случаѣ, должны были подвергнуться *общей* мѣрѣ? Мѣра эта, дѣйствительно, была общая, но законъ тутъ положительно не общій, а спеціальный для евреевъ, и предъ этимъ-то закономъ религія и національность именно и составляютъ причину правоограниченія.

Какая можетъ быть цѣль не допускать евреевъ, за извѣстными исключеніями, къ пребыванію во внутреннихъ губерніяхъ, а между прочимъ въ столицахъ? Въ прежнее время — когда былъ изданъ относящійся сюда законъ—существовалъ предразсудокъ, что если допустить евреевъ во внутреннія губерніи и въ особенности въ столицы, то они захватятъ въ свои руки всю торговлю, какъ они то сдѣлали въ Польшѣ и въ западномъ краѣ. Но пора бы, кажется, понять, что если евреи захватили въ Польшѣ и западныхъ губерніяхъ торговлю, то это случилось отъ того, что по историческимъ условіямъ въ этихъ краяхъ не могло развиться среднее, торговое сословіе, между тѣмъ, какъ въ старыхъ русскихъ губерніяхъ сословіе это образовалось давно и организовалось прочно. Сверхъ того, самъ законъ уже сдѣлалъ отступленіе отъ того предразсудка, на которомъ онъ первоначально основался: пребываніе въ столицахъ разрѣшено именно наиболѣе сильнымъ коммерсантамъ изъ евреевъ—купцамъ первой гильдіи. И дѣйствительно, богатые негоціанты изъ евреевъ имѣютъ значеніе на столичныхъ биржахъ. Почему же именно въ пользу ихъ сдѣлано исключеніе, тогда какъ, съ точки зрѣнія предразсудка, они должны были казаться наиболѣе опасными? Очевидно потому, что законодательство отказалось отъ этого предразсудка. Но въ такомъ случаѣ, почему же правоограниченіе, на немъ основанное, не отмѣнено вовсе?

Переходя отъ теоріи къ практикѣ, мы можемъ доказать фактомъ, что въ общественномъ сознаніи предразсудокъ этотъ уже потерялъ силу. Само петербургское биржевое купечество недавно входило съ ходатайствомъ о дозволеніи евреямъ права постояннаго жительства въ Петербургѣ. Кто же можетъ лучше судить объ интересахъ торговли и предвидѣть что́ либо для нея опасное, какъ не сами негоціанты? Между тѣмъ, по слухамъ, на ходатайство биржевого купечества послѣдовалъ отказъ. Трудно объяснить себѣ его мотивы.

А между тѣмъ, всякое исключеніе изъ общаго права какой либо группы людей—національности или сословія—неизбѣжно создаетъ въ самой этой группѣ исключительность, замкнутость въ себѣ. Излишне было бы напоминать, какъ повсемѣстныя преслѣдованія выработали въ еврейской средѣ именно это свойство, и какъ изъ него проистекли съ одной стороны невѣжество и фанатизмъ, съ другой полная отчужденность, равнодушіе къ интересамъ той страны, въ которой они были условно терпимы и преслѣдуемы вмѣстѣ.

Все это уже совершенно измѣнилось нынѣ, въ тѣхъ странахъ, гдѣ евреи сдѣлались полноправными гражданами. У насъ же, когда говорятъ о невѣжествѣ и фанатизмѣ евреевъ, то все это приписываютъ какимъ-то пропскамъ фанатическихъ и деспотическихъ учителей іудаизма, «которыхъ личный интересъ состоитъ въ томъ, чтобы держать въ невѣжествѣ и отчужденности еврейскую массу». Произносящіе это, довольно часто повторяющееся сужденіе, забываютъ ту историческую истину, что личные интересы отдѣльныхъ личностей не могутъ à la longue управлять настроеніемъ и дѣйствіями массы, если въ самомъ положеніи ея нѣтъ такихъ неизмѣнныхъ условій, которыя могли бы служить для этихъ личныхъ интересовъ прочною опорою.

Противъ невѣжества и фанатизма евреевъ у насъ обыкновенно предлагаютъ одно средство: распространеніе между ними образованія, забывая, что свойства, которыя предполагается искоренить, имѣютъ свое основаніе въ особомъ условіи, именно исключительности положенія евреевъ въ государствѣ. Само распространеніе между евреями образованія еще не достаточно, чтобы искоренить въ средѣ еврейской массы замкнутость, обусловленную ея положеніемъ. Вѣдь нельзя же ожидать, что вся масса еврейскаго населенія получитъ ученые дипломы, которые дали бы ей равноправность въ силу воспитанія.

Странное дѣло! Съ одной стороны жалуются на евреевъ, что они даже обогатясь или получивъ образованіе невсегда дѣлаются русскими, и скорѣе превращаются въ нѣмцевъ или поляковъ, — между тѣмъ, не пускаютъ ихъ во внутренность Россіи, и держатъ ихъ именно на окраинахъ, гдѣ русскій элементъ менѣе силенъ. Съ другой стороны жалуются, что пребываніе евреевъ въ западномъ краѣ, гдѣ они составля-

ютъ силу, мѣшаетъ обрусенію этого края; что имѣнія переходятъ въ руки не русскихъ, а евреевъ, что города, утрачивая то, что въ нихъ было по наружности польскаго, не дѣлаются русскими, а остаются преимущественно еврейскими—и между тѣмъ усиленно сосредоточиваютъ еврейскій элементъ именно въ томъ краѣ, гдѣ онъ препятствуетъ обрусенію, скучиваютъ его въ массу и посредствомъ правоограниченія замыкаютъ его въ самомъ себѣ. Логики тутъ, кажется, мало.

Распространясь по внутренности имперіи, евреи не захватили бы въ свои руки торговлю, какъ не захватили ея до сихъ поръ богатѣйшіе изъ нихъ, потому именно, что встрѣтили здѣсь прочно организованное и многочисленное торговое сословіе всѣхъ степеней, отъ купцовъ-милліонеровъ, до мелочныхъ торговцевъ и разнощиковъ. Получивъ доступъ во внутреннія губерніи и столицы, еврейскій элементъ, мало-по-малу, ослабѣлъ бы на той окраинѣ, гдѣ онъ, оставаясь замкнутымъ въ городахъ, всегда будетъ помѣхою обрусенія ихъ. Наконецъ, получивъ полную равноправность, талантливое и жадное къ просвѣщенію еврейское племя скоро сбросило бы съ себя иго фанатическихъ учителей, а съ нимъ и замкнутость въ самомъ себѣ, потому что было бы окончательно устранено коренное условіе этихъ историческихъ явленій. А одни казенныя училища для евреевъ, газеты разрѣшенныя для нихъ, и увѣщанія нашихъ органовъ печати, чтобы, переставая быть евреями (въ чемъ собственно говоря нѣтъ необходимости) они не превращались въ нѣмцевъ, а дѣлались русскими — едва ли когда либо достигнутъ цѣли. Не мѣшаетъ объ этомъ подумать и перестать держать евреевъ въ томъ положеніи, какого мы не рѣшились бы пожелать самимъ себѣ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1 (13) мая, 1869.

Пренія французскаго законодательнаго корпуса предъ новыми выборами. — Рѣчи Тьера и Лавалетта. — Оффиціальныя кандидатуры и свобода выборовъ. — Эмиль Оливье и его новая книга: „Девятнадцатое января“. — Выборы въ венгерскій сеймъ. — Сближеніе Австріи съ Италіею. — Послѣднія испанскія дѣла.

Самое большое зло въ политической жизни націй — ожиданія; всѣ постоянно чего-то ждутъ, на что-то надѣятся, чего-то опасаются, всѣ подвержены какому-то страху, который мѣшаетъ обществу вполнѣ предаться настоящему и съ увѣренностью смотрѣть на будущее. Эта неувѣренность въ настоящемъ и опасеніе за будущее существуютъ почти во всей Европѣ, среди всѣхъ народовъ, хотя и не въ одинаковой степени. Если мы обратимся къ свободной Англіи, то можемъ тотчасъ убѣдиться, что тамъ меньше, чѣмъ гдѣ-нибудь, люди подвержены видѣнію страшныхъ призраковъ; тамъ живутъ настоящимъ, занимаются важными вопросами дня, безъ особенныхъ опасеній предпринимаютъ разрѣшеніе такихъ колоссальныхъ задачъ, какъ уничтоженіе государственной церкви въ Ирландіи, и отдаютъ имъ все свое вниманіе, всѣ заботы. Бюджетъ такой страны не отягощается ужасающими военными издержками, рабочія руки не отрываются отъ производительнаго труда, рамки арміи не расширяются. Жизнь идетъ тутъ разумно, совершенно нормально, и если изрѣдка въ обществѣ или въ кружкѣ можно, и то съ трудомъ, подмѣтить кое-какіе лихорадочные порывы, то, очевидно, они явились туда рикошетомъ, благодаря только той солидарности, той общей связи, которая существуетъ болѣе или менѣе между всѣми европейскими государствами. Но лишь только мы переплывемъ каналъ, соединяющій Англію съ континентомъ, мы находимъ тотчасъ другую картину, далеко не столь привлекательную. Люди лишены здѣсь того спокойствія, которое необходимо, чтобы успѣшно заниматься своими собственными дѣлами, вниманіе постоянно отвле-

кается вопросомъ: что̀ дѣлается у моего сосѣда, что́ думаетъ мое правительство, на что́ оно рѣшится и тому подобное....

Подобное колебаніе въ одной странѣ сказывается больше, въ другой меньше, и эта градація среди западныхъ націй существуетъ не даромъ, она говоритъ собою больше чѣмъ можно предполагать. Австрія, съ 1866 года смѣло ставъ на дорогу реформъ и искренняго народнаго представительства, можетъ еще съ бо́льшимъ успѣхомъ предаваться дѣлу политическаго возрожденія, и хотя она не совсѣмъ освобождена отъ пагубныхъ опасеній, тѣмъ не менѣе они не играютъ здѣсь такой роли какъ въ Пруссіи или Франціи. Откуда же происходитъ это различіе въ большемъ или меньшемъ спокойствіи западныхъ націй? Причина такъ очевидна, что едва ли о ней нужно говорить: чѣмъ больше тамъ народъ управляется самъ собою, чѣмъ яснѣе его собственная воля и чѣмъ меньше зависитъ онъ отъ произвола, тѣмъ сильнѣе въ немъ увѣренность въ будущее и спокойствіе въ настоящемъ. Если въ Пруссіи эта причина скрывается отъ глазъ націи въ туманѣ военнаго величія, если тутъ политическая жизнь получила совершенно фальшивое направленіе, и народъ не замѣчаетъ той пропасти, въ которую онъ можетъ быть брошенъ Бисмаркомъ, за то во Франціи съ каждымъ днемъ дѣлаются все бо́льшія усилія, чтобы сорвать съ глазъ гибельную повязку и вырвать изъ рукъ Наполеона произвольную власть, не смотря на то, что произволъ этотъ становится все мягче и мягче. Много уступокъ сдѣлано уже правительствомъ, во многомъ произволъ этотъ самъ себя ограничилъ, не говоря уже о тѣхъ ограниченіяхъ, которыя онъ всегда встрѣчалъ въ нравахъ и традиціяхъ страны. Во Франціи свобода до такой степени вошла въ плоть и кровь націи, что никакая сила не способна вырвать ее съ корнемъ; она можетъ быть на время придавлена во внѣшнихъ проявленіяхъ, она можетъ быть нарушена, но не можетъ быть уничтожена, и черезъ извѣстный промежутокъ времени снова предъявляетъ свои права. Въ странѣ, которая пользовалась еще не такъ давно всей свободой, люди называютъ уже унизительнымъ рабствомъ то, что среди другого народа считалось бы еще величайшею вольностью. Подобная мысль не можетъ не придти въ голову всякому, кто захотѣлъ бы слѣдить за живыми преніями французскаго законодательнаго корпуса. Вотъ страна, которую мы такъ любимъ обвинять въ угодливости деспотизму, которую мы чуть не презираемъ за ея паденіе, за рабство, страна находящаяся въ рукахъ возмутительнаго произвола, какъ у насъ принято говорить; но когда мы сравниваемъ ее съ какою-нибудь другою страною, напр. съ Пруссіею, что́ мы въ ней увидимъ? Еще не въ рабствѣ тѣ націи, которыя могутъ подобнымъ образомъ разсуждать о своихъ дѣлахъ, требовать отчета у правительства, обвинять его, указывать на его ошибки и диктовать ему свою волю; тамъ черезъ своихъ представителей могутъ

высказывать правительству такія истины, о которыхъ въ другихъ странахъ люди не смѣютъ даже и думать, а тѣмъ болѣе, такъ ясно формулировать ихъ.

Въ сессіи, которая только-что окончилась, въ послѣдней сессіи, передъ обновленіемъ законодательнаго корпуса, задѣты были всѣ вопросы, вызваны были самые ожесточенные споры и сдѣланы самыя рѣшительныя нападенія на правительство. Судя по этимъ нападеніямъ, если бы самый фактъ ихъ существованія не служилъ доказательствомъ большой свободы, можно было бы подумать, что французское правительство представляетъ собою типъ абсолютнаго правленія. Такое мнѣніе было бы далеко отъ истины. Оппозиція нападаетъ на правительство, потому что она желаетъ еще бо́льшаго расширенія народныхъ правъ, потому что она стремится дать свободѣ еще болѣе широкія основанія и болѣе прочный фундаментъ, и въ этомъ недовольствѣ лежитъ залогъ прогресса, движенія впередъ. Оппозиція знаетъ, что политической жизни народа наносится ударъ, когда прежде достиженія «всей» свободы, люди начинаютъ довольствоваться дарованнымъ и не предъявляютъ новыхъ требованій. Не было другого такого пункта, на который оппозиція напала съ такимъ упорствомъ, съ такою силою, какъ тотъ, который имѣетъ отношеніе къ внѣшней политикѣ французскаго кабинета. «Нація неспокойна, она находится въ постоянномъ ожиданіи, а слѣдовательно, и въ постоянномъ колебаніи», говоритъ вся неоффиціальная пресса, говоритъ вся оппозиція, обвиняя въ этомъ неспокойствѣ и колебаніи правительство, которое держитъ пока въ своихъ рукахъ право войны и мира. Это обвиненіе послужило исходною точкою для преній по поводу внѣшнихъ дѣлъ, которыя главнымъ образомъ привлекаютъ собою вниманіе общества, такъ какъ съ этими дѣлами самымъ тѣснымъ образомъ связана вся внутренняя жизнь: ей иначе нельзя отдѣлаться отъ висящаго надъ нею Дамоклова меча. Внѣшняя политика, въ которой больше чѣмъ гдѣ-нибудь находитъ себѣ мѣсто личный произволъ, составляетъ именно самое больное мѣсто французскаго правительства, и неудачи, понесенныя имъ въ дипломатіи, должны были бы убѣдить его въ невыгодѣ пользоваться тутъ безграничною властью. Что́ въ самомъ дѣлѣ, спрашиваетъ оппозиція, выиграло правительство своею произвольною политикою? Неудачу въ Мексикѣ, неудачу въ Германіи, неудачу во всѣхъ возникавшихъ вопросахъ, и главнымъ образомъ неудачу внутри страны, пришедшей въ такое волненіе, которое уляжется только тогда, когда она сама сдѣлается полною властительницею своей судьбы. Но она сдѣлается такою тогда, когда она именно достигнетъ «всей» свободы. «Если бы свобода, говорилъ Тьеръ, была бы только правомъ критики, я бы сказалъ тогда, что можно подождать; но при настоящихъ обстоятельствахъ свобода просто настоятельно необходима. Взгля-

ните, какое зрѣлище представляетъ собою міръ. Когда онъ былъ болѣе безпокойнымъ и болѣе безпокоящимъ? Кто создалъ это положеніе? Конечно, не мы». Подъ словомъ «мы» Тьеръ разумѣетъ оппозицію, которая достаточно предсказывала, къ чему приведетъ ложная императорская политика. «Свобода, продолжалъ онъ, означаетъ при настоящихъ обстоятельствахъ то, что націи принадлежитъ рѣшеніе въ вопросѣ о войнѣ и мирѣ. Ея права на свободу также очевидны, какъ само солнце. Свобода есть ея право, самый дорогой изъ всѣхъ ея интересовъ, интересъ существованія».

Что можетъ отвѣчать французское правительство на всѣ подобныя требованія и вмѣстѣ обвиненія оппозиціи? оно знаетъ также хорошо, какъ и оппозиція, что страна не можетъ придти въ равновѣсіе, что она находится въ постоянномъ трепетѣ услышать ужасное слово: война! Оно отвѣчаетъ блистательно рѣчью министра иностранныхъ дѣлъ Лавалетта, въ которой онъ старается показать, какъ миролюбива была императорская политика въ прошедшемъ, и какъ миролюбива останется она въ будущемъ. Онъ старается увѣрить законодательный корпусъ, а вмѣстѣ съ нимъ и всю Францію, что на политическомъ горизонтѣ Европы нѣтъ никакихъ тучъ, никакихъ «черныхъ точекъ», что барометръ нигдѣ не предвѣщаетъ бури. Говоря объ отношеніи Франціи къ Германіи, или вѣрнѣе къ Пруссіи, къ которой главнымъ образомъ сводится вся тревожная политика послѣдняго времени, Лавалеттъ высказываетъ довольно рѣшительно: «намъ нечего вмѣшиваться въ движеніе, которое мы не создали; мы и не станемъ вмѣшиваться, до тѣхъ поръ пока не будетъ перейдена граница, которая нарушила бы нашу честь или наше право. Но уважая права другихъ, мы не имѣемъ причинъ опасаться, чтобы наши собственныя были нарушены». Весь вопросъ заключается въ томъ, въ чемъ увидитъ французское правительство границу, за которою будетъ нарушена его честь или право? Еще болѣе убѣдительно говорилъ министръ иностранныхъ дѣлъ объ отношеніяхъ къ Востоку, Италіи, обѣщая, что наступитъ, болѣе или менѣе скоро, минута, когда на итальянской почвѣ не останется ни одного французскаго солдата, т. е., когда правительство возвратится къ сентябрьской конвенціи 1864 года. Но французское общество, французская пресса не обманываются на счетъ значенія подобныхъ министерскихъ словъ. Они очень хорошо знаютъ, и знаютъ по опыту, что сегодня министръ иностранныхъ дѣлъ можетъ давать самыя пламенныя увѣренія въ мирѣ, и завтра можетъ быть объявлена война. На всѣ мирныя заявленія и декларацiи пресса отвѣчаетъ одно: дайте намъ другого рода отвѣтъ, другого рода доказательство, приведите другіе аргументы, которые были бы неопровержимы; пусть будетъ создано такое положеніе вещей, при которомъ немыслима была бы война безъ воли всей націи, чтобы помимо ея желанія никто

бы не заботился о ея славѣ или какой-нибудь другой выгодѣ. Только при такомъ условіи, а неиначе, утверждаетъ оппозиція, возвратится странѣ довѣріе и спокойствіе. Условіе это тяжело для правительства, потому что никто добровольно не отказывается отъ власти, отъ произвола, но французское правительство будетъ къ этому приведено, если не собственною инициативою, то общимъ ходомъ событій.

Тѣмъ болѣе ни французское, ни европейское общество не можетъ относиться съ довѣріемъ, можетъ быть, и къ искреннимъ словамъ Лавалетта, но не обязательнымъ для правительства, что въ тоже самое время, когда въ законодательномъ корпусѣ раздавались горячія слова въ пользу мира, въ другомъ собраніи, въ сенатѣ, шли горячія пренія о необходимости для Франціи милліонной арміи для защиты отечества. Давно не испытывалъ сенатъ такого бурнаго засѣданія, и тѣмъ интереснѣе было оно, что буря эта обрушилась на голову несчастнаго экономиста, въ былые дни, сенъ-симониста Мишеля Шевалье. Вина его между тѣмъ была вовсе не велика. Онъ не рѣшился даже сознаться, что считаетъ содержаніе постоянныхъ армій страшнымъ бѣдствіемъ для народа, что эта вооруженная громадная масса пагубно дѣйствуетъ не только на его матеріальное благосостояніе, но и на нравственное положеніе народа; претензіи его шли вовсе не такъ далеко: онъ только позволилъ себѣ замѣтить, что излишнее усиленіе арміи тяжело ложится на все населеніе и на государственный бюджетъ, который такъ скроменъ, когда дѣло идетъ о школьныхъ учителяхъ, и такъ широкъ, когда заходитъ рѣчь объ арміи, о солдатахъ. Это уродливое возрастаніе военныхъ силъ тѣмъ поразительнѣе, что оно происходитъ въ то самое время, когда народы съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе уничтожаютъ существующія между ними преграды, какъ матеріальныя, такъ и нравственныя. «Симпатіи народныя возрастаютъ, сказалъ онъ, а между тѣмъ вооруженія, служащія доказательствомъ недовѣрія, усиливаются. Единственно, разумѣется, на что можно надѣяться, это—что народы возьмутся, наконецъ, за умъ, и обратясь къ своимъ правительствамъ, скажутъ: избавьте насъ отъ вашего вліянія на нашу судьбу; оно болѣе велико, чѣмъ должно бы было быть». Разумѣется, при послѣднемъ словѣ не могла не разразиться страшная гроза, всѣ засѣдающіе въ почтенномъ собраніи воинственные старцы, чующіе свое близкое паденіе, возстали противъ дерзкаго, осмѣлившагося предсказать минуту, когда всѣ эти раболѣпные слуги щедраго барина будутъ выброшены какъ ненужный хламъ. Одинъ изъ нихъ, enfant terrible, собратъ не удержался и выдалъ самую задушевную мысль правительства, воскликнувъ: «намъ нужны сильныя арміи, не только для внѣшнихъ враговъ, но и для внутреннихъ, которые подкапываются подъ насъ!» Противъ подобнаго заявленія нечего было возражать, потому что кому неизвѣстно, что многочисленная и постоянная армія, служащая, какъ го-

ворятъ, для защиты народа отъ его враговъ, въ сущности гораздо болѣе служитъ оружіемъ противъ самого народа въ рукахъ деспотическаго правительства. Какъ ни страшенъ былъ въ своихъ выраженіяхъ исправившійся сенъ-симонистъ, но тѣмъ не менѣе нельзя было не вывести изъ его рѣчи прямого заключенія: источникъ всѣхъ бѣдъ лежитъ въ личномъ правленіи. Выводъ этотъ, къ чести французскихъ сенаторовъ, былъ понятъ, потому-то онъ и вызвалъ со стороны столповъ имперіализма такую злобу и негодованіе.

Возвратимся однако въ законодательный корпусъ, гдѣ оппозиція и большинство вмѣстѣ съ правительствомъ передъ окончаніемъ сессіи, передъ днемъ рѣшительнаго сраженія, передъ новыми выборами подводятъ итоги, одни того, что сдѣлано, другіе того, что нужно было сдѣлать и что не сдѣлано. Роль счетчика принялъ на себя министръ іюльской монархіи Тьеръ, которому слишкомъ хорошо знакома правительственная тактика. Съ свойственною ему ловкостью и умѣніемъ онъ вывелъ на сцену «необходимыя вольности», какъ выразился онъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, и постарался показать, въ какомъ положеніи находятся эти вольности въ настоящую минуту. Какія же должны быть необходимыя вольности, что̀ считаетъ неотъемлемыми народными правами этотъ умѣренный либералъ и монархистъ? Для того, чтобы нація могла считаться свободною, нужно, чтобы каждый человѣкъ пользовался безусловною безопасностью, какихъ бы мнѣній онъ ни держался, однимъ словомъ, нужна «индивидуальная свобода». Затѣмъ нужно, чтобы каждый человѣкъ могъ свободно высказывать свои мнѣнія, могъ говорить и узнавать о всѣхъ фактахъ, интересующихъ страну, однимъ словомъ, нужна «свобода печати». Далѣе, требуетъ Тьеръ, чтобы каждый человѣкъ могъ свободно выбирать своихъ представителей, не подвергаясь угрозамъ или соблазнамъ, выходящимъ отъ власти, однимъ словомъ, нужна: «свобода выборовъ». Послѣ того, какъ всѣ представители выбраны, и они собрались, нужно, чтобы имъ были предоставлены всѣ дѣла государства, а чтобы ихъ воля была приведена въ исполненіе, нужна «свобода парламента». И наконецъ нужно, чтобы народное представительство встрѣтило такое правительство, которое было бы ничѣмъ инымъ, какъ исполнителемъ выраженной народомъ воли. «Эти принципы необходимы, и правительства, которыя не подчиняются имъ, падаютъ». Какъ нѣсколько лѣтъ назадъ, такъ и теперь, французское правительство отвѣчаетъ ораторамъ оппозиціи: «всѣ эти вольности вы имѣете и даже больше того, чѣмъ вы добиваетесь.» Тьеръ, зная напередъ это возраженіе, дѣлаетъ болѣе или менѣе подробный разборъ, насколько онѣ существуютъ на самомъ дѣлѣ. Никто не можетъ отрицать, чтобы во Франціи не существовала индивидуальная свобода, не отрицаетъ ее и ораторъ оппозиціи, который все-таки не пропустилъ при этомъ слу-

чаѣ бросить въ правительство камень за то, что оно преслѣдовало нѣсколько человѣкъ въ дѣлѣ Бодена, о которомъ мы говорили въ одномъ изъ нашихъ предыдущихъ обозрѣній. Онъ требуетъ, чтобы были уничтожены послѣдніе слѣды закона объ общественной безопасности.

Что касается до свободы прессы, то тутъ нельзя произнестись такъ рѣшительно. Если мы будемъ сравнивать положеніе французской прессы съ положеніемъ ея въ Англіи или Италіи, то, разумѣется, пресса во Франціи не можетъ внушать особенной зависти. Сравнивая же ее съ положеніемъ прессы даже въ такой конституціонной странѣ, какъ Пруссія, мы согласимся, что во Франціи она окружена еще довольно выгодными условіями. Во всякомъ случаѣ, и Тьеръ признаетъ, какъ и всѣ другіе, что въ положеніи французской прессы сдѣлался въ послѣднее время значительный успѣхъ. Предварительное дозволеніе, произвольныя пріостановленія и запрещенія, все это уничтожено. Но къ несчастію, не смотря на то, что каждый свободно высказываетъ теперь, что онъ думаетъ, правительство слишкомъ часто прибѣгало къ процессамъ, которые тѣмъ не менѣе, съ большею выгодою для прессы, замѣнили собою предостереженія и другія административныя мѣры. Какое самое лучшее средство, спрашиваетъ Тьеръ, чтобы правительство и пресса жили между собою въ мирѣ. Собственно говоря есть одно только средство—это предоставить право говорить все, что угодно. «Только такимъ путемъ, говоритъ маститый ораторъ, можно дойти до того, что пресса будетъ говорить только то, что нужно. Таково заключеніе, прибавилъ онъ, моей долгой опытности». Но если нуженъ законъ для огражденія частнаго лица, неотвѣтственнаго монарха, то нуженъ и судъ; и судъ этотъ можетъ быть только одинъ, тотъ, который представляетъ собою рѣшеніе цѣлаго общества—судъ присяжныхъ. Для того, чтобы пресса во Франціи была свободна, ей недостаетъ теперь именно только одного — суда присяжныхъ, котораго и требуетъ оппозиція.

Пренія по поводу остальныхъ «необходимыхъ вольностей» вызвали болѣе горячіе споры между правительствомъ и оппозиціею, и споры эти тѣмъ интереснѣе, что они происходятъ наканунѣ выборовъ и опредѣляютъ такимъ образомъ будущее поведеніе правительства. Ему нужно отдать честь—оно искренно, оно не говоритъ одно, собираясь дѣлать другое. Слово и дѣло совпадаютъ въ этомъ случаѣ, какъ нельзя болѣе. Два вопроса, которые имѣютъ особенное свойство возбуждать горячность правительства и его негодованіе, это вопросъ о свободѣ выборовъ въ законодательный корпусъ, объ уничтоженіи оффиціальныхъ кандидатуръ, и затѣмъ вопросъ объ отвѣтственности министровъ, или иными словами, о замѣнѣ личнаго правленія парламентаризмомъ. Это два права, которыя Тьеръ причисляетъ къ «необходимымъ». Правительство,

при помощи своей административной машины, имѣетъ тысячи средствъ доставить торжество своему кандидату, но большинство въ палатѣ не всегда служитъ ручательствомъ прочности правительства. Не смотря на большинство, оно легко можетъ достигнуть того же результата, котораго достигла монархія реставраціи, монархія, вышедшая изъ іюльскихъ дней, т. е. паденія. Когда рушился тронъ Карла X и Луи-Филиппа, они оба точно также имѣли за собою большинство въ палатѣ, но тѣмъ не менѣе оно не могло спасти ихъ отъ гибели. Та же участь, можетъ быть, ожидаетъ и настоящій порядокъ, даже въ томъ случаѣ, если при слѣдующихъ выборахъ правительство получитъ болѣе сильное большинство чѣмъ то, которое оно имѣетъ теперь. Вопросъ объ оффиціальныхъ кандидатурахъ принадлежитъ, нужно сказать правду, къ тѣмъ немногимъ вопросамъ, въ которыхъ правительство держится старой системы и не хочетъ сдѣлать никакой уступки, не смотря на то, что каждый день обнаруживаются тутъ злоупотребленія, которыми не пренебрегаетъ оппозиція, чтобы со всею силою нападать на правительство. Никогда еще правительство не подвергалось такой сильной аттакѣ, никогда еще депутаты оппозиціи не дѣлали такого натиска и съ такою настойчивостью не требовали уничтоженія оффиціальныхъ кандидатуръ, какъ въ послѣднія нѣсколько засѣданій, вообще отличавшихся необыкновенною живостью. Но, если правительство совершенно откровенно высказалось и рѣшительно объявило, что оно никогда не откажется отъ законнаго права имѣть своихъ кандидатовъ, рекомендовать ихъ и т. д., и въ этомъ случаѣ ссылалось на тотъ фактъ, что во всѣхъ странахъ народнаго представительства всегда обѣ стороны употребляютъ всѣ средства, чтобы доставить побѣду своимъ кандидатамъ, то вмѣстѣ съ этимъ нельзя не признать, что самыя пренія объ оффиціальныхъ кандидатурахъ показываютъ, какой значительный прогрессъ сдѣланъ Франціею на пути возвращенія къ полной свободѣ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, подобныя пренія были бы немыслимы. Споры объ оффиціальныхъ кандидатурахъ доказали только одно, что правительство нисколько не ошибается относительно прогресса, сдѣланнаго въ политической жизни націи, и само признаетъ, что избирательная борьба будетъ теперь несравненно труднѣе для него. «Когда новыя вольности, сказалъ министръ внутреннихъ дѣлъ, Форкадъ-де-ла-Рокетъ, даютъ болѣе могущественныя орудія противъ правительства, тогда для него не время обезоруживать себя, напротивъ, оно обязано внести въ борьбу бо́льшую энергію и бо́льшую предусмотрительность», а для того, чтобы такое заявленіе не показалось опаснымъ или угрожающимъ свободѣ страны, министръ внутреннихъ дѣлъ спѣшитъ сослаться на примѣры не только изъ исторіи Франціи, но онъ призываетъ на свою помощь авторитеты замѣчательныхъ государственныхъ людей другихъ странъ: «при всѣхъ старыхъ порядкахъ, говоритъ онъ, во время рес-

таврації, при правительствѣ іюльской монархіи, въ особенности во время республики, оффиціальныя кандидатуры были поддерживаемы съ преувеличеніемъ, которому правительство не будетъ подражать. Великій министръ, имя котораго связано съ возрожденіемъ Италіи, Кавуръ, объявилъ, что правительство не можетъ оставаться чуждымъ самому важному моменту въ политической жизни націи, выборамъ, и что оно должно вмѣшиваться въ нихъ честнымъ и откровеннымъ образомъ для поддержанія тѣхъ, которые раздѣляютъ его принципы и хотятъ доставить торжество его политикѣ».

Если положеніе французскаго министра, что правительственная поддержка кандидатуръ нисколько не противорѣчитъ духу свободнаго правительства, можетъ быть опровергнуто въ теоріи, то, перенося вопросъ на практическую почву и спрашивая себя, держались ли и держатся ли въ самомъ дѣлѣ свободныя правительства подобной системы, должны будемъ отвѣтить, что французскій министръ правъ. Въ самомъ дѣлѣ, почти во всѣхъ свободныхъ государствахъ мы находимъ, что правительство имѣетъ своихъ кандидатовъ и старается доставить имъ большинство голосовъ, изъ чего однако вовсе не слѣдуетъ, чтобы оно всегда торжествовало. Часто, именно благодаря этому большинству, ослѣпленное своимъ успѣхомъ, и увѣренное въ поддержкѣ цѣлой націи, правительство засыпаетъ на лаврахъ, и когда, пробужденное народнымъ гуломъ, оно спрашиваетъ въ чемъ дѣло, ему отвѣчаютъ: нація избрала себѣ другое правительство. Кто виноватъ тогда въ паденіи? очевидно, система, доставившая искусственное большинство въ палатѣ, и закрывшая отъ его глазъ дѣйствительныя нужды народа и его настоятельныя требованія. Мы не станемъ останавливаться болѣе на интересныхъ преніяхъ по поводу оффиціальныхъ кандидатуръ, такъ какъ дальнѣйшія ихъ подробности могутъ имѣть значеніе только для тѣхъ странъ, которыя достигли уже народнаго представительства. Упомянемъ только объ одномъ еще пунктѣ въ министерской рѣчи, вызвавшемъ горячее опроверженіе со стороны всей оппозиціонной партіи.

«Обязанность чиновниковъ, сказалъ министръ внутреннихъ дѣлъ, заключается въ томъ, чтобы не противодѣйствовать видамъ правительства; поддерживать эти виды—лежитъ на ихъ достоинствѣ». Не совсѣмъ такъ, отвѣчаетъ на это оппозиція: поддерживать виды правительства слѣдуетъ только тогда, когда чиновникъ убѣжденъ въ ихъ честности и въ томъ, что они направлены на благо народа. Сдѣлаться чиновникомъ не значитъ отречься отъ обязанностей честнаго человѣка и гражданина, возражали министру, его долгъ—служить обществу, а не интересамъ отдѣльнаго лица. Вы утверждаете, восклицаетъ оппозиціонная пресса, что тотъ, кто получилъ должность, кто получаетъ жалованье отъ правительства, обязанъ продать ему свою душу! Вы ошибаетесь, чиновникъ получаетъ свое жалованье изъ бюджета, доставляемаго на-

родомъ, слѣдовательно его первая обязанность—служить этому народу, и никому другому. Онъ обязанъ исполнять возложенныя на него обязанности, когда эти обязанности не противорѣчатъ, по его убѣжденію, интересамъ общества. Чиновникъ долженъ всегда оставаться человѣкомъ и не превращаться никогда въ безсмысленную машину. Этотъ взглядъ на чиновниковъ тѣмъ важнѣе, что онъ высказывается въ странѣ, гдѣ такъ долго большинство честныхъ людей обрекало себя на добровольное бездѣйствіе, проповѣдуя, что самая лучшая тактика—это, удаленіе отъ всѣхъ дѣлъ. Общество поняло теперь, что система удаленія ложная, что благодаря ей извѣстный порядокъ только укрѣпляется и усиливается.

Въ этихъ оживленныхъ засѣданіяхъ послѣднихъ двухъ недѣль возвысили свой голосъ почти всѣ сколько-нибудь извѣстные ораторы законодательнаго корпуса: они знаютъ, что въ эту минуту больше чѣмъ когда-нибудь на нихъ смотритъ вся Франція, готовящаяся черезъ какой-нибудь мѣсяцъ приступить къ новымъ выборамъ..... Давно страна не находилась въ такомъ возбужденномъ состояніи какъ теперь, и все содѣйствуетъ тому, чтобы это возбужденіе усиливалось все больше и больше. По всей Франціи каждый день происходятъ сотни митинговъ, народныхъ собраній, гдѣ обсуждаются всѣ вопросы, забытые со времени послѣдней революціи, каждый день возникаютъ новые журналы, издаются брошюры, книги, и все это направлено къ одному —къ борьбѣ съ правительствомъ и его оффиціальными кандидатами. Оппозиція добивается одного, это нѣсколько усилить свои ряды, впередъ совершенно увѣренная, что большинство, несмотря на все существующее въ странѣ волненіе, останется за правительствомъ. Нельзя, конечно, услѣдить за всѣми явленіями этой борьбы наканунѣ выборовъ, но мы остановимся все-таки на одномъ изъ нихъ, какъ крайне любопытномъ. Это—книга Эмиля Олливье—его исповѣдь передъ избирателями, которую онъ окрестилъ именемъ «Le 19 Janvier».

Эмиль Олливье, одинъ изъ знаменитыхъ «пяти» человѣкъ, составлявшихъ оппозицію въ законодательномъ корпусѣ, игралъ, можетъ быть и изъ желанія истиннаго добра Франціи, довольно двусмысленную роль. Избранный въ 1857 году, когда декабрьскій переворотъ былъ еще такъ свѣжъ въ памяти народа, крайнею партіею въ депутаты, онъ былъ одинъ изъ первыхъ, который сталъ требовать возвращенія свободы странѣ, похищенной 2 декабря. Положеніе оппозиціи въ законодательномъ корпусѣ было тогда до крайности тяжко, она была изолирована, съ нею боялись говорить, и Эмиль Олливье приводитъ въ своей книгѣ фактъ, который отлично характеризуетъ эпоху, кажется, недалекую еще отъ настоящаго и вмѣстѣ съ тѣмъ не имѣющую съ нимъ почти никакого сходства: «Нѣсколько дней спустя послѣ открытія сессіи, подойдя въ залѣ къ одному изъ храбрыхъ депутатовъ,

который заговорилъ со мной, я замѣтилъ на его лицѣ какое-то безпокойство, потомъ настоящее волненіе, и наконецъ онъ сказалъ неровнымъ голосомъ: «Мы поговоримъ на улицѣ, Морни смотритъ на насъ!» Такова была среда, прибавляетъ Олливье, въ которой я одинъ, какъ ораторъ, поддерживалъ демократическіе и либеральные принципы.» Такъ шло дѣло до 1859 года, когда образовалась оппозиція «пяти», и когда къ голосу Эмиля Олливье, прибавилось краснорѣчіе Жюля Фавра и рѣзкое остроуміе Пикара. Положеніе оппозиціи было все-таки неблестяще. Большинство не терпѣло ни одного рѣзкаго правдиваго слова, засѣданія не были публичны, самая замѣчательная рѣчь одного изъ «пяти» встрѣчала не болѣе какъ четыре одобрительныхъ голоса. Но пробужденіе тѣмъ не менѣе уже начиналось. Наполеонъ III, почерпнувшій нѣкоторую увѣренность въ прочности своего престола въ той популярности, которую доставила ему Итальянская война 59 года, рѣшился сдѣлать либеральную реформу 24 ноября 1860 года. Эта реформа вдохновила Эмиля Олливье мыслію, что правительство не остановится на этомъ, и что даже безъ требованій, безъ того, чтобы оно было вынуждено, возвратитъ странѣ всю узурпированную его свободу. Остальные члены оппозиціи «пяти» были болѣе тверды въ своихъ убѣжденіяхъ, чѣмъ Эмиль Олливье, они знали, что сила уступаетъ только силѣ, а не безсилію, и потому твердо держались своихъ требованій полной свободы и съ твердостью выражали ихъ. Скоро должна была между Эмилемъ Олливье и оппозиціею произойти размолвка, она и произошла по поводу закона о стачкахъ, въ которыхъ Олливье отдѣлился отъ своихъ товарищей, имѣвъ предварительное совѣщаніе съ Морни. Эмиль Олливье очевидно увлекся мыслію сдѣлаться какъ бы посредникомъ, примирителемъ между имперіею и ея врагами, и Морни постарался втянуть его въ свои сѣти. Портретъ, который Олливье рисуетъ съ Морни въ своей книгѣ мало похожъ на тѣ портреты, которые мы находимъ у историковъ декабрьскаго переворота: онъ не былъ «ни жестокъ, ни мстителенъ», говоритъ Олливье, «онъ отдавался призыву къ великодушію, и нельзя было приблизиться къ нему безъ того, чтобы не почувствовать къ нему влеченія, привязанности». Эмиль Олливье всѣми силами отдѣлывается отъ того, будто онъ былъ подъ вліяніемъ Морни, напротивъ, утверждаетъ онъ, «подъ моимъ вліяніемъ измѣнились идеи Морни». Онъ разсказываетъ тоже, что Морни былъ совершенно доволенъ реформой 24 ноября, которая была сдѣлана отчасти по настоянію его и Валевскаго, но больше всего «по личному вдохновенію императора». «Надѣюсь, говорилъ Морни Эмилю Олливье, встрѣчая его у рѣшетки законодательнаго корпуса, что вы довольны теперь?—Да, отвѣчалъ Олливье, доволенъ; только, если вы желаете знать мое мнѣніе, то позвольте прибавить, что съ этого дня вы или упрочились, или погибли.—Какъ такъ? возразилъ Морни.—Вы упрочились,

если это только нача́ло, вы погибли, если это конецъ!» Эмиль Олливье долго не сближался съ Морни, пока этотъ послѣдній не привлекъ его на свою сторону выраженнымъ участіемъ къ его семейному горю. Нельзя не улыбнуться конечно, читая, какъ мало нужно было Эмилю Олливье, чтобы броситься въ объятія одного изъ самыхъ крупныхъ и рѣшительныхъ дѣятелей 2-го декабря. Съ этой минуты Эмиль Олливье скользитъ все больше и больше по вылощенной дорогѣ, ведущей къ Тюльери. Онъ защищается передъ своими избирателями 69 года, которымъ посвящена его книга, отъ всякихъ честолюбивыхъ замысловъ и передаетъ, что въ одномъ изъ первыхъ свиданій съ Морни, онъ поспѣшилъ предупредить его, что не желаетъ получить никакого министерства, что́ впрочемъ не помѣшало Морни предложить ему, Эмилю Олливье, министерскій портфель. Какъ далекъ онъ былъ въ эту минуту отъ оппозиціи «пяти»! Переговоры, начатые съ Морни, прервались его смертью, но вскорѣ были возобновлены съ его преемникомъ Валевскимъ, и тутъ начинается самая интересная часть исповѣди Олливье, такъ какъ она касается тѣхъ реформъ, которыя объявлены были 19-го января 67 года, и въ которыхъ Олливье принималъ довольно дѣятельное участіе. Въ это время связь Олливье съ оппозиціею была уже совершенно разорвана, и онъ стремился стать во главѣ tiers-parti, но, какъ всякое стремленіе Олливье, и это было безуспѣшно. Съ самаго начала переговоровъ между Валевскимъ и Олливье, первый предложилъ ему отъ имени императора министерство, менѣе другихъ имѣющее вліяніе на общій ходъ дѣлъ, а именно, народнаго просвѣщенія, на что́ Олливье, разумѣется, отвѣчалъ отказомъ. Валевскій настаивалъ, говоря, что и онъ самъ и императоръ получили полную увѣренность, что имперія не можетъ держаться безъ свободы, что свободу эту нужно водворить при помощи постепенныхъ реформъ, и что для того, чтобы ихъ совершить, необходима помощь его, Олливье. Совѣщанія эти кончились тѣмъ, что Эмиль Олливье сдался, написавъ Валевскому письмо, въ которомъ говорилъ: «если вы можете, избавьте меня отъ этого испытанія (министерскій портфель), сдѣлайте все безъ меня съ вашими друзьями; но если вы мнѣ по совѣсти скажете, что мой отказъ сдѣлаетъ все невозможнымъ, я соглашусь;» и при этомъ онъ ставилъ три условія, между которыми было и уничтоженіе административнаго произвола въ дѣлахъ прессы. Въ то время, когда Валевскій велъ переговоры съ Олливье, Наполеонъ обдумывалъ готовившіяся реформы, и также, насколько необходимо участіе Олливье. Этотъ послѣдній то соглашался, то отказывался войти въ новый кабинетъ, то снова соглашался, когда Валевскій обращался къ нему со словами: «Вы держите въ вашихъ рукахъ судьбу страны, отъ васъ зависитъ, чтобы былъ сдѣланъ шагъ впередъ.» Можно подумать, что дѣло шло ни болѣе ни менѣе какъ объ отреченіи отъ трона, въ то время, когда

вопросъ шелъ о реформѣ законовъ о печати, правѣ собранія и интерпелляціяхъ. Наконецъ, Олливье окончательно рѣшился.... замѣнить Руэра, если онъ откажется отъ приведенія въ исполненіе новой программы. Наконецъ, послѣ всѣхъ этихъ переговоровъ и совѣщаній, Наполеонъ назначилъ Эмилю Олливье день свиданія. Оптимистъ Олливье, какъ назвалъ его Гизо, видящій все въ какомъ-то розовомъ свѣтѣ, рисуетъ портретъ Наполеона тѣми же радужными красками, какими нарисовалъ онъ фигуры Морни и Валевскаго. «О личности императора составилось самое ложное мнѣніе; его воображаютъ себѣ молчаливымъ, хладнокровнымъ; такимъ дѣйствительно является онъ на публичныхъ торжествахъ. Въ своемъ кабинетѣ онъ совсѣмъ другой; хотя его никогда не оставляетъ извѣстная сдержанность, похожая почти на застѣнчивость, пріемъ его радушенъ, онъ обращается съ простотою, которая трогаетъ васъ, съ вѣжливостью, которая соблазняетъ. Онъ слушаетъ васъ какъ человѣкъ, желающій удержать; когда онъ не имѣетъ возразить вамъ что́-нибудь особенное, онъ оставляетъ васъ говорить; онъ прерываетъ только, чтобы сдѣлать важное возраженіе. Умъ его не затемненъ никакими грубыми предразсудками, ему можно все говорить, все, что́ даже противорѣчитъ его мнѣнію, даже истинѣ, лишь бы выраженіе было мягко и не было лишено чувства симпатіи къ его личности.... можно было бы даже утверждать, что онъ склоненъ ко всему, что велико, еслибы иногда онъ не принималъ за великое то, что только эффектно.» Таковъ портретъ, нарисованный Эмилемъ Олливье, однимъ изъ «пяти», портретъ, написанный безъ сомнѣнія искренно, потому что никто не обвиняетъ Эмиля Олливье въ безчестности; но онъ доказываетъ только одно, какъ легко сбиться честному, но простому, незамѣчательному человѣку съ прямого пути, когда онъ возмечтаетъ играть роль Мирабо или Бенжамена-Констана. Излишнее честолюбіе, жажда пробиться въ благодѣтели своей родины, и пробиться окольными дорогами, приводитъ часто къ тѣмъ же результатамъ, какъ низость и раболѣпство, т. е. кладетъ клеймо на всю жизнь человѣка. Олливье понялъ очень хорошо, что его сношенія съ Морни и Валевскимъ, его посѣщеніе Тюльери убили его репутацію честнаго человѣка, потому онъ и поспѣшилъ сдѣлать свою публичную исповѣдь, выслушавъ которую можно произнести ему отпущеніе грѣховъ, ради его, съ одной стороны, политической недальновидности, съ другой, ради его стремленія оказать услугу своему отечеству. Политическая недальновидность Олливье заключается въ томъ, что онъ не понялъ, что между оппозиціонною Франціею и Наполеономъ не можетъ быть примиренія до тѣхъ поръ, пока Наполеонъ сидитъ на престолѣ, потому что тутъ не столько важна ненависть между людьми, сколько несовмѣстимость двухъ принциповъ.

Послѣ долгаго разговора съ императоромъ, котораго къ сожалѣнію Олливье не передаетъ, Наполеонъ спросилъ его, правда ли, что

онъ не желаетъ принять министерства? На утвердительный отвѣтъ Олливье, и послѣ того, что онъ привелъ свои причины, Наполеонъ сказалъ ему: «ваши доводы такъ хороши, что я не могу привести никакого возраженія; я думаю, какъ и вы; я возвращаю вамъ свободу». Послѣ этихъ словъ, которыя можетъ быть только свидѣтельствуютъ о тонкости Наполеона, не желавшаго дѣлать изъ Олливье прямого помощника себѣ, разговоры не остановились на этомъ. «Мнѣ предлагали, говоритъ Олливье, хорошее министерство (народнаго просвѣщенія) и скромныя реформы: вмѣсто того, чтобы принять министерство, я думалъ только о томъ, чтобы, отказываясь отъ него, дать себѣ болѣе силы для разширенія реформы.» Послѣ этого разговора, Олливье послалъ Наполеону подробную записку о всемъ, что они говорили, и въ отвѣтѣ, который онъ получилъ, Наполеонъ между прочимъ высказывался такимъ образомъ: «будьте убѣждены въ томъ, что то, что́ меня удерживаетъ отъ исполненія реформъ, вовсе не недостатокъ увѣренности, не пустое пристрастіе къ моимъ прерогативамъ, но боязнь лишить себя средствъ возстановить въ этой странѣ, взволнованной столь различными страстями, нравственный порядокъ, это существенное основаніе свободы». Наполеонъ въ эту минуту желалъ «увѣнчать зданіе», какъ нѣсколько разъ выразился онъ самъ, и предпочиталъ дать съ одного раза все, что онъ могъ дать по его понятіямъ, чѣмъ дѣлать каждый годъ, вынужденный обстоятельствами, новыя уступки, потому что такая уступчивость, онъ не заблуждался, можетъ довести до «паденія». Онъ остановился на тѣхъ реформахъ, которыя были объявлены въ знаменитомъ письмѣ 19 января 1867 г., т. е. на законѣ о правѣ собранія, на присутствіи министровъ въ законодательномъ корпусѣ и на уничтоженіе административнаго произвола въ дѣлахъ печати. «То, что меня болѣе всего побуждаетъ это сдѣлать, сказалъ онъ Олливье, это то, что Франція пользуется большою свободою, а между тѣмъ я имѣю видъ, какъ будто бы не даю никакой». Наполеонъ не утѣшалъ себя надеждою, что Франція придетъ въ особенный восторгъ отъ этихъ реформъ, онъ сознавалъ, что нація, привыкшая къ бо́льшему и требуетъ бо́льшаго, и потому говорилъ: «То, что я даю, это много, и если бы я вышелъ изъ первой имперіи, всѣ бы это признали; но такъ какъ я наслѣдую парламентарнымъ правительствамъ, то до тѣхъ поръ, пока я не войду въ старую колею, всегда будутъ находить, что я даю слишкомъ мало; вы увидите, что это скажутъ.»

Письмо 19 января было объявлено, дѣло шло теперь только о приведеніи въ исполненіе предначертанныхъ реформъ. Исполненіе это возложено было на государственнаго министра, или вѣрнѣе было бы сказать перваго министра — Руэра, на котораго обрушивается весь гнѣвъ Эмиля Олливье. Изъ его книги вытекаетъ одно, что если кто-

нибудь виноватъ въ неполномъ осуществленіи реформъ и ихъ урѣзаніи, то только Руэръ. Тутъ опять оказывается недальновидность Олливье: онъ долженъ былъ бы понять, что такой человѣкъ, какъ Руэръ, есть только исполнитель чужой воли, который сегодня говоритъ и защищаетъ одно, завтра совершенно противоположное. Онъ накидывается на него и изображаетъ уже совсѣмъ другими красками, которыхъ не употреблялъ для портрета Морни или Наполеона. «У него нѣтъ ни обширности общихъ знаній, ни литературнаго вкуса, ни богатства воображенія», и чѣмъ дальше онъ разбираетъ его, тѣмъ больше находитъ въ немъ недостатковъ: «у него нѣтъ, говоритъ Олливье, той возвышенности, которая рождается изъ сильнаго убѣжденія». Это человѣкъ «рѣшительно неспособный возвыситься до принципа». Въ то время, когда Руэръ совѣщался съ Олливье, по приказанію Наполеона, относительно выполненія реформъ, Руэръ интриговалъ противъ Олливье и возбуждалъ противъ него большинство законодательнаго корпуса. Руэръ все болѣе и болѣе переходилъ на сторону реакціи, враждовалъ противъ Валевскаго, добился его удаленія. Олливье сознавалъ, передаетъ онъ самъ, что объявленныя реформы въ рукахъ Руэра уродуются все больше и больше, что они не дадутъ того, что онъ надѣялся, но обратиться прямо къ Наполеону онъ не могъ, потому что Наполеонъ совершенно одобрялъ Руэра. Почва ускользала изъ-подъ ногъ Олливье, онъ чувствовалъ свое положеніе страннымъ, неопредѣленнымъ, онъ такъ недавно публично жалъ руки Руэру, а теперь принужденъ былъ такъ же явно возставать противъ него. Неизбѣжный результатъ политической слѣпоты! Онъ долженъ былъ принять враждебное положеніе къ Руэру, а слѣдовательно и къ его господину, онъ долженъ былъ снова искать убѣжища въ рядахъ оппозиціи. Въ одной изъ своихъ рѣчей онъ наконецъ бросилъ снова перчатку правительству, произнеся такую фразу: «программа 19 января исполнена дурно во всѣхъ своихъ частяхъ»; съ этой минуты онъ сталъ удаляться отъ всѣхъ оффиціальныхъ приглашеній. Олливье сознается, что положеніе второй имперіи значительно ухудшилось со времени реформъ 19 января, что она пошатнулась, и что всѣ данныя реформы направлены теперь къ разрушенію существующаго порядка. Но не реформа виновата, рѣшаетъ Олливье, а ихъ дурное выполненіе; онъ не можетъ удержаться отъ того, чтобы не привести своего пророчества Наполеону наканунѣ 19 января: «не дѣлайте ничего, говорилъ онъ, или дѣлайте хорошо; если вы сдѣлаете дурно, реформы обратятся противъ васъ»; и затѣмъ онъ прибавляетъ: «правительство сдѣлало и сдѣлало дурно; оно дало всю свободу, которая могла быть полезна противъ него, и отказало въ той, которая могла быть полезна для него; оно уступило все, что̀ было необходимо для разрушенія имперіи, и отказало во всемъ, что̀ позволило бы честнымъ людямъ сгруппиро-

ваться около него и поддержать его». Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Эмилю Оллівье болѣе всего помогло «прозрѣть» то обстоятельство, что онъ, который такъ распинался для правительства, разорвалъ свои кровные узы съ оппозиціею, и такъ упалъ въ общественномъ мнѣніи, что именно и былъ удаленъ отъ исполненія реформы 19 января. Сколько онъ ни отказывался отъ портфеля министерства народнаго просвѣщенія, трудно думать, что ему бы не улыбнулась роль Руэра. Собственно говоря, Оллівье, ставъ разъ на скользкую дорогу, долженъ былъ бы даже добиваться этого поста, тогда можетъ быть успѣхъ веденныхъ подъ его вліяніемъ реформъ сколько-нибудь оправдалъ бы въ глазахъ тѣхъ, которые послали его въ законодательный корпусъ.

Что́ же, спрашиваетъ онъ послѣ всего этого, нужно сдѣлать, чтобы поправить положеніе, какія средства нужно употребить, чтобы спасти имперію отъ вѣрной гибели. Для этого, отвѣчаетъ Оллівье, нужно прежде всего два средства: 1) независимость и отвѣтственность министровъ, т. е. возвращеніе къ парламентаризму, и во 2) полная свобода выборовъ. Однимъ словомъ, Эмиль Оллівье приходитъ къ тому же, что́ и требуетъ оппозиція, въ лоно которой онъ снова возвратился. Еслибы оппозиція могла простить честолюбивому и не брезгающему задними ходами депутату, то она должна была бы заколоть тельца для празднованія возвращенія блуднаго сына. Для имперіи нѣтъ другого выхода, утверждаетъ и Оллівье, какъ сдѣлать выборы 1869 года такими же свободными, какими они были въ 1789 году; для нея нѣтъ другого средства выйти изъ затрудненія, которое скоро превратится въ безъисходное. Въ странѣ, что́ теперь очевидно для всѣхъ, существуетъ небывалое волненіе, безпокойство, мнѣнія раздѣлены о самыхъ важныхъ предметахъ, одни требуютъ мира во что бы то ни стало, другіе жаждутъ войны, одни хотятъ, чтобы Франція отдала Италіи Римъ, другіе требуютъ, чтобы войска не выходили изъ Чивитавеккіи. Одни призываютъ полную, безграничную свободу, другіе опасаются ее. Единственно, что́ необходимо сдѣлать, это созвать народъ и сказать ему, говоритъ Эмиль Оллівье: «Назначьте депутатовъ, которые сообщили бы мнѣ ваше мнѣніе о всѣхъ важныхъ вопросахъ; я сообщу вамъ черезъ министровъ мои личные виды, и тогда послѣ обсужденія ваша воля будетъ исполнена». Только подобная мѣра, по словамъ Оллівье, можетъ вывести имперію изъ затруднительнаго положенія. «Я не смѣю сказать, говоритъ онъ, каковы будутъ послѣдствія системы насилія, къ которому приготовляются прибѣгнуть въ ближайшихъ выборахъ. Послѣдняя надежда добровольнаго сближенія между свободой и имперіей исчезаетъ, и свобода тогда попробуетъ диктовать законы: если имперія уступитъ, она будетъ унижена; если она станетъ сопротивляться, тогда начнется война не на жизнь, а на смерть, и

исходъ ея не подверженъ сомнѣнію; потому что свобода бывала побѣждена только у народовъ, достигшихъ періода дряхлости». Таково послѣднее пророческое слово Эмиля Олливье, этого недавняго еще друга имперіи. Итакъ, выборы—вотъ общій лозунгъ, за который схватились обѣ партіи: партія имперіи и растущая съ каждымъ днемъ партія анти-имперіалистовъ. На выборы уповаютъ какъ тѣ, которые надѣятся, что имперія получитъ на нихъ послѣдній ударъ, такъ и тѣ, которые мечтаютъ, что имперія выйдетъ изъ нихъ обновленною и помолодѣвшею. Всѣ спѣшатъ дѣлать свое profession de foi, всѣ приносятъ свои исповѣди, всѣ стараются выставить себя въ самомъ выгодномъ свѣтѣ, но, разумѣется, главнымъ образомъ тѣ, у которыхъ, какъ говорится: пушекъ на рыльцѣ. Къ безчисленнымъ брошюрамъ, вызваннымъ предстоящими выборами, къ книгѣ Эмиля Олливье присоединилось надняхъ еще одно произведеніе, вышедшее изъ-подъ прессовъ императорской типографіи и украшенное гербомъ имперіи: «Les Progrès de la France sous le gouvernement impérial». Произведеніе это, какъ увѣряютъ, принадлежитъ августѣйшему перу Наполеона, и представляетъ собою какъ бы обращеніе къ народу наканунѣ выборовъ, чтобы вотируя за оффиціальнаго или независимаго кандидата, избиратели помнили, какой прогрессъ сдѣланъ Франціей во время существованія второй имперіи. Изъ всѣхъ правительственныхъ выборныхъ маневровъ, императорская брошюра, разумѣется, есть самый невинный и вмѣстѣ самый законный.

Время выборовъ всегда представляетъ собою много заботъ для правительства, и какъ теперь ими волнуется вся Франція, такъ недавно еще выборы же волновали всю Австрію. Новый сеймъ былъ созванъ въ Венгріи, первый послѣ того, что система дуализма укрѣпилась въ странѣ. Правительство съ трепетомъ ожидало, въ чью пользу выскажется венгерская нація, въ пользу ли партіи Деака-Андраши, — венгерскихъ представителей этой системы, или въ пользу ихъ противниковъ, недовольныхъ этою системою и желающихъ только одного личнаго соединенія между Австріей и Венгріей, на подобіе Швеціи и Норвегіи. Въ старомъ сеймѣ громадное большинство стояло за Деака и Андраши; вопросъ шелъ объ удержаніи этого большинства. Первые результаты выборовъ въ новый сеймъ бросили смущеніе въ министерскій лагерь; значительные члены партіи дуализма потерпѣли сильное пораженіе, оппозиція торжествовала, но торжество ея было непродолжительно. Побѣда осталась за правительственною партіею, представляемой въ сеймѣ 217 голосами противъ 151, принадлежащихъ лѣвой сторонѣ. Если партія Деака потеряла около 30 голосовъ, то это должно ей служить только предостереженіемъ на будущее время, чтобы она не шла далѣе тѣхъ уступокъ, которыя сдѣланы уже для соглашенія съ Австріею. Австрійское правительство не можетъ не ра-

доваться успѣху въ Венгріи, потому что неудача тамъ повергла бы зданіе Австро-Венгерской монархіи въ полное разстройство. То, что́ укрѣплено было съ такимъ трудомъ, снова бы разшаталось, и тогда затронутъ былъ бы вопросъ о существованіи имперіи. Полное соглашеніе съ Венгріею тѣмъ важнѣе для австрійскаго правительства, что въ эту минуту между имъ и Галиціею снова возникаютъ затрудненія, которыя усиливаютъ только значеніе тѣхъ, которыя доставляетъ ей чешское населеніе Богеміи. Если съ одной стороны нельзя не желать, чтобы какъ тѣмъ, такъ и другимъ, были предоставлены возможныя вольности и болѣе широкая автономія, то съ другой стороны Австрія не можетъ не желать себѣ избавленія отъ лишнихъ препятствій, которыхъ и безъ того она находитъ слишкомъ много въ своей трудной задачѣ возрожденія страны при помощи политической и нравственной свободы. Нельзя не желать полнаго успѣха всякой странѣ и правительству, которое имѣетъ достаточно силы, чтобы отбросить традиціонный консерватизмъ, свои старыя реакціонныя стремленія и смѣло вступить на дорогу истиннаго, а не фальшиваго либерализма.

Если трудно было представить себѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, что Австрія сдѣлается одною изъ либеральныхъ странъ Европы, то еще труднѣе было бы предположить возможность тѣснаго сближенія между ею и ея вѣковымъ врагомъ—Италіею. Тѣмъ не менѣе это сближеніе, эта дружественность отношеній представляется теперь совершившимся фактомъ къ несомнѣнной выгодѣ обѣихъ странъ. Если Австрія нуждается въ мирѣ, чтобы довершить свое обновленіе, то не менѣе ея нуждается и Италія. Ей нужно еще нѣсколько лѣтъ полнаго спокойствія, чтобы финансы ея поправились и пришли въ нормальное положеніе, и чтобы бюджетъ ея достигъ желаннаго равновѣсія, которое министръ финансовъ Камбрэ-Диньи обѣщаетъ только къ 1875 году. Одно только могло бы принудить ее взяться за оружіе и рѣшиться на такую тяжелую жертву, какъ война — это надежда добыть себѣ наконецъ Римъ, который, безъ сомнѣнія, успокоитъ всѣ внутреннія волненія. Итальянское правительство понимаетъ, какъ нельзя лучше, что всѣ безпокойства, все недовольство, всѣ открываемые заговоры, стремленіе вызвать внутренній переворотъ, произвести революціи, всѣ эти попытки, безъ сомнѣнія, не имѣющія опаснаго свойства, главнымъ образомъ, коренятся въ непреодолимомъ желаніи, волѣ націи сдѣлать изъ Рима столицу Италіи. Правительство понимаетъ это и не отказывается отъ Рима, а напротивъ, дѣлаетъ всѣ усилія, чтобы побудить Наполеона III вывести свои войска. Надо надѣяться, что Италія скоро будетъ удовлетворена въ этой необходимости обладанія Римомъ, и тогда всѣ заботы этой страны будутъ направлены къ одному, къ спокойному развитію, политическому, нравственному и матеріальному этой ожившей и счастливо переродившейся націи.

Италія воскресла болѣе сильная, чѣмъ она была когда-нибудь, а между тѣмъ сколько пророчествъ сыпалось на нее еще такъ недавно, и пророчествъ самыхъ мрачныхъ и не великодушныхъ. Сколько разъ ей предсказывали паденіе въ тѣ самыя минуты, когда она дѣлала сверхъестественныя усилія, чтобы воспрянуть и вдохнуть въ себя новую жизнь! Къ счастію, всѣ эти предсказанія остались одними предсказаніями. Будемъ надѣяться, что тоже случится и съ тѣми предсказаніями, которыя сыплются теперь на Испанію, и что эта страна съумѣетъ преодолѣть всѣ препятствія, всѣ трудности, и выпутается изъ той непроницаемой сѣти, въ которую она была втянута деспотизмомъ. Послѣдній мѣсяцъ прошелъ для Испаніи не безплодно. Проектъ конституціи оконченъ, и если онъ не настолько радикаленъ, насколько желала бы того возрастающая въ численности республиканская партія, то тѣмъ не менѣе введеніе его въ силу можетъ возбудить законную зависть не одной страны, которой еще недавно показалось бы обиднымъ сравненіе съ Испаніею. Одно изъ главныхъ затрудненій новый порядокъ встрѣчаетъ въ возстаніи испанской колоніи Кубы, возстаніи, которое все усиливается съ каждымъ днемъ и тѣмъ болѣе опасно, что грозитъ привести къ столкновенію между Испаніею и Соединенными Штатами, которые не безъ удовольствія смотрятъ на стремленіе Кубы къ независимости. Но задача Испаніи особенно тяжела потому, что новое правительство осуждено было унаслѣдовать страну, доведенную до крайняго изнеможенія деспотизмомъ Бурбоновъ.

МАНЕВРЪ ПРОТИВНИКОВЪ

НАШЕЙ ШКОЛЬНОЙ РЕФОРМЫ.

Въ мартовской книгѣ «Русскаго Вѣстника» мы прочли статью подъ заглавіемъ: «Тактика противниковъ нашей (!) школьной реформы»; а мы въ это время только-что собирались сами приступить къ описанію маневра противниковъ нашей школьной реформы. Les beaux esprits se rencontrent — подумаетъ иной; но въ настоящемъ случаѣ оказалось, что «Русскій Вѣстникъ» и «Вѣстникъ Европы» говорятъ о совершенно различныхъ предметахъ, и что даже новая статья московскаго журнала принадлежитъ сама къ числу, если не искуснѣйшихъ, то во всякомъ случаѣ самыхъ безцеремонныхъ маневровъ противниковъ нашей школьной реформы. «Русскій Вѣстникъ» и его почтенная редак-

ція дошла нынѣ до послѣднихъ предѣловъ самообожанія, и подъ словами «нашей школьной реформы» разумѣетъ не что иное, какъ реформу своего собственнаго издѣлія, подробности которой, какъ мы увидимъ ниже, будутъ публикованы надняхъ; а «Вѣстникъ Европы» подъ этими же словами разумѣетъ то, что́ и слѣдуетъ разумѣть въ настоящемъ случаѣ, а именно послѣднюю школьную реформу 1864 года *у насъ*, т. е. въ Россіи, и имѣетъ въ виду говорить о противникахъ ея, къ числу которыхъ принадлежитъ въ прессѣ редакція «Московскихъ Вѣдомостей», старавшаяся всѣми мѣрами внушать мысль о необходимости затормозить послѣднюю школьную реформу. Дѣйствительно, послѣдняя наша (т. е. русская) школьная реформа и созданные ею уставы университетовъ, гимназій и народныхъ училищъ, хотя и не отмѣнены до сихъ поръ въ цѣлости, но нельзя также сказать, чтобы они развивались въ одномъ и томъ же духѣ, чтобы они не имѣли своихъ противниковъ, какъ имѣютъ таковыхъ другія реформы, крестьянская, судебная и т. д. Но «Русскій Вѣстникъ» заговорилъ о противникахъ не этой школьной реформы; его редакція сама принадлежитъ къ числу такихъ противниковъ, и давно уже принимаетъ себя за министерство народнаго просвѣщенія, основываетъ теперь свою гимназію-университетъ, и говоритъ свое—Quos ego! противникамъ *своей* школьной реформы, продолжая въ тоже время сама попрежнему противиться школьной реформѣ нынѣшняго царствованія.

Въ чемъ же состоитъ новый маневръ этихъ противниковъ? «Московскія Вѣдомости» искусственно раздѣлились нынѣшній разъ съ «Русскимъ Вѣстникомъ», и «Русскій Вѣстникъ» въ мартовской книгѣ обязательно цитуетъ «Московскія Вѣдомости», какъ чуждое ему вѣдомство, указываетъ на заслугу почтенной газеты, «разоблачившей — будто бы — продѣлку, къ которой прибѣгъ *Вѣстникъ Европы* по поводу статьи англійскаго писателя Фоулера», и обращаясь съ похвалою «Московскимъ Вѣдомостямъ», признаетъ ихъ клеветы—«дѣломъ полезнымъ». Затѣмъ «Русскій Вѣстникъ» повально обвиняетъ всю петербургскую журналистику, при чемъ слѣдуетъ градъ словъ: «поддѣлка», «вымыселъ», «подлоги», «продѣлки», «элокубраціи» и т. п. Но въ результатѣ всей статьи оказывается, что редакція «Русскаго Вѣстника» искала себѣ одного школьническаго удовольствія обозвать редактора «Вѣстника Европы» именованіями, заимствованными въ романахъ Диккенса и въ драмахъ Эмиля Ожье. Нѣтъ особенной трудности и намъ пріискать, даже въ отечественной литературѣ, прототипы редакторовъ «Московскихъ Вѣдомостей» и «Русскаго Вѣстника»: ихъ умѣнье скупать дешево и продавать дорого мертвыя души избавило бы насъ отъ дальнѣйшихъ поисковъ въ литературѣ за сравненіями; но мы вообще не желаемъ вступать въ перебранку; для насъ достаточно того, что Зевсъ бранится—слѣдовательно, онъ не правъ; одинъ изъ редакторовъ «Мо-

сковскихъ Вѣдомостей», приступая къ редакціи, не даромъ изучалъ предварительно натуру Зевса, и знакомъ съ этою истиною.

Обратимся лучше къ тому, что «Русскій Вѣстникъ» въ послѣдней своей статьѣ называетъ нашей «тактикой». По его мнѣнію, это — тактика того Диккенсова героя, который «велъ дѣятельную корреспонденцію со всѣми знаменитостями Англіи, самъ сочиняя къ себѣ отъ нихъ письма, въ которыхъ заставлялъ ихъ говорить, разумѣется, лишь то, что было пріятно и лестно самому ему». «Точно также—восклицаетъ редакція—и редакторъ *Вѣстника Европы!*» Читатель, по общей логикѣ, заключаетъ, что редакторъ «Вѣстника Европы» просто-на-просто сочинилъ себѣ письма отъ различныхъ знаменитостей и заставилъ ихъ опровергать классическую систему образованія. Но это только одинъ маневръ «Русскаго Вѣстника»: онъ не утверждаетъ собственно, что у насъ пишутся письма къ самимъ себѣ, а полагаетъ, что произведенія знаменитыхъ писателей, адресованныя вовсе не къ намъ, подвергались у насъ «особому процессу», вслѣдствіе котораго эти писатели являются будто бы противниками классицизма. Читатель увидитъ сейчасъ, кто изъ насъ совершаетъ такіе «особые процессы»? Мы ссылались между прочимъ на Маколея. «Русскій Вѣстникъ» самъ перепечатываетъ изъ него отрывокъ, который, несмотря на всю свою отрывочность, доказываетъ однако то, что мы не сочиняли письма Маколея къ самимъ себѣ, потому что это была публикованная рѣчь знаменитаго историка, и привели ее, какъ одно изъ доказательствъ, что увѣренія «Московскихъ Вѣдомостей» и «Русскаго Вѣстника», будто бы въ западной Европѣ классическая система—единственная общеобразовательная, есть не больше, какъ пріуготовительный маневръ будущихъ основателей классическаго лицея. У «Русскаго Вѣстника» не хватило нынѣшній разъ дерзости, какъ онъ часто это дѣлаетъ, объявить рѣчь Маколея нашимъ подлогомъ, но за то онъ съ неслыханною безцеремонностью объясняетъ, что въ той рѣчи слова Маколея поражаютъ странностью; но это собственно не странно, говоритъ «Русскій Вѣстникъ», «со стороны англичанина, со стороны человѣка, который былъ призванъ воздать хвалу, въ торжественномъ собраніи, національной англійской литературѣ»; что «увлеченіе и парадоксы здѣсь какъ нельзя болѣе извинительны»; что только «въ пылу своего краснорѣчія, англичанинъ могъ утверждать, что ни одна эпическая поэма не выдержитъ сравненія съ «Потеряннымъ Раемъ», и что цѣлые томы древнихъ философовъ не стоютъ одной страницы Бэкона». Однимъ словомъ, недостаетъ одного намека, что-молъ, хотя Маколей дѣйствительно дерзко выражается о значеніи классицизма, но человѣкъ говорилъ послѣ обѣда, и конечно, сказалъ лишнее. Что̀ это такое: шутка-ли «Русскаго Вѣстника», или примѣръ его литературнаго моншерства, съ которымъ онъ позволяетъ себѣ морочить читателей? Можно-ли полемизировать съ

людьми, которые въ крайнемъ случаѣ рѣшаются отдѣлываться фразами: «это — увлеченіе, парадоксъ, пылъ краснорѣчія со стороны Маколея» и т. п. Не вѣрнѣе-ли предположить, что со стороны редакторовъ «Московскихъ Вѣдомостей» и «Русскаго Вѣстника» есть разсчетъ, отдаленная комбинація и т. п., что заставляетъ ихъ поддерживать классическую систему воспитанія, какъ единственную? Вѣрно одно, что редакторъ «Вѣстника Европы», на которомъ сосредоточивается все нападеніе, не основывалъ никакого реальнаго лицея, для котораго онъ поддерживалъ бы реальныя гимназіи, а редакторы «Московскихъ Вѣдомостей» кончили свои походы устройствомъ классическаго лицея. Мы слышали, надняхъ будетъ утверждена министромъ народнаго просвѣщенія программа этого пансіона; тогда мы поговоримъ о немъ подробнѣе, а теперь замѣтимъ мимоходомъ: этотъ пансіонъ, основанный гг. Катковымъ и Леонтьевымъ, по подробностямъ, уже извѣстнымъ намъ, послужитъ новымъ и весьма осязательнымъ доказательствомъ, при какихъ условіяхъ въ наше время классическая система можетъ служить общеобразовательнымъ орудіемъ. Чтобы осуществить свою идею, основателямъ нужно было обезпечить будущій успѣхъ мѣрами, которыя почерпаютъ свою силу не изъ духа классической системы: основатели этого пансіона, прежде нежели доказали свою состоятельность и заслуги будущаго заведенія, должны были искать самой высокой чести, которой удостоился Царскосельскій лицей, послѣ многихъ лѣтъ своего существованія, а именно носить названіе Лицея Цесаревича Николая Александровича, и сверхъ того, состоять подъ особымъ покровительствомъ Государя Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Александра Александровича; кромѣ того, они домогаются освобожденія отъ квартирной повинности, а также отъ пошлинъ и сборовъ разнаго рода, отъ употребленія гербовой и крѣпостной бумаги; а плата за пансіонеровъ этого Лицея доходитъ до 915 руб. въ годъ!! Если необходимы такіе расходы, съ одной стороны, а съ другой — если только въ пансіонѣ г. Каткова можно получить солидное образованіе, то спрашивается: сколько лицъ въ Россіи будутъ въ состояніи воспользоваться благодѣяніями подобнаго рода по-истинѣ классическаго образованія? Но подождемъ утвержденія самаго устава пансіона, чтобы познакомиться ближе съ цѣлями его основателей. До сихъ поръ онъ представляется намъ финаломъ, къ которому вели всѣ панегирики двухъ редакцій классической системѣ образованія, и всѣ ихъ маневры относительно противниковъ такъ-называемой «нашей школьной реформы», т. е. школьной реформы «Московскихъ Вѣдомостей».

Въ горячемъ преслѣдованіи своихъ цѣлей, и нынѣшній разъ «Русскій Вѣстникъ» разбираетъ названную имъ «тактику «Вѣстника Европы», какъ мы видѣли, самымъ произвольнымъ образомъ. Отдѣлавшись отъ Маколея, какъ объяснено нами выше, онъ также коммента-

руетъ нашу ссылку на мнѣнія Грановскаго и защищаетъ отъ нашихъ quasi-искаженій Ренана. Но почему онъ умалчиваетъ о другихъ статьяхъ «Вѣстника Европы»? они ему показались неудобными, и онъ обошелъ ихъ молчаніемъ. Такъ, «Русскій Вѣстникъ» не упомянулъ о статьѣ: «Идеи о классическомъ и реальномъ образованіи въ Англіи нашего времени» («Вѣстн. Евр.» 1867, т. III), гдѣ изложены мнѣнія такихъ авторитетовъ, какъ Тиндалль, Генфри, Гэксли, Фарэдей и др. Статья Е. С. Гордѣенко: «Наши гимназіи и ихъ двойной классицизмъ», помѣщенная нами въ мартовской книжкѣ нынѣшняго года и выражающая дѣйствительныя нужды нашего общественнаго образованія—также не оказалась удобною для редакціи «Русскаго Вѣстника». Эта редакція предпочитаетъ тѣшиться дешовымъ остроуміемъ на тему, заимствованную у Диккенса и Ожье (классикамъ слѣдовало бы обратиться къ Аристофану и Плавту), утверждая, что мы, подобно клерикалу въ драмахъ Ожье, желаемъ, чтобы какой-нибудь протестантъ согласился произнести рѣчь, написанную нами въ защиту папы. «*Вѣстникъ Европы* смѣло шествуетъ по стопамъ этого господина»—восклицаютъ редакторы «Московскихъ Вѣдомостей», перебѣжавъ въ «Русскій Вѣстникъ», и тѣмъ увѣнчиваютъ описаніе нашей «тактики». Во всѣхъ этихъ маневрахъ можно похвалить ловкость клоуновъ, и «Русскій Вѣстникъ», скажемъ и мы, смѣло шествуетъ по стопамъ артистовъ этого рода, съ тѣмъ, однако, отличіемъ, что московскіе литературные клоуны ищутъ далеко не одной потѣхи публики, и по отношенію себя, стараются держаться правила: utile dulci! А.

СПЕЦІАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ

ВЪ РОССІИ.

По поводу «Записокъ объ Училищѣ Правовѣдѣнія».

Если самое образованіе, общее и спеціальное, не дѣлаетъ у насъ желаемыхъ успѣховъ, то нельзя сказать того-же о трактатахъ, разсужденіяхъ и матеріалахъ для исторіи нашего просвѣщенія. Въ нихъ недостатка нѣтъ, и къ прежнимъ даннымъ надняхъ присоединилась книга, длинное заглавіе которой помѣщаемъ въ выноскѣ [1]).

[1]) *Общественное воспитаніе и образованіе въ Россіи.* Записки объ Училищѣ Правовѣдѣнія съ критическими на нихъ замѣчаніями и съ объясненіями ими вызванными.

Состоя изъ нѣсколькихъ разнокалиберныхъ частей, эта книга не лишена нѣкотораго интереса. Авторъ — самъ правовѣдъ и написалъ еще въ 1862 г. свои записки съ весьма благонамѣренною цѣлію способствовать преобразованію Училища Правовѣдѣнія. Онѣ заключаютъ поэтому довольно обстоятельное указаніе, какимъ образомъ этотъ разсадникъ молодыхъ юристовъ постепенно заросъ всякими сорными травами, и какъ слѣдуетъ приступить къ его очищенію. Конечно, по той привязанности къ мѣсту своего воспитанія, которая свойственна всѣмъ порядочнымъ людямъ, авторъ еще въ 1862 году далекъ былъ отъ мысли, чтобы Училище Правовѣдѣнія, сослужившее во время оно свою службу, должно было отойти въ вѣчность. Между тѣмъ мнѣніе о необходимости слить Училище Правовѣдѣнія съ университетомъ или, что́ тоже, упразднить Училище, давно уже существуетъ у нѣкоторыхъ правовѣдовъ, привязанность которыхъ къ мѣсту ихъ воспитанія также мало можно заподозрить, какъ нельзя заподозрить въ недостаткѣ этой привязанности и тѣхъ лицеистовъ, которыми сдѣлано было въ комитетѣ для празднованія 50-ти-лѣтняго юбилея Александр. лицея предложеніе: «лицей, какъ выполнившій свое назначеніе и отжившій свое время, закрыть». На это директоръ лицея замѣтилъ, «что доводы для упраздненія славнаго лицея хотя можетъ быть и основательны, но самоотверженіе не должно доходить до самоубійства». Это изрѣченіе г. директора о самоубійствѣ кажется намъ весьма краснорѣчивымъ.

Взявшись снова за свой старый трудъ, авторъ пришелъ теперь къ убѣжденію въ совершенной безполезности Училища Правовѣдѣнія (с. XXXV). Но тогда казалось бы нечего распространяться о тѣхъ улучшеніяхъ, которыя необходимо сдѣлать въ гимназическомъ курсѣ Училища, такъ какъ этотъ курсъ составляетъ больное мѣсто всякаго высшаго закрытаго заведенія, и съ отдѣленія этого курса отъ спеціальнаго и началась, какъ извѣстно, въ свое время, реформа учебныхъ заведеній вѣдомства военнаго, морского и путей сообщенія. Между тѣмъ улучшенію этого гимназическаго курса Училища посвящена вся первая глава записокъ (с. 14 — 40). И вообще послѣ передовой статьи, въ которой авторъ говоритъ о необходимости образовать изъ нынѣшняго училища Юридическую Академію, т. е. покончить съ Училищемъ, какъ съ закрытымъ и привилегированнымъ заведеніемъ, странно встрѣчаться въ запискахъ съ разными предположеніями о преобразованіи учебной части Училища, на основаніи нынѣшней его организаціи. Все это, по меньшей мѣрѣ крайне нелогично, и авторъ напрасно напечаталъ: или свою передовую статью, въ которой онъ доказываетъ совершенную безполезность Училища въ нынѣшнемъ его видѣ, или свои записки

Съ передовою (вмѣсто введенія) статьей о высшихъ учебныхъ заведеніяхъ вообще и объ Училищѣ Правовѣдѣнія и правовѣдской корпораціи въ особенности. П. У. Спб. 1869.

1862 г., въ которыхъ вопросъ шелъ главнымъ образомъ только объ улучшеніи педагогической части въ училищѣ и болѣе или менѣе частныхъ преобразованіяхъ его. Положимъ однако, что эти записки автору хотѣлось сохранить потому, что изъ нихъ можно познакомиться со всѣми сторонами statu quo училища, какъ о томъ сказано въ предисловіи. Но въ такомъ случаѣ самое это предисловіе не только не устраняетъ противорѣчія изъ постановки вопроса, но еще усугубляетъ это противорѣчіе, потому что въ этомъ предисловіи, помѣченномъ 1869 годомъ и писанномъ послѣ передовой статьи (1868 г.), авторъ, стараясь указать на связь отдѣльныхъ частей своего труда, нисколько не отказывается отъ той организаціи училища, которую онъ предполагалъ въ своихъ запискахъ 1862 г. и которую признавалъ потомъ несостоятельною въ передовой статьѣ 1868 г. Увы! поколѣніе, выросшее на логикѣ, преподанной духовными отцами, или вовсе безъ логики, не всегда послѣдовательно въ своихъ заключеніяхъ. А логика вещь не лишняя, даже при полнѣйшей нравственной и политической благонамѣренности, въ которой мы, разумѣется, не имѣемъ никакого права отказывать автору. Мы, во всякомъ случаѣ, не заподозримъ этой благонамѣренности, на томъ только основаніи, что, говоря между прочимъ о лицеистахъ и правовѣдахъ, занявшихъ болѣе видныя мѣста на государственной службѣ, авторъ не иначе выражается о нихъ, какъ въ превосходной степени, именно о *достойнѣйшихъ* министрахъ (с. XXVI), о *честнѣйшихъ* государственныхъ дѣятеляхъ нашихъ (XXVIII) и т. д., о Корнеліѣ же Непотѣ говоритъ, какъ о *скучнѣйшемъ*, а объ Иліадѣ Гомера, какъ о *высокопарнѣйшей* (с. XI). Мы потому не придадимъ этой превосходной степени особаго значенія, что авторъ очевидно дѣлаетъ различіе между мѣстомъ и чиномъ только, и убѣжденъ, что послѣдній можетъ пріобрѣтаться иногда и случайно. Это видно, напримѣръ, изъ слѣдующаго, отзывающагося какъ будто гражданскимъ чувствомъ, восклицанія: «и мало ли не только полковниковъ и ст. совѣтниковъ, но и тайныхъ совѣтниковъ, которые достигали этого чина лишь въ силу обстоятельствъ, а не истинныхъ заслугъ; да много ли въ числѣ самыхъ 75 дѣйств. ст. совѣтниковъ, вышедшихъ изъ одного Училища правовѣдѣнія, истинно достойныхъ служителей отечеству»... (с. XXXVIII). Но что касается мѣстъ, то авторъ твердо убѣжденъ, что они въ наше время, когда восторжествовалъ наконецъ принципъ личныхъ способностей, раздаются только достойнѣйшимъ. Такъ, мы теперь уже не удивляемся, «что образованный и работящій коллежскій регистраторъ или способный и достойный административный чиновникъ опредѣляется членомъ и даже предсѣдателемъ окружнаго суда; что джентльменъ, хотя и съ образованіемъ юнкерской гвардейской школы, но съ опытностью по судебной части, удостоивается должности прокурора окружнаго суда, что доказавшій способности свои на дѣлѣ коллежскій совѣтникъ (также

не изъ правовѣдовъ) — послѣ десятилѣтней службы повышается въ прокуроры судебной палаты. Случается у насъ также видѣть, что отличившійся ст. совѣтникъ изъ правовѣдовъ, состоя въ семъ чинѣ всего около двухъ лѣтъ, достигаетъ *внезапно* высшаго судейскаго положенія, званія сенатора и пр.» (XXV). Этотъ принципъ личныхъ способностей, какъ его окрестилъ авторъ, творитъ истинныя чудеса. Остается только дивиться, хотя авторъ, кажется, и противоположнаго мнѣнія, полагая, должно быть, что мы уже потеряли способность чему бы то ни было удивляться.

По основной своей мысли и по первоначальному своему учрежденію, Училище правовѣдѣнія не есть оригинальное созданіе. Оно представляетъ собою снимокъ съ александровскаго лицея, энциклопедической курсъ котораго замѣненъ для Училища спеціально-юридическимъ. Эта замѣна съ самаго начала, конечно, должна была навести на соображеніе такого рода. Изъ мальчика девяти, десяти лѣтъ, поступающаго въ лицей, слѣдовало вырастить молодого человѣка съ общимъ порядочнымъ образованіемъ и обладающимъ знаніемъ законовъ и учрежденій лишь настолько, чтобы найтись въ любой отрасли службы, въ которую бы обстоятельства его бросили. Очевидно, что такая далеко не спеціальная задача выполнима по отношенію къ большей части юношества. Если у кого есть особое призваніе, особое стремленіе, то лицей, если не будетъ много содѣйствовать развитію его, ни въ какомъ случаѣ не помѣшаетъ ему. А на почвѣ сколько-нибудь сноснаго общаго образованія спеціальность уже впослѣдствіи, по выходѣ изъ лицея, въ состояніи будетъ привиться, такъ какъ это будетъ во всякомъ случаѣ спеціальность свободно избранная, а не навязанная. Иная, гораздо труднѣйшая задача выпала съ самаго начала на долю Училища правовѣдѣнія Изъ мальчика, природныя силы и наклонности котораго ни въ чемъ еще не проявились, слѣдуетъ приготовить будущаго законника, будущаго юриста, т. е. человѣка, обреченнаго на одну изъ самыхъ трудныхъ спеціальностей, на спеціальность, которая въ особенности въ началѣ представляется отвлеченной, формальной, безжизненной, и которая своими категоріями, въ какія втискиваются обезцвѣченныя житейскія отношенія, сушитъ мозгъ. Когда-то еще при помощи философіи, исторіи, общественной экономіи откроется для юриста глубокій смыслъ и интересъ тѣхъ законовъ, которые онъ изучаетъ, а между тѣмъ голову все продолжаютъ начинять и начинять всѣми прелестями и столь удобоваримыми предметами положительнаго законодательства. Оно предстаетъ для начинающаго русскаго юриста въ видѣ экстрактовъ изъ различныхъ частей свода. Но какъ эти экстракты ни изсушены, въ нихъ все-таки есть какое-нибудь содержаніе. А куда дѣваться отъ бездарныхъ риторовъ и фразеровъ, мертвящихъ съ каѳедры чисто теоретическія или историческія отрасли законовѣдѣнія! Въ университетѣ, если этотъ фразеръ надо-

ѣстъ, можно не пойти на лекцію, а здѣсь въ училищѣ сиди и сиди предъ каѳедрой!

Это не римскій форумъ, расхаживая по которому стяжавшій извѣстность юристъ даетъ консультацію, объясняя своимъ ученикамъ классическое право, какъ живое произведеніе народной жизни и народнаго сознанія! Тамъ могла народиться эта молодежь, жадно внимавшая великимъ началамъ права и законодательства,—juventus cupida legum,—о которой упоминаютъ римскіе источники. Въ иной обстановкѣ и съ инымъ содержаніемъ является и притомъ даже еще не юношамъ, а дѣтямъ—отрокамъ, русское законоискусство, какъ оно существовало до судебной реформы. Требовать, чтобы всѣ эти отроки, отданные родными въ это училище все-таки по видамъ карьеры и 9-го класса, непремѣнно почувствовали въ себѣ способность, призваніе, сдѣлаться съ четырнадцати, съ пятнадцати лѣтъ, при весьма посредственномъ, сокращенномъ общеобразовательномъ курсѣ, жрецами этого законоискусства—очевидная нелѣпость. Лучшіе, наиболѣе талантливые и рабочіе воспитанники не только выдержатъ этотъ искусъ, но и выйдутъ изъ него съ успѣхомъ, хотя можетъ быть наука и потеряетъ въ нихъ хорошихъ филологовъ, историковъ, натуралистовъ, медиковъ. А остальные?—Остальные получатъ не воспитаніе и образованіе, а дрессировку, будутъ безсмысленно зубрить записки къ экзаменамъ, выйдутъ тѣмъ не менѣе съ 9 или на худой конецъ съ 10 классомъ изъ Училища, и вѣроятно будутъ пользоваться неменьшимъ успѣхомъ на службѣ. А это все, что̀ въ нашемъ обществѣ требуется доказать.

Такимъ образомъ, задача лицея и Училища правовѣдѣнія были съ самаго начала различны, и задача училища во всякомъ случаѣ труднѣе, неблагодарнѣе. И если бы г. П. У. нѣсколько глубже вникъ въ свой предметъ, то онъ, конечно, не могъ бы не остановиться на этомъ различіи двухъ по наружности, по правамъ и по устройству столь сходныхъ между собою заведеній. Между тѣмъ это различіе, на которое мы старались указать, кажется намъ столь существеннымъ, что никакъ нельзя вполнѣ приравнивать эти заведенія, какъ это дѣлаетъ постоянно авторъ. Лицей кажется намъ, по самой своей задачѣ, въ нѣсколько болѣе выгодномъ положеніи, чѣмъ Училище, въ основаніе котораго положено неуваженіе къ свободному развитію духовныхъ силъ человѣка и къ избранію имъ себѣ занятій и дѣла въ жизни по внутреннему призванію.

Если же и въ лицеѣ, сколько извѣстно, все чаще и явственнѣе стали обнаруживаться симптомы упадка стараго, добраго лицейскаго духа, то это только показываетъ, что пора высшихъ казенныхъ закрытыхъ учебныхъ заведеній, не смотря ни на какое доктринерство, безслѣдно должна пройти у насъ. Во всякомъ случаѣ, если взять въ разсчетъ трудность задачи Училища правовѣдѣнія, то нельзя не удивляться и

тому, что́ оно успѣло сдѣлать. Что́ же оно однако сдѣлало? — Основанное въ 1835 г., Училище правовѣдѣнія выпустило съ тѣхъ поръ въ свѣтъ всего 740 молодыхъ людей. Что въ числѣ ихъ есть не одинъ десятокъ людей, которые принесли пользу и которымъ, какъ отдѣльнымъ личностямъ, нельзя отказать ни въ искреннемъ уваженіи, ни въ сочувствіи, это само собой разумѣется. Но авторъ ставитъ общій вопросъ о плодахъ, принесенныхъ Училищемъ. Какое посадимъ мы дерево, такіе и плоды получимъ. Училище учреждено было съ цѣлію выпускать болѣе или менѣе благовоспитанныхъ юстицъ-чиновниковъ, оно и выпускало ихъ. Оно должно было привлечь къ судебной службѣ дѣтей потомственнаго дворянства и пятикласснаго чиновничества, оно и привлекало ихъ туда. При этомъ могъ быть и тотъ политическій разсчетъ, о которомъ говоритъ мимоходомъ авторъ, именно, чтобы «рѣшительной мѣрой ослабить виды *плебейскаго* университетскаго элемента въ личномъ составѣ въ низшей юстиціи и въ особенности какъ можно выше поставить образованнаго молодого благороднаго юстицъ-чиновника среди подъяческой грязи сенатской канцеляріи и губернскихъ учрежденій»... (с. XV). Въ облагороженіи судебной службы и состояла главная заслуга Училища въ сороковыхъ годахъ. Это облагороженіе, разумѣется, всего болѣе сказывалось на сенатской канцеляріи, въ которой преимущественно сосредоточивались бывшіе воспитанники Училища, и всего менѣе или по крайней мѣрѣ медленнѣе могло отразиться на мѣстныхъ губернскихъ судебныхъ учрежденіяхъ, какъ по ограниченному числу молодыхъ людей, которыхъ ежегодно выпускало Училище, такъ и вслѣдствіе замѣщенія въ этихъ старыхъ учрежденіяхъ мѣстъ по сословно-выборному началу. Что при такомъ облагороженіи службы, бывшіе воспитанники одного и того же заведенія, встрѣчавшіеся постоянно на одномъ и томъ же служебномъ поприщѣ, тянули преимущественно своихъ, образуя тѣсно сплоченную цѣпь, или такъ-называемую правовѣдскую корпорацію,—это явленіе было совершенно неизбѣжнымъ. Этотъ крупный фактъ русской судебной службы долженъ допустить и авторъ тѣхъ замѣчаній на записки г. П. У., въ которыхъ высказывается много справедливыхъ мыслей о характерѣ нашего общественнаго образованія вообще и съ большею частію которыхъ нельзя не согласиться. Онъ замѣчаетъ, что «въ быстротѣ служебнаго возвышенія есть до сихъ поръ отличіе, и правовѣды по министерству юстиціи пользуются привилегіей, правда, не по закону» (с. 108).

Ежегодный училищный выпускъ среднимъ числомъ отъ 25—30 человѣкъ. Въ средѣ ихъ всегда найдется человѣка три, четыре способныхъ и, не смотря на всѣ училищныя препятствія, хорошо развившихся юношей, которые непремѣнно всплывутъ впослѣдствіи въ жизни и окажутся полезными дѣятелями. Процентъ этотъ относительно не малый, — вся же остальная масса выпуска, по среднему уровню сво-

его развитія и образованія, стоитъ обыкновенно ниже дѣйствительныхъ студентовъ университета. Изъ этого числа воспитанниковъ добрая треть, иногда половина, рѣдко больше половины выпускается съ 9 классомъ, остальная съ 10, и наконецъ два-три послѣднихъ воспитанника, или неспособныхъ или уже совершенно лѣнивыхъ, съ 12-мъ классомъ. Во что же, спрашивается, обходятся государству эти воспитанники? Авторъ дѣлаетъ слѣдующій разсчетъ: «на нынѣшній (1868) годъ Училищу отпущено изъ суммъ государственнаго казначейства 82 т. руб. на 255 воспитанниковъ и такимъ образомъ, не считая 73 слишкомъ тысячъ, поступившихъ за воспитанниковъ не казенно-коштныхъ (по 450 рубл. въ годъ за воспитанника), каждый выпускной правовѣдъ училища обходится казнѣ болѣе чѣмъ 3,000 р. (с. XVIII).» Цифра эта, конечно, не малая, но мы думаемъ, что съ финансовой, экономической стороны всего менѣе можно нападать на училищное устройство, если именно взять въ разсчетъ стоимость нашихъ высшихъ спеціальныхъ учебныхъ заведеній по другимъ вѣдомствамъ, въ особенности по военному, въ которомъ, напр. воспитанникъ пажескаго корпуса, вѣроятно, не дешевле обойдется казнѣ. Къ тому же расходы на учебное заведеніе, какъ бы многое оно ни оставляло желать, все-таки производительнѣе весьма многихъ другихъ статей государственнаго бюджета. Къ несравненно болѣе любопытнымъ выводамъ пришелъ бы авторъ, еслибы онъ обратилъ вниманіе на распредѣленіе собственнаго бюджета Училища, именно, какая ничтожная доля всѣхъ средствъ Училища идетъ собственно на юридическое образованіе, т. е. на то, ради чего училище устроено, и какія суммы уходятъ,—и должны уходить въ закрытомъ заведеніи,—на содержаніе воспитательной, хозяйственной, административной и всякихъ другихъ частей.

Внутренняя исторія такого заведенія, какъ Училище правовѣдѣнія, не можетъ быть очень богата событіями. Въ немъ, какъ только оно сложилось въ опредѣленный типъ, все пошло и должно идти «по старому». Все сводится къ замѣнѣ одного инспектора другимъ, къ назначенію одного воспитателя на мѣсто другого. Система остается таже. Даже привлеченіе новаго профессора на открывшуюся каѳедру можетъ только въ извѣстной степени поднять или понизить преподаваніе даннаго предмета, но à la longue даже наиболѣе добросовѣстный преподаватель, который будетъ прилагать къ своимъ лекціямъ въ Училищѣ постоянно столько же труда, сколько онъ прилагаетъ и въ университетѣ, втягивается въ глухой, замкнутой атмосферѣ этихъ школьныхъ, маленькихъ, довольно сонныхъ аудиторій, въ господствующую рутину. Эта рутина обусловливается и плохимъ состояніемъ общеобразовательнаго курса, съ которымъ слушатели перешли въ спеціальный, и обязательными программами, и репетиціями, и до невѣроятности сокращеннымъ—вслѣдствіе преждевременныхъ и крайне растяну-

тыхъ по времени экзаменовъ — академическимъ годомъ, и наконецъ, всѣми тѣми формальными отношеніями, въ которыя преподаватель поставленъ цѣлымъ строемъ училища къ воспитанникамъ, видящимъ въ сколько-нибудь строгомъ экзаменаторѣ человѣка, портящаго имъ начало ихъ служебной карьеры. Впрочемъ, при всей бѣдности событіями внутренней исторіи училища, авторъ указываетъ на «періодъ преобладанія въ училищѣ духовно-свѣтской власти протоіерея М. И. Богословскаго, подвизавшагося въ училищѣ слишкомъ 25-ть лѣтъ. Власть эта, особенно заявлявшая себя при прежнихъ мирныхъ директорахъ училища, Пошманѣ и князѣ Голицынѣ, должна была уступить (однако уступила, сколько извѣстно, не безъ долгой борьбы) нѣсколько позднѣйшей военной силѣ въ лицѣ генералъ-маіора А. П. Языкова, назначеннаго директоромъ училища въ 1848 году.» (Стр. V.)

Казенныя закрытыя учебныя заведенія, готовящія къ одному какому-нибудь опредѣленному роду службы, хотя и существуютъ у насъ (и вѣроятно потому, что существуютъ давно, будутъ существовать еще дольше, какъ бы ни доказана была ихъ безполезность), но не имѣютъ многихъ защитниковъ. Исключительные же защитники такихъ заведеній напрасно стали бы ссылаться на примѣръ Англіи. Между Итономъ или Рёгби и Училищемъ правовѣдѣнія нѣтъ и тѣни какого-нибудь сходства. Названныя англійскія учебныя заведенія, въ которыя поступаютъ юноши изъ первоначальныхъ приготовительныхъ школъ и которыя доступны для однихъ богачей,—потому что содержаніе въ нихъ воспитанника обходится родителямъ, на наши деньги, отъ 1,500 до 1,800 руб. въ годъ,—даютъ не спеціальное, а хорошее общее образованіе, не суть казенныя заведенія и готовятъ молодыхъ людей не въ чиновники. Притомъ далеко не всѣ воспитанники этихъ школъ заканчиваютъ въ нихъ свое образованіе; напротивъ, многіе поступаютъ изъ нихъ еще въ университетъ. Хороши или дурны университетскія коллегіи Оксфорда и Кембриджа, въ которыхъ живутъ студенты, это другой вопросъ, но въ какомъ бы смыслѣ этотъ вопросъ ни разрѣшался, изъ разрѣшенія его нельзя сдѣлать никакихъ выводовъ въ пользу нашихъ закрытыхъ заведеній. Защитники такихъ заведеній забываютъ, что для сколько-нибудь порядочнаго состоянія ихъ требуется такой персоналъ преданныхъ дѣлу своему педагоговъ, директоровъ и инспекторовъ, на который всего менѣе можетъ разсчитывать казенная организація, имѣющая свойство обращать эти должности въ высшихъ закрытыхъ спеціальныхъ заведеніяхъ — въ синекюры. Какъ ни мало удовлетворительно въ настоящее время внутреннее состояніе нашихъ университетовъ, но мы думаемъ, что университетское образованіе все-таки единственное у насъ, которое пустило корни въ нашу почву, имѣетъ будущность и упраздняетъ по крайней мѣрѣ необходимость особо существующихъ спеціально-юридическихъ заведеній по граж-

данскому вѣдомству. Къ тому же, если и въ прежнее время несправедливо было толковать о какомъ-то плебейскомъ элементѣ нашихъ университетовъ, то еще болѣе несправедливо это въ настоящее время, когда въ университетъ замѣтно устремляется не только то, что посредствомъ ученія ищетъ куска хлѣба—и на этотъ классъ не слѣдовало бы очень свысока смотрѣть — но все, что есть въ странѣ лучшаго и по положенію своему независимаго. Въ служиломъ же классѣ у насъ никогда, конечно, не будетъ недостатка въ родителяхъ, которые охотно будутъ сбывать дѣтей своихъ въ казенное учебное заведеніе, гарантирующее за извѣстную плату или даже даромъ, вѣрную каррьеру. Это такъ нехлопотливо... Но если въ частыхъ жалобахъ, которыя раздаются у насъ на недостатокъ людей, есть хотя какая-нибудь доля искренности, то жалобы эти не могутъ имѣть другого смысла, какъ того, что въ числѣ лицъ, пріобрѣвшихъ формальныя служебныя права, очень мало дѣйствительно хорошо подготовленныхъ людей, т. е. людей, имѣющихъ право быть чиновниками, много, а дѣятелей мало. И дѣйствительно, ничѣмъ мы такъ не отличаемся отъ западно-европейскихъ государствъ, какъ недостаткомъ солидно-образованныхъ людей въ нашихъ служебныхъ сферахъ, не смотря на то, что служба вбираетъ въ себя все, что у насъ есть образованнаго въ обществѣ. И чѣмъ выше эти сферы, тѣмъ недостатокъ этотъ долженъ быть чувствительнѣе. А между тѣмъ, развѣ не все дѣлало государство, чтобы устроить наши учебныя заведенія именно въ видахъ удовлетворенія потребностей службы? Въ одностороннемъ преобладаніи такихъ именно практическихъ цѣлей, когда-то въ прежнее время имѣвшемъ смыслъ, можетъ быть и заключается корень зла въ настоящее время. Въ учебныхъ заведеніяхъ, устроенныхъ съ исключительно служебными цѣлями, уровень образованія, съ самаго начала невысокій, долженъ постепенно еще понижаться, потому что не можетъ же стремленіе какъ можно скорѣе занять ступень на служебной лѣстницѣ быть побужденіемъ къ серьезному труду. У насъ совершенно не въ обычаѣ то, что у французовъ называется des fortes études. Мы все еще съ какимъ-то наивнымъ чувствомъ повторяемъ слова Пушкина — «мы всѣ учились понемногу, чему-нибудь и какъ-нибудь»—забывая, что у насъ нѣтъ его творческаго таланта, чтобы обходиться съ такимъ ученьемъ, что съ тѣхъ поръ прошло очень много времени, и что безъ серьезнаго подъема уровня нашего образованія, мы вѣчно будемъ отставать отъ другихъ народовъ и, не смотря на весьма обширные предѣлы государственной территоріи, осуждены будемъ на второстепенную роль въ исторіи.

В.

Т. Н. ГРАНОВСКІЙ

ВЪ БІОГРАФИЧЕСКОМЪ ОЧЕРКѢ А. СТАНКЕВИЧА.

Авторъ біографіи Т. Н. Грановскаго, издавъ въ свѣтъ свою книгу [1]), исполнилъ тѣмъ давнишнее желаніе всѣхъ, кто лично зналъ и цѣнилъ Грановскаго, или имѣлъ возможность ближе познакомиться съ его благотворнымъ вліяніемъ. Радостное впечатлѣніе, при извѣстіи о выходѣ книги, усиливается по прочтеніи ея, такъ какъ біографія вполнѣ удовлетворяетъ тому, чего отъ нея можно желать. Біографъ внесъ въ свой трудъ то, что́ всего важнѣе, любовь къ лицу и живое, тонкое пониманіе его. Онъ имѣлъ возможность не только близко узнать Грановскаго и среду, въ которой онъ жилъ, но и проникнуть во внутренній, интимный міръ его. Мы находимъ въ біографіи полное и многостороннее изложеніе профессорской и литературной дѣятельности Грановскаго, а для уясненія ея біографъ коснулся современнаго общества и отношеній къ лицамъ, имѣвшимъ значеніе въ жизни Грановскаго.

Богатству и достоинству содержанія вполнѣ соотвѣтствуетъ форма сочиненія. Изящно-простая рѣчь увлекаетъ читателя; все рельефнѣе и живѣе рисуется предъ нимъ поэтическій образъ Грановскаго; сдержанный, но исполненный теплоты тонъ разсказа смягчаетъ впечатлѣніе, которое дѣлаютъ на читателя тяжелыя неудачи въ жизни Грановскаго и преждевременная его кончина. Читатель разстается съ біографіей съ тѣмъ чувствомъ внутренняго удовлетворенія и примиренія, которое оставляетъ за собою всякое истинно-художественное произведеніе.

Можетъ быть, найдутся люди, которые поставятъ вопросъ, не слишкомъ ли рано было приступать къ жизнеописанію лица, котораго современники по большей части еще живы, и память котораго близко касается споровъ, еще не совсѣмъ выяснившихся для общественнаго мнѣнія. Вопросъ этотъ вполнѣ разрѣшается сочиненіемъ г. Станкевича. Дѣятельность Грановскаго была не такова, чтобы оставить по себѣ слѣды въ оффиціальныхъ бумагахъ и документахъ, тщательно сохраненныхъ для поздняго потомства: будущему біографу Грановскаго не пришлось бы собирать матеріалъ для своей характеристики въ многотомныхъ сочиненіяхъ и повременныхъ изданіяхъ. Лучшая сторона дѣя-

[1]) Тимоѳей Николаевичъ Грановскій. Біограф. оч. А. Станкевича. М. 1869. Стр. 306.

тельности Грановскаго отразилась на людяхъ современнаго ему поколѣнія, и вмѣстѣ съ этимъ поколѣніемъ исчезла бы возможность вѣрно и отчетливо схватить черты благороднаго образа, живо и сочувственно описать его нравственное вліяніе. Изъ біографіи мы видимъ, какъ необходима была бережная рука близкаго человѣка и друга, чтобъ собрать разсѣянныя воспоминанія и изъ отрывочныхъ писемъ воспроизвести художественное цѣлое, достойное описываемаго лица.

Что же касается неудобства говорить въ біографіи о вопросахъ и спорахъ, которые возбуждали столько страстей при жизни Грановскаго и которые въ настоящее время еще многихъ могутъ волновать и тревожить, то авторъ удачно устранилъ это затрудненіе. Можно сказать, что біографъ коснулся этихъ вопросовъ такъ, какъ Грановскій къ нимъ относился самъ, безпристрастно и гуманно, безъ вражды и преувеличенія, съ яснымъ пониманіемъ ихъ и примирительнымъ сужденіемъ.

Біографія Грановскаго — не первое сочиненіе, касающееся лицъ и событій 40-хъ годовъ. Въ различныхъ воспоминаніяхъ и замѣткахъ, въ изданіяхъ посмертныхъ сочиненій и памфлетахъ воспроизводится предъ нами образъ того времени, высказываются сужденія о тогдашнихъ литературныхъ дѣятеляхъ и ихъ отношеніяхъ. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ сочиненій заходила рѣчь о Грановскомъ, и высказанный въ нихъ взглядъ не всегда былъ справедливъ. Нужно было опровергнуть эти ложныя сужденія прежде, чѣмъ они могли установиться.

Но и въ другомъ отношеніи, пора было явиться хорошей біографіи Грановскаго. Не рѣдко воспоминанія о лицахъ и событіяхъ 40-хъ годовъ имѣютъ обличительный и полемическій характеръ: много въ нихъ раскрывается безотраднаго, и не съ лучшей стороны выставлены нѣкоторые литературные дѣятели того времени; пора было явиться сочиненію, на которомъ могъ бы отдохнуть читатель отъ сплетенъ и дрязгъ, и которое могло бы послужить утѣшеніемъ для стараго поколѣнія и назиданіемъ для молодого. Можно надѣяться, что біографія Грановскаго сдѣлается одной изъ самыхъ любимыхъ книгъ русскаго юношества, что оно будетъ учиться въ ней гуманности и глубокому уваженію ко всему благородному и нравственно-чистому, что молодое поколѣніе вынесетъ изъ этой книги тотъ идеализмъ, который такъ идетъ его возрасту, и который совершенно заглушенъ во многихъ современныхъ направленіяхъ нашей литературы.

Но мы признаемъ за біографіей Грановскаго еще большее значеніе въ будущемъ. Будущій историкъ Россіи обратится къ этой книгѣ, когда возьмется за характеристику внутренней жизни русскаго общества 40-хъ годовъ и станетъ доказывать, что, несмотря на всѣ неблагопріятныя обстоятельства, въ этомъ обществѣ дѣйствовала могучая мысль и были благородныя стремленія, что изъ безотрадной

среды выдавались люди чистаго закала и съ возвышенными идеалами. Онъ укажетъ на біографію Грановскаго, когда станетъ описывать быстрые успѣхи Россіи въ цивилизаціи и доказывать, что въ первой половинѣ XIX вѣка Россія въ лучшихъ своихъ людяхъ достигла высокой степени развитія, что эти люди обширностью образованія и гуманностью не уступали никому изъ современниковъ на Западѣ и могли быть названы истинными представителями европейской цивилизаціи. Для того, чтобы нѣсколько познакомить читателей съ характеромъ указанной книги, мы коснемся ея содержанія и остановимся на нѣкоторыхъ изъ самыхъ важныхъ по нашему мнѣнію вопросовъ.

Біографъ въ первой главѣ описываетъ дѣтство и юность Грановскаго до окончанія университетскаго курса и отправленія его за границу. Онъ знакомитъ читателя довольно подробно съ первыми впечатлѣніями, среди которыхъ выросъ Грановскій, и съ первыми отношеніями, въ которыхъ высказалась особенная и благородная натура юноши. Читатели будутъ благодарны за эти подробности. Дѣтство замѣчательныхъ людей не всегда бываетъ интересно, но въ данномъ случаѣ характеристика молодого Грановскаго не только возбуждаетъ къ нему сочувствіе читателя, но и чрезвычайно важно для пониманія его личности. Изъ нея видно, что натура Грановскаго вовсе не была, какъ иные выражались, *эпикурейскаго свойства*, и не смотря на свою нѣжность и мягкость, чрезвычайно способна къ энергическому труду, къ лишеніямъ всякаго рода, что ей была прирождена глубокая потребность образованія и науки. Поверхностное домашнее воспитаніе и два года въ одномъ изъ московскихъ пансіоновъ—вотъ все, что́ было сдѣлано для Грановскаго. Семнадцатилѣтній юноша былъ отправленъ въ Петербургъ на службу. Но тамъ у него пробудилась страсть къ наукѣ, и онъ рѣшился поступить въ университетъ. Чтобы удовлетворить этому желанію, юноша, воспитанный въ довольно богатой помѣщичьей семьѣ, долженъ былъ подвергнуть себя непривычнымъ лишеніямъ. «Чай и картофель» — въ теченіи многихъ недѣль, составляли его единственную пищу, чрезмѣрныя занятія разстроили его грудь и угрожали жизни серьезной опасностью. Въ 1832 году, Грановскій вступилъ въ петербургскій университетъ, но не нашелъ тамъ удовлетворенія своей юношеской страсти знанія. На юбилеяхъ и торжественныхъ собраніяхъ много говорятъ о громадной пользѣ, которую принесли университеты дѣлу просвѣщенія въ Россіи, но никто еще не указалъ на обратную сторону вопроса, на то, какихъ трудовъ стоило образованіе многимъ изъ лучшихъ русскихъ людей, вопреки всему, что дѣлалось въ этомъ отношеніи въ университетахъ. Преподаватели, оказывавшіе во время Грановскаго какое-нибудь замѣтное вліяніе, пробуждавшіе въ нихъ интересы къ наукѣ, представляли рѣдкое исключеніе. Есть основаніе предполагать, что

такимъ исключеніемъ, по крайней мѣрѣ до нѣкоторой степени, былъ профессоръ философіи А. А. Фишеръ. Но, въ послѣдній годъ студенчества Грановскаго, распоряженіемъ университетскаго совѣта были отмѣнены чтенія исторіи философіи, обѣщанныя Фишеромъ своимъ слушателямъ, и послѣдніе подали въ совѣтъ прошеніе разрѣшить отмѣненныя лекціи. Однимъ изъ главныхъ двигателей въ этомъ дѣлѣ былъ Грановскій, хотя послѣ изъ Берлина писалъ: «Я не зналъ, что́ такое философія, пока не пріѣхалъ сюда. Фишеръ читалъ намъ какую-то другую науку, пользы которой теперь рѣшительно не понимаю». Грановскій слушалъ лекціи на юридическомъ факультетѣ, но любимымъ занятіемъ его еще въ университетѣ была исторія. Интересъ къ исторіи въ немъ пробудили не профессорскія лекціи, а, какъ полагаетъ его біографъ, сочиненія Вальтера-Скотта и замѣчательныхъ французскихъ историковъ 30-хъ годовъ, Гизо, Баранта, Тьери и др. Особенно любилъ Грановскій Огюстена Тьери, того историка, который умѣлъ, сквозь пожелтѣвшій пергаментъ и отрывочныя свидѣтельства лѣтописцевъ, узнавать человѣка и творческой фантазіей воскрешать минувшія эпохи со всѣмъ самобытнымъ характеромъ ихъ и мѣстнымъ колоритомъ.

Черезъ годъ по окончаніи курса, въ 1836 г., Грановскій былъ отправленъ за границу по предложенію тогдашняго попечителя московскаго округа, графа С. Г. Строганова для приготовленія къ исторической каѳедрѣ. Письма молодого ученаго изъ Берлина, гдѣ онъ поселился, дышатъ необыкновенной свѣжестью впечатлѣнія, самой теплой вѣрой въ науку и глубокимъ уваженіемъ къ ея знаменитымъ представителямъ. Интересно сравнить эти письма Грановскаго о берлинскихъ ученыхъ съ многочисленными отчетами молодыхъ людей, печатавшимися недавно въ оффиціальныхъ изданіяхъ. Сравненіе окажется часто не въ пользу послѣднихъ. Грановскій отправился за границу не хуже приготовленный, чѣмъ они, но въ немъ было больше молодости, болѣе энтузіазма, болѣе увлеченія наукой.

Изъ писемъ Грановскаго видно, какъ много онъ занимался въ Берлинѣ философіей. Онъ не засталъ въ живыхъ Гегеля, но гегелизмъ находился тогда на высшей точкѣ своего процвѣтанія. Грановскій познакомился съ нимъ на лекціяхъ Вердера и Ганса. Философія Гегеля имѣла на молодого историка самое благотворное вліяніе, она разсѣяла его сомнѣнія, укрѣпила его мысль и дала ему вѣрную руководящую нить для пониманія исторіи. Ученіе Гегеля внушало инымъ догматизмъ и пріучало ихъ подводить факты подъ искусственныя схемы, въ которыхъ они теряли свой настоящій смыслъ; другихъ оно мирило съ дѣйствительностью, пріучало все считать естественнымъ и разумнымъ, и приводило такимъ образомъ къ пошлому безучастію и равнодушію. Но Грановскій, благодаря своей чуткой натурѣ, принялъ въ

себя гегелизмъ съ его лучшей стороны. Онъ отвергъ его искусственное построеніе исторіи, но проникся его основной мыслію, что исторія есть твореніе разумнаго духа, имѣющаго свои законы и свои высокія цѣли. Для Грановскаго гегелизмъ не воплотился въ пошлую фразу: «все существующее разумно, и слѣдовательно, все существовавшее было разумно, а потому необходимо не подлежитъ осужденію». Онъ вынесъ изъ философіи Гегеля способность отыскивать смыслъ прошедшихъ явленій, за фактами и людьми узнавать духъ, которымъ они были проникнуты—способность относиться гуманно даже къ началамъ, побѣжденнымъ исторіей, и къ людямъ, которые умѣли страдать за эти начала.

Какое благотворное вліяніе имѣло на Грановскаго изученіе философіи—видно изъ его писемъ. Мы позволимъ себѣ привести только небольшой отрывокъ изъ одного письма и отсылаемъ читателя къ самой біографіи: «Я когда-то сомнѣвался въ наукѣ такъ, какъ ты теперь, пишетъ Грановскій одному изъ своихъ друзей; имѣлъ ли я на это право? Разумѣется, нѣтъ; хорошо видѣть недовѣрчивость человѣка, обнявшаго цѣлый міръ науки, овладѣвшаго ею вполнѣ. Я ошибся — хорошаго и тутъ ничего нѣтъ; но этотъ человѣкъ можетъ не довѣрять и отрицать; онъ знаетъ, онъ судитъ о дорогѣ, пройденной имъ. А мы? мы стоимъ у самаго начала этой дороги, насъ пугаютъ ея трудности, и мы преспокойно говоримъ:—«Какая это дорога?! Да она, чортъ знаетъ куда заведетъ, лучше не ходить, а то непремѣнно заблудишься». Понятія наши о жизни дѣйствительной едва ли умнѣе. Мы не далеко ушли въ наукѣ, но въ жизни еще менѣе подвинулись. Что тебѣ кажется хаосомъ въ теперешнемъ твоемъ положеніи, можетъ быть очень стройно и хорошо, да ты не потрудился посмотрѣть на вещи вблизи. Міръ божій хорошъ и разуменъ, только на него надо смотрѣть разумными очами, другъ Вася. А у насъ обоихъ часто преглупыя очи. Хаосъ въ насъ, въ нашихъ идеяхъ, въ нашихъ понятіяхъ—а мы приписываемъ его міру. Точно какъ человѣку въ зеленыхъ очкахъ все кажется зеленымъ, хотя этотъ цвѣтъ у него на носу только. Wer die Welt vernünftig ansieht, den sieht sie auch vernünftig an,—говоритъ Гегель.»

Успѣхи Грановскаго въ изученіи исторіи совершались главнымъ образомъ подъ вліяніемъ трехъ ученыхъ: Риттера, Савиньи и Ранке. Идеи Риттера о взаимодѣйствіи между природою и человѣкомъ произвели глубокое впечатлѣніе на Грановскаго. Изслѣдованіе этого вопроса сдѣлалось однимъ изъ самыхъ любимыхъ его занятій; его обширная библіотека была богата путешествіями и сочиненіями по этнографіи. Вопросъ о физіологическихъ свойствахъ человѣческихъ породъ чрезвычайно занималъ Грановскаго. Его рѣчь о современномъ состояніи и значеніи всеобщей исторіи, написанная во время самаго

высокаго развитія его таланта и наибольшей зрѣлости его мысли, свидѣтельствуетъ о томъ, какъ вѣрно и глубоко понималъ онъ отношеніе природы и человѣка. Его философское образованіе и живое пониманіе исторіи охраняли его отъ «односторонних воззрѣній и отрицанія въ исторіи свободнаго творчества человѣческаго духа.»

Чаще другихъ упоминаетъ Грановскій въ своихъ письмахъ о Ранке. Историческія упражненія этого ученаго надъ средневѣковыми источниками сдѣлались знаменитой школой историковъ въ Германіи. Во время самаго пребыванія Грановскаго въ Берлинѣ вышелъ первый томъ «Jahrbücher», въ которомъ были изложены результаты, добытые въ этихъ историческихъ упражненіяхъ студентами, занимавшимися подъ руководствомъ Ранке. Но не менѣе пользы извлекъ Грановскій для себя изъ чтеній Ранке о новой исторіи. «Я ничего подобнаго не читалъ объ этой эпохѣ, пишетъ Грановскій по поводу лекцій Ранке о французской революціи. Ни Тьеръ, ни Минье не могутъ сравниться съ Ранке. У него такой простой, не натянутый, практическій взглядъ на вещи, что послѣ каждой лекціи я дивлюсь, какъ это мнѣ самому не пришло въ голову. Такъ естественно! Ранке безспорно самый геніяльный изъ новыхъ нѣмецкихъ историковъ.»

Осенью 1839 года, Грановскій возвратился въ Россію и 26-ти лѣтъ вступилъ на каѳедру всеобщей исторіи въ московскомъ университетѣ. Въ то время, когда началась дѣятельность Грановскаго, интересы образованной русской публики начали исключительно поглощаться изящной литературой. Интересъ къ наукѣ былъ очень мало развитъ и ограничивался немногими тѣсными кружками. Кромѣ общихъ причинъ, породившихъ и поддерживавшихъ апатическое состояніе русскаго общества, можно въ этомъ винить университеты, которые, хотя въ 30-хъ годахъ и наполнились свѣжими силами, но имѣли мало вліянія на умственное развитіе общества. Грановскій былъ правъ, когда писалъ въ первый годъ своего профессорства: «университетская жизнь кажется мнѣ искусственною, оторванною отъ остального русскаго быта.»

Это отношеніе между университетомъ и обществомъ, по крайней мѣрѣ въ Москвѣ, скоро измѣнилось къ лучшему.

Намъ кажется, что біографъ Грановскаго совершенно справедливо приписываетъ это измѣненіе въ значительной степени вліянію Грановскаго. Положительно можно сказать, что, со времени публичныхъ чтеній Грановскаго, московское общество сильнѣе, чѣмъ когда-нибудь, сознало свою связь съ университетомъ, также какъ и университетъ болѣе прежняго сблизился съ обществомъ въ лицѣ лучшихъ представителей своихъ.

Ни для кого, конечно, не можетъ быть тайной, что слава и сочувствіе, которыми пользовался въ былое время московскій университетъ,

въ значительной степени уменьшились. Причины такой перемѣны различны, но одна изъ нихъ, безъ сомнѣнія, заключается въ томъ, что въ свое время эта слава и это сочувствіе поддерживались популярностью Грановскаго. Въ настоящее время факультеты разрознены, студенты разобщены; нѣтъ ни одного человѣка, который принадлежалъ бы всему университету, именемъ котораго гордился бы всякій студентъ. Лекціи Грановскаго, хотя и обязательныя для извѣстныхъ студентовъ, были въ полномъ смыслѣ обще-университетскими курсами. И другіе профессора во время Грановскаго привлекали студентовъ своимъ краснорѣчіемъ, своимъ умѣньемъ заинтересовать молодыхъ слушателей. Но послѣднихъ влекло къ лекціямъ Грановскаго не только эта внѣшняя сторона, но нравственное содержаніе, образовательный характеръ ихъ. Привлекательность лекцій Грановскаго объясняется его взглядомъ на всеобщую исторію и его способностью найти для этого взгляда надлежащее выраженіе.

Всеобщая исторія имѣетъ пока для русскаго совершенно иное значеніе, чѣмъ для западнаго человѣка. Нѣмецъ, французъ или англичанинъ не въ состояніи отдѣлить всеобщей исторіи отъ своей національной, ибо изъ взаимодѣйствія націй слагалась всеобщая исторія. На Западѣ, всякій принадлежитъ къ какой-нибудь изъ старинныхъ партій, корни которыхъ кроются въ далекомъ прошедшемъ, и взаимная борьба которыхъ составляетъ содержаніе исторіи. Для русскаго всеобщая исторія есть исторія человѣческой цивилизаціи, на которую онъ смотритъ какъ на совершившійся процессъ. Спокойно и безпристрастно можетъ онъ вглядываться въ этотъ процессъ, волнуясь и скорбя тамъ, гдѣ гибла цивилизація и останавливалось дѣло прогресса, радуясь тамъ, гдѣ оно торжествовало. Онъ не связанъ преданіемъ и инстинктивнымъ, наслѣдственнымъ влеченіемъ къ тому или другому началу, къ той или другой изъ историческихъ партій; онъ спрашиваетъ только, какая изъ этихъ партій держала выше знамя прогресса, какая была болѣе чистой представительницею цивилизаціи, и къ ней онъ привязывается своими симпатіями.

Оттого лекціи всеобщей исторіи всегда будутъ имѣть въ русскихъ университетахъ цивилизующее, гуманизирующее значеніе. Мы этимъ не хотимъ сказать, что въ нашихъ университетахъ невозможна успѣшная и самостоятельная разработка историческаго матеріала, чтобы у насъ не могли явиться спеціалисты, способные вступить въ состязаніе съ западными историками на ихъ же почвѣ. Но какъ бы ни были спеціальны наши свѣдѣнія, даровитый преподаватель всеобщей исторіи своими курсами всегда долженъ имѣть общеобразовательное вліяніе. Великая работа Россіи въ теченіи почти двухъ вѣковъ заключается въ усвоеніи плодовъ цивилизаціи, въ постоянномъ сліяніи съ передовыми народами въ дѣлѣ общечеловѣческихъ интересовъ. Чтобы эта

работа шла успѣшно, нужно знать и полюбить цивилизацію, и распространеніе этого знанія есть самая лучшая задача преподавателя всеобщей исторіи.

Грановскій былъ необыкновенно способенъ къ выполненію этой задачи. Въ человѣческихъ дѣлахъ, тѣ особенно удаются, въ которыхъ личность дѣятеля гармонируетъ съ самымъ дѣломъ. Грановскій съ своей благородной и симпатичной наружностью, съ своей неспособностью къ злобѣ и насмѣшкѣ, съ своей чуткостью ко всему изящному, правдивому и великому, съ своей неизмѣнной гуманностью, былъ живымъ олицетвореніемъ тѣхъ идей, которыя лежали въ основаніи его историческаго взгляда. Грановскій во многихъ отношеніяхъ напоминаетъ Гердера, знаменитаго историка-гуманиста XVIII вѣка. Мы особенно помнимъ одну лекцію Грановскаго, которая заключала въ себѣ необыкновенно живую и прочувствованную характеристику Гердера. Такъ объяснять значеніе Гердера могла только родственная ему натура. Но Грановскій, можно сказать, былъ болѣе историкомъ, чѣмъ Гердеръ. Историческій смыслъ послѣдняго не рѣдко затемнялся извѣстной риторическою торжественностью, полемикой съ прошедшимъ во имя благородныхъ и чистыхъ началъ, нѣкоторыми предразсудками, навѣянными господствовавшимъ въ его время раціонализмомъ. Гердеръ былъ до извѣстной степени космополитомъ, ибо въ обширномъ взглядѣ, обнимающемъ весь міръ, лучшіе нѣмцы прошедшаго столѣтія искали забвенія пошлой дѣйствительности. Грановскій же былъ истымъ сыномъ Петровской Россіи, который жаждалъ цивилизаціи, потому что зналъ ей цѣну и видѣлъ въ ней средство къ исцѣленію отъ существующаго зла.

Положеніе Грановскаго, какъ профессора, несмотря на успѣхъ, на сочувствіе студентовъ и многихъ товарищей, было далеко не пріятнымъ. Біографъ Грановскаго осторожно коснулся этихъ отношеній, ибо ему пришлось бы въ противномъ случаѣ разоблачать слишкомъ много мелочности и дикости нравовъ. Кто-нибудь изъ будущихъ историковъ московскаго университета найдетъ возможность откровеннѣе объ этомъ поговорить. Люди, которые проповѣдывали съ каѳедры, что «Западъ находится въ процессѣ разложенія, и что Отечественныя Записки [1])—та рана, чрезъ которую гніеніе прививается Россіи», не могли быть расположены къ Грановскому и вредили ему средствами не совсѣмъ согласными съ общественной нравственностью. Эти люди дѣйствовали по крайней мѣрѣ по своимъ убѣжденіямъ; но были другіе, которые, какъ говоритъ Грановскій въ одномъ письмѣ, «дѣлали зло по принципу, которые считали своею обязанностью вредить всякому молодому человѣку, начинающему поприще, не домогаясь ихъ покровительства или по крайней мѣрѣ ихъ дружбы.» Читатели могутъ прочесть въ самой біографіи, какія затрудненія

[1]) Т. е. «Отечественныя Записки» — эпохи Бѣлинскаго.

напр. дѣлали Грановскому по поводу его магистерской диссертаціи, «которую хотѣли ему возвратить съ позоромъ», какимъ непріятностямъ подвергся онъ во время диспута. Мысль о необходимости оставить университетъ постоянно представлялась Грановскому и тревожила его, и только обязательство передъ казной прослужить извѣстное число лѣтъ удержало его въ университетѣ. Среди интригъ и непріятностей, которыми онъ былъ окруженъ, Грановскій не всегда находилъ поддержку со стороны министерства, и когда въ началѣ 50-хъ годовъ его избрали деканомъ, онъ не былъ утвержденъ. Не смотря однако на эти неблагопріятныя обстоятельства, нравственная личность Грановскаго имѣла плодотворное вліяніе, и онъ сдѣлался центромъ кружка, къ которому принадлежали лучшіе люди университета. Послѣ его смерти, ярко обнаружилось, какъ было важно его вліяніе, когда про нѣкоторыхъ изъ близко стоявшихъ къ нему людей стали говорить: «при Грановскомъ они бы не были такими!»

Дѣятельность Грановскаго не ограничивалась однимъ университетомъ. Сближая съ университетомъ общество, онъ вносилъ въ него тотъ же духъ, тѣже идеи. Онъ являлся въ обществѣ защитникомъ и истолкователемъ европейской цивилизаціи, проводникомъ тѣхъ гуманныхъ началъ, которыми были проникнуты его университетскія лекціи. Онъ проводилъ эти начала въ своихъ публичныхъ курсахъ, въ своихъ литературныхъ трудахъ, онъ являлся всей своей индивидуальностью живымъ олицетвореніемъ ихъ. Въ этой дѣятельности онъ долженъ былъ столкнуться съ двумя направленіями въ литературѣ, которыя, вслѣдствіе того, что умственная жизнь въ 40-хъ годахъ почти не выходила изъ литературной сферы, имѣли значеніе общественныхъ направленій.

Изъ этихъ двухъ направленій, на первомъ планѣ стояло славянофильство. Въ настоящее время, вслѣдствіе того, что обстоятельства и люди во многомъ перемѣнились, не совсѣмъ легко составить себѣ ясное понятіе о томъ, чѣмъ были московскіе славянофилы 40-хъ годовъ, тѣ, которыхъ не любилъ Грановскій, противъ которыхъ вооружался Бѣлинскій. Благородная и полезная дѣятельность, которою заявили себя нѣкоторые изъ членовъ славянофильскаго кружка, заставила забыть, что та дѣятельность въ нерѣдкихъ случаяхъ представляла также мало общаго съ основными идеями славянофиловъ, какъ изящный французскій языкъ, на которомъ многіе изъ нихъ любятъ изъясняться въ кучерскомъ костюмѣ, составлявшемъ нѣкогда эмблему славянофильства. Съ другой стороны, многіе готовы считать пробудившееся теперь въ русскомъ обществѣ живое сочувствіе къ славянамъ Австріи и Турціи какъ бы распространеніемъ славянофильскихъ идей и видѣть въ этомъ оправданіе послѣднихъ. Но сочувствіе къ славянамъ пробудилось въ русскомъ обществѣ и поддерживалось совершенно независимо отъ московскаго славянофильства. Изъ біографіи Грановскаго видно, съ какимъ бла-

говѣніемъ онъ относился къ дѣятельности Шафарика и другихъ чешскихъ ученыхъ и литераторовъ, какія надежды онъ возлагалъ на блестящую будущность славянскаго міра. Безъ сомнѣнія, славянофилы много содѣйствовали пробужденію обще-славянскихъ симпатій, но въ 40-хъ годахъ ихъ дѣятельность, вслѣдствіе неблагопріятныхъ условій въ этомъ отношеніи, почти ограничилась распространеніемъ неясныхъ, туманныхъ идей о панславизмѣ, объ особенномъ историческомъ призваніи славянскаго племени и т. д. Настоящее значеніе славянофильства высказалось въ его взглядѣ на европейскую цивилизацію, на русскую исторію. Грановскій, пріѣхавъ въ Москву, былъ пораженъ этимъ взглядомъ и лично характеризовалъ его въ письмѣ къ В. Станкевичу: «Ты не можешь себѣ представить, какая у этихъ людей философія. Главное ихъ положеніе: «Западъ сгнилъ, и отъ него уже не можетъ быть ничего; русская исторія испорчена Петромъ. Мы оторваны насильственно отъ родного историческаго основанія и живемъ на удачу; единственная выгода нашей современной жизни состоитъ въ возможности безпристрастно наблюдать чужую исторію; это даже наше назначеніе въ будущемъ; вся мудрость человѣческая истощена въ твореніяхъ св. отцевъ греческой церкви, писавшихъ послѣ отдѣленія отъ западной. Ихъ только нужно изучать; дополнять нечего: все сказано.» Но не всѣ славянофилы останавливались на отреченіи отъ европейской цивилизаціи; въ ихъ средѣ высказывалось требованіе создать новую особенную науку, на національныхъ началахъ, которая могла бы замѣнить общечеловѣческую науку, доказать ничтожность и ложь европейской цивилизаціи. Это требованіе не ограничивалось одними возгласами, и Грановскому пришлось на самомъ дѣлѣ ратовать противъ вновь изобрѣтенной науки и ея выводовъ: «неужели новая наука, писалъ Грановскій въ своемъ письмѣ изъ Москвы, во имя которой говоритъ г. Хомяковъ и другіе, раздѣляющіе его образъ мыслей, останется при такихъ начаткахъ? Обѣщаніе ея мы слышали давно, такъ давно, что они перестали быть для насъ надеждами и превратились въ воспоминанія. Гдѣ-жъ исполненіе? Гдѣ великіе, на почвѣ исключительной національности совершенные труды, предъ которыми могли бы сознать свое заблужденіе люди, также глубоко любящіе Россію, слѣдовательно дорожащіе самостоятельностью русской мысли, но не ставящіе ее въ враждебную противоположность съ общечеловѣческою и не приписывающіе ей особенныхъ законовъ развитія? Изъ всѣхъ свойствъ молодости, новая наука обнаружила, преимущественно чрезъ г. Хомякова, одну только самонадѣянность. Во всѣхъ остальныхъ она дѣйствуетъ осторожно, довольствуется общими формулами, неохотно вдается въ опасность частныхъ розысканій, и рѣдко выходитъ на открытое поле историческихъ фактовъ, на которомъ до

сихъ поръ, употребимъ выраженіе Великаго Петра — она въ авантажѣ не обрѣталась.»

Грановскій умѣлъ очень хорошо отдѣлять лицо отъ дѣла, гдѣ только это было возможно, и къ нѣкоторымъ изъ своихъ литературныхъ противниковъ чувствовалъ глубокое уваженіе. Безпристрастіе Грановскаго прекрасно высказалось въ его отзывахъ о Кирѣевскомъ: «Я отъ всей души уважаю этихъ людей, не смотря на совершенную противоположность нашихъ убѣжденій. Въ нихъ такъ много святости, прямоты, вѣры, какъ я еще не видалъ ни въ комъ. Жаль только, что богатые дары природы и свѣдѣнія, рѣдкія не только въ Россіи, но и вездѣ, гибнутъ въ нихъ безъ всякой пользы для общества.

Нельзя сказать, чтобы всѣ противники Грановскаго платили ему той же монетой. Ожесточеніе ихъ противъ него особенно возросло послѣ блестящаго успѣха, который имѣли его публичные курсы. Грановскій три раза читалъ публичные курсы, которые давали ему особенную возможность внушить московскому обществу интересъ къ наукѣ и уваженіе къ ея результатамъ. Въ первый разъ, въ 1843—44 г., онъ читалъ курсъ средневѣковой исторіи; въ 1845 — 46 г., курсъ сравнительной исторіи Англіи и Франціи. Третій курсъ, прочитанный въ 50-хъ годахъ, состоялъ только изъ 4-хъ лекцій, которыя были тогда же напечатаны. Читатель можетъ познакомиться изъ сочиненія г. Станкевича съ значеніемъ и успѣхомъ первыхъ двухъ публичныхъ курсовъ Грановскаго. Живое слово было потребностью для него и болѣе соотвѣтствовало его натурѣ, чѣмъ журнальная дѣятельность. Онъ впрочемъ очень хорошо понималъ важность послѣдней, и въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, основаніе новаго журнала, который могъ бы быть органомъ его идей, было любимой его мыслію. Только когда, послѣ долгаго ожиданія, послѣдовалъ на просьбу о разрѣшеніи новаго журнала краткій и многознаменательный отвѣтъ: «не нужно»,—Грановскій отказался отъ своей мечты.

Печатные и письменные отзывы о публичныхъ курсахъ Грановскаго, приведенные въ его біографіи, доказываютъ, что онъ не ошибся, когда видѣлъ въ своихъ лекціяхъ могущественное средство для благотворной общественной дѣятельности. Не даромъ сказалъ о нихъ Чаадаевъ, что «они имѣютъ историческое значеніе».

Тѣмъ сильнѣе было ожесточеніе тѣхъ, которымъ не нравился успѣхъ Грановскаго. «Остервенѣніе славянъ, пишетъ онъ, возрастаетъ съ каждымъ днемъ; они ругаютъ меня не за то, что я говорю, а за то, о чемъ умалчиваю. Я читаю исторію Запада, а они говорятъ: зачѣмъ онъ не говоритъ о Россіи....» Неудовольствіе не ограничивалось одними не-доброжелательными толками. Нашлись люди, которые сочли возможнымъ набросить въ печати тѣнь на Грановскаго, какъ на человѣка, отказавшагося отъ родной почвы, явившагося представителемъ

чуждыхъ Россіи идей и убѣжденій. «Мы совершенно увѣрены въ полнотѣ убѣжденій, которыя ученый приноситъ на каѳедру, писалъ С. П. Шевыревъ въ «Москвитянинѣ» 1843 г., но не можемъ сказать того же относительно многосторонности и безпристрастія, какихъ мы вправѣ были ожидать отъ русскаго ученаго.... Онъ самъ добровольно сталъ въ ряды западныхъ мыслителей, самъ приковалъ себя къ одному чужому знамени и обѣщалъ намъ быть эхомъ одной только стороны историческаго ученія.»

Тоже самое было послѣ второго публичнаго курса. «Публичныя мои лекціи идутъ хорошо, писалъ о немъ Грановскій. Публика многочисленна и внимательна. Разумѣется, есть и другія стороны: кривые толки, сплетни, клеветы, обвиненія въ томъ и другомъ и т. п. Но я уже нѣсколько привыкъ къ этому, когда въ первый разъ читалъ свой публичный курсъ... Мнѣ кажется, что на эти мерзости всего приличнѣе отвѣчать молчаніемъ. Я боюсь ступить въ грязную сферу сплетней. Есть споры, которые мараютъ даже того, кто споритъ за правое дѣло.»

Славянофильство въ той формѣ, въ какой оно явилось въ Москвѣ въ 40-хъ годахъ, и съ которой приходилось бороться Грановскому и Бѣлинскому, есть проходящее явленіе, но корни его лежатъ глубже, чѣмъ кажется, въ русской жизни, и эти корни будутъ отъ времени до времени пускать новые ростки. Процессъ развитія у западныхъ народовъ совершался медленно и до извѣстной степени органически, несмотря на различные крупные перевороты, которые иногда нарушали правильное развитіе. Новыя идеи и требованія являлись на Западѣ сначала у немногихъ лучшихъ людей, мало-по-малу проникали въ общество, и если одерживали верхъ съ помощью правительства или общества надъ старыми, то находили уже почву для себя до извѣстной степени подготовленной. Кромѣ того, длинный рядъ вѣковъ соединилъ западные народы въ одну семью: у нихъ у всѣхъ былъ одинъ общій историческій періодъ, такъ-называемые средніе вѣка. Отъ этого у нихъ есть общія воспоминанія; если не церковь и государство, то, по крайней мѣрѣ, ихъ наука и искусство проникнуты общими началами, въ ихъ національномъ развитіи звучатъ родственныя струны. Оттого новыя идеи и требованія цивилизаціи, или выводъ науки могутъ быть отвергаемы ими, но не представляются имъ вполнѣ чуждыми, антинаціональными. Рѣчь можетъ зайти о ихъ пригодности или вѣрности, но не о томъ, что они противорѣчатъ національному духу. Даже въ такой странѣ, какъ Испанія, которая особенно долго находилась въ застоѣ и, подъ охраной католицизма, особенно прониклась консервативными элементами, никто не будетъ возставать противъ конституціоннаго начала только потому, что это-молъ англійская выдумка, или противъ идей 1789 года за ихъ французское происхожденіе.

Россія же вела такое отдѣльное существованіе, развивалась подъ такими своеобразными условіями, что пока она не сравняется въ цивилизаціи съ другими народами и не приметъ равнаго участія въ ея развитіи, противники того или другого начала всегда будутъ имѣть возможность заподозрить ее въ антинаціональности, и народность болѣе чѣмъ во всякой другой странѣ будетъ удобнымъ знаменемъ для тѣхъ, которымъ нечего писать на своемъ знамени.

Притомъ Россія съ XVII вѣка находится въ такомъ быстромъ движеніи, правительство влекло народъ впередъ такъ сильно, нравственныя средства оппозиціи противъ движенія такъ ничтожны, что эта оппозиція всегда получала какой-то антикварный, формальный, лишенный реальнаго содержанія характеръ. Реакціонныя партіи противъ цивилизующихъ требованій въ Россіи всегда походили на осколки, отскочившіе отъ главнаго тѣла вслѣдствіе быстраго движенія его, и безъ цѣли блуждающіе въ пространствѣ. Только въ Россіи бывали примѣры оппозиціи противъ прогресса «по недоразумѣнію», реакціи во имя мечтаній, въ пользу началъ, никогда не существовавшихъ въ прошедшемъ. Старовѣрчество XVII вѣка и славянофильство имѣютъ то общее, что принимали букву за духъ, низшую, преходящую форму за неотъемлемую святыню и окончательное выраженіе народнаго духа, и отвергали исторію и живую силу народнаго творчества.

То же чувство мѣры и гуманности, та же широта во взглядѣ и отсутствіе исключительности, которыя отталкивали Грановскаго отъ славянофильства, опредѣлили его отношенія къ другому направленію, появившемуся въ 40-хъ годахъ и облекавшемуся тогда еще въ форму строгаго, научнаго матеріализма. Грановскій, съ 1842 года, тѣсно сблизился съ г. Герценомъ и, по выраженію его біографа, питалъ къ нему ту страстную дружбу, которую вносилъ во всѣ свои сердечныя привязанности. «Это одна изъ самыхъ чистыхъ, умныхъ и твердыхъ натуръ, какія мнѣ встрѣчались, несмотря на его наружное легкомысліе», пишетъ Грановскій въ 1845 г. о своемъ другѣ. Но разномысліе въ ихъ взглядахъ скоро обнаружилось.

Грановскій вполнѣ признавалъ значеніе естественныхъ наукъ не только въ ихъ собственной сферѣ, но и для объясненія историческихъ и человѣческихъ явленій. «Исторія — писалъ онъ — по необходимости должна выступить изъ круга наукъ филолого-юридическихъ, въ которомъ она долго была заключена, на обширное поприще естественныхъ наукъ.» Но для Грановскаго изъ этого вовсе не слѣдовало, что нужно было отрицать дѣйствіе разумнаго духа въ человѣкѣ, въ исторіи и въ мірозданіи. Чрезвычайно интересно письмо Грановскаго къ женѣ по поводу пятенъ на солнцѣ и заключеній, которыя изъ этого выводилъ г. Герценъ: «Но пусть будетъ такъ, какъ они говорятъ. Пусть потухнетъ *это* солнце и охладится *эта* земля, духъ будетъ

продолжать начатую имъ здѣсь работу, гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ. Какая китайская нелѣпость въ предположеніи, что вся жизнь духа связана съ органической жизнью нашей планеты исключительно; какая хула на разумъ, какое отрицаніе всякой разумной цѣли въ бытіи космоса заключается въ этой вѣрѣ въ силу слѣпого, глупаго случая, который, чортъ знаетъ для чего, вздумалъ запачкать солнце.»

Человѣкъ, который такъ глубоко вѣрилъ въ разумность мірозданія и въ силу духа, не могъ отрицать его тамъ, гдѣ вѣра въ него всего важнѣе для человѣка, въ индивидуальномъ бытіи. Не даромъ говорилъ Грановскій, что исторія великая наука, и что естественныя науки никогда не дадутъ человѣку той нравственной силы, какую она даетъ. Исторія подкрѣпляла для него выводы его религіознаго и нравственнаго чувства. Упомянувши однажды въ бесѣдѣ о воззрѣніяхъ В. Гумбольдта и Гёте на безсмертіе, Грановскій заключилъ: «Для меня относительно подобныхъ вопросовъ важны мнѣнія замѣчательныхъ людей. Для меня это отдѣльные огоньки, отъ которыхъ въ будущемъ загорятся новыя вѣрованія для человѣчества. Я знаю, въ настоящее время, человѣчество будто успокоилось на счетъ подобныхъ вопросовъ, но вѣдь это ничего не значитъ; оно успокоивалось уже не разъ.»

Грановскій не для того устоялъ противъ догматики гегелизма, чтобы завязнуть въ болѣе узкой и нетерпимой догматикѣ матеріализма. Его спасали отъ этого многосторонность и идеальность его натуры, неспособность увлекаться жесткими крайностями, умаляющими достоинство человѣка. Грановскій называлъ это свойство—своимъ скептицизмомъ. Напрасно друзья не хотѣли признать въ немъ этого скептицизма: «Я не согласенъ съ послѣднимъ письмомъ твоимъ, писалъ Грановскій по этому поводу Огареву, и крѣпко отстаиваю права мои на скептицизмъ. Я могу запомнить его рожденіе и ростъ во мнѣ. Онъ былъ естественнымъ слѣдствіемъ почти исключительнаго занятія исторіей. Нѣтъ науки болѣе враждебной всякому догматизму, чѣмъ исторія. Ты говоришь, что скептицизмъ по натурѣ своей насмѣшливъ, бьетъ на право и на лѣво. Это опредѣленіе слишкомъ узко. Въ немъ можетъ быть по крайней мѣрѣ столько скорби, сколько ироніи, и не всегда бьетъ онъ на право и на лѣво, а *чаще смотритъ недовѣрчиво на обѣ стороны.* Насмѣшливость есть личная способность, приносимая человѣкомъ. У меня ея нѣтъ..... Но во мнѣ дѣйствительно глубокая ненависть ко всякой нетерпимости, неспособной уважить особенность взгляда, который у всякаго сколько-нибудь умнаго мыслящаго человѣка есть результатъ цѣлаго развитія, цѣлой жизни.»

Послѣдняя глава біографіи обнимаетъ жизнь и дѣятельность Грановскаго съ 1848 г. до его смерти. Эта глава содержитъ въ себѣ чрезвычайно много интересныхъ свѣдѣній для исторіи русскаго общества за

эти годы. Событія 1848 года подѣйствовали чрезвычайно живительно на Грановскаго. Въ это время, говоритъ его біографъ, онъ пережилъ послѣдніе дни молодыхъ увлеченій и обольщающихъ надеждъ. Послѣдовавшая за тѣмъ реакція повергла его въ тяжелое раздумье. Реакція коснулась также русскаго общества и русскаго просвѣщенія. Положеніе Грановскаго въ университетѣ становилось невыносимымъ. «Есть отчего сойти съ ума», говорилъ онъ въ то время. Тѣмъ не менѣе онъ нашелъ возможнымъ отстаивать по силамъ дѣло просвѣщенія отъ тайныхъ и явныхъ доносовъ. Читатели найдутъ въ біографіи интересныя свѣдѣнія о томъ, какіе взгляды господствовали въ тогдашней оффиціяльной педагогіи, какимъ образомъ Грановскій, въ своей программѣ для учебника всеобщей исторіи *), старался противодѣйствовать искаженію науки, какъ онъ для русскаго учебника считалъ необходимымъ прежде всего «честное и вѣрное изложеніе науки».

Наступилъ 1855 годъ. Юбилей московскаго университета былъ какъ бы провозвѣстникомъ лучшаго времени. Настало это лучшее время, и всеобщее ожиданіе преобразованій охватило и Грановскаго. Предъ нимъ самимъ открылась возможность свободной, плодотворной дѣятельности. Но болѣзненные припадки подорвали его силы и возвращались все чаще и чаще. Чрезвычайно грустное впечатлѣніе дѣлаютъ на читателей послѣднія страницы біографіи, постоянно смѣняющійся разсказъ о новыхъ надеждахъ, новыхъ предпріятіяхъ, и угрожающихъ припадкахъ болѣзни. Судьба Грановскаго сама сказалась въ любимомъ имъ стихотвореніи Уланда, въ которомъ сѣдѣющій рыцарь съ исхудалымъ лицемъ приходитъ на турниръ, гдѣ юные бойцы борятся за красавицу: «О если бы онъ могъ сдѣлаться юнымъ! Золотое время только что начинается, весна засіяла. Настаетъ владычество красавицы, увѣнчанной розами, а для него готовы ночь и тлѣніе, надъ нимъ опускается могильный камень... Юные бойцы спѣшатъ къ нему и кладутъ его среди весенней зелени. Въ печали склоняется надъ старцемъ красавица и увѣнчиваетъ его вѣнкомъ изъ розъ:—Никто не свершилъ того, что свершилъ ты, хотя и напрасенъ цвѣтущій вѣнокъ для тебя, мертваго мужа»!

Мы говорили подробнѣе объ отношеніяхъ Грановскаго къ славянофильству и къ зачаткамъ матеріализма, желая напомнить, какое значеніе имѣетъ Грановскій для русскаго общества не только своей профессорской дѣятельностью, но и своимъ вліяніемъ на общественное мнѣніе. Возвращеніе къ прошедшему, увлеченіе отжившими идеалами и торопливое усвоеніе незрѣлыхъ выводовъ науки, ложное понима-

*) «Записка» и «Программа учебника всеобщей исторіи», составленныя Грановскимъ въ 1850 г., были нами изданы. См. «Вѣстникъ Европы», 1866, т. III, отд. II, стр. 13—28. — *Ред.*

ніе прогресса, вотъ двѣ ошибки, въ которыя легко впадать у насъ, и противъ которыхъ всегда будутъ вооружаться люди, вполнѣ уяснившіе себѣ задачи цивилизаціи. Грановскій былъ представителемъ того здороваго слоя въ русскомъ обществѣ, который въ 40-ыхъ годахъ умѣлъ сохранить въ себѣ жизнь несмотря на мертвящія вліянія. Мы отъ души сочувствуемъ заключительнымъ словамъ его біографа: «Память Грановскаго нельзя связывать съ какимъ-нибудь одностороннимъ научнымъ стремленіемъ, съ какимъ-нибудь рѣзко опредѣленнымъ политическимъ направленіемъ или ученіемъ. Ему были дороги — все человѣческое, всѣ возвышенныя стремленія и цѣли человѣка, и понятны всѣ пути, которые ведутъ къ этимъ цѣлямъ. Повторяемъ: Грановскій былъ лучшимъ представителемъ въ Россіи гуманныхъ идей и стремленій. Въ распространеніи гуманности въ русскомъ обществѣ заключались значеніе его жизни и цѣль его дѣятельности.» Но Грановскій былъ не только представителемъ этихъ началъ: онъ носилъ ихъ въ себѣ, онъ былъ живымъ олицетвореніемъ ихъ и въ этомъ заключалось обаяніе его личности, тайна его вліянія въ прошедшемъ и въ будущемъ.

Грановскій былъ богатъ и счастливъ дружбою. Дружба поставила ему самый лучшій памятникъ. Она дала ему возможность дѣйствовать своею личностью и за могилой. Въ этомъ заключается самое важное значеніе его біографіи. Сотни людей, которые не знали лично Грановскаго, которые родились послѣ него, могутъ теперь испытать на себѣ обаятельную силу этой чистой, благородной, гуманной личности, и проникнутся его духомъ. Народъ живетъ и воспитывается своимъ прошедшимъ. Чѣмъ болѣе въ этомъ прошедшемъ свѣтлыхъ огоньковъ, чѣмъ болѣе свѣтлыхъ личностей въ воспоминаніи народа, тѣмъ полнѣе и лучше его жизнь въ настоящемъ, тѣмъ значительнѣе ея нравственное содержаніе. Особенно важно это для воспитанія юношества. У насъ нерѣдко перечисляютъ съ завистью статистическія цифры народныхъ школъ и университетовъ въ Германіи, изумляются числу уроковъ древнихъ языковъ въ тамошнихъ гимназіяхъ. Но не одно классическое образованіе спасало Германію отъ печальныхъ незрѣлыхъ увлеченій. Важно не одно количество школъ и университетовъ, важно нравственное содержаніе тѣхъ книгъ, которыя воспитываютъ молодежь, важны идеалы, которыми она увлекается. Кто можетъ сказать, какую въ этомъ отношеніи принесли пользу Германіи ея Винкельманны, Лессинги и Гердеры?

Грановскій былъ любимымъ учителемъ молодежи. Она ему довѣряла болѣе другихъ, она увлекалась его благороднымъ образомъ, многіе изъ нея обязаны ему лучшими, пробудившимися въ нихъ инстинктами. Пусть эти отношенія сохранятся, пусть русская молодежь и теперь

учится у него любить науку, любить Россію, любить все гуманное и человѣческое, сохранить подобно ему, среди дурныхъ условій, нравственное благородство и идеальную чистоту. Сл.

Москва. 19 апрѣля, 1869.

ПОЧТОВАЯ ЗАМѢТКА.

Для иногородныхъ подписчиковъ.

Въ мартовской книгѣ, мы объявили, между прочимъ, нашимъ иногороднымъ подписчикамъ, что почтовыя происшествія, постигшія журналы и газеты въ январѣ и февралѣ, заключились тѣмъ, что петербургскіе редакторы просили принять ихъ ходатайство о принятіи особыхъ мѣръ къ возстановленію порядка, и вмѣстѣ представили въ проектѣ свои соображенія. Этотъ проектъ былъ разсмотрѣнъ, и почтовое вѣдомство дѣйствительно приняло немедленно мѣры къ возстановленію порядка въ Газетной Экспедиціи, гдѣ съ 1-го марта управленіе дѣломъ отправки было поручено лицу, доказавшему свою опытность и отличное знаніе дѣла по устройству городской почты, и въ тоже время было рѣшено назначить два мѣсяца, мартъ и апрѣль, въ видѣ опыта, чтобы окончательно убѣдиться: были ли новыя правила виновны въ происшедшихъ безпорядкахъ, или недостатокъ доброй воли исполнителей, ихъ незнаніе дѣла отправки послужили причиною послѣдняго хаоса, или наконецъ, причина заключается въ томъ, что получатели, т. е. почтовыя конторы, управляются лицами, которыя неспособны вникнуть въ значеніе новаго механизма? Въ теченіе этихъ двухъ мѣсяцевъ, всѣ здѣшніе редакторы были приглашены г. почтъ-директоромъ В. Ѳ. Шорромъ собираться разъ въ недѣлю, съ тѣмъ, чтобы совокупными силами устроить такое важное дѣло общественнаго благоустройства, какъ правильное и своевременное сообщеніе извѣстій путемъ печати. Дѣйствительно, безъ почты, всѣ благодѣянія изобрѣтенія Гуттенберга дѣлаются тщетными, и самое государство безъ почты точно также не полно въ наше время и безсильно, какъ бы оно было безъ школы или безъ суда; потому мы были въ правѣ утверждать, что почта есть прежде всего принадлежность общественнаго благоустройства, между тѣмъ какъ въ ней хотятъ видѣть главнымъ образомъ одинъ изъ видовъ регаліи.

Мы уже замѣтили въ февралѣ, что «новая почтовая реформа при

всемъ неудовольствіи, которое она вызвала, представляетъ много преимуществъ предъ прежнимъ порядкомъ»; теперь мы можемъ утвердить это положеніе новыми аргументами, которые доставилъ намъ опытъ послѣднихъ двухъ мѣсяцевъ. Если при старомъ порядкѣ было менѣе неудовольствій и болѣе исправности, то старый порядокъ обязанъ этимъ рутинѣ и преданію, которыя всегда представляютъ нѣкоторую выгоду; а недостатки его не были замѣтны, такъ какъ о лучшемъ не имѣлось понятія. И наоборотъ, всѣ преимущества новаго порядка должны были скрыться за отсутствіемъ въ исполнителяхъ привычки къ новому дѣлу, распорядители же упустили изъ виду, что умѣнье приказать важно также, какъ и умѣнье исполнить; не говоримъ уже о томъ, что самое распоряженіе сдѣлано было не своевременно.

Новая система состоитъ въ томъ простомъ началѣ, что каждая Почтовая Контора есть не что иное, какъ городская почта для своей мѣстности, въ соединеніи съ poste-restante для тѣхъ подписчиковъ, которые живутъ за предѣлами города или селенія, гдѣ помѣщается почтовая контора, и сами присылаютъ разъ или два въ недѣлю за полученіемъ своей корреспонденціи, писемъ, газетъ, журналовъ и т. д. Въ началѣ года и въ теченіи его, каждая Почтовая Контора получаетъ списокъ своихъ подписчиковъ по каждому періодическому изданію, а потомъ ежедневно для газетъ, и ежемѣсячно для журналовъ высылаются новые списки, примыкающіе къ предъидущимъ. За тѣмъ изъ Газетной Экспедиціи высылается въ каждую Почтовую Контору соотвѣтственное спискамъ число экземпляровъ.

Что можетъ быть проще такого начала? Въ городѣ *X*, Почтовая Контора получила въ теченіе декабря, положимъ, 10 списковъ, сумма которыхъ составляетъ 100 лицъ съ ихъ подробными адрессами: изъ нихъ 90 живутъ въ самомъ городѣ, а 10 въ окрестныхъ селахъ и деревняхъ. Газетная Экспедиція имѣетъ у себя точно такіе же 10 списковъ съ такимъ же количествомъ подписчиковъ. Изъ всего этого слѣдуетъ, что 1 января, когда начинается новый годъ, Газетная Экспедиція беретъ 100 экземпляровъ газеты, и сложивъ ихъ въ одинъ пакетъ, адрессуетъ въ почтовую контору города *X*, гдѣ также знаютъ, что слѣдуетъ получить этой газеты 100 экземпляровъ: 90 разослать съ почтальономъ по домамъ живущихъ въ городѣ, а 10 сохранить въ poste-restante для тѣхъ, которые присылаютъ за корреспонденціей изъ окрестныхъ селъ. Въ теченіе января прибываютъ новые списки, увеличивается итогъ подписчиковъ въ городѣ *X* и увеличивается соотвѣтственно тому и число высылаемыхъ экземпляровъ изданія изъ Газетной Экспедиціи. Положимъ, 3 января является новый списокъ съ 10 подписчиками; слѣдовательно, въ городѣ *X*, по такому-то изданію, дѣлается 110 подписчиковъ и съ этого же дня Газетная Экспедиція

начинаетъ высылать въ городъ X—110 экземпляровъ этого изданія, и т. д. и т. д.

Но при всей простотѣ такого рода отправки и доставки періодическихъ изданій, именно эта-то простота и явилась на практикѣ одною изъ главныхъ причинъ безпорядка (помимо другихъ, которыя были просто злоупотребленіями). Съ одной стороны, оказались виновными многіе изъ самихъ подписчиковъ, такъ какъ они присылали въ редакцію адресса хотя вполнѣ правильные, но, на бѣду, *не-почтовые*; потому-то мы и обращаемся нынѣ къ иногороднымъ подписчикамъ съ разъясненіемъ новой системы, прося ихъ обратить вниманіе на необходимость сообщать намъ не только *личные*, но и *почтовые* адресса, и вотъ что́ должно разумѣть въ настоящемъ случаѣ подъ словомъ «почтовый». Наприм., г. А. Д. П. сообщилъ намъ слѣдующій адрессъ: «высылать на станцію Писцово, Костромской губерніи, Нерехтскаго уѣзда.» Адрессъ совершенно безошибочный, но *не почтовый*, потому что на станц. Писцово, можетъ быть, перемѣняютъ лошадей, но нѣтъ почтоваго отдѣленія для пріема газетъ и журналовъ, а потому Газетная Экспедиція адрессуетъ журналъ такому подписчику въ его уѣздный городъ, т. е. въ Нерехту, гдѣ журналъ и лежитъ цѣлыми мѣсяцами, ожидая, когда явится подписчикъ, который, между тѣмъ, ожидаетъ получить свое изданіе на ст. Писцово. Подобный случай повторяется весьма часто и доставляетъ главный контингентъ жалобъ на воображаемую потерю или на несвоевременную доставку журнала, который лежитъ иногда за нѣсколько сотъ верстъ отъ подписчика въ его уѣздномъ или губернскомъ городѣ. Потому редакція покорнѣйше просила бы давать всегда знать: 1) о *почтовомъ мѣстѣ*, куда слѣдуетъ высылать изданіе, и 2) о своемъ *адрессѣ*, если подписчикъ находится не въ самомъ почтовомъ мѣстѣ, а около него. Такъ, въ вышеупомянутомъ случаѣ, подписчикъ намъ сообщилъ только личный адрессъ, а почтоваго адресса не далъ, и только впослѣдствіи мы узнали отъ него же, что, хотя онъ *живетъ* въ Нерехтскомъ уѣздѣ Костромской губерніи, но ближайшее къ нему почтовое мѣсто, куда слѣдовало бы высылать журналъ — Вознесенскій Посадъ, Владимірской губерніи.

При прежнемъ, болѣе патріархальномъ порядкѣ, все это оставалось незамѣченнымъ, и журналъ дѣйствительно доходилъ лучше, потому что, наприм. пная почтовая контора догадывалась и по соображенію высылала, куда слѣдуетъ: но за то случалось иногда Почтовой Конторѣ не догадаться, и въ такомъ случаѣ—концы въ воду! Теперь, на Почтовыя Конторы возлагается отвѣтственность, и онѣ должны или ждать появленія подписчика, или возвращать ненадлежаще засланный экземпляръ, такъ какъ для Костромской губ., въ томъ примѣрѣ, станціи Писцово не имѣется. Такимъ-то образомъ, новый порядокъ, построенный на точности, сдѣлался во многихъ случаяхъ источникомъ безпорядковъ; но спрашивается: слѣдовало ли останавливаться при

введеніи болѣе раціональнаго способа разсылки, предъ тѣмъ обстоятельствомъ, что многіе упускаютъ изъ виду точное обозначеніе почтоваго мѣста, и довольствуются сообщеніемъ личныхъ адрессовъ, т. е. своего мѣстожительства? Не говоримъ уже о тѣхъ случаяхъ, когда подписчикъ требуетъ высылать въ Андреевку, не обозначая ни губерніи, ни уѣзда, или въ Боровичи, не прибавляя: городъ ли это Новгородской губерніи, или мѣстечко Псковской губ. и т. п. Присоедините къ этому злоупотребленія, наприм., невысылку списковъ изъ Газетной Экспедиціи, задержку журналовъ, и небрежный пріемъ ихъ въ Конторахъ, которыя видятъ, что не выслано надлежащее число экземпляровъ, какъ то слѣдовало бы по спискамъ, и молчатъ, т. е. не составляютъ акта о неправильномъ дѣйствіи Газетной Экспедиціи, и тогда ясно будетъ, гдѣ скрываются недостатки, въ новой ли системѣ или въ старыхъ мѣхахъ, куда влили новое вино, да и притомъ влили неосторожно?

Но главная причина неустройствъ заключалась въ томъ, что, обративъ всѣ Конторы, въ мѣстныя городскія почты, забыли своевременно дать имъ инструкціи, какъ поступать по новому порядку. Кажется, эти инструкціи не даны и до сихъ поръ, подъ тѣмъ предлогомъ, что нужно выработать всю систему до конца — что совершенно неправильно, такъ какъ есть вещи, которыя нужно сдѣлать безотлагательно, и всякая систематика оказалась бы тутъ вредною. Между тѣмъ, вслѣдствіе такой систематики распорядителей, въ конторахъ произошло замѣшательство въ родѣ столпотворенія, а довольно было циркуляра въ нѣсколько строкъ, чтобы предупредить все случившееся. Въ одномъ весьма близкомъ городѣ къ Петербургу, въ г. К. получается ежедневно нѣсколько сотъ нумеровъ различныхъ изданій; такъ какъ по новому порядку газеты сдаются безъ адресовъ, то Почтовая Контора задалась печальною мыслью, что ей необходимо ежедневно дѣлать надписи именъ получателей на самыхъ нумерахъ (что дѣлалось притомъ ужасно безграмотнымъ образомъ и непріятнымъ для подписчиковъ — не говоря о томъ, что ихъ экземпляры являлись къ нимъ испачканными ихъ же собственными фамиліями). Египетская работа! Между тѣмъ какъ слѣдовало внушить Конторамъ, что онѣ должны хранить у себя, какъ документы, списки подписчиковъ, доставленные имъ изъ Газетной Экспедиціи, а съ нихъ снять копію на отдѣльномъ листѣ, который выдается почтальону, и онъ при помощи этого листа разноситъ газету, безъ всякой надобности пачкать ее каракулями, изображающими имена подписчиковъ; прибыли новые списки, и на листъ почтальона заносятся новыя лица съ ихъ адрессами, и вмѣстѣ съ того дня выдается больше экземпляровъ; для тѣхъ же, которые живутъ за чертою города, ихъ экземпляры откладываются въ отдѣлъ постъ-рестанта. Если бы въ прошедшемъ году въ сентябрѣ и октябрѣ всѣ Конторы были оповѣщены о новыхъ формахъ съ инструкціею, какъ ими пользоваться, то мы не увидѣли бы

и десятой долп того истинно общественнаго бѣдствія, которое тѣмъ обиднѣе, что оно постигло всѣхъ вслѣдствіе желанія лучшаго порядка.

Впрочемъ, у насъ такое явленіе не исключительно, и у насъ не только «худо не бываетъ безъ добра», но и наоборотъ: «добро не бываетъ безъ худа». Такъ, по поводу почтоваго же дѣла, мы можемъ замѣтить, что желѣзныя дороги—это величайшее благо—вездѣ содѣйствовали къ улучшенію почтоваго дѣла,—у насъ онѣ ухудшили его. А именно, вездѣ, во всѣхъ западныхъ государствахъ, при уступленіи концессіи, прежде всего принимались въ соображеніе почтовые интересы, т. е. интересы общества; и компаніи, за милліоны, которые имъ предстояло наживать, брали на себя ничего не стоющее имъ обязательство возить съ собою даромъ почтовый вагонъ. У насъ также не забыли при концессіяхъ почтовое дѣло, но сдѣлали это иначе: оградили желѣзныя дороги отъ почтоваго дѣла обязательствомъ не обременять ихъ свыше 200 пудъ въ одинъ разъ. Вслѣдствіе того, если нѣсколько редакцій сдадутъ въ одинъ день сверхъ 200 пудъ, то нельзя отправить всего въ одинъ разъ. Экономическая сторона дѣла не менѣе тутъ важна: почтамтъ нашелъ себя вынужденнымъ удвоить плату за журналы, т. е. наложить косвенную подать на чтеніе; а не было ли справедливѣе обязать всѣ желѣзныя дороги, какъ то сдѣлано за границею, къ даровой отправкѣ, которая компаніямъ также почти ничего не стоитъ, такъ какъ поѣздъ идетъ не для одного почтамта? Неудивительно послѣ того, что за границею почтовое дѣло процвѣтаетъ, не обременяя своимъ процвѣтаніемъ общества, а у насъ, и самое намѣреніе привести почтамтъ къ процвѣтанію стóитъ обществу новыхъ затратъ. Можетъ быть, наше указаніе на ненормальное отношеніе почтамта къ желѣзнымъ дорогамъ—опоздало, такъ какъ контракты уже сдѣланы,—но, можетъ быть, найдется средство поправить дѣло, а во всякомъ случаѣ, желательно бы не видѣть повторенія прежняго при открытіи новыхъ желѣзныхъ дорогъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

АПРѢЛЬ.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Сборникъ Русскаго Историческаго Общества. Томъ III. Спб. 1868.

Въ «Русскомъ Историческомъ Обществѣ» наука русской исторіи пріобрѣтетъ — современемъ, самый богатый запасъ матеріаловъ, изданныхъ притомъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ. Настоящій томъ, помѣченный 1868 годомъ и поступившій въ продажу въ началѣ апрѣля, заключаетъ въ себѣ три обширныя статьи, изъ которыхъ двѣ — записка Трощинскаго о министерствахъ и записка графа Каподистріа о его служебной дѣятельности — касаются двухъ важныхъ моментовъ царствованія императора Александра I, и одна—дипломатическіе документы—для исторіи Россіи временъ Петра I, Екатерины I и Петра II; документы эти сообщены изъ дѣлъ саксонскаго государственнаго архива въ Дрезденѣ профессоромъ марбургскаго университета, Э. Германомъ, авторомъ извѣстной «Geschichte des russischen Staats».

Записка Трощинскаго объ учрежденіи министерствъ написана въ томъ же духѣ, какъ судилъ объ этой реформѣ Карамзинъ въ своей «Запискѣ о старой и новой Россіи»; но, касаясь въ этомъ сочиненіи слишкомъ многихъ предметовъ, Карамзинъ опредѣлилъ недостатки реформы только въ общихъ чертахъ, схвативъ, въ качествѣ публициста, только общій итогъ толковъ тогдашней партіи охранителей. Трощинскій, выходя изъ тѣхъ же положеній, какъ и Карамзинъ, подвергаетъ анализу всѣ подробности преобразованія, какъ настоящій дѣлецъ и человѣкъ глубоко-убѣжденный въ превосходствѣ такъ-называемаго имъ «коллежскаго» образа правленія передъ единоличнымъ. «Отличительное свойство единоличной формы, говоритъ онъ, есть подчиненіе всѣхъ одному начальству и каждаго чиновника постепенно одинъ другому... Тщетно законы въ разныя времена усиливались положить предѣлы слѣпому повиновенію подчиненныхъ; но несогласно съ природою, чтобъ подчиненный противопоставилъ законъ своему начальнику, отъ котораго зависитъ все его счастіе и несчастіе. Начальникъ опредѣляетъ его къ мѣсту, тотъ же начальникъ лишаетъ его мѣста, когда заблагоразсудитъ; слѣдственно подчиненному ничего не остается дѣлать, какъ только содѣйствовать видамъ начальника.... Подчиненному не невыгодно исполнять то, чего отъ него требуетъ начальникъ, ибо въ свою очередь и онъ по своей части можетъ также позволять себѣ злоупотребленія, соразмѣрно со степенью своего званія.... Форма сія свойственна однимъ только народамъ, находящимся въ варварствѣ, ибо онѣ другой никогда не знали. И до сихъ поръ

еще азіатскіе народы управляются чиновниками, непосредственно подчиненными другъ другу, и отъ послѣдствій сего управленія самыя цвѣтущія страны свѣта сдѣлались странами опустошенными, ибо форма сія находится въ совершенной противоположности съ выгодами государя, стѣснительна для подданныхъ, разорительна для государства, и въ такомъ только случаѣ допустительна: 1) когда всѣ мѣста заняты чиновниками одинаковой честности и одинаковой степени просвѣщенія, и 2) когда чиновники, пользующіеся личною властію, встрѣчаютъ преграду въ народныхъ установленіяхъ, имѣющихъ достаточную силу для составленія противовѣсія ихъ произволу». Ссылаясь на представительный образъ правленія Англіи, утвержденный на силѣ общественнаго мнѣнія, «которое гораздо дѣйствительнѣе обуздываетъ корыстолюбіе, нежели всѣ рѣчи оппозиціонной партіи», Трощинскій набрасываетъ картину современнаго ему состоянія Россіи въ физическомъ и нравственномъ отношеніяхъ. Ни одно сословіе, изъ которыхъ состоитъ населеніе Россіи, «не находится въ томъ политическомъ положеніи, въ которомъ находятся соотвѣтствующіе имъ классы въ европейскихъ западныхъ государствахъ. Низшее состояніе, содержащее въ себѣ многочисленнѣйшій классъ народа, *не имѣетъ ни правъ, ни преимуществъ, ни гражданскихъ, ни политическихъ* (кур. въ под.) Среднее состояніе (мѣщане, купцы и духовенство), имѣющее нѣкоторыя права и преимущества, не имѣетъ никакого политическаго вліянія даже и того, которое нужно *для охраненія себя въ пользованіи дарованными правами и преимуществами.* Высшее состояніе, которое повидимому соединяетъ всѣ права и преимущества, въ самой вещи не пользуется ими по своему состоянію; и даже въ тѣхъ дѣлахъ, *которыя только до него касаются*, оно тогда только пріобрѣтаетъ политическое вліяніе, когда вступаетъ въ корпусъ правительственныхъ чиновниковъ. Слѣдственно, въ отношеніи политическаго вліянія, въ Россіи существуютъ только два класса: *управляющіе* и *управляемые*, изъ которыхъ первые могутъ дѣлать все, а послѣдніе ничего, даже въ законномъ пользованіи небольшимъ числомъ правъ и преимуществъ, дарованныхъ законами». При такомъ состояніи Россіи, правленіе вышло бы совершенно олигархическое, еслибъ не было государя, соединяющаго въ одномъ своемъ видѣ всѣ тѣ власти, которыя въ умѣренныхъ (т. е. ограниченныхъ) монархіяхъ находятся разсѣянными въ различныхъ классахъ, составляющихъ государство. Посему-то россійскій государь и долженствуетъ быть не только главою правительства, но и единственнымъ представителемъ народа, который, по своему положенію, кромѣ его, не можетъ имѣть никакого другаго представителя». «Принявъ на себя въ полномъ смыслѣ званіе народнаго представителя», Петръ I понялъ недостатки единоличнаго правленія и установилъ «товарищественное», какъ «приличнѣйшее для управленія Россіи». Онъ «учредилъ во всѣхъ коллегіяхъ дѣятельное и постоянное наблюденіе за исполненіемъ законовъ. Наблюденіе сіе нисходило прямо отъ самого государя и усосредоточивалось по сей части въ лицѣ генералъ-прокурора, какъ истиннаго его порутчика. Генералъ-прокуроръ съ своей стороны имѣлъ представителей и въ Прав. Сенатѣ, и въ каждой коллегіи, и въ каждой провинціи; прокуроры, зависѣвшіе непосредственно отъ его власти, были истинные его намѣстники, и такимъ образомъ сіе наблюденіе разливалось на всѣ отрасли правленія и проникало въ самой вещи во всѣ ихъ части». Трощинскій такъ стоитъ за эту форму, что полагаетъ вовсе ненужнымъ для народа „изданіе лучшихъ законовъ»; по его мнѣнію, достаточно одного «наблюденія за точнымъ исполненіемъ тѣхъ, кои уже существуютъ». Въ этомъ весь смыслъ записки и смыслъ того предпочтенія, которое отдаетъ онъ «коллежской формѣ». Онъ убѣжденъ, что государю легче наблюдать за однимъ генералъ-прокуроромъ, чѣмъ за нѣсколькими министрами, власть которыхъ, по указамъ 1810 и 1811 годовъ, стала почти неограниченною. Собственно, Трощинскаго идея объ одномъ генералъ-прокурорѣ приближается къ тому, что нынѣ называютъ кабинетъ-министромъ, или министромъ-президентомъ.

Что такое министръ? спрашиваетъ онъ и отвѣчаетъ: «Параграфъ 206 указа опредѣляетъ это слово такъ: «Министры суть орудія верховной исполнительной власти». Но министры не суть только существа вещественныя или матеріальныя, замѣчаетъ онъ, которыя слѣпо повинуются рукѣ, приводящей ихъ въ движеніе; министры суть люди, одаренные волею и проч.»

Приводя другіе два параграфа, изъ которыхъ въ одномъ говорится, что „всѣ подчиненныя министру мѣста и лица обязаны исполнять его предписанія, даже въ случаяхъ крайнихъ неудобствъ“, а въ другомъ, что „министры имѣютъ право принимать или отказывать приносимыя имъ жалобы“, Трощинскій заключаетъ: „всякой безпрекословно согласится, что все это вмѣстѣ значитъ: *Министры могутъ предписывать, что захотятъ, и ни подвѣдомственные имъ чиновники, усматривающіе крайнія неудобства въ исполненіи ихъ приказаній, ни частныя лица, подвергающіяся отъ изложенія сихъ предписаній раззоренію, не имѣютъ права противорѣчить министрамъ.*» Говоря объ отвѣтственности министровъ, онъ естественно приходитъ къ такому выводу, «что 1) министры не подвержены никакой отвѣтственности за то, что они дѣлаютъ, и 2) министры подвержены неопредѣленной отвѣтственности за то, чего не дѣлаютъ».

Вообще должно сказать, что практическая сторона записки Трощинскаго довольно полновѣсна, мѣстами мѣтка и остроумна; но положительная ея сторона обнаруживаетъ въ авторѣ только человѣка честнаго, но весьма недальновиднаго. Какъ мѣстный консерваторъ, онъ ничего не ломаетъ, онъ не отрицаетъ совершенно даже критикуемыхъ имъ указовъ, но старается ввести гармонію и законность въ управленіе посредствомъ «точныхъ и ясныхъ инструкцій» министрамъ, закрытіе нѣсколькихъ лишнихъ инстанцій и «отвѣтственности въ чрезвычайныхъ случаяхъ за возбужденіе законодательной власти къ изданію повелѣній и указовъ.» «Хотя, говоритъ онъ, власть россійскаго государя императора не имѣетъ никакихъ предѣловъ, но дѣйствіе сей неограниченной власти производится двоякимъ только образомъ: 1) или по собственному произвольному движенію государя императора, 2) или по предложеніямъ государственнаго совѣта, правительствующаго сената и министровъ. Никто не можетъ отвѣчать за дѣйствіе, происходящее отъ собственнаго и произвольнаго движенія государя императора. Для сего указы и повелѣнія, исходящія непосредственно отъ государя императора, не имѣютъ никакой надобности въ скрѣпленіи и контрасигнованіи; но каждая власть должна отвѣтствовать за всѣ дѣлаемыя ею представленія, къ возбужденію власти государя императора, а потому всѣ исходящія высочайшія повелѣнія и указы, вслѣдствіе предложенія какого либо лица и мѣста, должны быть скрѣпляемы или контрасигнированы тѣмъ лицомъ, отъ кого идетъ представленіе“. Отсюда онъ выводитъ два общія правила, что правительствующій сенатъ, госуд. совѣтъ и министры отвѣчаютъ за содержаніе всякаго закона и указа, ими контрасигнированнаго, какъ и за точность и ясность его формулы, и затѣмъ слѣдуетъ *восемь изъятій*, опредѣляющія случаи, когда никакой отвѣтственности не подвергаются ни министры, ни сенатъ, ни совѣтъ, и никто вообще. Впрочемъ, надо отдать справедливость Трощинскому въ томъ отношеніи, что онъ и самъ не вѣритъ твердо въ практическое приложеніе проектируемой имъ отвѣтственности. «Еслибы, говоритъ онъ, и порядокъ обвиненія (сената и министровъ), и порядокъ изслѣдованія опредѣлены были съ величайшею точностію безъ дѣйствительнаго установленія суда и безъ опредѣленія порядка сужденія и взысканія за нарушеніе законовъ, отвѣтственность будетъ только мечтательная. Въ § 295 общаго наказа министрамъ хотя означенъ верховный уголовный судъ, но судъ этотъ до сихъ поръ еще не существуетъ. Можетъ статься и неприлично, чтобы столь высокаго званія чиновники могли быть судимы кѣмъ либо другимъ, кромѣ Его Императорскаго Величества; но въ такомъ случаѣ всѣ сіи предосторожности, не производящія существеннаго дѣйствія и не представляющія ничего, кромѣ одной личной отвѣтственности, должны быть отмѣнены». Это гораздо проще.

Людей, подобныхъ Трощинскому и Карамзину, трудно заподозрить въ неискренности, въ своекорыстныхъ замыслахъ, въ желаніи выслужиться; но нельзя не отдать предъ ними предпочтенія такому человѣку, какъ Сперанскій. Въ то время, какъ первые находили достаточнымъ класть новыя заплаты на износившееся платье, Сперанскій смотрѣлъ гораздо дальше, и въ его логической, геніальной головѣ зрѣли широкіе планы. Критиковать созданное имъ учрежденіе министерствъ весьма легко, потому что это учрежденіе, какъ извѣстно, составляло только отрывокъ изъ цѣлой системы, и самъ авторъ отлично сознавалъ всѣ тѣ недостатки, на которые указывали Карамзинъ и Трощинскій. Изъ цѣлаго широкаго плана пре-

образованія, которое должно было дать Россіи «новое бытіе», по словамъ барона Корфа, біографа Сперанскаго, «приведено было въ дѣйствіе лишь то, что самъ онъ считалъ болѣе или менѣе независимымъ отъ общаго круга задуманныхъ преобразованій; все прочее осталось только на бумагѣ и даже исчезло изъ памяти людей, какъ стертый временемъ очеркъ смѣлаго карандаша....» Извѣстно, что отрывки изъ этого плана сохранены Н. Тургеневымъ въ его книгѣ «La Russie et les Russes», и пробѣгая ихъ теперь и сравнивая съ измышленіями и реформами его противниковъ, нельзя не сказать, что Сперанскій цѣлой головой былъ выше современниковъ, хотя слѣды неопытности и незрѣлости лежатъ на этомъ трудѣ. Мы не станемъ говорить о томъ, насколько приготовлена была тогдашняя Россія для воспріятія задуманныхъ Сперанскимъ преобразованій, и насколько могли быть они полезны или вредны въ своихъ результатахъ, особенно безъ освобожденія крестьянъ, о чемъ не было и рѣчи: отвѣты на подобные вопросы могутъ быть только гадательными; но не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что голосъ Карамзина, которому вторилъ Трощинскій и многіе другіе, могъ принести только плоды еще едва ли не худшіе, тѣ плоды, которые созрѣваютъ обыкновенно на почвѣ реакціи и полумѣръ... Можно согласиться съ г. Поповымъ, написавшимъ предисловіе къ запискѣ Трощинскаго, что какъ прогрессисты, такъ и лучшіе охранители временъ Александра имѣли въ виду благо Россіи: но кто насъ увѣритъ въ томъ, что извѣстная гражданская смѣлость Карамзина, возставшаго противъ преобразованій, не способствовала усыпленію благородной иниціативы императора? Лучшая часть записки Трощинскаго заключается въ томъ, что говоритъ онъ объ управленіи Прибалтійскими губерніями и о крайней необходимости подчинить ихъ тѣмъ же порядкамъ, которые существуютъ въ остальной Россіи. Для того, чтобъ убѣдить правительство въ мнимой законности остзейскихъ привилегій, Трощинскій набрасываетъ исторію этихъ провинцій и обнаруживаетъ тѣ уловки, къ которымъ прибѣгала балтійская интеллигенція для сохранія въ цѣлости своихъ привилегій. Современная публицистика можетъ почерпнуть тутъ богатый матеріалъ для той борьбы, которую ведетъ она съ нѣмецкой печатью. Нѣкоторыя страницы дышатъ такою современностью, что словно написаны только вчера.

Записка графа Каподистріа о его служебной дѣятельности—одинъ изъ самыхъ важныхъ документовъ для характеристики императора Александра и въ особенности для отношеній его къ Востоку. Каподистріа пріѣхалъ въ Петербургъ въ 1809 г. и тогда же обратилъ на себя вниманіе императора; но вполнѣ оцѣнилъ онъ его способности только во время войны 1813 г., когда Каподистріа состоялъ въ дипломатической канцеляріи генерала Барклай-де-Толли, въ которомъ сосредоточены были и наши сношенія съ Константинополемъ. Послѣ кульмскаго сраженія, Барклай представилъ на усмотрѣніе государя подробный отчетъ о положеніи, въ которомъ находились сношенія наши съ Левантомъ и ходатайствовалъ, чтобъ приступлено было къ формальнымъ настояніямъ передъ Портою касательно тѣхъ кровопролитныхъ казней, которыми турки ознаменовали вторичное вступленіе ихъ во владѣнія Сербіей. Отчетъ этотъ, весьма понравившійся императору, писалъ Каподистріа. Когда армія шла къ Лейпцигу, во время одного роздыха въ лачужку, гдѣ занимался Барклай съ Каподистріа, вошелъ императоръ. Съ этого дня начались близкія, почти дружескія, сношенія между ними, быстро упрочившіяся вслѣдствіе одинаковаго образа мыслей относительно нѣкоторыхъ политическихъ вопросовъ. Назначая его уполномоченнымъ въ Швейцарію, императоръ такъ выразился о своей политической системѣ: «Ваши правила и ваши чувства мнѣ извѣстны: вы любите республики, я также ихъ люблю. Теперь надо спасти одну республику, которую поработилъ французскій деспотизмъ.... Возвратить каждому народу полное и совершенное пользованіе его правами и его учрежденіями, поставить какъ ихъ всѣхъ, такъ и насъ самихъ подъ защиту общаго щита, охранить ихъ и заступить ихъ отъ честолюбія завоевателей, вотъ основанія, на которыхъ мы надѣемся съ божіею помощію утвердить эту новую систему.» Изъ лицъ, окружавшихъ государя, никто не могъ оцѣнить этихъ побужденій лучше Каподистріа, глубоко преданнаго угнетеннымъ народностямъ, между которыми первое мѣсто занимала его родина. Уже во время этой первой дипломатической миссіи своей въ Швейцаріи, Каподистріа имѣлъ случай познакомиться съ лживою и уже себялюбивою политикою Ав-

стріи, которая увлекла впослѣдствіи и Россію. Всей душою преданный государю, Каподистріа постоянно старался убѣждать его, что интересы Россіи чужды интересамъ Австріи, и не разъ доказывалъ это на дѣлѣ. Александръ, съ своей стороны, не могъ не цѣнить благороднаго и открытаго характера графа и питалъ къ нему въ такой степени полное довѣріе, что когда Наполеонъ, послѣ вторичнаго появленія своего въ Парижѣ, захватилъ въ кабинетѣ бѣжавшаго короля всѣ бумаги и отправилъ, чрезъ посредство Бутягина, императору Александру трактатъ заключенный между Австріей, Англіей и Франціей, для совокупнаго дѣйствія противъ Россіи, онъ ему первому показалъ его и спросилъ: «Что вы думаете про это?» —«Государь, я этого ожидалъ».—«Безъ сомнѣнія, сказалъ государь, люди, которые приложили руку къ этому соглашенію, не надѣются, чтобы теперь я счелъ его несуществующимъ. Впрочемъ, я не скажу имъ ни слова и приказываю вамъ поступить также; достаточно будетъ, если я удвою бдительность въ договорѣ, который будетъ заключенъ для возобновленія войны и для начатія похода. Я поручаю вамъ принять участіе въ этомъ договорѣ и представлять мнѣ ваши донесенія.» Актъ священнаго союза, набросанный самимъ государемъ карандашемъ, также первому было показанъ графу. Онъ возражалъ противъ него, но государь остался при своемъ мнѣніи. Поставленный во главѣ нашей дипломатіи по отношенію къ Востоку, Каподистріа придалъ нашей политикѣ то здравое направленіе, которое упрочило бы за Россіей первенствующее мѣсто въ рѣшеніи восточнаго вопроса, еслибъ не превозмогли интриги Меттерниха, на помощь которымъ пришли въ это самое время распаденіе Испаніи, умерщвленіе герцога беррійскаго, событія въ Піемонтѣ, семеновская исторія и другія подобныя событія. Государь сталъ повсюду видѣть дѣйствіе какого-то распорядительнаго комитета, который распространилъ будто бы отъ Парижа свою дѣятельность по всей Европѣ, съ цѣлью низвергнуть существующія правительства и ввести свойственныя революціи формы. Вліяніе Каподистріа падало, и рѣшенія государя стали носить на себѣ отпечатокъ австрійскаго кабинета, который дѣятельно клеветалъ на Каподистріа. «Берегитесь, говорилъ ему государь, къ вамъ придираются.» Каподистріа очень хорошо зналъ это, но продолжалъ дѣйствовать самостоятельно. Въ августѣ 1821 г., когда наши отношенія къ Турціи стали особенно натянутыми, между государемъ и Каподистріа произошелъ замѣчательный разговоръ. «Если мы отвѣтимъ туркамъ войною, говорилъ императоръ, парижскій главный комитетъ восторжествуетъ, и ни одно правительство не останется на ногахъ. Я не намѣренъ давать просторъ врагамъ порядка. Во что бы то ни стало, надо найти средства устранить войну съ Турціей. Приглашаю васъ подумать объ этомъ и представить мнѣ дѣльную записку по этому затруднительному вопросу.» —«Да позволитъ мнѣ ваше величество выразить вамъ съ полною откровенностью мнѣніе мое по этому предмету.» — «Именно для этого вы здѣсь.» — «Допустимъ, государь, что въ Парижѣ или въ какомъ другомъ мѣстѣ существуетъ комитетъ, что онъ безпрестанно трудится, съ цѣлію ниспровергнуть всѣ существующія правительства. Допустимъ, что эти правительства не имѣютъ другого средства бороться съ этимъ внутреннимъ врагомъ и побѣдить его, какъ противопоставить ему чужія войска. Допустимъ, наконецъ, что они обратятся къ вашему величеству для полученія этой помощи. Предположивъ все это, развѣ нѣтъ у вашего величества столько войскъ, что ихъ станетъ для оказанія правительствамъ нужнаго имъ пособія и для обращенія турокъ въ предѣлы ихъ обязанностей посредствомъ военнаго движенія на Прутъ и, если нужно, на Дунай? Съ другой стороны, если предать восточныхъ христіянъ на жертву истребительному изступленію мусульманъ, не будетъ ли это скорѣй содѣйствіемъ, чѣмъ препятствіемъ преступнымъ замысламъ сподручниковъ революціи? Если у этихъ людей есть задуманный планъ, то онъ, безъ сомнѣнія, состоитъ въ томъ, чтобы лишить законныя правительства всякаго къ нимъ уваженія и возбудить противу нихъ негодованіе народовъ. Греки, отданные на жертву туркамъ, будутъ принуждены защищаться отчаянно.... Надѣяться, что, посредствомъ переговоровъ, турковъ можно будетъ привести къ человѣческому и разсудительному образу дѣйствій — это значило бы отвергать опытъ цѣлыхъ вѣковъ и свидѣтельства собственной нашей опытности.» Каподистріа начертываетъ даже планъ дѣйствій и совѣтуетъ не перего-

вариваться, а дѣйствовать.—«Такъ, безъ сомнѣнія это было бы прекрасно,» замѣтилъ государь, выслушавъ продолжительные доводы своего статсъ-секретаря, «но все это можетъ быть осуществлено не прежде, какъ будутъ предварительно установлены соглашенія и совершенное единогласіе между союзными кабинетами. Итакъ, будемъ выигрывать посредствомъ нашихъ объясненій съ турками время, нужное для того, чтобъ условиться съ союзными дворами.» — «Государь, выигравъ время, мы потеряемъ его безвозвратно. Революція распространится до такой степени, что невозможно уже будетъ совладать съ нею. Когда пожаръ слишкомъ разгорится, то вмѣсто того, чтобы гасить его, нужно разрушать.» Этотъ разговоръ былъ началомъ конца. Каподистріа видѣлъ, что государь непреклоненъ; онъ пытался-было снова отклонить его отъ того скользкаго пути, на который тянула его Австрія, но напрасно. Послѣ одной бурной аудіенціи у государя, онъ увидѣлъ, что служить больше невозможно, не измѣняя своимъ убѣжденіямъ. «Постарайтесь сдѣлать угодное государю, вы видите, что его рѣшимости измѣнить нельзя», сказалъ ему Нессельроде. — «Такъ, безъ сомнѣнія,» отвѣчалъ Каподистріа, «я вижу это также ясно какъ и вы, но не мнѣ придется привести эту рѣшимость въ исполненіе». На прощальной аудеціи государь сказалъ ему: «На вашемъ мѣстѣ я сталъ бы точно также говорить и дѣйствовать, но въ моемъ положеніи я не могу перемѣнить моего рѣшенія», и снова сталъ доказывать превосходство австрійской системы для сохраненія мира въ Европѣ... Повидимому, онъ надѣялся еще поколебать его. «Я осмѣлился еще, въ послѣдній разъ,». пишетъ графъ, «съ глубокимъ чувствомъ выразить ему всю горесть, съ которою я видѣлъ себя осужденнымъ и моею совѣстью, и моимъ слабымъ разсудкомъ смотрѣть на вещи совершенно съ другой точки зрѣнія.» — «Итакъ» сказалъ государь, «если это нужно, разстанемся... Будьте увѣрены, что мои чувства къ вамъ никогда не измѣнятся.»

Удаленіе Каподистріа встрѣчено было вѣнскимъ дворомъ съ величайшею радостью. Императоръ Францъ сказалъ Меттерниху: «Императоръ Александръ слишкомъ добръ; еслибы кто либо изъ моихъ употребилъ во зло мою довѣренность, какъ это сдѣлалъ графъ Каподистріа съ своимъ государемъ, я бы показалъ примѣръ и приказалъ отсѣчь ему голову.»

Дипломатическіе документы, доставленные профессоромъ Германомъ, кромѣ любопытныхъ подробностей о придворной жизни и переворотахъ со времени заключенія ништадскаго мира по 1727 г., заключаютъ въ себѣ роспись государственныхъ доходовъ Россіи, по смѣтѣ 1727 года.

Духовныя жены - *Вильяма Диксона.* Въ двухъ частяхъ. Переводъ съ англійскаго, *В. Зайцева.* Съ портретомъ автора, гравированнымъ въ Лондонѣ на стали. Спб. 1869 г.

Когда появляются въ русскихъ повременныхъ изданіяхъ и книгахъ свѣдѣнія о многочисленныхъ религіозныхъ сектахъ, группируемыхъ обыкновенно подъ одно общее названіе раскола, когда эти свѣдѣнія даютъ намъ понятія о явленіяхъ высоко-нелѣпыхъ или высокобезобразныхъ, или просто оригинальныхъ, мало общаго имѣющихъ съ установившимися правилами нравственности и общежитія, мы съ глубокомысліемъ пожимаемъ плечами и спокойно относимъ явленія эти къ невѣжеству нашей грубой народной массы, среди которой они преимущественно возникаютъ. Книга Диксона заключаетъ въ себѣ разсказъ о подобныхъ же явленіяхъ въ средѣ совершенно образованнаго общества Европы и Америки; можно ли къ этому отнестись съ тѣмъ же объясненіемъ, и людей образованныхъ засадить за азбуку и чистописаніе, или слѣдуетъ причислить ихъ къ помѣшаннымъ, не признаваемымъ однако за таковыхъ психіатрами, или наконецъ, слѣдуетъ признать это за исканіе новаго міра, новыхъ житейскихъ отношеній? Вотъ вопросы, представляющіеся читателю по прочтеніи книги.

Въ 1867 г., въ Кенигсбергѣ, городѣ преимущественно ученомъ, отличающемся необыкновеннымъ умственнымъ развитіемъ, гдѣ даже женщины гораздо образованнѣе своихъ сестеръ остальной Германіи, въ залѣ ратуши собралась толпа мужчинъ и женщинъ слушать проповѣдника, по фамиліи Дистеля. Дѣло происходило въ зимнюю ночь. Проповѣдникъ возвѣщалъ не болѣе и не менѣе, какъ о томъ, что «Христосъ идетъ», «второе пришествіе наступаетъ». Онъ говорилъ увлекательно и толпа восклицала за нимъ: «Christus kommt! Gott

sei Dank! Christus kommt!» Многія суровыя лица слушателей орошались слезами; мужчины громко рыдали, женщины падали безъ чувствъ. Когда толпа стала расходиться, извнѣ послышались звуки оружія и крики. Дѣло въ томъ, что около ратуши собралась толпа еще бо́льшая, чѣмъ въ залѣ, между прочимъ, нѣсколько сотъ студентовъ. Началась свалка. Студенты бросались на женщинъ, которыя выходили изъ залы, съ хохотомъ цѣловали ихъ, говоря, что они даютъ имъ «серафимскія лобзанія» и громко кричали: «да здравствуютъ мукеры!»

Серафимскія лобзанія и мукеры — слова, имѣющія не малое значеніе въ новѣйшей исторіи прусской консервативной аристократіи. Мукеры—слово простонароднаго жаргона, выражающее понятіе о нравахъ разныхъ нечистыхъ звѣрьковъ, напр., крысъ и кроликовъ, а въ приложеніи къ людямъ высшихъ сословій—шарлатанство, развратъ и лицемѣріе. Оно родилось, какъ слѣдствіе «серафимскихъ лобзаній», которыя возникли въ первой четверти текущаго столѣтія. Въ Петербургѣ, когда министромъ народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ былъ Голицынъ, и когда мистическому вздору открыта была широкая дорога, въ инженерномъ замкѣ у г-жи Татариновой сбиралось общество образованныхъ русскихъ, пѣли мистическіе гимны и цѣловались «серафимскими лобзаніями». Это было, по всей вѣроятности, отраженіемъ того, что происходило въ Кенигсбергѣ вслѣдствіе религіознаго движенія, центромъ котораго былъ архидіаконъ Эбель, сначала учитель Закона Божія въ Фридриховой колегіи, потомъ глава одной кенигсбергской церкви, именно альтштадтской, преимущественно посѣщаемой женщинами высшаго круга. Эбель былъ съ дѣтства мечтатель и не переставалъ грезить, когда встрѣтится съ человѣкомъ, о которомъ говорили, что онъ сдѣлалъ удивительное открытіе, могущее примирить свободу съ авторитетомъ и человѣка съ Богомъ. Это былъ нѣкто Шѐнгерръ, сынъ одного благочестиваго гренадера; до пятнадцати лѣтъ онъ ничего не дѣлалъ, почти ничему не учился, но любилъ шляться по коллегіямъ, читалъ библію и задавалъ вопросы, на которые никто ему не отвѣчалъ: вскорѣ онъ бросилъ библію, найдя, что все въ ней вздоръ, и сталъ посѣщать философскія лекціи въ университетѣ, но и университетъ не удовлетворилъ его; и онъ снова пошелъ бродить по городамъ, наблюдать свѣтъ и предаваться размышленіямъ. Во время этого-то странствія онъ сдѣлалъ великое свое открытіе двойственнаго начала въ природѣ, мужского и женскаго элементовъ въ лицахъ: свѣта—мужа, животворца, и воды,—жены, питательницы. Размышляя объ этой тайнѣ природы, онъ пришелъ къ убѣжденію, что она открыта ему самимъ Богомъ, а такъ какъ тайна эта слишкомъ велика, то естественно никому другому она не могла быть открыта, какъ только избраннику Божію, и что этотъ избранникъ есть не кто иной, какъ онъ, Шенгерръ, а Шенгерръ не кто другой, какъ самъ параклетъ (духъ святой) во плоти. И пошелъ онъ проповѣдывать свое открытіе и называть себя параклетомъ, зашелъ къ Эммануилу Канту и объяснилъ ему, что все живущее состоитъ изъ свѣта и воды. «Хорошо, отвѣчалъ изслѣдователь чистаго Разума, а вы пробовали жить этимъ?» Бѣдный параклетъ не пробовалъ, но попробовалъ три дня не ѣсть, и не могъ, хотя, въ рѣдкихъ случаяхъ, конечно, человѣкъ дѣйствительно можетъ оставаться на одной водѣ до 70 дней: однако, убѣжденіе осталось при немъ, и онъ нашелъ себѣ послѣдователей, не только въ бѣдномъ рабочемъ классѣ, около котораго онъ почти исключительно держался, но и въ высшихъ сферахъ. Въ него увѣровалъ ученый Эбель, который свелъ его съ графомъ фонъ-Канищемъ и съ фрейлейнъ Минной фонъ-Дершау: въ первомъ, параклетъ призналъ немедленно апокалиптическаго ангела, во второй невѣсту агнца; Эбеля назвалъ онъ первымъ пророкомъ, а главнаго ученика своего, Дистеля — разрѣшителемъ седьмой печати. Эбель, высокій, стройный, граціозный, краснорѣчивый, мужественно призналъ съ каѳедры двойное начало въ природѣ и, въ качествѣ перваго пророка, пошелъ съ параклетомъ проповѣдовать. Въ Силезіи они привлекли на свою сторону уроженку Кенигсберга, молодую вдову, необыкновенную красавицу, Иду фонъ-деръ Гребенъ, дочь графа фонъ-Ауерсвельда, сыновья котораго, Рудольфъ и Альфредъ, сдѣлались впослѣдствіи знаменитостями въ прусской исторіи, — Рудольфъ, какъ министръ революціи 1848 г., а Альфредъ, какъ политическій вождь, не принявшій должности. Ида, натура романтическая, возвышенная, въ это время была особенно готова къ воспріятію

мистическихъ бредней, потому что тяжко тосковала по нѣжно-любимомъ ею мужѣ, который палъ на полѣ сраженія.

Ида, рѣшившаяся-было не покидать своего уединенія въ Силезіи, благодаря влеченію къ Эбелю, вернулась въ Кенигсбергъ, чѣмъ несказанно обрадовала аристократію и отца своего, который былъ оберъ-президентомъ восточной Пруссіи. Съ своей стороны, благодаря Идѣ, Эбель сдѣлался модньшъ проповѣдникомъ и разстался съ Шенгерромъ, который не могъ ужиться съ своей грубой рѣчью и грязноватой наружностью. Такимъ образомъ, онъ одинъ остался проповѣдникомъ новаго ученія, которое привлекло всю аристократію, потому что затрогивало сокровеннѣйшія чувства всякаго мужчины и всякой женщины. Онъ училъ, что истинные послѣдователи новаго евангелія не должны вступать въ бракъ, а если уже состоятъ въ законномъ союзѣ, то должны жить, какъ бы этого союза не существовало. Желаніе считалось признакомъ господства въ сердцѣ діавола, а сопротивленіе ему—благороднѣйшимъ дѣломъ христіанина. Въ новой жизни духа, законной любовью могла быть только духовная любовь. Заповѣдь Бога, данная прародителямъ — умножаться и населять землю — была признана исполненной, и въ истинной церкви святыхъ, какъ назвали себя эбеліанцы, не допускались ни рожденіе, ни смерть.

Ближе всѣхъ къ Эбелю стояли женщины; онѣ знали самыя тайныя его мысли, онѣ были его друзьями, совѣтниками, агентами; черезъ нихъ онъ дѣйствовалъ на свѣтъ. Понятно, что дамы ввели въ церковь не только женскій духъ, но и женскія воззрѣнія и привычки. Церковь сдѣлалась пріятной и изящной, богослуженіе—веселымъ и праздничнымъ; грубыхъ мужчинъ привычки были изгнаны, и женщины сдѣлались руководительницами и даже исповѣдниками мужчинъ, причемъ онѣ изощряли свое дѣятельное воображеніе въ измышленіи проступковъ, ловя прегрѣшенія, совершенныя не только дѣломъ, но и мыслью. Все эбельянское общество считало себя живущимъ жизнью въ Богѣ, совершенно отдѣльной отъ остального свѣта. Они считались братьями и сестрами, составляли одно священное семейство, живущее въ ангельской чистотѣ и съ ангельской свободой. Однимъ изъ сладкихъ вознагражденій этой жизни было преимущество обмѣниваться между собой серафимскими лобзаніями. Больше всѣхъ, конечно, этимъ правомъ пользовался Эбель, всегда окруженный красавицами, между которыми преимущественное мѣсто занимала графиня Ида; они были почти неразлучны во дворцѣ оберъ-президента, и Эбель часто при всѣхъ называлъ ее своей духовной женой. Другая красавица, Минна фон-Дершау, также сильно ухаживала за Эбелемъ и сдѣлала открытіе, которое произвело переполохъ въ женскомъ обществѣ. Дѣло въ томъ, что Эбель проповѣдовалъ близкое пришествіе Христа къ своимъ святымъ, т. е. къ эбеліанцамъ. Минна открыла, что Эбель и есть самъ Христосъ. Кому же быть невѣстой агнца? тотчасъ задали себѣ такой вопросъ женщины. На эту роль сильно разсчитывала Минна, но Ида выдала ее замужъ, а потомъ женила и самого Эбеля для того, чтобъ сдѣлать его домъ болѣе доступнымъ его знатнымъ пріятельницамъ. Конечно, для роли законной жены найдена была дѣвушка молоденькая, хорошенькая и покорная, которая отнюдь не могла мѣшать духовному соединенію новаго мессіи съ другими женщинами. Этотъ союзъ образовался такъ: графиня Ида была первой его женой, представлявшая въ отношеніи его начало свѣта; Эмилія фон-Шреттеръ была его вторая жена, представлявшая начало мрака, а третья, законная жена, представляла начало соединенія.

Долго благодушествовали святые, подъ покровомъ обер-президента, цѣловались, обнимались и укрѣпляли духъ свой противъ соблазновъ плотской красоты. Съ этою цѣлью, въ частныхъ собраніяхъ сената, во дворцѣ оберпрезидента, или въ домѣ графини фон-Каницъ, уговаривали какую-нибудь красивую женщину изъ присутствующихъ обнажить руку, ногу или плечо, дабы представить церкви наглядный примѣръ соблазновъ, которые дьяволъ ставитъ на пути человѣку. Эти уроки сопротивленія соблазнамъ простирались такъ далеко, что описаніе ихъ можетъ быть пристойно только въ медицинской книгѣ. Любопытные найдутъ это въ самой книгѣ, именно въ приложеніи, которое состоитъ изъ доноса профессора Закса. Еврей по происхожденію и религіи, прозванный Мефистофелемъ за смѣлость своего ума, циничность рѣчи и презрѣніе къ религіямъ, Заксъ крестился и вступилъ въ общество святыхъ съ тѣмъ, чтобъ получить протекцію

для занятія медицинской каѳедры въ университетѣ. Ему исторія обязана будетъ раскрытіемъ того цинизма и утонченнаго разврата, который прикрывался обрядами новой религіи, сдѣлавшейся прибѣжищемъ прусскихъ реакціонеровъ и феодаловъ.

Эбель предсказалъ, что Христосъ явится на пасху 1836 г.; предсказаніе не исполнилось, и эбельянцы подверглись насмѣшкамъ. Въ слѣдующемъ году, умеръ обер-президентъ восточной Пруссіи, графъ Ауерсвальдъ, и на его мѣсто назначенъ былъ фонъ-Шенъ, по темпераменту и направленію ума политическій противникъ мукеровъ, какъ звали либералы эбельянцевъ. Онъ, впрочемъ, не трогалъ секты, но и не защищалъ ее и не покровительствовалъ ей. Совращеніе въ секту одной дѣвушки послужило предметомъ журнальной полемики и памфлетовъ; оскорбленная сторона жаловалась въ судѣ: начался процессъ, кончившійся тѣмъ, что Эбеля лишили мѣста въ альтштадтской церкви. Во время этого-то процесса упомянутый выше Заксъ написалъ записку о мукерахъ и раскрылъ тайны ихъ. «Эбель придавалъ, говоритъ онъ, между прочимъ, большое значеніе различію состояній и общественныхъ положеній; впослѣдствіи онъ говаривалъ мнѣ и многимъ другимъ, что Христосъ имѣлъ меньше успѣха, чѣмъ онъ, ибо тому приходилось имѣть дѣло съ необразованными людьми, принадлежащими къ нисшимъ классамъ общества, тогда какъ онъ окруженъ графами, графинями и т. д.» Эбель умеръ въ 1861 году, въ красивомъ городкѣ Людвигсбургѣ, близъ Штутгардта, на рукахъ своей духовной жены, графини Иды. Предъ смертью онъ имѣлъ утѣшеніе видѣть распространеніе своего ученія въ самыхъ просвѣщенныхъ и промышленныхъ городахъ Германіи—въ Галлѣ и Гейдельбергѣ, въ Берлинѣ и Ганноверѣ, въ Дрезденѣ и Штутгардтѣ, въ Бременѣ и Альберфельдѣ. Утверждаютъ, что король Фридрихъ Вильгельмъ IV сдѣлался передъ смертью мукеромъ, и что виртембергская королева Полина также приняла ученіе кенигсбергскаго пророка.

Не такъ давно мукерство перешло въ Англію. Лѣтъ тридцать тому назадъ, нѣсколько даровитыхъ молодыхъ людей, товарищей между собою по богословской коллегіи св. Давида въ Лампетерѣ, въ графствѣ Кардиганскомъ, составили религіозное общество подъ именемъ ламнетерскаго братства. Лозунгомъ братства была молитва, все ихъ удовольствіе въ молитвѣ; въ особенности любили они Пѣснь Пѣсней Соломона, толкуя ее въ томъ духовномъ смыслѣ, который приписываютъ ей комментаторы. Съ ихъ языка не сходили цитаты изъ этой книги: «пусть онъ лобзаетъ меня лобзаніемъ устъ твоихъ», «твоя любовь мнѣ слаще вина», и проч. Руководителемъ этого братства явился Генри Джемсъ Прайнсъ, который былъ сначала докторомъ, но, съ дѣтства склонный къ благочестію и мистицизму, 26-ти лѣтъ записался въ студенты коллегіи св. Давида. По выходѣ изъ коллегіи, онъ сдѣлался священникомъ, женился на старой дѣвѣ, которая могла быть его матерью и которая никогда не была его настоящей женой. Прайнсъ не думалъ о плоти, и жилъ въ духѣ и, приходя все въ большій и большій энтузіазмъ, сталъ проповѣдовать, что второе пришествіе Христово настало, что онъ самъ есть не кто иной, какъ обѣщанный утѣшитель, что всѣ вѣрующіе должны принести въ жертву Богу все, родителей, жену, дѣтей и состояніе, главное — состояніе, ибо Прайнсу нужны были деньги; что любовь отнынѣ должна быть духовная и супружество уничтожится, какъ уничтожился ветхій Адамъ. Такая проповѣдь обратила на себя вниманіе англиканскаго духовнаго начальства, и Прайнсъ съ своими послѣдователями отрекся отъ англиканской церкви и построилъ себѣ около Спакстона, въ прелестнѣйшей странѣ, такъ-называемый Пріютъ любви или Агапемонъ. Деньги для покупки земли и постройки зданія были внесены братьями и сестрами, отчасти при помощи вымогательствъ и обмана, отчасти добровольно «Сестра Дженъ, Богу надо 50 фунтовъ. Аминь». Такъ обыкновенно писалъ Прайнсъ, и ему не отказывали. Когда уже пріютъ устроился съ достаточнымъ комфортомъ, Прайнсъ задумалъ великое таинство для того, чтобъ освободить человѣка отъ рабства тоски, скорби и смерти. «Іисусъ пришелъ въ міръ, говорилъ Диксону Прайнсъ, уничтожить дѣло дьявола въ душѣ, а я пришелъ уничтожить его во плоти. Это совершилось въ опредѣленное Богомъ время и предписаннымъ имъ способомъ; это совершилось не тайно, не взаперти, а среди бѣлаго дня, передъ толпой свидѣтелей». Прайнсъ, умершій лично для плоти и воскресшій къ жизни въ духѣ, долженъ былъ

опять принять на себя плоть во имя и властью Господа, чтобъ такимъ образомъ Богъ могъ познать тварь, а тварь могла познать Бога, во плоти; этимъ способомъ всѣ люди получали возможность спастись, спасти не только души свои, но и тѣла, такъ что весь человѣкъ, какъ онъ есть, очищался отъ грѣха, вступалъ въ благодать и навѣки сливался съ единымъ святымъ, то-есть съ искупителемъ — Прайсомъ. Для этого процесса требовалась дѣвственница, невѣста агнца, юная, прекрасная и непорочная. И Прайсъ возвѣстилъ, что властью божіей возьметъ себѣ въ жены такую дѣвственницу, сочетается съ нею, какъ женихъ съ невѣстой, не въ страхѣ и стыдѣ, не въ тайномъ мѣстѣ, не за запертыми дверями, а открыто, среди бѣлаго дня, въ присутствіи всѣхъ святыхъ, мужчинъ и женщинъ. Онъ говорилъ, что Богу угодно, чтобы онъ взялъ эту дѣвственницу добровольно, въ силу своей верховной власти, ни у кого не спрашивая согласія, особенно у самой избранной. Въ назначенный день и часъ это великое таинство дѣйствительно совершилось въ церкви, среди святыхъ, которые безмолвно и благоговѣйно созерцали... Избранная, миссъ Патерсонъ, покорилась безъ ропота. Однако, этотъ скандалъ не обошелся даромъ Прайсу: нѣкоторые святые вышли изъ пріюта и, что особенно прискорбно было, взяли свои деньги. Мало этого, миссъ Патерсонъ родила ребенка, чѣмъ Прайсъ былъ повергнутъ въ величайшую тоску и отчаяніе; вскорѣ, впрочемъ, онъ утѣшился и убѣдилъ святыхъ, что ребенокъ этотъ — послѣдняя штука дьявола, который отнынѣ уже навсегда изгнанъ съ земли.

Святые обратили свою бывшую церковь въ въ биллiярдную и живутъ съ комфортомъ; іерархія у нихъ апокалиптическая: около Прайса состоятъ «два единые помазанные», «невѣста агнца» и проч.; шпіонство сильно развито у святыхъ: они постоянно наблюдаютъ другъ за другомъ, подслушиваютъ, такъ что вдвоемъ никому нельзя остаться. Всѣхъ ихъ человѣкъ до шестидесяти, въ томъ числѣ нѣсколько хорошенькихъ женщинъ.

Въ началѣ тридцатыхъ годовъ, обнаружилось сильное религіозное движеніе въ нѣкоторыхъ округахъ штата Нью-Іорка и Массачузета и затѣмъ распространилось на сотню городовъ и тысячи деревень Соединенныхъ Штатовъ. Подъ вліяніемъ какого-то внезапнаго внутренняго побужденія, люди весьма приличные и уважаемые принялись толковать о томъ, что пришествіе Господа близко, и что надо готовиться къ встрѣчѣ его; церкви стали растворяться ежедневно и были наполнены грѣшниками, умолявшими Бога о помилованіи; движеніе росло такъ быстро, что въ церквахъ недоставало мѣста: стали всюду нанимать помѣщенія: школы, бальныя залы, даже театры превращались въ церкви. Въ сельскихъ округахъ для молебствій устраивались лагери; сотни незваныхъ бродячихъ проповѣдниковъ, мужчинъ и женщинъ, открыли походъ противъ сатаны и плоти. Законное духовенство было признано лживымъ, христіанская церковь отжившею. Основалась новая церковь Паулинская, раздѣлившаяся на двѣ вѣтви: центромъ одной былъ Манліусъ въ штатѣ Нью-Іоркъ, а ея учителемъ преподобный Гирамъ Шельдонъ; центромъ другой служила яльсская коллегія въ Коннектикутѣ, потомъ Петней въ Вермонтѣ, а наставникомъ его былъ препод. Джонъ Нойесъ. Паулинская церковь объяснила свое основаніе цѣлымъ рядомъ видѣній, внушеній и внутреннихъ откровеній св. духа. Она учила, что человѣкъ можетъ достигнуть совершенства и сдѣлаться неспособнымъ грѣшить, и что всего этого уже достигли ея основатели. Зимою 1834 г., на митингѣ въ Манліусѣ, послѣдователи Нойеса и Шельдона приняли названіе «святыхъ» и возвѣстили свое отреченіе отъ стараго міра, которое прежде всего должно было выразиться въ избраніи каждымъ своего рая и своей Евы; когда начался этотъ выборъ, то почти никто изъ святыхъ не нашелъ рая въ своемъ домѣ и Евы въ своей женѣ, несмотря на то, что поиски за чужими женами обходились святымъ иногда очень дорого: были примѣры, что простые смертные, не желавшіе присоединяться къ святымъ и видѣвшіе въ ихъ поискахъ за Евами только нарушеніе доброй семейной нравственности, раздѣвали святыхъ до нага, вымазывали ихъ дегтемъ, вываливали въ пуху и въ такомъ видѣ сажали на заборы. Впрочемъ, направленіе паулинской церкви было сначала ближе къ аскетизму, чѣмъ къ вольной жизни. Проповѣдники и въ особенности проповѣдницы рекомендовали духовные союзы, которые ограничивались бы только лобзаніями и такъ-называемыми «ухватками», да и то послѣднія допускались только какъ средство

КНИЖНАЯ РУССКАЯ ТОРГОВЛЯ.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ А. Ѳ. БАЗУНОВА.

На Невскомъ Проспектѣ, № 30.

Въ теченіи апрѣля поступили вновь слѣдующія книги:

СТОЛБЫ. Старая погудка на новый ладъ. Изд. В. Крылова. Спб. 1869 г. Ц. 1 р.

БОГЪ ВЪ ПРИРОДѢ, по Камиллу Фламмаріону. Изд. подъ редакціей М. Чистякова. Спб. 1869 г. Цѣна 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 80 коп.

ЧЕЛОВѢКЪ, КАКЪ ПРЕДМЕТЪ ВОСПИТАНІЯ. Опытъ Педагогической Антропологіи. К. Ушинскаго, т. 2-й, Спб. 1869 г. Цѣна 2. р. съ пер. 2 р. 50 к.

ОБЩЕСТВЕННОЕ ВОСПИТАНІЕ И ОБРАЗОВАНІЕ ВЪ РОССІИ. Записки объ Училищѣ правовѣдѣнія, съ критическими на нихъ замѣчаніями и съ объясненіями, ими вызванными. П. У. Спб. 1869 г. Цѣна 1 р. 50 к. съ пер. 1 р. 80 к.

РИМСКІЕ ПАПЫ, ихъ церковь и государство въ XVI и XVII столѣтіяхъ, соч. Л. Ранке. 2 части, съ подпискою на 2-й томъ. Переводъ съ нѣмецкаго. Спб. 1869 г. Цѣна за два т. 5 р. съ пер. 5 р. 80 к.

ГОЛОСЪ ИЗЪ ЗЕМСТВА Выпускъ I-й. А. Кошелева, въ пользу сельскихъ школъ Сапожковскаго уѣзда. М. 1869 г. Цѣна 1 р. 50 к.

ЗАПИСКИ О СОВРЕМЕННЫХЪ ВОПРОСАХЪ РОССІИ. Составленныя г. Налеологомъ, выпускъ I. Спб. 1869 г. Цѣна 2 р. съ пер. 2 р. 30 к.

КАРМАННАЯ КНИЖКА сравнительной статистики (сравнительнаго описанія) Россіи, съ картою промышленности и желѣзныхъ дорогъ Европейской Россіи. Сост. П. В. Павловъ. Спб. 1869 г. цѣна 50 к. съ пер. 70 к.

СБОРНИКЪ УЗАКОНЕНІЙ, постановленій и распоряженій, касающихся полиціи, изд. В. Н. Леонтьева. Спб. 1869 г. Цѣна 3 р. 50 к. съ пер. 3 р. 80 к.

ДРЕВНОСТИ. Труды московскаго археологическаго общества, подъ редакціею К. Крейца, секретаря общ. т. 2-й, выпускъ 1-й, съ 4-мя хромолитографическими снимками и 10-ю политипажами. М. 1869 г. Ц. 2 р. съ пер. 2 р. 40 к..

СОЧИНЕНІЯ Д. Н. ПИСАРЕВА. Часть 10-я, съ портретомъ автора. Спб. 1869 г. Ц. 1 р. съ пер. 1 р. 30 к.

БЕСѢДЫ на пути изъ Европы въ Америку. Соч. Д-ра Шубарта. Чтеніе для дѣтей старшаго возраста. Переводъ съ нѣмецкаго М. 1869 г. Ц. 1 р. съ пер. 1 р. 30 к

ОЧЕРКЪ сѣверной и южной системъ золотыхъ промысловъ Енисейскаго округа и описаніе американскаго способа промывки золота. Состав. дѣйствит. членъ имп. Географ. общ. Н. В. Латкинъ, съ картою, планомъ золотопромывальной машины и видомъ работъ американскимъ способомъ. Спб. 1869 г. Ц. 1 р. 25 коп. съ пер. 1 р. 50 к.

Моск... библіотеки

ЗАПИСКИ Императорскаго русскаго географическаго общества по общей географіи (отдѣленіе географіи — физической и математической), томъ 2-й, подъ редакціею Н. Семенова. Спб. 1869 г. Ц. 2 р. съ пер. 2 р. 50 к.

СБОРНИКЪ законодательныхъ работъ по составленію Воинскаго устава о наказаніяхъ. Спб. 1869 г. Ц. 2 р. 50 к. съ пер. 3 р.

РУССКІЙ МІРЪ, для чтенія и упражненія въ русскомъ языкѣ дома и въ училищѣ, сост. А. Ивановъ. 2 тома. М. 1869 г. Цѣна 1 р. 50 к. съ пер. 2.

ТЕРАПЕВТИЧЕСКІЯ НОВОСТИ, сост. д-ръ Гезеліусъ. Спб. 1869 г. ц. 1 руб. 50 к. съ пер. 1 р. 80 к.

О СТРОЕНІИ ВѢКЪ нѣкоторыхъ домашнихъ животныхъ и преимуществ. о трахомѣ у человѣка, д-ра П. Блумберга, съ таблицей. Спб. 1869 г. ц. 50 к. съ пер. 80 коп.

СИСТЕМАТИЧЕСКІЙ КАТАЛОГЪ
РУССКИМЪ КНИГАМЪ,

продающимся въ книжномъ магазинѣ

Александра Ѳедоровича Базунова.

Съ указаніемъ 19,700 критическихъ статей, рецензій и библіографическихъ замѣтокъ, касающихся книгъ, помѣщенныхъ въ каталогѣ и извлеченныхъ изъ всѣхъ періодическихъ изданій и сборниковъ, вышедшихъ въ свѣтъ съ 1825 года до 1869 г. а также болѣе 400 указаній переводовъ русскихъ сочиненій на иностранные языки, вышедшихъ отдѣльными изданіями. Въ концѣ книги приложенный алфавитный указатель составилъ *В. Межовъ*. Спб. 1869 г. 8°, болѣе 1000 стр. 64 листа. Цѣна 2 р. 25 к. съ пересылкою 2 р. 50 к.

КНЯЗЬ СЕРЕБРЯНЫЙ

повѣсть временъ Іоанна Грознаго.

Гр. А. К. Толстаго.

Второе изданіе. С.-Петербургъ. 1869. Цѣна 1 руб. 50 коп.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Матеріалы для новой исторіи Кавказа, съ 1722 по 1803 годъ. *П. Г. Буткова.* Три части. Съ хронологическимъ и алфавитнымъ указателемъ, состав. Л. Броссе. Спб. 1869. Стр. 545, 601 и 620. Ц. 6 руб.

Покойный академикъ П. Г. Бутковъ, авторъ «Обороны лѣтописи русской», при своемъ долголѣтнемъ и крайне разнообразномъ поприщѣ, могъ оставить большую массу документовъ и матеріаловъ, любопытныхъ для нашей исторіи конца прошедшаго и начала нынѣшняго вѣка, такъ какъ въ 1801 г. онъ былъ уже правителемъ канцеляріи при Кноррингѣ, когда присоединилась Грузія къ Россіи. Всѣ его бумаги были вдовою переданы Академіи Наукъ, и послѣ разбора ихъ особою Коммиссіею, Академія нашла полезнымъ издать матеріалы къ новѣйшей исторіи Кавказа. Но эти матеріалы, почти всѣ печатные, и притомъ интересъ и важность ихъ содержанія далеко не достигаютъ высоты необычайнаго труда и ученой добросовѣстности, съ которою гг. Куникъ и Броссе выполнили возложенную на нихъ Академіею задачу. «Списокъ» печатныхъ и нѣкоторыхъ рукописныхъ сочиненій, служившихъ Буткову источникомъ, и хронологическій «Перечень» событій исторіи Кавказа, составленные издателями и занимающіе собою почти весь первый томъ, около 500 страницъ, несравненно болѣе полезны для будущихъ историковъ Кавказа, нежели самые матеріалы Буткова.

Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія. Опытъ педагогической антропологіи. *К. Ушинскаго.* Т. II. Спб. 1869. Стр. 516. Ц. 2 руб.

Съ небольшимъ годъ тому назадъ, мы указывали на начало обширнаго и замѣчательнаго труда К. Н. Ушинскаго, въ которомъ онъ ограничился въ своей педагогической антропологіи анализомъ сознанія; второй, нынѣ вышедшій томъ посвященъ анализу процессовъ чувствованія и воли. Но анализъ остальныхъ духовныхъ особенностей, составляющихъ отличительную черту психической жизни человѣка — отложенъ авторомъ до третьяго и послѣдняго тома. Путь автора уже извѣстенъ: онъ старается обойти крайности идеальной и позитивной философіи, ставя факты психическаго самонаблюденія наравнѣ съ фактами наблюденія надъ внѣшнею природою человѣка. Можно оспаривать автора въ его основаніи: media tutus ibis; но историческая сторона его труда, знакомящая насъ съ разнообразными теоріями по каждому отдѣльному процессу чувствованій и воли, осталась бы огромною заслугою К. Н. Ушинскаго въ глазахъ общества, обладающаго несравненно болѣе богатою философскою литературою. Искренно желаемъ почтенному автору съ тою же энергіею неутомимо преслѣдовать свой обширный трудъ до конца, какъ онъ его началъ и продолжаетъ до сихъ поръ.

Исторія адвокатуры у древнихъ народовъ. *А. Стоянова.* Харьковъ, 1869. Стр. 139.

Изслѣдованіе адвокатуры въ ея всемірномъ значеніи — такова общая задача, которую поставилъ себѣ проф. Стояновъ. Послѣ краткаго обзора процесса въ древнихъ восточныхъ деспотіяхъ, гдѣ собственно его не было да и не могло быть, и въ Греціи, гдѣ, при всей аѳинской любви къ процессамъ, форма защиты представляетъ одно подобіе адвокатуры, авторъ останавливается главнымъ образомъ на Римѣ и показываетъ намъ, какова была тамъ роль адвокатуры въ лучшія времена республики, и во что выродилось это учрежденіе подъ рукою префектовъ, въ эпоху цезарей. Слѣдующій выпускъ авторъ обѣщаетъ посвятить спеціальному изложенію исторіи французской адвокатуры.

Столбы. Старая погудка на новый ладъ. Изд. В. Крылова. Спб. 1869. Стр. 208. Ц. 1 руб.

Въ заграничной литературѣ мы часто встрѣчаемся съ беллетристическими произведеніями, которыя посвящены комментированію, въ самой популярной формѣ, различныхъ явленій общественной жизни, отражающихся съ особенною ясностью въ процессахъ. Межевые столбы, при новомъ положеніи крестьянъ, должны были играть большую роль въ жизни нашего уѣзднаго общества, и авторъ настоящаго разсказа воспользовался, можетъ быть, какимъ нибудь случаемъ изъ исторіи этихъ «столбовъ», чтобы нарисовать намъ будничную картину сельской жизни, въ которой очень часто встрѣчаются на новый ладъ — старыя погудки. Живое изображеніе авторомъ лицъ и событій производитъ иногда полное впечатлѣніе дѣйствительности.

Десять лѣтъ изъ жизни редактора журнала. Разсказъ въ діалогахъ, въ 4-хъ эпохахъ и 5-ти частяхъ. Спб. 1869. Стр. 205. Ц. 1 руб.

Въ предисловіи къ этому фантастическому произведенію, авторъ открываетъ свою рѣчь латинскою цитатою съ переводомъ: «Живи (или пиши) честно, никого не обижай, воздавай каждому свое». Прочтя эту книжечку, мы можемъ пока спросить себя: зачѣмъ же авторъ написалъ настоящее свое произведеніе, когда ему такъ хорошо извѣстно мудрое изрѣченіе римлянъ, рекомендующее жить (или писать) честно и никого не обижать? Но уже давно сказано: Scio meliora proboque, deteriora tamen sequor! Знать наизусть латинскія пословицы легче, чѣмъ быть моралистомъ на дѣлѣ. Впрочемъ, основательнѣе предостеречь читателей отъ этого рода литературы, мы отложимъ до другого раза.

ПРАВИЛА ПОДПИСКИ
НА „ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ."

1. Подписка принимается только на годъ (допущенная въ началѣ года полугодовая подписка прекращается съ 1-го апрѣля; но подписавшіеся на первое полугодіе удерживаютъ за собою право возобновить въ іюнѣ подписку на второе полугодіе): 1) *безъ доставки*—14 руб.;—2) *съ доставкою на домъ въ Спб. по почтѣ*, и *въ Москвѣ, чрезъ кн. маг. И. Г. Соловьева* — 15 руб.; 3) *съ пересылкою* въ губерніи и въ Москву, по почтѣ — 17 рублей.

2. *Городскіе подписчики въ Спб.*, желающіе получить журналъ съ доставкою, обращаются въ Контору Редакціи, и получаютъ билетъ, вырѣзанный изъ книгъ Редакціи; при этомъ, во избѣжаніе ошибокъ, просятъ представлять свой адресъ письменно а не диктовать его, что бываетъ причиною важныхъ ошибокъ. — Желающіе получать безъ доставки присылаютъ за книгами журнала, прилагая билетъ для помѣтки выдачи.

3. *Городскіе подписчики въ Москвѣ*, для полученія журнала на домъ, обращаются съ подпискою въ кн. магазинъ И. Г. Соловьева, и вносятъ только 15 рублей; желающіе получать по почтѣ адрессуются прямо въ Редакцію, и присылаютъ 17 рублей.

4. *Иногородные подписчики* обращаются: 1) *по почтѣ*, исключительно въ Редакцію, и при этомъ сообщаютъ подробный адресъ съ обозначеніемъ: имени, отчества, фамиліи и *того почтоваго мѣста*, съ указаніемъ его губерніи и уѣзда, (если то не въ губернскомъ и не въ уѣздномъ городѣ), куда можно прямо адрессовать журналъ, и куда полагаютъ обращаться сами за полученіемъ книгъ; — 2) *лично*, или чрезъ своихъ коммиссіонеровъ въ Спб., въ Контору, открытую для городскихъ подписчиковъ.

Подписка въ Почтовыхъ Конторахъ не допускается.

5. *Иностранные подписчики* обращаются: 1) *по почтѣ* прямо въ Редакцію, какъ и иногородные; 2) *лично*, или чрезъ своихъ коммиссіонеровъ въ Спб., въ Контору для городскихъ подписчиковъ, внося за экземпляръ съ пересылкою: *Пруссія* и *Германія* — 18 руб.; *Бельгія*—19 руб.; *Франція* и *Данія*—20 руб.; *Англія, Швеція, Испанія* и *Португалія* — 21 руб.; *Швейцарія* — 22 руб.; *Италія* и *Римъ* — 23 рубля.

6. Въ случаѣ неполученія книги журнала, подписчикъ препровождаетъ жалобу прямо въ Редакцію, съ помѣщеніемъ на ней свидѣтельства мѣстной Почтовой Конторы и ея штемпеля. По полученіи такой жалобы, Редакція немедленно представляетъ въ Газетную Экспедицію дубликатъ для отсылки съ первою почтою; но безъ свидѣтельства Почтовой Конторы, Газетная Экспедиція должна будетъ предварительно спроситься съ Почтовою Конторою, и Редакція удовлетворитъ только по полученіи отвѣта послѣдней.

7. «Вѣстникъ Европы» выходитъ перваго числа ежемѣсячно, отдѣльными книгами, отъ 25 до 30 листовъ: два мѣсяца составляютъ одинъ томъ, около 1000 страницъ — шесть томовъ въ годъ. Для городскихъ подписчиковъ и получающихъ безъ доставки, книги сдаются въ Контору и на Городскую Почту въ день выхода книги, а для иногородныхъ и иностранныхъ — въ теченіи первыхъ пяти дней мѣсяца.

8. Городскимъ подписчикамъ журналъ доставляется въ глухой обложкѣ безъ адресовъ; иногороднымъ въ такой же обложкѣ съ адрессами; иностраннымъ — въ бандероляхъ съ адрессами.

М. Стасюлевичъ
Издатель и отвѣтственный редакторъ.

РЕДАКЦІЯ «ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ»:
Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Невскій просп., 30.

☞ Редакція проситъ выславшихъ подписную сумму на 1869 годъ, по прежнимъ объявленіямъ, а именно 16 рублей, дослать ей одинъ рубль для передачи его Почтамту. ☜